ЕВГЕНИЙ ШИНАКОВ

Древняя Русь

ОТ «ВОЖДЕСТВ» К РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ IX—XI ВЕКА

Table of Contents

Annotation
Евгений Шинаков Древняя Русь. От «вождеств» к ранней государственности. IX–XI века
Введение
Глава I Методология
1. Этапность древнерусского государствогенеза в политико-антропологическом аспекте
2. Типология форм государственности
3. Тип элитных воинских формирований как признак форм государственности
4. Механизмы государствогенеза и их применение к процессу образования Древнерусского государства
Глава II Историографические замечания
1. Типы (социальная основа) государственности в отечественной литературе конца XX в
2. Вопрос о социальной сущности и механизмах образования Древнерусского государства в отечественной историографии последней четверти XX в.
3. Образование Древнерусского государства: политикоантропологический и сравнительно-типологический аспекты
4. Вопрос о «дружинном государстве»
5. Историографические тенденции начала XXI в
6. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии
Глава III Источники
1. Анализ письменных источников в контексте компаративизма
2. Археологические и иные вещественные источники как основа для реконструкции содержания этапов процесса государствогенеза
3. Комплексный анализ источников событий середины X в. на Руси, в Причерноморье и на Кавказе
Глава IV Процесс
1. Регионально-типологический аспект процесса государствогенеза
2. Происхождение «руси» и причины начала государствогенеза
3. Этап «сложных вождеств»: от Рюрика до Ольги
4. На пути к ранней государственности
5. Консолидация государства
Заключение
Список литературы
Примечания
1
2

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47

48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92

93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137

138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182

183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227

228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251

Annotation

Книга известного археолога и историка доктора исторических наук Е.А. Шинакова посвящена одной из ключевых для истории России тем — образованию Древнерусского государства. Исследование базируется на комплексе источников — как письменных (русских и иностранных), так и вещественных (археологических и нумизматических), а также сравнительно-этнографических. Используются методология политической (социокультурной) антропологии, компаративистский подход, статистико-комбинаторные методы. Главный вывод книги: образование Древнерусского государства — не единовременный акт (призвание Рюрика или присоединение Олегом Киева), а растянувшийся на двести лет процесс, прошедший с IX по XI век в три этапа, содержание которых и анализирует автор.

Издание предназначено не только для специалистов и студентов, но и широкого круга читателей, интересующихся первыми страницами истории русского народа, Древнерусского государства.

Евгений Шинаков

Древняя Русь. От «вождеств» к ранней государственности. IX–XI века

Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его на веки веков...

М.П. Погодин

Государственная организация сложилась раньше, чем мог создать ее процесс внутреннего экономического развития...

П.Н. Милюков

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© «Центрполиграф», 2025

Введение

«Монография Е.А. Шинакова посвящена одной из традиционных, но по-прежнему чрезвычайно актуальных тем в отечественной историографии — образованию и становлению древнерусской государственности. Сам автор определяет актуальность своего исследования в двух отношениях: во-первых, введением в научный оборот в последнее время новых категорий и видов источников; во-вторых, использованием достижений современной политической антропологии и этнографии, прежде всего концепций зарубежных („немарксистских“) исследователей». Эта оценка 1-го издания нашей монографии «Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект» (Брянск, 2002) была сделана в 2006 г. в рецензии А.В. Майорова[1]. Другая ее оценка прозвучала ранее в «Предисловии» к этому изданию, написанному С.П. Щавелевым: «Эта работа отличается тем, что представляет собой едва ли не первый за последние десятилетия *опыт системной теории и истории начала отечественной государственности»*[2]*.*

Со стороны (но — специалистов!) — виднее. Единственно, что уже в те годы существовали (и отражены в монографии) концепции и отечественных ученых, основанные на методологии и положениях политической антропологии и сравнительной этнологии. Другое дело,

что к тому периоду лишь единицы (прежде всего Е.А. Мельникова) применяли их к древнерусскому государствогенезу. К настоящему времени системно прилагать их к процессу политогенеза русского и других народов России и Восточной Европы (прежде всего кочевых) стали уже несколько исследователей (кроме автора): например, В.В. Пузанов, Н.Н. Крадин. ИВИ РАН даже были проведены специальные конференции, посвященные проблеме применения методологии, методики и понятийного аппарата политической (социокультурной) антропологии к российским средневековым реалиям, а также выпущены сборники статей[3].

За 10 лет, прошедших после выхода в свет 2-го издания монографии (М., 2009), было опубликовано еще несколько концептуально-обобщающих монографических исследований по истории Древней Руси, принадлежащих перу разных ученых[4]. Однако список их авторов почти не пополнился в сравнении с теми, с кем автор полемизировал в «Предисловии» ко 2-му изданию (Шинаков, 2009) и, самое главное, чьи взгляды не претерпели существенных изменений (как, впрочем, и у самого автора). Многие из них имеют прямое отношение к обсуждению текста нашей докторской диссертации или написанной в значительной мере (хотя и далеко не полностью) на ее основе первой обобщающе-теоретической книги автора, а также к ее последующему рецензированию. Это — И.Я. Фроянов, В.Я. Петрухин, В.В. Пузанов, А.А. Горский, А.В. Майоров, А.З. Винников. К сожалению, нет в этом списке авторов новейших монографий по Древней Руси, как и того, кто в очень большой степени, хотя и был официальным оппонентом, помог нам в подготовке диссертации именно в духе компаративизма (ставшего, заметим, одним из главных направлений исторических исследований в XXI в.) — Г.С. Лебедева, безвременно ушедшего в 2002 г. Замечания этих авторов носили конструктивный и полезный характер, и на некоторые из них, связанные с иным концептуальным подходом к процессу государствогенеза в целом, автор уже ответил в «Предисловии» ко 2-му изданию в духе корректной полемики, а другие были нами в этом же издании и последующих работах с благодарностью учтены. Нельзя этого сказать, однако, о «замечаниях» и даже наставлениях только одного автора, с которыми не позволяет согласиться сам контекст источников, причем взятых комплексно, а не избирательно. Именно поэтому рассмотрению не только самих (в общем, немногочисленных) замечаний этого ученого (ни фамилии, ни самих замечаний мы здесь повторять не будем из соображений корректности), но и уровню его методических подходов в авторском «Предисловии» нами было уделено 8 страниц (С. 9–17) — больше, чем любому из конструктивных критиков. Это объясняется тем фактом, что вопрос «об этнической природе варягов», который, как понятно большинству специалистов по древнерусской истории, на сегодняшнем уровне научных знаний окончательно и однозначно

решить невозможно, а с точки зрения процессуально-этапного антропологического подхода к проблеме государствогенеза — и не столь актуально, как раз и интересует более широкие круги историков, тем более читателей в целом.

Выходят монографии и у сравнительно «молодых» авторов, однако они пока не концептуальны, но, как отмечал в «Предисловии» еще к 1-му изданию нашей монографии (2002 г.), характеризуя состояние историографии на тот период, доктор философских наук С.П. Щавелев, «рассматривают Русь сквозь призму какой-то одной, пусть и очень важной проблемы» (Шинаков, 2002. С. 5). Здесь можно отметить работы Е.В. Пчелова (Пчелов, 2010), П.С. Стефановича (Стефанович, 2012), Д.А. Боровкова (Боровков, 2016), В.А. Волкова (Волков, 2016; 2017)[5]. Наоборот, слишком широко рассматривают проблему А.Н. Поляков — «Киевская Русь как цивилизация» (Оренбург, 2010) или Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец — «Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. Т. IV. Истоки и вершины восточнославянской цивилизации» (М., 2008). Впрочем, не претендуя на полноту историографического обзора, отметим, что этим список новых или интересных работ, безусловно, не исчерпывается. Тем более что мы не затронули работы наших белорусских и украинских коллег, археологические, нумизматические, лингвистические, геральдические, эпиграфические, историко-культурологические, историко-правовые, источниковые, историографические и другие специальные исследования (по исторической этнографии, налогам, семейным отношениям и т. д.). Однако последние чаще носят узкоспециальный характер, освещая только один аспект государствогенеза, или же если и весь его процесс, то только под определенным углом зрения, по данным конкретной категории неписьменных источников, чаще всего — локально ограниченных.

Что касается современной белорусской и украинской историографии, то мы, к стыду своему, должны признаться, что в последние годы не уделяли им того внимания, которого они заслуживают. Работы наиболее ярких их представителей по общерусской (или хотя бы южнорусской) тематике 90-х гг. XX в. и начала XXI в. освещены в «Историографических замечаниях» во 2-м издании нашей монографии. Относительно же начальных десятилетий XXI в. украино-белорусская историография еще ждет своего исследователя. Отметим только обобщающий труд В.Н. Темушева, вышедший в Москве в 2014 г., так как его название частично совпадает с нашей работой: «Образование Древнерусского государства». Впрочем, небезынтересно отметить взгляды ведущих украинских археологов и историков Древней Руси А.П. Моци и П.П. Толочко на процесс создания ее государственности, отраженные в докладах на международных конференциях 2010, 2012 (Брянск) и 2014 (Коростень) годов. Первым автором противопоставляется южная, Киевская «Русь» и

северная «Росия» (первоначально, в X в. — «внешняя Росия»), притом что центром русского государствообразования изначально был Киев. По сути, это возвращение к «поляно-русской теории Грушевского — Рыбакова» без дополнительных аргументов. Более осторожен второй автор — П.П. Толочко, говоря об изначальном полицентризме древнерусской государственности и отрицая роль варягов и Рюрика в ее создании тем, что постулируется наличие «племенного этапа государственности» еще до их призвания[6][7].

Если обратиться к историографии древнерусского государствогенеза в дальнем зарубежье, то в издании 2009 г. эти исследователи упоминались лишь в контексте конкретных теорий, созданных еще русскими учеными (в основном В.О. Ключевским и Г.В. Вернадским). Отметим, что среди них много выходцев из славянских стран или их прямых потомков — Д. Оболенский, А. Соловьев, О. Прицак, В. Дучко, Дж. Линд, Р. Пайпс. О. Прицак, впрочем, вновь стал украинским, а В. Дучко польским ученым, зато, например, Ф. Андрощук, один из первых учеников А.П. Моци, из украинского ученого сравнительно недавно стал шведским. Есть еще, конечно, «классики» англоязычной русистики — С. Франклин и Дж. Шепард, чья совместная монография («Начало Руси. 750–1200») в конце 1990-х гг. была даже переведена на русский язык (до них этой чести удостоились лишь Г.В. Вернадский, Д.Д. Оболенский и Р. Пайпс). Кроме них, в связи с «городовой теорией», упоминался ряд немецких авторов (Х. Рюсс, Д. Мюле, Г. Шрамм) — вот, собственно, и все. В настоящей книге взглядам англо-американских авторов на процесс государствогенеза посвящен отдельный раздел. Связано это с явно возросшим в XXI в. интересом русистики (прежде всего американской) к Древнерусскому государству, включая и проблему его образования.

У самого автора после публикации 2-го издания в 2009 г. вышло еще несколько книг, но часть из них — по регионально-военной истории и археологии. Собственно к историко-антрополого-древнерусской тематике относятся только две небольшие публикации, при этом еще и коллективные (совместные с нашими учениками — А.В. Федосовым, А.С. Ерохиным и А.Е. Ващейкиным)[8]. Авторский вклад в них состоит в основном из ранее не публиковавшихся частей докторской диссертации, посвященных истории, теории и методологии политической антропологии, а также — в виде кратких очерков — их практическому применению к русскому государствогенезу этапов вождеств и раннего государства. Однако методологические основы, методика исследований, главные положения основной монографии автора и лежащей в их основе докторской диссертации не опровергнуты и даже получили дальнейшее развитие и подтверждение благодаря введению в оборот новых археолого-нумизматических материалов, применению компаративных и статистико-комбинаторных методик (прежде всего корреляционного и контент-анализа),

сравнительно-типологического подхода ко все большему количеству исторических и археологических объектов. Сохраняется в этой связи возможность и необходимость переиздания отдельных частей «старых», но не устаревших монографий в неизменном виде. Однако, поскольку с момента их выхода автором разработано много новых конкретных аспектов процесса древнерусского государствогенеза, только частично введенных в научный оборот в форме статей, материалов докладов на конференциях и археологических отчетов, потребовалось и обновление текста за их счет, притом что основные взгляды автора не претерпели существенных изменений.

Рассмотрим последовательно, какие части новой книги «перекочевали» из «старых» монографий, а какие являются новыми, хотя ранее частично и опубликованными в форме статей. Абсолютная новизна относится к **главе 1** — «Методология». В нее вошли ранее почти не публиковавшиеся материалы, использовавшиеся при подготовке докторской диссертации (хотя и здесь — далеко не все), в том числе и те, которые в ее основной текст не вошли. Некоторые были опубликованы ранее, но отдельными статьями и даже тезисами, в том числе свыше десятка — на английском языке и в электронном варианте. Целостная же методологическая основа исследования, особенно применительно к Древней Руси, создается впервые.

В главе 2 — «Историографические заметки» — существенных изменений не произошло, так как ни взгляды автора на предшествующую историографию не изменились, ни, собственно, и концепции современных авторов (не говоря уже о тех, чья научная деятельность осталась в прошлом). Добавился § 6 «Начало государства в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии», являющийся своеобразной реакцией на замечания тех из оппонентов, которые «требуют» категоричного ответа на вопрос: когда же конкретно (желательна дата) «еще не государство» стало «подлинным государством»? Указанный раздел подготовлен нами совместно с А.В. Федосовым, более же подробные данные об англо-американской историографии вопроса см. в совместной с ним статье[9]. В данную книгу не вошло историко-полемическое «Введение» ко 2-му изданию, посвященное ответам на замечания к 1-му изданию, поскольку было актуально лишь на тот период.

Из **главы 3** («Источники») исключены, по сравнению с предшествующими монографиями, несколько разделов: практически полностью § 1 («Общий обзор источников…»). § 3 («Иные источники о славянах и русах…»), § 4 («Иностранные источники…»). Не только не сокращены, но даже расширены, однако абсолютно переструктурированы § 6 («Реалии второй половины X — начала XI в.: возможные источники описания…») и § 7 («Обзор неписьменных источников»), Произошло это за счет проведенных автором работ по

анализу некоторых литературно-фольклорных образов, событий и явлений на основе комплексного компаративного анализа разных категорий, типов и видов источников. Сделано это было потому, что обзор источников — не самоцель, а средство, обоснование методики для повышения объективности последующего анализа и усиления степени доказательности его выводов. Из § 5 («Отечественные источники и их взаимоотношение с иностранными») оставлен только контент-анализ именников преамбул договоров руси с греками, а все, что касается Олега Вещего, исключено, но лишь для того, чтобы в сравнительно-историческом расширенном варианте появиться в отдельном большом разделе «Х-л-гв, Олег Вещий и другие: сравнительный контент-анализ образов», в котором были комплексно использованы не только отечественные, но и хазарские, мусульманские, византийские и скандинавские письменные источники, а также такие фольклорно-эпические, как песни «Эдды» и русские былины, что компенсировало удаление отдельного параграфа по указанным типам источников. Болгарские источники задействованы в разделе «Болгарский след в „Сказании о Вещем Олеге“» (впервые он опубликован в Болгарии еще в 2006 г., но в России издается впервые). В неизмененном виде, как полностью оправдавший себя за прошедшие полтора десятка лет (вопреки «критике» В.В. Фомина), перенесен из «старых» монографий раздел «Харальд, Ольга и другие — общие черты повествований» о сопоставлении «обрамления» образов Харальда Сурового и Ольги. Это же можно сказать и о разделе «Корреляционный контент-анализ понятий „славяне “ и „русы“ в восточных источниках 1-й традиции», который в прежних монографиях составлял отдельный параграф. Единственное отличие в том, что его методика и выводы оправдали себя за куда больший срок: это был первый опыт автора (1986–1987 гг.) по применению корреляционного контент-анализа к письменным источникам (ранее мы использовали его только в сфере археологической типологии).

Что касается § 7 «Неписьменные источники» (названного в новой книге «Археологические и иные вещественные источники»), то он обновлен полностью и состоит из трех разделов. Раздел «А» посвящен использованию археологических и нумизматических источников для подтверждения, опровержения или дополнения и уточнения конкретного события, а точнее, взаимообусловленной череды событий 40-х гг. (возможно, и более ранних) X в. и их ближайших последствий, предварительно реконструированных на основе комплексного компаративного анализа разных типов письменных источников. Раздел «Б» содержит данные об особом типе археологических памятников, характерных не только для Руси, но, например, и Дании, однако только для одного этапа государствогенеза — перехода от «сложных вождеств» к раннему государству с помощью военных механизмов. В разделе «В» прослеживается специфика зависимости размещения

археологически фиксируемых поселений, их локальная топография, от физико-географических особенностей разных регионов Руси. Абсолютно новым, отсутствовавшим во всех предыдущих монографиях автора, является § 3, посвященный опыту комплексного анализа уже *всех* категорий, а не только типов источников по тем же событиям середины X в., при этом рассматриваемым в более широком международном и междисциплинарном ракурсе.

Глава 4 является основной, поскольку на базе предшествующих методологических, источниковедческих и методических парадигм в ней прослеживается конкретный, трехэтапный процесс древнерусского государствогенеза — от отдельных вождеств до окончания фазы становления раннего государства. Условно — с 800 по 1000 г. Что касается происхождения отдельных ее частей, то оно следующее. В неизмененном виде перенесен из «старых» монографий § 4 («На пути к ранней государственности»), так как, по мнению автора, он был наиболее удачным и завершенным, и нам практически нечего добавить к сказанному, за исключением некоторых археолого-геральдических и нумизматических штрихов к разделу «Механизмы объединения…», имеющих специальный характер. То же можно сказать и о § 1, посвященном регионально-потестарной специфике «простых вождеств» первого этапа государствогенеза. Конечно, по региону «Юго-Восток» можно было бы добавить много новых материалов и интересных выводов, ибо это основная территория практической деятельности автора, но они относятся к сфере археологии, нумизматики, геральдики, культурологии, исторической этнографии и демографии и для нашего формата монографии представляются слишком специфичными.

В § 2 и 3, при сохранении некоторых «старых» разделов, включены и новые, § 2 («Происхождение Руси…») даже начинается со сравнительно нового (первая публикация — 2014 г.) раздела «А»: «Три первых упоминания русов…» (имеются в виду византийские, западноевропейские и мусульманские источники, описание которых было «опущено» в главе 3). Абсолютно новыми разделами: «Северная конфедерация: „за“ и „против“»; «К вопросу об „альтернативной“ Руси предгосударственности восточных славян в середине — второй половине X в.». — и начинается, и заканчивается § 3 («Этап „сложных вождеств“…»). Степень новизны этих двух проблем примерно одинаковая: о «Северной конфедерации» (иногда «федерации»), относя ее, правда, уже к раннегосударственному этапу, впервые стала писать Е.А. Мельникова в 1993 г.[10], об альтернативной государственности — сам автор совместно с А.В. Григорьевым в 1990 г., а в 1993 г., по нумизматическим источникам — с В.В. Зайцевым[11]. Однако только сейчас второй объект исследования, выявленный поначалу лишь на уровне предположений, теперь с накоплением археологических, нумизматических, культурологических сравнительно-этнографических

и фольклорных кросскультурных материалов обретает специфические черты, территориальные и более точные хронологические рамки[12]. Это и отражено в разделе данной книги. Что же касается «Конфедерации», то автор лишь недавно, внимательно изучив «аргументы сторон», стал поддерживать идею ее существования уже осознанно, а не из-за авторитета создателя этой идеи. Выразилось это в совместной с еще одним учеником автора А. С. Ерохиным статье[13] и последнем разделе § 3. В этом аспекте автор согласен с большинством отечественных исследователей, которые, в отличие от современных англо-американских коллег, не ставящих под сомнение «Русский каганат» в качестве предшественника Древнерусского государства, за «Северной конфедерацией» такой роли не признают. В этом они солидарны с некоторыми отечественными исследователями, от В.В. Мавродина (1956 г.) до В.В. Седова (1999 г.)[14], хотя те понимали данный каганат как славянский, а англо-американцы — как норманнский.

В § 5 («Консолидация государства») перечислены три главных фактора, способствовавшие укреплению раннего государства, только что созданного благодаря завоеваниям и последующим реформам Владимира Святого. Это — перестройка структуры с «племенной» на территориальную, использование печенежского натиска и оборонительных войн для идеологического оправдания реформ, прежде всего (но не только) — создания постоянной армии на новых основах, преданной князю, а также быстрая ликвидация (с помощью временного введения смертной казни) «разбоев», возникших из-за быстрых темпов «перестройки» и появления массы «изгоев», что угрожало стабильности государства. Соответственно, раздел «А» («Роль оборонительных войн») был взят из «старых» монографий, но дополнен материалами некоторых новых статей и выступлений на конференциях, в том числе зарубежных. Раздел «Б» («Элементы правовых механизмов...») включается в монографию впервые, так же как и большая часть раздела «В» («Переселенческая политика...»).

Переход права в руки государственного аппарата из ведения «общества» с его обычным правом, или «монорматикой», являясь одним из четырех сущностных признаков государства, происходил медленно, начиная с введения княжеских «уставов» княгиней Ольгой во вновь покоренной Земле древлян и заканчивая созданием уже в XII в. Пространной редакции Русской Правды (более точная дата спорна, кроме введенного в 1113 г. «Устава Владимира Мономаха»). Создавались отдельные правовые акты и позднее, но все еще в рамках «ранней государственности» (включая Новгородскую и Псковскую Судные грамоты). В этой связи включать правовой аспект в процесс государствогенеза представлялось затруднительным (хотя и здесь у нас имеются определенные наработки и публикации). Однако один акт, как бы знаменовавший смену отношений реципрокности на господство-подчинение, то есть принципиальное изменение статуса верховного

правителя, то есть появление у него права казнить подданных, был все же включен, тем более что он и укладывается в формальные хронологические рамки, и является актуальным даже сейчас. Право, наряду с религией, степенью и формой идеологического обеспечения, легитимации власти, постепенно меняет и менталитет народа. Все эти разделы жизни тесно взаимосвязаны и заслуживают отдельного внимания, тем более что относятся уже в основном к фазе расцвета и стабильного существования ранней государственности (значит, по крайней мере к XI–XII вв.). Возможно, автор вместе с представителями правоведения и культурологии в будущем и предпримет эту попытку, благо что заделы для этого имеются. В данной же монографии раздел «Идеологические механизмы легитимации власти у восточных славян» включен в состав главы 1 («Методология») для полноты картины механизмов, которые использовались для создания и консолидации ранней государственности. Другое дело, что идеологическое обеспечение власти, ее легитимация создавались уже в XI и XII вв., хотя и касаются особенностей институционализации власти на разных этапах государствогенеза и могут использоваться как источник не только по духовной (политической) культуре и менталитету, но и по реконструкции самих более ранних событий, а также их мотивации. Переселенческая политика князей как часть демографических механизмов консолидации государства также далеко выходит за рамки X в.

Однако начиная с Ярослава Мудрого, то есть с началом расцвета ранней государственности, целенаправленные системные переселения как из-за рубежей Руси, так и внутри ее, преследовали уже иные цели, чем при Владимире Святом, который эту политику начал проводить. Она была абсолютно необходима с учетом этнопотестарной и территориально-демографической структуры только воссоединенного государства, при этом одновременно решалось сразу несколько задач, связанных с укреплением этого нового социального образования (см. раздел «В»). В дальнейшем цели менялись, но не сразу, так что провести четкую типо-хронологическую грань непросто. Кроме того, весьма интересно сделать диахронное сравнение цели и характера реализации указанных механизмов на разных фазах ранней государственности, тем более что «маховик» их действия был запущен еще на стадии государствогенеза. И последнее: желательно иметь представление об этих «мероприятиях» власти как о целостном специфическом явлении, отличающем Русь от других синхростадиальных ей стран (к более высокоразвитой Византии, где данная политика также широко применялась, это не относится).

В новом издании сравнительно-исторический акцент сведен до необходимого минимума. Он не сокращен, однако на фоне расширения материала отошел на второй план, играя вспомогательную роль. При этом он даже усилился за счет большего привлечения иностранных

источников для комплексного анализа ключевых событий и фигур древнерусской истории; кроме того, нельзя игнорировать и большую степень участия «иностранных» этносов в процессе русского государствогенеза (или же сопротивления этому процессу). Однако новых разделов, специально посвященных типологическим сравнениям явлений, процессов и структур Руси с другими странами или связям с ними, в текст данной книги не включено, хотя автор, иногда в контаминации со своим учениками и коллегами: А.В. Федосовым, А.С. Ерохиным, С.Г. Поляковой, И.Х. Джамбовым, опубликовал столько работ (более половины на английском языке или в дальнем зарубежье) по типологическим связям Руси с Англией, Болгарией, Польшей, Великой Моравией и Данией, анализу форм государственности славянского мира, что это может составить отдельную книгу. Именно потому в это издание они и не включены. По необходимости нами сохранены сопоставление Новгорода и Бенина, сходство процессов формирования властных структур того же Бенина и «Северной конфедерации», дружинных государств на Руси и в Польше, «двухуровневых» держав на Руси и в Болгарии, сравнение «дружинных лагерей» Руси с «лагерями викингов» («королевскими крепостями») Дании и возможное участие именно датско-норвежских «варягов» в завоевании Киева Владимиром Святославичем.

В заключение автор хотел бы выразить благодарность всем, кто помогал готовить данную книгу к публикации: своим ученикам и соавторам в некоторых разделах — А.В. Федосову, А.С. Ерохину, В.Н. Гурьянову и А.А. Чубуру, редакторам В.Г[. Лозинскому, И.В. Мельникову, а также пану Ежи Кушнержу и Ю.Н. Устиновой.

Глава I

Методология

1. Этапность древнерусского государствогенеза в политико-антропологическом аспекте

Одним из самых перспективных научных направлений в сфере социо— и политогенеза в настоящее время является то, которое вошло в XXI в. под двумя преобладающими названиями — *социокультурная* или *политическая антропология*[15].

И ранее, и сейчас (но в более редких случаях) к одной и той же, по сути, науке применялись термины «социальная», «структурная»,

«культурная» антропология (самый ранний от 1908 г. — это первый термин, в то время один из эквивалентов социологии, последние принадлежат К. Леви-Стросу в 1950-х гг.), что отражает ее изначальное происхождение от социологии и этнологии, связь с культурологией. Общими и одними из главных предметов изучения последних являлись структура конкретных этносоциальных организмов и их культура, понимаемая как некая «всеобщность», отличие человека от животных. Происхождение антропологии отчасти от философии истории (особенно в варианте М. Блока и школы «Анналов»), ее переплетение с неоэволюционизмом, зародившимся у будущих антропологов Дж. Стюарда и Л. Уайта еще в конце 30-х гг. XX в., отражают термины «историческая» (Гуревич, 1993)[16] и «эволюционная» (Влит ван дер, 2006. С. 387) антропология. Симбиотический и редкий характер имеют термины «политическая историческая антропология», «потестарно-политическая этнография» (Куббель, 1988), «этносоциальная история» (Мисюгин, 1984). Безусловно, во всех случаях имеется в виду одна и та же наука или научное направление, разве что с несколько разными аспектами при изучении одних и тех объектов. Разные названия — результат все еще не достигнутой «договоренности о терминах».

В ее рамках существует ряд устоявшихся и в разной степени общепринятых положений и понятий. Отметим плодотворную бинарную оппозицию и взаимодействие структурнотипологического (в том числе этнорегионального) подхода с процессуально-этапным. В рамках последнего то стихает, то возобновляется противостояние чисто процессуального и стадиального подходов, моно— и полилинейности процессов, их только поступательно-прогрессивного или противоречиво-возвратного характера. По сути, у истоков неоэволюционизма, главным отличием которого от «классического» является полилинейность социогенеза, стоит Ф. Энгельс с его тремя путями эволюции — «римским», «афинским» и «германским». В последние годы актуализировалась дискуссия о разных путях развития к цивилизации, в том числе и не через государствогенез. Неотъемлемой частью процессуально-этапного подхода является понятие (термины могут различаться) «механизмы государствогенеза» или, отражая наиболее существенные его аспекты, «институционализации и легитимизации власти». Следует отметить, что эти понятия связывают данный поход с «горизонтально»-типологическим, так как существует определенная контаминация между механизмами государствогенеза и теми формами государственности, к которым они приводили.

Механизмы социо— и политогенеза различаются, хотя в реальности они часто переплетены. Набор первых в последнее время хорошо разработан, формально на примере Сабейского региона, А.В. Коротаевым (Коротаев, 1997а). Что касается вторых, то данные о них содержатся в работах, связанных с конкретными путями, территориями и этапами политогенеза. Автор в свое время попытался скомпилировать

эти данные для трех этапов политогенеза: формирование вождеств; переход от простых вождеств к сложным и развитие последних; переход от сложных вождеств к ранним государствам. А еще ранее, до знакомства с положениями политической антропологии, нами предлагалась иная периодизация процесса древнерусского государствогенеза.

Этап 1: конгломерат «варварских» государств и не-государств при военно-торговом господстве «русов» и Новгорода (IX — сер. X в.);

Этап 2: полная победа верхнего уровня государственности («русов», внутри которых право на власть имеют только Рюриковичи). Государственная форма эксплуатации (вторая пол. X — сер. XII в.);

Этап 3: формирование государственности в полном смысле слова с элементами классовых функций (Шинаков, 19936. С. 178–179).

Для древнерусского государствогенеза (мы далее используем именно этот термин, так как понятие «политогенез» в данном случае и в этом аспекте не совсем адекватно сути изучаемого явления) было сделано лишь две попытки принять указанную схему этапности и адаптировать ее к североевропейским, в том числе русским реалиям (Майоров, 2001). Автор в своей диссертации конца 1990-х гг. и монографии 2002 г., отражающей основные ее положения, придерживается следующей схемы поэтапной динамики процесса формирования древнерусской государственности. Вторая сделана В.В. Пузановым. Приведем свой вариант.

А) Этап отдельных «вождеств» и иных позднепотестарных образований разных типов и этносов на территории будущего Древнерусского государства

Это так называемые «племенные княжения», пригорода-государства североевропейского типа — «вики», племенные военно-потестарные союзы под протекторатом Хазарского каганата и т. д. Верхняя грань этапа — в основном середина и вторая половина IX в., до Рюрика и Олега (степень их реальности и/или легендарности — в данном случае не тема нашего исследования). В отдельных потестарно-политических зонах (регионах)[17] будущей древнерусской части Восточной Европы «переживание» этого этапа затягивается (или путем «отката» возобновляется) до середины и второй половины X в. Связан последний факт с кризисом верховной власти на Руси в 40-х гг. X в. (при Игоре), повлекшим, по нашему мнению[18], реанимацию в некоторых регионах позднепотестарных образований во главе с местной иерархией.

Б) Этап «сложных вождеств»

Этот этап предгосударств потестарно-политического этапа, «территориальных царств», сложносоставного государства, «варварских королевств» Большого переходного (дофеодального) периода, «военной демократии» и «военной иерархии» (по терминологии различных отечественных и зарубежных специалистов

по политической антропологии) укладывается в период конца IX в. — середины и начала второй половины X в. (Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Ярополк). На одной части территории Древней Руси он завершается реформой Ольги, на другой — после объединительных мероприятий Ярополка и Владимира.

Конкретно на Руси данный этап государствогенеза обретает форму «двухуровневого государства» (Фроянов, 1988), устройство и функционирование которого подробно и со знанием дела описаны Константином Порфирогенетом (для конца 30-х гг. и начала 40-х гг. X в.). Оно характеризуется единообразием «верхнего», то есть русского, уровня власти, образующего «скелет» сложносоставного государства, — и этнокультурным, потестарно-типологическим разнообразием нижнего, то есть «славянского», уровня власти. У Константина это выражено в господстве «Росии» над несколькими «славиниями», носящими этноплеменные наименования. Господство базируется на военном превосходстве «всех росов»[19] над каждой конкретной «славинией» и отчасти реципрокностью[20] в отношении двух уровней власти. «Племенная» иерархия была заинтересована в причастности к получению своей доли предметов «престижного потребления» от внешней торговли, а также совместных походов на Византию и, возможно, Восток. Внешне, за исключением особой роли международной торговли, эта система напоминает чуть более раннее, но синхростадиальное Первое Болгарское царство VIII — начала IX в. (до реформ Крума).

В) Переход к раннему государству

Данный этап перехода к раннему государству начинается с реформ Ольги и завершается в основном при Владимире Святом, в правовом отношении — при Ярославе Мудром и его сыновьях.

Внутри этого перехода можно выделить фазы территориально ограниченных, но перспективных реформ Ольги; призванный привлечь к «государственному строительству» внешние ресурсы (однако в итоге отвлекший не только их, но и внутренние силы от этого процесса) «имперский эксперимент» Святослава; объединительные мероприятия Ярополка и Владимира (возможно, и Олега Святославича); всеобъемлющие реформы Владимира; правовые реформы XI в., вызванные случайными причинами и социально ограниченные, при Ярославе Мудром, более всеобъемлющие и системные при его сыновьях (1072 г.). Этот год создания Краткой редакции Русской Правды, пожалуй, и можно считать окончательной формально-юридической датой создания раннего государства на Руси.

Древняя Русь не шагнула выше раннегосударственного этапа государствогенеза и не достигла этапа «зрелой», или «сложившейся», государственности. Однако для последующих синхростадиальных или диахронных сравнений необходимо знать формы такой государственности, хотя бы для того, чтобы определить тенденции

развития, направления и элементы типологического сходства. Это особенно нужно в связи с региональной этнокультурной и потестарной гетерогенностью Древнерусского государства.

Классификация «сформировавшихся» («зрелых», «сложившихся») государств проводится нами самостоятельно, по комплексно-сравнительному методу. Анализ дается по всем признакам, характеризующим ту или иную форму, затем вычленяются ведущие, специфичные для нее, и, наоборот, те, что сближают ее с другими. «Идеальная модель»[21] формы государственности существует лишь в воображении, реально она является «равнодействующей» набора социально-политических организмов, в той или иной степени, по тем или иным показателям близких к ядру «модели». «Идеальные модели» не только могут, но и должны строиться без учета их социально-экономической основы, так как реальные их составляющие (социально-политические организмы) не могут без нее существовать и описываться. Если же в одном из них настолько переплетаются специфические признаки разных моделей, что его нельзя отнести целиком ни к одной из них, то мы имеем перед собой «сложнотипологическое» государство (не путать со «сложносоставным» в политикотерриториальном аспекте). Если сочетаются признаки разных этапов государственности в одном организме или даже модели, то его можно отнести к «сложнопереходной» форме. В случае если государство состоит из нескольких суборганизмов разных уровней и типов, то этап его развития определяется по верхнему, господствующему в них, а по форме оно будет относиться к «двухуровневым» либо к «сложным». «Сложнотипологическое» характеризуется сочетанием признаков разных форм в одном организме (федеративном, имперском или даже унитарном по территориальной организации).

Если представить все это в графическом виде, то конкретные организмы (иногда сгруппированные в регионально-типологические модели) располагаются внутри окружности, центром и ядром которой является «идеальная модель». Последняя включает в себя признаки, присущие хотя бы двум организмам данной формы государственности. Организмы, располагающиеся по разные стороны диаметра окружности, ближе к кругам других форм государственности, могут обладать максимумом общих признаков, но и они будут представлены в ядре — «идеальной модели» данной формы. Окружности (практически — сфероиды в трехмерном пространстве) могут частично «находить» друг на друга, сближаться или отдаляться. В их пересечении находятся те сложносоставные государства, чьи суборганизмы типологически различаются на уровне форм государственности.

Признаки группируются по нескольким разделам, отражающим как структуралистский, так и процессуальный подходы. Для их подбора использованы критерии, предложенные П. Ллойдом (для Африки), Л.

Алаевым (Алаев, 1982), отчасти Б. Тюриным (для Азии), а также выявленные при сравнительно-историческом анализе конкретных социально-политических организмов и форм государственности. Это:

— Путь и механизмы образования сложившегося государства данной формы.

— Экономическая основа.

— Экономически господствующий класс, его характер, источники формирования, пополнения и обеспечения.

— Эксплуатируемые слои и классы, степень их организации и юридический статус.

— Территориальная структура.

— Система правления.

— Форма правления.

— Состав, источники формирования и пополнения государственного аппарата.

— Функции государства в целом и государственного аппарата. Наличие или отсутствие государственных функций у отдельных слоев или групп общества.

— Источники и виды доходов государственного аппарата.

— Основные направления расходования средств.

— Соотношение понятий «общество» — «государство», характер их взаимоотношений. Соотношение государственного аппарата и господствующего класса, политический режим. Источник власти.

— Идеологическое обеспечение власти, степень влияния и роль религии.

— «Национально»-территориальная политика правящих верхов, степень ее понимания и поддержки в обществе.

— Характер внутренних конфликтов и их разрешения.

В итоге мы остановились на следующих основных формах сложившейся докапиталистической государственности:

— Полис (классический).

— Земледельческий («восточный») город-государство.

— Торговый город-государство.

— Сложный (иерархический, разросшийся) город-государство.

— Кастовое государство.

— Чиновничье-бюрократическое авторитарное государство.

— Феодально-иерархическое государство.

— Государство как религиозная община.

— Корпоративно (этнически) — эксплуататорское государство.

— Двухуровневое государство.

— Сложное государство.

2. Типология форм государственности

Форма 1. «Классический» полис

Полис — гражданская община, внутри которой отношения, включая конфликтные, регулируются посредством закона, реформ, общественного мнения. Ее сплоченность достигается тем, что она является коллективной военной организацией и (иногда) коллективным эксплуататором населения хоры или рабов. Характер связей государство — общество: первое на службе последнего; источник власти — общество; обязательная обратная связь; функции самообеспечения государственного аппарата отсутствуют; классовые интересы поглощены общенародными. Это, а также частноправовое рабство неграждан, международная торговля, колонизация, ограниченный характер земельной собственности и экзоэксплуатация (войны, торговля с варварами, эксплуатация неграждан, коллективные рабы и т. д.) позволяет поддерживать не только равноправие граждан, но и относительное благополучие, имущественное равенство. Это делало классические полисы достаточно внутренне стабильными организмами, а их граждан — заинтересованными в подобной форме государственности без дополнительных мер идеологического обеспечения.

В типологически близких полисам производственноторгово-ростовщических коммунах Италии (Флоренция, Сиена) и Дубровницкой республике отсутствие частноправового рабства, ограниченность контадо и внешних общегосударственных источников обогащения приводили к более резкому имущественному и социальному (но не политическому)[22] неравенству, социальным конфликтам и политическим переворотам, в том числе к союзам низов граждан с негражданами (грандами) против опоры республики — средних слоев буржуа. Впрочем, в этом суть и некоторых полисных тираний. Так, обожествленный (и убитый позднее гражданами) тиран Гераклеи Клеарх освободил и включил в свою «семью» (то есть аристократический род) рабов своих противников (Шелов-Коведяев, 1985. С. 176) (что-то сродни аристократическому пути формирования восточной деспотии). Были и иные случаи: союз городского демоса с земледельческими рабами-киллириями из местного населения против землевладельцев-аристократов. Но это едва ли не уникальный пример.

Форма 2. Земледельческий («восточный») город-государство

По сути, это то же чиновничье-бюрократическое государство, без разделения в правах жителей города и сельской округи. Источник власти — правящая верхушка. Но далеко не всегда лично царь, его род или династия — деспот. Часто у власти стоит коллегия жрецов, связанная с главным храмом, несколько аристократических родов, имеющих опору и в сельской местности в виде «их» общин или частных

земельных владений. Власть правителя не столь абсолютна, как в территориальных «деспотиях», она опутана как старыми, родовыми, так и новыми, связанными с его обожествлением, ограничениями. Источник власти и господствующий класс, обладающий властью и собственностью, — аристократы-землевладельцы, воины и жрецы; подчиненный им аппарат — чиновники, солдаты-наемники (часто иностранцы) или рабы. Содержание их идет в основном за счет централизованной ренты — налогов. Гигантскую роль играет идеологическое обеспечение власти и религия.

Форма 3. Торговый город-государство

Специфика торговых городов-государств в том, что они часто являлись суборганизмами более крупных инотипологических образований (города Финикии, Малайи, Ганзы), но были и независимые — на Малабарском побережье, в Аравии, Сахеле, в средневековой Италии. Их отличает принципиальная этническая «открытость» городской общины, источником власти в которой были, однако, не все ее граждане, но аристократически-олигархическая верхушка, богатства которой позволяли ей экономически «подкармливать» граждан взамен на изъятие у них активных политических прав. Все три группы функций переплетаются в одно целое.

Господство может осуществляться и насильственными методами в случае конфликтов с «обществом», но после их ликвидации следуют определенные реформы компромиссного характера. Налогов нет, соединенный в одно целое господствующий класс купцов и финансистов (иногда связанный и с землевладением) имеет независимые от своего общества источники существования. Отношения государства и общества — реципрокность (по К. Поланьи) (Polanyi, 1957; 1967). Идеологическое обеспечение власти, кроме Финикии, слабое. Это государства достаточно мобильные и внутренне устойчивые, но слабые в военном отношении.

Форма 4. Сложный (иерархический, разросшийся) город-государство

Относясь к разряду уникальных, могут, хотя и редко, возникать на уровне «протогородов» (Теночтитлан). Имеют очень сложную территориально-политическую структуру с градацией политических прав, но с обязательным сохранением на вершине «пирамиды» привилегированной «столичной» общины, активные политические права которой, правда, ущемлены в пользу общегосударственной политической верхушки. Политическая ступенчатость наверху непременно дополняется социально-политической внизу. Ранний вариант — держава ацтеков, классические — Карфагенская, Римская и Новгородская республики, в «миниатюре» — Херсонесское и Псковское государства, а после приобретения крупных земельных владений и городов на материке, создания «колониальных империй» — Венеция и Генуя.

Форма 5. Кастовое государство

Главная характеристика — слабый государственный аппарат на службе части общества (определенных каст), так как многие государственные функции выполняются обществом в лице отдельных каст и общин. Каста отличается и от клана, и от сословия своей религиозной освященностью и узкопрофессиональной направленностью. В клан входят люди всех уровней богатства, статуса, профессий. Даже в «аристократических» кланах были и земледельцы, и рабы. Сословия ближе к касте, но они не столь локально ограничены и не имеют, кроме некоторых, отдельного руководства. Нельзя согласиться с Л.Е. Куббелем (Куббель, 1988), что касты стадиально предшествуют сословиям — это параллельный путь развития организаций типа варн или открытых корпораций воинов (дружины) в раннесредневековой Европе, или специализированных племенных групп в Африке[23], родов («государство» в Сычуани). В любом случае кастовое государство гораздо ближе к феодально-иерархическому (особенно у раджпутов в VIII–X вв.), чем к чиновничье-бюрократическому авторитарному. Наличие крупных общин — практически маленьких стабильных субгосударств с внутренней жесткой кастовой системой и регламентированным самообменом, делавшими их самодостаточными во всех отношениях (кроме военного) организмами, позволяло часто меняющим свои границы и правителей государствам иметь дело лишь с главами этих общин (старостами или советами-панчатаями), не вмешиваясь в их внутренние дела и раскладку налогов. В итоге государственный аппарат практически устранился от выполнения соционормативной, судебной, регулятивной и хозяйственно-организаторской функций (главных для чиновничье-бюрократических государств) и полностью сосредоточился на самообеспечении, внутренней борьбе и иногда защите от внешних вторжений (впрочем, чаще неудачной).

Существует четкое разделение функций государства и общества, причем большую часть «общенародных» и значительную часть «классовых» функций (внутри общин были крупные землевладельцы и зависимые от них крестьяне и слуги из других каст) выполняло общество. В результате деятельность государственных и общественных структур разворачивалась в двух разных плоскостях, хотя на верховный суверенитет претендовало все же государство. При сильной религиозности общества функции идеологического обеспечения государственной власти религия напрямую не выполняла. В чистом и сложившемся виде эта форма представлена только в послебуддийской, но доисламской Индии середины — второй половины I тысячелетия н. э., затем дополнилась исламскими феодальными институтами, что превратило Индию в «двухуровневое» государство (систему государств).

Форма 6. Чиновничье-бюрократическое авторитарное государство

Чаще всего получается из протогорода-общины, основанной на ирригационном земледелии, храмовой общины (часто сливавшихся) или из равноправного союза племен. В качестве путей его образования более всего подходит «римский», по Ф. Энгельсу (через узурпацию власти и собственности родовой верхушки управления), хотя марксизмом иногда назывался и военный («германский», по Ф. Энгельсу) (Никифоров, 1966) путь. Скорее, так: военная экспансия была необходимым механизмом территориального расширения первоначальных ячеек восточной деспотии, возникших в основном на хозяйственно-организаторской и редистрибутивной основе.

Мы хотим отметить также еще один существенный момент: социально и этнически нивелирующая политика правящих верхов. Наиболее четко это сказалось на образовании «деспотий» военным путем (или на поствоенном этапе их формирования). Это — искусственное перемешивание населения и уравнивание в правах (точнее, в бесправии перед властью) всех народов государства, в том числе и тенденция на лишение всех привилегий и «своего» народа-завоевателя. Кое-где этническим различиям вообще не придавали значения с самого начала (Китай, Вьетнам, Византия), где-то развитие было прервано в середине процесса нивелировки (Ассирия, Нововавилонское царство, Персия Ахеменидов, Рим эпохи домината). Иногда эта политика верхов является изначальной, хотя и с обеспечением гарантий собственной исключительности (сохранение особого положения инков по крови и привилегии в созданном ими разноэтничном государстве при явно выраженной тенденции к смешению, введению общеполитических и социальных институтов и даже языка для остальных групп населения).

Форма 7. Феодально-иерархическое государство

Для феодально-иерархической формы государственности самым существенным мы считаем связь определенного объема власти с конкретным земельным владением. Место в иерархии власти зависело от титула, передававшегося по наследству (то есть зависело от личности, а не должности, как на Востоке), и неразрывно связано с земельным владением определенного статуса. Король (император), даже наследственный, все равно был первым среди равных, сильным поддержкой крупных феодалов (ибо мелкие в «идеальной модели» ступенчато зависели от них) и размерами своего личного феода. Налоги почти полностью заменены рентой и повинностями. Общественно-государственные отношения, частное, публичное право, функции классовые и самообеспечения тесно переплетены. Власть более сильная, чем в кастовом государстве, проникающая во все поры общества, но дисперсная (даже в едином государстве), а не централизованная, как в чиновничье-бюрократической форме. Чаще

всего возникает из корпоративно-эксплуататорских структур «германским» (по Ф. Энгельсу) или военным, гораздо реже аристократическим, еще реже плутократическим (покупка титулов, владений и доли во власти) путем. Вторичные признаки — четкое сословное отделение слоя, имеющего исключительное право на власть (а иногда и право на ношение оружия), обоснованное и освященное религией, имеющей здесь особое государственное значение. Города как центры власти имеют минимальное (в «идеале» — не имеют никакого) значение, в отличие, например, от восточной деспотии. Иммунитетные пожалования (налогов, доли судебной и административной власти) временного характера имели место и на Востоке (в чиновничье-бюрократической форме) в качестве жалованья чиновникам и воинам. Но они не были гарантированы никаким правом, обычаем и полностью зависели от воли государя. Сама по себе иерархия власти — тоже не показатель: она была и в чиновничьем аппарате, причем должности на определенном уровне в некоторых странах имели наследственный характер (Попов, 1990; 19936), но не были связаны с конкретными земельными владениями и местной властью. Нельзя, конечно, исключать попыток «феодализации снизу», то есть попыток чиновников превратить ранговые, должностные и наградные наделы в наследственные, а также присвоить себе собственность и власть над теми землями, с которых им поручалось собирать налоги.

Форма 8. Государство — религиозная община

Наиболее прямую альтернативу кастовому государству в плане социально и этнически нивелирующей политики представляет государство как религиозная община. Таких государств в мировой истории мало: это Арабский халифат и некоторые его наследники и «оппоненты» (государство ассасинов 1090–1256 гг., например), отчасти Тибет и территориальные организации духовно-рыцарских орденов. Начали создавать государственность подобной формы табориты в Чехии, она была идеалом и некоторых деятелей кальвинизма и нидерландской революции, образцом которым служила идеализированная Оттоманская империя как государство — община верующих.

Формально эти образования близки теократиям (которых было особенно много на ранних этапах политогенеза), но именно формально, внешне: по формам правления. По сути же различия весьма значительны: в теократиях источник власти — жрецы, передающие волю богов, в государстве-общине — она сама и непререкаемый религиозный закон, изменить который не в силах его «толкователи». Очень многое сближает (особенно в системе правления и функциях) с чиновничье-бюрократической монархией: это и четкая организация управления, и забота о благоустройстве территории, путях сообщения, организации хозяйства, науки, культуры, о бедняках. Однако

последние функции в «восточных деспотиях» сложившегося типа (то есть без учета инков, например) чаще провозглашались целью государства, а в некоторых государствах-общинах ислама были реальностью. И речь не только об эгалитаристских организмах типа Рустамидского имамата (да и других имаматов), но и о самих законах ислама, системе налогообложения, наличии общественного фонда для поддержки неимущих (Панова, Вахтин, 1990; Матвеев, 1993). Иным было положение правителя и роль законов. Если в деспотиях единственным источником права был государь и все общество было обязано повиноваться изданным им актам, но не он сам, то в «общинах» закон был один на всех. Не только в Халифате, где правитель формально (часто и реально) избирался общиной или ее «лучшими по знаниям и мудрости» представителями — муджтахидами, но и в Турецкой империи он не был абсолютным монархом. Не был он, как в «восточной» форме, верховным собственником земли и недр[24], но лишь их распорядителем от имени общины. «Религиозные государства» отчасти напоминают корпоративно-эксплуататорскую форму, а ордена во многом и являются ей на деле. И у арабов, и в Тибете, и в Прибалтике элементы сходства восходят к факту завоевания, что морально, религиозно, политически, да и экономически (разные налоги — или их отсутствие вовсе — для «общины» и подчиненного ей населения) являлось фактором сплочения и живучести эгалитаристских тенденций внутри господствующей религиозной общины. Со временем в Халифате и Тибете этот фактор отошел на второй план или вообще исчез, но в социальном плане (через феодализацию) законсервировался в орденах и возобновился в Османской империи, а также постоянно «подновлялся» в зонах соседства кочевников и земледельцев. Кстати, и для Аравии, и для Тибета прообразом этой формы можно считать полукочевые «двухуровневые» (с эксплуатацией кочевниками политически организованных земледельцев) или корпоративно-эксплуататорские образования.

Для религиозно-общинной формы государственности характерен также большой разрыв между теорией (идеологией) и практикой. Законы шариата были установлены для эгалитарных, слабо дифференцированных общин (в них выделялись лишь вожди и купцы), но меняться, в отличие от социально-экономических и политических условий существования[25], не могли. Что же касается национально-нивелирующей политики, то в государствах как религиозных общинах (мусульманских, христианских, буддистских) она заменялась религиозно-нивелирующей.

Форма 9. Корпоративно-эксплуататорская форма

Корпоративно-эксплуататорская форма в основном относится к «средним» этапам политогенеза (чаще всего к переходному — между вождеством и ранним государством — периоду) и может обретать разнообразные конкретные варианты формы: этнические, расовые,

религиозные, хозяйственно-культурные (кочевнические), собственно «корпоративные» («дружинное государство», например). Как понятно из описаний «двухуровневых государств», эти две формы весьма схожи, но имеют одну существенную разницу: корпоративно-эксплуататорское государство не терпит сохранения даже элементов политического суверенитета и специфики у покоренных, хотя часто старается законсервировать их социальный, этнокультурный, реже конфессиональный (ибо последний часто равен политическому) статус для простоты идеологического обоснования своих прав на их угнетение. Благодаря последнему фактору к данной форме нельзя отнести, например, державу инков (последние — правящая корпорация) из-за их национально-нивелирующей политики, а также объединения русов конца IX — середины X в., сохранявшие местные уровни власти.

Среди зрелых государств примеры такого рода единичны и связаны со «вторичным», привнесенным политогенезом. К таковым можно отнести лишь Тевтонский (и отчасти Ливонский) орден, где ранжированная, но равноправная, корпоративно сплоченная религиозно-военная община с выборным руководством являлась коллективным эксплуататором христианизированного, но немецкого населения[26], а в Ливонском ордене — отчасти и самоуправляющихся немецких городов, составлявших как бы «второй уровень» государственности. Ордена выступали верховными собственниками земли и крепостных, часть которых эксплуатировалась коллективно, а часть отдавалась в лен отдельным братьям, становившимся феодальными сеньорами, но одновременно и фогтами — чиновниками-наместниками ордена. Имели место и налоги, и рента, трудовая и военная повинность. Элементы этой формы есть в Римской империи с ее делением на «граждан» и «неграждан», странах ислама, особенно Турции (по религиозному принципу), в мамлюкском Египте, где власть принадлежала корпорации гвардейцев из бывших рабов-гулямов.

Форма 10, Двухуровневое государство

Характеристика этой формы давалась автором ранее[27], поэтому здесь мы ограничимся перечислением конкретных социально-политических организмов этой формы на этапе зрелой (сложившейся) государственности. Параллельно-иерархические (при одной господствующей) структуры (полисной, «восточной» формы и «варварского» уровня) наблюдаются в разных сочетаниях и соотношениях в эллинистических государствах Востока (Селевкидское, Боспорское, Греко-Бактрийское и Парфянское царства). В этом случае, впрочем, не один (полисный) господствует над другим («варварским», вождеским), а над теми и другими стоит монарх, стремящийся, используя противоречия этих двух уровней, превратить свою власть во что-то подобное «восточно-деспотической». В этом плане его можно было бы назвать «двухопорным» и сравнить с абсолютистскими

монархиями Европы переходного от феодализма периода, внешне близкими «восточным». Однако здесь это временное положение, вызванное соотношением сил старого и нового классов, на Боспоре же двухуровневость понималась не как временная мера, а как длительная политика, характеризующая самостоятельную форму государственности.

В Средневековье Ливонский орден состоял из «низшего уровня власти» (поначалу он был представлен племенными княжествами латгалов и селов, затем — самоуправляющимися городами, в том числе входящими в Ганзу) и господствующей над ним (или находящейся в договорных с ним отношениях) военно-духовной корпорации (Королюк, 19726). Различия между уровнями являлись вначале этнополитическими, затем — социально-политическими. О допущении двух типов отношений («союз» и «подчинение») в одном унитарном или федеративном в территориальном плане государстве упоминал В.Д. Королюк также для Юго-Восточной Европы. Напоминает «двухуровневость» структура Индии эпохи Делийского султаната и империи Великих Моголов: мусульманская «империя» господствует, кастовые княжества подчинены ей. Отчасти относится к «двухуровневым» зрелая Римская республика: граждане Рима — другие города государства — «союзники» (вождества самнитов и др.). Однако и в том и в другом случаях безоговорочное отнесение этих «систем», или «федераций», организмов к форме «двухуровневых государств» затрудняется сложностью и динамичностью отношений как внутри уровней, так и между ними. Впрочем, и сама «двухуровневость» является не только характеристикой форм государственности, причем по преимуществу переходной и ранней, а не сложившейся (или промежуточной в территориально— и стадиально-типологических планах между разными формами зрелой государственности), но и линией развития через контакт разнотипических вождеств, связанной с установлением между ними связей уже государственного характера.

Элементы этой формы есть в Римской империи с ее делением на «граждан» и «неграждан», в странах ислама, особенно в Турции (по религиозному принципу), в мамлюкском Египте, где власть принадлежала корпорации гвардейцев из бывших рабов-гулямов. Это же положение сложилось и с Хазарией, которую можно отнести либо к полукочевому раннему государству (и тогда сложность ее структуры закономерна и не требует объяснений), либо все же к этапу зрелой государственности двух, а то и трехуровневой формы (корпорация иудео-хазар — столичных чиновников, жрецов, купцов с наемной армией; «вождества» степных ханов; славянские «вождества» и города-государства Крыма).

Форма 11. Сложное государство

Понятие «сложное государство» охватывает те социально-политические организмы, которые интегрируют в себе несколько

вышеперечисленных форм государственности и типов связей между представляющими их суборганизмами. В определенном смысле конкретно выраженной частью «сложной» формы государственности являются «сложные города-государства» и «двухуровневые государства». Однако в плане «организации пространства» к ним все же наиболее применим термин «империя», хотя в теории они могут быть федерациями и конфедерациями. В то же время не все империи относятся только к этой форме, но в других формах империи сопутствуют обычно ранним фазам, после чего следует либо распад на отдельные организмы, либо консолидация в унитарное государство.

Учитывая зачастую временный, эфемерный характер «сложных государств» (например, империя Карла V, включавшая феодально-иерархическую Германию, почти абсолютистскую — вариант чиновничье-бюрократической формы — Испанию, бывшие города-государства Италии и Фландрии, американские колонии, по отношению к которым испанцы выступали как «корпоративные эксплуататоры»), в данном случае мы ограничимся перечислением возможных вариантов «идеальной модели». Однако к «сложным» нельзя отнести ни Византийскую, ни Китайскую, ни Священную Римскую империи, в связи с полным (или относительно полным) господством в них чиновничье-бюрократической или феодально-иерархической форм государственности.

1. *Сложносоставные разноуровневые* состоят из типологически одинаковых, но разных по уровню политогенеза суборганизмов, строящих свои отношения с центром по-разному, чаще — как подчинение или союз (например, империя Карла Великого).

2. *Сложнотипологические равноуровневые,* чьи составные части имеют разные формы, но примерно одинаковый стадиально-политический уровень. В качестве примера можно привести некоторые эллинистические монархии Востока, в том числе «двухуровневые».

3. *Сложнотипологические унитарные* состоят из разных по типу и уровню суборганизмов, отношение которых с центром строится одинаково (сравните Боспорское царство, в котором с определенного момента Спартакиды считали одинаково подданными и греческие полисы, и варварские вождества). Для более раннего этапа — инки.

4. *Сложнотипологические разноуровневые* (федеративные) имеют не только разные формы и уровни составных частей, но и разные типы отношений как между собой, так и с центром.

Если вернуться к пространственной модели форм государственности, то сложносоставные государства, независимо от характера связей между суборганизмами разных, но относительно «чистых» форм, будут находиться на пересечении нескольких сфероидов. В случае четко выраженной «двухуровневой» — внутри сфероида этой формы, в случае разнотипологичности при господстве одной из форм, вопрос решается сложнее. Графически конкретный

организм можно нанести и на периферии внешней оболочки сфероида данной формы, на расстоянии наибольшего удаления от ядра — данной идеальной модели, либо вообще вне любого из сфероидов, отдельными точками (организмами). В частности, находятся на периферии двухуровневого сфероида, с тенденцией выйти из него вовсе, и некоторые эллинистические монархии, в которых власть стоит (или старается встать) над обеими своими опорами — полисами и чиновничье-бюрократическим местным аппаратом (или «суборганизмами» варварского облика и уровня). Каждое «сложное» государство индивидуально, уникально и по составу, и по набору связей, и по соотношению уровней политогенеза его суборганизмов. Даже небольшой Ливонский орден оказывается не только сложносоставным в территориальном, но и сложно-типологичным в «вертикальном» плане. В нем, причем зачастую в одних и тех же составных единицах, сочетаются признаки корпоративно-эксплуататорской, феодально-иерархической, двухуровневой, торгово-городской, общинно-религиозной форм, при внешнем господстве последней.

Анализ государственных идеологий древности и Средневековья позволяет выделить два основных типа взаимоотношений между государством и обществом. Для государств, выросших естественным путем из «общин» (полисы), первые находятся на службе у второго. Легизм же, например, Китая является обоснованием тоталитарной «восточной деспотии», где общество («масса», «народ») — только объект приложения творческой активности правителя, поле для его законодательных экспериментов. Наличие или отсутствие законов само по себе не признак «демократизма» или его отсутствия — важен их источник и степень всеобщности применения. В легизме законы обязательны к исполнению лишь для «народа» («общества»), но не для издающего их «правителя» («государства»). В эпоху становления раннефеодальных монархий, особенно в Центральной и Восточной Европе, и не только там, где обошлось без завоевания и римской подосновы (то есть государственность развивалась на местной основе, как бы с нуля), возникает новая политическая теория. Если в реальности короли часто выбирались верхушкой общества или приходили к власти в результате реализованного конфликта, то в идеале их власть представляется «богоданной» или, по крайней мере, имеющей независимое от данного общества происхождение. Встречается и несколько иное направление — призвание правителя самим народом, иногда из своей среды (Чехия, Польша, мордва и др.).

3. Тип элитных воинских формирований как признак форм государственности

Важными наглядными индикаторами того или иного механизма становления, а в итоге и вида государственности являются военно-политические инструменты и средства их формирования — элитные воинские подразделения. Имеются в виду не народное ополчение, не созданные на основе воинской повинности армии восточных деспотий, не кочевые племена на их службе, а дворцовая и рабская гвардия, индивидуальные и коллективные наемники, государственная дружина, аристократическая и феодально-рыцарская конница.

Разные виды «элитных подразделений» в принципе являются хотя и вторичными, производными, но достаточно надежными и главное — материально-археологически определимыми показателями разных форм государственности. Исключения (впрочем, не абсолютные) составляют два крайних полюса на шкале классификации форм государственности: полисы и классические чиновничье-бюрократические государства. Для обоих последних случаев присуще всеобщее вооружение народа либо в качестве гражданской обязанности и права, либо как разновидность трудовой повинности, налога перед государством. Но и для них характерны небольшие полицейские или парадно-гвардейские отряды из рабов либо, наоборот, аристократии.

Прямой противоположностью государствам, в структуру которых (не только военную, но и административную) входили особые воинские подразделения, являются военизированные государства (military government) переходного этапа (эпохи «варварства» или «военной демократии»). Таковы, например, державы инков и зулусов с всеобщей военизацией «своих» и унификацией всех слоев общества перед лицом правителя как принципа и цели. Для них характерны особые типы поселений, выделяемых по половозрастному принципу, мужские военные лагеря — краали. Это же можно отнести и к Риму, где преторианцы — относительно позднее, отнюдь не республиканское явление, отчасти к Швеции и Норвегии, где главную роль даже в XII в. играло народное морское ополчение («ледунг»), а не малочисленные королевские дружины. Скорее исключением, чем правилом, были постоянные элитные формирования (фанатики-«смертники» не в счет) на ранних стадиях государств как религиозных общин, где войско комплектовалось по принципу общинной, а то и родовой солидарности и долга перед богами.

Каждый из видов элитных формирований контаминирован с конкретными формами государственности и к ним приводимыми механизмами. Так, рабская гвардия (или отряды из пленных) характерна для чиновничье-бюрократических государств, иногда с элементами религиозно-общинной и феодально-иерархической

государственности (Византия, Турция, Россия). Индивидуальные наемники — также для них, либо для феодально-иерархических государств абсолютистской стадии. Военно-корпоративные организации, часто выступающие коллективными наемниками, присущи эпохе «варварства» и входят в механизмы формирования и некоторых зрелых ранних государств (корпоративно-эксплуататорских типа Тевтонского ордена). В последнем случае «элитное» (рыцарское в данном случае) формирование перестает являться таковым, так как становится (наряду с наемниками) единственной вооруженной силой. Являются они и составной частью верхнего уровня власти «двухуровневых» государств. Наемники обоих типов составляли основу войска торговых и сложных городов-государств, но здесь они были устранены от выполнения управленческих функций. Отметим, что, кроме собственно «дружинных» (переходного и раннего этапов) государств, дружины играют существенную роль и в некоторых «двухуровневых», корпоративно-эксплуататорских и сложносоставных организмах, но только наряду с другими институтами и средствами институционализации власти.

Аристократическая конница, колесничие, тяжелая пехота являлись ударной силой и главным инструментом внутреннего насилия в земледельческих городах-государствах.

Полисы и государства как религиозные общины, в которых существовало всеобщее вооружение народа (граждан), социально выделенных элитных подразделений — во всяком случае, археологически идентифицируемых — не имели. Исключение составляли парадно-представительские отряды или подразделения из рабов с полицейскими функциями. Аналогично складывается ситуация и с корпоративно-эксплуататорскими государствами, где весь правящий слой — воины.

Использование именно этих элементов государственности в качестве индикаторов ее формы и уровня перспективно и обладает наибольшими (по сравнению с другими частями политической организации и культуры) возможностями формализации и «материализации» данных.

Так, каждый из видов можно описать в общем одинаковым набором признаков, у которых будут различаться не столько значение, сколько удельный вес. Значимо, что и сам набор характеристических элементов почти совпадает с комплексом аспектов описания государственности в целом:

— источники (этнические и социальные) комплектования;

— принцип комплектования и форма содержания;

— участие в экономике, наличие посторонних (частноправовых) источников дохода;

— соотношение военных и управленческих функций, их характер и материальное отражение;

— место и роль в структуре вооруженных сил и административного аппарата;

— отношения с предводителем, правителем; соотношение с понятием «источник власти»;

— социально-значимые цели и морально-психологические мотивы службы;

— степень и характер генеалогической, социально-имущественной, рангово-политической, ритуально-знаковой отграниченности от «общества». Отражение этого в типах жилищ и поселений, эмблематике, погребальном обряде и инвентаре;

— степень и принципы («горизонтальной» и «вертикальной») внутренней дифференциации, ее отражение в материальных проявлениях разных отраслей культуры и быта.

С точки зрения потестарно-политического процесса, «ролевого» (по степени и характеру причастности к власти и управлению) ранжирования и социально-имущественного стратифицирования общества можно выделить семь видов «элитных формирований» и отчасти военной организации государства в целом.

Тип 1. Дворцовая гвардия, комплектующаяся по признаку военных заслуг, благородства происхождения, иногда — родства или близости с правящим домом. Главная форма «оплаты» — престиж. Варианты: особые «гвардейские ордены» у ацтеков, в Бенине — «орлы», «леопарды». На Среднем Востоке (Иран) и в Византии, политические системы которых обнаруживают безусловное типологическое сходство и, возможно, генетическое родство, это отряды знатной молодежи («бессмертные»). Особый случай — женская гвардия, гарем правителя Дагомеи: последняя, однако, имеет типологическое сходство с «рабской гвардией».

Тип 2. «Рабская гвардия» — иногда главный инструмент перехода от «сложных вождеств» к ранним и зрелым «восточным деспотиям» — должна подчеркнуто отличаться от остального населения и войск. Доказательства: негры-«гулямы» на мусульманском Востоке, мамлюки в средневековом Египте, янычары в Турции. Как вариант, это использование военнопленных одной страны против другой: армяне и болгары в Византии, иногда — татары, поляки, «литовцы» и турки в России. Впрочем, в этом случае это, скорее, не элитные подразделения, а «штрафные», то есть ударные в военном, но дискриминированные в социально-политическом смысле. Цель службы — сохранение жизни, желание избежать тягот рабского труда, а затем и улучшить свой социальный статус (вплоть до захвата власти мамлюками в Египте). Здесь характерна изначальная, зачастую искусственно организуемая разноэтничность, заменяемая и компенсируемая корпоративным единством, также инициируемым властью на базе определенной причастности к последней. Статус «рабской гвардии» в обществе не позволяет представителям последней заниматься экономической

деятельностью и иметь отдельный от государственного содержания доход.

Тип 3. Наемники, рекрутируемые в индивидуальном порядке в особые, постоянно существующие в столицах, прежде всего иностранные полки, близки предыдущему виду по характеру комплектования, но принципиально отличны по его источникам и изначальному статусу контингента. Другими были и цели, преследуемые при поступлении в иностранную гвардию: чисто экономические, отчасти карьерно-престижные. Для «работодателей» обоих типов гвардий цели были абсолютно одинаковые: получить независимую от «своего» общества и лично им (или занимаемому ими посту) преданную военную силу для использования ее во внутренних конфликтах с «обществом» или иными фракциями правящего слоя. Полки эти чаще состояли из одной или группы близкородственных национальностей (скандинавских, например). Занятия хозяйством были не противопоказаны, но затруднены на месте службы (прежде всего постоянной занятостью последней и отсутствием связей в местном обществе). В то же время хозяйство может иметься на постоянной родине, и именно в него вкладываются полученные путем жалованья и военной добычи средства (варяги в Византии и на Руси, швейцарцы во Франции, генуэзцы в Англии и Франции и т. д.). Особый социальный слой составляют постоянно проживающие в стране иностранные наемники, обладающие наследственным статусом («алларисийа» у хазар) (Минорский, 1963), сохранение и улучшение которого, а не собственно денежное жалованье является главной целью службы. В некоторых случаях подобные наемники получают не только доступ, но и регулярное представительство в органах власти («везир»-мусульманин у хазар). Они имеют внутреннее самоуправление и собственное право, чем отчасти напоминают федератов Рима и «своих поганых» Древней Руси.

Тип 4. Независимые корпоративно-профессиональные военные организации могут или находиться как целое на службе у государей и республик, либо образовывать свои государства-общины (казачьи «войска», Сечь, владения «морских конунгов», Йомсборг, пиратские «республики»). Нередки были и случаи захвата власти в сложившихся государствах (кондотьеры в Италии, Спартак на Боспоре, викингские «королевства» и «герцогства»). Путем завоевания образовывались кастовые или корпоративно-эксплуататорские государства, иногда переставшие в феодально-иерархические (владения духовнорыцарских орденов в Прибалтике, некоторые викингские «королевства», Руанда, Бурунди, отчасти раджпутские княжества в Индии). В последнем случае военно-корпоративные организации имеют не только «допуск» к власти, но и монопольное на нее право, сохраняя при этом внутреннюю «общинность», корпоративность и демократизм, реципрокность взаимоотношений.

Вырабатываются особые наднациональные, профессионально подчеркиваемые черты быта, культуры (в том числе материальной), менталитета, а зачастую (но далеко не всегда и не обязательно) и общность религии, ритуалов, атрибутов. Экономическая деятельность не только не противопоказана членам подобных корпораций, но даже им внутренне присуща, так как последние являются во многом самодостаточными (или эксплуататорскими) организациями. Своеобразной разновидностью подобных цельных, но иногда «невостребованных» организаций являлись дружины князей-изгоев на Руси, для которых овладение каким-либо «столом» (волостью) имело в первую очередь экономическое значение.

Тип 5. Классическая дружина — аппарат управления некоторых форм государственности «переходного» и «раннего» этапов — занимает по многим параметрам промежуточное место между первым и четвертым типами «элитных» подразделений, наиболее напоминая некоторые конкретные случаи третьего типа, но при большем участии в управлении и «патриотизме». От «чистых» наемников дружина отличается не только формой оплаты (не столько денежное жалованье, сколько прямое участие в доходах государства путем пиров, получения оружия и одежды из складов и арсеналов, «кормлений» при сборе дани, обслуживание «служебной организацией»), но и целями службы. Они могут быть не только психологическими (престиж, близость к правителю, резкий отрыв от «низов», к которым многие дружинники первоначально принадлежали) или карьерно-политическими (участие во власти), но и экономическими (близость к главному источнику доходов — даням), однако реализуемыми в своем государстве, а не за его рубежами. От дворцовой гвардии дружину отличает свобода, принципиальная возможность отъехать к иному предводителю, не считаясь изменником. Свободны дружинники и в плане предпринимательства, что отразилось и в постепенном вкладывании ими денег в землю: приобретении последней на частном праве (не считая «западный» путь условного землевладения, инициируемый государством). Этот фактор сближает дружинников с представителями четвертого (военно-корпоративного) типа элитных подразделений. Дружина также приближается к некоторым из последних типов по степени обладания монополией на власть. Отличие состоит лишь в том, что в независимых военных организациях источником власти была она как целое, а не ее вождь, а в дружине — все же государь, принимавший ее членов к себе на службу в индивидуальном порядке. Это не отменяло, впрочем, реальной реципрокности в отношениях князя и дружины, которая по инерции расценивала его как «первого среди равных» и ждала от него щедрых даров. Правитель же со временем любым способом стремился доказать свою «особость» — отсюда и возникновение в конце дружинных периодов генеалогических легенд (Чехия, Польша, Русь, Скандинавия), канонизация Церковью, как особой

силой, основателей или наиболее видных представителей династий. Внутренняя дифференциация дружины имела материальное, иногда и атрибутивное выражение, но была второстепенной по сравнению с гранью, в том числе материально-ритуально выраженной, между дружиной и «обществом».

Польская дружина отчасти обладала «аристократизмом» и явилась переходным мостиком между военной аристократией переходного этапа и рыцарством феодально-иерархической, зрелой государственности.

Тип 6. Военная аристократия, вычленяемая по родовому, имущественному и социальному принципам, характерна для этапов как «вождеств», так и «ранних государств» (формы кастовых и земледельческих городов-государств и мегаобщин), но особенно для промежуточного между ними переходного этапа. В редких случаях (динаты Византии и Армении) она существует и в «зрелых» государствах чиновничье-бюрократической формы. Возникает этот тип как составная часть процесса возрастного разделения труда и межродовой специализации. Сопровождается он полной или частичной (при геронто— или теократии) монополией на власть, но иногда и искусственной устраненностью от нее (нобили у пруссов) и преимущественным доступом либо к частновладельческим источникам дохода (земля с рабами, зависимыми общинниками — «низами» его же рода либо земледельческими родами, пленными и т. д.), либо к общественным фондам. Имеет четкие внешние и статусно-ранговые отличия (тяжелая конница у йоруба, македонцев, раджпутов и в Византии, колесничии в Шумере, у хеттов, ахейцев и кельтов, возможно, в чжоуском Китае и т. д.). При условии наличия погребального обряда, адекватно отражающего в загробном мире жизненные реалии и статус умершего, эти различия четко проявляются в материально-ритуальной сфере (хотя нивелирующие обряд мировые религии затрудняют эту идентификацию). В некоторых случаях (микенские дворцовые комплексы-крепости) поселения военной аристократии выделяются топографически.

Тип 7. Рыцарство. Строго военно-специализированным (только тяжелая конница) и юридически сословно-отграниченным элитным подразделением этапа исключительно зрелой государственности является рыцарство феодальноиерархических государств. Отдельные черты, присущие этому сословию (судебный иммунитет, «кодекс чести», геральдика как внешне-сущностное отличие, вассалитет и иерархия, кормление за счет земельных владений, но не вотчин[28], сословная замкнутость, принцип верности сюзерену) имеются и в некоторых конкретных моделях иных форм зрелой государственности, особенно в переходных от чиновничье-бюрократической, религиозно-общинной и кастовой к феодально-иерархической (Япония, Византия, Сербия, Передняя Азия, Закавказье, Россия, мусульманская Индия,

Непал, малайско-индонезийский — по А. Тюрину — тип феодализма Юго-Восточной Азии). В комплексе же все эти и некоторые иные черты «рыцарства» встречаются только в странах классической феодально-иерархической государственности, жестко отграниченной рамками лишь некоторых стран Западной и Центральной Европы. Как и в случае с дружиной, в рыцарстве совпадает военная, социально-экономическая и политическая элита, что находит концентрированное материальное выражение в типах поселений — замках, а также гербах и надмогильных сооружениях (сам обряд и инвентарь, благодаря христианству, не имел отличий от захоронений рядовых прихожан). Наиболее показательным в изобразительных источниках является сочетание военных атрибутов (шлемы, щиты) с эмблемами, показывающими право на власть (ранг), благородство происхождения, земельную собственность, и конкретными властными регалиями разных степеней (короны, скипетры, штандарты, троны).

Самое методически существенное для сравнения феодальных и дружинных государств — определение отличия рыцарства от дружины. «Соединение особого образа жизни и профессионализма с этической миссией и социальной программой» (Кардин, 1987) — вот рыцарь «в идеале». Основная социально-психологическая и организационная особенность рыцарства, например юридически лимитированная верность конкретному по титулу сюзерену (посту), закрепленная личной присягой и ритуалом определенному человеку, представителю рода, этим постом и титулом наследственно владеющему с санкции вышестоящего сюзерена. Это также взаимные обязательства сюзерена и вассала и экономическая самостоятельность последнего. В военном аспекте даже в эпоху расцвета (XII–XIII вв.) рыцарство не могло полностью обходиться без пехоты, особенно лучников и арбалетчиков, ибо шевалье были слишком высоко специализированы (в отличие от самураев, русских дружинников, поместной конницы раджпутов и византийских кавалляриев)[29]. Легкую пехоту при них составляли либо крестьяне-ополченцы (Испания, Англия, Скандинавия), либо иностранные наемники (генуэзские арбалетчики во Франции) и ландскнехты-«слуги» (Германия). В случае необходимости тяжелую пехоту составляли спешенные рыцари, действовавшие при этом достаточно неуклюже.

Сравним некоторые виды «элитных формирований» в организационно-правовом и социально-экономическом аспектах.

Наемники были верны (в рамках контракта) прежде всего посту, а дружинники и рабская («родовая») гвардия — личности, которой «юридически» принадлежали. В этом типе контингентов корпоративный дух был еще более развит, чем у рыцарей. Дружина все же ближе стоит к «рыцарскому корпусу», так как правитель одновременно является ее членом, хотя и «первым среди равных». Наемники образуют либо готовые отряды, преданные прежде всего

предводителю из своих (генуэзские арбалетчики, кондотьеры, греческие гоплиты — у персов, варяжские отряды на Руси), либо, если они набираются индивидуально (швейцарцы и шотландцы во Франции, варяжская гвардия в Византии), то, как правило, подчиняются также наемнику, а затем уже правителю. Еще одна специфика наемников — они не имели никакого отношения к функциям управления, за исключением (иногда) полицейских обязанностей. Это отличает их и от рыцарства, и от дружины, являвшихся не только военными, но и прежде всего административными инструментами. ГСоследнее может относиться и к максимально «демократическим», типа рабской гвардии, и к аристократическим, прежде всего конным, контингентам войск. ГСоследние вообще в одном лице совмещали и лучшую военную силу, и господствующий класс, и политическую власть, и часть аппарата управления (особенно раджпуты в Индии). В этом случае правитель выступал как марионетка, заложник реально властвующих аристократических родов, все же нуждавшихся в нем как символе для народа и в силу соперничества отдельных родов. Рабская гвардия — главный военный инструмент перехода от раннего государства некоторых форм (возникших на базе равноправных союзов племен либо земледельческих протогородов-государств) к зрелой чиновничье-бюрократической государственности. Иногда она и непосредственно приходит к власти, устанавливая военно-корпоративную диктатуру (мамлюки). Совмещением «рабского» и «родственного» принципов явилась «гвардия» «короля» Дагомеи, составлявшая часть его фиктивного рода (в него зачислялись рабы-военнопленные) и «расширенный» гарем. Без «элитных» подразделений обошелся Чака, превратив весь «свой» народ («политических зулусов») в размещенное по «полкам» и краалям войско, дрожащее перед «королем», заинтересованное в ограблении иных народов, престиже, славе, упоении победой: каждый «полк» гордился символами этих побед, своей атрибутикой, «формой» (шкура леопарда и т. д.), даже цветом щитов. Другое дело, что ничто не мешало части «полковых командиров» отделиться и образовать свое «государство» (что и происходило при поражениях зулусских правителей). Развитие Зулусского «государства» было искусственно прервано англичанами, но типологически схожий на синхростадиальном этапе политогенез свази привел, при действии аналогичных военных инструментов и механизмов, не к феодально-иерархической, а к чиновниче-бюрократической (правда, ранней фазы) форме государственности. В Свазиленде воины этих «цветных полков» были превращены в государственных крепостных, как смерды на Руси (Куббель, 1988).

Внешне запутанная, склонная к дезинтеграции «рыцарская система» была все же довольно устойчива в силу возможностей воспроизводства и автономного существования в течение некоторого времени отдельных ее ячеек, спаянных не только правовыми

отношениями, но и кодексом рыцарской чести и долга, далеко не всегда являвшихся пустым звуком. Даже в дружинах, чаще всего являвшихся предшественниками рыцарства, «честь» не котировалась. Ее заменяла выгода, совместная с вождем-правителем заинтересованность в эксплуатации и грабеже, стремление не столько к славе (хотя ценились и «престижные» награды), сколько к обогащению. О том, какое значение имеет концентрация богатств в руках предводителя дружин, князя или конунга, имеется несколько свидетельств. У скандинавов «серебро и золото, спрятанное в земле, навсегда оставались в распоряжении владельца и его рода, воплощая в себе их удачу и счастье, личное и семейное благополучие». «Один повелел, чтобы каждый воин, павший в битве, являлся к нему в Вальхаллу вместе с богатством, которое находилось при нем на погребальном костре или было спрятано в земле» (Гуревич, 1968).

Отсюда — «безумная жажда богатств и подарков и безумное расточительство». Однако дар обязательно предполагает либо отдаривание, либо «автоматически ставит в зависимость». В связи с этим предводители дружин, самостоятельные государи или те, кто претендовал на это положение, «предпочитали захватить или купить, но не получать в дар». Подобная система отношений в дружине восходит к потлачу как одному из типов механизмов первоначальной институционализации власти, а именно плутократических. Более же ранние (племенные) дружины чаще возникали в результате действия возрастных и родовых механизмов становления властвования. Даже там, где «дружинного государства» в чистом виде не было (в Дунайской Болгарии), на раннем этапе сохранялась подобная «этика» в отношениях государя и его воинов. Хан Тервель, как сказано в словаре Суды, «положил, перевернув, свой щит… и „поставил на него“ свой кнут… и сыпал деньги, пока они не скроют и щит, и кнут. Он поставил свое копье на землю и до верха его и в большом количестве навалили шелковые одежды. Наполнив сундуки золотыми и серебряными монетами, он раздавал их воинам, разбрасывая правой рукой золото, а левой — серебро» (Койчева, 1987).

Речь шла пока о языческих государях и представлениях. Но вот известная цитата «Повести временных лет» о взаимоотношениях христианина Владимира Святославовича и его христианской дружины (событие датировано 996 г.). Дружина сказала князю: «Зазорно нам есть деревянными ложками, а не серебряными. И, услышав это, Владимир повелел выковать серебряные ложки, говоря, что серебром и золотом я не добуду себе дружины, а с помощью дружины получу и то и другое» (ПСРЛ. Т. 2. 1962).

В этом эпизоде, при всей его возможной «эпичности» или литературности (пиры Соломона), наглядно отразилось отличие дружинной психологии от наемнической: для первых важно было не богатство само по себе, а как показатель положения, чести,

оказываемой князем дружине. Вождь (князь, конунг, даже король) зависел от дружины и должен был доказывать свое реальное превосходство и проявлять щедрость, сюзерен же, каков бы он ни был, был дан Богом и королем.

Дружина в Европе — продукт переходного периода от вождеств к раннему государству и инструмент формирования последнего, рыцарство же — продукт феодально-иерархической государственности. Для первого («варварского») периода характерно относительное развитие товарного хозяйства и стремление к обогащению как следствие, для второй — натурализация хозяйства и ее последствия: стремление к социальному престижу, титулам и стоящим за ними земельным владениям.

Другой слой — промежуточный между византийскими пограничными военными поселениями («акритами») и рыцарями — появился при специфических механизмах другого переходного периода (от ранней к феодально-иерархической государственности). Это слой военных поселенцев мазовецко-прусского пограничья, занимавшихся крестьянским трудом. Тем не менее эти поселенцы считались «шляхтой» и пользовались рыцарскими правами: иметь герб, не платить налогов, вести войны между собой, участвовать в управлении (как при созывах рыцарского «веча — высшего судебного и земельного органа для своего сословия, так и в составе княжеских органов власти», см.: Руссоцкий, 1974). В этом примере наглядно выступает на первый план не военная и социально-экономическая, а морально-психологическая и политико-правовая природа рыцарства. Аристократический «гонор» наиболее явно проступал как раз у весьма «демократических» по реальному положению слоев населения, что сближает их в этом с неимущими самураями-ронинами (правда, для последних нищенство и наемничество были все же почетнее труда земледельцев). Возможно, сыграло свою роль недемократическое происхождение польской «большой дружины» — основного источника рыцарства («можновладства») — и четкое осознание ими этого факта.

В России же только при зарождении чиновничье-бюрократических тенденций развития практически вернулись к «рыцарскому» опыту Византии — помещики-прониары («воинники» по Ивану Пересветову) и переход от стратиотского ополчения к полунаемникам: стрельцы, пушкари, городовые казаки пограничья (типа акритов). Кстати, и «вольное» казачество Запорожья и Дона также представляет собой еще один из образцов военно-политической организации корпоративно-орденского облика, в чем-то в то же время напоминая федератов Рима и Византии. Впрочем, казаки имели предшественников и в отечественной истории. Это были, однако, не традиционно считаемые за главных их «предков» бродники, не имевшие, судя по всему, политической организации и четкой системы отношений с Русью. Казачьи «войска» с их стройной системой, регалиями войсковых чинов

разного ранга, единым корпоративным духом и территорией более напоминают не бродников, а районы расселения «своих поганых». Последние, кстати, в отличие от Рима и Византии (но как и казаки), использовались не только для обороны границ, но и для решения внутренних конфликтов (осада Чернигова в 1138 г. Ярополком Владимировичем, сражения под Карачевом в 1147 г. и Белгородом в 1159 г.). Участвовали иногда, впрочем, во внутренних войнах и бродники (Лиственская битва 1216 г.). Даже не касаясь военных поселений античности, европейского и азиатского Средневековья, современного Израиля и т. д., можно отметить мимитас (особо доверенные племена, переселяемые инками на завоеванные территории, где они наделялись землей и пользовались привилегиями, см.: Зубрицкий, 1975), итоналли — земли, изъятые у местных, чаще пограничных, племен для содержания ацтекских гарнизонов. Характерно выполнение военными поселенцами функций контроля за местным населением: воины-крестьяне являлись представителями центральной власти. По своим поздним военно-полицейским функциям казачество напоминает особые привилегированные группы кочевников на службе восточных государств. Отличие лишь в источниках существования и экономических льготах (кочевники не только не платили налогов, как и казаки, но и получали часть налогов с земледельческих общин, пропорционально распределяя его внутри племени, см.: Ашрафян, 1966).

Основной ударной силой и одним из главных институтов управления Киевской Руси, безусловно, являлась дружина.

Дружины существовали не только в «дружинных государствах». При этом мы имеем в виду не временные племенные дружины, а постоянные отряды воинов-профессионалов при правителях прото— и «ранних» государств, не наемников, но и не рыцарей-землевладельцев на ленном праве. К «комитатам» (как он называет дружину) Ф. Кардини относит «франкских trustis, лангобардских gesinde, англосаксонских theod», русскую «дружину», так же как и «готских saiones, antmstio или gasindes» (Кардини, 1987). Однако в зоне романо-германского синтеза всеобщее вооружение народа в условиях завоевания как пути государствообразования и господства германцев над местным населением сохраняется вплоть до падения этих государств либо (у франков) до замены народного ополчения феодально-рыцарским. Те небольшие дружины, что существовали, содержались не в силу предоставления им части дани или налога с определенной территории (градского округа), как в Центральной и Восточной, частично Северной Европе, а путем земельных пожалований. Данный способ обеспечения военной аристократии был экономичнее для казны, но делал ее более независимой от короля и практически лишал дружинного статуса. И наконец, но не в последнюю очередь: «дружина» в странах синтеза никогда не выполняла исключительно фискально-административные

функции, так как для этого мог использоваться римский аппарат управления, сохранившийся на местах, органы родоплеменного самоуправления германцев, опирающиеся на вооруженную силу народа, а несколько позднее (с ослаблением или исчезновением тех и других) — двор короля, его должностных лиц (графов) и церковную организацию.

«Главным фактором возникновения „варварских королевств “» Западной Европы являлось «образование стратифицированного общества путем завоевания» (Корсунский, 1984). В этом аспекте данная линия государствообразования более напоминает двухуровневую Болгарию и некоторые корпоративно-эксплуататорские государства, но не более этнотерриториально близкие Чехию, Польшу, Скандинавию и даже Германию. А.Р. Корсунский считает присущими западноевропейским дружинам эпохи «варварских королевств» следующие специфические черты: 1) наделение дружинников землей;

2) охрана их жизни и достоинства повышенным вергельдом;

3) легальное существование дружин частных лиц.

Один из элементов (третий) более всего восходит к Доминату Рима (вооруженные клиенты, букцеллярии), частично — к германской эпохе варварства (дружины хевдингов) (Гуревич, 1977), другой вырастает из германского обычного права, третий (но не первый по списку) — явление абсолютно новое.

В классических «дружинных государствах» первый и третий элементы отсутствуют, а второй не является обязательным и ведущим. Формально-юридически ни в Чехии, ни в Польше, ни даже в Венгрии и Руси рубежа X–XI вв. жизнь дружинника не оценивалась выше жизни простого свободного (рабы не в счет). В Правде Ярослава и та и другая защищалась одинаковой вирой — в 40 гривен (Материалы по истории СССР, 1987. С. 11). Фактически же здесь дружинники, равно как и их предводители, являлись для простых людей лицами вообще неприкосновенными, и их убийство каралось смертью, так как в центральноевропейской модели ранней государственности судебная власть очень рано стала исключительной привилегией верховных правителей, а также назначенных ими лиц из числа дружинников или управителей имений князя. Главный водораздел здесь проходил между дружиной («внутри» которой был князь) и остальным обществом, иногда с промежуточным слоем. В этом аспекте Русь выбивается из ряда классических «дружинных государств». Здесь именно государство в лице Ярослава Мудрого впервые кодифицирует обычное право славян и «закон русский», дополняя их статьями, регулирующими отношения внутри дружины и охраняющими ее имущество — оружие, одежду, коней. Правда Ярослава не носила всеобъемлющего характера, что отличает ее от кодифицированных сборников обычного права германских народов, но все же сам факт государственного закрепления его норм сближает Русь с последними, особенно синхростадиальной,

даже значительно отстающей в политическом плане Скандинавией и несколько опережающей Англией. В самом развитом англосаксонском королевстве Кент, где впервые в начале VII в. было записано обычное право, сам король — «еще частное лицо, хотя его жизнь и имущество ценятся выше». В наиболее же патриархальной, подвергшейся воздействию датского права Нортумбрии в X в. даже короля можно было убить, заплатив затем (родственникам и народу поровну) вергельд, лишь вдвое превышающий плату за жизнь эделинга. О том, что король в данное время рассматривается как частное лицо и не только субъект, но и объект права, говорит отсутствие характерных уже для раннего феодализма понятий «государственной измены» и «оскорбления величества». Русские князья, изначально обладавшие судебной властью, в некоторых случаях (например, статьи об изгойстве «Церковного устава Всеволода») в глазах закона ставятся на одну доску (становятся изгоями по разным причинам) не только с купцом и «поповым сыном», но даже и выкупленным холопом (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. 1976. С. 139).

В странах же романо-германского синтеза таких водоразделов — как вертикальных (социально-политических), так и горизонтальных (этнических и даже религиозных) — существовало несколько, и они образовывали сложную сетку. Регулировать отношения в таком сложном, разноукладном обществе возможно было только с параллельным применением норм римского и обычного германского права, дополняемым корректирующими их с изменившимися реалиями эдиктами королей.

Но главное, принципиальное отличие положения дружины в «дружинных государствах» преимущественно Центральной Европы от ее статуса в «варварских королевствах» зоны романо-германского синтеза все же не в этом. В первой форме государственности дружина практически исчерпывает весь не только экономически господствующий, но и политически правящий слой общества, когда родовая знать уже уничтожена, а землевладельческая еще не народилась (или не создана искусственно).

4. Механизмы государствогенеза и их применение к процессу образования Древнерусского государства

А) Общая классификация механизмов

Город-государство — особая форма государственности, характерная практически для всех типов социально-экономического

развития и этапов государствогенеза, от «вождеств» до зрелых государств капиталистического типа.

Независимо от этнической, культурно-религиозной, «формационной» (рабовладельческой, феодальной и т. д.) и «цивилизационной» основы, все города-государства обладают схожими, а иногда и идентичными чертами территориально-политического и общественного устройства, типом идеологии (точнее, несколькими устойчивыми его вариантами). С другой стороны, территориально-политическая форма городов-государств и их объединений предполагает — с учетом регионально-экономической специфики, правового и социального статуса граждан, особенностей и последовательности формирования города и государства — определенное внутреннее подразделение городов-государств. В качестве рабочей гипотезы можно предложить их земледельческую и торговую формы, а также город-государство как гражданскую общину — полис, коммуна. В реальности также существовали равноправные и иерархические союзы городов-государств, город-государство — столица территориального образования, город-государство — суборганизм другого, более крупного государства другой формы. Оба вида классификаций взаимосвязаны, хотя далеко не всегда на функциональном уровне.

В славянском мире выделяются три зоны городов-государств: Южная Прибалтика, Далмация и Северо-Запад Восточной Европы. Все они существовали в период раннего и развитого Средневековья, и лишь один Дубровник доживет до Нового времени. В территориально-цивилизационном плане они либо входят в Североевропейскую зону (так называемое «Балтийское культурно-экономическое сообщество», наследником которого отчасти стал Ганзейский союз), либо (как Далмация) находятся на стыке классически-феодальной и византийско-османской зон. В формально-типологическом плане первые относятся к торгово-земледельческому варианту, и лишь некоторые (Ральсвик на Руяне, Волин) к чистым «викам» скандинавского типа; вторые ближе к классическим средневековым «коммунам» итальянского образца. В территориально-административном плане часть из них входит в состав государств иной формы (балтийские города «Вендской» державы ободритов, Лютичской теократической конфедерации, княжества руян, позднее — Германии и Дании; Сплит, Трогир, Задар, Шибеник — в состав Венеции и Венгрии). Некоторое время независимым государством с подчиненным ему небольшим контадо (хорой) является Дубровник (Рагуза), вошедший затем на правах автономии в состав Оттоманской Порты. Равноправную федерацию, осложненную входящей в ее политическую структуру княжеской властью, образовали славяно-поморские города во главе с Волином, затем с Щецином.

Псков, Новгород (до него — Ладога) и Полоцк, пройдя через горнило древнерусской государственности, получили или полный суверенитет

(формальную зависимость от Золотой Орды через посредство великих князей владимирских, реально — Москвы, вряд ли стоит принимать в расчет), или значительную автономию в рамках Великого княжества Литовского (Полоцк). В территориально-политическом плане Псков являлся городом-государством, столицей территориального образования, а Новгород как государство был еще более сложным образованием. В нем, кроме полноправного «города-государства» и его сельского «контадо» — пятин, были и «пригороды» — города юридически «второго плана», со своими органами управления и сельскими округами, а также и северные «колонии». Структурно-формализаторский подход к анализу «новгородского феномена», таким образом, отчасти помогает преодолеть тупик в его классификации, отнеся к «сложному», или «иерархическому», городу-государству.

Источники по времени возникновения, социально-политической структуре, направленности культурно-экономических и религиозно-политических связей городов-государств весьма неравноценны для разных регионов славянской средневековой ойкумены. Планировка, архитектура, топография окрестностей сохранились почти в первозданном виде для городов Далмации, особенно Дубровника. Для этого же региона многочисленны и разнообразны правовые, исторические и нарративные документы, имеются описания иностранных путешественников и историков, начиная с Константина Багрянородного, памятники эпиграфики. Южнобалтийский регион, в силу отсутствия у балто-полабских славян собственной письменной традиции, получил освещение разной степени информативности, достоверности, тенденциозности и общего характера в немецких, скандинавских и польских источниках. Данные археологии и топографии также ограничены в связи с многочисленными перестройками «живых» до сих пор, но уже германских, а не славянских городов. Третий регион — Северо-Запад Восточной Европы, или «Аустверг» («Восточный путь»), «Аустрленд» («Восточные земли»), «Аустррики» («Восточное государство») по скандинавской терминологии, освещен прежде всего сагами, русскими и иностранными летописями и хрониками, юридическими документами (от Правды Ярослава до Новгородской и Псковской Судных грамот), договорами городов-государств с князьями, иностранными правителями, городами и купеческими объединениями, донесениями иностранных представителей, памятниками архитектуры, археологии, эпиграфики, сфрагистики, топонимики, топографии и градостроительства.

Анализ источников позволяет сделать вывод, что города— (или хотя бы протогорода—) государства (в некоторых случаях, прото— или субгосударства) возникают лишь на этнических окраинах славянского мира. Их политические формы, внешний и внутренний правовой статус сильно различаются и зависят в первую очередь от

внешнеполитической ситуации, конкретных обстоятельств (путей) возникновения и длительности внешних влияний. Однако главное условие их возникновения на еще «варварской» стадии (этапе «сложных вождеств») развития славянских обществ связано с «досрочной» концентрацией богатств, явившихся материальной базой их становления и развития. Эти «богатства» (избыточный продукт) не могли быть еще извлечены (как в «дружинных государствах» типа Чехии и Польши) из своего народа как по экономическим, так и по идеологическим причинам. В итоге они возникали или на границе разных культурно-исторических типов, например византийско-православного (позднее исламского) и феодально-католического; каролингско-континентального, центральноевропейско-дружинного и балтийско-скандинавского североевропейского; «балтийско»-скандинавского и славяно-финского. Второе условие — это расположение на трансъевропейских морских и речных путях или местах их выхода к границам крупных континентальных держав (империи Каролингов и ее «наследников», Византийской и Османской империй, Древнерусского государства).

Некоторые из протогородов-государств или городов-субгосударств превращаются в подлинные города-государства, подчиняют себе сельскохозяйственные промысловые территории и доживают до позднего Средневековья (Новгород, Псков) либо даже до Нового времени (Дубровник), другие же сходят с дистанции, меняя свой этнический и социальный облик, теряя суверенитет. Под эгидой Антанты и на короткое время возрождается «независимость» таких городов-государств, как славяно-немецкий Данциг (Гданьск) или славяно-итальянский Триест.

Внутри славянского мира присутствуют, хотя и не всегда в «чистом» виде, все четыре формы городов-государств: «земледельческий», торговый, полис-коммуна, «сложный» город-государство — глава иерархического союза городов или столица территориально-«колониального» образования. При этом первая и последняя формы характерны не только для Древнего мира и Средневековья (или «азиатского способа производства», античности и феодализма), но и предшествующей им эпохи «варварства» или «сложных вождеств» (Центральная и Южная Америка, Западная Африка, Шумер, Аравия). Относится это и к «викам» Балтийского региона, в том числе славянским.

В этой связи, а также благодаря отсутствию городов-государств в большинстве «ранних» славянских государств (Польше, Чехии, Великой Моравии, Болгарии, Сербии, большей части Хорватии и Древней Руси), вряд ли верным представляется универсализирующая посылка востоковеда Л.С. Васильева, объявившего урбанизацию непременным условием существования (sine qua non) всех ранних государств. С другой стороны, нельзя считать города-государства и отражением на

социально-политических структурах природно-географической, этнорегиональной и религиозно-культурной специфики. Города-государства существовали во всех религиозных конфессиях, но не на всех ступенях развития, например, греческого этникоса, как и не во всех регионах средневековой Италии или Нидерландов, да и того же славянского мира. Северный же и южный ареалы славянских городов-государств имеют типологическое сходство не между собой, а с соседними неславянскими регионами — Швецией[30] и Италией, относясь в основном к смешанной торговоземледельческой форме на севере и к полифункциональным «коммунам» на юге славянской ойкумены. В то же время их сближает либо большая роль права, чем в подчинивших их или «покровительствовавших» им территориальных государствах, либо отличие этого права от законов этих государств. Существенны также большие, чем в этих зачастую с «деспотическим» правлением государствах, нормы эксплуатации зависимого от гражданской общины более «демократических» городов-государств сельского населения и «колоний» (Новгород, Псков, Дубровник), и наличие рабов даже в эпоху развитого Средневековья.

Неотъемлемой частью процессуально-этапного подхода является понятие (термины могут различаться) «механизмы государствогенеза» или, отражая наиболее существенные его аспекты, «институционализации и легитимизации власти». Следует отметить, что эти понятия связывают данный подход с «горизонтально»-типологическим, так как существует определенная контаминация между механизмами государствогенеза и теми формами государственности, к которым они приводили. Механизмы социо— и политогенеза различаются, хотя в реальности они часто переплетены.

Набор первых в последнее время хорошо разработан А.В. Коротаевым (формально — на примере Сабейского региона). Что касается вторых, то данные о них содержатся в работах, связанных с конкретными путями, территориями и этапам политогенеза. Автор в свое время попытался скомпилировать эти данные для трех этапов политогенеза: формирования вождеств; перехода от простых вождеств к сложным и развития последних; перехода от сложных вождеств к ранним государствам.

Дальнейший этап работы заключается в выявлении тех механизмов, которые были задействованы при переходе от одного этапа к другому, а также при становлении (институционализации) и легитимизации нового уровня или типа организации власти.

Для этого используется как комплексный и компаративный анализ конкретных групп источников по каждому факту или явлению в ходе древнерусского государствогенеза, так и попытка «примерить» те или иные выявленные путем синтеза механизмы к вырисованным по источникам древнерусским реалиям.

Б) Механизмы формирования «вождеств» (первоначальные)

Ранее автор предложил следующие типы механизмов институционализации власти, повлекшие создание его структур уровня «вождеств» разных типов, назвав их «первоначальными», или «традиционными»[31].

Механизм 1. Через личные качества, способности (путь к меритократии, военной демократии).

Механизм 2. Через родственные связи (путь к аристократии, «мегаобщинам» разных вариантов, кастовому государству, в итоге иногда — к чиновничье-бюрократическому государству).

Механизм 3. Через возрастные классы (путь к геронтократии; «military government», примитивному «феодализму»).

Механизм 4. Через сакрализацию свойств, действий, качеств (путь к теократии, некоторым земледельческим («восточным») протогородам-государствам, затем — чиновничье-бюрократическому государству типа восточной деспотии).

Механизм 5. Через неформальные корпоративные организации (путь к начальной иерархии, в том числе военной, корпоративно-эксплуататорским протогосударствам).

Механизм 6. Через накопление материальных ценностей, со статусом первоначально не связанное (путь к «плутократии-олигархии, торговым протогородам-государствам, особым («меланезийским») типам вождеств).

Механизм 7. Через брачно-семейные отношения (путь к «территориальным царствам», иерархически организованным союзам племен).

Позднее, при переходе от простых вождеств к сложным, добавляются и временно становятся преобладающими внешне-военные механизмы. Они дополняются в течение этого этапа, особенно ближе к его завершающей фазе, механизмами внутренних конфликтов, разрешаемых разными способами. Среди них наиболее перспективный — компромисс, когда путем реформ (что не исключало предварительного подавления проигравшей стороны) создавались властные структуры нового уровня, часто уже раннегосударственного. И наконец, на фазе становления ранних государств (при сохранении большей части традиционных механизмов) появляются регулятивно-правовые и идеологические механизмы. Элементы последних, безусловно, существуют и ранее в составе «сакральных» (через «неформальные организации») и иных механизмов, но как особая система постулируемых и вносимых «сверху» воззрений, направленных на легитимизацию власти, идеологические механизмы появляются лишь на этом этапе государствогенеза. Частями идеологии становятся религия, философия и искусство.

Но государственная идеология далеко не всегда полностью совпадает с религиозной по форме, содержанию, средствам и целям. Происходят и прямые конфликты их носителей. Появляется

гражданская демагогия как вариант воздействия на «общество» со стороны властных структур или правящей иерархии.

Внешне-военные, преимущественно завоевательные механизмы, приводили к созданию корпоративно — (этнически) — эксплуататорских (в том числе кочевнических) и двухуровневых предгосударств (Первое Болгарское царство до реформ Крума, держава Олега и Игоря на Руси, Великое княжество Литовское языческих времен, Хазарский каганат), некоторых типов полисов, к расширению пределов власти торговых и «восточных» городов-государств, а также «восточных деспотий».

Военные механизмы почти исключительно контаминированы с кастовой и феодально-иерархической государственностью.

Внутриконфликтные, договорно-компромиссные, правовые, идеологические механизмы не увязаны жестко с той или иной формой государственности (хотя часто используются при создании и дальнейшем укреплении полисов и чиновничье-бюрократических государств).

Излишне говорить, что в исторической и этнологической конкретике, особенно с учетом специфики, степени информативности и тенденциозности Источниковой базы, различные типы механизмов переплетаются, дополняют друг друга или «борются» между собой, зачастую приводя не к тем результатам (формам вождеств, протогосударств и государств), которые указаны выше.

Казалось бы, давно забытые «традиционные» механизмы неожиданно всплывают на новом витке политогенеза, подтверждая тезис «все новое — хорошо забытое старое», а также что «ничто не ново под луной»…

Проблема сочетания множественности, единства и подобия в социо — и политогенезе в последнее время рассматривалась, в частности, и Х.Дж. Классеном. Разнообразные (но не бесконечные, а повторяемые) пути и линии начального политогенеза (в том числе в Европе XX в.), выражающиеся в разных формах догосударственных организмов (а значит, и в механизмах их становления), при определенных условиях приводят также к разнотипным, но обладающим важными общими чертами ранним государствам.

Набор механизмов институционализации и легитимизации власти во всех регионах, на всех путях и этапах государствогенеза достаточно стандартен, ибо зависит в основном от особенностей человеческой психики, этнического менталитета, культурных и религиозных традиций, уровня развития общества, статуса и целей стремящихся к власти. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что «сходные политические структуры возникли в различном культурном окружении и независимо» (Классен, 2000. С. 18).

Механизмы институционализации и легитимизации власти (МИЛВ), или государствогенеза, в этой связи могли абсолютно не совпадать с

так называемыми «факторами социальной эволюции», связанными с глубинными причинно-следственными явлениями в жизни общества, с теми объективными задачами, которые перед ним в целом стоят в данный момент. Недаром автор этого понятия А.В. Коротаев характеризует его также термином «источники социальной эволюции», насчитывая около десятка их типов. При количественном совпадении «механизмов» и «факторов» лишь один из них, а именно «конфликт интересов», приблизительно совпадает, да и то в сложных и сверхсложных социумах.

Это говорит об абсолютно разной мотивации развития общества (социума) в целом и отдельных личностей или их групп, «страт», стремящихся к власти над ним. Кроме того, «выбор» «механизма» определяется скорее не целью, а средствами, которые в конкретной ситуации являются (или представляются) наиболее доступными и эффективными.

Целью нашей работы не является выявление факторов, явившихся источником, первотолчком древнерусского государствогенеза и определивших социальную (в меньшей степени — политическую) специфику древнерусской государственности на разных этапах ее становления. Эти факторы не получили прямого освещения ни в одной категории источников, а попытки, тем более универсалистско-метафизического плана, выявить их исходя из базовой, вульгарно понимаемой марксистской доктрины лишь завели в тупик советскую историографию Киевской Руси.

Целью исследования является решение более частного вопроса: какие механизмы сознательно или имплицитно использовались иерархией и правящей элитой потестарно-политических образований Восточной Европы для прихода к власти, ее укрепления и расширения политических и территориальных рамок. Применение (впервые — системное) методов политической (социокультурной) антропологии к реалиям источников позволяет компенсировать объективные и субъективные недостатки последних, нарисовать более четкую, пусть и формализованную, но встроенную в мировую социополитическую динамику, картину древнерусского государствогенеза. С другой стороны, применение теории к конкретным материалам может лишний раз проверить степень ее достоверности, дополнить ее и уточнить.

Помимо этого, знание механизмов государствогенеза может «от обратного» помочь уточнить и структуру образовавшегося в результате их действия государства, особенно если она (как в нашем случае) нашла слабое отражение в источниках. Здесь мы целиком согласны с мнением Х.Дж. Классена, что «сходные проблемы, возникающие в разных частях земли, ведут к развитию схожих решений (процессов)» (Claes-sen, 2006. P. 28). Это означает, что если в каком-то регионе изначальные проблемы, явления и порожденные ими процессы схожи, то схожими будут и их результаты. Зная последние для другой

территории, мы можем с определенной долей вероятности перенести их на иную, где результат (в данном случае форма государственного устройства) источниками освещен плохо — но, конечно, при условии явной схожести исходного «толчка» и механизмов государствогенеза.

В) Этап «отдельных вождеств»

Само содержание этапа и типология вождеств в Восточной Европе подробно реконструированы автором ранее (Шинаков, 2000). Остановимся на механизмах. Два из них — **«плутократического»** и **«родового» (генеалогического)** типов — реконструируются для фазы расцвета вождеств. Источником средств для создания первых органов власти, судя по сочетанию данных письменных, археологических и нумизматических источников, было участие в международной торговле по «Восточному пути». Обоснование права на власть — первопоселенчество, древность рода, принадлежность к «земельной» аристократии («лучшим мужам»), то есть механизмы «родового» типа. Влияние внешних сил на процесс местного политогенеза не прослеживается, хотя летопись отмечает, что часть славянских и финно-угорских племен находилась в зависимости от варягов и хазар (Петр из Дуйсбурга, 1996), а некоторые историки предполагают и наличие протектората Великой Моравии (Новосельцев, 1991; Шинаков, 1993а. С. 8; 1993б. С. 180). Отметим, что для южных регионов данных о наличии иерархии — родовой знати — в источниках нет. Скорее всего, и для Юго-Запада (белые хорваты), и Центра (поляне) есть сведения о раннем зарождении правящей — княжеско-дружинной — элиты. Это и сведения арабских авторов (Ибн Русте, ал-Масуди), и включенная в «Повесть временных лет» легенда о Полянской дани хазарам «мечами» (Петр из Дуйсбурга, 1996). Косвенно это свидетельствует о внешне-военных механизмах, напрямую в источниках не отраженных (о боях с хазарами, кроме косвенных — «дань мечами», и межплеменных столкновениях сведений нет: «жили в мире»). Судя по данным археологии, «военная демократия» и «иерархия» (а значит, и военные механизмы) могли присутствовать в государствогенезе племен Юго-Востока («Хазарской зоны»), в первую очередь — северян.

Завершающую фазу этапа отдельных вождеств и начало перехода к следующему этапу на Севере Руси маркирует **ответно-военный механизм,** связанный с перераспределением доходов от международной торговли, монополизированных к середине IX в. пришлыми «варягами» (по древнерусской летописной терминологии), или «русами» (по терминологии арабских источников). В ходе восстания против них, зафиксированного также скандинавскими сагами и данными археологии (Джаксон, 1994. С. 73; Кирпичников, 1979. С. 49), к власти приходит племенная аристократия (иерархия).

Далее, после конфликта между иерархией разных племенных объединений (чуди, мери, веси, кривичей, словен), вступает в действие **договорно-компромиссный механизм.** Он заключается в

формировании верхнего уровня власти в создавшейся конфедерации методом приглашения из-за рубежа не особенно сильной, но уже обладающей опытом власти (и главное — аурой легитимности) правящей группы (князь Рюрик с братьями, «своим родом» и дружиной). Вопрос о достоверности самой личности Рюрика, тем более его братьев — Трувора и Синеуса, весьма дискуссионный в литературе, но в данном аспекте значения он не имеет. Действия правящих родов отдельных частей образовавшегося благодаря ответно-военным механизмам протогосударственного объединения даже по логике должны были быть такими, если сохранение этого объединения равноправных и равных по силе «вождеств» для них было важнее личных или групповых амбиций. Существует обоснованная точка зрения, что этот компромисс был закреплен письменным договором, фиксирующим права и обязанности сторон (Гринев, 1989. С. 38–42). Если это так, то налицо факт перерастания договорно-компромиссного механизма в правовой. В стадиальном аспекте он начинал действовать слишком рано, однако надо учитывать региональную специфику Северной Руси, входившей в состав «Балтийского культурно-экономического сообщества» (Кирпичников, 1979. С. 26; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко, 1980), в котором правовое регулирование отношений возникает еще в эпоху «варварства», внутри отдельных вождеств.

В результате образовалась сложная система власти, в которой каждый ее элемент не обладал ею полностью.

Г) Этап «сложных вождеств»

При постепенном расширении «территории власти» путем присоединения все новых вождеств (княжеств, племен, протогородов-государств, военно-потестарных союзов) к уже сложившемуся вдоль международных торговых путей — сначала «Восточному», или Волжскому (Балтийско-Каспийскому), позднее «из варяг в греки», или Днепровскому, а также сухопутному Баваро-Хазарскому — «скелету» «варварской» государственности, и пользовался старый торгово-плутократический механизм и новый — военно-завоевательный. Старый действовал двояко. Во-первых, главным источником богатств новой правящей элиты (и отчасти старой иерархии) оставалась международная торговля. И варяго-русская элита, и племенная иерархия Севера стремились поставить под свой контроль всю протяженность торговых путей. Во-вторых, местная знать мирилась с потерей части власти и дани в пользу элиты верхнего уровня, имея свою долю в доходах с международной торговли и добычи (контрибуции) в случае внешних грабительских войн, которые самостоятельно она вести не могла. В группе «военных» появляется новый, интегративно-обогатительный по значению тип механизма — «грабительские войны».

Действие первого (плутократического) механизма породило варяжские экспедиции вниз по Днепру, поддержанные земельно-торговой иерархией «северной конфедерации», стремящейся выйти на рынки Византии. В итоге — захват Киева Аскольдом и Диром, а затем легендарным Вещим Олегом (882 г.) и их военно-торговая активность в византийском направлении.

Для дальнейшего расширения «сферы власти» русы применили военно-завоевательный механизм. Это расширение (объединение южных вождеств и княжеств вокруг «России» с центром в Киеве) было необходимо для увеличения экспортной базы русов при торговле и получения воинских контингентов в случае войны. Местные князья и иерархия «славиний» мирились с верховным владычеством русов до тех пор, пока последним сопутствовала удача. Военным путем можно было покорить разрозненных противников (тем более тех, кто уже привык платить дань хазарам или Великой Моравии), но удержать их только военно-принудительным методом немногочисленные русы не могли. Это показали события 941–944 гг., приведшие к гибели князя Игоря и отчасти — старой, уровня «сложных вождеств», потестарно-политической системы. Эта система распадается в результате внутреннего конфликта между разными уровнями власти — «русским» и «славянским», порожденного внешними военными неудачами.

Само восстание одной из «славиний» (древлян — «вервианов»), возглавленное местными князьями и аристократией (правящей элитой и иерархией), регентша Ольга подавила еще «варварскими» методами, применив военное подавление и военно-устрашающие механизмы, обретшие в летописи легендарную форму «ритуализированного конфликта». Ритуальный антураж этого конфликта некоторые историки считают главным, учитывая особенности языческого религиозно-мистического мировоззрения (Александров, 1995). Однако для позитивных действий, для реконструкции всей системы власти требовались новые механизмы. При пассивности верховной правительницы могли произойти или возврат государственности на уровень отдельных вождеств, или, что менее вероятно, смена правящего рода и элиты во главе сохранившегося, хотя и несколько трансформированного и урезанного (сократившегося по территории) «варварского» предгосударственного образования. В случае использования правильных механизмов, решительности и осторожности их применения возможно было не только преодоление кризиса, но со временем и переход на новую, более высокую ступень развития государственности.

Д) Этап раннего государства — фаза «перехода» и становления (на примере Руси)

При его создании осознанно (или под давлением событий) были задействованы многие механизмы как нового, так и традиционного типов.

Механизм сознательно проводимых системных реформ впервые в истории русского государствогенеза был применен в конце 40-х гг. X в. княгиней Ольгой. При их проведении учитывались региональные потестарно-политические традиции и их специфика, статус и способ присоединения тех или иных этнопотестарных организмов к Древнерусской державе. Это — «домен» Рюриковичей, Среднее Поднепровье; северные земли, имевшие с правящей династией давние договорные отношения; завоеванные после мятежа (и в силу этого бесправные) земли древлян.

Реформы проводились, судя по летописи, в три этапа. Первый, при Ольге, был концентрированным по времени (в течение нескольких лет) и ограниченным по сферам и территориям применения. Второй, при Владимире, был более растянут по времени (80–90-е гг. X в.), имел всеобъемлющий характер в территориальном аспекте и касался почти всех сторон жизни общества. Третий, при Ярославе и его сыновьях, был «разрывным» (дискретным) по времени, эпизодическим и касался лишь правовой сферы, системы престолонаследия и статуса князя.

При Ольге наиболее кардинальные изменения были проведены на вновь покоренных после восстания землях древлян. Все старые органы местной власти, от князя до градского самоуправления, ликвидировались. Вместо племенного княжества, то есть этнопотестарного организма, создавалась чисто территориальная единица — «земля» — под управлением князя из рода Рюриковичей, киевского наместника. Упразднялись местные мононормы, или обычное право[32], заменяясь великокняжескими «уставами» — указами по конкретным случаям, то есть единая, дававшая какие-то правовые гарантии населению, правовая система временно ликвидировалась. Неупорядоченная дань — контрибуция времен Игоря — заменялась постоянными нормированными «уроками», собиравшимися не во время отмененного «полюдья», а свозившимися в княжеские «станы» под охрану русских гарнизонов. В результате появились многие признаки государственности: замена племенного деления территориальным, первые шаги в становлении налоговой системы и аппарата принуждения. Отношения реципрокности, существовавшие в вождестве (княжестве древлян) между правящей элитой, иерархией и остальным обществом, фактически или ритуально-идеологически заменялись отношениями господства-подчинения.

Реформы на Севере носили более ограниченный и не государственный, а скорее частноправовой характер. Во-первых, Север был полностью лоялен Киеву и лично Ольге во время кризиса, и еще более упрочивать здесь позиции государственной власти не было необходимости. С другой стороны, не было и правовой, мирной возможности как-то изменить здесь положение в пользу княжеской власти, так как отношения между ней и местной иерархией носили традиционно-договорной характер. Как опорные пункты личной власти

и богатств Рюриковичей, выделялись земли и населенные пункты с особым статусом — погосты, жители которых платили не дань — государственный налог, а оброк — ренту непосредственно в пользу личности или поста князя. Частные земельные владения и населенные пункты князей — села — создавались и в домене, в непосредственной близости от Киева.

Субъективно реформы Ольги были направлены на создание монополии верховной власти только для рода Рюриковичей, но объективно являлись первым шагом к созданию раннего государства на Руси.

Из многочисленных реформ и преобразований Владимира Святого лишь некоторые были прямо или косвенно затронуты летописцем: военная, политическая, весьма ограниченная правовая и лишь одна — религиозно-идеологическая — представлена в летописи весьма подробно. Это и не удивительно как в связи с агиографическим характером описания деятельности Владимира, так и с авторством русских летописей, создававшихся исключительно в церковной среде.

Военная реформа имела два этапа, что было связано с изменением задач, стоявших перед государством. Вначале это было завоевание (объединение) отпавших или ранее не подчиненных Киеву племен, княжеств и городов, позднее — оборона от массированного натиска кочевников-печенегов.

В первом случае была необходима сравнительно небольшая и сплоченная, корпоративная военная организация, способная справиться с племенными ополчениями и немногочисленными дружинами местных князей порознь, а затем составлять небольшие гарнизоны контрольных пунктов («градов») в племенных межграничьях. Грады эти обеспечивались (по более раннему примеру Великой Моравии и Чехии) за счет окружающего населения, что было выгодно с экономической точки зрения. Войско должно было состоять из профессионалов, не связанных корнями (происхождением) с местным населением. Идеально на эту роль подходили наемники-варяги и дружина — «русь», состоявшая из людей, потерявших традиционные (племенные) социальные и этнические связи.

Во втором случае требовалось создать большое, сражавшееся хотя бы отчасти из патриотических соображений войско, ибо оборонительные войны добычи не дают. Часть войска могли составлять и не очень хорошо обученные (но с профессионалами во главе) гарнизоны пограничных крепостей, часть — профессиональная, подвижная кавалерия, превосходящая по качеству печенежскую. И та и другая части изначально были гетерогенны в этническом и социальном планах, но в ходе совместной военной деятельности они интегрировались в монолитную, хотя и разделенную на ранги, организацию — так называемую большую государственную дружину, обладавшую корпоративным сознанием и чувством «элитарности»,

превосходства над остальным населением, а в дальнейшем — осуществлением своего монопольного права советовать князю и участвовать в управлении государством. Военные механизмы создали государственный аппарат разных уровней. В военном отношении «большая дружина» сменила племенные ополчения, небольшие племенные и личные дружины, а также «всех росов» — военно-властную элиту страны. Варяги-наемники продолжали использоваться, но только в случае крупных внутренних или внешних конфликтов.

Политическая реформа коснулась системы организации верховной власти и управления. Власть над всеми землями и ключевыми городами передавалась только сыновьям великого князя и всем членам рода Рюриковичей, и лишь при их нехватке — посадникам, то есть наместникам великого князя из состава «старшей дружины», этих «лучших мужей», позднее именовавшихся болгарским термином «боляре». Данная система организации высшей власти получила в литературе название «родовой суверенитет Рюриковичей над Русью». Ближайшие аналогии такой системы — Хазарский каганат, Польша, Скандинавия.

Всеобъемлющих правовых реформ Владимир не проводил, ограничившись сферой церковного права. Однако одна реформа — временное введение смертной казни — имела место. Интересна религиозно-идеологическая мотивация этого шага, как бы вручающая от имени Бога в руки правителя меч правосудия, дающая ему право над жизнями «злых» подданных в интересах «добрых». С точки зрения содействия процессу государствогенеза указанная реформа методом устрашения помогла быстро ликвидировать неизбежные побочные последствия, издержки ускоренно проведенной ломки «племенных» социальных и этнопотестарных отношений, породившей «много разбойников». При проведении данной реформы использовались результаты (в виде опоры на мнение православного клира) ранее проведенной религиозной. Поскольку именно о ней исписаны горы литературы, мы остановимся только на ее значении в контексте государствогенеза.

Во-первых, интегративное значение. Во-вторых, укрепление положения династии внутри страны. В-третьих, укрепление внешнеполитических позиций и престижа как новой державы в целом, так и правящего в ней рода в частности. Наиболее явно интегративная цель религиозной реформы просматривается при описании языческой ее части; так, языческие идолы разных племен были просто свезены в Киев, как бы взяты в заложники, и насильственно подчинены богу русов — Перуну. Христианизация решала вопрос еще кардинальнее — племенные боги просто уничтожались. С другой стороны, принятие равно чуждой всем племенам религии помогало избежать психологических трудностей — естественного нежелания подчиняться богу соседей, по рангу точно не выше «своего», да еще и традиционно

враждебного. С точки зрения повышения престижа власти и страны была важна не религиозная идеология или даже обрядность, а сам процесс принятия христианства практически из рук главы мира — василевса ромеев, сопровождаемый установлением с его династией родственных связей (что для Владимира, возможно, было важнее самого акта крещения). Существенное значение имел и прагматизм Владимира — он знал, что для христианских держав никакие договоры с язычниками не считаются обязательными. Церковная организация могла использоваться как один из элементов государственного аппарата, а религия, религиозная литература и искусство становились частью идеологического механизма легитимизации власти.

Имплицитно, из контекста летописей, диахронного компаративного анализа ситуации до и после правления Владимира, по данным археологии, нумизматики, эмблематики, эпиграфики, с большой долей очевидности вытекает проведение при нем также территориально-административной, брачно-семейной и денежно-финансовой реформ.

Территориально-административная реформа. Если до Владимира сохранялись независимые и полузависимые этнопотестарные организмы разных типов и размеров, то в XI в. существует уже унифицированное деление Руси на земли, волости, погосты, миры. Во главе их стояли князья из дома Рюриковичей, их наместники — посадники, выборные «старцы градские» и старосты.

О брачно-семейной реформе свидетельствует то, что если в первой половине правления Владимира существовало еще многоженство (полигамия), то в конце — моногамия, по крайней мере, где это могли контролировать Церковь и княжеская администрация.

Денежно-финансовая реформа заключалась в окончательной отмене «полюдья», замене его поэтапным (погост — волость — земля — Киев) сбором дани специальными отрядами типа «налоговой полиции». Менялась и ориентация русской денежно-весовой системы с мусульманского Востока, где иссякли серебряные рудники, на Византию. По образцу и весу византийских милиарисиев чеканятся первые русские монеты с княжескими и христианскими символами, что также поднимало внешний престиж государства.

При Ярославе Мудром устанавливается наконец четкая система престолонаследия — «лествичная»: стол передается от брата к брату, затем очередь переходит к следующему поколению братьев и т. д.

Правовые реформы начались еще в ходе гражданских войн 1016–1019 гг. и продолжались с перерывами вплоть до распада Древнерусского государства в 30-х гг. XII в. В качестве механизма государствогенеза они служили средством консолидации раннего государства и поднятия авторитета власти, да и прямо охране экономических интересов как правящей элиты, так (хотя чуть позднее) и земельной иерархии.

Военные механизмы фазы становления ранней государственности делятся на военно-объединительные, военно-оборонительные, военно-завоевательные, а также конфликты демографической направленности, внутренние конфликты, военное вмешательство в дела соседних стран и конфликты иного типа.

Военно-объединительные охватывают короткий период (975–985 и 993 гг.) при Ярополке и начале правления Владимира Святого, имели целью расширение территориальной, демографической и финансово-экономической базы центральной власти и объективно носили интегративный характер.

Военно-оборонительные охватывают 90-е гг. X в. — середину правления Владимира Святого, а также 1018, 1036, 1060–1061, 1068 гг. Последние (кроме 1068 г.) мало повлияли на процесс государствогенеза, а вот оборона от печенегов стала в 90-х гг. X в. первым общегосударственным мероприятием, сыгравшим решающую роль в консолидации только что территориально объединенного раннего государства. Она послужила идеологическим оправданием многих «непопулярных» действий правящей элиты, помогла ее примирению с лишившейся власти местной военной иерархией посредством включения последней в состав «большой государственной дружины». Подробнее состав такой дружины, в которую был включен полк из «князей» (вероятно, бывших племенных), описан для соседней Польши (Галл Аноним, 1996. С. 335).

Военно-завоевательные предприятия (в отличие от «внутренних» объединительных) не сыграли существенной роли в государствогенезе, вне зависимости от того, были они выиграны или проиграны. Следует отметить лишь «имперский эксперимент» Святослава, пытавшегося создать государство той же формы (двухуровневое), но иного масштаба. «Имперский» этап считается иногда обязательным при определенных линиях государствогенеза, а именно для славянского, составляя его завершающий этап (Королюк, 1972а. С. 23).

Конфликты демографической направленности явились специфически древнерусским явлением, поскольку, в отличие от запада Европы, на ее востоке не хватало не земли, а населения. Были конфликты, которые, вероятно, имели сознательной целью переселение целых групп населения на Русь, как, видимо, это произошло в 1058 г. с галиндами, переселенными после похода Ярославичей в центральный регион Руси (Шинаков, 20066. С. 122–146). Побочный демографический эффект — создание особых групп населения, пограничников-федератов — имели оборонительная война с печенегами в 1036 г. и наступательная против торков в 1055 г. Подобное же значение имело поселение польских пленных на пустынных до этого землях вдоль пограничной реки Рось.

Внутренние конфликты имели для консолидации государственности то положительное значение, что в их ходе

сокращалось число претендентов на верховную власть, и иногда оставался один «автократор» (единодержец), как Владимир Святой в 980 г. или Ярослав Мудрый в 1019 г. В меньшей степени (поскольку конфликтов сепаратистской направленности почти не было), успешно разрешенный военный конфликт пресекал центробежные тенденции. Так, во время подавления народных восстаний (1068–1069, 1071 гг.) происходила временная консолидация правящей элиты. Некоторые из восстаний (1015, 1068–1069, 1071 гг.) оказывали влияние на законотворческую деятельность (создание Правды Ярослава в 1016–1019 гг. и Краткой редакции Русской Правды в 1072 г.).

Вмешательство во внутренние дела сопредельных стран. Участие русов в подавлении мятежей военной элиты и сепаратистских движений в Византийской империи в 987–988 гг. могло подтолкнуть правителей Византии дать разрешение на брак принцессы Анны и Владимира Святого, что повысило престиж последнего и внутри страны, и вне ее границ. Помощь Казимиру Восстановителю в подавлении народного восстания и сепаратистских движений в Польше в 1041–1047 гг. укрепила позиции Руси на ее западных рубежах, существенно подняв ее международный престиж.

Конфликты иного типа. До сих пор исследователи не находят объяснений причинам запоздалого «викингского похода» на Византию в 1043 г., закончившегося провалом. Возможно, цель была военно-устрашающая — добиться большей автономии Русской церкви, обеспечить более выгодные условия торговли или, например, получить признание прав Ярослава на титул цесаря (которые он, судя по данным эпиграфики, действительно имел к концу жизни).

Среди остальных механизмов с военными наиболее тесно оказались контаминированы интегративно-демографические, меритократические и отчасти идеологические.

Первые среди них (демографические) получили подробное описание в одной из наших статей (Шинаков, 20066). С военными их связывает практика переселения на пограничные (по византийско-болгарскому примеру) и пустующие земли пленных и покоренных, включая целые племена. Кроме того, решая вопрос о заселении пограничных крепостей воинами, Владимир одновременно подрывал главный источник сепаратизма среди подчиненных ему племен и княжеств. В составе их гарнизонов значительную часть составляла военно-политическая элита этих племен — «лучшие мужи», насильственно отрывавшиеся от своей этносоциальной среды и переселявшиеся на противоположные границы государства. Бывшие кочевники (хазары, печенеги, торки) помогали формировать русскую конницу как в составе особых пограничных «поселенных» войск («свои поганые»), так и напрямую включаясь в состав «большой дружины» (о хазарах это известно по данным археологии).

С источниками и способом комплектования «большой дружины» связаны пережитки (или реминисценции) меритократических механизмов. Правда, их использование находит подтверждение не в главных источниках, а в русских былинах и письменных памятниках соседних, синхростадиальных и сходных по типу государствогенеза стран, в частности Польши (Галл Аноним, 1996. С. 343). Способности к войне являлись способом повышения социального статуса и включения в новую, раннегосударственную правящую дружинную верхушку, что помогало победить племенную элиту и иерархию.

Идеологические механизмы начали применяться еще в отдельных вождествах, полностью совпадая с языческой религией, и ее проводниками были жрецы — «волхвы». Однако свое отражение данный период действия этих механизмов нашел лишь в летописи христианского периода. В «Повести временных лет» скомпилированы три типа идеологической легитимизации власти: первопоселенческо-родовой, отразивший действие «родовых» (генеалогических) механизмов (легенда о Кии и его братьях); дружинный — «варяжская легенда», связанная с действием военно-объединительных и договорно-компромиссных механизмов; христианский. Последний проявляется в данном аспекте наименее четко: лишь имплицитно прослеживается идея изначальности власти и получения ее от Бога. То же христианское происхождение (возможно, путем прямого заимствования из Византии) имеет идея о долге воинов защищать Веру и Отечество, и недаром первым названием нового, этнически гетерогенного народа стало «христиане». Именно в такой, христианской форме зарождается общерусский патриотизм, ведь русы-язычники — лишь один из народов государства, а их бог — Перун. Кроме военного и интегративного назначения, христианско-идеологические механизмы использовались для поднятия внешнеполитического престижа Руси, национального самосознания, авторитета княжеской власти. Идеологическое обоснование создавалось и для конкретных, частных целей: например, введения отсутствовавшей до этого смертной казни, создания представления о том, что покушение на жизнь и даже здоровье князя-Рюриковича — смертный грех, за который виновный неизбежно понесет наказание от Бога. Последнее особенно существенно, ибо не только в обычном праве, но даже и в кодифицированном праве (Русской Правде) отдельные статьи об охране жизни, здоровья и чести князя отсутствовали.

Правовые механизмы отчасти совпадают с механизмами реформ, кодифицируя и легитимизируя их результаты. Но чаще реформы в писаном праве отражения не находили, оставаясь, вероятно, на уровне устных княжеских решений и указов. С другой стороны, и само право носит не превентивный, а эвентуальный, прецедентный характер и закрепляет результаты оперативного реагирования на конкретные казусы, в том числе связанные и с защитой жизни, здоровья, чести и

имущества правящей элиты (дружины, государственной и частновладельческой княжеской администрации) и иерархии (бояр-землевладельцев).

Семейно-брачные механизмы применялись Владимиром в периоды его деятельности параллельно с реформаторскими и военными. Основная их сфера — интеграция, поднятие внутреннего и внешнего престижа, легитимизация власти, а также расширение территориальных пределов государства, укрепление его внешнеполитических позиций. Дополним, что Владимир мог пытаться семейно-брачные механизмы сделать альтернативой и родовым, но, судя по системе престолонаследия, введенной при Ярославе Мудром, эта попытка не удалась.

Компаративный анализ механизмов с конкретными формами государственности показывает, что на этапах сложных вождеств и ранних государств (для более ранних этапов нет отобранной автором типологии и достаточно информативных источников), на Руси IX — середины XI в. в целом или в виде отдельных элементов присутствовали следующие формы:

1. Корпоративно-эксплуататорская.
2. Двухуровневая.
3. Чиновничье-бюрократическая (умеренной *византийско-болгарской модели*).
4. Формы торгового и земледельческого («восточного») города-государства.

Данный вывод не противоречит как сделанным ранее на основе эмпирического анализа положениям о «двухуровневом» варварском государстве, так и некоторым претендующим на универсализм оценкам характера древнерусской государственности в целом.

Это — теория о «государственном», или «городовом», феодализме (создатель — Б.А. Рыбаков, нынешний сторонник — М.Б. Свердлов), по определению наиболее схожем с «восточной деспотией», то есть с чиновничье-бюрократическим государством. Теория о городах-государствах (в основном «торгово-промышленного» типа, во вторую очередь — о городах-государствах как общинах вечевого типа), впервые предложенная В.О. Ключевским (Ключевский, 1987. С. 137–150, 161–171), в последние десятилетия в чистом виде разделяется лишь зарубежными учеными. Некоторые историки довели эту идею до абсурда, постулируя отсутствие собственно государственности на Руси, которая представляла собой «варяжское торговое предприятие», аналог Ост-Индской компании, где отдельные княжества были «коммерческими предприятиями для получения прибыли» (Пайпс, 1993. С. 48). Анализ действия механизмов, в том числе торговоплутократических, указывает на то, что они объективно были одними из важных, а в отдельные моменты и решающими факторами государствогенеза, хотя субъективно могли преследовать

преимущественно экономические цели. Потестарно-управленческий аспект в формировании городов-государств на Руси, близкий государствам-общинам (полисам), подчеркивают отечественные ученые.

Элементы чиновничье-бюрократической государственности[33] (контаминированные с такой системой правления, как «восточная деспотия», и социальной основой в виде «азиатского способа производства») прослеживаются в двух теориях: «государственного феодализма» и «дружинного государства». Во втором это феномен «власти — собственности», жесткое разделение на общества по ролевому принципу, а также налоги и иные виды обязанностей подданных по отношению к государственному аппарату. Последний, в отличие от классической и «восточной деспотии», состоит не из чиновников, а совпадает с военно-дружинной верхушкой, над которой верховный правитель (в отличие от той же деспотии) почти не возвышается и не сакрализуется.

Таким образом, «дружинное государство» являет собой симбиоз чиновничье-бюрократической, корпоративно-эксплуататорской, в перспективе — феодально-иерархической государственности. А.А. Горский, сторонник теории государственного феодализма, впервые поднявший вопрос о роли дружины в политической (а не только военной) системе управления Древней Руси, «раннефеодальной» по уровню, считает ее главным инструментом и источником дальнейшей феодализации последней (Горский, 1989. С. 87). Дружина — корпоративно организованный класс феодалов, так называемый «коллективный феодал». В стадиальноэтапном аспекте теории политогенеза Классена — Скальника это означает полное совпадение «дружинной государственности» с этапом раннего государства. Практически так же определяют стадиальные рамки «дружинного государства» Е.А. Мельникова (Мельникова, 1995. С. 22) и Н.Ф. Котляр (Котляр, 1995. С. 46). Соглашаясь с ними в стадиальном, не можем согласиться в хронологическом аспектах: они раннее государство начинают с конца IX в., мы — с конца X в. При этом мы считаем его сравнительно кратковременным эпизодом древнерусского государствогенеза, совпадающим с переходом от сложных вождеств к раннему государству и фазой становления последнего (Шинаков, 2002а. С. 31–31, 277–287). В потестарно-политической этнографии этот древнерусский по происхождению термин («дружинное государство») используется для обозначения одной из форм сложных вождеств (наряду со «сложносоставным государством», «протогородом-государством» и т. д.) (Куббель, 1988. С. 52, 147).

В медиевистике и славистике «дружинное государство» считается одной из форм раннефеодальной государственности Центральной Европы, то есть Великой Моравии, Чехии, Венгрии, Польши, а также, по нашему мнению, и Дании (Шинаков, 2002а. С. 277; 2020). Впрочем, для

этого региона мы считаем дружинное государство не типом раннего феодализма, а формой раннего государства фазы его становления, инструментом и даже особой переходной формой от сложных вождеств (Шинаков, 1998а. С. 131–132).

Позднее элементы чиновничье-бюрократической государственности еще более усилились при строительстве христианской ранней государственности под влиянием византийско-болгарской модели и частичным включением Руси в состав «византийского сообщества государств». Для макро-региона Восточной, Центральной, Северной и Юго-Восточной Европы определенные формы и элементы государственности (и скрытые за ними, приводящие к ним механизмы) контаминированы с определенными цивилизационными типами или моделями развития (Шинаков, 2002а. С. 290–291).

Корпоративно-эксплуататорская и двухуровневая форма связана с кочевой (степной) цивилизацией, представленной Хазарским каганатом и Первым Болгарским царством (до реформ Крума). О чиновничье-бюрократической и «дружинной» формах уже говорилось; города-государства, безусловно, связаны с Балтийским культурно-экономическим сообществом. И не надо, как пытались это сделать сторонники абсолютизации той или иной модели развития, пытаться «выбрать» одну из них для всей Руси. В разных ее регионах и на разных этапах государствогенеза в разной степени прослеживаются элементы каждой из вышеперечисленных форм государственности.

Правильность ранее сделанных для Руси регионально-типологических положений выдержала проверку методом контаминации механизмов государствогенеза с формами государственности.

Стадиальное распределение механизмов по этапам государствогенеза прослеживается менее четко. Одни и те же механизмы, но в разной степени действовали и на этапах отдельных и сложных вождеств, и при образовании раннего государства. Действительно, одни из стадиально самых ранних — «родовые» (генеалогические) — механизмы остаточно продолжают действовать даже на раннегосударственном этапе: это и сохранение «кровной мести» в праве Древней Руси до 1072 г., и так называемый «родовой сюзеренитет Рюриковичей». С другой стороны, элементы «предправовых» и идеологических механизмов, обычно стадиально более поздних, прослеживаются уже при переходе от простых вождеств к сложным. В итоге, в целом разделяя точку зрения Р. Карнейро о сохранении значимости стадиального подхода (Карнейро, 2000. С. 94), мы (по крайней мере, в контаминации с механизмами) считаем, что для изучения процесса древнерусского государствогенеза регионально-типологический аспект представляется более важным, чем стадиальный.

В заключение можно отметить, что в формуле Классена «схожие проблемы ведут к схожим решениям» (Claessen, 2006. С. 28) пропущено среднее звено — механизм, то есть средства решения проблем.

Древнерусский пример в основном подтверждает последнюю часть скорректированной формулы — о контаминации механизмов определенного типа с конкретными, созданными с их помощью, формами государственности.

Е) Семейно-брачные механизмы институционализации власти у славян

Достаточно широко известна роль чешских княгинь Людмилы Пшованской и Драгомиры Стодорской в выборе внешнеполитической ориентации и дальнейших путей развития страны. В зависимости от победы одной из них (и находившихся под их влиянием князей Вацлава и Болеслава) определялось, быть ли Чехии главой объединения западнославянских, в том числе и языческих, племен и княжеств, противостоящего Германии, либо полностью идти в фарватере германо-христианизаторской политики. Однако существовала ли (по крайней мере до принятия христианства и германской системы наследования престола) практика передачи или легитимизации власти по женской линии, а также официально институированное регентство княгини-матери, из «Хроники» Козьмы Пражского, его источников, а также иностранных данных не известно.

Причастность женщин правящего рода к власти и собственности, их право на свою долю и того и другого прослеживается в таком документе, как договор «руси с греками» 944 г. (точнее, его преамбулы), являвшемся результатом синтеза восточнославянских и скандинавских потестарных традиций.

О том, что княгини Гардарики и «Страны вендов» (в данном случае это либо Польша, либо Поморье, либо Ободритская «федерация») были субъектом не только частного, но и публичного (по сути, государственного) права, говорится в «Саге об Олаве Трюггвасоне»: «У могущественных конунгов был тогда такой обычай: половина дружины была у жены конунга, и она должна была содержать ее на свои средства, и ей причитались налоги и подати, которые были ей необходимы для этого. Так было и у Вальдемара конунга: у его жены была не меньшая дружина, чем у него, и конунг и его жена соперничали в том, чтобы заполучить к себе в дружину наиболее доблестных мужей» (Снорри Стурлусон, 1980). Если не ставить под сомнение сроки пребывания Олава у Владимира (ни текстуальных, ни конкретно-исторических оснований для этого нет), то это могло быть лишь самое начало новгородского правления этого князя, когда его отец еще был жив, но находился в Болгарии, либо только что погиб (начало 972 г.). В любом случае может иметься в виду только первая и, безусловно, не только законная, но и очень знатная жена Владимира. Новгородцам важно было поднять статус «робичича», фактически

бастарда[1]. Что касается сведений о пребывании Олава в «Стране вендов» после его женитьбы на дочери князя Бурицлава[2] Гейре, то они свидетель-

[1] В ситуации 968–970 гг., когда Святослав временно возвратился из Болгарии, в качестве «подарков» он вполне мог привезти «экзотических» жен для сыновей. Это предположение находит летописное подтверждение: «У Ярополка жена грекиня, а раньше была черницею. Привез ее отец его Святослав, и отдал ее за Ярополка красоты ради лица ее» (ПСРЛ. Т. 41. Л. 42). Для Владимира, скорее всего, была привезена одна из княгинь рода царя Петра, что косвенно подтверждает и летопись, называя в числе жен Владимира «болгарыню» (Там же. Л. 45 об.). Косвенным доказательством первенства ее среди жен князя может являться тот фактор, что именно ее сына — Бориса — Владимир держал при себе во время болезни и перед смертью доверил ему свою дружину (Там же. Л. 73–74 об.). Имя первой жены Владимира, возможно, приводится в «Саге об Олаве сыне Трюггви» — Аллогия.

[2] Это не может быть Болеслав Храбрый Польский по соображениям хронологии, если только все события — не вымысел Снорри или его информаторов. Это вряд ли был и его отец Мешко-Мечислав, не столько из-за имени, но и проблематичности включения при нем части побережья Балтики в его державу. О последнем можно косвенно судить путем сопоставления фразы «Болеслав… восстановил границы Польши, утерянные прежде» («Великая хроника», 1987. С. 66) и сведений Снорри о помощи Олава своей жене Гейре в восстановлении ее власти над «теми краями Страны Вендов, которые были подчинены Гейре, конунговой дочери, но в то время вышли из повиновения и не платили податей» (Снорри Стурлусон, 1980). Выход же «Страны Вендов» к Балтике обязателен в плане ее локализации, так как именно у ее берегов нашли укрытие во время бури Олав и его спутники. Существенно другое: сестра Свейна Вилобородого Тюри отказалась выйти за Бурицлава, как за язычника. А было это ближе к 1000 г., то есть минимум через 40 лет после крещения польского князя, которое произошло не позднее принятия христианства в Дании. Есть и косвенные данные не в пользу Польши: Тюри бежала от Бурицлава и быстро достигла Дании, а конунг ствуют о наличии отдельных податных владений у женской половины правящего рода, их прямой и законной причастности к суверенной власти[1]. Правом на власть и суверенитет над земельными владениями обладали в X в. и женщины-родственницы викингских «королей» Ирландии и Англии. Одна из них, Гюда, сестра «короля» Дублина и Нортумбрии Олава Кворана[2], вышла замуж за Олава Трюггвасона после смерти его славянской жены Гейры. Третья, несостоявшаяся (из-за отказа принять христианство) жена Олава — вдова Эйрика Победоносного Сигрид Гордая, имела «много больших поместий в Швеции» и еще ранее заявила другому

незадачливому претенденту на ее руку, «что не считает свои владения и свою власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии».

Скандинавская традиция наследования власти и собственности, в том числе и по женской линии, кроме «обычного права» эпохи варварства, для Руси могла найти поддержку и в византийско-христианском варианте римского права, которым охотно могла воспользоваться княгиня Ольга. Действовавшая тогда Эклога, с дополнениями времен Македонской династии, рассматривала брак как договорной «союз мужа и жены, пользующихся равными имущественными правами» (Медведев, 1989). Нередкое для Византии (Феодора II, Феофано, две Зои) регентство матери при малолетнем сыне было повторено и Ольгой[3], имевшей, правда, по

вендов участвовал в походе Оттона II на Данию как его вассал. Скорее всего, все эти данные свидетельствуют в пользу Ободритской федерации либо одной из ее составных частей, — скажем, Вагрии. Что касается Имосборга, то его место точно не установлено, и его отождествление с Болином или расположение в его окрестностях весьма проблематично. В любом случае викингский лагерь не дисгармонировал с местной структурой: его вождь Сигвальди был женат на одной из дочерей князя вендов, сам Бурицлейв все же женился на сестре датского конунга Тюре, предоставив ей земельные владения как еще одной своей дочери, жены Свейна Вилобородого, так и новые (Там же. С. 154).

[1] Правда, нужно учитывать возможность переноса Снорри Стурлусоном на эти события исландских реалий XIII в.

[2] «Она унаследовала его державу… с тех пор, как он (муж) умер, я (Гюда) правлю державой» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 117).

[3] В «Повести временных лет» для обоснования допустимости ее правления вместо сына использовано право «кормильства»: «Кормяще сына своего до мужества его и до возраста» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 19). В данном случае этот термин равнозначен регентству. Как и регент, кормилец не обязательно должен быть родственником малолетнему правителю. Так, до 945 г. «кормильцем» Святослава был Асмуд (Там же. Л. 21 об.). скандинавской (точнее, «балтийской») традиции и свои, независимые от поста, мужа и сына, частные источники дохода (град Вышгород с данями и села). Интересно, что Анна Ярославна, очутившись во Франции в той же ситуации, что и Ольга (дофину Филиппу было 8 лет, как и (примерно) Святославу), не была назначена регентшей, да и сама не была расположена фактически вмешиваться в государственные дела, ибо это не соответствовало традициям феодально-рыцарской государственности.

Таким образом, форму правления в той части Руси, что сохранила верность престолу Рюриковичей, можно охарактеризовать с 945 по 964 г. как фактическое регентство византийского образца. Отличие в том,

что Ольга управляла действительно и непосредственно, а не являлась лишь средством легитимизации власти, как Феофано для «солдатских императоров» Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. В целом правление Ольги являет собой реализацию на практике тех брачно-семейных (в противовес родовым) тенденций, которые ранее выявляются в преамбуле к договору 944 г.

Брачно-семейные механизмы использовались и Владимиром Святославичем не только для повышения международного престижа Руси в скандинаво-славяно-византийском пространственном континууме, но и, судя по всему, для закрепления мирными методами присоединенных к ней территорий. Особенно актуальными эти методы были в начале правления данного князя, еще не располагавшего, как его сводный брат и соперник Ярополк, «отней дружиной».

В этом аспекте следует обратить внимание на летописное сообщение о 800 наложницах Владимира и рассмотреть его в сравнительно-этнографическом плане. Возможно, летописец упоминает 800 наложниц Владимира и его «женолюбие» не только для того, чтобы по принципу контраста оттенить значение его последующего христианского, апостолического ранга подвига. Конечно, летописец напрямую заимствовал и текст, и смысл в Книге Царств, сравнивая Владимира с Соломоном, также «женолюбцем», имевшим «жен 700 (800) и наложниц 300» (Лаврентьевская летопись, 1962), также покаявшимся и осознавшим, что «зло бо есть женская прелесть»[34] (Там же). Несомненно, использован сам факт, наиболее наглядно оттенявший контраст между Владимиром-язычником и Владимиром-христианином; число жен Соломона также совпадает с количеством наложниц Владимира. Однако указание летописца на точные места их размещения (Вышгород, Белгород, Берестово) наводит на мысль о частично реальной подоснове явно литературно-нравоучительного пассажа. Вполне вероятно, что отбор наложниц в княжеские грады и села имел то же значение для внутренней консолидации государства, какое династические браки означали для налаживания внешних связей. Мы имеем в виду механизмы институционализации, легитимизации и трансформации власти через брачносемейные связи.

Этнографические и сравнительно-исторические материалы позволяют выдвинуть несколько вариантов объяснения гипертрофированного количества наложниц у Владимира Святославича.

Вариант 1. Это — один из способов перехода от вождеств к раннему государству, объединившему несколько из них, зафиксированный у многих народов Африки (туареги, Шамбала, Дагомея, Сонгай). Наиболее близок из «родовых» алурский механизм — поставление правителей из одного центрального рода в другие этносоциальные организмы, тем самым расширяя и закрепляя сферу своего владычества. Для Руси времен Владимира этот вариант мало

подходит из-за отсутствия в начале его правления сколь-нибудь значительного количества представителей его собственного рода.

Вариант 2. Наиболее подходящий пример: остров Бойова в Меланезии, князек которого брал жену в каждой из подчиненных ему деревень. Каждую жену (а заодно и самого князька) должна была содержать конкретная деревня.

Вариант 3. Компромиссный вариант (некоторые пилотские народы) — жена (наложница) содержится в гареме до рождения сына, затем возвращается в свою деревню (иногда «вождество») и правит в качестве «кормилицы», а ее сын основывает местную ветвь центрального правящего рода.

Вариант 4. Иное использование гарема зафиксировано в Дагомее (Кочакова, 1986), как способ укрепления правящего рода. Отдавая своих наложниц (и одновременно его личных телохранителей из гвардии «амазонок») замуж за наиболее влиятельных, а то и просто храбрых и сильных людей, царь Дагомеи довел численность рода до 30 тыс. человек (Берзин, 1966), составив только из его представителей свою армию.

Сходство с Русью в том, что у истоков обоих государств в значительной мере лежала международная торговля, в том числе рабами. Сведений о «военном» использовании наложниц на Руси нет, если не считать сообщение Льва Диакона о том, что под Доростолом сражались и женщины в воинских доспехах (Лев Диакон, 1988), и некоторых былин с упоминанием женщин-воительниц. Раздача наложниц личной гвардии — русинам, гридям, в том числе составлявшим гарнизон Белгорода, и «боярам» Вышгорода (где размещалась часть гарема), возможна, но не отражена источниками.

Вариант 5. Соображения престижности власти, показательности степени приближенности к ее вершине, то есть ранговости, наиболее наглядно представлены в Асантемане. Как и в Меланезии, «брачные» механизмы были здесь переплетены с «плутократическими» — жены были включены в систему ранговых ценностей. Регламентировалось не только количество жен, но даже и детей, приличествующих каждому рангу. При этом трон передавался по материнской линии, хотя и мужчинам, а «королева-мать» была их соправительницей, имела свой двор, аппарат управления и регалии (Попов, 1993а). Об аналогиях с последним явлением на Руси уже говорилось; что касается «престижности» большого количества жен, то, кроме косвенных показаний Ибн Фадлана[35], данных об этом ни до, ни после Владимира не содержится. Соображениями престижа власти диктовалась присылка в качестве служанок к дочери одного из королей Ирландии «пятидесяти дочерей благородных ирландцев» (Предания и мифы средневековой Ирландии, 1991). В этом случае на каждую из жен Владимира (во всяком случае, трех — из городов Вышгород, Белгород,

Берестово) приходилось по несколько сот таких «благородных» прислужниц.

Вариант 6. Сочетание идеи престижности, сакрально-местнической связи правителя с каждым из подданных, с механизмом территориального расширения власти представлено в Бенине. Здесь не только дочери всех вождей-вассалов входили в гарем обы, но и любая женщина в государстве должна была стать его женой или наложницей при одном условии — его желании (Сванидзе, 1968). На Руси это отчасти напоминает описанный Ибн Фадланом обычай выставления напоказ своей «личной жизни» (Ибн Фадлан, 1939. С. 78–83). Однако скандинаво-русская ментальность в этом вопросе была все же иной, чем в Черной Африке. Так, «по велению (ярла Хакона) хватали дочерей почтенных людей и приводили к нему домой, и он делил с ними ложе неделю или две, а потом отсылал домой» (Снорри Стурлусон, 1980). Однако родственниками девушек это было воспринято не как почет для них или путь становления «мистических связей государя и подданных», а как распутство и покушение на права последних: «бонды начали сильно роптать» (Там же). Какие результаты возымела в этом плане аналогичная деятельность еще язычника Владимира («Приводя к себе мужски жены и девицы растля», см.: ПРСЛ. Т. 1. Л. 25 об.), летопись умалчивает. В дальнейшем их можно было использовать по «алурско-нилотскому» варианту — рассылая «на места» в качестве регентш-правительниц и основателей ветвей правящей династии. На Руси принцип «рассылки» был, но только для уже более или менее взрослых сыновей, без их матерей; или же малолетних: Святослав и Владимир в Новгороде, но при «кормильцах» и «дядьках» — Асмуде и Добрыне.

Вариант 7. Установление путем матримониальных отношений мистических связей с правителями разных частей государства. Основывается он на признании у женщин якобы большей, чем у мужчин, их близости с потусторонними силами[36]. Этот механизм в данном случае переплетается с «сакральным» типом и связан с системой передачи и делегирования «субстанции власти» снизу вверх. В частности, у йоруба при выборе наследника из братьев умершего алафина учитывалось мнение гарема. Забирая дочерей местных правителей и вдов умерших братьев (Рогнеда, «грекиня» Ярополка, возможно, одна из «чехинь» у Олега), Владимир мог концентрировать эту субстанцию в одних руках и в центре, — и в этом аспекте контаминируется с собранием всех «богов» в Киеве.

Как в вариантах объяснения 2, 6 и отчасти 3, здесь можно гипотетически из количества наложниц — 800 — «вывести» предполагаемое количество самых мелких потестарных единиц государства Владимира. С учетом примерного количества земель (бывших племенных союзов и княжеств), каждое из последних должно было быть представлено 80 такими посланницами.

Вариант 8. Элементарная система заложников, предполагавшая большую близость сестер (и дочерей) братьям и отцам, чем мужу. Переплетается с соответствующим воспитанием наследников местных ячеек власти при дворе великого князя в нужном духе. Возможна аналогия со сведениями уже упомянутого для варианта 5 «Сватовства к Этайн».

Вариант 9. Присылка своих родственниц в гарем верховного правителя означала правовое признание его суверенитета над ними, представителями «нижнего уровня» власти, и являлась, по сути, одним из механизмов институционализации и легитимизации власти правителя государства как общности нового, уже «политического» этапа государство-образования путем апелляции к сферам старого, родового сознания.

В контексте семейно-брачных механизмов институционализации власти «официальные» жены Владимира выглядят как средство легитимизации, концентрации и монополизации его власти как внутри рода Рюриковичей, так и «корпорации русских князей» в целом, то есть, если «наложниц» воспринимать как один из способов налаживания и укрепления отношений между «верхними» и «нижними» уровнями власти, то «жены» представляются таковыми же «методами» для первого из них. Кроме того, подобный механизм мог косвенно предотвращать возникновение горизонтальных связей между еще, вероятно, сохранявшимися к 980 г. местными правителями «нижнего» уровня власти.

Таким образом, в аспекте особой роли семейно-брачных механизмов институционализации, легитимизации, а первоначально — и передачи власти, так же как и прав женщин на долю власти, славянский мир (и прежде всего — часть западных славян и Русь как его составные элементы) выступает в качестве перекрестка северо— и южноевропейских (скандинаво-балтийских и византийских) традиций потестарно-политической культуры, обладая в то же время как собственной, так и синтезного происхождения спецификой в этой сфере.

Ж) Варианты военного типа институционализации власти на разных этапах древнерусского государствогенеза

При всей многочисленности оценок причин войн и их значения для политогенеза, в том числе и в качестве «первотолчка» (Carneiro, 2011), непосредственно системной классификацией войн в этом аспекте социокультурная антропология практически не занималась. Исходя из принципа индукции предложим свою, отчасти разработанную еще для докторской диссертации, но еще не опубликованную классификацию и апробируем ее на древнерусском материале.

Внешние войны (включая объединительные, ибо отдельные «племена» здесь выступают как «чужие» друг другу) по целям, характеру и результатам можно разделить на три вида. Это грабеж,

войны завоевательные и войны оборонительные. Внутри каждого вида выделяется от 3 (грабительские войны) до 13 (оборонительные войны) вариантов, причем такие шкалы, как «характер», «цели» и «результаты», могут быть независимы друг от друга. В некоторых вариантах внутри завоевательных войн по характеру и итогам выделяются три разновидности одного варианта — «завоевание новых земель при сохранении старых». Варианты и разновидности оборонительных войн по своим результатам и последствиям для государствогенеза объединяются в «успешные» и «неуспешные» (проигрыш), причем последние могут иметь гораздо более многочисленные (7 из 13) варианты последствий как для обеих воюющих сторон, так и для процесса этно— и государствогенеза на их территориях.

Отметим также, что на начальных этапах государствогенеза («довождеских», отчасти и «вождеских») присутствуют и иные виды: военно-психологические («мы» лучше «их»), часто сопровождаемые последующими возрастными инициациями и браками; из-за женщин, в том числе системные семейно-брачные; за захват не богатств или земель, а людей; многочисленные варианты (и их разновидности) сакральнор-итуальных; демографические («ограниченность жизненных ресурсов»); личностно-демагогические; случайные. На зрелых этапах государствогенеза зачастую эти факторы снова действуют, но уже в качестве декларируемых поводов, а не реальных причин войн.

I. Этап отдельных разнотипных «вождеств» и активной эксплуатации русами Восточного пути (вторая половина VIII — середина IX в.).

Источники (восточные) фиксируют грабительские нападения — «русы» берут у «славян» рабов для продажи на Востоке. Подобный образ действий вообще характерен для «русов» восточных авторов 1-й традиции, войны которых носят характер набегов и походов, то есть относятся к виду захватнических. Однако приобретают «русы» не земли, а рабов, уничтожая остальное население. Славяне же всегда выступают обороняющейся стороной, причем не только от «русов», но и от других народов, в частности от арабского войска Марвана в середине 30-х гг. VIII в. Впрочем, высказываются сомнения в «славянстве» этих «славян» у ал-Куфи.

Также вариантом оборонительного вида войн является крупное военное столкновение, лежащее у истоков второго этапа государствогенеза: успешное восстание против «чужих» (варягов), которое имеет экономическую основу («не даша им дани», см.: ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.).

Отмечены также такие варианты захватнических войн, как столкновения в борьбе за главенство лучших «родов» или «градов» — отдельных славянских и финно-угорских потестарных объединений. Завершились они отчасти победой над равно «чужими» всем

«варягами» и коллективным овладением Аустрвегом. Но дальше столкновения привели к компромиссу, указывавшему на примерное равенство сил.

II. Второй этап древнерусского государствогенеза («сложных вождеств», или «мультиполитий»), который мы охарактеризовали как «двухуровневую державу» (Шинаков, 1993а; 20096), является, скорее, предгосударством с несколькими уровнями власти, например военизированной, как в соседней Болгарии (Шинаков, 2008а). Для фазы зарождения, расцвета и кризиса этого этапа характерны ранние наборы видов военных механизмов.

В начальной фазе этапа (формальные даты: 862–885 гг.) преобладают объединительные варианты (впрочем, по летописи, далеко не всегда военные, но, скорее, военно-демонстрационные, или «устрашающие»). Из всех «языков» и «градов», покоренных Рюриком, Аскольдом и Диром, а также Олегом, чисто военный путь летописец называет только для древлян и северян, которых Олег «примучи», «победи» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 10; НПЛ. Л. 29 об.), и добавляет к этому списку Смоленск. Цели здесь, безусловно, экономические, и не столько скудная (не более, чем у хазар) дань, сколько прямой контроль над путями уже не только на Восток, но и «в Греки».

Предтечей нового вида военных механизмов — интенсивной, хотя и «разовой» экзоэксплуатации богатого соседа путем грабежа, дани-контрибуции или откупа, создание заведомо невыгодных для «соседа» условий последующей торговли — стал поход Аскольда и Дира (вопрос о степени реальности вождей похода в данном случае неважен) 860–866 гг.

Именно этот вид захватнических (или грабительских) военных механизмов с явным торговым оттенком был главным для варварской державы Олега и Игоря фазы ее расцвета (формально: 886–941 гг.). Интересно, что, в отличие от предшествующего этапа, в фазе расцвета «сложных вождеств» славяне и русы («русь») уже не противостоят в военном отношении и даже не ведут разные виды войн, а действуют совместно, и конфликты между ними возникают лишь при разделе добычи. Экономическая, военная, правовая составляющие этих походов, их количество, направления хотя и кратко, но всесторонне исследовались на IX Чтениях памяти В.Т. Пашуто (Восточная Европа, 1997). Война настолько имманентна подобной мультиполитии, что до сих пор не устарело образное выражение Н.М. Карамзина: «Олег, наскучив тишиною, опасной для его воинственной державы…»

Третья, кризисная фаза второго этапа не только начинается, но и обусловливается точно таким же, но неудачным походом 941 г., описанным сразу в трех типах источников (византийских, русских и хазарском). Игорь при этом назван в качестве предводителя похода лишь в одном из русских источников (ПВЛ) и в одном византийском (Лев Диакон). Есть и другие варианты. В любом случае данное поражение в

грабительской войне, вкупе с неудачным походом 944 г. привело не только к гибели Игоря и по сути — временному распаду его «многоуровневой державы», но и породило ранее несвойственный русам (однако не викингам) вариант захватнических войн. Имеется в виду однократное завоевание, вызванное экстраординарными причинами, другой территории с населением и с полным переселением туда — а именно владение русами городом Бердаа в течение года и уход оттуда лишь под давлением эпидемий и мусульман.

Кроме викингов, полностью переселявшихся со своей суровой родины в более (а иногда и не очень) благодатные края (Нортумбрия, область «Дэнло», Сицилия, округи Дублина, Ладоги, Ростова — Ярославля и т. д.), широкий, «имперского» размаха захват населенных территорий характерен для многих обществ этого же этапа государствогенеза («сложных вождеств», «варварского»). Он иногда способствовал его завершению и образованию ранней государственности, но чаще тормозил этот переход, без особого толка «разбазаривая» накопленный военно-потестарный потенциал, что было наиболее характерно для «дружинной линии» (или по Д. Тржештику — «среднеевропейской модели» развития; по В.Д. Королюку — этап «имперских захватов»; по Е.А. Шишкову — «дружинного государства»).

Его прошли, хотя и на разных фазах перехода от сложного вождества к раннему государству, Великая Моравия, Чехия, Польша, Дания, Славянское Поморье, Русь (Королюк, 1972а. С. 20–23). Характерной чертой этих войн как вариантов «завоевательного» вида является «завоевание новых земель при сохранении старых». «Имперским» войнам Святослава (начал он с повторно-объединительных, отчасти торговых — походы 964–965 гг., но быстро почувствовал вкус именно к «имперским») присуща вторая разновидность данного варианта: «воссоединение территорий в единую, равную по статусам структуру с созданием новой столицы, обычно на границах земель либо даже на новых землях». Сам Святослав, его воеводы, воины, союзники и новые подданные явно преследовали в этих войнах свои цели, среди которых точно не было государственного строительства Руси, расширения подвластных Киеву земель. Наиболее образно это отметил М.П. Погодин: Святославу было все равно, куда перенести «семя» — «Русь», и он перенес его в Болгарию, вновь оставив незасеянным полем собственно Русь.

В целом «имперский эксперимент» Святослава стадиально подпадает на переход от этапа сложных вождеств к раннему государству (или его синхростадиальной альтернативе). Он как бы разрывает то поступательное движение к подлинной государственности, которое начала Ольга на ограниченных еще «варварскими полями» территориях, завершив реформами показательно карательную, мистически устрашающую, но все же внутреннюю войну.

Завершают же финальную фазу переходного периода и начинают фазу становления ранней государственности на Руси три периода и вида войн. Это — внутренние войны трех Святославичей за власть, земли и дань (975–980 гг.), а также повторно-объединительные войны Владимира, но уже с целью прочной интеграции территорий в государство, с ликвидацией местных органов власти (980–986 гг.). Далее, напомним, оборонительные войны против печенегов сыграли решающую роль в окончательной перестройке сложного вождества в раннее государство, хотя и начальной его фазы (993 г. — начало XI в.).

Именно этот вид «успешного» варианта дал идеологическую санкцию власти провести необходимые для трансформации сложного вождества в государство (пусть и «раннее») военно-организационные, военно-технические, демографически-консолидационные и политические мероприятия.

3) Идеологические механизмы легитимации власти у восточных славян

Современный еврорегион Днепр, в состав которого входит и большая часть Подесенья (кроме верхнего, смоленского), и весь Брянский край, в эпоху Древней Руси находился на стыке трех или даже четырех этнопотестарных зон. Каждой из них были присущи свои особенности политогенеза и как часть этого процесса — разные формы идеологического обоснования власти, создаваемой в ходе генезиса государственности (Шинаков, 20026; 20086).

Идеологическое обоснование власти относится к стадиально поздним механизмам, причем не столько ее институционализации, сколько легитимации (или легитимизации, в историографии используются оба термина с примерно равными значениями). Из свыше десятка механизмов, зафиксированных для разных этапов государствогенеза, на Руси (судя по целевому анализу источников) наиболее явственно выделяются «плутократические», «родовые» (для этапа вождеств), «военные», «корпоративные» и «договорно-конфликтные» («компромиссные») (для этапа сложных вождеств), «интегративно-демографические», «семейно-брачные», «религиозносакральные» (для этапа перехода от сложных вождеств к раннему государству), «правовые» и «идеологические», задействованные для консолидации и легитимации уже созданной ранней государственности.

О некоторых из них (семейно-брачных, интегративно-демографических) автор уже писал отдельно (Шинаков, 2000в), о военных, правовых и религиозно-сакральных написаны горы литературы (без использования самих терминов). Из идеологических механизмов (точнее, форм обоснования власти, еще точнее — генеалогических легенд) в литературе основное внимание уделяется двум — «варяжской» и «полянской». Из работ, преследующих не только идеологические или источниковедческие цели, а хотя бы отчасти

близких к политико-антропологическим методикам «реконструкции», можно отметить работы четырех авторов — И.И. Гринева, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина и С.ГС. Щавелева.

Типологически сказание о Кии относится к «первопоселенческим», аналогичным легендам о Радиме и Вятко у радимичей и вятичей, происхождении власти у южных хорватов от пяти братьев и двух сестер (Константин Багрянородный, 1991), приходе Чеха на новую родину (Козьма Пражский, 1962) и т. д. Это явно самый ранний пласт идеологии, восходящий ко временам отдельных языческих «княжений» — вождеств. Он отражает «аристократический» путь политогенеза, чаще всего приводящий к формированию аристократических политий (типа Римской республики, например). Вторая легенда, «варяжская», явно могла родиться лишь на следующем витке государствогенеза — этапе «сложных вождеств» с их гетерогенностью, подвижностью, космополитизмом. Апелляция здесь происходит к уже обладающему легитимностью лицу или роду. Иностранное его происхождение важно и принципиально, поскольку победившие в анти-варяжском восстании «благородные» роды (по Новгородской I летописи — «грады»), стоявшие во главе разнородной «Северной конфедерации», не могли ни победить друг друга, ни договориться между собой. Да это было практически и невозможно для равных по силе и амбициям, — проще уступить часть власти пришлой «марионетке», не имеющей опоры ни в одном из местных родов. Это, скорее всего, реальная подоплека легенды, отнюдь не редкой. Есть она, например, в Бенине[37], где власть институционализировалась на тех же основах и в тех же условиях, что и на Севере Руси. Там образовалось что-то подобное «сложному городу-государству» земледельческого типа, или «мегаобщине». Позднее, во время включения в «Повесть временных лет», легенда о Рюрике уже обосновывала исключительность происхождения княжеского рода по сравнению с остальной родовой или дружинной аристократией. В этом контексте отзвуком «иностранной» легитимации если не рода правителей, то поста, может являться «каганская титулатура», изложенная у Илариона (а до него и в «Вертинских анналах», и в восточных источниках). По сути, к тому же типу легитимации власти, но уже на международном уровне и с иными целями и уже для этапа «сложившихся», «зрелых» государств разных форм относятся литовско-польская легенда о Полемоне и московско-русское «Сказание о князьях Владимирских» (Мыльников, 1997). Они обосновывают происхождение «имперского» уровня власти древностью, иностранным его происхождением и «имперской» (или «республиканской») легитимностью династии.

В московском варианте (от «Августа царя») данная генеалогическая легенда отражает тип идеологического обоснования власти, присущий «чиновничье-бюрократической монархии» с некоторым «феодально-иерархическим»[38] уклоном, каким становилось в XVI в. Московское

государство, провозглашенное «преемницей Византии». Но это — скорее внешнеполитический аспект идеологической легитимации данной формы государственности (Сказание о князьях Владимирских, 1988. С. 214). Другой аспект, внутренней направленности, содержится в так называемых «крестьянских генеалогиях», призванных показать монарха «отцом народа», оторвать его от того слоя, из которого он реально вышел, — военно-дружинной или родовой аристократии, и демагогически сблизить с народом. Этот тип обоснования власти наиболее широко представлен на определенном (раннегосударственном) этапе развития западнославянской государственности (Рогов, Флоря, 1991), хотя имеется и в формально южнославянском Карантанском княжестве[39]. Для восточных славян (как и скандинавов и тюрок) этот тип идеологических механизмов нехарактерен, но некоторые исследователи все же находят его элементы и на Руси (Рогов, Флоря, 1991). Примыкает к ним по определенным показателям (князь — «отец подданных», близок к народу) и идеологический статус некоторых представителей «княжений» — вождеств («славиний» по Константину Багрянородному). Упомянем знаменитую фразу ПВЛ, противопоставляющей русских князей, как «грабителей», «волков», и древлянских князей, «добрых», «иже роспасли суть Деревьськую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 22). Здесь отражается такая типичная для этапа вождеств особенность взаимоотношений правителей и «общества», как реципрокность.

Но это качество — «отеческая» забота о народе — важно лишь для этапа вождеств. В сложных вождествах с жестким, военизированным бытом и сознанием на первый план выступает не реципрокность — сотрудничество, а соперничество и сила. Отсюда и иные качества «идеального» правителя, важные не для народа в целом, а для его военной верхушки — дружины, «лучших мужей». Это — «удача», щедрость к «своим», жестокость к врагам, мудрость, определенная харизматичность и (далеко в последнюю очередь) — личная храбрость. Все это можно отнести к апологетике личных качеств, восходящей еще к меритократическим механизмам. Абсолютно отсутствует «справедливость», порицается и в итоге наказывается жадность, поборы со «своих». Так, храбрый, честолюбивый и щедрый, но в итоге неудачливый Святослав «чюжеи земли ищеши а своея ся лишивъ» (Там же. Л. 26 об.). Из-за жадности к «чужому» (точнее, к «получужому», так как древляне были все же постоянными данниками Руси) погиб и Игорь, «яко волк въсхищая и грабя» (Там же. Л. 21 об.). Позднее, уже в христианские времена, сохранилось осуждение поборов со своих, особенно судебных, хотя «кормление» дружины в «чужих землях» все еще считается для князей хорошим деянием, образцом для подражания. Эта ностальгия по временам прошедшей и потому идеализируемой «дружинности» (то есть, по политико-антропологической терминологии — этапу «сложных вождеств») звучит

во «Введении» к Новгородской I летописи, датируемом по-разному — либо 1093 г., либо началом XIII в. (обоснования датировок автором см.: Шинаков, 20026. С. 15–17). «Удача» и щедрость — общее место дружинной идеологии как у славян, так и у скандинавов, и тюрок-болгар.

Мудрость и жестокость ассоциируются прежде всего со «Сказанием о княгине Ольге». Впрочем, в этом произведении речь, возможно, идет не столько о жестокости для примера другим, сколько о ритуальной — для «богов». «В эпизодах древлянской мести Ольга мыслила и действовала как скандинавка — месть через детали формы погребального обряда…» (Александров, 1995).

Таким образом, здесь имплицитно присутствуют такие и качества, и функции правителя (и власти в целом), как сакральность и харизматичность. К слову сказать, не главные и для «варварской» Руси, и для этапа сложных вождеств в Европе в целом. В наибольшей степени они нашли отражение в собирательном (отчасти реальном, отчасти эпическом и отчасти литературном) образе Вещего Олега и связанных с ним скандинавских и русских былинно-фольклорных персонажей (два конунга Хельги из «Старшей Эдды», Вольга, Волх). Надо сказать, что в литературном плане образ Вещего Олега наиболее близок (математически, по коэффициенту сопряженности) княгине Ольге, являясь, вероятно, развитием как раз ее «сакральных» качеств. С другой стороны, не исключено, что при создании этого персонажа (заполнившего лакуну между Рюриком и реальным, но явно не харизматичным Игорем и «героизировавшего» династию) использовалась болгарская литературная традиция или сведения о болгарских походах на Константинополь, взятые русским летописцем из византийских источников (Шинаков, 2006а).

Образ Вещего Олега наиболее мифологизирован из всех героев ПВЛ и Новгородской I летописи старшего извода. При его создании использованы мифологемы или, возможно, даже кеннинги: щит, конь, змея, корабли на суше (действующие «как кони»). Большое значение имеет мотив предсказания судьбы и ее неизбежности для героя, эпической смерти. В сопредельных со сказанием об Олеге былинах и песнях «Эдды» и сюжет, и образный ряд дополняются еще более сказочными мотивами: в частности, связь образа змея не со смертью, а с рождением одного из фольклорных героев — Волха. С образом Хельги, убийцы Хундинга, Вещего Олега сближает мотив щита — символа, а также кеннига «змеи крови» — мечи, от которых погибают оба Хельги. Змеи сопровождают предчувствие (пророчество) смерти Хельги — сына Хьерварда, причем их образ также связан с конями, но уже «ведьминими» — волками, и с удилами из змей.

Здесь мы выходим на косвенное, опосредованное мифологией доказательство наличия типа обоснования власти происхождением ее носителей от богов. Лишь у части славянских народов можно

предполагать «божественное происхождение» некоторых культурных героев (Пржемысл и Либуше у чехов), образы которых претерпели трансформацию и дошли до читателя уже в совершенно иной трактовке (Trestik, 1966. P. 16–19). «Атрибуты волхвования — конский череп и змея, принесшие смерть Олегу [а часть из них (змея) — способствовавшие рождению былинного Волха], связаны, судя по последним изысканиям, с культом Волоса-Велеса» (Петрухин, 19956). Возможно, в этом сюжете заключена очень отдаленная реминисценция языческого (предположительно балтского) представления о происхождении некоторых князей от этого бога.

Но это лишь догадка, и по контексту сказания Олег стоит у власти благодаря своим «способностям» — прежде всего «удаче», а она зависит от благоволения богов (недаром он все же князь-кудесник), либо от его собственных сакральных, мистических свойств. И они — либо есть, либо нет, ибо образуют особую как бы материальную субстанцию, пребывающую в теле (или душе?) героя. Это языческое представление присутствует не только у скандинавов, но у многих народов на этапах простых и сложных вождеств. Наличие «субстанции, способности к власти» и время ее действия, до полного исчерпания, определяли жрецы как для каганов Хазарин, так и для «императоров» (оба) западноафриканского Бенина, подтверждая амбивалентность харизмы. В Полинезии эта «способность» (впрочем, не только к власти) получила название «мана»; в Африке «сущность» власти, связанную с господством над людьми, называют «кер», «нам (наам)», «свем / тсав», «махано». При всем разнообразии названий она имела одну главную функцию — была санкцией власти (Куббель, 1988. С. 87–93).

В сущности, подобный тип «обоснования» власти находится на грани «меритократического» и «сакрального».

Близок этому, четвертому типу обоснования власти и пятый тип. В целом он связан с христианской идеологией, но имеет разные грани или варианты. Во-первых, как постулирует Иларион, принятие христианства — личная, апостолическая заслуга (Иларион, 1988), результат личных качеств и способностей одного из членов династии. Здесь работает обратная связь: раз он сознательно выбрал истинную веру, значит, он достоин власти. Другая санкция в том, что династия и возглавляемое ею государство находятся под защитой святых покровителей, чаще всего (но не только) — первокрестителей: у славян это Вацлав I (Чехия), Войцех (Польша и Чехия), Борис I (Болгария). На Руси, однако, первыми канонизации удостоились не первокрестители (Ольга и Владимир), а князья-мученики Борис и Глеб. Третья санкция — получение власти от Бога, что резко расширяло полномочия правителей, вплоть до права на жизнь подданных, которого у языческих русских князей не было (право на кровную месть и обязанность жертвоприношений не в счет). «И реша епископы Володимеру: се умножишася разбойницы, почто не казниша их. Он же

рек им: боюся Божия греха. Они же реша ему: ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоин ты казнити разбойника и с испытанием» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 47 об.). Интересно, что и в Чехии, которую ранняя русская государственность очень напоминает, именно духовенство «вдохновляло» князей на жесткие меры против преступников (1039 г.), чем резко увеличивало объем их власти над подданными. «Ибо у вас, князей, меч для того висит на боку, чтобы вы чаще омывали его в крови грешников» (Козьма Пражский, 1962). Но и «милость» князя была вполне осязаемой, а не только идеологически-демагогической («близость народу», «отец народа»). Вдохновленный Богом, князь реально заботился об «убогих», устраивая раздачу «питья и яденья», не забывая, впрочем, и старую языческую «дружинную» щедрость, отковав дружине «сребряны лжицы» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 47–47 об.). Эти эпизоды — реальный идеологический ход уже сложившегося раннего государства с гетерогенностью его социальной базы и стремлением показать новые черты правителя: носителя Божественной справедливости, правосудия, демонстративной беспристрастности.

Анализ институционализационных легенд, вариантов литературно-идеологического обоснования власти вообще и конкретных видов ее проявления на разных этапах становления древнерусской государственности в частности, позволяет сделать (точнее, подтвердить раннее сделанные[40]) выводы. Эти легенды большей частью записаны или созданы с разными целями (в зависимости от того, какую форму власти, с помощью каких механизмов установленную необходимо было обосновать) в период первой стабилизации ранней государственности.

Всего можно выделить пять основных типов (без учета вариантов) идеологического обоснования власти на Руси.

Стадиально наиболее ранними могут быть «первопоселенческие» и «меритократические» типы, причем первые преобладают в местных «славиниях» — вождествах (поляне, радимичи, вятичи), вторые — у русов. Впрочем, вторые записывались и обрабатывались уже после принятия христианства и преследовали, возможно, иные цели, чем изначально. Первые же превратились к тому времени в неясные топонимические или генеалогические легенды.

Тип «иностранного происхождения династии» мог сложиться на этапе объединения равных по силе вождеств и вполне адекватен реальной обстановке на Руси в середине — второй половине IX в., хотя и записан намного позднее.

Лишь ко времени становления и легитимации ранней государственности в конце X — середине XI в. могли сложиться четвертый и пятый типы — «крестьянские генеалогии» (впрочем, слабо представленные) и «христианское» обоснование власти.

Другое дело, что все типы оказались «спрессованными» в одном (возможно, двух — также и «Начальный свод» в Новгородской I

летописи) произведении — «Повести временных лет», что делает выводы об этапности их создания не столь очевидными, как, например, для польской средневековой историографии. Сначала преобладала концепция изначальности, богоизбранности княжеской власти и конкретной династии (о чем пишет Галл Аноним). Затем ее сменяет «аристократическая концепция» (Винцент Кадлубек и автор «Хроники Великопольской») о выборности монархии. Сменяются и территориальные доминанты: у Кадлубека, например, возрастает роль Кракова, появляются легенды о Краке и Ванде. У Яна Длугоша иные задачи — подчеркнуть родство поляков и вошедших в состав их королевства русских, отсюда на первый план снова выдвигается «Полянская легенда». «Крестьянский» характер генеалогических легенд Пястов и Пржемысловцев является косвенным свидетельством в пользу чиновничье-бюрократических тенденций на этапах переходной и ранней государственности возглавляемых этими династиями стран.

Глава II
Историографические замечания

Целью монографии является стремление отчасти ликвидировать разрыв в данном вопросе между старой (как советской, так и зарубежной) моноконцептуальностью и ситуацией 90-х гг. XX в., имевшей две крайности: с одной стороны, уход в эмпирику, исследование частных фактов, так сказать, агностицизм в теоретической области; с другой — массовое появление новых или возобновление старых гипотез, обоснованных выборочно подобранными источниками либо вообще «общей логикой». Содержание их не суть важно, существенна их единая на деле методологическая основа. На первом направлении во многом замкнулись специалисты академической школы; второе представлено широким спектром авторов, иногда имеющих к профессиональному историческому образованию весьма опосредованное отношение. Это направление заняло ту лакуну, которая образовалась в научной литературе благодаря возникшему противоречию между возрастающей общественной потребностью и интересом, с одной стороны, и отсутствием, за небольшим исключением, обобщающих работ профессиональных историков по образованию нашей государственности — с другой.

Главным в методическом подходе к рассматриваемой проблеме является соблюдение принципа *непротиворечивости* разных категорий,

типов и видов источников друг другу при описании тех или иных фактов, событий, явлений. Кроме того, при часто недостаточной информативности даже комплекса источников по образованию Древнерусского государства большое значение приобретает *сравнительно-этнологический* подход, впервые применяемый *системно.*

По *методологическим* позициям автор наиболее близок к тому направлению в отечественной историографии, которое сформировалось в 80-х гг. XX в. на базе синтеза теоретических достижений зарубежной политической антропологии и эмпирико-теоретических исследований советских востоковедов, медиевистов, этнографов, в наибольшей степени сконцентрированных в так называемой «потестарно-политической этнографии». Конкретно автор избирает теорию *этапности* и *обратимости* политогенеза, большой роли и самостоятельного (этапообразующего) значения переходных периодов с присущими им особыми *формами государственности.* Аккумулируя достижения современных теорий государствогенеза на стыке политической антропологии, этнологии, политологии, теории государства и права, конкретно-исторических исследований, автор считает возможным остановиться на 12 формах зрелой государственности, из которых четыре выделяются нами впервые.

В плане периодизации можно проследить следующие этапы образования государственности, в том числе древнерусской. Это — «вождества» разных форм, в том числе религиозно-общинной, военно-демократической, типа протогорода-государства и т. д. Затем следует переходный потестарно-политический период, заполненный разного рода сложносоставными предгосударствами (уровня «сложных вождеств» политической антропологии). Раннее государство обладает всеми или почти всеми формально-юридическими признаками государства в целом:

1) территориальное деление вместо племенного;

2) постоянные налоги разных форм;

3) аппарат власти, независимый от «общества» и способный в случае необходимости противостоять ему;

4) переход права в руки государства.

Три первых признака взяты из марксистской теории государства, четвертый — из политико-антропологических теорий, не отвергавших, впрочем, и марксизма. В сущностно-социальном плане в раннем государстве существуют в разной степени развития и взаимоотношения друг с другом зачаточные фракции различных экономических классов. Победа одного из них в экономическом, а затем и политическом аспектах приводит к формированию зрелой государственности, отличающейся от ранней наличием у правящего слоя классовоохранительной или классово-примирительной функции.

Группа функций (общенародные, классовые и выделенная автором — самообеспечение правящего слоя) является одним из сущностных

показателей как для разных форм зрелой государственности, так и для этапов ее становления. К примеру, в «вождествах» преобладали общенародные функции, в предгосударствах переходного периода — «самообеспечивающие», в разных формах ранней государственности — различные их комбинации. В зрелых государствах две эти группы часто в реальности поглощаются классовой (в полисах, например), хотя в сфере идеологии, особенно в чиновничье — бюрократических и религиозно-общинных государствах, особый акцент делается на общенародных функциях.

Из 12 форм зрелой государственности для главных целей нашего исследования наиболее важны те, которые возникают на более ранних этапах политогенеза (раннегосударственном и переходном): *земледельческий город-государство, корпоративно-эксплуататорское и «двухуровневое» государство, сложный город-государство, сложносоставное государство.* Фактически все эти формы, кроме последней (Куббель, 1988), выведены автором. Так называемое «дружинное государство» является, по нашему мнению, частным случаем и стадиально-локальным проявлением прежде всего второй формы.

1. Типы (социальная основа) государственности в отечественной литературе конца XX в

В период господства в СССР (конец 30-х гг. — начало 60-х гг.) тенденциозно понимаемой марксистской (точнее, ленинско-сталинской) доктрины образования государства, в том числе и на Руси, явные отклонения от нее допускались (или существовали «полуподпольно») в трех, по нашему мнению, направлениях.

Направление 1. Вначале скрытая, а зачастую и имплицитная, восходящая к конкретному материалу, затем же (с середины 80-х гг.) и открытая апелляция к теориям зарубежной политической антропологии, или же самостоятельная разработка (в рамках прежде всего этнографии и африканистики) аналогичных концепций. Суть их — отсутствие прямой детерминированности образования классов и государства при взаимопереплетении социально-экономических и политических процессов; этапность политогенеза, ступенчатость государствообразования; допустимая полилинейность генезиса государства[41] с преобладанием разных линий (тенденций) развития не только в разных регионах мира с различными экономическими условиями, но и на разных ступенях политогенеза. Сторонников этого направления можно, в свою очередь, разделить на тех, кто выбирал в качестве опорной одну из основных зарубежных политико-антропологических теорий (например, африканист Н.Б. Кочакова — Г.

Классена и П. Скальника, специалист по инкской цивилизации Ю.Е. Березкин — Р. Адамса и т. д.), и тех, кто, перерабатывая некоторые общие для разных теорий положения зарубежной политической антропологии (например, этапность по Э. Сервису, М. Фриду, Р. Карнейро) и пытаясь синтезировать их с нетрадиционным марксизмом, создавал (или делал такие попытки) свои схемы и модели политогенеза. Наиболее яркими представителями второго «ответвления» первого направления являются: создатель современной теории этноса Ю. В. Бромлей, африканисты О.С. Томановская, Л.Е. Куббель, Ю.М. Кобищанов, востоковед Л.С. Васильев. У последнего, впрочем, наиболее явно ощущается абсолютизация цивилизационно-ирригационного пути становления государственности (Стюард, Витфогель, отчасти Салинз и Адамс), что, возможно, диктовалось и спецификой изучаемого (прежде всего китайского) материала.

Направление 2 родилось и практически существовало в ходе второй дискуссии[42] об «азиатском способе производства» (середина 60-х гг.), прежде всего в среде востоковедов, философов и теоретиков истории. Конкретным толчком для нее послужила работа французского марксиста М. Годелье, переведенная на русский язык. Хотя эта дискуссия касалась скорее социально-экономических основ государства, чем его самого как целостного (или надстроечного, в плане специфики правящего класса и госаппарата) явления, тем не менее в ее ходе не могли не затрагиваться и последние вопросы.

Наиболее рациональным с этой точки зрения результатом дискуссии нам представляется выделение «большой феодальной формации» с многочисленными территориально-этапными вариантами и двумя крайними (типично «западный» и «восточный феодализм») полюсами притяжения. Между двумя крайними (по существу, «идеальными», в чистом виде не существующими моделями) находится множество переходных форм государственности, что, впрочем, прямо не постулировалось. Рабство присутствует почти повсеместно и в синхронном, и в диахронном аспектах в качестве уклада, но господствующим способом производства было лишь в Средиземноморье, да и то ограниченный период. При этом, как выяснилось в ходе дебатов, и чистому рабству предшествует так называемый «раннеклассовый» («раннефеодальный») период («кабальная формация», по Ю.И. Семенову), определяемый как *переходная ступень* между собственно родоплеменным обществом и органами управления, классовым строем и сложившимся государством. Наличие этого переходного периода признали все, и сторонники, и противники специфики Востока — «азиатского способа производства». Различия в терминах особой роли не играли, так как суть переходного состояния общества и государства описывалась, по существу, одинаково. Классический пример — интерпретация одинаковых фактов истории западноафриканского «королевства» Бенин: как последней

стадии первобытности (Б.А. Дэвидсон), раннеклассового (борьба трех укладов — первобытности, рабовладения, феодализма) общества (И.Б. Кочакова, И.И. Потехин), «государственного феодализма» (А.А. Сванидзе, Ю.М. Кобищанов). При наличии разногласий о «типе» государства Бенин (в марксистском понимании «типа», то есть на стадиальном уровне), споров о форме государственности не возникало. Это *самостоятельная* ступень развития, а не заключительная фаза первобытного или начальная — классового общества. В зародыше в обществах и государствах переходного периода имелись все *возможные* классы, из которых в дальнейшем одерживал победу только один. В связи с этим, говорить о «раннефеодальном», «раннеполитарном» или «раннерабовладельческом»[43] государствах можно лишь с учетом тенденции, известной современным историкам, но не современникам событий.

Синхронистический, сравнительно-исторический, регионально-типологический подходы к «переходности» помогают без особого труда решать проблему обществ и государств на грани цивилизаций. Характерный пример — Византия, ряд стран Центральной и Восточной Европы, в которых непредвзятый анализ может выявить как специфически «западные» и «восточные», так и типологически «свои» переходные элементы государственности.

Направление 3 представлено медиевистами, начиная от С.В. Юшкова и А.И. Неусыхина, вводивших понятие «переходного периода» для европейского Средневековья. «Варварское», или «дофеодальное», государство С.В. Юшкова, базирующееся на конгломерате трех укладов (см. его работы 1946–1948 гг.), А.И. Неусыхин разделил в плане политического развития на два этапа. Это осевший на определенной территории союз племен и сменившее его «варварское королевство» с феодализмом в качестве «тенденции», наряду с другими укладами. Несколько позднее он делит второй этап на две части по виду основной социально-политической опоры королевской власти: на дружинников и бенефициариев. Развивая эти идеи, базировавшиеся на материалах «классического» франкского предфеодализма, для других регионов Европы, Н.Ф. Колесницкий, А.Р. Корсунский, А.Я. Гуревич, кроме выявления местной специфики «варварских королевств», более детально разработали и некоторые вопросы общего методологического характера. С разделения Западной и Центральной Европы на «синтезную» и «бессинтезную» зоны зарождается и «горизонтальная» типология государственности переходного периода (Корсунский, 1963), из которой затем логично проистек и конкретно-локальный метод исследования сложившихся феодальных государств, причем не только Европы, но и Азии (Люблинская, 1968; Гутнова, Удальцова, 1975; Гуревич, 1968).

Параллельно шло типологическое исследование пространства между «Востоком» и «Западом» — Византии и связанных с ней стран

Балкан и Закавказья, в ходе которого была выделена «контактная», славянская по преимуществу, зона между «синтезным» и «бессинтезным» регионами, и определился *третий* тип генезиса феодального государства — бессинтезный, но «романский» (Грузия, Армения).

Началось выделение конкретных моделей развития и типа государственности, причем наиболее удачными оказались «окраинные» (для Европы) региональные — скандинавская, центрально— и восточноевропейская, балканская (включая Византию). Здесь следует отметить не только отечественных (В.Д. Королюк, М.Д. Лордкипанидзе, А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин, Б.Н. Флоря, В.К. Ронин, З.В. Удальцова, Е.В. Гутнова, А.Я. Гуревич, А.А. Сванидзе и др.), но и зарубежных исследователей (по крайней мере, формально стоявших на марксистских позициях). Это и Г. Ловмяньский для Польши, Д. Тржештик, Й. Жемличка, Р. Марсина для Чехии и Центральной Европы, Е. Койчева, Н. Кочев, Х. Матанов, В. Тыпкова-Заимова для Дунайской Болгарии и Балканского региона. В итоге достаточно аргументированно было обосновано существование «среднеевропейской модели» и наличие типологической связи Шведской, Поморской и отчасти Приморско-Хорватской моделей. Первая была разработана чехословацкими учеными Д. Тржештиком, Й. Жемличкой и Р. Маренной, а с перенесением отдельных ее элементов на восточнославянскую почву (и наоборот) соглашался Б.Н. Флоря. Последний вместе с А. Роговым проводил параллели между моделями второй группы. Первоначальное доминирование в качестве «государственного» элемента биэтничной Болгарии тюркской кочевой аристократии и протоболгар в целом и копирование правящей верхушкой этой страны византийской системы управления и атрибутов власти начала IX в. еще до принятия христианства было постулировано Е. Койчевой и Н. Кочевым.

Кроме «византийско-кочевнического» Юго-Востока, в Европе убедительно выделен иной культурно-исторический тип — Балтийское культурно-экономическое сообщество с его международными связями, викингским движением (не только в Скандинавии) и их четким материально-археологическим отражением — протогородами-виками с интернациональной культурой. В последнем случае свою роль сыграли не только советские, но и зарубежные ученые, в частности немецкий историк Й. Херрманн. Термин «балтийская культура» был употреблен им в 80-х гг., но описание скрытых за ним общих явлений было дано ранее. Параллельно в этом же ключе действовали российские специалисты: «русско-балтийское» «торгово-экономическое сообщество, объединенное судоходной торговлей» (Кирпичников, 1979. С. 98); «Балтийское культурное сообщество» (Лебедев, 1988. С. 47). По сути, в проблемном, а не терминологическом плане эти определения восходят к статье В.А. Булкина и Г.С. Лебедева «Гнёздово и Бирка»

(Булкин, Лебедев, 1974. С. 12, 15–17), базировавшейся, как и чуть более позднее исследование В.Я. Петрухина и Т.А. Пушкиной (Петрухин, Пушкина, 1979. С. 111–112), на труде: Jankuhn, 1971.

Достаточно «модной» стала разной степени аргументированности констатация наличия связей и параллелей отдельных черт и явлений государственности и цивилизаций в целом в разных регионах и культурах мира. Отмечались элементы сходства как внешних, в том числе материальных, проявлений (тип храмов, города, монументальные регалии власти), так и форм государственности — «восточного» города-государства и деспотии[44]. Большинство же исследователей считало, что вышеуказанные черты сходства имеют не типологически-региональное, а стадиальное происхождение. В этом аспекте наиболее частым является отождествление с «варварскими королевствами» Европы как хронологически более поздних потестарных обществ Тропической Африки, так и намного более ранних, но синхростадиальных гомеровской Греции и царского Рима (Дэвидсон, 1975; Кочакова, 1986; Бондаренко, 1993) как обществ «предклассовых, дуалистичных» (Кочакова, 1986). Перспективным стало считаться применение термина «варварский» вообще ко всем государствам доцивилизационного уровня, проведенное для Сабейского ареала, сочетавшего две формы протогосударственности в одном социально-политическом организме (Коротаев, 1993). К выводам последнего (прежде всего политического) плана привел синтез обобщений по нескольким регионам мира африканиста-этнографа Л.Е. Куббеля. Взяв за исходную посылку трехчленную формулу признаков государства по Ф. Энгельсу[45], он, во-первых, вывел шкалу вертикальных детерминант «вождества — раннего государства — сформировавшегося государства»: отсутствие в первом из них *всех* признаков, наличие во втором одного-двух в разных регионально-типологических сочетаниях, и, наконец, последнее *обязательно* имеет все три признака (Куббель, 1988). Во-вторых, именно конкретное сочетание этих признаков на этапе «раннего государства» является одним из важнейших цивилизационно-культурно-этнических принципов классификации.

На базе как марксистского положения о нескольких путях государствообразования, так и сравнительно-типологического метода, развитого М. Вебером, выделившим на его основе особый европейский путь развития, основанный на протестантской этике, сначала слабо, а к началу 90-х гг. уже в качестве господствующего в историографии направления появляется идея бинарности политогенеза на этапе «ранних государств» и далее — вплоть до современных «демократических» и «тоталитарных» государств.

При формальном постулировании известной «триады» путей Л. Куббель все же резко отделяет государства-общины (в основном полисы) от «надобщинного варианта», куда включаются вместе и

племена германцев, и «королевства» Тропической Африки, и «централизованные деспотии речных долин» (Куббель, 1988).

В настоящее время среди историков России, начинавших на методологической базе марксизма, «бинарная» концепция политогенеза наиболее последовательно постулируется китаеведом Л.С. Васильевым (Васильев, 1994).

В ходе определения специфики развития Востока и Черной Африки сначала имплицитно, а затем и концептуально оформилось представление о доклассовом государстве (как одной из его ранних, но равноправных форм), что, впрочем, не противоречило и взглядам Ф. Энгельса (но не К. Маркса и В.И. Ленина)[46]: «Более ранний и всеобщий путь классообразования — через монополизацию общественной должностной функции, чем через монополизацию средств производства» (Куббель, 1988). Это положение, с одной стороны, очень напоминает «римский» путь, по Ф. Энгельсу, а с другой — развитие через «стратифицированное общество» политической антропологии.

Этот положительный, по нашему мнению, результат — не конъюнктурное сближение, а начавшийся синтез положений зарубежной политической антропологии и творческого марксизма, в наиболее полном виде представленный к концу 1980-х гг. в потестарно-политической этнографии, был в дальнейшем излишне форсирован и вульгаризирован, но уже в другом, немарксистском, направлении. Впрочем, в одном и том же сборнике начала — середины 1990-х гг. могут встретиться и подобные, и все еще ортодоксально-марксистские взгляды[47].

2. Вопрос о социальной сущности и механизмах образования Древнерусского государства в отечественной историографии последней четверти XX в.

Наиболее четко и полно ход дискуссии по данному вопросу изложен в статье А.А. Горского (Горский, 1984). Он выделяет четыре основных направления в современной советской историографии по отношению к классовой сущности Древнерусского государства:

1. Сторонники точки зрения Б.Д. Грекова
2. Последователи «государственного феодализма» (делящиеся на тех, кто считает IX — середину XI в. временем только государственного феодализма, и сторонников параллельного с ним развития вотчинного хозяйства)
3. «Рабовладельцы»

4. Сторонники концепции, «согласно которой Киевская Русь представляла собой родоплеменное общество последнего периода его существования»[48] (Горский, 1984. С. 78; Фроянов, 1974; 1980)

Будучи в целом согласны с классификацией А.А. Горского, расценивая ее как наиболее удачную, мы считаем необходимым отметить, что первая точка зрения, по его классификации, сторонников в настоящее время не имеет и представляет чисто историографический интерес. С другой стороны, за пределами его классификации остался взгляд на Древнерусское государство как на «торговую федерацию», где основная причина образования государства — защита и организация международной торговли, а господствующий класс — купцы и занимающиеся торговой деятельностью «княжеская элита» и «их вассалы». Элементы этой торгово-городовой теории были заложены еще В.О. Ключевским, продолжены Г.В. Вернадским, а к настоящему времени развиты (или самостоятельно разработаны) рядом зарубежных и российских ученых (А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, В.А. Назаренко, И.В. Дубов). Последние, правда, распространяют положение о большой роли международной торговли в формировании государственности и классовых отношений лишь на Северную Русь[49], входившую в так называемую «Балтийскую экономическую систему».

Близкие к этой группе историков (точнее, археологов) взгляды высказал советский востоковед А.П. Новосельцев[50].

Но, в отличие от них, он делает попытку определить нишу Древней Руси IX–X вв. в общей формационной схеме, определяя ее, вслед за Ф. Энгельсом, как «варварство» — эпоху сложения предпосылок государства (Новосельцев, 1994. С. 41). В этом он наиболее близок по взглядам 4-й группе авторов. Кстати, как и у них, у А.П. Новосельцева имеется определенная непоследовательность в вопросе о возможности существования доклассового государства: если отдельные «политические формирования» являются как бы недогосударствами, так как в них нет классов, то Древнерусское государство IX–X вв. является, судя по контексту, государством подлинным, хотя реальных классов в нем автор также не указывает.

Промежуточной между взглядами сторонников особой роли международной торговли и «государственной» формы раннефеодальных отношений является точка зрения В.Я. Петрухина и Е.А. Мельниковой о параллельности формирования сети опорных пунктов международной торговли и великокняжеской власти (виков и хусабю, по скандинавской терминологии), при победе в XI в. последних. Данная точка зрения представляется наиболее приемлемой.

Для лучшего понимания дальнейших судеб наций и особенностей национального характера гораздо большее значение имеют первоначальная форма правления и механизмы образования конкретного государства[51]. Оба эти вопроса взаимосвязаны, ибо от

пути образования государства чаще всего зависел его тип («форма правления») и в политическом, и в территориально-этническом планах.

По В.О. Ключевскому, Древнерусское государство представляло собой добровольное объединение торгово-городовых волостей под властью варяжской династии киевских князей с целью обеспечения общенародных функций (в первую очередь обеспечение внешней торговли и обороны). В основе здесь лежит теория «общественного договора», добровольной уступки обществом части своих прав властному аппарату. Налицо государство республиканское в низовых звеньях и монархическое в верхнем эшелоне власти: все его части (в территориальном плане) равны, но все безусловно подчиняются Киеву (унитарная монархия).

Фактически так же оценивает Древнерусское государство и М.Б. Свердлов, по-иному трактуя, однако, механизм его образования: как насильственную ликвидацию независимости племенных княжеств и союзов племен (Свердлов, 1983. С. 32–34). Сами же эти княжества образуются по классической схеме: путем узурпации власти представителями родоплеменного управления.

Очень четко говорится о механизме образования первоначальных «низовых» ячеек государственности — городов-государств с общинно-республиканской формой правления — и весьма туманно о едином Древнерусском государстве и пути его образования у И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко. Сосредоточение власти в городе порождало тенденции к отрыву власти от широких масс родового населения и, следовательно, превращению ее в публичную власть. Это превращение стимулировало подчинение восточнославянских племен Киеву, завершившееся образованием грандиозного межплеменного суперсоюза под гегемонией Полянской общины. Но существование подобного союза было невозможно без насилия со стороны киевских правителей по отношению к покоренным племенам. Отсюда ясно, что публичная власть «материализовалась в насильственной политике, идущей из Киева» (Фроянов, Дворниченко, 1988. С. 38).

Наоборот, достаточно подробно говорится об особенностях и причинах образования единого Древнерусского государства как «федерации княжеств», находившихся в разных отношениях с ее столицей Киевом, в силу разных путей включения этих княжеств в ее состав, у А.П. Новосельцева. Что же касается первоначальных звеньев государственности, то к ним применяется расплывчатый термин «политические образования», «княжения» (Новосельцев, 1994. С. 11). Ясно, однако, что автором подразумевается только монархическая форма правления. О механизме формирования государственности на уровне княжений не говорится, тем не менее само допущение возможности первоначального существования нескольких восточнославянских государств является важным.

По Б.А. Рыбакову, Русь уже в начале IX в. представляла собой иерархически организованную раннефеодальную монархию — унитарную, но образовавшуюся в основном мирным путем (в отличие от точки зрения М.Б. Свердлова).

Достаточно четко, хотя схематично и одинаково для всех восточнославянских племен, процесс формирования первоначальной государственности путем поэтапной узурпации власти разного ранга князьями, опиравшимися на дружину, изложен в работе А.А. Горского (Горский, 1984. С. 18–34). Само же Древнерусское государство, скорее всего, характеризуется как унитарная монархия в территориально-этническом плане, основанная с помощью насилия.

Хотя и далеко не новая, но добротная для советской историографии схема государствообразования, состоящая из четырех этапов, обобщена в работе И.П. Шаскольского[52] (Шаскольский, 1972).

Были предложены и иные механизмы государствообразования, единые для Руси и Скандинавии (Шаскольский, 1986. С. 95–99), — через посредство создания надплеменной властью князя-конунга сети опорных пунктов своей государственности, которая «набрасывается» на территорию сразу нескольких союзов племен (Мельникова, Петрухин, 1986а).

Наиболее обоснованные археологическими материалами механизмы образования государственности на уровне племя — союз племен (на примере белых хорватов) изложены в работах Б.А. Тимощука (Тимощук, 1990; 1995), который показывает процесс поэтапной насильственной узурпации власти племенным князем, а затем великим киевским князем.

Таким образом, из трех основных путей государствообразования, которые первоначально предусматривала марксистская историческая теория[53], в советской историографии присутствовали (правда, не всегда в чистом виде и редко называясь по «именам») все три. Это может говорить либо о том, что правы не все историки, либо что на Руси существовал некий синкретичный набор механизмов государствообразования, либо о множественности путей сложения государственности на территории Восточной Европы.

Фактически седьмым направлением в историографии (если считать взгляды Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина по «городовой сети» за отдельную, шестую группу) могут являться теории, абсолютизирующие то или иное направление внешних влияний. Своими «этническими» приоритетами они напоминают достаточно давние (еще до его «новой теории» 1982 г.) суждения Б.А. Рыбакова и современные, рубежа 80–90-х гг. XX в., Л.Н. Гумилева, только с точностью до наоборот. Если у последних упор делается на национальную самобытность, существование славянского «каганата Русь» еще в начале IX в., а то и раньше (Гумилев, 1996. С. 241), и в общем признаваемую, но более позднюю и отрицательную роль варягов в дальнейшем развитии

древнерусской государственности, то сторонники седьмого направления делают упор на отсутствие у славян до варягов или хазар (здесь «внутреннее» различие этой группы историков) чего-либо, что бы напоминало хотя бы самую рудиментарную форму государственности. Максимальный уровень социально-территориальных общностей, достигнутый славянами до Рюрика, по Р. Пайпсу, — это племя во главе с «патриархом», «обладавшим практически безграничной властью над единоплеменниками и их имуществом» (Пайпс, 1993. С. 45).

Истоки седьмого направления отчасти можно видеть в «геополитических» трудах Г.В. Вернадского, однако внимательное их прочтение вряд ли позволяет сделать это даже с малой степенью категоричности. Так, преобладающая роль скандинавов отмечается этим исследователем лишь для образования единого Древнерусского государства, но зачатки государственности существовали у «руси и антов» еще в VII–VIII вв., хотя они и находились «под руководством хазар» (Вернадский, 1996. С. 26). Государственность на Руси до Рюрика была представлена «системой классических городов-государств — древнерусских земель» (Там же. С. 191). Высоко оценивается историком и уровень социального развития славян до создания государства Рюриковичей (Там же. С. 144–163), хотя его термин «классы» более соответствует «стратам» политической антропологии.

В этом аспекте Г.В. Вернадский скорее выступает как последователь М. Грушевского с его поляно-русской теорией[54] и социальным расслоением, предшествовавшим созданию государства, отчасти (роль торговли и городов) — В. О. Ключевского. В качестве же его последователей можно более назвать Б.А. Рыбакова и Л.Н. Гумилева, чем современных «норманистов» и «пантюркистов». Последние (в лице, например, О. Прицака), по сути, абсолютизируют явно «проходное» высказывание Г.В. Вернадского о роли хазар, превращая их в создателей (наряду с варягами) Древнерусского государства и основателей Киева. Критике этих взглядов посвящена обширная отечественная и зарубежная историография (Wilson, 1970. P. 165–156; Новосельцев, 1982. С. 120–127; Петрухин, 19956. С. 117–124). В то же время Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин отмечают преобладание взвешенных подходов к проблемам образования Древнерусского государства в западной историографии (Мельникова, Петрухин, 1985. С. 232–234). Для целей нашей работы особо существенно признание процессуалистского подхода в работах крупного немецкого русиста Г. Рюса. Характерно наличие критики традиционного преувеличения значения норманнского фактора (в современной историографии это в особенности Р. Пайпс) и хазарского влияния (О. Прицак) в самой зарубежной литературе.

Своеобразно пересматривает хазарскую версию основания Киева М.Э. Аджи, вводя в свою книгу раздел «Кипчакский Киев» и относя

термин «Гардарики» не к славянским землям, а к степному Дешт-и-Кипчаку. Впрочем, не только кипчаки, но и «варяги оставили славянам Русь». Лишь позднее «конспект будущей российской истории» «набросал» Владимир Мономах, а сгладил ее шероховатости «руководитель всего летописания», «Первый Главный Редактор на Руси» Мстислав Великий (Аджи, 1994. С. 55–56, 68–69, 76–78). Впрочем, мы отвлеклись на характеристику книги, которую сам автор оценивает как проблемную, скорее публицистическую, чем строго научную.

В итоге круг сомкнулся: летопись оказалась неудовлетворительна прежде всего для сторонников «этнической чистоты» государства, будь оно исконно славянским или созданным на «пустом месте» норманнами или тюрками.

В связи с этим характерна судьба работ Л.Н. Гумилева[55]: возникшие в какой-то степени как «оппозиция» официальной версии Б.А. Рыбакова, они в настоящее время поддерживаются именно «патриотами», чему, безусловно, есть основания — взять хотя бы оценку последним уровня восточнославянской государственности начала IX в. как «сильного каганата „Русь“» (Рыбаков, 1969. С. 241). Роль же норманнов, по Б.А. Рыбакову, сугубо отрицательна, они чуть не погубили эту «суверенную державу», поставив ее в зависимость от хазар. В плане патриотизма Л.Н. Гумилев пошел дальше не только И. Забелина, но и Б.А. Рыбакова, который все же признавал скандинавское (хотя и не шведское, а датское) происхождение династии Рюриковичей и выделял «варяжский период» в истории Руси. Варяжские князья были, конечно — летописи и иностранные (в данном случае хазарские) источники не отбросишь. Но пришли они «на готовое», в уже сложившийся к IX в. и «процветавший, вопреки версии летописца», на исключительно местной восточнославянско-росомонской базе «Русский каганат». Предки руссов — росомоны IV в., «скандинавское племя», пришедшее с готами; смешиваясь со славянами, они и породили полян (Гумилев, 1996. С. 245). Второе же «пришествие» варягов-норманнов, проигравших все возможные войны, чуть не привело Русь к гибели (Там же. С. 247, 251).

Фактически вообще обходит «варяжский вопрос», оставляя во главе конгломерата племен «Русь» лишь «Полянскую общину», другой главный оппонент Б.А. Рыбакова и господствовавшей в 70-х — середине 80-х гг. теории «государственного феодализма» — И.Я. Фроянов. Более осторожен в обращении с источниками, хотя по сути солидарен в главном и с Рыбаковым, и с Гумилевым, и с Фрояновым, один из основных критиков последнего на современном этапе, Н.Ф. Котляр. Указав для начала на безусловно более быстрое социальное развитие Юга Руси, чем ее Севера, и гипотетичное существование там «племенных княжений» в VIII в. (Котляр, 1995. С. 37, 43), он произносит следующую осторожную фразу: «Предлагая считать временем возникновения первого восточнославянского — еще не древнерусского

— государства середину IX в. (имеется в виду „Киевское княжество Аскольда“ — *Е. Ш.*), мы не можем отрицать того, что систематические сведения о развитии государственности появляются в летописи с последней четверти этого столетия». С приходом Олега с Севера она становится собственно русской и развивается «в основном на юге» (Там же. С. 43). Внешне близка к «южной теории» («Руси Аскольда», по М. Брайчевскому) современная концепция Г.С. Лебедева. Однако, по сути, этот ученый уравнивает ее и по степени развития, и по роли в сложении Древнерусского государства с Северной Русью — «Русью Рюрика», связывая оба эти образования с зонами хазарской и варяжской дани (Лебедев, 1994. С. 149). В этом аспекте положения Лебедева сближаются не с «южной теорией», а с концепцией «двоецентрия», в наиболее полном виде изложенной В.В. Мавродиным. Новым является гипотетично реконструируемый предшественник и Южной, и Северной Руси — «каганат Дира» (условно 838–859 гг.) «от Балтики до Черного моря» (Лебедев, 1994. С. 151).

Таким образом, невольно, но вполне логично этнотипологическая односторонность сближает внешне полностью противоположные концепции О. Прицака, Р. Пайпса, Б.А. Рыбакова и Л.Н. Гумилева.

Очевидно, что полностью сбрасывать со счетов концепции внешних воздействий, имеющие под собой определенную и источниковую, и методологическую базу, нельзя. Так, достаточно взвешенной выглядит новая теория В.Я. Петрухина о создании русами, пришедшими в Поднепровье с Севера, опорной базы формирующейся государственности в зоне бывшей «хазарской дани» (территориально ограниченной и имеющей свои археологически определимые рубежи), ставшей «внутренней Росией». Институт дани перешел к «руси» от хазар как бы по наследству. В связи с этим логично и допущение участия хазарских элементов (наряду с другими) в русских полиэтничных дружинах. Внешнее влияние здесь налицо, но опосредованное и адаптированное к *своим* потребностям.

Еще одной существенной альтернативой исключительно скандинавской «традиции» источника влияний явилось западное, германо-баварское направление (А.В. Назаренко). Развивая как высказывания А.П. Новосельцева (Новосельцев, 1991. С. 15) о зоне чешско-польского влияния, так и Й. Херрманна о ранних германо-русских контактах (Херрман, 1988. С. 164), А.В. Назаренко (Назаренко, 1994. С. 24–29; 1996а. С. 17) связывает эти отрывочные положения в целостную теорию об изначальном преобладании контактов славян Среднеднепровского региона именно с Центральной Европой и ее гегемоном — Восточнофранкским, затем Германским королевством, через Карпаты — Прагу — Верхний Дунай в Баварии (прежде всего Регенсбург). Отсюда шли прямые влияния на Русь (исследователь не разделяет ее и восточных славян)[56][57], вплоть до денежно-весового обращения (Назаренко, 1996а. С. 12–13; 19966). Впрочем, контакты

Чехии с Русью, зафиксированные разного рода источниками, относятся к более позднему периоду — X в. На конец X в. как на время усиления значения западных торговых связей указывает и А.П. Моця (Моця, 1997. С. 9). Опираясь на предполагаемое заимствование древнерусского денежного счета в «Баварской восточной марке» «уже к рубежу IX–X вв.» (Назаренко, 1986. С. 77), этот автор намного удревняет существование устойчивых торговых связей между Русью и Германией. Впрочем, нумизматические источники (состав кладов, указывающий на изменение потоков восточного серебра, см.: Фомин, 1993. С. 78–79; 1995. С. 63–73), граффито на монетах, с 80-х гг. XX в. вводимых в научный оборот как новый вид источников (одна из последних комплексных работ: Нахапетян, Фомин, 1994), соотношение веса монет, обращавшихся на Руси, с весовыми единицами различных стран, находившихся с ней в торговых контактах (см., например: Прицак, 1998. С. 217–221), позволяют выявить и иные направления контактов, особенно алано-болгарское и хазарское (Нахапетян, Фомин, 1994. С. 173–176; Мельникова, 1996. С. 26; Прицак, 1998. С. 217–22). Устанавливается также наличие локальных рынков внутри восточноевропейского пространства (Нахапетян, Фомин, 1994. С. 176), допускается наличие собственного «варварского» монетного чекана и денежного обращения в отдельных его славянских регионах, северянско-вятичском, под хазарским влиянием прежде всего (Куза, 1981. С. 29, 38; Шинаков, Григорьев, 1990. С. 67; Зайцев, 1991. С. 111–113; 1992. С. 27–28).

3. Образование Древнерусского государства: политикоантропологический и сравнительно-типологический аспекты

В последних работах И.Я. Фроянова акцент от «городов-государств», обладавших таким элементом полисов, как суверенитет самоуправляемой общины, был смещен к *общинам* в целом (но обязательно городским), то есть произведен почти полный возврат к идеям XIX в.[58]

От Античности, в сравнении с которой и заключалась новизна концепции этого автора для советской историографии (совместно с А.Ю. Дворниченко, работы 1986 и 1988 гг.), «уцелело» рабовладение как преобладающая система эксплуатации и территориально-политическая разъединенность, раздробление суверенитета, но практически ушла ранее превалировавшая идея о политической форме города-государства как основной структурной единице государства уже в IX–X вв. В русской научной литературе это сравнение

неоднократно проводилось с 70-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в. (М. Затыркевич, А. Никитинский, Н. Костомаров, Н. Кареев, Н. Рожков, Т. Ефименко, А. Пресняков), что и считается авторам возрождаемой теории одним из аргументов в пользу ее правильности (Фроянов, Дворниченко, 1986. С. 204–207).

В работе 1996 г. господствующей силой государства (точнее, «конгломерата племен») объявляется не князь с дружи — ной-«русью» и не город-государство Киев, а «Полянская община в целом». В определенной степени (по территориально-этнической организации управления, но не по определению его политико-социального уровня) это сближает его взгляды с концепцией Б.А. Рыбакова. Во втором же аспекте (уровень развития славянского общества) его взгляды близки из современных авторов Р. Пайпсу. Сам И.Я. Фроянов, впрочем, предпочитает возводить свои взгляды в этом вопросе к работам В.А. Пархоменко 20-х и С.В. Бахрушина 30-х гг. прошлого века. Однако и у того и у другого говорится (в цитируемых, кстати, самим И.Я. Фрояновым отрывках) не об отсутствии государственности вообще, а о государстве несформировавшемся, непрочном, с расплывчатыми и неустойчивыми границами и территорией, в крайнем случае — об отсутствии *единого* государства (Бахрушин, 1938. С. 95; Пархоменко, 1924. С. 209). Естественно, наличие хоть и непрочных, но уже государственных институтов отнюдь не равнозначно их полному отсутствию. Если ранее акцент делался все же на «переходном периоде», то в настоящее время — на первобытности, отсутствии государства (любого этапа) вплоть до конца X в.[59] Этим же временем И.Я. Фроянов считает возможным датировать начало разложения родовых отношений на Руси. Не подвергая критике в историографической главе сущность концепции Фроянова, позволим привести несколько замечаний по ее частным моментам.

1) Недостаточно обоснованной представляется абсолютизация исключительно духовного, сакрального элемента как внутри *каждого* из восточнославянских племен (общин, союзов племен), так и во взаимоотношениях между ними. И.Я. Фроянов сделал ссылки лишь на две работы по первобытности (Леви-Брюль, 1994; История первобытного общества, 1986), где этот фактор ставится на ведущее место. Однако первая работа специально посвящена лишь проблеме «сверхъестественного» в первобытном мышлении, что же касается второй, то здесь сакральный фактор упоминается наряду с другими. В любом случае даже из этих двух книг (что само по себе, конечно же, недостаточно) никак не следует категоричный вывод И.Я. Фроянова: «Присоединение земель побежденных к земельным владениям победителей… в силу сакральных причин… было попросту невозможно» (Фроянов, 1996. С. 499)[60]. Преувеличенное значение ритуально-мистического и престижно-психологического факторов для всей эпохи первобытности повсеместно звучит и в критике И.Я. Фрояновым

взглядов Ю.М. Кобищанова о полифункциональности полюдья. Выборочно цитируя его же работу, Фроянов отбирает лишь те факты, которые свидетельствуют о сакральном характере полюдья. Звучит также обвинение Кобищанова и других этнографов (называется, впрочем, лишь один — В.А. Попов) в том, что они «не различают внешние поборы от внутренних сборов». Это положение не совсем верно, ибо у «классиков» позднесоветской этнографической теории (Ю.В. Бромлей, А.И. Першиц, Л.Е. Куббель) абсолютно четко различаются разные виды «эндоэксплуатации» и «экзоэксплуатации» (внутри этнопотестарных племен и между ними) (Бромлей, Першиц, 1984. С. 66; Куббель, 1988. С. 152).

2) К методологическим недостаткам работы можно отнести и то, что, по сути, весь период IX–X вв. у И.Я. Фроянова объединяется в один этап. В частности, это сказывается на статичной характеристике отношений между племенами, неизменности «политической» формы и социальной основы как последних, так и их объединения во главе с «Полянской общиной» на протяжении всего вышеуказанного периода. Своеобразным проявлением статичности, универсализации «по горизонтали» является отсутствие попыток уловить различия не только между восточнославянскими племенами, но и специфику по отношению к ним самой «Русской земли».

3) При критике построений таких историков, как Л.В. Черепнин и М.Б. Свердлов (идеологи «централизованной эксплуатации» и «государственного феодализма»), И.Я. Фроянов исходит не из оценки соответствия конкретных их положений состоянию Источниковой базы, а из их приверженности «одностороннему, сугубо классовому критерию». В то же время автор сам фактически связывает начало государственности в Древней Руси с «завязыванием процесса формирования холопства как сословия или класса…», начиная и то и другое с конца X — начала XI в. В данном аспекте с И.Я. Фрояновым солидарна и автор работы о сельской общине Л.В. Данилова (Данилова, 1994. С. 133).

4) Концептуальное значение у автора имеет момент о принципиальном различии даней и полюдья. Возможно, это и так, но вот Константин Багрянородный, которого вряд ли можно заподозрить в «несовременности» описываемым реалиям или некомпетентности, недобросовестности, нехватке информаторов и политической предвзятости (работа «Об управлении империей» писалась им как инструкция для сына), однозначно соединяет их. Для сомнений в сообщениях такого рода источников нужны очень весомые основания. Однако И.Я. Фроянов пишет так: «…в этих сведениях… смешаны два древних сбора, различные по сути, — полюдье и дань. Трудно сказать, кто тут повинен: Константин или его информатор. Но, узнав о хождении русов за данью и в полюдье, кто-то из них не сумел различить два разнородных явления и слил их воедино, посеяв у

позднейших историков иллюзию тождества полюдья и дани, от чего они, к сожалению, не избавились до сих пор» (Фроянов, 1996. С. 477). Об этом методе говорил еще В.О. Ключевский, критикуя историков-«патриотов», отвергавших «варяжскую» легенду» в контексте ПВЛ: они «вступили в полемику с летописцем… и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать» (Ключевский, 1989. С. 143).

Столь подробный анализ последней крупной работы И.Я. Фроянова связан с тем, что в свое время его творчество, по сути, стало началом «переходного периода» в позднесоветской историографии Киевской Руси. Его выводы об отсутствии классов и особой форме государственности, сравнимой с полисами Античности, отличались новизной для *советской* научной мысли, — по крайней мере, для историков-русистов (как уже говорилось, у медиевистов, востоковедов и этнографов ситуация была иной). Собственно, наши многочисленные критические замечания в адрес книги 1996 г. касаются не столько самой концепции ее автора, сколько его методики (выборочность примеров и статика описания) и порою способов ведения полемики с оппонентами[61]. Если И.Я. Фрояновым, по существу, отрицается этапность процесса образования Древнерусского государства (им выделяется лишь одна принципиальная грань — правление Владимира Святого, до которого была «первобытность», а после него «варварское государство» просуществовало в неизменном виде вплоть до татаро-монгольского нашествия), то в настоящее время выделяется группа историков, делающая упор именно на *этапности.* Гносеологически их взгляды восходят, на первый взгляд, к «четырех этапным» концепциям И.П. Шаскольского (Шаскольский, 1972а, б) и В.В. Мавродина (Мавродин, 19716).

Отчасти эта стадиальная (диахронная) классификация была одобрена, воспринята и развита М.Б. Свердловым с использованием опыта В.Д. Королюка в данной сфере. Отличие в том, что М.Б. Свердлов основное внимание уделяет процессу становления не государственности, а феодальных отношений[62] в *широком* смысле слова. Общей чертой «большого феодализма» как общественного строя Свердлов в настоящее время считает «основание» его «на неземельных и земельных феодах — рентах как форме обеспечения за вассальную службу и на взимании разных видов ренты в господском хозяйстве» (Свердлов, 1998. С. 104). В горизонтальной (региональной) классификации феодализма он следует в основном подразделению Европы на разные по типу синтезные, бессинтезные и контактные зоны, выделенные медиевистами и славистами В.Д. Королюком и А.П. Новосельцевым. Сам М.Б. Свердлов считает возможным выделить славянскую модель, распространяя на нее в основном дефиниции «государственного феодализма» с верховной земельной собственностью государства на землю, «фьефами — деньгами» и

«фьефами — должностями», позднее (на втором этапе) подкрепленной «податной системой». Лично свободные производители, вероятно, попадают в зависимость «к владельцам фьефов — полным земельным собственникам на переходной стадии от раннего к развитому феодализму» (Свердлов, 1993. С. 69). Еще позднее (четвертый этап) формируется условная земельная собственность. Исключения из «славянской модели» допускаются лишь для Великой Моравии и Хорватии (балканской) «вследствие развития частной собственности на землю в результате славяно-германского и славяно-позднеримского синтеза» (Там же. С. 70).

Сравнительно-типологический анализ является тем новым, что внес в свою теорию «государственного феодализма» М.Б. Свердлов после работ 1980-х гг. В них ученый как бы наметил программу своих дальнейших исследований именно в этом направлении: «Последовательное сравнение восточнославянских общественных структур с южно— и западнославянскими является темой специального исследования» (Свердлов, 1983. С. 30). Таких сравнительных работ появилось немного, в основном по такому элементу «среднеевропейской модели», как служебная организация (Флоря, 1987 а; Кучкин, 1993). Однако сам принцип сравнений (по этническому признаку) представляется нам далеко не бесспорным. Упомянем хотя бы отмеченное Б.Н. Флорей и В.К. Рониным сходство славянского Поморья и отчасти Хорватии с синхростадиальной Швецией, но их отличие от славянских же держав «центральноевропейского типа».

Если научные интересы В.Я. Петрухина, считая примерно со статьи 1987 г., начали с русско-скандинавских связей и аналогий государственного развития смещаться в сторону Южной Руси и Хазарского каганата, то Е.А. Мельникова продолжает сохранять верность традиционной тематике, но на новом методологическом уровне. Используя терминологию политической (в ее статье — социальной) антропологии, она определяет «племенные княжения», возникающие на базе «этносоциальных племен», как «догосударственные потестарно-политические структуры — „вождийства“, стоящие над ранжированным обществом». Первой ступенью государственности на Руси Е.А. Мельникова считает конфедерации племен, среди которых ведущую роль в образовании единого государства играла «Северная» (Мельникова, 1993). В социальном плане им соответствует «стратифицированное общество», в политическом — «раннее государство» «дружинной формы» (Там же). Применение подобной классификации представляется нам вполне приемлемым для древнерусских реалий и является, по сути, *первой* попыткой такого рода среди специалистов по истории Руси. Вместе с тем Е.А. Мельникову можно считать в этом аспекте и преемницей «процессуалистов» отечественной историографии (В.В. Мавродина, И.П.

Шаскольского, М.Б. Свердлова), не искавших обоснование своих периодизаций в зарубежной антропологической науке.

Достаточно четким манифестом «этапности» и полилинейности процесса политогенеза в отечественной русистике можно считать положения Е.А. Мельниковой, с которыми мы отчасти солидаризируемся: «Переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе — с государственным политическим устройством, является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы. Вместе с тем конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно разнились, в первую очередь — в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли» (Мельникова, 1995. С. 23). В то же время в перечислении конкретных форм вождеств она ограничивается констатацией наличия «теократии» (по Э. Сервису) и «военных по преимуществу… потестарных структур» (Там же).

Имеющиеся материалы позволяют говорить о гораздо большем разнообразии как форм «вождеств», так и механизмов[63] их перехода к ранним государствам. Кроме того, лишь с очень большой натяжкой (по сути, во всем «дополняя» источники) можно отнести «Северную конфедерацию племен» к тому этапу государствообразования, который соответствует понятию «раннее государство» зарубежной политической антропологии и отечественной потестарно-политической этнографии (этнологии). В частности, одним из обязательных его признаков является кодифицированное государством право, единственное косвенное доказательство наличия которого Е.А. Мельникова видит в самом заключении «ряда» — договора с варягами.

Вопрос об адекватности друг другу «военного» вообще и «дружинного» в частности государств также является спорным (как и «дружинный тип» «Северной конфедерации») и будет рассмотрен нами после анализа взглядов другого, отчасти опирающегося на положения политической антропологии, современного «этаписта» — Н.Ф. Котляра, а также, возможно, первого в советской историографии апологета дружинного характера Древнерусского государства во все периоды его существования — А.А. Горского.

Украинский исследователь, наиболее, пожалуй, близкий по взглядам московскому историку Е.А. Мельниковой (во всяком случае, явно относящийся к тому же научному направлению и по подходу к вопросам методологии, и концептуально), Н.Ф. Котляр традиционно критикует два полюса советской историографии — «грековцев» и

«фрояновцев». Первых — за социологизм и догматизм, удревнение феодальных отношений на Руси (и у «всех славян») до VI–VII вв., второго — за архаизацию социально-политического строя последней, родоплеменного даже в X–XI вв., и (как и М.Б. Свердлов) за отсутствие анализа его динамики. При этом критика функциональной зависимости появления классов и государства явно запоздала (ранее она уже присутствовала у советских медиевистов, востоковедов, этнографов-африканистов и этнологов-теоретиков), да и в самом марксизме (у Ф. Энгельса) эта тесная увязка первоначально отсутствовала. По сути, данный аспект «грековской» концепции образования Древнерусского государства был признан устаревшим еще в отечественной русистике конца 70-х — начала 80-х гг. XX в., и эта мысль проводилась не только в работах И.Я. Фроянова. Концепция «государственного феодализма» (М.Б. Свердлов, Б.А. Рыбаков, В.Г. Абрамович, А.А. Горский и др.), как и введение «дофеодального» и «раннефеодального» периодов в медиевистике, являлись попытками преодолеть очевидное по источникам противоречие между явным отсутствием классов, но наличием государства на Руси X–XI вв. Кроме того, Н.Ф. Котляр излишне «льстит» И.Я. Фроянову, приписывая ему и используемой последним марксистской социально-экономической литературе 80-х гг. XX в. известную энгельсовскую триаду признаков государства (территориальное деление, публичная власть, налоги) (Котляр, 1995. С. 40).

Классификация Н.Ф. Котляра этапов государствообразования конца IX — начала XI в. (после «Северной конфедерации») достаточно противоречива. С одной стороны, он распространяет на всю Русь термин «дружинное государство», применяемый Е.А. Мельниковой для этого первичного, по ее мнению, государственного образования, и относит его ко всему периоду IX–X вв. как неизменную в этих рамках форму государственности. С другой стороны, он четко делит этот период на два принципиальных этапа — до и после середины X в. (реформ Ольги). В выделении этой принципиальной грани он особенно близок М.Б. Свердлову, не признававшему дружинный характер государства (как А.А. Горский). То, что было до этого и образовалось путем слияния уже существовавшего на Юге в середине IX в. восточнославянского государства (форма его не указана) с пришедшей с Севера новой (варяжской) династией Олега (вопрос о происхождении Аскольда и Дира в одном случае решается в пользу «варяжской легенды», в другом — «Полянской»), названо *«надплеменным* государством», *«федерацией княжеств».* То, что получилось после начавшегося при Ольге и завершившегося при Владимире «огосударствления земель племенных княжений»[64], хотя и осторожно, все же названо «феодальным» государством.

Противоречит как большинству политико-антропологических теорий, так и большей части линий политогенеза (кроме кочевнической

и через торговые города-государства) положение Н.Ф. Котляра о ведущей роли возникающей частной собственности «при переходе от союзов племен к племенным княжениям, то есть „вождествам“» (так, в отличие от Е.А. Мельниковой, переводит он термин «chiefdom»). Причина этого в неправильно интерпретированном положении М. Фрида и Э. Сервиса о стратифицированном обществе и вождестве. Разные «доступ к жизненным ресурсам» и «доступ к распределению» отнюдь не были вызваны, по мнению этих авторов, «возникающей частной собственностью» на средства производства, а зависели от места, роли и значения выполняемой функции в системе управления. Не «система распределения ресурсов» — причина той или иной формы «политической системы», а наоборот[65].

Критикуя догматический марксизм, Н.Ф. Котляр тем не менее вполне сохраняет именно его представления о функциональном соотношении «экономики и политики». Исследователь, хотя не очень последовательно методологически и не очень четко (и противоречиво) типологически, все же остается одним из немногих историков-русистов, пытающихся внедрить достижения политической антропологии и потестарно-политической этнографии, а также (впрочем, достаточно выборочно) сравнительно-исторический метод в процесс изучения генезиса государственности на Руси.

А.А. Горский, ранее всех поднявший в советской историографии вопрос о роли дружины в политической системе Древнерусского государства, не заканчивает, как Н.Ф. Котляр (Котляр, 1995. С. 47), период «дружинной формы» эпохой Владимира Святого, а доводит его, как и ранее (Горский, 1989. С. 87), до эпохи феодальной раздробленности. Но главное различие между ним, с одной стороны, и Е.А. Мельниковой и Н.Ф. Котляром — с другой, не в сроках существования «дружинного государства», а в понимании его сущности и главное — в ведущей функции. По Горскому, дружина — институт, структура государственного управления, присущая обществам «государственного феодализма» (генезиса феодализма, раннего феодализма), и главный источник «иерархической системы собственности, свойственной развитому феодализму», переход к которой начался в конце XI в., а завершился в начале XIII в. (Горский, 1989. С. 8).

Е.А. Мельникова считает дружину институтом и главным органом управления зарождающегося государства, призванным потеснить «родовую знать, носительницу „центробежных тенденций“, противостоящую центральной власти» (Мельникова, 1995. С. 22). С ней согласен и Н.Ф. Котляр, но, как и в остальном, *не очень* последовательно. Так, указывая на главную «государствообразующую» (Котляр, 1995. С. 46) функцию дружины, в том числе и в борьбе с сепаратизмом племенных князей и родовой аристократии, он в то же время говорит о возможности их «временного, номинального»

зачисления в великокняжескую дружину времен Олега и Игоря и даже включения их в «ее привилегированную верхушку» (Котляр, 1995. С. 45).

4. Вопрос о «дружинном государстве»

По-видимому, все же нельзя категорично смешивать понятия «военное» и «дружинное» государства и безоговорочно относить последнее только к раннегосударственному этапу. Действительно, и сама Е.А. Мельникова отмечает возможность монополизации функций управления не только дружинной, но и «аналогичной ей военной организацией». А ведь именно форма последней может служить косвенным индикатором линии и этапа политогенеза. Достаточно назвать рабскую гвардию («восточные деспотии»); монополизировавший военную деятельность род правителя (Дагомея, где военная и работорговая функция «государства» была не только главной, но и единственной); «благородные роды» (у туарегов, например); добровольно вооруженный народ, господствовавший над другим народом (племенем) (многие примеры); насильственно военизированный народ (банту юга Африки); гардингов у вестготов и бенефициариев у франков; военнокастовую систему (деление родов, общин «по вертикали»,

конический клан, касты, сословия воинов и т. д.); военизацию определенных возрастных групп, составлявших постепенно основу дружин племен, и что уж говорить о поголовной военной обязанности (праве) граждан полисов. Кроме того, как военные механизмы институционализации власти, так и линии развития через военизированные государства хотя и очень часты, но все же не являются единственно возможными.

В терминологически приоритетном аспекте есть и иная точка зрения именно на «дружинное государство». Л.Е. Куббель, один из классиков советской потестарно-политической этнографии, считал его одной из форм промежуточных звеньев (наряду с «протогородом-государством», «сложносоставным государством» и т. д.) между «вождеством» и «ранним государством». Оно обычно рождается из тех вождеств — союзов племен, для «руководства» которых «экзоэксплуатация» становилась главным и даже единственным источником прибавочного продукта, а затем и «экономической основой его политического господства».

Наличие дружины (в строгом смысле слова) еще не говорит о «дружинном государстве». Дружины как элитная часть ополчения были и при позднеродовом строе, но отмечается (Ф. Кардини, например) их принципиальное отличие от государственных (в Скандинавии эпохи

викингов). В отдельных англосаксонских королевствах были и частные, и викингские, и королевские дружины, но для внешних войн главную роль все еще играло ополчение («кэрлов» и «бондов»). По нашему мнению, о «дружинном государстве» можно говорить лишь тогда, когда дружина становится если не единственной, то главной внешней военной силой, устраняя все другие виды формирований, монополизируя (не только как источник кадров, но и как институт) все управленческие функции. Но, во-первых, это должна быть *именно дружина,* отличная от других типов военно-корпоративных организаций — инструментов и даже субъектов власти; во-вторых, она должна быть не «гвардией», хотя и стоящей у власти, а составлять всю (или главную) военную силу государства как для внешних, так и для внутренних целей. Существенными, хотя и не обязательными формально, признаками являются ее особые отношения с правителем, способ обеспечения, корпоративно-элитное сознание, внутренняя иерархичность и идеологические стимулы к действию.

Кроме этих новейших подходов, попыток применить элементы методологии компаративизма, политической антропологии и позднесоветской (российской) потестарно-политической этнографии, представляются полностью сохраняющими силу, предполагающими дальнейшую разработку и углубление более ранние теории «городовой сети» (Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина), полицентризма и разнотипности развития *внутри* Древней Руси (в последнее время — Г.С. Лебедев, А.П. Новосельцев) и особой, государствообразующей роли международных торговых путей, особенно с добавлением южного меридионального (А.П. Новосельцев, Е.Н. Носов, Е.А. Мельникова, И.В. Дубов, А.В. Назаренко, Й. Херрманн, А.П. Моця, А.Х. Халиков, А.З. Винников, А.Д. Пряхин) влияния синхростадиальных или более развитых зон государственности, заимствование или взаиморазвитие схожих ее элементов и механизмов становления: с Чехией и «Среднеевропейской моделью» в целом — Б.Н. Флоря, А. П. Новосельцев, отчасти — В.Д. Королюк; Скандинавией — И.П. Шаскольский, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина; Хазарией (аспект преемственности «хазарской дани» в «Русской земле») — В.Я. Петрухин. Вне всякого сомнения, большие перспективы имеют разработки и нумизматического направления (А.В. Фомин и др.). Безусловно, заслуживают внимания и единственные до сих пор опыты комплексного, системного привлечения археологических и других вещественных и эпиграфических источников для реконструкции социально-политических отношений и процессов на уровне социально-политического анализа (Б.А. Тимощук, В. Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, Е.А. Мельникова, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, С.В. Белецкий, И.В. Дубов). В масштабах всех славянских племен проводились многолетние обобщающие исследования В.В. Седова: берется, правда, в основном этнокультурный аспект, однако для ранних этапов политогенеза, как

известно, этническое самосознание и культура (в том числе ее археологическое отражение) тесно связаны с потестарными структурами, зачастую совпадая с ними территориально.

В целом, однако, можно констатировать в основном региональный либо узко типологический характер исследований, базирующихся на данных «неписьменных» источников; если же специалисты по конкретному региону выходят на уровень общедревнерусских обобщений, то зачастую (и даже — как правило) при этом используются, в первую очередь, результаты анализа «своих» материалов, что, с одной стороны, естественно и оправдано в аспекте профессионализма, но методологически, как минимум, не бесспорно.

В связи с этим, несмотря на большую (в том числе и базирующуюся на археологических источниках) историографию образования Древнерусского государства, остается перспективная исследовательская «ниша» в этой области. Прежде всего, она заключается в разработке методологических и методических аспектов применения данных археологии и иных специальных исторических дисциплин для реконструкции потестарно-политических структур и процессов, в рассмотрении их на максимально широком историческом и сравнительно-типологическом фоне.

5. Историографические тенденции начала XXI в

Отметим наличие, по нашему мнению, трех главных направлений в развитии исторической мысли в сфере древнерусского государствогенеза.

Первое направление: сохранение и развитие «концептуального» подхода, причем как с преобладанием «индуктивных» методик (при привлечении и методологии, и понятийного аппарата политической/социокультурной антропологии), так и «дедуктивных» — с помощью подведения под готовую теорию новых доказательств и фактов. Условно это направление, по цели исследований, можно назвать также «структурно-процессуальным».

Второе направление: «этногенетическое», в котором также можно выделить два подхода. Первый — традиционный, когда дается максимально широкий критический (или даже «гипер-критический») обзор предшествующих теорий, а затем выдвигается новая теория (чаще «новая» — хорошо забытая старая) происхождения «руси». Второй связан либо с попыткой введения в оборот ранее не использовавшихся для этих целей источников, либо с анализом известных источников с помощью новых методик (компаративистских, статистико-комбинаторных).

Третье направление: конкретно-историческое, источниковедческое, с ограниченным кругом выводов, где процесс исследования, развития методологии источниковедения является самоцелью и базой для дальнейших исследований.

Во всех трех направлениях идеологический аспект присутствует в силу того, что они неизбежно имеют дело с письменной или устной традицией, отраженной в источниках. Однако если, например, в третьем направлении развитие представлений о власти, идеальном правителе и происхождении народа является самоцелью, то в первом и во втором это отправной пункт для социополитических или этногенетических реконструкций (или, максимум, входит в структуру власти как форма ее идеологического обоснования, легитимации).

В итоге грани между направлениями могут быть достаточно прозрачными, так как сторонники той или иной «концепции» используют в исследованиях конкретные источники и методы, а также имеют обычно и свою точку зрения на этногенез «руси», хотя и не считают его главной целью, проблемой и предметом изучения. Кроме того, практически все исследования объединены таким «модным» в XXI в. и действительно перспективным направлением (или «подходом», «методологией»), как *компаративизм.* Правда, некоторые исследования подходят к нему системно и органично, а некоторые чисто формально, поверхностно. Это можно отнести и к понятийно-терминологическому аппарату такой науки (или междисциплинарного направления, если применять его к конкретной истории), как политическая (социокультурная) антропология. В некоторых случаях она используется в качестве методологической основы, системно и последовательно, в других — выборочно, эпизодически, так сказать, на поверхностном, «терминологическом» уровне.

Тем не менее по *целям* исследования тех или иных авторов конкретные работы или группы работ (сборники) можно отнести к одному из трех преобладающих направлений, в рамках которых мы и представим их краткий обзор.

В составе первого («концептуального») развития историографии древнерусского государствогенеза за последние годы не возникло ни одной новой теории. Продолжали разрабатываться (в том числе новыми авторами и с использованием новых подходов и методик) три основные теории, возникшие ранее.

Теория первая. Создатель концепции «дружинности» А.А. Горский несколько трансформировал ее в сторону «смягчения», указывая на то, что хотя правящая элита на Руси практически с VI–VIII вв. и до XII в. состояла исключительно из дружины (при этом отрицается «народовластие» и наличие власти у «земского боярства»), но вводить термин «дружинное государство» не следует. При этом, как уже говорилось выше, он критикует за излишнюю, как он считает, категоричность и однозначность в этом вопросе Е.А. Мельникову, Н.Ф.

Котляра и автора этих строк. Исследователь абсолютно прав, когда утверждает, что характер государства определяется не только «типом организации в нем элитного слоя», но комплексом признаков. В то же время технически невозможно *каждый* раз вместо названия формы государственности, пускай и условного, приводить *полный* список ее характеристик. Да и сам А.А. Горский *иного,* но также короткого названия не предлагает.

Парадоксально, но аналогичный тип критики не только термина, но и идеи «дружинного государства» прозвучал ранее и со стороны сторонников концепции «общинного государства». Бесспорно, что «дружинное государство» даже близко не является универсальной формой не только «ранней», но и ей предшествующей варварской государственности. Оно вовсе не эквивалент «военного» («германского», по Ф. Энгельсу) пути политогенеза и в понятийном аспекте гораздо уже последнего (Пузанов, 1996. С. 161)[66]. Впрочем, эта группа историков, как бы при взгляде со стороны, самого А. А. Горского к противникам данной идеи отнюдь не относит. Также сближает позиции сторонников этих двух, по сути взаимоисключающих, концепций («дружинной» и «общинной») общее отрицательное отношение к «имперской» идее применительно к Киевской Руси. Идея эта, как указывает В. В. Пузанов, была предложена Е.А. Мельниковой (или параллельно с ней В.П. Даркевичем в 1994 г., вслед за К. Марксом) и активно постулируется в нашей монографии. Впрочем, здесь, как и в случае с «дружинным государством», оппоненты нанесли удар не по первоисточнику идеи (нельзя же, в самом деле, считать за таковую случайную, хотя и красиво звучащую фразу К. Маркса — «империя Рюриковичей»). Но первоисточник (для славян) — это работы В.Д. Королюка еще начала 70-х гг. XX в., который считал создание многонациональных и многоукладных «империй» почти обязательным, четвертым этапом развития «славянской государственности» (пример — Великая Моравия при Святополке, державы Святослава Игоревича, Болеслава Чешского, Болеслава I Храброго в Польше, Крутого и Готшалка у полабов) (Королюк, 1972а. С. 20–23).

Если А.А. Горский утверждает, что Русь была ближе не к империи, а к моноэтничным государствам, то сторонники «общинной» концепции признавали на определенном этапе развития «имперский» характер Руси, но считали его скорее тормозом развития феодальных отношений, в результате более медленных, чем в «моноэтничных Швеции и Норвегии».

Теория вторая. Дальнейшее развитие имеет в XXI в., получив неожиданную «поддержку» если не по сути, то в понятийно-терминологическом аппарате политической антропологии, теория городов-государств — общин. Ее разрабатывает сейчас ряд учеников И.Я. Фроянова, поскольку сам ученый, продолжая научную деятельность, отошел от киево-русской проблематики, считая (по его

собственному выражению), что он все сказал в этой сфере. При этом его последователи почерпнули в политической антропологии (сам он к этой науке отношения не имел) разные идеи и методологические постулаты.

Так, В.В. Пузанов позаимствовал у нее сущностный, процессуально-этапный подход к государствогенезу, выделяя только внутри переходного периода от «чистой» первобытности к «федерации земель» XI в. три уровня (стадии) интеграции союзов племен с переходными формами между ними. Интересно, что эти три типа могут сосуществовать в одном хронологическом срезе, отражая разноуровневость и несин — хронность развития регионов Восточной Европы. Не стоит пугаться терминологии (так, «союз» вполне можно заменить более нейтральным «объединение» или — для более низких уровней интеграции — «конгломерат», «группа» и т. д.), как и спорности концепции в силу ограниченности источников для выделенных типов или стадий, поскольку сама идея представляется весьма продуктивной.

А.Ю. Дворниченко, по сути, третьим в отечественной историографии (после Е.А. Мельниковой и автора данных строк) принимает часть понятийно-терминологического аппарата политической антропологии, а именно «вождество», полностью отвергая «союзы племен», ставя под сомнение «племя» и делая исключение для «военной демократии», но не как *этапа,* а как одного из путей государствогенеза. Главное у А.Ю. Дворниченко, что он полностью воспринял современные веяния в политической (социокультурной) антропологии, предусматривающие возможные, альтернативные государству *вообще,* пути развития. Впервые в концентрированном виде эти взгляды были изложены им в специальном сборнике «Альтернативные пути к цивилизации», в отзыве на статью Р. Карнейро в этом же сборнике, «патриарха» политической антропологии, на которую в основном и опирается исследователь. Он пытается доказать, что в домонгольской Руси государства не было вообще, так как от первобытности она прошла путь через «вождество» (формирование которого завершил только Владимир I) к городам-государствам с гражданской общиной в качестве базиса. А поскольку полис — не государство, то Русь как бы «перешагнула» (или миновала) государственную форму существования. При этом ученый даже находит объяснение этим фактам, как и для Греции, в природно-географическом факторе.

Но, во-первых, исходя из характеристик «вождества», «сложного вождества» (или «компаундного» и «консолидированного», по современной терминологии Р. Карнейро, принимаемой А.Ю. Дворниченко) и «раннего государства» в политической антропологии, держава Владимира I имеет признаки именно последнего этапа государствогенеза, при этом как «сущностные», так и «внешние». А

именно: территориальное деление; профессиональный аппарат управления и внутреннего принуждения (хотя бы та же самая дружина); налоги-дань. Лишь право только начало переходить с санкции церкви в руки государства. «Внешние» признаки также налицо: монументальное строительство, в том числе целых городов (Белгород, Василев и др.) и протяженных пограничных линий, грандиозные переселенческо-интегративные мероприятия, принятие мировой религии, начало выработки государственной идеологии, принятие письменности. Главный же сущностной признак «вождества» — реципрокность в отношениях власти и народа — заменяется отношениями типа «господство — подчинение», и лишь между князем и дружиной они сохраняются на весь киево-русский период (правда, не повсеместно).

Во-вторых, полисы не считаются государством далеко не всеми исследователями. Некоторые, наоборот, подчеркивают, что в древности только они и были подлинными — правда, «ранними» — государствами. По их мнению, именно полисы (а также близкие к ним средневековые «коммуны») были истинными *государствами* древности и Средневековья в силу полной отстраненности от административных постов личностно-родственного фактора. В то же время со стороны А.Ю. Дворниченко имеются и частные замечания в адрес характера восприятия и репродукции некоторых понятий политической антропологии. В частности, понятие «потестарности» вряд ли устарело, так как оно не только использовалось в позднесоветской науке в качестве «отдушины», но и активно *разрабатывается* и в последние годы, причем как раз в Петербурге. Стоит упомянуть хотя бы специально посвященную этому феномену коллективную монографию «Потестарность». Следует отдать, впрочем, должное А.Ю. Дворниченко в том, что частота упоминания этого термина в литературе со временем действительно снижается, причем даже в петербургских изданиях, где он был наиболее принят.

В целом можно констатировать, что данный автор, создавший в свое время совместно с И.Я. Фрояновым концепцию городов-государств на Руси, видоизменил ее первоначальное звучание. Если у И.Я. Фроянова на первом месте стоят «общинность», «народность», федерализм общественного строя Древней Руси, наличие здесь в XI–XII вв. конгломерата *городов-государств* доклассового уровня (то есть, по сути, этапа поздней первобытности), то его бывший соратник сейчас принципиально отрицает саму возможность этого. По его мнению, «вождества» IX–X вв. этапа поздней первобытности трансформировались не в *государство* (или даже конгломерат городов-государств), а в *аналог,* общественную альтернативу государству, стоящую выше уровня первобытности. То есть Русь была уже частью цивилизации, но безгосударственной. В связи с этим несколько нетрадиционно можно трактовать его фразу: «Государство или есть,

или его нет, и есть нечто иное». Речь идет не об этапах процесса государствогенеза, а о наличии негосударственного типа социально-политических образований — политий, *синхростадиальных* раннему или даже зрелому государству. Насколько соответствует «духу» политической антропологии четкое и однозначное обозначение *одной* грани, разделяющей «негосударство» и «государство» в процессуалистском понимании, мы уже говорили, отвечая на замечания другого последователя И.Я. Фроянова — А.В. Майорова. «Горизонтальное», синхростадиальное группирование общественных организмов по такому принципу (государство — негосударство) вполне соответствует духу некоторых современных тенденций развития этой науки.

В докторской диссертации А.В. Майорова, защищенной в Санкт-Петербургском госуниверситете в 2004 г. и базирующейся на его ранее опубликованной монографии, «общинная» теория И.Я. Фроянова представлена еще в классическом варианте, а положения политической антропологии используются выборочно и несистемно. Вторая его монография, как и цикл последних статей, посвящена этногенетической, в меньшей степени источниковедческой (комплексный анализ) проблематике и относится в основном ко *второму* направлению, подчиненно — к *третьему.*

В.В. Пузанов формально также относится к сторонникам «общинно-городовой» теории И.Я. Фроянова, поскольку считает государство на Руси федерацией городов-государств, по крайней мере, для «раннегосударственного этапа» (в отличие от своего учителя, он выборочно воспринимает и отчасти даже развивает политико-антропологическую терминологию государствогенеза). Насколько адекватно — вопрос другой. Ссылки на работу Х.Дж. Классена и П. Скальника (Классен, Скальник, 1978), да и других авторов этого же периода имеются. Другое дело, что с тех пор эти положения получили свое дальнейшее развитие. Впрочем, среди отечественных (да и зарубежных) русистов системное восприятие данных теорий практически отсутствует. Даже Е.А. Мельникова, критике работ которой весьма значительное место посвящает В.В. Пузанов, восприняла (что, впрочем, и логично) лишь элементы политико-антропологических теорий государствогенеза.

Вопрос в том, предлагается ли автором новая концепция, по сравнению с работами И.Я. Фроянова, или происходит развитие старой? Скорее всего, можно отметить последовательное применение классического варианта концепции «городов-государств (волостей)» к конкретным реалиям XI–XIII в. (до 1113 г.) и попытку применить некоторые *сущностные* моменты политико-антропологической теории государствогенеза к более раннему периоду IX — начала XI в. Это связано с тем, что В.В. Пузанов дает однозначную характеристику только *государству,* пусть и раннему, как «федерации земель»,

оформившейся к середине XI в. Раннее государство в этой форме начало формироваться с конца X в. С другой стороны, исследователь считает возможным говорить о «первоначальном раннегосударственном ядре» в Среднем (Киевском) Поднепровье после завоевания этой территории «Северным суперсоюзом племен» под гегемонией варягов (норманнов). Наконец, он считает, что раннее государство в форме городов-государств трансформировалось из «союзов племен» с конца второй трети X в. до Владимира Мономаха.

Впрочем, это противоречие вполне объяснимо (что и делает сам ученый) с учетом «асинхронности политогенеза» в разных частях восточнославянского мира, что абсолютно верно, в том числе и с точки зрения нашей теории выраженной региональной разнотипности и стадиально-хронологической неодновременности (что, как ядро нашей концепции, В.В. Пузанов правильно уловил — один из немногих). Другое дело, что вряд ли исходя из контент-анализа источников, в котором, по В.В. Пузанову, уже зарождается «ранняя государственность» в некоторых из «славиний», которые он относит к «суперсоюзам» «1-й и 2-й стадий интеграции». На самом деле, по данным «восточных» источников, часть «славян» со столицей в «Хордабе» («Джарвабе») стоит гораздо выше «русов» в плане государствогенеза.

Безусловно, в традициях политической антропологии, хотя и не только этой науки (чего не было у И.Я. Фроянова), подчеркивается «этапность» данного процесса. Весь потестарно-политический его этап на Руси (как и мы, он начинает его с середины X в., но заканчивает позже — в конце X в. и середине XI в.) В.В. Пузанов разделяет на три сменяющие друг друга и различающиеся по «стадиям интеграции» типа «суперсоюзов племен». Каждый из них — поступательный шаг в развитии от простых «вождеств» — союзов племен к «раннему государству». Но здесь не учтены принципы полилинейности, возвратности процессов и самоценности каждого этапа государствогенеза. По сути, все три «стадии интеграции» вместе составляют ту грань между «вождествами» и ранней государственностью, наличие которой автор, вслед за некоторыми (но не всеми) представителями политической антропологии, отрицает.

Вопрос о «грани» у В.В. Пузанова связан с признаками государства, которыми он правильно считает «триаду» (территориальное деление, профессиональный аппарат власти и внутреннего принуждения, а также налоги) плюс переход права в руки аппарата власти. Ссылки на разных современных авторов не нужны, ибо понятие «триада» принадлежит к классической марксистской теории государства, изложенной еще Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На переход же права (в разных его формах, в том числе и не кодифицированного) в руки аппарата власти и создание суда как ее специализированного органа в качестве почти обязательного признака раннего государства указывает еще

Х.Дж. Классен для всех изученных им (числом 21) ранних государств всех частей света (Klaessen, Skalnik, 1978). Другое дело, что кодификация права связана с письменной традицией и появляется часто позднее других признаков государства (на Руси она затянулась на весь XI в. и часть XII в.).

Делая правильный вывод о реальной асинхронности появления этих четырех признаков государственности (и тем более неадекватности их отражения в источниках), В.В. Пузанов почему-то останавливается только на одном — территориальном делении. Он не первый, кто делал так, в силу Источниковой очевидности этого признака. Отметим дискуссию, где кочевническим «государствам» отказывали в праве так называться (остальные два элемента «триады» у них были) из-за его отсутствия, то есть они были организмами высокоразвитыми, но *«демосоциальными»* по природе, при том что государство *должно* быть «геосоциальным» (Семенов, 1982.

С. 53–57). На самом деле, если считать именно эти признаки государства за сущностные, ведущие (имеются еще и вторичные, часто более заметные в источниках, включая археологические), то проблем с очередностью их появления не возникает[67]. Разумеется, сложившемуся раннему государству должны быть в разной степени развитости присущи все элементы «триады», а также и «правовой» элемент, но возникать они могут в разных регионах в разной последовательности. Еще Л.Е. Куббель, опираясь на работы многих специалистов по регионам, выделил минимум три варианта перехода к крайнему государству с разными типами «асимметрии»: Западная и Восточная Европа, Тропическая Африка.

Что же касается самого переходного между «вождествами» и «ранним государством» потестарно-политического этапа государствогенеза, то он, как и все остальные, не является чем-то аморфным (для Руси, по крайней мере), где, скажем, до середины его преобладают потестарные, а с середины — политические процессы. Это не сознательное постепенное строительство государства, без критериев и откатов назад (такого даже в теории политологии не бывает), для достижения какой-то безотносительной к личностным и групповым интересам цели. Каждый этап — самоценен, имеет фазу (стадию) становления, расцвета (или стабильного развития) и кризиса (переходная фаза). Он имеет свои ярко выраженные, особенно на средней фазе, потестарно-политические структуры, аналогов которым нет ни на этапе «вождеств» (позднепотестарном), ни «ранних государств» (раннеполитическом). В этом принципиальное отличие той «этапности», которая постулирована в нашей монографии.

Вызывает сомнение и скорость интеграции: «Северный суперсоюз» прошел все три ее стадии, по сути, за 20 лет (с 860-х гг. до 880-х гг.). Если «стадия» — не фантом, не плод творческого воображения, то хотя бы одно поколение она должна продержаться, чтобы выработать

присущие ей структуры с функциями и мифологическим их обоснованием. Если все же, при всем традиционализме первобытного общества даже на этапе ломки, признать быструю смену «стадий» за факт, то где и как это отражено в источниках? Есть деятельность князей, положение мужей-наместников и т. д. Археология при всем желании (а В.В. Пузанов в ее возможностях часто, когда не сам опирается на ее данные, сомневается) столь узкую хронологию дать не может.

В то же время, если «Северный суперсоюз» во главе с норманнами (варягами-русью) к моменту завоевания им Киева (882 г.) был уже на 3-й стадии интеграции и начал там формировать ядро ранней государственности, то что (какая стадия) занимает оставшиеся 100 лет до *начала* формирования (по В.В. Пузанову) *самого* раннего государства? Или оно уже «стало есть» в 882 г. и лишь территориально расширялось, завоевывая иные «суперсоюзы» 1-й и 2-й стадий? Тогда к чему речь о начале трансформации «союзной» системы в систему городов-государств самое раннее лишь в «конце второй трети» X в., а о завершении — в середине XI в., а то и позже? В книге В.В. Пузанова присутствуют деятельность личностей, походы, а не конкретная структура или процессы развития «суперсоюзов». Точнее, процесс указан, но это исключительно процесс завоевательных войн, перемежающийся мифологизацией как средством легитимации его результатов. У И.Я. Фроянова субъектом завоеваний выступала Полянская община, у В.В. Пузанова — переместившийся на юг «Северный суперсоюз». Не ограничивая Русь, этот ученый, по сути, вновь универсализирует «военный путь» политогенеза, чем еще раз отступает от полилинейности, присущей политической антропологии (один из ее истоков — неоэволюционизм).

Выдвинутая им «теория завоевания» далеко не нова как в целом, так и для Руси в частности (Н.М. Карамзин, например). В форме «теории насилия» ее постулировал немецкий философ Е. Дюринг, в полемике с которым Ф. Энгельс выдвигал тезис о наличии военного («германского») пути политогенеза, но в качестве лишь одного из трех возможных путей (плюс «римский» и «афинский»). Чуть позднее «теория завоевания» формулируется Д. Гумпловичем (1895; 1899) и Ф. Оппенгеймером (1908). Существовала эта теория (но далеко не как господствующая) и в рамках политической антропологии: укажем двух авторов — Р. Карнейро и Дж. Хааса, причем в дальнейшем от ее универсализации они отказались.

Рациональное зерно теории в том, что для государства, в отличие от «вождества», обязательна *возможность* применения внутреннего насилия, отношения между аппаратом власти и «обществом» по принципу «господство — подчинение», а они проще всего (хотя и далеко не всегда) создаются при завоевании. Кроме того, войны (однако скорее «грабительские», чем собственно завоевательные)

создают идеологическое оправдание существованию аппарата власти и обеспечивают его путем «экзоэксплуатации». Но это все происходит лишь на некоторых путях и этапах государствогенеза, и особенно как раз на этапе «сложных вождеств» и фазе сложения «ранней государственности». Имманентна война и некоторым формам уже зрелой государственности. Но основой процесса институционализации государства *война* (тем более только *завоевательная*), в отличие, скажем, от возможности внутреннего принуждения, насилия, становилась очень редко. Из двенадцати — тринадцати зафиксированных нами *механизмов* государствогенеза, большинство из которых были и на Руси, внешне-военный (в вариантах) — лишь один из них, и не самый ранний.

Постулирует В.В. Пузанов наличие (при легитимации достигнутых предыдущим способом изменений) также идеологических механизмов в форме сознательно творимой мифологии[68]. Косвенно (имплицитно), буквально в пяти строчках, он, впрочем, указывает на действие еще нескольких «механизмов» (в данном случае по нашей терминологии): «родового (генеалогического)», «через возрастные классы», «сакрального», «через накопление сокровищ». К последним относится и внешняя торговля, со сторонниками которой как ведущего фактора русского государствогенеза (в качестве таковых он называет В.Я. Петрухина и Е.А. Мельникову) В.В. Пузанов наиболее часто полемизирует, так как считает эту концепцию ведущей.

В целом можно констатировать, что автор стремится использовать положения и понятия политической антропологии с ее диалектизмом, однако непоследовательно и несистемно. Он постоянно стремится к однозначным решениям и универсализации того или иного фактора в ущерб комплексности, что ближе к духу ортодоксального марксизма или просто ментально «чистых» историков-русистов (не связанных с антропологией, археологией или лингвистикой). Это сказалось также и в желании совместить понятия антропологии («стратифицированного общества») и марксизма — социально-экономическую основу («матрицу»).

Что касается самой концепции В.В. Пузанова, то она является преломлением теории И.Я. Фроянова, опрокинутой в прошлое, в период, предшествующий формированию городов-государств. Этот период был освещен в последней крупной работе И.Я. Фроянова (Фроянов, 1996), но в ином ключе. Кратко ее можно назвать «априорной (пока?) гиперэтапностью», имея в виду чрезвычайно удобное, со «скоростным» прохождением стадий, деление переходного периода середины IX — начала XI в.

Универсализация роли завоевательного фактора не является новой в мировой историографии, хотя по отношении к Руси столь последовательно, пожалуй, он применяется впервые после Н.М. Карамзина и М.П. Погодина (вспомним и фразу И.Я. Фроянова о

«завоеваниях, осуществленных полянами»). Попытка выделить в качестве ведущего лишь один из трех-четырех признаков государства (с целью четко и однозначно определить его «грань»), по крайней мере, по отношению к Руси также не является новой и представляется малопродуктивной, а в контексте обширной политико-антропологической историографии — как минимум малоубедительной.

Концептуальной, то есть относящейся к первому направлению современной историографии, является центральная часть работы В.В. Пузанова. Часть III (XI в.) следует в основном концепции «общинного государства» И.Я. Фроянова (напомним, что А.Ю. Дворниченко, например, частично — в аспекте наличия государственности вообще — отошел от этой концепции).

В части I, посвященной истории славян до IX в., сочетаются методы социологической реконструкции и моделирования с этногенетическими построениями, которыми, кстати, пронизана и концептуальная по преимуществу часть II. Есть здесь и элементы интерпретации источника (очерк 5), однако она является ведущей в двух заключительных частях работы (IV и V). Эти части (как, заметим, и часть II) отличаются широким использованием компаративизма на уровне сравнения источников и реконструируемых на их основе реалий. Тем не менее единственно относимое к периоду государствогенеза «Киевское письмо» рассматривается вовсе не в этом ключе, а «как источник по социальной и правовой истории Древней Руси», что весьма сомнительно. Между тем активные действия автора в третьем направлении современной историографии, источниковедческо-реконструктивном и компаративистском, налицо.

Что же касается достаточно обширных, хотя текстуально в целом несамостоятельных (кроме очерка 4 части I, а также очерков 1 и 6 части II) этногенетических пассажей автора, то они в основном идентичны (и В.В. Пузанов этого не скрывает) «норманнской» интерпретации первоначальной «руси» Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. С последним (а заодно и с О. Прицаком) автор, однако, не согласен в определении степени влияния хазарского фактора на сложение Древнерусского государства. Действуя отчасти и в рамках второго (этноинтерпретационного) направления, В.В. Пузанов здесь не претендует на новизну, но выбирает и органично использует для доказательства своих идей те концепции, которые наиболее полно «оттеняют» его политико-антропологические реконструкции. Что же касается третьего направления, то «очерки», посвященные источниковедческо-интерпретационной и реконструктивной проблематике, явно стоят особняком и с концептуальной частью практически не связаны. В последней, впрочем, разбросаны ссылки на данные письменных источников, применяемые реконструктивно, а также источники нумизматические и археологические. Здесь был бы образец комплексного анализа (или, точнее, его применения)

источников, если бы не их использование «вразброс», выборочно. Особенно это касается археолого-нумизматических материалов, на которые автор, не будучи археологом, ссылается тогда, когда они его концепцию подтверждают (хотя ссылки не совсем корректны, ибо изложенные здесь точки зрения не являются единственно возможными), в то же время называя их «малоинформативными» или даже «просто бессильными».

Следует отметить, что работе предшествует достаточно полный конструктивно-критический и систематизирующий обзор современной историографии. Сам же труд В.В. Пузанова, несмотря на неоднозначность отдельных его частей, безусловно, соответствует перспективным направлениям современной историографии в изучении русского государствогенеза.

Наоборот, иной подход демонстрирует один из последних адептов теории «государственного феодализма» (третья современная теория из «старых» позднесоветских) — М.Б. Свердлов. Он также применяет политико-антропологическую терминологию, в частности пользуется понятием «потестарность» применительно к раннему этапу (до середины X в.) развития Древнерусского государства, который ранее он называл «варварским государством». Однако сразу после кризиса потестарного государства (здесь М.Б. Свердлов солидарен с нашей точкой зрения о наличии кризиса именно в середине X в., что отрицает, например, А.А. Горский) наступает период феодальной монархии, — этот недостаток присущ как ортодоксальному марксизму, так и стремящимся к излишней четкости, однозначности и универсализму историкам-русистам.

Мы также придаем огромное значение реформам Ольги, но все же не столь «решающее» и тем более — территориально всеобъемлющее. Они только *начали* переход к раннему государству, и уж никак не к «феодальному». По сути, М.Б. Свердлов существенно не меняет свою прежнюю теорию. Трансформация чисто поверхностная — принятое еще в советской историографии (правда, в основном для зарубежной Европы) понятие «варварское государство» переименовывается в «потестарное». Дело не в том, что, как считает А.Ю. Дворниченко, термин носил конъюнктурный характер (выше мы уже отмечали свое несогласие с этим), а в его некорректном применении. «Потестарные» отношения характерны как раз для *догосударственного* периода. Здесь мы вернемся и к критике собственной монографии — там, где мы соглашаемся с мнением А.В. Майорова о некорректности применения нашего термина «двухуровневое государство» для потестарно-политического периода.

Ограниченно-региональный подход (с выделением только двух зон потестарности и путей государствогенеза — северной и южной) вновь продемонстрирован в дополненных переизданиях трудов Г.С. Лебедева и В.В. Седова, а также имплицитно с ними солидаризирующегося А.А.

Горского. Г.С. Лебедев, который в конце 1970-х — начале 1980-х гг. впервые системно применил компаративистский подход к истории Руси, показав ее на фоне Северной Европы эпохи викингов (Лебедев, 19856), подготовил расширенное и измененное переиздание своей монографии на эту тему, увидевшее свет уже после его безвременной смерти. У В.В. Седова, крупнейшего слависта конца XX в., упомянуты два центра первоначальной государственности — «Конфедерация словен, кривичей и мери» во главе с варягом Рюриком на севере и славянский «Русский каганат» на юге. «Каганат росов» первой половины IX в., судя по контексту книги, ученый связывает прежде всего с Южной Русью Дира («Низовской Русью», «Русской землей»). В середине IX в. формируется федерация «племен» Северо-Запада, «Верхняя Русь», сопоставимая с «внешней Росией» Константина Багрянородного. В более ранней работе исследователь образно назвал эти две «первичные государственные территории» «Русью Дира» и «Русью Рюрика и Аскольда».

Идея о двойственности этнополитического аспекта возникновения Древнерусского государства присутствует в нескольких работах В.В. Мавродина начиная с 1945 г. А.А. Горский, не ссылаясь на предшественников[69], по сути, предлагает аналогичную «дуалистичную» концепцию. «Если бы варяжские князья не обосновались в Киеве и не соединили под своей властью Юг и Север Восточной Европы, в X в., возможно, на Юге существовало бы одно или два славянских государственных образования, а на Севере — одно или несколько полиэтничных (славяне, скандинавы, финны, балты), с верхушкой из норманнов…» (Горский, 20046. С. 49). Описание же структуры Древнерусской державы в середине X в. (до «древлянского» кризиса) А.А. Горский дает точно такое же, как и в нашей монографии, что, впрочем, неудивительно, учитывая главный общий источник обоих авторов — четкое и однозначное описание этой структуры у Константина Багрянородного. В вопросе о локализации «Русского каганата»

А.А. Горский присоединяется (однако не слишком категорично) к «южной» версии в интерпретации В.В. Седова, в то же время ставя, в отличие от последнего, во главе гипотетичного каганата не славян, а варягов-норманнов Аскольда и Дира, а также их предшественников. Разделяет А.А. Горский и высказанное О. Прицаком предположение, что первым русским каганом мог быть родственник кагана хазарского, бежавший из Хазарии в результате междоусобной войны начала IX в.

В.Я. Петрухин, как и ранее, считает «русский каганат» «историографическим фантомом», а вот Хазарскому каганату придает большое значение в процессе русского государствогенеза. В XXI в. этот исследователь уже не затрагивает концепции о роли «городовой сети» в становлении древнерусской государственности, разработке которой (совместно с Т.А. Пушкиной и Е.А. Мельниковой) он уделял основное

внимание в конце 70-х — 80-х гг. XX в. Зато нашла свое продолжение тема хазарского влияния и наследия в русском политогенезе, к которой В.Я. Петрухин обращается в конце 1980-х — середине 1990-х гг. Наиболее показательно в этом аспекте повторение указания автора на совпадение границ «домена» киевских князей — «Русской земли» в узком смысле слова — с ареалом бывшей хазарской дани, на наличие хазар в составе русской дружины конца X в., восприятие русской правящей верхушкой «хазарских ритуалов» и титулов. Продолжением главного направления исследований конца XX в., но уже в начале XXI в. явилась редактируемая В.В. Петрухиным серия «Хазарский проект», в рамках которой и он сам публикует статьи на тему о роли Хазарии в русском государствогенезе (Петрухин, 2005). Пишет о русско-хазарских взаимоотношениях в эту же эпоху и С.П. Щавелев (Щавелев, 2002а; 2003а; 2008).

Кроме работ В.Я. Петрухина, в составе второго направления историографии следует отметить уже упомянутые работы В.В. Фомина по варяжскому вопросу. По сути, к тому же направлению можно отнести и одну из последних работ этого автора, которая, судя по названию («Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян»), вроде бы принадлежит к первому направлению, но собственно государствогенезу посвящена лишь одна страница (Фомин, 2008. С. 175–176) из двадцати, остальное — либо критика чужих концепций этногенеза Руси (в основном «варяжского вопроса»), либо обоснование «своей», восходящей к А.Г. Кузьмину и ранним предшественникам, сторонникам «южнобалтийско-славянской» гипотезы.

К данному направлению можно отнести и вторую монографию А.В. Майорова — о Великой Хорватии (Майоров, 2006). В ней прослеживается этногенез белых хорватов от их, как считает автор, аланских истоков до создания «этнополитического образования» под названием «Великая, или Белая, Хорватия» в IX в. Используя комплексный анализ (сочетание этнолингвистических и археологических источников и методов в контаминации с данными письменных источников), автор достаточно убедительно доказывает первичность карпатских (восточнославянских) хорватов по сравнению с западнославянскими и южнославянскими. С другой стороны, комплексный подход к источникам — новый акцент в творчестве А.В. Майорова. В данной монографии ученый отказывается от частично используемого им ранее понятийного аппарата и терминологии политической антропологии — возможно, в силу этногенетических, а не структурно-политико-методологических задач работы. Даже завершающая исследование гл. 9, номинально посвященная последней проблематике («Рождение хорватского этнополитического образования в Восточном Прикарпатье»), также, по сути, подчинена достижению этногенетических целей.

Указанная работа А.В. Майорова, исследующая ключевое, упомянутое одним из первых в «восточных» источниках, этнопотестарное образование восточных славян, находится все же на грани не только с исторической этнографией, но и локальной историей. Это направление мы в данном обзоре не рассматриваем, однако следует упомянуть плодотворную, ведущую к обогащению методологии, в том числе — в плане практического применения политической антропологии к русскому материалу, дискуссию между курскими учеными

С.П. Щавелевым и В.В. Енуковым по поводу этнопотестарной интерпретации летописных «семичей» и «Посемья». Еще одна особенность этих ученых, сближающая их (при всех разногласиях во взглядах на «конкретику»), если вглядеться в дискуссию «со стороны», — в целом успешные, хотя и в разной степени, усилия в сфере комплексного источниковедения и междисциплинарных подходов к «локальной истории».

Целиком решению источниковедческих задач в компаративистском и «личностном» аспекте, то есть в третьем направлении, была подчинена научно-издательская деятельность сектора древнейших государств ИВИ РАН в начале XXI в. Она выразилась в изменении тематики ежегодных Чтений памяти В.Т. Пашуто (в 90-х гг. XX в. преобладал международно-компаративистский аспект). Соотношение «исторической памяти» и реальности, правды и вымысла, влияние личности автора и стереотипа описания на источник — вот только некоторые проблемы, которым были посвящены эти конференции (список в библиографии). Исключение составила XIX конференция (2007 г.), посвященная политическим институтам, однако XXI конференция (2009 г.) вернулась к традиционной проблематике: «Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация». Интересно, что почти параллельно с ними в мае 2007 г. в Санкт-Петербурге на базе Государственного Эрмитажа была организована международная конференция «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света». Отчасти по материалам этих конференций в дополнение к сборникам тезисов издаются и традиционные тематические ежегодники «Древнейшие государства Восточной Европы». Некоторые статьи в этих изданиях целиком посвящены проблемам древнерусского государствогенеза в источниковедческом контексте.

В этом же ключе (источниковедческо-компаративистский подход) издана монография А.С. Щавелева «Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян». Как и ранее, но в первый раз системно, с соблюдением принципов компаративизма и использованием понятийного аппарата политической (социокультурной) антропологии автор проводит сравнения «генеалогических легенд» всех славянских народов.

Полностью соглашаясь с основными методологическими принципами автора, можно было бы предложить в рамках углубленно формализованного (хотя бы и выборочно используемого) подхода применить контент—, а возможно, и корреляционный анализ. Мог бы автор привести и более широкие аналогии некоторым сюжетам и образам легенд, не ограничиваясь только славянским миром (благо, что и сам он имеет опыт в сравнении русских сказаний со скандинавскими сагами).

Логичным продолжением широкого взгляда на историю славян, регионального подхода В.Д. Королюка, выделившего так называемую «контактную зону» в Юго-Восточной и Центральной Европе (Королюк, 1975) и аналогичных по компаративистской в широком смысле методологии исследований других отечественных (Б.Д. Флоря, В.К. Ронин и пр.) и зарубежных (например, чешских и словацких: Д. Тржештик, Й. Жемличка, Р. Марсина и пр.) исследователей стали на рубеже тысячелетий конференции памяти этого ученого. Названия их говорят за себя: «Славянский мир между Римом и Константинополем» (2000), «Становление славянского мира и Византия» (2001) и др. И если в конференциях памяти В.Т. Пашуто преобладает сравнительно-источниковедческий подход, то здесь, скорее, сравнительно-типологический. Но сам компаративизм как принцип и подход их, безусловно, объединяет. Более локальный, но все же компаративистский подход был продемонстрирован и «местными» конференциями в Брянске, организованными Центром славяноведения БГУ (руководитель С.И. Михальченко, некоторое время Е.А. Шинаков) при взаимодействии с Институтом славяноведения РАН, на средства грантов РГНФ и Администрации Брянской области. Более широкой, общеславянской ойкумене посвящены регулярные «Труды Центра славяноведения БГУ». Правда, в них вопросам древнерусского государствогенеза (в том числе сравнительного) уделяется весьма скромное место в связи с максимально широким хронологическим диапазоном их тематики (с древности по XX в.).

Впрочем, и компаративизм «среднего уровня», в рамках только славянской ойкумены, — явление перспективное и развиваемое в историографии самого конца XX — начала XXI в. Соглашаясь с А.С. Щавелевым в его определении ценности славянских генеалогических легенд в качестве источника для потестарно-политических реконструкций (и в их типологическо-сюжетном сходстве, если не родстве), мы, однако, вряд ли можем разделить его точку зрения о наличии *единых славянских* представлений о власти, пусть даже только потестарного периода. Собственные сравнительно-исторические исследования этой проблемы приводят нас к несколько иному выводу — о наличии в среде даже только восточных славян нескольких форм прото— и предгосударственных образований, путей и механизмов государствогенеза, отраженных в нескольких этапно-

дифференцированных типах идеологического обоснования власти. Отдельные работы в этом же ключе были в XXI в. опубликованы В.Я. Петрухиным, С.П. Щавелевым, значительно раньше — А.П. Тол очко.

В целом надо отметить, что для третьего направления развития современной историографии древнерусского государствогенеза именно идеологические его аспекты, трансформация «образа власти» на разных его этапах являются одним из основных объектов исследования. В исследовании идеологии можно отметить две тенденции. Первую — «реконструктивную», когда на основе источников устанавливается тип обоснования власти, а далее путем разной степени диапазона сравнений реконструируется форма и самой власти, и даже государственности (идеология здесь не самоцель). Во второй тенденции духовный мир, ментальность является главным объектом исследования, и она ближе уже к истории культуры, нежели к реконструкции потестарно-политических структур.

Разнообразным аспектам международного положения Древнерусского государства, преимущественно на этапе его становления (IX — начало XI в.), посвящено 10 глав из 14 новой, итоговой (обобщающей 25 лет научной работы) монографии крупнейшего современного специалиста по внешней политике Руси А.В. Назаренко. Поскольку она вышла до публикации первого издания нашей книги, мы пользовались многими предшествующими исследованиями этого автора, но данный его труд не попал тогда в сферу нашего внимания. Ликвидируем эту погрешность и отмечаем многоплановость книги А.В. Назаренко в сравнении с предшествующими работами, посвященными более узким вопросам. В творческом методе автора, как и ранее, сочетаются комплексный сравнительный анализ источников (и не только письменных, но, например, нумизматических, хотя автор и филолог по базовому образованию) с широким компаративистским подходом, неизбежным при анализе международных отношений.

Только торговым связям средневековой Руси, в том числе и их влиянию на процесс государствогенеза, посвящена основанная в этой своей части преимущественно на археологических, нумизматических, сфрагистических и эпиграфических данных в сочетании со сведениями письменных источников монография В.Б. Перхавко — археолога по первоначальному образованию. Эти две последние монографии стоят уже на грани между общими работами по древнерусскому государствогенезу, относящимися к одному из трех вышеозначенных современных направлений историографии, и специальными исследованиями по отдельным аспектам этого процесса.

Объять весь спектр работ вряд ли возможно: сюда входят многочисленные археологические, эпиграфические, генеалогические, геральдические, нумизматические, текстологические и правовые исследования, а также работы по локальной истории. На основе

комплексного анализа источников, как и ранее, продолжаются многочисленные исследования по установлению и уточнению внешних границ Руси, ее «внутренних пограничий» (в том числе и между ее потестарными суборганизмами — так называемыми «племенными княжениями»), маршрутов торговых путей, по общерусским и региональным вопросам исторической демографии и этнографии.

Отметим заметное сокращение работ по истории отдельных исторических и легендарных персонажей[70]. Исключение составляют взаимосвязанные образы князей Володислава и Улеба договора 944 г., княгини Ольги, Вещего Олега, Х-л-гв из документа Шехтера в связи со сравнительным комплексным контент-анализом их образов, а также (возможно, в контаминации с северянской государственной «альтернативой») — воеводы Претича. В этом же направлении можно отметить попытки не только контент—, но и корреляционного анализа с целью «идентификации личностей» литературно-фольклорных персонажей — князя Володислава и Вещего Олега, комплексного анализа источников при соблюдении «принципа непротиворечивости» при идентификации HLGW «Кембриджского документа».

Не обделяют вниманием также Рюрика с братьями в контексте этногенетического направления историографии. Так, В.В. Фомин вновь (вслед за А.Г. Кузьминым) настаивает на их кельтском (через южнобалтийских славян) происхождении. Другой последователь А.Г. Кузьмина, В.И. Меркулов на основе немецкой литературы еще XVI–XVIII вв. «возобновляет» мекленбург-ободритскую генеалогию Рюрика.

Критикуя эту концепцию (в «ободритском» варианте) и опираясь в том числе на более ранние генеалогические труды Е.В. Пчелова, украинский ученый Л.В. Войтович находит новые аргументы для другой теории происхождения Рюрика, корни которой уходят, правда, не в XVII–XVIII вв., а лишь в XIX в., — датско-фризской. Здесь генеалогия является не самоцелью и объектом исследования, а поводом для доказательств той или иной этногенетической теории.

В силу специфики Источниковой базы и степени изученности темы эти работы неизбежно имеют в основном не исследовательско-аналитический, а избирательно-историографический и полемический характер. Творчеству И.Я. Фроянова, в том числе и в сфере государствогенеза, посвящены 3 статьи из 29 в специальном сборнике, изданном к 70-летию ученого. Опубликованы воспоминания о Г.С. Лебедеве. В историографической монографии А.М. Дубровского «Историк и власть» значительное место уделено биографиям и мотивациям творческих концепций историков, в том числе специалистов по древнерусскому государствогенезу 20–50-х гг. XX в. Однако целостный анализ или даже обзор историографии по древнерусскому государствогенезу, особенно новейшего этапа, отсутствует, что и подвигло на включение этого раздела в новое издание монографии.

Из тех теорий древнерусского государствогенеза в отечественной историографии последней четверти XX в., которые были представлены в «Историографических замечаниях» в 1-м издании нашей книги (около 7 теорий разной степени завершенности или распространенности), в начале XXI в. продолжают развиваться две. Если кратко — «общинная» и «дружинная». От концепции «городовой сети» также никто не отказывался. Но новых теоретических работ в ее развитие нет, хотя она активно применяется, например, в археологии и локальной истории.

Ушла в прошлое теория внутреннего саморазвития и становления государства сразу как чисто феодального, и даже новых аргументов в пользу «государственного феодализма» у сохраняющихся ее адептов не появляется. Это же можно сказать и о концепции «вторичности» Древнерусского государства, его возникновении исключительно под «варяжским» или, что чаще постулируется, хазарским воздействием. «Торговая» теория, которая никогда не была «модной» среди отечественных историков, после В.О. Ключевского и отчасти М.Н. Покровского «ушла» в конкретно нумизматические исследования.

Развиваемая нами под влиянием положений политической антропологии концепция разнотипности первоначального государствогенеза, его этапности и возвратности поддерживается (или самостоятельно развивается) лишь в некоторых моментах. Например, у А.В. Майорова (Санкт-Петербург) — в изучении и подчеркивании локально-типологических особенностей государствогенеза, у А.С. Щавелева (Москва) — его этапности и «общности» для всех славян. Наиболее последовательно применяют эту концепцию (правда, на локальном уровне) часть курских и украинских ученых. Пока в чем-то ее изменять или дополнять, за исключением более строгого отношения к терминологическому аппарату, необходимым не представляется.

Что касается иностранной историографии по данной проблеме за последние годы, то ее анализ проведен выборочно и имеет обзорный характер. Научная литература Украины и Беларуси представлена в основном конкретно-историческими, археологическими, нумизматическими и ритуально-геральдическими работами, относящимися в основном ко второму (этногенетическому) и третьему (источниковедческому) направлениям. Наиболее наглядно это нашло отражение в тематике международных полевых семинаров в Чернигове — Шестовицах, проводимых совместно университетом Черниговский Коллегиум им. Т.Г. Шевченко и Институтом археологии НАН Украины. Наиболее показательны в аспекте компаративистского изучения древнерусского государствогенеза семинары 2003 г. и 2006 г. — «Дружинные древности Центрально-Восточной Европы VIII–X вв.» и «Русь на перекрестке миров (международные влияния на формирование Древнерусской державы IX–XI вв.)». Следует отметить материалы международной конференции «Древний Искоростень и славянские грады VIII–X вв.»: многие посвящены конкретным эпизодам

и явлениям древнерусского государствогенеза. В Белоруссии представляет интерес «Историкоархеологический сборник», издающийся с начала 90-х гг. XX в. Институтом истории НАН Беларуси и насчитывающий уже более 25 выпусков. В свое время именно в нем была опубликована «вальхеренская» теория А.А. Александрова.

Из концепций, созданных и развиваемых в дальнем зарубежье, на украинской почве продолжает жить теория О. Прицака о возникновении Руси путем внешних воздействий — в результате норманно-хазарского противостояния. Он продолжает утверждать, что первым центром «Русского каганата» был Ростов или его округа, и лишь Игорь перенес столицу «каганата» в Киев. Ученый является сторонником первоначального дуализма державы, включавшей каганат Руси (по мужской линии) и державу словен (по женской линии). Наиболее важный рубеж в процессе государствогенеза — перенос в 30-х гг. X в. столицы «каганата» из Ростова в Киев Игорем и образование вокруг Ростова наследственного домена (вотчины) династии. Целью объединительной активности Олега и Игоря было, по мнению исследователя, укрепление торговых возможностей норманнов-руси путем осуществления контроля над двумя маршрутами к Эллипалтару (Керченскому проливу). Хазарское влияние также велико, и не только за счет контроля над этим районом, но и потому, что до 30-х гг. X в. хазары правили в Киеве, а его еврейско-хазарская община и в дальнейшем оказывала влияние на политику Руси.

Польско-шведский ученый В. Дучко в своей работе «Русь викингов», опубликованной в 2004 г. на английском, а в 2007 г. на польском языке, опирается в комплексном анализе источников прежде всего на материалы исследований и научные выкладки «позднесоветских» (но также и современных российских) археологов Москвы и Санкт-Петербурга, рассматривая сведения письменных источников именно в археологическом контексте. Работа В. Дучко в этой связи носит скорее структурно-описательный, иллюстративно-культурологический, чем концептуальный характер, поэтому в наибольшей степени ее можно отнести ко второму, «этногенетическому» направлению, так как комплексный анализ источников далеко не всегда имеет самостоятельный характер, но вполне обоснованно опирается на результаты исследований специалистов, археологов в первую очередь. Тем не менее имплицитно контуры концепции, которой в процессе описания этнокультурных и политических процессов следует В. Дучко, все же вырисовываются. Он внимательно, с подробным обзором гипотез (для России — в основном зарубежных) и приведением доказательств своей точки зрения, рассматривает каждый эпизод в истории «росов» и выделяет важнейшие, по его мнению, этапы, причины их оседания в Восточной Европе. Считая, вслед за автором «Вертинских анналов» и императором Людовиком, «росов» изначально свеями, начало «государства Русского», в создании которого они позднее приняли

участие, он связывает только с «киевским» периодом их истории, который он (вслед за археологами) считает возможным начинать с начала 900-х гг., а то и позднее.

Присутствует в зарубежной литературе тенденция (как, впрочем, и в отечественной) показывать историю Руси в связи с общеевропейской, анализ источников по этому процессу производя в контаминации с аналогичными их типами, но созданными в других странах. Отметим, например, параллели между славянскими былинами и скандинавскими сагами, вопрос о необходимости изучения которых ставит молодой польский исследователь А. Мазяж.

На грани между зарубежной и отечественной историографией находится опубликованная в сборнике «Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.» работа шведского исследователя Ю. Гранберга по отдельным элементам древнерусской государственности, в частности, по роли веча.

6. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии

Обычно при определении уровня развития ранних обществ историки сталкиваются с почти неразрешимой проблемой: отсутствием четких, объективных критериев для подобной оценки, что приводит не только к различию во взглядах на процессы исторического развития той или иной страны или политии, но и к более серьезным последствиям.

И похоже, это положение устраивает и признается практически всеми ведущими политическими антропологами: «По-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политию считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще государство; так же как нет общего мнения, какая численность населения и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосударственных. Мало кто настаивает на универсальных показателях государственности. Не являются универсальными такие, как строительство монументальных сооружений, появление городов и письменность, численность и плотность населения, наличие классовой эксплуатации, монополия на законное применение силы и др. Да и само понятие раннего государства не является общепринятым» (Fedosov, 2014).

Не решены и другие спорные проблемы политической антропологии, например определение «нижней грани» перехода с одного уровня общественно-политической организации на другой.

Более того, окончательно не утверждена в науке и структура развития обществ: семья — род — племя — вождество (сложное вождество — суперсложное вождество) — раннее государство — развитое государство — зрелое государство и т. д., для которых еще не существует единых, удовлетворяющих всех или хотя бы большинство специалистов определений. На сегодняшний день в науке имеется по меньшей мере пять определений вождества (Оберг, Сервис, Саллинз, Гринин, Карнейро). В настоящий момент вновь возник вопрос о степени универсальности племени как «обязательного» звена в процессе государствогенеза (Foct, 2016. P. 32–38; Gorsky, 2016. P. 3–16; Shmakov, 2016. P. 17–31). Такой разброс мнений в среде ученых объясняется тем, что политическая антропология как наука зарождалась на базе анализа развития отдельных политий, методом индукции. Учеными рассматривались, да и поныне рассматриваются, только локальные проблемы отдельных этнополитических групп и их политические системы в различных регионах мира в различные временные периоды. Однако выводы, которые затем ими делаются, зачастую претендуют на универсальный, всеобщий характер. В результате многообразие гипотез и теорий и отсутствие критического анализа работ приводит к неопределенности фундаментальных основ политической антропологии, а это снижает ее значение как науки. Но как считают некоторые специалисты, такое положение только расширяет поле для их собственных научных изысканий. Здесь уместно привести мнение одного редакционного рецензента: «Он требует, чтобы в науке были разработаны и утверждены не только общие критерии и оценки, но даже „определения“, но это было бы концом науки и исследовательской деятельности». Вот так, не больше и не меньше. С порога отметается философский смысл научного познания. Очевидно, этот рецензент никогда не был связан с преподаванием предмета в университете. Интересно, как бы он реагировал на вопросы студенческой и научной аудитории? И хотелось бы знать, когда это наличие четких критериев и определений служило преградой для научных изысканий? Наоборот, они станут более объективными и понятными, а вот количество пустых и псевдонаучных публикаций, наверное, сократится (Fedosov, 2014).

На сегодняшний день одной из неоднозначных проблем политической (социокультурной) антропологии является определение или обозначение уровня «вождества» и «раннего государства». По мнению различных политантропологов, вождество бывает составным, сложным, суперсложным и т. д., однако все эти понятия также не имеют четко обозначенных рамок и определений. Некоторые авторы утверждают, что понятие «вождество» является аналогом или современной заменой понятия «союза племен», и им как бы заполняется смысловая лакуна перехода в интервале «племя —

государство». Другие, наоборот, еще больше расширяют эту лакуну, вводя все новые приставки к этому термину.

Также и понятие «раннее государство» не является окончательно установленным. И если одни ученые спорят только о «нижней грани» этого уровня, закладывая в это определение свои представления и признаки, то другие, наоборот, дробят само понятие, уровень — на подуровни: «зачаточное раннее государство», «типичное раннее государство», «переходное раннее государство» и т. д.

Исходя из этого очевидно, что в основном все политан-тропологические построения носят искусственный характер, являясь субъективными мнениями авторов, а признаки, которые кладутся ими в основание своих рассуждений, есть некий набор определенных этапов, характерных для развития любой политии, но взятых авторами лишь потому, что они встраиваются в их концепции. Поэтому почти всегда в подобных работах при определении уровней развития политий вначале указывается вывод, обозначается некий абстрактный уровень, а затем под него подгоняются «доказательства». Часто в исследованиях мы видим, как использование одних и тех же категорий приводит к различным результатам. В качестве примера можно привести работы Х. Классена, П. Скаль — ника и отечественного ученого (археолога по первой специализации) Н.Н. Крадина. Первые обосновали определение раннего государства, а второй — суперсложного вождества, приводя в доказательства одни и те же признаки. Сложно представить себе подобное состояние в математике, физике или какой-либо другой науке. Но в нашей монографии мы не ставим себе задачу осветить все дискуссионные вопросы политической (или, как ее предпочитают называть в XXI в., — социокультурной) антропологии. Лишь заявив о своей позиции, мы кратко рассмотрим подходы и теории некоторых отечественных и зарубежных ученых в решении вопроса определения уровня раннего государства, высказывая свое мнение по данной проблеме.

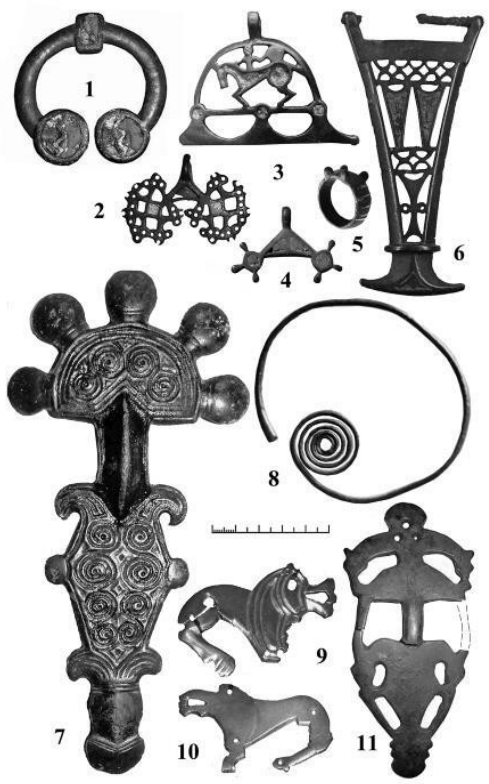


Рис. 1. Украшения прабалто-славян (венедов) и ранних славян (антов): 1–6 — киевская культура II–V вв. н. э.: фибулы (1,6) и лунницы (2–4) с выемчатыми эмалями, перстень (5) (1,5 — Севск, Брянская обл.; 2 — Максимова, Курская обл., 3 — Башкатово, Курская обл., 4 — Мглин, Брянская обл., 6 — Красные Дворики, Брянская обл.). 7–11 — колочинская и пеньковская культуры V–VII вв. н. э.: 7, 11 — пальчатая и зооморфная фибулы; 8 — височное украшение; 9–10 — ременные накладки в виде стилизованных львов (7 — Осиновая горка; 8 — Случевск; 9, 10 — Трубчевский клад; 11 — Новоямское, все Брянская обл.). Фото А.А. Чубура и Е.А. Шинакова)

Рис. 2. Соседи восточных славян. Финно-угорские украшения и амулеты: 1–4,6–7 — трехглавые птицы, некоторые с человеческими личинами или антропоморфными фигурами, пермский звериный стиль; 5–14 — бляхи с изображением медведя и личинами, пермский звериный стиль; шумящие подвески с фигурками коней и птиц (1–7,14 — Пермский край, Приуралье, Прикамье; 8,13 — Подмосковье; 9–11 — Новгородская, Тверская, Ярославская обл.; 12 — Брянская обл.)

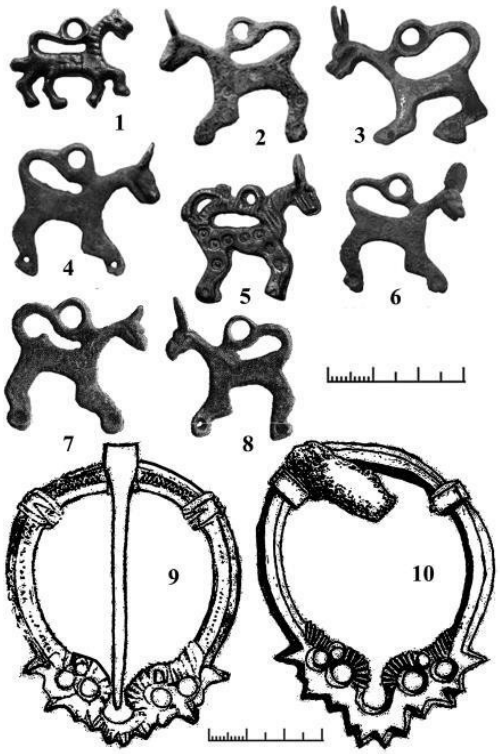


Рис. 3. Соседи восточных славян. Балтские украшения и амулеты: 1–8 — привески-«коньки», типичные амулеты кривичей (ославянившихся балтов); 9–10 — бронзовые подковообразные замкнутоконечные фибулы латгальского происхождения (1 — Калужская обл.; 2–5 — Брянская обл.; 6 — Сумская обл., Украина; 7–8 — Лопушь, Брянская обл.; 9 — Яковск, Брянская обл.; 10 — Любожичи, Брянская обл.)

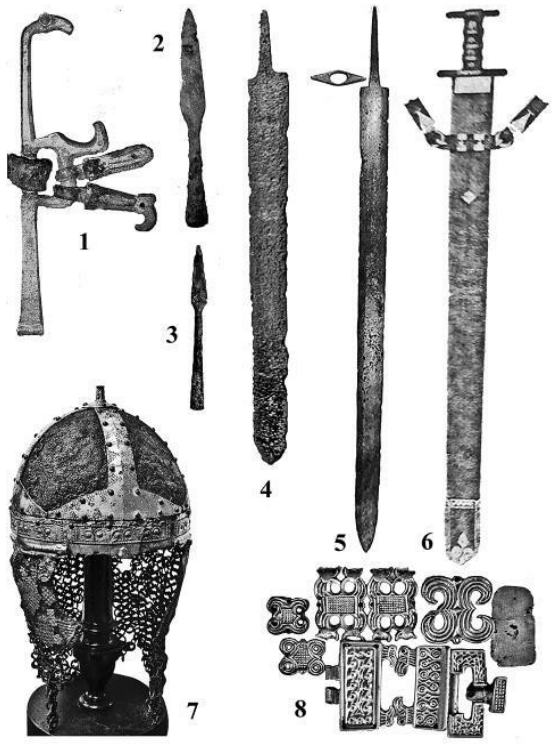


Рис. 4. Импорт из германского мира и «следы» проникновения отдельных групп германцев (гепидов, герулов?) во время Великого переселения народов: 1 — детали конской упряжи (удила, псалии и ременные скрепы); 2–3 — наконечники копий VI–VII вв.; 4 — меч Spata IV — начала V в.; 5 — меч конца V — начала VI в.; 6 — меч конца V — начала VI в.; 7 — шлем-шпангенхельм с бронзовым позолоченным шишаком и медными позолоченными ребрами и околышем; 8 — орнитоморфные бляшки с портупеи меча середины VI в. (1,7 — бассейн р. Снов, Брянская обл.; 2 — Красные Дворики, Брянская обл.; 3 — Кветунь, Брянская обл.; 4, 5 — р. Коломина, Брянская обл.; 6 — могильникТаурапилис, Литва; 8 — р. Навля, Орловская обл.)

Рис. 5. *Расселение восточных славян и их соседей в IX–X вв. Более темный фон — зона расселения восточных славян с наименованиями основных племенных союзов. Светлый фон — зона расселения неславянских племен. Чередование темного и светлого фона — территории чересполосного заселения*

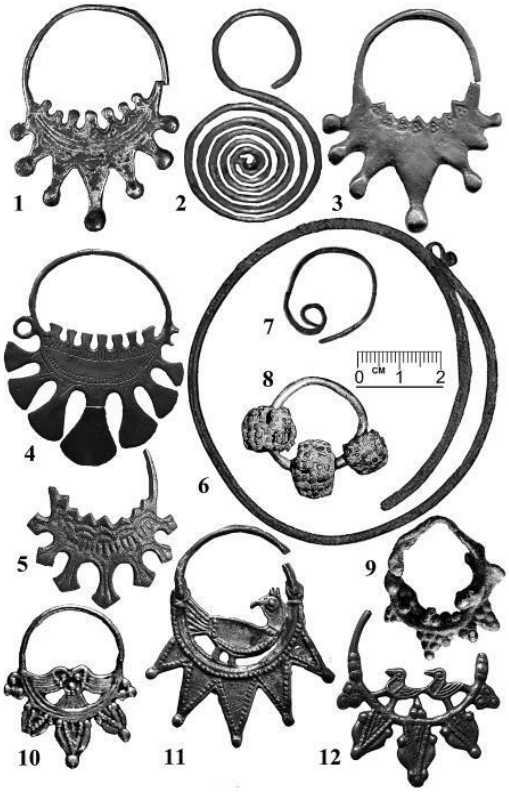


Рис. 6. Восточнославянские височные кольца: 1,2– семилучевое и спиральное (северяне); 3 — семилучевое (радимичи); 4,5 — семилопастные (вятичи). 6 — браслетообразное (кривичи); 7 — перстнеобразное (дреговичи, древляне, поляне); 8 — трехбусинное (дреговичи); 9 — ромейское раннее пятилучевое; 10–12 — статусные пятилучевые с изображениями птиц (1–3, 7–8 — курганный некрополь Кветунь, Брянская обл.; 4 — Москва. 5 — Смоленская обл.; 6 — Брянская обл.; 9 — Чертово Городище, Калужская обл.; 10 — Искоростень, Украина; 11, 12 — Посеймье, Курская обл.)

Рис. 7. Первые упоминания русов: 1 — фрагмент рукописи Ахмеда ибн Фадлана, в которой рассказывается о людях «ар-рус»; 2 — печать сопровождавшего росов из Константинополя в Ингельгейм патрикия Феодора (или Феодосия?), посланника василевса Феофила, упоминающего «посланцев хакана росов» в своем письме императору Людовику Благочестивому 838–839 гг. Найдены в Хедебю и Рибе (Дания); 3 — высадка вооруженных викингов на берег (миниатюра из «Жития Святого Эдмунда», 1130 г.)

Рис. 8. Торговые пути в IX–XI вв.: 1 — Восточный «Волжский» путь и его варианты; 2 — путь «Из варяг в греки»; 3 — путь из Баварии в Хазарию с продолжением в Хорезм и эмират Саманидов; 4 — пути рокадные и временные. Монеты X века: 5 — баварский денарий (948–955); 6 — византийский солид; 7 — дирхем династии Саманидов

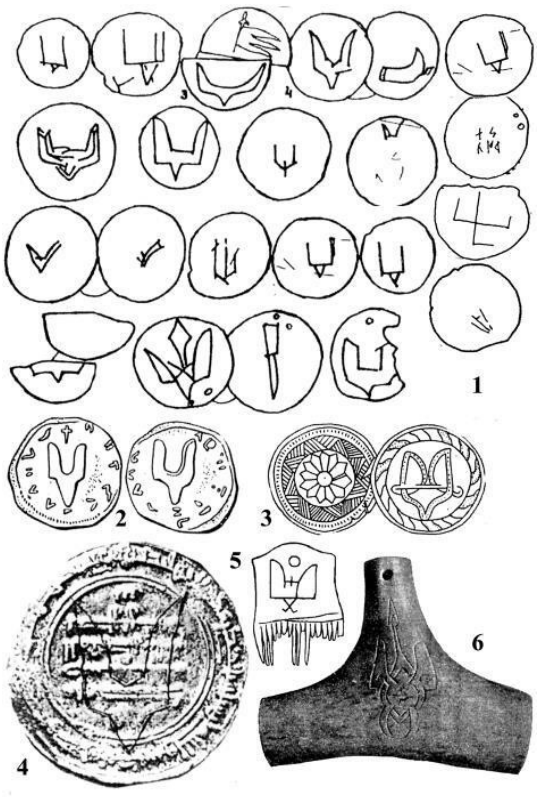


Рис. 9. Тамги Рюриковичей (двузубы и трезубы) в археологических находках: 1 — граффити на восточных монетах; 2 — вислая печать с территории Киева; 3 — тамга Рюриковичей на костяном кружке с городища Саркел (Белая Вежа); 4 — тамга Рюриковичей на серебряном дирхеме Наср ибн Ахмада (913/914 г.); 5 — гребень с городища Иданкар; 6 — изделие из рога с плетеным орнаментом в виде тамги Рюриковичей, летописный Желин

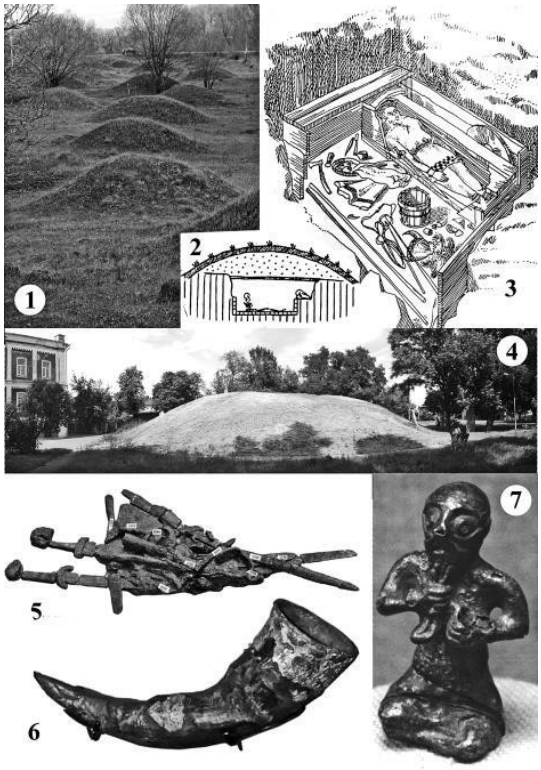


Рис. 10. Погребальный обряд времен становления русской государственности: 1 — курганный некрополь Кветунь у межплеменного центра в «Земле Северян»; 2 — разрез камерного погребения; 3 — реконструкция камерного погребения (по материалам захоронений франков); 4 — дружинный курган Черная Могила в Чернигове, исследованный Д.Я. Самоквасовым; 5 — груда оружия с кострища в кургане Черная Могила; 6 — ритон из турьего рога, курган Черная Могила; 7 — позолоченный бронзовый идол скандинавского бога-громовержца Тора из кургана Черная Могила (1,4 — фото А.А. Чубура; 5–7 — Государственный исторический музей, Москва)

Рис. 11. Статусные привески дружинников-русов: 1–7 — тератоморфные («чудовищные») привески в скандинавском стиле Еллинг: 1,2– стилизованное изображение — верховный скандинавский бог Один и два его ворона — Хугин и Мунин; 6 — сюжет со свернувшимся зверем с мордой, развернутой анфас под ушком; 3, 4, 7 — сюжет с изображением зверя или дракона, развернувшегося мордой назад; 5 — сюжет с двумя зверями или драконами с мордами, обращенными друг к другу; 8–10 — «геральдические» монетовидные привески со стилизованными изображениями птиц; 11–12 — орнитоморфные, с изображениями птиц (1 — Лотаки, Брянская обл.; 2 — Гнёздово, Смоленская обл.; 3 — Шатуны, Смоленская обл.; 4 — Гочево, Курская обл.; 5 — Старые Ивайтенки, Брянская обл.; 6 — Шестовица, Украина; 7 — Курская обл.; 8 — Дежковичи, Брянская обл.; 9 — Стародуб, Брянская обл.; 10 — Опахань, Брянская обл.; 11 — Гаськово, Брянская обл.; 12 — Навля, Брянская обл.)

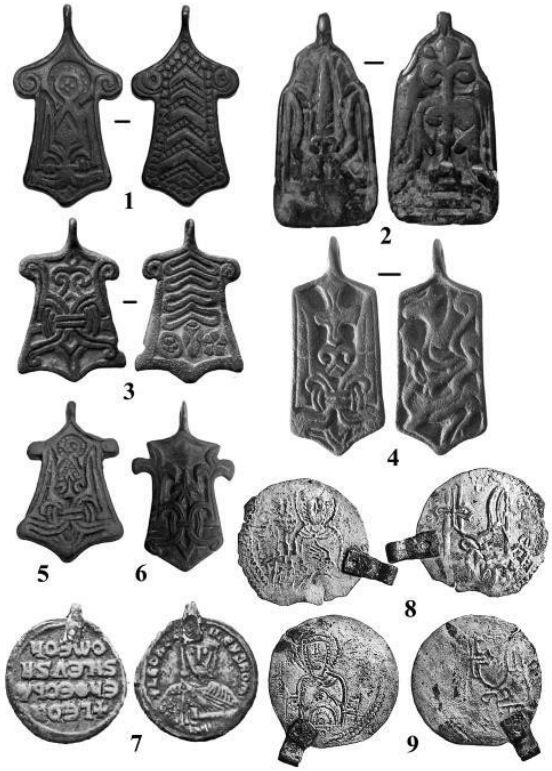


Рис. 12. Статусные геральдические и изготовленные из монет привески, принадлежавшие княжеским чиновникам или военачальникам разного ранга: 1–6 — геральдические привески (2, 3 — Черниговская обл., Украина; 1, 5, 4, 6 — место находки неизвестно); 7 — привеска из византийского солида (Чаусы, Брянская обл.); 8, 9 — привески из русских сребреников (Брянская обл.)

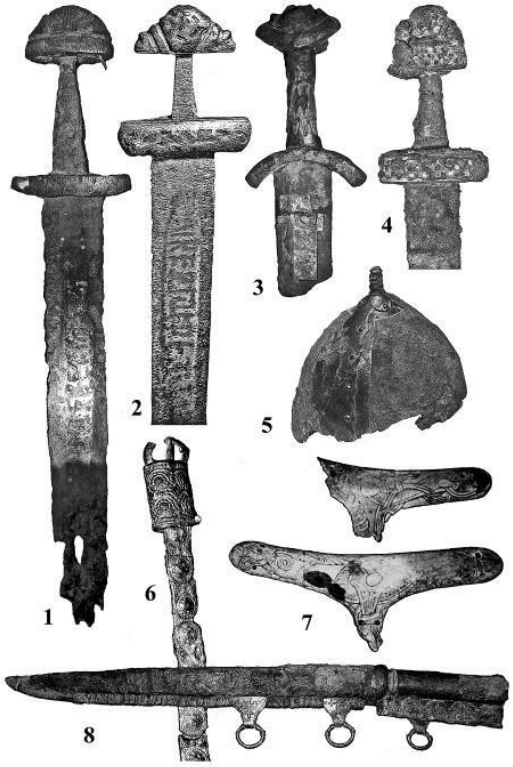


Рис. 13. Снаряжение русских дружинников: 1–4 — мечи; 5 — шлем; 6 — поясной набор; 7 — накладки из кости со скандинавской резьбой на колчан; 8 — скрамасакс в ножнах (1,7, 8 — Шестовица, Украина; 2 — Монастырище, Брянская обл.: 3 — курган Черная Могила, Чернигов, Украина; 4, 5 — курган Гульбище, Чернигов, Украина; 6 — Кветунь, Брянская обл.) (фото А.А. Чубура и Е.А. Шинакова)

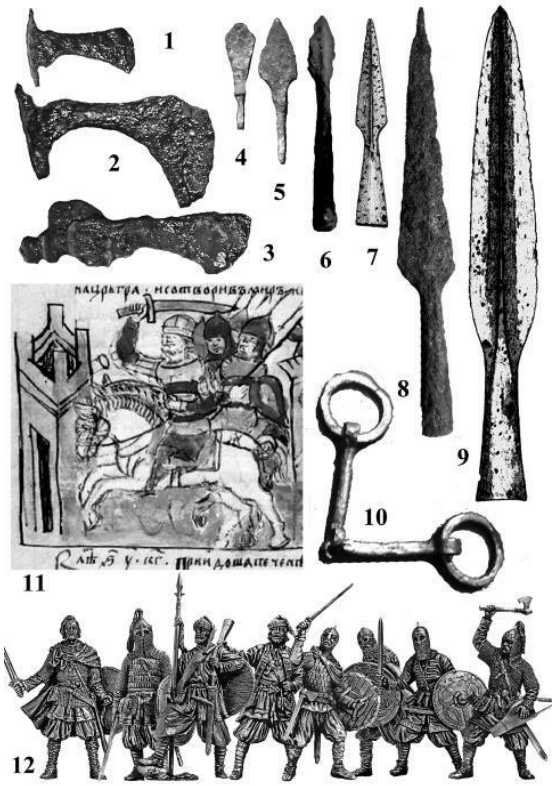


Рис. 14. Снаряжение русских дружинников: 1–3 — боевые топоры (Кветунь, Брянская обл.), 4, 5 — наконечники стрел (Шестовица, Украина); 6 — наконечник втульчатой сулицы (Новозыбков, Брянская обл.); 7, 8 — наконечники копий ближнего боя (Монастырище, Брянская обл.); 9 — наконечник рогатины (р. Рессета, Брянская обл.); 10 — удила (Шестовица, Украина); 11 — князь с дружинниками в бою (миниатюра из Радзивилловской летописи); 12 — русские дружинники X в. (миниатюры современных скульпторов-реконструкторов)

Рис. 15. Позднероменское (северянско-вятичско-радимичское) потестарно-политическое (предгосударственное) образование: 1 — границы ядра земли северян — Посемья (по В.В. Енукову); 2 — реконструируемые границы позднероменской потестарно-политической общности эпохи ее расцвета (середина — начало второй половины X в.); 3 — монетные клады, содержащие обрезанные в кружок дирхемы и подражания им, а также волжско-булгарские монеты; 4,5 — обрезанные в кружок дирхемы («резаны») из Ратмановского клада (Курская обл., Курский государственный областной музей археологии); 6 — алано-болгарские перстни с пентаграммами с городища Кветунь (Брянская обл.)

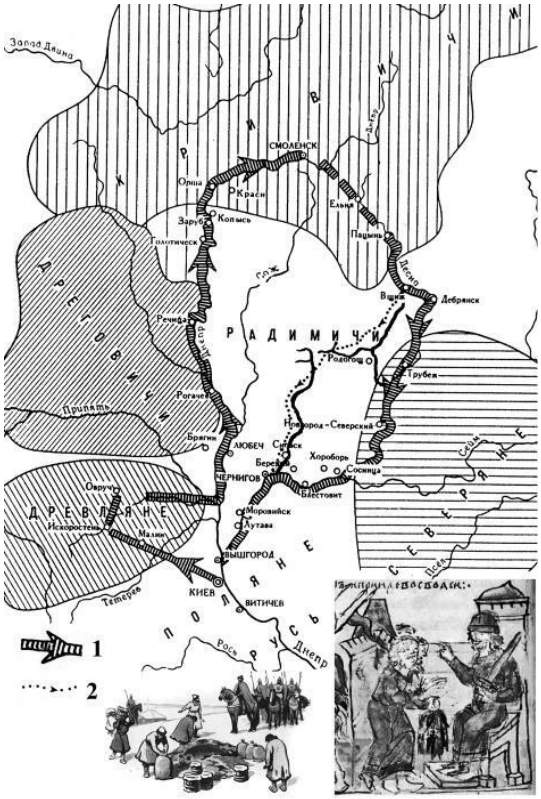


Рис. 16. *Большое полюдье: 1 — путь Большого полюдья по Б.А. Рыбакову; 2 — уточнения Е.А. Шинакова. Представлена миниатюра из Радзивилловской летописи, изображающая подношение населения славянских земель киевскому князю*

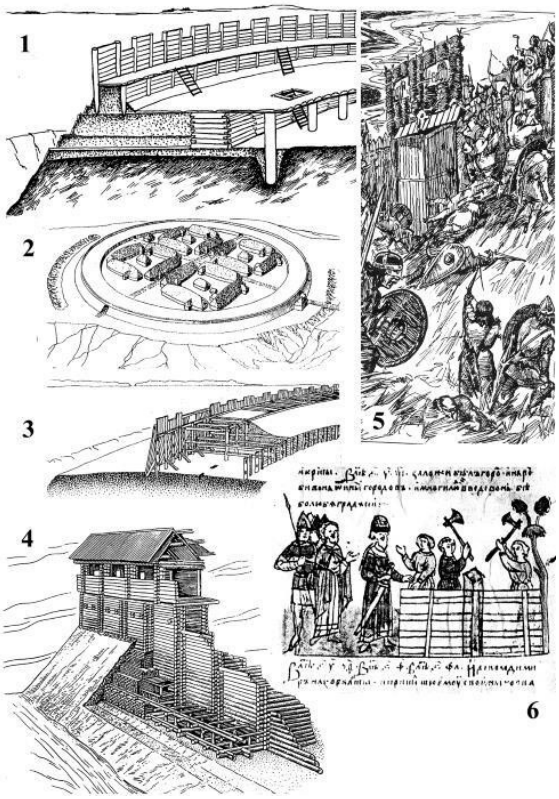


Рис. 17. Фортификация времен формирования древнерусского государства и ее аналоги: 1 — реконструкция автора укреплений поселения Левенка (раскопки Е.А. Шинакова, рисунок Ю.А. Чемоданова); 2, 3 — реконструируемый облик внешнего вида и укреплений датской крепости «лагеря викингов» Фюркат; 4 — градостроительство времен Владимира Святого: 1 — реконструкция стен (по М.В. Городцову и Б.А. Рыбакову) летописного Белгорода. Хорошо видна сырцовая кладка внутри валов, характерная для русской фортификации конца X — начала XI в.; 5 — оборона русской крепости (иллюстрация Ю.А. Чемоданова); 6 — строительство Белгорода в 992 г. (миниатюра из Радзивилловской летописи конца XV в.)

Рис. 18. Правление княгини Ольги, с которого начинается становление ранней государственности на Руси: 1 — княгиня Ольга (миниатюра из Радзивилловской летописи); 2 — памятник великой княгине св. Ольге (Киев, 1911 г. скульптор И.П. Кавалеридзе, реставратор В.И. Сико); 3 — саркофаг из овручского «шифера» (пирофилитового сланца), найденный при раскопках Десятинной церкви в Киеве, в котором предположительно была погребена княгиня Ольга; 4 — прием императором Константином Багрянородным княгини Ольги и ее приближенных. Миниатюра из «Хроники Ионна Скилица», середина XII в.

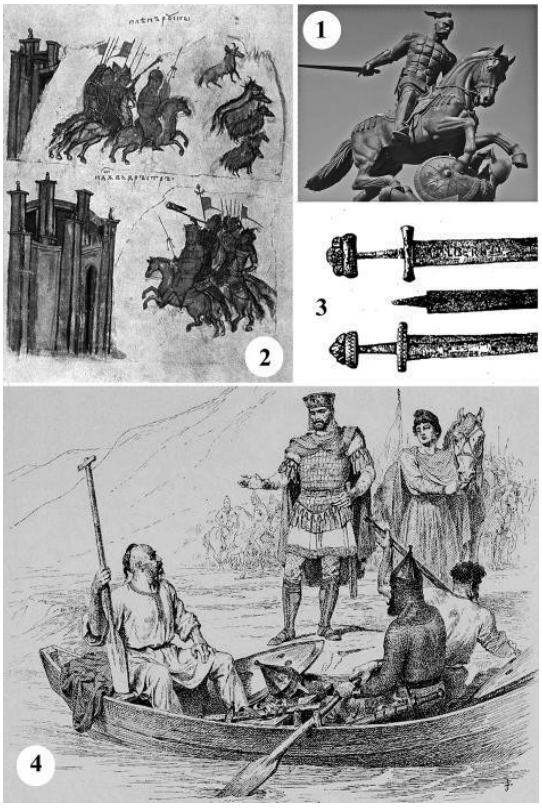


Рис. 19. Князь Святослав Игоревич, пытавшийся создать Северочерноморскую «империю» с центом в Преславе (Болгария), и его военные походы: 1 — памятник Святославу (Холки, Белгородская обл., скульптор В.М. Клыков, 2005 г.); 2 — миниатюра из Ватиканского манускрипта (хроника XII в. Константина Манассия): вверху изображено завоевание Болгарии Святославом, а внизу — поход Иоанна Цимисхия на Доростол; 3 — мечи дружинников князя Святослава, погибших от рук печенегов у Днепровских порогов; 4 — «Святослав и Цимисхий» (рисунок В.П. Верещагина, 1890 г.)

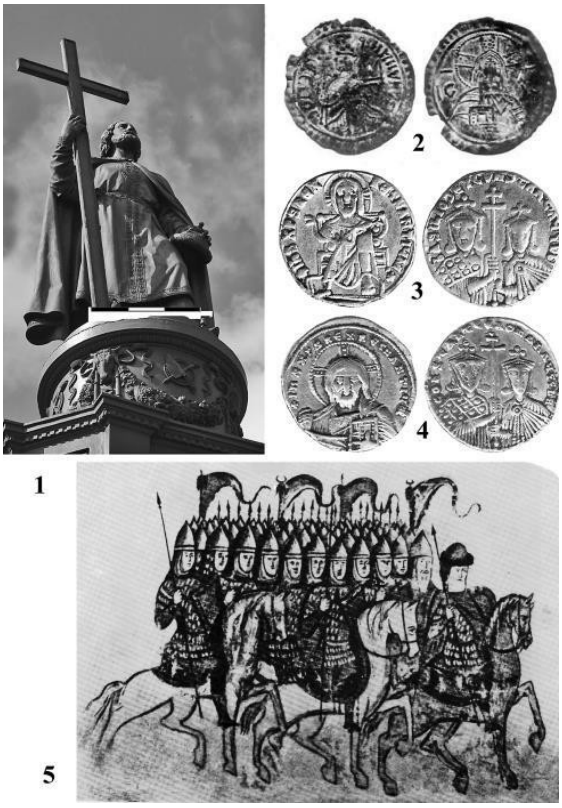


Рис. 20. Великий князь св. Владимир Святославович, завершивший в основном создание «ранней государственности»: 1 — памятник св. Владимиру на Владимирской горке в Киеве (скульптор Петр Клодт, 1853 г.); 2 — первая монета древнерусской киевской чеканки — сребреник князя Владимира с текстом «Владимир на столе а се его сребро» (юг Брянской обл.); 3–4 — прототипы сребреника Владимира — византийские солиды IX–X вв. (с. Остроглядово Брянской обл.); 5 — дружина во главе с великим князем (миниатюра из Сильвестровского списка «Сказания о Борисе и Глебе»)

Рис 21. Великий князь Ярослав Мудрый, создатель древнейшей части Русской Правды, первый обладатель царского («цесарского») титула, и его время: 1 — сребреник Святополка Ярополчича (Черниговская обл., Украина); 2 — «Ярославле сребро» — один из восьми дошедших до наших дней сребреников Ярослава Мудрого (Крым, частная коллекция); 3 — печать князя Ярослава Владимировича, найденная на Троицком раскопе в Новгороде в 1994 г., доносящая до нас реальный облик князя; 4 — Золотые ворота, научная архитектурная реконструкция, включившая сохранившиеся средневековые руины. «В год 6545 (1037) заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь Святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения»; 5 — памятник Ярославу Мудрому в Киеве, у Золотых ворот (скульптор И.П. Кавалеридзе); 6 — запись граффити на стене Софийского собора в Киеве о смерти «цесаря нашего» Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г. (4, 5 — фото А.А. Чубура)

Рис. 22. Древнерусское право: 1 — портрет князя Святослава Ярославина (одного из создателей Краткой редакции Русской Правды», завершившей в 1072 г. процесс формирования институтов ранней государственности) с семьей (миниатюра из «Изборника Святослава», 1073 г.); 2 — подавление воеводой Святослава Ярославина Яном Вышатичем и его «отроками» и Дании восстания смердов на Белом озере в 1071 г. (миниатюра из Радзивилловской летописи)

Рис. 23. Древнерусские княжеские регалии и эмблемы, перенятые у Византии через Болгарию: 1 — бармы золотые с перегородчатой эмалью (Киевский клад, XI в.); 2 — изображением геральдического орла — вероятно, герба Руси времен Ярослава Мудрого на плите XI в. из овручского «шифера» (пирофилитового сланца) (Киев, Софийский собор)

Рис. 24. Международные связи Руси при Ярославе Мудром: 1 — королева Франции Анна Ярославна (скульптура церкви в Санлисе, Париж); 2 — королева Венгрии Анастасия Ярославна; 3 — королева Норвегии и Дании Елизавета Ярославна (2, 3 — с фрески XI в. в Софийском соборе Киева); 4 — деталь княжеского женского убора: золотой колт с перегородчатой эмалью из Киевского клада XI в.

Итак, Х. Классен и П. Скальник в работе «The Early State» дали следующие характеристики раннего государства:

— «достаточное для социальной стратификации и специализации население;

— гражданство, которое определяется рождением или проживанием на территории государства;

— правительство централизовано и имеет достаточную власть, чтобы поддерживать закон и порядок силой или угрозой применения силы;

— государство независимо, по крайней мере, де-факто; правительство достаточно сильно, чтобы препятствовать сепаратизму, а также успешно отражать внешнюю агрессию;

— достаточное количество населения для начала процесса классообразования (правители и управляемые);

— уровень развития производственных сил достаточен для постоянного получения излишков продукции, которые используются для поддержания государственного аппарата;

— общая идеология, легитимизирующая власть правящего класса» (Claessen, Skalnik, 1978. P. 21).

Иными словами, они установили, что «если для политип… характерны указанные выше характеристики, то мы можем говорить, что она достигла ступени раннего государства» (Claessen, Skalnik, 1978. P. 21–22). Значит, перечисленные авторами характеристики являются в совокупности ступенью, порогом для возможности классификации политии как раннего государства. То есть можно говорить о появлении в науке некоей грани, границы возникновения ранних государств. Но так ли это? Проверим:

1. «Достаточное для социальной стратификации и специализации население»

«Достаточное население». Значит ли это, что авторы установили взаимосвязь начала стратификации и специализации от роста населения и что рост населения провоцирует начало «социальной стратификации и специализации населения»? Однако в работе нет указаний на этот счет. К тому же социальное разделение и специализация населения начинаются на более ранних уровнях развития общества. Более того, в источниках почти нет достоверных сведений о количественном составе того или иного сообщества. Получается, что количественный состав общества не может служить значимым критерием уровня его развития.

2. «Гражданство, которое определяется рождением или проживанием на территории государства»

Такого понятия, как «гражданство», в ранних обществах не существовало; оно устанавливается и фиксируется законодательно, но в предложенном авторами перечне характеристик данных о развитии законодательной деятельности общества нет. Если же в обществе фиксируется гражданство, то это уже не раннее государство, а полития более высокого уровня.

3. «Правительство централизовано и имеет достаточную власть, чтобы поддерживать закон и порядок силой или угрозой применения силы»

Данная характеристика также соответствует скорее уровню более развитого государства, нежели раннему, только что выросшему из догосударственных отношений.

4. «Государство независимо, по крайней мере де-факто; правительство достаточно сильно, чтобы препятствовать сепаратизму, а также успешно отражать внешнюю агрессию»

Неужели это характеристика раннего государства? И что значит «государство независимо, по крайней мере де-факто»? Что этим хотели сказать авторы? Неясно.

5. «Уровень развития производственных сил достаточен для постоянного получения излишков продукции, которые используются для поддержания государственного аппарата»

В племенах такие «излишки» шли на содержание вождей, жрецов и воинов. В чем же тогда разница? Даже в самых «ранних», но уже «государствах» излишки продукции объективно начинают появляться в результате повышения уровня производства (а не внешнего грабежа, как раньше), и используются уже не только в интересах госаппарата, но и (частично) — всего общества.

6. «Достаточное количество населения для начала процесса классообразования (правители и управляемые)»

Почему данная характеристика вынесена отдельно от первой, ведь процессы социальной стратификации, специализации и классообразования идут одновременно и затрагивают все население общества? «Правители и управляемые» — не слишком ли примитивное обозначение процесса, который в таком виде начинается на этапах рода и племени и не заканчивается даже на фазе развития современных государств? Не количество населения, а уровень развития производства прямо влияет на процесс классообразования в обществе.

7. «Общая идеология, легитимизирующая власть правящего класса»

Скорее всего, здесь уместнее говорить о традициях, обычаях и мировоззрении в раннем обществе, так как такого понятия, как «общая идеология», еще не существовало. Язычество в этих обществах выполняло роль цементирующей силы. Раннее христианство также следовало этим традициям. Но если исторически фиксируется отдельная от религии политическая идеология, то речь идет о более высокой ступени развития государственности.

Проведенный краткий анализ данных признаков позволяет констатировать, что вряд ли их можно считать корректными для определения уровня раннего государства. По нашему мнению, эти характеристики слишком обтекаемы и неопределенны, но главное, они не являются критерием оценки уровня раннего государства, так как завышены и соответствуют более высокому уровню развития общества. Далее, для большей объективности, проведем и краткий анализ построений тех же авторов, которые разработали типологию ранних государств по степени зрелости, выделив, соответственно, «зачаточное», «типичное» и «переходное». В связи с этим возникает вопрос, как соотнести вышеприведенный уровень и те, о которых речь пойдет ниже. Для наглядности сведем все эти данные в таблицу:

«Зачаточное»	«Типичное»	«Переходное»
1) слабо развиты торговля и рынки	1) переход торговли на надлокальный уровень	1) торговля играет важную роль
2) основной принцип комплектования аппарата управления — наследование должности	2) наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени	2) преобладание назначения на должность в административном аппарате
3) преобладание общинной собственности на землю	3) развитие государственной собственности на землю при ограниченной частной собственности	3) основной формой собственности становятся частные владения, как среди аристократии, так и среди простых людей
4) должностные лица существовали за счет доли собираемой ими редистрибуции	4) источником существования должностных лиц являются как «кормления» за счет подданных, так и жалованье	4) система выплаты жалованья чиновникам доминирует над системой «кормлений», аппарат управления становится относительно независимой политической силой
5) не существовало узаконенной правовой кодификации и наказаний; не было специальных судебных органов	5) начинается письменная кодификация свода законов	5) кодификация законов завершена, большая часть вопросов правотворчества решается судейским аппаратом
6) редистрибуция, дань и поборы не были регулярны и строго определены	6) существует специальный аппарат судей	6) налогообложение превратилось в хорошо отлаженную, постоянно функционирующую систему
	7) изъятие доли прибавочного продукта имело точно установленный характер и осуществлялось как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда	

Начнем с перехода: «слабо развиты торговля и рынки — переход торговли на надлокальный уровень — торговля играет важную роль». По сути, здесь показан путь трансформации одной важнейшей составляющей деятельности любой политии. Рассмотрим этап «слабо развиты торговля и рынки». Сразу же возникает вопрос: как «слабо» или насколько «слабо»? То есть мы имеем ничего не говорящее определение, без какого-либо качественного или количественного наполнения, которое можно в одинаковой мере употребить как для политий низкого уровня, так и для более высокоразвитых, поэтому использование его вряд ли можно считать корректным.

Далее — «переход торговли на надлокальный уровень». Если авторы имеют в виду расширение торговых отношений за пределы политии, то непонятно, за счет чего или в связи с чем произошло подобное изменение. Это — установление новых связей, избыток продукции или расширение торговли внутри политии? Эмпирически задана некая планка развития торговых отношений, однако авторами снова не дается каких-либо параметров для определения этого трудноуловимого перехода.

«Торговля играет важную роль». Но разве можно назвать времена, когда торговля этой роли не играла? И если следовать логике авторов, то только с уровня «переходного раннего государства» торговля начинает играть «важную роль». Вообще-то обмен, торговля в любой политии — это одна из основ ее существования и функционирования. Если же авторы имеют в виду, что основной прибавочный продукт государство начинает получать за счет торговли, то почему, в их интерпретации, оно «переходное»? Скорее, это уже государство более высокого уровня.

Кроме того, следует отметить, что в некоторых случаях (например, в Северной Руси) появление международной торговли намного опережало торговлю внутреннюю, да и многие этнологи, ученые-нумизматы и экономисты считают, что обмен вначале возникает на границах обществ, а не внутри их.

Далее идет основной принцип комплектования аппарата управления: «наследование должности — наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени — преобладание назначения на должность в административном аппарате».

Итак, основной принцип комплектования аппарата управления — наследование должности — присущ, по схеме авторов, «зачаточному» государству, однако совершенно очевидно, что данный принцип характерен и для политий более низкого уровня. Далее «наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени» авторы определяют как признак стадии «типичного» государства. Но эти два принципа комплектования органов верховной, военной и местной власти всегда имели место в политиях как низшего, так и более высоких уровней, гораздо большую роль в этих процессах играли такие факторы, как обстоятельства и целесообразность.

Продолжим. По логике авторов, «преобладание назначения на должность в административном аппарате» происходит на стадии «переходного» государства. Что означает «преобладание» и «в равной степени»? Как это можно определить? В источниках, относящихся ко времени складывания ранних государств, вряд ли можно найти подобные сведения. Кроме того, способ замещения управленческих постов зависит не столько от стадии государствогенеза, сколько от формы самой государственности и политических традиций, культуры того или иного народа. Примерно в десятке форм зрелой

государственности эпохи древности и Средневековья (Шинаков, 2003б; Shinakov, 2012) можно найти практически все известные со времен Платона и Аристотеля формы правления, как и способы замещения государственных должностей.

Итак, не проводя дальнейшего анализа всей типологии, но оценивая ее в комплексе, можно заключить, что авторы своей типологией хотели показать постепенный процесс развития основных составляющих раннего государства. Однако исследователи не дают ответа на главный вопрос: за счет чего и в связи с чем происходят указанные ими переходы, что является базой, основой такого перехода? Совокупность признаков, которые, по мнению авторов, характеризуют уровень «зачаточного» государства, по нашему мнению, можно с большим основанием применить к характеристике политий более низкого уровня и т. д., а значит, использование их для оценки указанного ими уровня вряд ли будет корректным. Если же авторы просто хотели показать, что в ранних государствах еще сохраняются рудименты более низких этапов развития, что никто и не оспаривает, то тогда где хотя бы элементы нового устройства общества? Их нет. И далее: набор признаков, которыми характеризуется уровень «типичное раннее государство», более уместно определить как уровень «переходное раннее государство», так как в них ясно виден и указан смысл перехода политии на более высокий уровень.

Признаки, характеризующие «переходное раннее государство», согласно типологии авторов, скорее относятся к политиям более высокого уровня, с давно устоявшейся политической системой. Критериев же некоего перехода от одного государственного уровня в другой не обозначено, и это лишний раз подтверждает искусственный характер подобных построений.

Кроме того, Х. Классен выделил необходимые условия для возникновения раннего государства. К ним относятся:

1) достаточная численность населения для формирования сложного стратифицированного общества, не менее 5000 человек;

2) определенная территория;

3) производство прибавочного продукта для поддержания элиты и специалистов;

4) идеология, оправдывающая существующее неравенство;

5) некое событие или действие, произошедшее до этого и не планировавшееся специально (вторжение, развитие ирригации и т. д.) (Claessen, 2006. P. 76–80).

Если кратко проанализировать эти условия, то можно отметить следующее. Конечно, все авторы вправе включать, по своему усмотрению, в свои определения любые сведения и положения, закладывать в них любую информацию. Тем не менее нужна большая осмотрительность в таких вопросах. Итак, численность не менее 5000 человек. Почему дана столь точная цифра и как можно проверить ее

соответствие по источникам? Цифра явно взята, как говорится, «с потолка», или она заимствована у Платона и вряд ли будет уместна. Однако автор считает ее большой и, следовательно, достаточной. Но ведь, согласно данным палеоантропологии, ареал в 5000 человек неминуемо подвергнется вырождению, учитывая низкую продолжительность жизни в ранних обществах, тем более в условиях островного государства, на которое ссылается автор в своей работе.

В языческих обществах все видимые, не занятые территории считались своими. Границы не обозначались и проходили в основном по естественным разделителям: рекам, озерам, горам и пр. Точнее можно было бы обозначить этот пункт как «контролируемая обществом территория». Но какая? Любая территория имеет свои особенности: либо это горы, либо заливные луга, либо леса и болота и т. д., что, естественно, будет накладывать отпечаток на условия и темпы развития любого общества. Значит, вряд ли имеет смысл говорить о некой «определенной территории», но уместнее использовать понятие «территории с благоприятными условиями существования», которые используются сообществом для удовлетворения своих потребностей.

Автор пишет, что должна существовать «система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения». Но прибавочный продукт — излишек в ранних обществах — не создавался только для поддержания элиты и «специалистов». Он создавался объективно, в результате развития производства и осознания выгоды от его появления, и расходовался согласно обычаям, традициям общества или законодательным установкам правителя. Он же становился основой для развития торговли. Однако автор ничего об этом не пишет.

Далее. «Должна существовать идеология для объяснения и оправдания существования иерархической административной организации и социально-политического неравенства». Если же идеологии нет, то формирование государства затруднительно или вообще невозможно, и тогда складываются другие типы социальной организации.

Вообще-то автор в своей работе ведет речь о ранних обществах, и, в связи с этим, о какой идеологии здесь уместно говорить? В ранних государствах ее роль выполняла религия, причем изначально, как правило, в языческой форме. В язычестве же был заложен некий дуализм: сакральное начало этноса, племени, народа и некая его правовая база в виде табу, запретов и ритуалов. Кстати, раннее христианство также полностью стояло на старой языческой традиции: десять заповедей, семь смертных грехов и компромисс — миропомазание. И надо помнить, что почти все государства Европы зарождались именно в языческом мире (кстати, и те, о которых упоминает автор в своей работе). Поэтому их попытки надстроить

религиозную и социально-политическую структуры не увенчались успехом.

Итак, автор, указывая на четыре вышеперечисленных условия возникновения и формирования раннего государства, все же считает их недостаточными. Тем более что взаимодействие, комбинация их в той или иной степени не приводили к возникновению более сложной социально-политической организации. Необходим некий повод, который спровоцировал бы трансформации, некое событие или действие, произошедшее до этого и которое не планировалось специально. То есть, если в обществе одновременно присутствует несколько условий и происходит какое-то дающее толчок событие, начинается развитие раннего государства. По мнению автора, только в таком контексте нужно искать ответ на вопрос о появлении раннего государства. Значит, перечисленные условия сами по себе не имеют достаточного значения? Но ведь они, по сути, являются характеристикой общества с довольно высоким уровнем развития. И как быть тем обществам, над которыми не нависла какая-либо угроза или им не нужна ирригация? Означает ли это остановку их развития? В то же время автор почему-то не упоминает народы и их общества, которые исчезли со страниц истории в результате подобных «толчков». Исходя из этого, некорректно рассматривать в качестве спускового крючка возникновения раннего государства некий «толчок». Ведь и «угроза», и «развитие ирригации», а также «появление новых идей и верований» уже сами по себе являлись результатом некоего более раннего толчка. К тому же подобных толчков в истории ранних политий предостаточно, поэтому определить первенство или первопричину развития бывает затруднительно. В качестве примера здесь можно отметить, что в последние годы вновь прошла дискуссия, инициированная реанимированной теорией Р. Карнейро о войне, вызванной ограниченностью ресурсов, как главном первотолчке государствогенеза. Имеется статья и одного из авторов, посвященная аргументированной критике данных взглядов (Ganzha, Shinakov, 2012).

По нашему мнению, главные условия возникновения ранних государств лежат в несколько иной плоскости. А именно: осознание близкими в этническом отношении людьми, которые живут на общей территории, говорят на одном языке и занимаются близкой или взаимодополняющей хозяйственной деятельностью, выгоды от совместного проживания. Эти же условия становятся базой для развития их обществ и укрупнения за счет других племен и народов.

Выше мы рассмотрели подход к проблемам политической антропологии П. Скальника и Х. Классена. Рассмотрим задачи, которые стоят перед отечественными учеными.

В современной российской науке вопросами раннего государства активно занимается Л.Е. Гринин, который определил его следующим образом: раннее государство — это «незавершенное государство», то

есть в государствах этого типа зачастую отсутствуют те черты, которые отделяют собственно государство от догосударственных форм политической организации. «Важно понимать, что профессиональный бюрократический аппарат, система налогообложения и административно-территориальное деление необязательны для раннего государства. Они становятся обязательны только на следующем этапе развития — при появлении развитого государства» (Гринин, 2006. С. 96–97). Но тогда что является обязательным для раннего государства, как и по каким признакам отличить раннее государство от ранних политий: племени, сложного или суперсложного вождества? На эти вопросы автор ответов не дает. По его мнению, «раннее государство — категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма есть в то же время отделенная от населения организация власти:

а) обладающая верховностью и суверенностью;

б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы;

в) построенная (в основном или по большей части) не на принципе родства» (Гринин, 2006. С. 86–87).

Однако где хотя бы перечень характерных признаков, где «категория, с помощью которой описывается особая форма»? Не проще ли было, без лишних «категорий», используя терминологию автора, установить, что «раннее государство уже само по себе является особой формой общественно-политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества, которое самостоятельно определяет свою внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок? Власть в ней обладает верховностью и суверенностью, способностью принуждать к выполнению своих требований, менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы и принуждать к выполнению своих требований. Где власть строится (в основном или по большей части) уже не на принципе родства». Теперь главное, чтобы с этой формулировкой согласился сам автор. Но только вряд ли это определение соответствует определению раннего государства, да и как совместить его с тем определением, что давалось автором ранее? Напомним: раннее государство — это «незавершенное государство»: в государствах этого типа нередко отсутствуют черты, которые отделяют собственно государство от догосударственных форм политической организации. «Важно понимать, что профессиональный бюрократический аппарат, система налогообложения и административно-территориальное деление необязательны для раннего государства. Они становятся обязательны только на

следующем этапе развития — при появлении развитого государства» (Гринин, 2006. С. 96–97). Неясно, какое определение считать истинным.

Исследователь также выделил критерии появления раннего государства, которые, по сути, в основном повторяют признаки, предложенные Х. Классеном (сходство в трех случаях из пяти) (Гринин, 2006. С. 88):

1) определенное количество населения (как минимум, несколько тысяч человек);

2) определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях занимает военно-данническая эксплуатация соседей);

3) заметная социальная стратификация общества;

4) определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, не меньше трех уровней управления;

5) конкретно-исторические возможности и способность стать государством.

Л.Е. Гринин также предложил использовать в научном обороте термин «примитивное» (или «первичное») раннее государство вместо термина «зачаточное» раннее государство Х. Классена. По его мнению, при употреблении термина голландского ученого возникает «некоторая путаница» (Гринин, 2006. С. 95). Однако путаница возникнет в любом случае при отсутствии общепризнанной классификации, поэтому данное предложение носит формальный характер.

Определенный вклад в развитие отечественной политической антропологии внес и автор этой книги, который считает, что исследование процесса развития политических структур ставит ключевой вопрос о грани — «почти государство, но еще не совсем»: «предгосударство», «(супер)сложное вождество» (Шинаков, 2011. С. 325). Для определения «уже государства» лучше всего работают марксистские критерии, обозначенные Ф. Энгельсом. «Надо признать, что современная формулировка „государства“ вполне соответствует марксистской, то есть аппарат власти, стоящий над обществом и служащий интересам правящих страт» (Шинаков, 2011. С. 325). Затем эти критерии были дополнены М. Годелье, Р. Коэном, Б. Триггером, Д. Битамом, согласно которым, признаками «типичного раннего государства» являются:

1) торговля: как минимум, развита на местном уровне (внутренняя торговля);

2) частная собственность на землю: крайне ограничена;

3) роль государственной собственности: постоянно возрастающая;

4) члены аппарата управления: находятся на содержании у правителя, позже часть из них получает жалованье;

5) наследственный принцип продвижения и карьеры уравновешивается принципом назначения;

6) судебная система находится на стадии формирования;

7) начинается кодифицирование законов и систематизация набора наказаний;

8) регулярная система налогообложения существует, но принимает разнообразные завуалированные формы, включающие обязательные работы, регулярные подарки и т. д.;

9) начинается идеологическое, мифоэпическое, религиозное обоснование власти. К этому можно также добавить четкие (в отличие от «сложного вождества») и охраняемые границы. Масштабные постоянные войны как способ наращивания прибавочного продукта, характерные для «сложных вождеств», уходят в прошлое (см.: Шинаков, 2011. С. 325–326).

В данных признаках ясно прослеживается направление развития общества, однако они также являются неким обобщенным взглядом, мнением ученых на данную проблему, поэтому попробуем рассмотреть их критически.

1. «Торговля: как минимум, развита на местном уровне (внутренняя торговля)». Фиксируется некий уровень, но он характерен и для некоторых политий более низкого уровня

2. «Частная собственность на землю: крайне ограничена». Частная собственность — это правовое понятие, но, судя по пункту 7, в политии только начинается кодификация законов и систематизация набора наказаний, поэтому этот признак некорректен. Или же два этих признака надо представлять совместно: начало кодификации и зарождение частного права

3. «Роль государственной собственности: постоянно возрастающая». Речь идет о государственной собственности, значит, государство уже существует. Скорее всего, это более высокий уровень

4. «Члены аппарата управления находятся на содержании у правителя, позже часть из них получает жалованье». От кого? В чем отличие? Впрочем, в государстве, даже раннем, их обеспечивает либо непосредственно правитель, либо он перекладывает эту обязанность на часть общества. В «вождестве», даже самом развитом, всех, включая самого правителя, содержит «народ» — фактически или формально добровольно. В сложном вождестве добавляется экзоэксплуатация

5. «Наследственный принцип продвижения и карьеры уравновешивается принципом назначения». Этот признак трудно пока определить по источникам. И почему уравновешивается, и в какой степени, пока так же неясно

6. «Судебная система находится на стадии формирования». Слишком формальная фиксация данного признака

7. «Начинается кодифицирование законов и систематизация набора наказаний». То же самое, что и пункт 6

8. «Регулярная система налогообложения существует, но принимает разнообразные завуалированные формы, включающие

обязательные работы, регулярные подарки и т. д.». Однако главное здесь, что она все же существует

9. «Начинается идеологическое, мифоэпическое, религиозное обоснование власти. К этому можно также добавить четкие (в отличие от „сложного вождества“) и охраняемые границы. Масштабные постоянные войны как способ наращивания прибавочного продукта, характерные для „сложных вождеств“, уходят в прошлое». Наиболее важным в этом пункте является утверждение, заключенное в последнем предложении. Все остальное присуще политиям и более низкого уровня

Подводя итог рассмотрению разных подходов различных авторов к вопросу возникновения ранней государственности, можно констатировать, что уход от поиска универсальных, общих определений и показателей только запутывает ситуацию. Различные субъективные методики определения уровня общественно-политических образований не приводят к объективному результату, лишают возможности классифицировать и обобщать результаты исследований, а значит, как уже указывалось, принижают значение политической антропологии как таковой. Выходом из этого положения, по нашему мнению, может стать на первом этапе хотя бы выработка единой терминологии, а также утверждение наиболее полной структуры ступеней общественно-политического развития обществ.

Конечно, в мировой истории не существует универсального, единого для всех пути возникновения, построения и развития общественно-политического образования, но есть объективные факторы, которые оказывают на этот процесс основополагающее влияние. Прежде всего, это природногеографические условия, определяющие тип деятельности большинства населения. Тип деятельности и наличие ресурсов обуславливают и характер взаимоотношений внутри общества, и его отношения с внешним миром. Поэтому определение сходных условий сложения политий позволит нам выделить и некие общие черты в их дальнейшем развитии.

Очевидно, что этапы развития различных обществ не могут абсолютно повторять друг друга, но иногда в их общественно-политических структурах мы находим много общих черт, так как «копирование» является объективным процессом при создании новых политий. Как пример здесь можно указать на создание первых варварских европейских королевств, которые во многих аспектах копировали гражданские и военные структуры управления римскими провинциями. В связи с этим заметна теория М. Фрида, который разделил ранние государства на первичные (primitive) и вторичные (secondary). Первичные ранние государства возникали в результате собственного спонтанного независимого развития, в благоприятных для производства и роста численности населения природно-климатических зонах. К таковым он относил Месопотамию, Египет,

Китай, Индию, Перу и т. д. Вторичные ранние государства образовывались по соседству, под влиянием уже сформировавшихся первичных центров цивилизации. Влияние первичных государств было неизбежным, и оно проявлялось как напрямую (в виде непосредственного заимствования тех или иных институтов и структурных принципов), так и опосредованно (путем давления на варварскую периферию).

Теперь выскажем собственную точку зрения на проблемы определения ранней государственности. По нашему мнению, при определении характерных признаков, условий возникновения ранней государственности не должны играть решающей роли количественные факторы, а также факторы, обусловленные личностью лидера или вождя. Обычно источники (ведь именно в них мы находим сведения для своих построений и выводов) не сообщают, даже приблизительно, ни о количестве членов общества, ни о занимаемой этим обществом территории, а правления и завоевания харизматичных лидеров и вождей после их смерти, как правило, завершаются смутами и войнами, ведущими к распаду политий. Во всяком случае, именно такой вывод напрашивается из истории готов, гуннов, Древней Руси, как и многих других народов.

Также в качестве основного критерия определения уровня развития политии не может рассматриваться наличие и размер некоего аппарата управления, хотя, конечно, он является отражением уровня развития общества, создаваясь и развиваясь по мере усложнения экономической и политической составляющей общества. Но вряд ли в источниках мы найдем сведения, позволяющие сделать подобный расчет, тем более что в ранних обществах аппарат управления чаще зависит от религиозных или амбициозных побуждений лидера, а не от уровня экономического развития общества.

Тем не менее большинство политантропологов все же выдвигает в качестве критериев оценки потестарных обществ их количественный состав, размеры территории и наличие развитого административного аппарата. К примеру, Р. Карнейро утверждает разницу между сложным и суперсложным вождествами только количеством их членов, как будто кто-то может достоверно это обосновать и тем более проверить. Хотя единичные примеры и доказательства своим расчетам всегда можно найти в многообразии истории народов мира, и это считается достаточным.

Во многих авторских построениях и в приведенных выше характеристиках раннего государства Классена мы видим использование количественного критерия оценки его уровня, например — определенная территория. Напомним: границы занимаемых территорий стали очерчиваться только с возникновением государств, а до этого любое догосударственное образование, имея собственное поселение и собственные земли, все незанятые территории в округе

тоже считало своей собственностью. Именно отсюда обманчивое впечатление обширности их владений. Но исходя из этого определить — хотя бы приблизительно — количество населения и размеры занимаемой ими территории по достоверным источникам просто невозможно. Поскольку эти величины непостоянны, трудно и условно определяемы, поэтому они второстепенны.

Исходя из этого мы считаем, что в качестве объединяющих причин и стимулов предпосылками образования государства выступают: осознание выгоды от объединения большинством народа, общая территория, общий язык, взаимодополняющая хозяйственная деятельность, общие культы и вера, оборона от внешнего врага. Подобные объединения демонстрируют свою стабильность и долговечность. Силовые же объединения или объединения для решения только конкретных задач (война, грабеж, оборона, контроль территорий или торговых путей) формальны и нежизнеспособны, и мы видим подтверждение этому в истории тех же гуннов и готов.

К примеру, в готских предгосударственных образованиях — королевстве гревтунгов и в Готии тервингов — налицо были общая территория, общий язык, одинаковая хозяйственная деятельность, общие культы, однако не было главного: осознания выгоды от объединения. Постоянные разделения, измены, отсутствие единства вождей обусловили непрочность этих союзов.

Любые общественные объединения — семья, род, племя, государство — являются неустойчивыми системами и имеют тенденцию как к возникновению и объединению, так и к распаду на любой стадии развития. Поэтому главным критерием их существования является выражение воли в виде желания человека, группы людей, большинства членов какого-либо общества, большинства населения страны противостоять распаду. Главным же критерием оценки развития общественно-политических объединений, начиная с племени, должно быть определение уровня развития производственных сил и отношений, организованности политических структур.

Уровень развития общества любой политии определяется экономическими, базовыми принципами, которые должны рассматриваться в качестве основных характеристик, а начальной точкой отсчета для раннего государства должно являться появление в нем элементов внутренней эксплуатации. Это комплексный признак — этап, который рано или поздно проходят все государства в своем развитии, и он свидетельствует о том, что производительные силы общества развиты настолько, что общество начинает удовлетворять свои потребности за счет внутренних ресурсов. Это объективно потребует введения и усложнения налогообложения в обществе, что, в свою очередь, приведет к усложнению и расширению управленческого аппарата, а это в дальнейшем станет стимулом к введению и совершенствованию законодательной базы, которая приведет к

ускорению разделения общества на группы и классы. Исходя из этого общество, где отсутствуют внутренние причины (условия) для распада, которое начинает удовлетворять свои потребности за счет внутренних ресурсов и где фиксируется начало внутренней эксплуатации, по нашему мнению, является ранним государством.

Настоящее определение довольно легко проверяется по данным источников. Дробление же уровня раннего государства на некие подуровни мы считаем нецелесообразным ввиду их почти невозможной фиксации и гипотетичности.

Глава III

Источники

1. Анализ письменных источников в контексте компаративизма

А) Корреляционный контент-анализ понятий «славяне» и «русы» в «восточных источниках 1-й традиции»

Восточные (точнее, мусульманские) источники, фиксирующие ситуацию на середину IX в.[71][72], принадлежат шести авторам второй половины IX — начала X в., тексты которых сохранились в более поздних редакциях. Сведения их в основном повторяются, отчасти дополняя, но отчасти и противореча друг другу, восходя (в трех случаях из четырех) к почти «современнику» событий, автору 40-х — 80-х гг. IX в. Муслиму Ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми (Новосельцев, 1965. С. 392). Пять авторов пишут и о «русах», и о «славянах» (наиболее вероятно — Восточной Европы), и лишь один (ал-Якуби) — только о «русах» (в Севилье) (Минорский, 1963. С. 24).

При любых разночтениях в определении «протографа» сведения арабских авторов, во всяком случае, относятся к IX в., то есть с точки зрения приближенности ко времени (но не «театру») событий, сведения восточных источников являются вполне достоверными. Что касается приоритетов по степени информативности в интересующих нас аспектах, то это прежде всего Ибн Русте, а также следовавшие за ним и вносившие некоторые дополнения авторы так называемой «1-й традиции» (Гардизи, например). Именно эти переводные тексты и подвергнутся нами более подробному исследованию с помощью контент-анализа, так как содержат целостный комплекс сведений о

политическом устройстве славян (в том числе восточных) и русов на середину IX в.

Методика и главные выводы проведенного контент-анализа уже публиковались автором (Шинаков, 1987в; 1990а; Шинаков, Гурьянов, 2002), так что в данном случае мы приведем более подробно его ход и результаты в аспекте именно социально-политических отношений как внутри «славян» и «русов», так и между ними. При контент-анализе мы пользуемся результатами исследований отечественных и зарубежных востоковедов в том, что касается определения различных традиций описания славян и русов, и авторов, принадлежащих к той или иной традиции[73].

Прежде чем приступить к изложению предмета данного исследования, сделаем несколько предварительных замечаний.

Во-первых, о праве невостоковеда пользоваться данными восточных источников — правда, «когда совершена в полном объеме работа специалиста-ориенталиста», по словам В.Р. Розена, — писал А.П. Ковалевский, переводчик и комментатор сочинения Ибн Фадлана: «Основная задача русского перевода — дать возможность человеку, не знакомому ни в какой степени с арабским языком, все же критически толковать текст…» (Ковалевский, 1956. С. 35–36).

Во-вторых, учитывая тот момент, что почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI в. использован более ранний источник, чем в сочинении X в., мы привлекли методику выделения общих для разных авторов тем, предложенную Б.Н. Заходером: «Наличие постоянно встречающихся в восточных текстах заимствований, так смущавшее исследователя, при употреблении описанного выше приема становится условием, которое позволяет восстановить не только наиболее старую редакцию, но и дает возможность проследить изменения, которым подвергалась эта старая редакция за время бытования в письменной литературе» (Заходер, 1962. С. 7). Рассмотрение сведений различных авторов, касающихся одной «темы», в совокупности позволяет использовать эти сведения «без боязни опереться на неполный или искаженный вариант» (Там же).

Подобное пространное введение потребовалось нам для обоснования возможности использования восточных источников вообще и специалистами по Древней Руси в частности.

Целью данного параграфа является контент-анализ темы (термина) «русы», выделение традиций в описании русов и сравнительная характеристика этих традиций. Исследование термина «славяне» проводится лишь для уяснения его взаимоотношения с термином «русы». При этом мы исходим из допущения, что литературные стереотипы и традиции описания имеют под собой реальную основу. Вначале мы стараемся работать только с терминами, по возможности избегая их исторической интерпретации. Только путем сравнения

восточных данных с другими видами источников по Руси можно показать степень достоверности или, наоборот, абсурдности нарисованной ими картины.

В какой-то степени выделение наиболее часто встречавшихся характеристик тем «русы» и «славяне» провел Б.Н. Заходер, однако он, во-первых, не рассматривал эти темы в их развитии, во-вторых, не выделял четких характеристик (групп или блоков признаков), одинаковых или сравнимых для «русов» и «славян», или только для «русов» в разных традициях описания, в-третьих, не использовал критерий частоты упоминания признака для сравнительных характеристик.

Кроме исследования Б.Н. Заходера, можно упомянуть лишь одну работу, сходную с данной если не по методике, то по целям: небольшую, но важную своей редкостью для советской историографии статью Г.С. Лебедева (Лебедев, 1978), в которой после значительного перерыва показано четкое противопоставление русов и славян в мусульманской историографии.

Отличие предлагаемого параграфа в максимально возможном охвате всех категорий признаков (хозяйство, социальные отношения, погребальный обряд, одежда и т. д.), в максимальной формализации анализа, в четкости и доказательности выводов, а не их «новизне». Отбор авторов, представляющих традиции описания русов, проведен в основном на базе более раннего исследования А.П. Новосельцева. Отдельные более поздние коррективы не имеют принципиального значения для достижения целей данной работы, так как не ставят под сомнение ни сам факт существования текстов 1-й традиции, ни основы датировки описываемых ими реалий.

Первоначальной задачей работы являлось лишь установление частоты взаимовстречаемости термина с теми или иными его качественными характеристиками, — по возможности без всякой попытки объяснить его этническое и социальное содержание. Как и положено при контент-анализе, первым и самым ответственным этапом работы является отбор признаков. При этом учитывалось не само звучание слова, а его смысловое содержание, так как, например, понятие «царь» или «правитель» могло обозначаться несколькими терминами. Безусловно, на этой стадии исследования неизбежен момент определенной субъективности. Первый список признаков был составлен для текстов авторов, описывающих реалии IX в. («остров русов»)[74], где даются примерно равные по количеству сведения о русах и славянах. Сведения о славянах также должны быть хотя бы относительно одновременны, касаясь только славян Восточной Европы[75] в узком смысле слова (здесь выпадает, например, ал-Масуди). Список признаков разделен на девять блоков:

I — общая характеристика (страна, народ, несколько народов).

II — хозяйство.

III — социальные отношения.

IV — религия.

V — погребальный обряд.

VI — жилища.

VII — одежда.

VIII — быт и нравы.

IX — военное дело.

Поскольку никто из восточных авторов, за исключением Ибн Фадлана и, возможно, Ибн Хаукаля (для X в.), не был на границах Восточной Европы, а получал информацию через вторые, а то и третьи руки, то их географические описания не учитываются вообще. Кроме того, описания быта и нравов, вооружения проще проходят через многие руки без искажений, чем требующие специальных знаний географические детерминанты. Особое внимание к деталям поведения, религии, погребального обряда диктовал, кроме того, и сам строго регламентированный шариатом строй мусульманской жизни. При желании географические описания восточных авторов могут послужить основой для различных построений, причем каждое взятое в отдельности будет выглядеть весьма «убедительно».

Для IX в. (точнее, его середины) и «русы», и «славяне» в сумме обозначаются следующим списком признаков по блокам:

I) 1 — страна, область; 2 — народ (племя); 3 — несколько родов (племен); 4 — часть более крупного целого.

II) 1 — наличие земледелия; 2 — зафиксированное отсутствие земледелия; 3 — наличие скотоводства; 4 — зафиксированное отсутствие скотоводства; 5 — бортничество; 6 — торговля; 7 — эксплуатация иных народов в разных формах (военный грабеж, контрибуция, дань); 8 — корабли как средство передвижения.

III) 1 — царь («глава глав», «хакан» и т. д.); 2 — наместники царя (иерархия управления); 3 — знать; 4 — рабы; 5 — царский суд; 6 — «божий суд»; 7 — кровная месть; 8 — малая семья («супружеская верность»); 9 — многоженство; 10 — отдельные крупные города (столицы); 11 — «многочисленные» города; 12 — крепости («кала» и «хисар»); 13 — эксплуатация своего народа («полюдье»).

IV) 1 — земледельческий культ; 2 — культ быка; 3 — служители культа («знахари»); 4 — человеческие жертвоприношения; 5 — жертвоприношения скота.

V) 1 — курганы («холмы»); 2 — кремация; 3 — тризна;

4 — заупокойные пища и питье; 5 — убийство жен при смерти мужа; 6 — захоронения в погребальных камерах.

VI) 1 — землянки; 2 — хижины.

VII) 1 — длинные рубахи; 2 — высокие сапоги; 3 — широкие шаровары; 4 — широкий пояс.

VIII) 1 — гостеприимство; 2 — храбрость и воинственность; 3 — жестокость и коварство; 4 — чистоплотность (прообраз бани); 5 —

чистота одежд; 6 — украшения у мужчин; 7 — хмельные напитки из меда; 8 — музыкальные инструменты; 9 — честность (нетерпимость к воровству).

IX) 1 — нападающая сторона; 2 — обороняющаяся сторона; 3 — наличие верховых коней; 4 — «плохие наездники»;

5 — походы на кораблях; 6 — копья; 7 — дротики; 8 — стрелы; 9 — щиты; 10 — кольчуги; 11 — мечи.

Вышеуказанные признаки выявлены по текстам Ибн Хордадбеха, Ибн Руста, Гардизи, ал-Марвази и анонимного автора «Собрания истории», сведения которых, по А.П. Новосельцеву, зачастую восходят друг к другу, а в конечном итоге во многом к автору 40–50-х гг. IX в. Муслиму Ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми, отражая реалии этого и чуть более раннего времени.

У всех авторов (во всяком случае, в известных нам русских и польских переводах их произведений) комплексы сведений о славянах и русах примерно одинаковы по объему; структура их описания (блоки признаков) почти идентична. И славяне, и русы в данной традиции описания выступают как единое целое. Сравнение этих двух терминов (понятий), проведенное первоначально по отдельным авторам, далее, во избежание ошибок, возможность которых указана выше, дается синтезированно, суммируется.

Распределение некоторых признаков по блокам может, вероятно, быть проведено и по-иному. Например, погребальный обряд является частью религиозных воззрений, жилища и одежда — частью «быта» и т. д. Но в конечном итоге имеет значение не распределение признаков по блокам, а взаимосвязь признаков с терминами «русы» и «славяне», выраженная количественно. Признаки внутри блоков сгруппированы по следующему принципу: на первом месте стоят более-менее общие для славян и русов, на втором — характерные только для славян, на третьем — только для русов.

Анализ данных сравнительной таблицы. Наличие страны у славян фиксируется один раз, у русов — три, количество упоминаний славян и русов как племен одинаково — по одному разу. В этом наблюдается сходство этих двух категорий. Один раз у русов упомянуто несколько племен (родов), и один раз (у Ибн Хордадбеха) русы — точнее, русские купцы — характеризуются как «вид славян», но в социальном или этническом плане, не совсем ясно.

Блок II (хозяйство) дает как схожие, так и совершенно различные признаки славян и русов. Примерно одинаково количество отрицаний земледелия, но они носят для славян противоречивый характер, а для русов — безусловный. У славян «нет виноградников и пахотных полей», но в том же источнике — «большая часть их посевов из проса», а также явно существует земледельческая магия. Русы же «не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян», и «нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен». Таким образом,

можно предположить, что у славян земледелие было (четыре положительных упоминания), но в формах, непривычных для арабов и иранцев (например, подсечное), что и вызвало отрицание «пашен». Известную роль могла сыграть и более ранняя византийская историографическая традиция, упоминавшая о полукочевом быте славян. Русы же, безусловно, в те времена и на той территории, где они сталкивались с мусульманами и славянами, земледелием не занимались вовсе. Это же можно сказать и о скотоводстве как основе или хотя бы одном из видов хозяйства (однако скот в связи с жертвоприношениями упоминается).

И славяне, и русы занимаются торговлей, но она имеет у них различный характер и удельный вес в хозяйстве. У русов — двенадцать упоминаний торговли, причем внешней, заморской, транзитной (с «Румом», «Хазараном», «Булкаром»). Объект торговли — меха, рабы, деньги (дирхемы?), «Сулеймановы» (у Ибн Фадлана в начале X в. — «франкские») мечи. Многие из этих товаров русы берут в землях славян путем грабежа (военной контрибуции или дани). У славян торговля стоит отнюдь не на первом, как у русов, месте по количеству упоминаний и носит явно иной, «ярмарочный» характер в столичном городе (Джарваб).

Второе (и, судя по всему, «параллельное») место в «хозяйстве» русов занимает разбой, прежде всего в виде морского и речного пиратства. «И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары» (ал-Марвази). Торговля и грабеж — две стороны одной медали в «хозяйстве» русов. Основной объект их нападений в IX в. — славяне, но по византийским источникам — и сама Византия. Русы служили как бы «мостом» между теми странами, где производятся мечи, водятся пушные звери и можно захватывать рабов, и теми, где они пользуются спросом, а также в массовом масштабе чеканятся деньги (Рум и Халифат). Эти торговые пути, несомненно, проходят через земли славян, но не влияют на их хозяйственный уклад (естественно, в описаниях восточных авторов), если не понимать сообщение Ибн Хордадбеха в том смысле, что русы — это купцы славян.

У славян на первом месте стоят животноводство (свиноводство) и бортничество.

Итак, налицо почти полное несовпадение или взаимодополнение в описаниях хозяйства русов и славян.

Блок «социальные отношения» — один из наиболее сложных в плане определения признаков, входящих в него. С одной стороны, грабеж как форма добычи средств существования, особенно в форме дани или кормлений как способов извлечения прибавочного продукта, может входить не только в «хозяйственный», но и в этот блок. С другой стороны, формы семьи могут быть отнесены к «быту и нравам», а

наличие крепостей — к «военному делу». Однако все эти признаки как бы пересекаются в социальных отношениях и поэтому отнесены к блоку III.

В данном блоке обнаруживается максимальное совпадение признаков терминов «славяне» и «русы», но и в этом случае простейший коэффициент сопряженности равняется лишь 0,4 (показателем наличия положительной связи является коэффициент не менее 0,5). Почти одинаково по количеству и достаточно значимо упоминание признаков «царь» и «рабы». У славян рабы упоминаются в связи с домашним хозяйством, или они сами через русов выступают как поставщики рабов для рынков Востока. Для русов рабы — источник торговых доходов, но в то же время «как рабы служат русам и славяне».

У славян существует «государственная» система эксплуатации своего населения в виде ежегодных «объездов» царя — полюдья (признак 3), имеются намеки на иерархическую систему управления: кроме царя («главы глав»), есть также его «наместник», «правители» и «военачальники» (признак 2). У русов один раз упоминается «знать» (признак 3), что также говорит об определенной социальной дифференциации, однако живут они в основном за счет других, прежде всего «славян».

Несмотря на термин «царь», положение правителя у славян и русов несколько различно. Для славян — «глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают». Для русов — «есть у них знахари, из которые иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники». У славян никаких признаков теократии нет.

Нет у них также намека на такой пережиток родового строя, как «божий суд» (поединок на мечах), практикующийся у русов. Власть «царя» у славян носит явно более абсолютный характер, чем у русов, которые имеют право быть «недовольными» решением царского суда, прибегая в этом случае к «божьему».

Такой пережиток родового строя, как кровная месть, фигурирует также в основном у русов. И многоженство, и тенденции к моногамной (выделение «любимой» жены среди прочих) семье прослеживается и у русов, и у славян. Впрочем, в этом раннем круге источников об отношениях русов к женщинам говорится весьма мало. У славян «распространены прелюбодеяния», но с ними ведется борьба — в частности, жена за измену предавалась смерти.

Что касается населенных пунктов, то у славян упоминаются отдельные крупные города — столицы (Джарваб, Вант) и крепости (кала, хисар), у русов — «много городов», но ни один из них не назван.

В блоке III достаточно часто выступает примерно один уровень социального развития славян и русов, причем первые во многом идут впереди[76]. У них более развиты аппарат управления, эксплуатация собственного народа, более непререкаем авторитет царя, меньше, чем

у русов, пережитков родового строя. У русов жрецы («знахари») выступают реальными соперниками царей («хаканов»); сами русы (во всяком случае, их знать) живут лишь за счет торговли и эксплуатации чужого народа, что характерно прежде всего для стадии военной демократии, чему не противоречат и пережитки родового строя в виде «божьего суда» и кровной мести.

Религиозные представления славян и русов, как это ни странно, слабо отражены в произведениях мусульманских авторов IX — начала X в., но и здесь улавливается разница между описаниями этих двух групп (блок IV). Для славян отмечены земледельческие культы и культ быка, а также общий для всех язычников, в представлении последователей Мухаммеда, «культ огня». Русы же, судя по косвенным свидетельствам арабских и персидских текстов, верили только в меч, хотя слово «поклоняться» в связи с этим не употреблялось. Отмечено лишь наличие служителей культа — «знахарей», обладавших значительной сакральной властью, в том числе и над «царем». Особенно поразили внимание мусульман человеческие жертвоприношения: у русов они отмечены трижды.

Нет почти никакого сходства в описаниях погребального обряда славян и русов (блок V). Сближает славян и русов обычай захоронения вместе с мужем одной из его жен, упомянутый для русов тремя, для славян одним (Ибн Русте) автором. У последних в жертву добровольно приносится та из жен покойника, которая «утверждает, что особенно любила его», причем перед погребальным костром она подвергается удушению. Русы же «кладут в могилу живую любимую жену покойника… жена умирает в заточении». Нюанс довольно существенный: в первом случае — почетное право любимой жены, во втором — тяжелая и, вероятно, не очень почетная обязанность.

В остальном детали погребального обряда не совпадают вообще: у славян — кремация (на стороне) с занесением пепла на «холм» (курган?) и тризной; у русов (во всяком случае, «знатных») — захоронение в «могиле в виде большого дома», с обилием погребального инвентаря (одежды, золотые браслеты, чеканная монета), заупокойной пищи и питья.

В блоке VI (жилища) только два признака, и оба они (хижины и землянки) относятся к славянам. Мусульманские географы не только никогда не видели жилищ русов, но и, скорее всего, не имели их описаний, приводя в то же время такое подробное описание землянок славян, каковых не было у византийских авторов.

Вероятно, в отличие от «острова русов», земля славян была в пределах досягаемости арабских и персидских авторов или же их непосредственных информаторов, о чем косвенно свидетельствует достаточно подробное описание славянских жилищ.

Информация об одежде славян и русов (блок VII) далеко не полна; описываются лишь отдельные детали мужского туалета: длинные

рубахи и высокие сапоги у славян, широкие шаровары и пояса (куда они завязывают деньги) у русов.

Анализ признаков блока VIII позволяет сделать предположение о том, что на Востоке часто сталкивались с русами-купцами, но никогда — с их страной; о стране же славян знали больше, чем об их «национальном характере», то есть встречались со свободными славянами редко. «Рабы из славян» в восточных странах, естественно, не могли адекватно представлять черты «национального характера» свободных славян. В характере русов все авторы отмечают храбрость и воинственность в сочетании с жестокостью и коварством (в том числе и по отношению друг к другу), а также гостеприимство.

Характерны для русов мужские украшения в виде золотых браслетов. Несколько сближает славян и русов любовь к чистоте. У славян это своеобразный прообраз бани, а у русов «чистота одежд» и наличие «кувшина для омовений» (Гардизи). У славян можно отметить нетерпимость к воровству (казнь вора по приказу царя).

Вполне сочетается с такой деталью погребального обряда славян, как тризна, наличие у них хмельного напитка из меда (десять упоминаний) и музыкальных инструментов. В данном блоке, как и в предыдущем, ни один из «славянских» признаков не сочетается с «русскими».

Очень четко выступает различие двух этих комплексов признаков в блоке IX (военное дело). Относительное сходство наблюдается лишь в том, что и славяне, и русы выступают и как нападающая, и как обороняющаяся сторона. Однако сходство это действительно относительное, так как русы выступают как нападающая сторона шесть раз, а обороняющаяся — всего один, славяне же — наоборот, причем русы обороняются не от славян, а славяне нападают не на русов. «Венгры ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников» (Гардизи), ал-Марвази упоминает *взаимные* набеги венгров и *славян.*

Русы, являясь плохими наездниками, «на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях». Корабли в связи с военными действиями упоминаются четыре раза, столько же — в связи с торговлей. У славян конница также не упоминается, но их «царь… имеет верховых лошадей» (три упоминания).

Набор оружия у славян такой же, как описанный у Прокопия Кесарийского, Иоанна Эфесского и Псевдо-Маврикия: щиты, дротики, стрелы и копья, но добавляются «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги», имеющиеся у «царя». Мечи — единственный, но самый весомый в таблице (пятнадцать упоминаний) признак вооружения русов, причем это не только оружие, но и в какой-то степени предмет культа, ни разу не встречающийся у славян.

Итак, анализ данных таблицы позволяет прийти к следующему выводу. Даже учитывая многослойность восточных источников, разный характер и степень достоверности их «информаторов»,

традиционализм схем описания народов определенного типа, подтверждается методами статистики непреложный для исследователей XIX в. вывод: употребляя термины «славяне» и «русы», мусульманские авторы подразумевали под ними абсолютно разные в этническом и экономическом плане общности. Это не два названия одного и того же народа, не составные части друг друга (в этническом и социальном аспектах), это — два разных, хотя и тесно связанных и в чем-то взаимодополняющих друг друга народа. Именно в стране славян русы брали значительную часть товаров для торговли с Востоком и «Румом», именно славянские рабы служили для них переводчиками.

Каких именно «славян» (ас-сакалиба) имели в виду авторы традиции «острова русов», описывавшие реалии середины IX в., в задачи данной работы ответ на этот вопрос не входит, однако мы считаем возможным чисто гипотетически смоделировать характер взаимоотношений терминов «русы» и «славяне» в случаях различной этнической интерпретации последних. Предлагаемые понимания терминов «славяне» и «русы» не во всех моделях вытекают из того содержания, которое восточные авторы в эти термины вкладывали, тем не менее объективности ради приведем их все.

1) Подразумевая под «ас-сакалиба» всех славян, восточные авторы распространяют на них характеристики прежде всего славян западных, точнее, лишь некоторых их регионов[77].

2) Тот же вариант, но описания даются на примере славян восточных, а не западных.

3) «Славяне» — часть восточных славян, не охватываемая понятием «русы».

4) «Славяне» — население севера Восточной Европы (славяне плюс финны). Могли включаться в термин «ас-сакалиба» и другие неславянские народы (тюрки, немцы).

5) «Сборная» характеристика разных частей славянского мира, отвечающая характеру получения информации о славянах из разных источников в разных концах арабского мира (через Каспий, Кавказ, Византию, Испанию), «обобщающая» теория. В описаниях «славян» используются как данные о вполне стройной государственной системе во главе со «Свет-маликом», которого отождествляют либо со Святополком Великоморавским, либо с титулом «светлый князь». В последнем случае при соотнесении с топонимом «Джарваб» его можно отнести к владыке хорватов. Каких хорватов — вопрос другой[78]. Другой топоним — «Вантит» (есть и другие прочтения) — переносил эту государственную иерархию на Краковскую землю, вятичей и полян.

Ключевым моментом к решению данного вопроса представляется более точное определение времени получения сведений информаторами и Ибн Хордадбеха, и Ибн Русте (в данном контексте несущественно, кто они были — ал-Джарми, по А.П. Новосельцеву, или автор «Анонимной записки», по Т.М. Калининой). Действительно, в этих

сообщениях упоминаются печенеги как соседи славян. Если исходить из датировок обоих предлагаемых протографов, этого народа в Северном Причерноморье быть еще никак не могло (дата его расселения здесь варьируется в пределах 889–895 гг.). О версии А.П. Новосельцева уже говорилось, а вот мнение Т.М. Калининой: «Прежде всего, для времени написания „Анонимной записки“ пребывание печенегов в Причерноморье кажется еще невозможным» (Калинина, 1994. С. 223). В таком случае под терминами «славяне», по-видимому, должны были, хотя бы частично, скрываться славяне восточные («10 дней пути» от Волги, то есть 300–400 км), тогда у западной границы печенегов могли проходить только пределы северян или, что более вероятно — вятичей («Вантит»)[79].

В этом случае другой географический ориентир — Хордаб («Джарваб») находится по другую сторону земель восточных славян — в Карпатах, а антропоним Свт.м.л.к. (в случае его прочтения как «Святополк») ведет к западным славянам. Столицей последнего назван Джарваб, и в случае «объединительного» толкования термина «славяне» мы имеем обширную супердержаву от Чехии до Хазарии.

Автор отнюдь не является сторонником такого слишком гипотетичного «панславистского» образования, однако не может не отметить соблазнительность сопоставления с сообщением особняком стоящего автора середины X в. — ал-Масуди о «былом славянском единстве» Валинане. Этнонимически территориальная близость последней с Джарвабом 1-й традиции настолько очевидна (хорваты и волыняне), что заставляет задуматься о допустимости существования надплеменного славянского образования IX в. с центром именно в Прикарпатье и на Волыни.

Сведение воедино Святополка Великоморавского, Джарваба и Вантита в таком случае является искусственным, литературным соединением трех примерно синхронных реалий славянского мира. Впрочем, относительно Святополка, при всей предпочтительности этой трактовки «Свт. м. л.к. а», остается одно сомнение.

Если работы не только Ибн Русте, но и всей 1-й традиции, включая Ибн Хордадбеха (дата его записей либо 60–70-е гг. IX в., либо — два варианта «издания» — 846–847 гг. и 885–886 гг.), восходят к еще более ранней «Анонимной записке», не говоря уже о версии А.П. Новосельцева, относящего весь этот круг сведений к середине IX в., то годы правления Святополка (870–894) никак не стыкуются не только с описываемыми реалиями, но даже и со временем составления самих литературных протографов произведений 1-й традиции. Недаром не только советские (А.П. Новосельцев, Б.А. Рыбаков и др.), но и некоторые польские исследователи считают возможным видеть в «Свт. мл.к. е» все же не имя собственное, а титул («светлый», «святой» правитель). Либо речь идет не о Святополке, либо что-то не так с определением Источниковой базы работы Ибн Русте и его последователей. Поскольку

у нас нет никаких ни оснований, ни прав сомневаться в источниковедческом анализе, проведенном различными востоковедами с аналогичным в целом результатом, приходится считать более верной на данном этапе исследований все же версию о титуле, а не имени правителя. Последнее отнюдь не отрицает возможности отождествления арабскими авторами конца IX–X в. зафиксированного в более ранних источниках титула с уже известным им от новых информаторов личным именем великоморавского князя.

К этому склоняет также упоминание двумя независимыми и от восточных, и друг от друга источниками (правда, более поздними, середины X в.) самостоятельной, обладающей князьями «Великой», или «Белой», «Хорватии» на границе западно— и восточнославянского миров (Константин Багрянородный и сведения о миссии Адальберта на Руси в немецких латиноязычных источниках). Константин указывает на местоположение Хорватии или у границ франков, или прямо под властью Оттона, в соседстве с некрещеными сербами. С другой стороны, она в хороших отношениях с венграми, доступна для грабежей печенегов и связана с Черным морем, хотя и не относится к числу «пактиотов» Росии. Противоречит «чешской» версии отождествление Хорватии (Белой) и прямое указание на ее язычество (чем оно продиктовано — другое дело, но контекст именно такой). На это указывает и другой источник (Бруно Кверфуртский), называя князя «хорватов» по имени Славник (в Чехии был Болеслав). В 961 г. он являлся христианином, находясь в родстве с Оттоном (Акимова, 1991. С. 371).

По нашему мнению, вариант может быть только один — Зличанское княжество, объединявшее несколько племен Восточной Богемии, Моравии, Словакии, во главе с известными и в Чехии хорватами и династией Славниковцев, крестившихся где-то в середине X в. Это, конечно, гипотетическое построение, особенно если включить сюда и карпатских хорватов (печенеги, Черное море). Но если и говорить о сознательном замалчивании такого государственного образования, то оно как раз может подойти к «Великой Хорватии» (Зличанскому княжеству), уничтоженной соседями (Чехией, Польшей и Русью) в 90-х гг. X в.

Вспомним, с другой стороны, более поздние тесные связи Галицких земель именно с Венгрией и претензии королей последней на власть над ними. Лишь в этом случае данные восточных, немецких и византийских источников не противоречат друг другу. Этому не противоречит и версия о смене при Болеславе I природно-родовых князей в «зличанской» части «Белой Хорватии» на представителей чешской «большой дружины» (Жемличка, Марсина, 1991. С. 169). В концепции «поэтапного перехода» логичной выглядит не ликвидация «поста» сразу, а сначала замена занимавших его лиц на не имеющих местных корней и связей, а лишь затем уничтожение и их вместе с

«постом» (убийство Слав-никовцев в 995 г.). За два года до этого Владимир Святой покоряет карпатскую часть «Белой Хорватии», еще ранее отсеченную от «зличанской» венгерскими, чешскими и польскими владениями. «Мост» между двумя Хорватиями возможен лишь в первой половине X в., до завоевания Болеславом Малой Польши. Впрочем, реконструируемое для X в. одно или два княжества «Белой Хорватии» лишь с очень большой степенью осторожности можно ретроспективно сопоставлять с реалиями середины IX в., описываемыми восточными источниками 1-й традиции (Хордаб, Свт. мл.к.). Ее дополняет «Иосиппон», также упоминающий хорватов для этого времени (Петрухин, 1997. С. 39). Однако и отбрасывать безоговорочно теорию о карпатской, или «Великой», более обширной Хорватии, созданную Л. Нидерле (1910) и развитую некоторыми чешскими и польскими историками (Dwornik, 1949; Gaczynski, 1968), источники вряд ли позволят. В то же время нет сомнений и в реальности «чешской» Хорватии Славниковцев (о ней говорят юридические акты, в частности грамоты Пражской епархии 1086 г.), однако отождествлять с ней все Чешское государство (Lowmianski, 1953. S. 163–168) или делать его дуалистическим (чешско-хорватским) можно лишь с очень малой долей вероятия.

Но как бы ни решался вопрос об этнотерриториальной принадлежности этой обладавшей развитой государственной организацией и полным суверенитетом части «славян», в источниках 1-й традиции отчетливо прослеживаются сведения о другой их группе. Эта часть подвергается набегам русов на кораблях, становясь их рабами, и, вероятно, именно в их землю ходят русы отрядами в 100–200 человек (по ал-Ма-суди, экипаж одного-двух кораблей). Речь идет, скорее всего, не о подданных Свт.м.л.к., кем бы он ни был, так как тот сам собирал дань со своей страны и обладал хорошо вооруженной дружиной. Кроме того, корабли русов просто не могли бы попасть ни в Прикарпатье, ни в Моравию, ни в горную Хорватию на Балканах (побережье Адриатики не в счет, так как нападения проходили по рекам, а пленных продавали на Волге — в Болгарии или Хазарии, см.: Новосельцев, 1965. С. 397).

К первой группе славян можно отнести если и не полностью Великую Моравию, то сферу ее влияния (Карпатская Хорватия), а ко второй — разрозненные и не обязательно только славянские племена Севера[80] Восточной Европы, предположительно, вдоль Волжского пути. При дифференцированном понимании сводных данных о «славянах» источников 1-й традиции «Вантит» может стать обозначением еще одной (условно — третьей) группы этого народа, наиболее близкой к печенегам.

При соотнесении с исторической реальностью в первой модели за термином «русы» теоретически могут скрываться франки, фризы, датчане, восточные славяне и часть западных славян (например,

поморская ветвь). Во второй модели «русами» может оказаться либо часть восточных славян, либо неславянский народ, живший или активно действовавший в Восточной Европе. В третьей — русы идентичны большинству восточных славян или вообще народов, входящих в состав «государства русов». Четвертая модель фактически исключает русов из числа автохтонов Восточной Европы или соотносит их с народом, не входящим в указанный список (например, балтами).

Возможно построение и других вариантов моделей «разнесения» русов по разным концам Восточной, Центральной и Северной Европы, однако из 11 приведенных вариантов более половины противоречат основному выводу контент-анализа: русы и славяне — разные, но тесно связанные народы, причем в политическом (но не социальном) плане славяне (по крайней мере, их часть) выше русов. Рассмотрение степени вероятности реального существования вышеуказанных моделей имеет смысл только при сопоставлении данных, полученных при контент-анализе восточных источников, с другими видами источников. Предварительно же представляется, что более всего не противоречит ни данным восточных авторов, ни европейским историческим реалиям модель 2, вариант 2.

Б) «Болгарский след» в «Сказании о Вещем Олеге»

Князь Олег Вещий является одной из самых спорных фигур древней русской истории. Так, он не упоминается в византийских источниках, хотя часть его деяний непосредственно касалась Царьграда — столицы империи. Деятельность таких правителей Руси, как Игорь, Ольга, Святослав и даже (косвенно) Аскольд и Дир, нашла в произведениях византийцев достаточно адекватное отражение. Кроме того, Олег отсутствует в первоначальной генеалогии русских князей, установленной в древнейшем из сохранившихся оригинальных русских текстов — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Не исключена, конечно, возможность тенденциозного искажения источников, связанного с сознательным замалчиванием византийскими хрониками — Симеоном Логофетом и в первую очередь Григорием Амартолом — позорных для своей страны страниц истории. Однако в целом такое явление не является характерным как для византийской исторической мысли, так и для хроник и летописей как особого жанра произведений. Действительно, военные события 860–867 гг. (предполагаемый поход и «первое крещение Руси» при Аскольде и Дире), 941 г. (разгром русского флота при Игоре) и 967–971 гг. (походы Святослава) в итоге закончились благоприятно для Византии и, естественно, попали на страницы ее исторических и иных произведений. Тем не менее в них были отражены проигранные «ромеями» битвы при Булгарофиге (897 г.) и Ахелое (917 г.) и даже такой позорный для них факт, как практическая капитуляция перед Симеоном Великим в 913 г. и признание за ним титула «василевса болгар».

Что же касается «Слова», написанного, безусловно, информированным и компетентным автором, старавшимся возвеличить и удревнить род крестителя, «апостола» Руси — «кагана нашей земли Володимера», то объяснить отсутствие в нем такого выигрышного персонажа, как Вещий Олег, еще более сложно. Предположить незнание Иларионом генеалогической традиции, дружинных сказаний и легенд, явно бытовавших в окружении Ярослава Мудрого в 30–40-х гг. XI в. (именно тогда создавалось «Слово»), вряд ли продуктивно. Отсюда следует, что если Олег все же был, то он отнюдь не был столь «велик», как следует из более поздней версии «Повести временных лет».

Олег явно не был общерусским правителем, получившим (по Илариону) титул «кагана», который у тюрок равен императорскому. Во всяком случае, судя по данным Илариона, первым общерусским князем был Игорь, а «каганом» — Владимир. Отсюда следует, что если Олег и существовал, то он был одним из многочисленных князей-конунгов или даже воевод-жупанов («супанеджей») (Ибн Руста, 1985) или «заместителей» — военачальников, недостойных упоминания.

В итоге со времен А.А. Шахматова утвердилось гиперкритическое направление интерпретации образа Вещего Олега, когда он стал считаться целиком плодом литературного творчества Нестора. Единственными реалиями в описании приписываемых ему деяний считаются его поход на Византию 907 г. и договор 911 г. (как считают, извлеченный из архивных хранилищ только в начале XII в.). Как абсолютно легендарные расцениваются эпизоды, связанные с пророчеством, конем и змеей. Эти эпизоды стали представляться как реминисценции «бродячих сюжетов» скандинавского эпоса (Sten-der-Petersen, 1953) и сравниваться с конкретными образами саг, в частности Орваром-Оддом, принявшим смерть от змеи, выползшей из конского черепа (Рыдзевская, 19786).

К этому можно добавить также общее скандинаво-эпическое «обрамление» и лексику сказания о Вещем Олеге. Имеется в виду щит, помещенный на возвышенном месте как символ вражды, победы и господства. Смерть от змеи встречается в саге об еще одном возможном прототипе образа Вещего Олега — конунге Олаве (Оли) Трюггвасоне. Метафорически «змеи битвы» — это мечи, от которых погибают эпические герои. Находят свое объяснение в образном языке скандинавского эпоса и эпизоды с кораблями на колесах, используемыми как «кони» — сухопутный транспорт, и смерть от коня. Корабли — это «кони пены», и в морских сражениях герои погибают как на них, так и от них. В некоторых случаях этот «конь воды» носит и личное имя — «Змея», прыгнув с борта которого погибает Олав (Оли) Трюггвасон (Снорри Стурлусон, 1980).

Но скандинавским является именно «обрамление», внешний антураж сказания, однако его ядро, событийный ряд, должен иметь реальную подоснову, хотя и не обязательно связанную именно с неким

князем Олегом. Так, еще М.Ю. Брайчевский, считая и поход, и договор реальностью, относил их не к Олегу, а к Аскольду и датировал не 907 и 911 гг., а 860, 863 и 874 гг. (Брайчевский, 1978). Некоторые из авторов, расценивая сам договор 911 г. как имевший место, не связывают его с Вещим Олегом (Франклин, Шепард, 2000). Необходимо также отметить многолетнюю, но малопродуктивную дискуссию о степени подлинности договоров 907 г. и 911 г. (Сахаров, 1980).

Как бы завершая эту дискуссию, описавший ее ход А.Н. Сахаров приходит к выводу об абсолютной достоверности всего: и обоих договоров, и предшествующего им подхода, и последующих событий жизни реального князя Олега. Но это сейчас единственный, хотя и весьма весомый, голос в пользу именно такой трактовки событий, отрицающий всякие ирреальные влияния на образ действительного персонажа. Скорее всего, можно говорить о тенденции найти объяснение тем или иным аспектам похода и договоров Олега не в реалиях или в пределах исторической логики, а в конкретных литературно-фольклорных источниках «сказания о Вещем Олеге».

В.Я. Петрухин, не оспаривая подлинности обоих договоров (но не их дат и контаминированности именно с Олегом), ставит под сомнение стержневой мотив похода — список его участников. Он считает, что этот список продиктован автору текста «Повести временных лет» (ПВЛ) желанием указать на все подвластные Олегу племена — как относимые к «руси», так и иные славянские (Петрухин, 19956; Петрухин, Раевский, 2004).

Имеют место покушения и на саму «священную корову» — основной текст договора 911 г., который наряду с документом 944 г. отражает «искусственную», «мнимую… правовую реальность» (Никольский, 2002. С. 172–173).

С другой стороны, неопровержимо доказана подлинность греческого прототипа по крайней мере одного из договоров руси с греками в X в. «Сравнение русско-византийских договоров с теми соглашениями, которые Византия в XI–XII вв. заключила с городами-государствами Италии, показало, что русско-византийские договоры имеют ту же или почти ту же структуру, что и итало-византийские. Мало этого, их лексика (то есть терминология и стандартные дипломатические обороты) почти полностью тождественна с лексикой итальянских документов» (Малингуди, 1996).

Как показывает компаративный контент-анализ не основной, содержательно-правовой части договоров 907, 911–912 и 944 гг., а их преамбул («именника» послов князей и купцов, уполномоченных их заключать), оригинальными являются тексты 907 и 944 гг., а список имен 911–912 гг. представляется творческой компиляцией первых двух (Шинаков, 2002 а). Это лишнее доказательство специального включения автором начала XII в. событий начала X в. в летопись с целью подпереть «снизу» правление Игоря Старого, перекинув мостик

между ним и легендарным (но вполне, вероятно, имевшим реальный прототип) Рюриком.

Вспомним о том, что именно личности Игоря и отчасти Дира, с которыми безусловно или хотя бы с большой натяжкой, но все же можно связать договоры 907 и 944 гг. (несколько удревнив первый), упоминаются не только русскими, но византийскими и «восточными» (ал-Масуди) источниками. На этом фоне предполагаемая «реконструкция» договора 911–912 гг. ложится в концепцию искусственного воссоздания образа и деятельности такого «культурного героя», как Вещий Олег.

Если еще первые и последние годы его легендарного правления в своем образно-описательном антураже укладываются в рамки дружинно-героического (прежде всего скандинавского) эпоса, то центральный эпизод — поход и договоры, по сути, не могли быть «эпической правдой, правдой скальдической поэзии и саг», ибо в этом случае «измысленным», ложным должен был быть сам факт (Мельникова, Глазырина, Джаксон, 1985). Детали и антураж могли быть выдуманы, взяты откуда-то и приукрашены, но само событие такого масштаба не могло быть просто придумано. Источники текста договора 911–912 гг. (если он все же «мнимая реальность») ясны, но откуда могло взяться само упоминание о походе? И здесь мы должны обратиться к тому пласту источников, к тем элементам «сказания о Вещем Олеге», которые находят объяснение только в болгароправославной традиции.

Возможны два варианта реалий и два же варианта их отражения в двух типах источников, которыми могли воспользоваться летописцы конца XI — начала XII в. Первый вариант реалий: участие какого-либо отряда русов (на кораблях?) в одном из походов Симеона Великого на Византию в конце XI — первой четверти X в.

Отрицая сам масштабный поход Олега на Царьград, М.С. Грушевский считал возможными небольшие нападения русских ратей на Византию в начале X в., результатом чего стал выгодный для Руси договор 907 г. (Грушевский, 1904). А.Н. Сахаров допускает возможность русско-болгарского тайного военного сотрудничества в период болгаро-византийского мира 904–913 гг. (Сахаров, 1980). Впрочем, данная гипотеза не объясняет главного — полного умолчания в византийских источниках о каком-либо русском походе в указанные годы. Поэтому более приемлемым представляется не тайное содействие Симеона русскому набегу на Царьград в годы болгаро-византийского мира, а тайное (или, во всяком случае, не афишируемое) участие русских в одном из его походов на Византию, скорее всего, в 913 г. Но почему именно 913 г., а не более ранняя или поздняя победа болгар (PoiUyapoi) над ромеями? Во-первых, только в событиях 913 г. фигурирует важнейший эпизод событий 907 и 911 гг. — переговоры под стенами Константинополя и заключение договора. Во-вторых, русскому

летописцу был известен (или, во всяком случае, нашел отражение в тексте летописи) именно поход 913 г. (правда, под 914 г.): «В то же [лето] приде Симеонъ Болгарьскай на Царьгра[д] и сотворить миръ и прииде во своаси». Сражения же под Булгарофигом и Ахелоем в русских летописях не упоминаются. В-третьих, хронологически договор Симеона Великого с византийским правительством Николая Мистика наиболее близок к воспроизводимому летописцем договору «руси с греками» 911–912 гг.

Узнать об этих событиях составители «Начального свода» и ПВЛ могли как из византийских источников, так и, скорее всего, из хотя и не сохранившихся, но, судя по многим фактам, вполне реальных болгарских источников X в. Кроме того, эти источники были хорошо известны и использовались в Древней Руси (Горина, 1991).

Первый аргумент в пользу наличия болгарского элемента в формировании образа Олега — сравнение его со святым Дмитрием Солунским. Сам тип сравнения героя с богом, сакрализация его образа, типичен для языческого эпического мировоззрения. Так, возможно, одна из скандинавских ипостасей Вещего Олега — конунг Хельги, убийца Хундинга, — сравнивается с самим Одином (Вторая песнь о Хельги, 1975). Однако помощь святых воинам характерна и для болгарской раннехристианской литературы. Например, в «Сказании о железном кресте» воин чуть не погибает от коня, сломавшего ногу, и лишь помощь железного креста и святого Георгия спасает его от гибели и помогает болгарам одержать победу над язычниками — венграми (Ангелов, 1978). «Железный крест… воплощает собой покровительство Христа и Георгия болгарам» (Турилов, 1996). Явно южнославянские элементы имеет известное на Руси «Сказание инока Христодула» (по мнению А.А. Турилова, оно переведено с греческого на болгарский язык в первой четверти — второй трети X в., см.: Турилов, 1996), где фигурирует Георгий Болгарин, святой Николай и Пресвятая Богородица как покровители славян.

В этой связи абсолютно неудивительным являлось бы сравнение главного героя со святым Дмитрием Солунским, если бы оно было взято из южнославянского христианского произведения.

Характерны мотивы гибели от коня (правда, несостоявшейся) и пророчества (но не о смерти, а о победах и величии князя Симеона) в «Сказании о железном кресте», а также ритуализированная, отраженная в охранительных обрядах, почти мистическая боязнь змей у болгар[81]. Встречается в болгарской дипломатической практике (однако языческой) и мотив клятвы на оружии (Златарский, 1907; Тихомиров, 1947), как в «Сказании о Вещем Олеге».

Отдельный вопрос — о самом имени данного «культурного героя». Вне всякого сомнения, среди русских князей и воевод конца IX — середины X в. мог встретиться человек, и не один, с таким именем, поэтому вовсе не обязательна его контаминация именно со

скандинавским «Хельги» («Святой»), героем нескольких песен «Старшей Эдды». Ничем не хуже и Олав (Оли) Трюггвасон, возможно внесший свой вклад в окончательное оформление образа. Тем не менее единственным реальным, а не литературно-фольклорным прототипом Вещего Олега представляется все же царь или воевода («мелек») русов Х-л-гв (Хелгу), упомянутый в «Документе Шехтера» (Голб, Прицак, 2003) среди событий, связанных, вероятно, с неудачным, отраженным в византийских источниках под 941 г., походом Игоря на Византию. В Новгородской Первой летописи (НПЛ), отразившей, по мнению А.А. Шахматова, реалии «Начального свода», оба похода (неудачный и удачный) тесно увязаны не только хронологически (920 и 922 гг.) и текстуально, но и причинно. В этом случае удачный поход Игоря и Олега (922 г.) хронологически сближается с событиями, описанными в «Документе Шехтера». Это позволяет предположить существование в 20–40-х гг. X в. некоего воеводы князя Игоря (по НПЛ) или одного из «русских князей» того времени (только по договору этого князя «с греками» их было не меньше 20, см.: Шинаков, 2002а) по имени Олег или близкого к нему по звучанию. Именно он мог стать одним из реальных прототипов образа «Вещего Олега». При этом само имя Олег может иметь иное происхождение. Если принять за основу описания его похода на Царьград именно один из походов болгар Симеона Великого (например, 913 г.), то в источниках на греческом языке причиной возникновения этого имени мог стать сам этноним, в русской транскрипции звучащий как «Волга рой», прочитанный как имя князя — «Волга», а может, и с дополнением — «рой», схожий с написанием этнонима «Рос». Если же допустить использование летописцем некоего болгарского источника (например, весьма вероятного «Хронографа» Георгия Мниха), то легко объясняется для Симеона Великого титул «великий князь», представляющийся для некоторых историков сомнительным по отношению к русским князьям не только X в., но и XI в. (Малингуди, 1996). Вспомним, что если на Руси князья этого времени имели греческий титул «архонт», то Святослав во время пребывания в Болгарии — катархонт, то есть «князь князей», по сути — великий князь (Лев Диакон, 1991).

Надо отметить, что появляются (правда, в околонаучной литературе) и прямо болгарские версии происхождения имени Олег от староболгарского «Олгу» — «великий». В связи с возможным существованием источника о походе Симеона Великого на болгарском языке в русском прочтении его титул (если только он мог существовать в таком звучании) отделяется от имени — и появляется «новый» князь, так необходимый для ликвидации хронологической лакуны в генеалогической легенде Рюриковичей. Контаминация этого имени-титула с распространенными эпитетами легендарных конунгов — героев эпоса («великий духом», «величайший воин», «лучший под

солнцем», «возвышенный среди конунгов») отнюдь не противоречит данной версии.

В) Х-л-гв, Олег Вещий и другие: сравнительный контент-анализ образов

Древнерусский дружинный эпос, отраженный как в некоторых летописных сказаниях (об Олеге, Ольге, крещении Руси и т. д.), так и в более позднем не только русском былинном эпосе, но скандинавской скальдической поэзии и еще более поздних сагах (Maziarz, 2005), имеет далеко не только славянское происхождение. И дело здесь не только в общей русско-скандинавской «творческой кухне» при дворе Ярослава Мудрого, когда создавались и записывались первые русские летописные образы и параллельно — скандинавского эпоса (Шинаков, 2009а), но и во влиянии на эту «кухню» византийской, болгарской (Шинаков, 2006а) и хазарской письменной традиции и фольклора. Последнее доказывается не только использованием первым русским писателем и идеологом митрополитом Иларионом в своей полемике с иудео-хазарскими и византийскими теологами императорского по рангу титула «каган» применительно к верховным правителям Руси, но и поразительным сходством описания процесса «выбора веры» в «Корсунской легенде» и «Ответном письме царя Иосифа». Именно последнему аспекту отчасти посвящен данный раздел нашего исследования, являясь логическим и тематическим продолжением доклада 2007 г. в Государственном Эрмитаже и статьи 2009 г. «Образ Олега Вещего в контексте сопредельных литературно-фольклорных традиций (сравнительно-корреляционный анализ)».

Поскольку при всей собирательности образа Вещего Олега (в предыдущем разделе постулируется его типологическая локализация между образами Ольги, Вольги и Хельги, убийцы Хундинга) такой иногда с ним контаминируемый персонаж «Документа Шехтера», как Х-л-гв (HLGW), не имеет даже минимальной положительной от него зависимости[82], то, естественно, возник интерес к проверке теми же методами корреляционных связей последнего. Х-л-гв при этом может быть единственным реальным, а не литературно-эпическим прототипом «Олегов» ПВЛ и НПЛ, названным по имени (в отличие от безымянных глав провальных походов 920 г. на Царь-град, по НПЛ, и 943 г. — на Бердаа). Известные нам по именам участники событий конца первой половины X в. или имеют собственную летописную «биографию» (Игорь, Свенельд), или они лишь вырисовываются за «летописной строкой» (Улеб) и прототипами Олега быть не могут. Образ Х-л-гв, несмотря на свою относительную историографическую «молодость» (чуть более ста лет), также успел приобрести различную социально-потестарную и личностную атрибуцию, что само по себе тоже требует математической проверки.

Методы использования контент— и корреляционного анализа текстов с аналогичными целями были описаны нами ранее (Шинаков,

2009а), однако для удобства читателя и возможности «на месте» проверить степень корректности методов, их применения и, соответственно, аргументированности выводов, повторим это описание перед новым витком анализа конкретного материала. Подобную ступенчатую методику (сначала — контент-анализ, затем — корреляционный) автор применял для математически выверенного выяснения этнического, социального, политического, культурного и ментального содержания понятия «русы» в восточных источниках и степени его корреляции с понятием «славяне» (Шинаков, 1987в; Шинаков, 2002а. С. 57–65, 138–151; Шинаков, Гурьянов, 2002; Шинаков, 2009б. С. 39–53, 208–211). Позднее тот же метод был применен для выяснения формы (и самого наличия) украинской государственности середины XVII в. (Шинаков, 2006 в. С. 97–107). Для этого сравниваемые и коррелируемые образы были максимально формализованы и методом контент-анализа разбиты на 30 признаков, объединенных в шести категориях, которые внутри себя могут различаться как по конкретному содержанию, так и по «весу». В данном аспекте мы оставили три их значения: 1) признак отсутствует полностью; 2) слабо или косвенно выражен; 3) является весьма весомым. Ранее нами для корреляционного анализа использовался либо дуализм признаков («есть» — «нет»), либо большая их дробность (до пяти значений)[83]. В случае если стыковался признак одинакового «веса» у двух сравниваемых объектов, то в таблицах и при подсчете эта связь обозначалась как «1», если стыковались «сильные» и «слабые» признаки — как «0,5». При суммировании совпадающих признаков (обозначаемых в формуле коэффициента сопряженности «к» как «S») и общего количества признаков, которые присутствовали в формализованном описании каждого из двух сравниваемых объектов («т» и «п»), используется линейная прогрессия. Если в сумме остается значение «0,5», то оно округляется до «1» в сторону увеличения, так как в противном случае при перемножении результатов, по законам математической статистики, произведение оказывается преуменьшенным. Исходная формула k = s/nm неоднократно апробирована в археологоисторических исследованиях, в том числе и автором.

В данном разделе за отправную точку сравнения взят образ Х-л-гу «Документа Шехтера», поскольку, с одной стороны, ранее уже проводилась апробация его контаминированности с Вещим Олегом, особенно из НПЛ. Во-вторых, уже непосредственно автором была предпринята попытка связать его образ с одним из объектов исследования данного раздела книги — князем Улебом из преамбулы договора Игоря с греками. Впервые вводятся в научный оборот и исследуются с помощью контент— и корреляционного анализа реконструируемые по контексту образы предводителей походов на Бердаа 943 г. и на Царьград в 920 г. (по НПЛ). Свенельд добавляется к

объектам компаративного анализа из-за его непосредственной связи с событиями 40-х гг. X в. и высказанным ранее предположением, что именно он возглавлял поход на Бердаа. Также вводится образ Одда Стрелы, сюжетно близкий образу Вещего Олега (по ПВЛ), поскольку он, вероятно, мог бы закрыть выявленную нашими работами 2007–2009 гг. лакуну между образами Олега (по ПВЛ и НПЛ), с одной стороны, и такими эпическими героями, как былинный Вольга и Хельги, убийца Хундига, из «Эдды», коэффициенты сопряженности с которыми хотя и были, но весьма слабые (0,3–0,34), что предполагало возможное наличие «промежуточного звена». Образ Орвара-Одда взят из одноименной саги цикла «Викингских саг о древних временах», созданной, по разным мнениям, не ранее 1265 г., но и не позднее начала XIV в., а записанной в трех редакциях (ранней, промежуточной и пространной) еще позднее — вплоть до XV в. (пространные редакции A и B). При этом в самой ранней, начала XIV в., краткой редакции «S» свои подвиги Орвар-Одд совершал не в Гардарике, как в остальных редакциях, а в «Хуналанде». Поэтому вполне очевидна его возможная про-изводность от ранее проанализированных героев, однако для полноты списка сравниваемых образов внесен и он. С другой стороны, в таблице для корреляционного анализа по этой же причине сохранены образы более поздних реальных князей Всеслава Полоцкого и Олега Святославича II («Гориславича»), летописные записи или устные предания о которых могли в принципе повлиять на некоторые черты не только былинных Вольги и Волха, но и героя летописного «Сказания о Вещем Олеге», но никак не на персонаж хазарского источника — «Документа Шехтера». Однако в связи с тем, что Х-л-гу мог быть одним из реальных прототипов этих эпических героев, то опосредованно, через них, он мог быть контаминирован и с указанными мятежными князьями более поздней эпохи. В итоге в таблицы для сравнения были внесены, с одной стороны, все известные (не всегда по имени) участники событий конца первой и начала второй половины X в. в бассейне Черного моря и Кавказа, с другой — все известные русские и скандинавские летописные и эпические персонажи, чьи имена в какой-то степени могут быть контаминированы с антропонимами Олег и Х-л-гв и чьи реальные или легендарные действия отчасти проходили (или могли проходить) на этих же территориях.

Степень достоверности исследуемых образов зависит, во-первых, от степени достоверности самих документов, в которых они прямо или имплицитно присутствуют. Вряд ли, например, вызывает сомнения текст Ибн Мискавейха, в том числе и с точки зрения датировки событий. Не особенно дискуссионными являются и те пассажи ПВЛ, где упоминается Свенельд. Достоверность договоров с греками (во всяком случае, их содержательной, юридической части) иногда объявляется «мнимой реальностью» (Никольский, 2002), однако это не касается их преамбулы и дипломатического «обрамления», так как они

соответствуют византийской дипломатической практике того времени (Малингуди, 1996). Улеб присутствует именно в этой части договора 944 г., который, как доказывает контент-анализ его преамбулы, является изначальным для всех трех (907, 911, 944 гг.) (Шинаков, 2002а). Во всяком случае, если ставить факт создания этих документов в данные годы под сомнение, то именно этот — в последнюю очередь. Достоверность «Документа Шехтера» и сведений, содержащихся в нем, доказывается в настоящее время текстологически, а также путем сравнительного (с другими документами) комплексного анализа части описываемых в нем фактов.

Что касается достоверности сведений НПЛ и вопроса степени древности их данных в соотношении со сведениями ПВЛ, то это, скорее всего, не отправная точка, а объект и цель в том числе (косвенно) и нашего исследования, хотя автор и имеет свою точку зрения на вопрос о датировке так называемого «Введения» к «Начальному своду», входящему в состав НПЛ (Шинаков, 20026).

Кроме степени достоверности источников, на итоговый результат отбора признаков объекта влияют еще несколько фактов. Это — неравномерность освещения того или иного образа по объему и характеру сведений, что зависело от типа источников и целей их авторов. Так, по Свенельду заполнены 13 признаков, по Улебу — только 5 из 30. Поэтому совпадения могут носить случайный характер, если два разных персонажа описываются по одним и тем же пунктам. Субъективным, зависящим как от степени «прозрачности» источника, так и воли интерпретатора, может быть определение конкретного значения признака и его «веса» (0,5 или 1). Далее — не всегда отсутствие признака в источнике означает отсутствие его в реальности, поэтому мы всегда оперируем именно термином «образ» кого-то, а не «кто-то» как реальный деятель. Добавим, что в некоторых случаях мы вынуждены даже реконструировать сам образ, известный лишь по имени или вообще безымянный, но особенности которого косвенно отразились в тех событиях, в которых он был задействован по источнику (Улеб; глава похода на Царьград 920 г.; предводитель похода на Бердаа 943 г.). Добавим сюда возможность неточности нюансов перевода иностранных средневековых источников, неадекватность понятий и их словесного выражения (терминов), возможные сознательную тенденциозность или добросовестное заблуждение, связанное со способами получения и полнотой информации, авторов источников, их искажения и повреждения при переписке и хранении.

Утешает только предшествующий опыт и… теория математической статистики: «Неизбежные погрешности в первичных данных являются не систематическими, а случайными и независимыми одна от другой…» (Миронов, Степанов, 1975). Вследствие такого их характера, погрешности не суммируются, а уменьшаются. Погрешности с точки

зрения теории вероятностей являются *независимыми, случайными событиями,* а «вероятность совместного наступления любого числа взаимно независимых событий… равна произведению вероятностей этих событий» (Гнеденко, Хинчин, 1964). Вероятность случайных событий должна удовлетворять неравенству $0 < P(A) < 1$ (Кудрявцев, Демидович, 2001). В итоге, например, если каждая из погрешностей равна 0,5, то чем их больше, тем меньше будет их произведение, то есть общая погрешность (0,5 х 0,5 х 0,5 = 0,125).

Тем не менее с целью достижения возможно большей вероятности отсечения случайных связей отстранялись те из них, чей коэффициент сопряженности был меньшим 0,5, а в некоторых случаях (уникальности и значимости связи) — 0,44. Коэффициенты, меньшие этих значений, рассматривались в качестве «дополнительных аргументов», предполагая, скорее всего, наличие между сравниваемыми элементами той или иной пары персонажей существование реального или мифологического переходно-связующего образа или литературно-фольклорного промежуточного звена. Кроме того, эти коэффициенты безусловно учитывались лишь в случаях слабой контаминации с образами «Вещих Олегов» из НПЛ и ПВЛ, так как эти образы не имеют значимых связей и в «новой» группе сравниваемых персонажей.

Однако даже при наличии безусловно положительных связей по комплексу признаков (не говоря уже о менее значимых иногда учитываемых связях с коэффициентами свыше 0,29), желательно определять их причину.

Среди таковых могут быть: реальная контаминация образов (то есть речь идет об одном лице); совпадение стереотипов описания или самого типажа образов; взаимосвязь образов, отражающая участие их прототипов (разных) в одних и тех же событиях и их реальное однонаправленное взаимодействие; заимствование мифологических и литературных приемов, использованных при описании одного образа для создания другого; совпадение черт характера и стереотипов поведения в схожих обстоятельствах реальных (или легендарных) прототипов образов.

Нами проводятся два уровня сравнений. Первый — определение степени взаимосвязи «новых» персонажей (возможного, реконструируемого по тексту НПЛ, главы неудачного похода на Царьград в 920 г.; анонимного предводителя похода на Бердаа, образ которого гипотетически реконструируется по произведению Ибн Мискавейха; воеводы Свенельда, реального участника событий 940 г.; князя Улеба, виртуально — он представлен своей женой Сфандрой — присутствовавшего в договоре 944 г. с Византией; Орвара-Одда) с каждым из 11 «героев» проанализированной в предшествующем разделе книги «старой» группы, начиная с Х-л-гв.

Второй уровень — сравнение искомого образа Х-л-гв (HLGW) «Документа Шехтера» с каждым из возможных претендентов на то,

чтобы быть его реальным прототипом, нашедшим отражение в иных вышеперечисленных источниках, а также каждого элемента полученной группы образов «обратно» с главным персонажем — Вещим Олегом из НПЛ и ПВЛ.

Безусловно значимые связи между «новой» и «старой» группами образов прослеживаются в следующих парах. Для «предводителя похода на Бердаа» корреляция существует с образами Вольги и Ольги, причем с последней — даже больше (0,62), чем между Ольгой и Вольгой в «старой» группе (к = 0,53). Свенельд имеет связь с другим родственным Вольте былинным героем — Волхом (к = 0,51). С учетом очень высокой связи последних двух героев (к = 0,92), можно предположить, что эта пара имела двух реальных предшественников — «героя Бердаа» и Свенельда, но восприняла разные черты последних, объединенные лишь совместным участием в тех же или схожих событиях. Это, кстати, косвенно доказывается и одинаковым (не положительным, но близким к нему) коэффициентом сопряженности (0,38–0,39) между «предводителем похода на Бердаа» и Волхом, с одной стороны, Свенельдом и Вольгой — с другой. При этом прямая контаминация образов «предводителя» и Свенельда отсутствует, хотя жили и действовали они в одно и то же время.

Вторая связь Свенельда — с Олегом Святославичем II («Гориславичем») (к = 0,74) — носит хотя и неслучайный, но вторичный характер (не говорит о контаминации реальных прототипов двух образов). Скорее всего, речь идет о литературных стереотипах описания не слишком идеального героя, авантюриста и маргинала, а также схожих мотивах сюжета (поражения, месть).

Однако этим абсолютно положительные связи исчерпываются. Как мы видим, с образом Вещего Олега (из ПВЛ и НПЛ) ни у кого из «новой» группы контаминации нет. Лишь у виртуального «главы похода 920 г.» наблюдается весьма близкий к значимому коэффициент сопряженности (0,44)[84] с образом Олега из одного с ним источника (НПЛ), как и у Одда Стрелы чуть больший (0,46) коэффициент сопряженности наблюдается с Олегом из ПВЛ. Абсолютно никаких положительных связей с образами «старой» группы не имеет Улеб. Исключение, да и то не полностью положительное (к = 0,45), представляет его корреляция с «аутсайдером» «старой» группы (в которой главной целью исследования было определение степени связи девяти разных персонажей с образами двух Олегов) — Х-л-гв. В «новой» группе именно этот персонаж из «Документа Шехтера» является исходным, ключевым и искомым одновременно.

В «новой» группе Х-л-гв имеет самый высокий (и единственно абсолютно положительный) коэффициент сопряженности с «предводителем похода на Бердаа», близкие к положительным значения коэффициента (0,44 и 0,45) — с «главой похода 920 г.» и (единственный случай для последнего) с Улебом. Нет даже близко

положительной связи лишь со Свенельдом (с точки зрения контаминации реалий, это и понятно — Свенельд никак не мог погибнуть при событиях середины X в., как это произошло с Х-л-гв, так как он действует значительно позднее).

Самый высокий коэффициент сопряженности (0,8) объединяет «предводителя похода на Бердаа» и «главу похода 920 г.». Свенельд связан с обоими образами, но с «предводителем» чуть больше, чем с «главой» (соответственно, к = 0,64 и 0,52). Улеб не контаминируется ни с кем, кроме самого Х-л-гв, как уже говорилось.

Итак, на крайних полюсах «новой» группы оказываются Свенельд и Улеб, персонажи одного источника — ПВЛ. Правда, Улеб входит в состав вставного «договора Игоря с греками», но оба героя «создавались» (или вписывались) в окончательном варианте в одно время и одним автором (или авторами), что исключает игнорирование в тексте связи между этими персонажами, если бы таковая была в реальности. И Свенельд, и Х-л-гв связаны, но как бы с разных сторон, и с «предводителем похода на Бердаа», и с «главой похода 920 г.», что предполагает как один из предпочтительных вариантов расшифровки связей их участие в обеих этих акциях. «Документ Шехтера», впрочем, почти однозначно свидетельствует об этом для Х-л-гв, и есть косвенные, но весомые аргументы в пользу участия Свенельда, по крайней мере, в одной из них — походе на Бердаа 943 г. (или 945 г.)[85].

Если допустить (а это вполне логично), что и в «Документе Шехтера», и в летописной статье НПЛ 920 г. речь идет об одном событии — неудачном походе на Царьград, датируемом ПВЛ, вслед за византийскими источниками, 941 г., то с ним и хронологически, и текстуально, и функционально контаминируются и последующие события. Это и гибель Х-л-гв в «Фарсе», и лишь отчасти удачный поход на Бердаа (по Ибн Мискавейху), и обогащение воеводы Свенельда и его дружинников в конце 944 г., и непонятное замещение в договоре 944 г. князя Улеба его женой (но не вдовой!) Сфандрой. В данном контексте можно предположить, что она узнала о своем «вдовьем статусе» лишь после возвращения из-под Бердаа части войска Улеба во главе, например, со Свенельдом. После гибели большей части этого отряда и под Бердаа, и в Хазарии доля добычи уцелевших могла стать еще большей. Договор же с греками заключался до возвращения этого войска, поэтому в преамбуле нет имени воеводы Свенельда, а статус Сфандры, жены Улеба, еще не вдовий.

Но это только предположение. Прямые же выводы из корреляционного анализа образов «новой» группы могут звучать так. Улеб и «предводитель похода на Бердаа» связаны, но через образ Х-л-гв. Х-л-гв и Свенельд связаны, но через «предводителя похода на Бердаа». Поэтому Улеб никак не может быть Свенельдом, что было ясно и на основе иных выкладок. В 944 г. при подписании договора отсутствуют оба. И Улеб, и Х-л-гв — правители (князь и «каган»),

Свенельд — «воевода». Оба могут быть участниками и неудачного похода на Царьград, и на Бердаа (отсюда контаминация обоих персонажей), но раздельно, как бы с разных сторон — и с «предводителем (Бердаа)», и с «главой (Царьград)» этих мероприятий. Из этих двух посылок нельзя исключить, что Свенельд мог быть воеводой и Улеба, и Х-л-гв, погибших в походе. Отсюда с наибольшей очевидностью вытекает вывод: Х-л-гв и Улеб — одно лицо, как и предполагал ранее автор, правда еще без математической поддержки.

Почему Свенельд не поделился добычей с Игорем, вынудив последнего попытаться собрать двойную дань с древлян? Предположим, что Игорь — не его князь. И здесь снова всплывает гипотеза об отдельных «черниговских династиях», впервые выдвинутая чернигово-петербургским ученым Ю.Ю. Шевченко и его коллегами (Уманец, Шевченко, 1997. С. 65–66; Новик, Шевченко, 1995. С. 96–100). Так, Свенельд не помогает Ольге подавить древлянское восстание (на его месте — воевода Асмуд). К выгодному же предприятию Святослава на Балканах могли присоединиться многие русские князья и их воеводы, в том числе и Свенельд. Нельзя исключать возможность того, что Чернигов мог быть покорен Святославом во время одного из его ранних походов.

«Олеги Вещие» (и то только один, из НПЛ) связаны (к = 0,44) только с «главой похода 920 г.», как уже говорилось ранее. Может быть, хотя и весьма маловероятно, что одним из реальных прототипов легендарного Олега мог быть Х-л-гв — Улеб. «Летописными» же и «былинными» персонажами, гносеологически в очень малой степени контаминированными с образами «Олегов», как доказано нами на основе тех же методов в предыдущем разделе, были образы Ольги, Вольги, Хельги, убийцы Хундинга, а также (и гораздо сильнее, коэффициент сопряженности — 0,46) такой «новый» персонаж из саг, как Одд Стрела.

С этим тройственным ядром «старой» группы (Ольга, Вольга, Хельги) представители «новой» имеют положительную связь через образы Ольги (к = 0,62) и былинного Вольги (к = 0,54), причем непосредственно контаминирован с ними «предводитель похода на Бердаа». В итоге можно на основе корреляционного анализа образов констатировать следующее:

1. С Х-л-гв наиболее тесно связаны действием или «происхождением» вполне реальные деятели — участники событий, во всех из которых (прямо или с большой долей вероятия) был задействован и герой «Документа Шехтера». С одной стороны, это образы достоверных или предположительных князей — Улеб, а также предводители похода 920 г. на Царьград (по НПЛ) и на Бердаа 943 г. С другой — воевода Свенельд, что говорит о нем как об участнике и «соруководителе» этих походов. Кстати, пока не находит удовлетворительного объяснения сильная (0,74) связь образа этого

воеводы с самым беспокойным князем Древней Руси — Олегом Святославичем II («Гориславичем»), разве что посредством театра активности последнего — Тамань, Византия и Чернигов

2. К этой группе восходят такие образы, как Вольга «Святославович» («Буславьевич» в другой версии — новгородская инновация, как и титул «атаман», явно связанный с ушкуйниками или казаками) и Хельги, сын Хьерварда, а с последними контаминированы, в свою очередь, Волх Всеславьевич и Хельги, убийца Хундинга. Кстати, с летописным Всеславом Полоцким у Волха, кроме отчества, никаких связей не наблюдается. И это неудивительно, ведь князем-оборотнем Всеслав назван не в летописи, а в «Слове о полку Игореве». В этой связи вполне объяснимыми становятся захваты обоими былинными героями явно мусульманских или восточных городов («турец-земли», «Турец-сантала», «Индейского царства»), а для Волха и его дружины — даже желание обосноваться во взятом городе, перебив его мужчин и женившись на женщинах (прямая реминисценция на действия русов в Бердаа). Впрочем, нельзя здесь исключать и взятия Святославом хазарских городов, и попытки обосноваться в Болгарии. В этой связи, объяснима хоть и минимально, но все же положительная связь (0,51) образов Волха и Свенельда, реального участника всех походов Святослава. Менее понятен высокий коэффициент сопряженности между образами «предводителя похода на Бердаа» и княгини Ольги (0,62). Если положительные (хотя и не высокие, а то и «околоположительные») коэффициенты между ее образом и несколькими литературно-эпическими персонажами русских летописей, скандинавских саг и «Эдды» можно связать с влиянием на них богатых литературных образов, приемов и сюжетных линий «сказания о княгине Ольге», явно хорошо известных не только на Руси, но и в Скандинавии (нельзя исключать, с учетом «общей творческой кухни», и случайные совпадения), то здесь этого быть не могло

Таблица 1

Список признаков и категорий сравнения

Категория	Тип
I. Обстоятельства личной жизни	1 — рождение
	2 — происхождение
	3 — взросление
	4 — женитьба, замужество, гендерный аспект
	5 — смерть, погребение
II. Военный аспект	6 — подбор дружины, сбор войска
	7 — объединение земель
	8 — оборона
	9 — взятие города хитростью
	10 — разгром, поражение «своих»
	11 — поход
	12 — служба иностранным государям
III. Иные виды деятельности	13 — борьба за веру
	14 — борьба с колдовством
	15 — культурная, политическая, организаторская деятельность
IV. Личностные качества и мотивации	16 — жестокость к врагам
	17 — щедрость (мотив раздела добычи)
	18 — мотив мести
V. Религиозно-мистический аспект	19 — мотив колдовства, пророчества
	20 — оборотничество
	21 — сравнение героя с богами и святыми
VI. Внешняя атрибутика, художественные приемы	22 — сюжеты со «змеем», связанные с рождением
	23 — сюжеты со «змеем», связанные со смертью
	24 — иные сюжеты со «змеем»
	25 — связь мотива «ноги» с рождением
	26 — связь мотива «ноги» со смертью
	27 — мотив щита-символа
	28 — корабли-кони
	29 — кони, кони-волки, волки как кони
	30 — корабль-«змей»

Поскольку вряд ли можно предположить знакомство автора летописного «Сказания» с произведением Ибн Мискавейха (тем более — наоборот, ибо последний умер в 1034 г.), то дело здесь в совпадении некоторых реальных обстоятельств: взятия города, мести, жестокой карательной акции, а также «поражения своих» (для Ольги — в начале, для захватчиков Бердаа — в конце сюжета). Подтверждается отсутствие положительной связи со всеми реальными и легендарными персонажами этих групп обоих «Вещих Олегов» (по НПЛ и ПВЛ), и близкая к положительной (0,44, хотя все же еще незначимая) связь наблюдается только у Олега по НПЛ с анонимным главой («посла князь Игорь на Грекы») неудачного похода на Царьград 920 г. (по НПЛ). С другой стороны, у Орвара-Одда из «Саг о древних временах» единственная близкая к положительной связь (0,46) наблюдается именно только с «развитым» образом Вещего Олега по ПВЛ.

Таблица 2

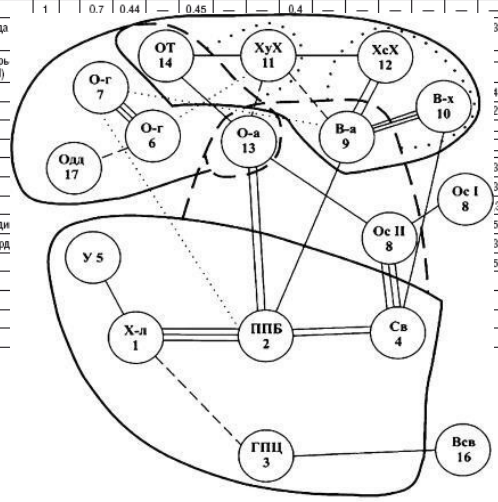
Наличие признаков у того или иного персонажа

Категория Тип	Олег по ПВЛ	Олег по НПЛ	Х-л-гв	Улеб	Свенельд	Предводитель похода на Бердаа	Глава похода 920 г. по НПЛ	Хельги, убийца Хунди	Хельги, сын Хьервард	Вольга	Волх	Олег Св. I	Олег Св. II	Ольга	Олав Трюгг.	Всеслав Пол.	Одд Стрела
Всего	16	11,5	6	3	9,5	9	5	13,5	7,5	10	14	8	9	12	17,5	9	11
I. Обстоятельства личной жизни																	
1. Рождение								0,5	0,5	0,05	1					1	
2. Происхождение	1		0,5	0,5				1	1	0,5	0,5	1	1	1	1	1	0,5
3. Взросление															1		
4. Женитьба, замужество, гендерный аспект				1	0,5			1	1		0,5		1	1	1		1
5. Смерть, погребение	1	1	0,5			0,5	0,5	1	1			1		1	0,5		1
II. Военный аспект																	
6. Подбор дружины, сбор войска	1	0,5			0,5	0,5	0,5	1		1	1		1	1	1		1
7. Объединение земель	1	0,5			1						0,5		0,5	1	1	1	
8. Оборона					0,5	1				0,5	0,5	1	1	1		1	
9. Взятие города хитростью	1	1	0,5		0,5	1				1	1			1			
10. Разгром, поражение «своих»			1		1	1	1					1	1	0,5	1	1	
11. Поход	1	1	1	0,5		1	1	1	0,5	1	1	0,5	1	1	1	1	1
12. Служба иностранным государям		0,5	1	0,5	0,5		0,5						0,5		1		0,5
III. Иные виды деятельности																	
13. Борьба за веру			0,5			0,5				1		0,5		0,5	1		
14. Борьба с колдовством	0,5														1		0,5
15. Культурная, политическая, организаторская деятельность	1				0,5	0,5				0,5	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1
IV. Личностные качества и мотивации																	
16. Жестокость к врагам	1	1			1	1	1				1	1		1	0,5		0,5
17. Щедрость (мотив раздела добычи)	1	1	0,5	0,5	1	1		0,5		1	1				0,5		
18. Мотив мести			0,5		1	0,5		1				1	1	1	0,5		
V. Религиозно-мистический аспект																	
19. Мотив колдовства, пророчества	1					0,5		1	1	1	1					1	1
20. Оборотничество	0,5				0,5			0,5	1	1	1				0,5	1	
21. Сравнение героя с богами и святыми	1	1						1									
VI. Внешняя атрибутика, художественные приемы																	
22. Сюжеты со «змеем», связанные с рождением											1						
23. Сюжеты со «змеем», связанные со смертью	1	1							0,5						1		1
24. Иные сюжеты со «змеем»															1		
25. Связь мотива «ноги» с рождением											1						
26. Связь мотива «ноги» со смертью	1	1															1
27. Мотив щита-символа	1	1						1									
28. Корабли-кони	1	1				0,5	0,5	1									
29. Кони, кони-волки, волки как кони								1	1	0,5	0,5				1	0,5	1
30. Корабль-«змей»								0,5							1		

Таблица 3

Коэффициенты сопряженности между персонажами

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Х-л-гв	1		0,7	0,44	—	0,45	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	0,3	16
Предводитель похода Бердаа															37	—	0,32
Глава похода на Царь град 920 г. (по НПЛ)															–	—	0,45
Свенельд															45	—	—
Улеб (944 г.)															28	—	—
Олег НПЛ															–	—	—
Олег ПВЛ															–	—	—
Олег Св. II															32	0,55	—
Вольга															32	—	—
Волх															3	—	—
Хельги, убийца Хунди															56	—	—
Хельги, сын Хьервард															37	—	
Ольга															53	—	
Олав Трюггвасон																—	
Олег Св. I																	
Всеслав Полоцкий																	
Одд Стрела																	



случайные и опосредованные связи

К от 0,44 до 0,49

К от 0,5 до 0,6

К от 0,6 до 0,69

К от 0,7 и выше

границы основной группы

границы вторичной части (литературно-образной) основной группы

границы производной от «вторичной» группы

В итоге выстраивается цепочка от неизвестного главы известного и достоверного (правда, под другим годом) похода, связанного с реальным князем Игорем, через героя русского дружинного эпоса к персонажу одной из викингских саг. Что же касается происхождения его антропонима, деяний, связанных с ним «кеннигов» и персонажей (св. Дмитрий Солунский), то на эту тему мы, хоть и без применения статистико-комбинаторных методов, на эмпирическом уровне, уже достаточно подробно высказывались ранее. Но повторим еще раз: кроме скандинавского, здесь явно не обошлось и без южнославянского воздействия.

Г) Контент-анализ именника преамбулы трех договоров руси с греками

Второй блок сведений, содержащий прямые, в том числе юридической точности, данные о политическом устройстве «варварского государства» на Руси, связан с походом Олега на Царьград и заключенным договором.

В него входят абсолютно легендарного характера эпизоды, своеобразные «живые картинки» или сказания-саги (корабли на колесах и смерть от черепа коня), а также два договора с летописной преамбулой и послесловием к ним («обрамлением», по терминологии А.А. Горского). Все это перемежается сообщениями, взятыми из «Продолжателя Феофана», хроники Логофета, дополнений к «Летописцу вкратце» или болгарских источников. Подробное перечисление *возможных* восточнохристианских протографов некоторых «переводных» статей — 887, 898 (о славянской грамоте), 902, 911 гг. — показывает сложный, компилятивно-литературного происхождения состав этого второго (после «варяжской легенды») блока сведений. Абсолютно особняком, как будто взятое из иного повествования, стоит сообщение 903 г. о женитьбе Игоря на Ольге (по Ипатьевскому) или Олене (Лаврентьевскому и Радзивилловскому) спискам ПВЛ.

Главными проблемами, которые, по мнению многих исследователей, делают все княжение Олега или часть сведений о нем в ПВЛ недостоверными, являются хронология, отсутствие данных в иностранных источниках (кроме походов на Каспий, как раз в ПВЛ и не упомянутых) и сам характер сообщений (явно легендарный). Это, в частности, скомпилированный из разных частей текста летописи (по мнению А.Г. Кузьмина) состав войска князя Олега в 907 г., калькирование договором 912 г. статей документа 945 г., завышенный размер дани и т. д. Определенную роль играют и расхождения ПВЛ с фрагментами, особенно хронологией «Начального свода», сохранившимися в НПЛ и, на первый взгляд, более им соответствующими сведениями о Х-л-гу из «Документа Шехтера».

Хронология. Если следовать летописной биографии Игоря, Ольги и Святослава, то к моменту рождения последнего первым двум было, соответственно, свыше 60 (что допустимо для мужчины) и около 50 лет (что невозможно для женщины). Кроме того, по летописному преданию, княгиня Ольга во время визита в Константинополь произвела как женщина неотразимое впечатление на василевса, будучи в 60-летнем возрасте! Если же принять дату первого визита Ольги в Царь-град по Г.Г. Литаврину (946 г.) (Литаврин, 1986. С. 56), то здесь разница в летах явно престарелой княгини и василевса не столь велика, особенно при учете византийской традиции жениться на достаточно «зрелых» императрицах-вдовах для сохранения преемственности власти, распространенной во второй половине X — середине XI в. (Феофано, Зоя). Возможно, играл роль и «шарм власти». С другой стороны, известны примеры долгожительства как правительниц именно русских княгинь XI в. — Елизаветы и Анны Ярославны, каждая из которых сменила двух коронованных мужей. Впрочем, искать объяснение «привлекательности» немолодой Ольги для престарелого императора Константина вряд ли необходимо, так как сам эпизод носит явно тенденциозно-легендарный характер, являясь частью «сказания», а по сути — жития княгини. Но вот вопрос о рождении наследника, причем одного (братьев у Святослава, во всяком случае после 945 г., не было), — более принципиален.

Учитывая допустимость и даже обязательность для царей русов многоженства (по восточным источникам 1-й традиции и особенно Ибн Фадлану, не говоря уже о более поздних сообщениях летописи о Владимире Святославиче), эта триада: Игорь — Ольга — Святослав — выглядит достаточно странно. Принимая во внимание взаимозависимость, достоверность (без некоторых легендарных деталей) и хронологическую «плотность» событий 40-х и, может быть, середины 50-х гг. X в., связанных с блоком сведений «Игорь — Ольга — Святослав», возможны следующие решения:

1. В 903 г. Игорь женился не на Ольге, и детей от этого брака, предположим, не было. Но эта версия отпадает, так как в более ранних редакциях ПВЛ, сохранившихся в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях, Ольга названа своим более поздним христианским именем Елена (Олена), что исключает возможность разночтений

2. Речь идет о *разных* Игорях: один, как при желании можно понять из НПЛ, прожил до начала 20-х гг. X в. и к Ольге/Елене отношения не имеет, а второй — герой событий 40-х гг. X в. Однако данная версия требует слишком много допущений

3. Остается самый простой вариант объяснения: Игорь женился на Ольге/Елене не в 903 г., а гораздо позже — возможно, после смерти Олега, и, вероятно, не первым браком. Исключение из летописи имен остальных жен и наложниц может объясняться как лакуной в

источниках, так и дидактической направленностью «Сказания о княгине Ольге»

Возможны, конечно, и иные варианты объяснения, но не даты женитьбы, а именно странных для князя-язычника матримониальных отношений. Что же касается одной *изолированной,* как показано нами ранее, от контекста летописи даты, явно (судя по имени Олена) вставленной *после* создания «Сказания», то ее незнание автором ПВЛ или искажение редакторами и переписчиками вряд ли может вызвать удивление. Как раз ошибка в датах — это та погрешность, в которой летописец был реально уличен.

Второй и гораздо более существенный факт, от которого нельзя просто отмахнуться, — это отсутствие любого упоминания как похода Олега на Царьград, так и всего его княжения в достаточно многочисленных и разнообразных византийских источниках, и даже у Илариона, который не должен был бы опустить столь важную для возвеличивания Русской земли фигуру.

Это тем более странно, ведь о походе 860 г. упоминается в 14 произведениях византийских авторов (минимум в двух версиях), а в пользу заключения договора с Русью свидетельствуют четверо из них. Кроме того, о тех же событиях сохранились данные в письме их современника римского папы Николая I и очень подробные — у капеллана венецианского дожа XI в. Иоанна Диакона (Сахаров, 1980. С. 51).

В этой связи уже говорилось о теории, связывающей мифический поход и реальный договор, якобы лишь приписываемый Олегу (Franklin, Shepard, 1996), с именами Аскольда и Дира (М.Ю. Брайчевский). Другая гипотеза: поход 907 г. и договор 911 г. — реальности, а вот «договор» 907 г. — результат текстологической случайности (М.Д. Приселков, А.А. Шахматов, Д.Д. Оболенский, А.А. Горский). Третья теория: весь блок сведений, связанный с походом Олега, — это вымысел летописца (зарубежные византинисты 30–40-х гг. XX в.), соединившего данные сказаний-саг, описания похода Аскольда и Дира (отчасти договора 907 г.) и текст договора 944 г. Достаточно влиятельным, впрочем, является и доверительный подход к летописным известиям, существовавший при В.Н. Татищеве, М.П. Погодине и С.М. Соловьеве. В соответствии с ним имели место и самостоятельное значение все упомянутые ПВЛ походы и договоры руси с греками. Относительно рассматриваемого блока сведений, события 907 г. и «свещание», тогда произошедшее, рассматриваются как предварительное соглашение к договору 911 г. или даже как отдельный документ (Г. Эверс, Н.П. Ламбин, И.И. Срезневский, Д.Я. Самоквасов, В.М. Истрин, В.Т. Пашуто, А.Н. Сахаров, Г.Г. Литаврин).

Частичный контент-анализ данных отрывков в сопоставлении с окружающим летописным контекстом позволил нам прийти к следующим предварительным заключениям.

Текст летописного сообщения 907 г. явно распадается на несколько логично продолжающих друг друга, но разных по стилю, характеру и предполагаемым источникам частей, фактически одинаковых в Лаврентьевском, Ипатьевском и Радзивилловском списках ПВЛ. Вначале идет стилевое подражание хроникам, но с реальным содержанием (перечень племен — участников похода), взятым из разных частей «Начальной летописи», «варяжской легенды», космографического введения и «Сказания о начале славянской письменности». В.Я. Петрухин выделяет три группы племен («русь», члены «Северной конфедерации» и южные племена во главе с полянами) (Петрухин, 1995а. С. 135–137). А.Г. Кузьмин считает, что в список «попали и племена, явно не подчиненные Олегу» (Кузьмин, 1977. С. 329), что вполне вероятно, но не обязательно говорит об их неучастии в походе последнего. От начала статьи и до листа 15 идет явно единая смысловая синтагма, по стилю подражающая предыдущей переводной статье (902 г.). Фразы же, описывающие зверства русов, живо напоминают описание Фотием похода 860 г. и могли либо быть прямо заимствованы, либо подражают ему или «Продолжателю Георгия Амартола» (Истрин, 1920; Шахматов, 1940).

Далее весь лист 15 Лаврентьевской летописи содержит фрагмент легенды-саги о Вещем Олеге. На следующем листе со слов «Олег же мало отступи от града…» снова возобновляется жанр развернутой записи. Эта синтагма продолжается почти два листа без разрыва, содержит условия установленного мира (точнее, краткое изложение наиболее существенных из них, с точки зрения летописца) и логично заканчивается словами «…и утвердили мир». После них идет продолжение «легенды», содержащее сказание о парусах, щите на вратах и завершающееся осуждением язычников, считавших Олега «вещим» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 16 об.).

При таком решении вопроса о соотношении двух частей текста с разными стилями (жанрами) повествования снимается и противоречие, заключающееся в двух упоминаниях дани. В «легенде» говорится о 12 гривнах на человека, по 40 человек на 2000 кораблей. В «записи» же упоминается о 12 гривнах «на ключ» (уключина, руль?), то есть о более реальном ее размере. Дважды, но в разном контексте (в связи с выплатой укладов на грады и «великих князей под Ольгом суще» и получения гостями из конкретных градов «месячинного») повествуется о градах Руси как частях ее социально-политической структуры. Последнее особенно важно: эти уникальные сведения содержатся не в «легендарной», а «повествовательной» синтагме данной части текста, частично заимствованной из греческого (или болгарского?) источника. В ней один из «царей» дважды назван на греческий манер Леоном (без перевода), а из юридических формул присутствуют лишь византийско-болгарские («творити», «утвердити мир», но не упоминается славянское «положите ряд»). В «повествовательном» тексте

отсутствует концовка, связанная с «послесловием». Ее, судя по имени Леон, можно видеть в статье 912 г. (по Лаврентьевской летописи) на второй половине Л. 18 об. со слов: «Царь же Леон почти послы Руские дарами…» и до слов «…и тако отпусти я во свою землю с честию великой».

В то же время сразу после этого абзаца на границе листов 18 и 19 идет логичное в смысловом и текстологическом плане завершение начала статьи 912 г. «Посла Олег мужи свои построите мира и *положити ряд* («ряды» в Ипатьевской летописи, курсив здесь и далее мой. — *Е. Ш.*) межи Русью и Греки…» — посланные Ольгом послы («слы» в Ипатьевской летописи) «приидоша к Ольгови и поведаша все речи обоих царей о том, как сотворили мир и уряд *положиша* между Грецкою землею и Рускою» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 1 об., 18 об.–19).

Далее по тексту идет продолжение «легендарной» части статьи 907 г. о коне, отосланном от хозяина перед его походом на Царьград. В этой линии текста под 911 г. (907+5) нет места никаким переговорам с греками; говорится только об обстоятельствах смерти князя, имевшихся в несколько ином варианте и в Начальной летописи (по НПЛ).

Стиль пространных погодных записей, тесно взаимодействующих с переводными сведениями из сферы болгаро-византийских отношений, продолжается через фрагмент статьи 912 г. В «повествовательной» части статьи 907 г. характерно, например, упоминание имени Леон, а не Лев, как в договорах 912 и 944 гг. Это касается всех погодных записей (и кратких, и пространных) вплоть до 941 г. (913, 914, 916, 920, 929, 934 гг.). В блоке 907–912 гг. есть и жанр дидактического комментария к легенде, в какой-то степени оправдывающего волхвования и чародейство на основе примеров из римской и священной истории.

Основное же ядро статьи 912 г. явно выбивается и из «повествовательной», и «легендарной» линий как по стилю (жанру), так и по некоторым деталям лексики. Так, например, здесь упоминаются, наряду с «греческими», уже термины и славянского права — «положите ряд», вместо имени Леон дается переводное Лев и др. Последнее, даже если не рассматривать суть и форму, вплоть до деталей, отдельных статей, отделяет текст договора 912 г. (в изложении ПВЛ) от формул «свещания», «построения мира» 907 г. и объединяет его с «харатьями» 944–945 гг.

Учитывая все вышесказанное, мы считаем все события, описанные в «повествовательной» части статьи 907 г. и отчасти статьи 912 г., за реальность, а текст договора, преамбулу и послесловие к нему — за творческую работу Нестора, переработавшего текст 944–945 гг. (который, возможно, он сам и перевел с греческого, используя уже имя Лев вместо Леон более ранних записей). Отсюда и схожие формулы преамбулы — «равно другого свещания (переговоров, процесса

„построения мира“ и „положения ряда“? — *Е. Ш.*) бывшаго при…». Последнее косвенно свидетельствует о том, что создатель статьи 912 г. считал переговоры 907 г. *фактом,* причем известным достаточно широкому кругу лиц. Сама эта фраза, апеллировавшая к уже известному (по крайней мере, летописцам) «свещанию», должна была как бы подтвердить легитимность и перекинуть мостик к вводимому в текст летописи договору 912 г. Но если в преамбуле к статье этого года отсылка на «тех же царей Льва и Александра» звучит естественно (они правили в 907 г., и их имена — для Льва в иной транскрипции — имеются в статье этого года), то для 944 г. автор вставки договора в текст летописи допустил явную оплошность. Он утверждает, что «свещание», послужившее образцом договору 944 г., происходило при Романе, Константине и Стефане. На уровне приближения к гипотезе допустимо предположить, что Нестор (?) удачно изобрел связующую события 907 и 912 гг. фразу, предшествующую собственно тексту договора 912 г. Затем, для придания большего сходства «летописного обрамления» обоим договорам, он вставляет ее между летописным введением и текстом договора 944 г., не обратив, возможно, внимания, что в данном контексте она уже не соответствует истине. Кроме того, фраза «равно другого свещания…» в первом (912 г.) случае прямо вложена в уста Олега (или его послов: «Посла мужи свои Олег построити мира и положити ряд между Русью и Греки. И посла глаголя: „Равно другого свещания…“» и т. д. (ПСРЛ. Т. 2. Л. 13). В 944 г. та же фраза приводится лишь косвенно и может расцениваться как прямая речь, причем неизвестно чья (или Романа, или одного из его уполномоченных сановников, или даже кого-то из русских послов). «Приела Роман и Константин и Стефан слы к Игореви… Роман же (после прибытия мужей Игоря. — *Е. Ш.*) созва бояре и сановники, приведоша Русские слы и велеша глаголатя и писати обоих речи на харатью… Равно…» и т. д.

Что касается именника послов, то, по-видимому, не перечень 907 г. является сокращением списка 912 г., а последний — продуманной компиляцией данных 907 и 944 гг. Из 14 имен списка послов 912 г. 5 целиком (за исключением допустимого расхождения Веремуд — Вельмуд) совпадают с полным перечнем 907 г., 6 контаминируют с преамбулой договора 944 г. и лишь 3 — абсолютно оригинальны (№ 9 — Фрелав, № 11 — Актеву и № 12 — Труан). В нашей таблице ниже даются три написания одного имени: по Лаврентьевскому, Радзивилловскому и Ипатьевскому спискам ПВЛ последовательно; цифры в скобках в 3-й колонке (944 г.) соответствуют порядковому номеру посла и князя в списке.

907 г.	912 г.	944 г.
1. Карл	**1**. Карлы	
Карл	Карлы	
Карл	Карлы	
	2. Инегелд	Игедд (15-й от купцов)
	Инегелд	Ингелд
	Инегелд	Ингелд
2. Фарлоф	**3**. Фарлоф	
Фарлоф	Фарлоф	
Фарлоф	Фарлоф	
3. Вельм'д	**4**. Веремуд	
Вельмуд	Веремуд	
Велмуд	Веремуд	
4. Рулав	**5**. Рулав	
Рулав	Рулав	
Рулав	Рулав	
	6. Гуды	Гудов (23-й или 22-й среди князей), Алвад Гудов
	Гуды	Гудов, Сфирка, Алвад Гудов (23-й)
	Гуды	Гудов, Сфирка, Алвад Гудов
	7. Руад	Роалд (12-й от купцов), Роалд (18-й от купцов)
	Руалд	Алд (Роалд), Руалд
	Руалд	Роалд (12-й), Руалд (21-й)
	8. Карн	Карны (посол 12-го князя — «Тудков»)
	Карн	Кары Студеков
	Карн	Кары Тудков
	9. Фрелав	
	Фрелав	
	Фрелав	
	10. Руал(Руар)	Руалд (18-й от купцов)
	Руал	(Руар) Руалд (21-й от купцов)
	Рюар	(см. № 7 — Руалд, Руад, Руалд, Руалд
	11. Труан	
	Труан	
	12. Актеву	
	Актеву	
	Актеву	
	13. Лиду Фост	Либиар Фастов (8-й посол и князь)
	Лидул, Фост	Иабар Фастов (9-й посол с князем)
	Лидульфост	Либи Арьфастов (Арфостов)
5. Стемид	**14**. Стемид	
Стемид	Стемид	
	Стемир (9-й)	

Правда, в случае с 944 г. явственно видны следы творческой выборки и переработки либо русского перевода, либо даже греческого оригинала (раздельно для статей 944 и 911 гг.). Отсюда большее, чем в случае с 907 г. (где, вероятно, имела место прямая переписка с более раннего или иностранного источника), расхождение в написании некоторых имен. Расхождение это, однако, не больше, чем между Лаврентьевским, Ипатьевским и Радзивилловским вариантами ПВЛ: Либиар Фастов, Либи Арьфастов (Арьфостов), Иабар Фастов. Данный факт может быть как результатом ошибки переписчиков, так и свидетельством самостоятельного обращения авторов разных редакций ПВЛ к одному и тому же источнику. Это особенно видно в трактовке для статьи 911 г. последней пары имен, в которой первое (по теории Назаренко — Платоновой) означает посла, второе — князя. В Лаврентьевской летописи оно звучит наиболее приближенно по смыслу

к прототипу — «Лиду Фост», являясь двусоставным наименованием одного человека, в Ипатьевской летописи слилось, образуя антропоним «Лилульфост», а в Радзивилловской летописи, наоборот, разделилось на два — «Лидул, Фост».

Принцип избирательности не совсем ясен: имена взяты достаточно равномерно из всего перечня 944 г. Это полная пара «посол — князь», стоящая на 9-м месте (уже упомянутые Либиар Фастов), посол «князя» Тудка — Кары (Кар) на 12-м месте и «князь» Туды, пара которого помещается на 22-м или 23-м местах. Добавлены также три имени, стоявшие на 12, 15 и 18-м местах в списке «купцов». Таким образом, возможно, перед нами попытка более или менее адекватно перенести социальный состав посольства 944 г. на 912 г. Оперировать далее с «магическими» цифрами состава послов 912 г. — 3 «современных» и 5 «старых» ~ 6 (3+3) или 7 «будущих» (с учетом двойного «Лиду Фоста») — мы не будем. Но тем не менее антропонимия договоров не может не оставить определенных обоснований искусственности того из них, который в ПВЛ помещен под 912 г.

О противоречии с легендой об Олеге, в которой под этим годом нет никаких намеков на переговоры с греками, уже упоминалось. Кроме того, отмечается тот факт, что вслед за договорами с Византией следуют походы русов на Восток. Действительно, после похода 860 г. и мира 867 г. следует, по Ибн Исфендийару, экспедиция 864–884 гг. на Абаскун. Возможно, следствием неудачного предприятия Игоря против Византии в 941 г. стал рейд на Бердаа в 943 г. При Олеге поход (или походы) на Каспий датируются от 909 по 913 гг.

По мнению Т.М. Калининой и А.П. Новосельцева, был один поход 909–912 гг., направленный в помощь союзной Византии Армении против мусульман в целом (Калинина, 1997). И.Г. Коновалова считает, что поход был один, но в 912–913 гг. (по ал-Масуди) и совершался в интересах и по договоренности прежде всего с Хазарией (Коновалова, 1997). Л.Н. Гумилев (Гумилев, 1996. С. 242) солидарен в последнем с точкой зрения, высказанной уже после публикации его работы, но полагает, что походов было два (909–910 гг. и 913 г.), разделяя данные Ибн Исфендийара и ал-Масуди. Разногласия в оценке хазаро-мусульманских взаимоотношений у вышеупомянутых авторов нас в данном случае не интересуют, но знаменателен сам факт действия русов во всех трех (или четырех) случаях в интересах Византии, во всяком случае — *объективно.*

Важно то, что лишь по единственной из версий (И.Г. Коноваловой и отчасти Л.Н. Гумилева) только *один* из этих походов *мог* гипотетически состояться после возможного договора 912 г. В то же время версии о «свещании» и «построении мира» в 907 г., не противоречит ни один из вариантов датировки походов русов на Каспий при князе Олеге.

Таким образом, на уровне гипотезы можно высказать предположение о литературно-компилятивном происхождении статьи

912 г., исключая ее «легендарные» (о смерти Олега от коня) и «повествовательные» (ознакомление русских послов царем — «Леоном», как в 907 г., — со святынями Константинополя).

Поскольку самые сумбурные сведения содержатся не в них, а в преамбуле к договору, то переносить фразу о «светлых и великих князьях и боярах», «иже суть под рукою его сущих Руси» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 1 об., 17), на политические реалии Руси начала X в. следует с большой осторожностью, как и сообщения статьи 907 г. о градах, где «сидят великие князи под Ольгом суще». Договор же 944 г. содержит сведения о территориально-политическом устройстве «варварского» двухуровневого государства не периода его расцвета и стабильности, а кризиса и предстоящей трансформации, то есть иной фазы того же (переходного) этапа государствообразования. И соответствует этому положению на Руси как раз фраза преамбулы к договору 944 г., отражающая не столько стройную иерархию князей, сколько их совместное участие в управлении Русью и в получении своей доли доходов от всех предприятий — «от всея княжья» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 11 об.), в целом стоящих на ступень ниже *одного* великого князя, но выше «всех люди Руския земли» и его (князя) «бояр». Интересно также совпадение одной важной детали в договорах 907 и 944 гг., отсутствующей в статье 912 г. Это перечисление русских градов (Киева, Чернигова, Переяславля и др.), купцы которых имеют право на получение месячного содержания, а по соглашению 907 г. и беспошлинной торговли. Худшие для Руси условия торговли по «ряду» 944 г. вполне логично вытекают из обстоятельств ее положения после 941 г. Последнее обстоятельство лишний раз свидетельствует о самостоятельном происхождении и оригинальности текстов именно 907 и 944 гг.

Тем не менее именно список основных городов, составлявших правящую «триаду» в «Русской земле» с 1054 г. до начала XII в., наряду с фактом умолчания в византийских источниках как о событиях 907 г., так и 912 г., снова возвращает нас к сомнению либо в реальности описанных под этими годами событий, либо в их датах. И здесь уже сделать более ничего нельзя, разве что выдвинуть очередную гипотезу, объясняющую появление их в летописи.

Вероятно, существовало две попытки реконструкции событий и дат правления Олега. Цель обеих — закрыть хронологическую лакуну в несколько десятилетий, недопустимую для летописей-хроник, связать конец «варяжской легенды», включая поход на Царьград, отраженный в византийских источниках, с концом правления Игоря, также в них достаточно освещенным. Таким образом, решались две задачи: восстанавливалась преемственность внутри династии и находило свою хронологическую привязку бытовавшее на Руси (или привезенное из Болгарии в середине XI в., так как у Илариона его следов нет) «Сказание о Вещем Олеге».

Первая попытка, возможно, могла исходить из имевшихся еще в распоряжении автора «Начального свода» большей части «варяжской легенды», византийских данных о походе 860–866 гг. и киевского сказания о Кии (еще не связанных между собой), а также каких-то погодных записей (если существовал «Хронограф по великому изложению») и самого «Сказания о Вещем Олеге».

В этом случае вопрос решался «снизу», в хронологическом плане. Если существовал поход и мир с греками где-то во второй половине IX в. (то есть в конце 6360-х гг. — начале 6370-х гг. от сотворения мира), то он был, судя по противоречивым византийским источникам, возможно, известным на Руси либо при Михаиле III и патриархе Фотии, либо при Василии I и патриархе Игнатии. Отсюда идет как бы промежуточная дата похода в летописи — 866 г., но зато подробное его описание. Крещение Руси в это время, если и известное летописцу, могло быть убрано из соображений его противоречия со сказаниями об Ольге и крещении Руси при Владимире, значит, и принижении в этом случае роли последних.

Но суть не в этом, а в том, что именно указанная дата могла послужить исходным моментом для вычислений автора «Начального свода». Если ему было известно, что после этого похода, состоявшегося при Михаиле III (а этим фактом он располагал достоверно), но уже при Василии I был заключен мир, то, с учетом возможного сдвига в датах летописи (ошибка в определении начала царствования Михаила III), дата заключения Василием I предполагаемого мира с Русью могла отодвигаться на середину 70-х гг. IX в. Допускается также то, что автор мог знать, что «в византийской дипломатической практике „вечный мир“ заключался на 30 лет» (Петрухин, 1995а. С. 132).

В этом случае поход, в описании которого отразилось как «Сказание о Вещем Олеге», так и реалии из византийских источников, повествовавших о зверствах русов во время их более ранних нападений на Константинополь, мог быть вполне логично отнесен к началу X в., и дата «907 г.» здесь ничем не хуже других. Объективная натяжка здесь — это сам текст договора, в сказание не входивший. Возможно, он действительно был приписан Олегу, но вряд ли сочинен летописцем. Учитывая исключительно благоприятные для Руси его условия, он также не мог быть следствием событий 941–944 гг., тем более что текст последнего договора, скорее всего, был неизвестен автору «Начального свода».

Остается два варианта: либо действительно прав М.Ю. Брайчевский, либо все же состоялся еще один поход — *других* русов, возможно, во главе не с киевским, а новгородским князем (или еще воеводой Рюрика) Олегом, но в правление Василия. Именно он отражен во второй версии византийских источников. С учетом же дальнейшего соотношения летописных дат правления Аскольда и Дира, с одной стороны, и Олега — с другой, то и поход, и договор были перенесены на

время правления «Леона и Александра». Возможна, вероятно, и случайность: как бы «витающий в воздухе», без даты, имени «царей» и князя документ (точнее, его часть) был связан с эпизодами «Сказания» и привязан к конкретным именам и дате (907 г.). Однако связь его с русскими реалиями последней трети IX — начала X в. вполне возможна.

Вторая попытка локализовать Олега во времени могла иметь место лишь после введения в научный оборот текста договора 944 г. и составления на основе византийской хронологии списка князей (правда, с ошибкой в 10 лет). Характерно, что в нем отсутствуют Рюрик, Аскольд и Дир. В связи с этим его автор мог реконструировать события времен Олега как бы «сверху» от 941–945 гг. Здесь главными являются три момента: 1) хронологическое отстояние от даты вокняжения Олега (по списку и, возможно, «варяжской легенде»); 2) совпадение года заключения престижного мира с империей как кульминации деятельности Олега, и года смерти Игоря; 3) разрыв в 4 года между походом (941 г.) и заключением мира (944–945 гг.).

Общая длительность правления Олега и Игоря (с 879 по 945 г., оба года включительно) — 67 лет. Эту цифру, при отсутствии зафиксированной даты смерти Олега и вокняжения Игоря, логично было бы просто поделить пополам и получить по 33 с небольшим года. Поскольку год смерти Вещего Олега совпадает (или чуть запаздывает) со временем установления мира с Византией, то последняя дата (912 г.) *почти* получалась, если от 945 г. отнять традиционные три десятилетия (точнее, 33 года), — или, по общепринятым датировкам договоров, 944 и 911 гг., что дает тот же результат. Наконец, если исходить из ранее установленной даты похода — 907 г., то, добавив к ней 4 года «разрыва» между походом и договором 941–945 гг., мы получаем также одну из искомых цифр — 911 г. Естественно, гипотетические подсчеты проходили с датами «от сотворения мира», что сути дела не меняет, так как длительность года («лета») в обеих календарных системах (византийской и юлианской) одинаковая.

После установления дат все скрывающиеся за ними события, по мере возможности, были отредактированы для большего приведения их в соответствие друг с другом и общей концепцией автора ПВЛ, однако разнообразие жанров (стилей), составляющих отдельные части текста и их возможных источников, а также отдельные шероховатости стыковки устранить не удалось.

Однако сомнительными являются все же даты договоров (точнее, *одного* договора) времен Олега, но не сам факт их (его) существования. Об этом однозначно свидетельствует Лев Диакон устами послов Иоанна Цимисхия к Святославу: «(Мы) не должны сами разрушать доставшийся нам от *отцов* (то есть вряд ли речь может идти о договоре времен Аскольда и Дира, так как тогда правили „деды“. Курсив мой. — *Е. Ш.*) неосквернённым и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир». Об этом же косвенно говорит и обвинение Игоря в нарушении

«клятвенного договора». Учитывая срок действия договоров — 30 лет, речь может идти самое давнее о 912 г., но, возможно, и о более поздней дате. Сам контекст данного раздела «Истории» Льва Диакона, впрочем, не позволяет категорично утверждать, что речь идет именно о походе и договоре Олега (Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 200).

Что касается третьего блока сведений ПВЛ, связанного с деятельностью Игоря (особенно в 40-х гг. X в.), то безусловная историчность этого князя подтверждается как Иларионом, так и византийскими источниками. Проблема здесь в датировке его «несчастного» похода 920 г. (по НПЛ) и иной характеристике личности князя, а также контаминации данных ПВЛ и византийских авторов («Продолжателя Феофана», Льва Диакона и др.) со сведениями «Документа Шехтера» («Кембриджского документа») и Ибн Мискавейха. Но поскольку наша версия соотношения реалий, описанных в этих произведениях, не касается ни датировки, ни степени достоверности статей ПВЛ 941–946 гг. (для последнего нет никаких поводов в источнике и прецедентов в историографии), она и не рассматривается в обзоре источников.

Д) Харальд, Ольга и другие — общие черты повествований

Прямым заимствованием из рассказов Харальда Гардрада и его соратников по гвардии, «веринговъ», об их подвигах на Сицилии представляются некоторые эпизоды из «Сказания» о мести княгини Ольги древлянам и даже сама его четырехчастная структура (две мести в Киеве, две — в земле древлян). В Исландию, по словам Снорри Стурлусона, рассказ об их подвигах попал вместе с их участником-очевидцем, исландцем Снорри Годи (Снорри Стурлусон, 1980. С. 406), что свидетельствует если не о достоверности самих деяний (ясно, что они гиперболизированы), то о возникновении их описаний сразу после событий, то есть в середине XI в.

Наиболее полную аналогию представляет описание взятия Харальдом первого города и последней мести Ольги (взятия Искоростеня) с помощью подожженных птиц. О подвигах Харальда рассказывали не только многие скальды XI в. (Тьодольв[86], Иллути Скальд из Долины Брони, Торарин сын Скегги), «но и Харальд сам рассказывал так, да и другие люди, которые там были вместе с ним» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 405). Какая из версий звучала в Киеве (и одна ли?!), оставшись в памяти окружения Ярослава, Ингигерд-Ирины и Елизаветы, и, насколько она соответствует записям Снорри Стурлусона, это вряд ли возможно установить. Однако то, что Харальд (а с его подачи — дружинники и скальды) вполне очевидно «привирал» перед лицом невесты и Ярослава, доказывает его утверждение, что он лично ослепил «конунга греков» Константина Мономаха. На самом деле ослеплен был не он, а Михаил V Калафат, причем кем именно, не указано (Михаил Пселл, 1978. С. 68) (не исключен в принципе и Харальд, который в 1042 г. был в Византии). Еще один сюжет — когда

самонадеянные жители третьего города вышли навстречу императорским войскам, оставив ворота открытыми, очень напоминает один из эпизодов восстания Льва Торника. Четвертый город, согласно «Саге», был взят точно тем же способом, что на 180 лет раньше городок Луна в Италии викингом Хастингом, притворившимся мертвым, что также порождает сомнения в достоверности рассказа.

Сомнительные, но весьма живописные сказания («драпы») о Харальде, искаженные, видимо, еще и неточным переводом, могли несколько подпитать и былинное творчество: так, второй город на Сицилии был якобы взят с помощью подкопа и подземного хода, что напоминает взятие Волхом Всеславьевичем столицы «Индейского царства» (там, правда, присутствует и мотив «оборотничества»: дружинники Волха, превращенные им в муравьев, подползли под ворота).

Более строгие летописцы использовали в своих целях «драпы» Харальда выборочно. Так как, вероятно, основная канва легенды о княгине Ольге уже сложилась к тому времени, то один из наиболее оригинальных рассказов конунга-скальда (о птицах, с помощью которых был взят первый город на Сицилии) успели вставить лишь в конец легенды — в качестве деталей последней, четвертой мести княгини. Крайне важным для дальнейшего анализа русско-скандинавских идеологических концепций является наличие в «Саге о Харальде» мотива о помощи ему святого Олава в борьбе с «конунгом греков» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 409–410).

Достаточно четко отразилась смена политических приоритетов, выразившаяся в антидружинных пассажах («нача любити смысл уных») летописцев конца XI в., в желании, по образцу чешских и польских князей, подчеркнуть связь власти с народом через голову знати (в основе лежит «Далимилова легенда» о крестьянском происхождении Пржемысловцев), в подчеркивании ее иностранного происхождения («варяжская легенда») и родства с василевсами (регалии и антропонимы).

Археология в данном аспекте, через посредство эмблематики, эпиграфики и сфрагистики, помогает уточнить титулатуру правителей, систему наследования, через них же исследуя и непосредственные артефакты: регалии и атрибуты власти (ср., например, из основных исследований: Белецкий, 19976. С. 109–112; 2014. С. 139–145; 2016. С. 24–30; в основе — Янин, 1982а. С. 149; Высоцький, 1994; Щеглова, 1997).

2. Археологические и иные вещественные источники как основа для реконструкции содержания этапов процесса государствогенеза

Вариант методики использования археологических источников с целью выявления признаков («знаков», «сигналов») тех или иных элементов, этапов, линий процесса государствообразования и форм потестарно-политических структур был разработан автором и изложен в 1993 г. Кратко о его сути: берутся хорошо изученные по материалам письменных источников и этнографии общества с четко выявленными структурами и процессами, определяются их типовые археологические признаки, проверяется их «работа» на нескольких внешне типологически схожих и синхростадиальных объектах, затем определяется степень наличия этих признаков в том или ином регионе и микрорегионе Руси. Например, для этапа вождеств только археология (временно без привлечения данных иных традиционных источников) может дать «знаковые» сведения о наличии центров власти (княжеские или племенные «грады»), выявить нумизматические источники (которые далее «работают» отдельно), определить наличие и конфигурацию этнокультурных и потестарно-политических границ, наличие социально-ранговой и (для Руси) социально-этнической дифференциации внутри регионов, этапно чуть позднее — и между регионами, выявить следы этнокультурного и, возможно, политического воздействия соседних государств, наличие путей и пунктов дальней международной торговли («виков»).

Для более позднего этапа — сложения «сложных вождеств» и сложносоставного (в «двухуровневой» форме) «варварского» государства под эгидой летописной «руси» — археология помогает выявить опорные пункты последней («погосты», «станы»), направления ее продвижения, изменение направлений движения монетных потоков, этнопотестарного обмена регионов, границ между ними и т. д. Наиболее перспективным представляется выделение типов поселений и их археологических признаков, а затем отработка этого метода на практике посредством целевых археологических исследований.

Археологические источники (со своими нумизматическими, сфрагистическими, геральдическими составляющими, вкупе с ономастикой и особенно топонимикой, а также этнонимикой и антропонимикой) являются главной перспективой уточнения и возможного изменения концепций образования Древнерусского государства. Они представляют собой единственный тип источников, фонд которых постоянно возрастает, обрабатывается и переосмысляется. Их специфика обговаривалась в литературе неоднократно и зачастую является предметом дискуссий. Особенно это касается степени информативности и применимости к прояснению не только общеисторических вопросов, но и более конкретных аспектов исторической этнической географии (ср., например, дискуссию на X

Чтениях памяти В.Т. Пашуто между археологами — В.В. Седовым, в частности — и специалистами по отечественной и всеобщей истории).

По-видимому (по крайней мере, применительно к истории Древней Руси), их использование представляется не только допустимым, но необходимым и плодотворным. При этом, однако, неизбежны определенные «правила игры», соблюдение которых надо признать обязательным. Во-первых, нельзя требовать от того или иного вида археологических артефактов исторической информации, им не свойственной по сути. Во-вторых, следует по возможности соблюдать принцип синхростадиальности и хронологической одновременности археологических фактов и явлений одного порядка в разных регионах (зонах) Восточной Европы или устанавливать их последовательность. В-третьих, надо учитывать большую степень и объективной, и субъективной выборочности археологических данных. В этой связи, например, в первом случае необходимо четко осознавать, что различия в погребальном обряде в пределах одного комплекса могут быть порождены не только социально-имущественной, но и профессионально-ролевой, этнокультурной и особенно религиозно-обрядовой дифференциацией. А наличие укреплений и оружия на поселениях свидетельствует о существовании разных форм государственности и ее элементов, но чаще — преимущественно о военных механизмах ее становления. В этом отношении археологические артефакты «работают» лишь вкупе с иными типами источников, причем абсолютно неизбежно — с письменными.

Второй момент требует относительных и, по мере возможности, абсолютных хронологических привязок конкретных памятников, комплексов, находок, их групп и типов, что ставит в особое положение монетные клады (отдельные монеты более случайны), но особенно — типологию массового материала (в первую очередь керамики) и, в силу специфики целей работы, предметов вооружения, а там, где возможно, еще и атрибутов, символов власти (эмблемы Рюриковичей на массовых предметах и т. п.).

Третье условие значительно повышает значимость факта *наличия* того или иного археологического признака формы, этапа и механизма становления государственности, в то же время не позволяя абсолютизировать факт его *отсутствия.* Разрыв значений этих двух фактов тем больше, чем меньше степень обследованности конкретной территории, региона, зоны Восточной Европы для конкретного стадиального и хронологического периода. Последние два момента не обязательно совпадают: разные части Восточной Европы, вошедшие в состав Древнерусского государства или сферу его влияния, проходят разные стадии политогенеза в разном хронологическом диапазоне. Кроме того, археологическое (вещное) отражение потестарно-политического явления, события, структуры или процесса всегда несколько запаздывает по сравнению с их реальным началом и

продолжает существовать примерно в течение жизни поколения после изменения исторических реалий.

В результате некоторой неадекватности самих реалий и их материального выражения, этапы их изменений также не полностью совпадают. Так, в историческом плане явно выделяются такие периоды, как конец VIII — середина IX в. (этап отдельных «вождеств»); вторая половина VIII — середина X в. (фазы становления, расцвета и кризиса «варварского» «двухуровневого государства»); вторая половина X — начало XII в. («раннее» по форме Древнерусское государство также состоит из трех фаз развития).

Археологически, особенно из-за неточности и малой степени дробности датировок, первые два этапа сливаются в один, так как явления первого зачастую находили свое адекватное археологическое отражение лишь на втором (с учетом характера накопления артефактов в культурном слое и обычно слабой его внутренней расчлененности на горизонты, а также того, что погребальный обряд отражает лишь конец жизни носителей реально изменившегося социально-политического статуса). Кроме того, новые артефакты обычно попадали в землю не сразу после «введения их в оборот» (исключение — монетные клады «торгового» характера), а сфера материальной бытовой культуры гораздо более консервативна, чем социально-политическая.

В итоге в таблице археологического (и в иных специальных дисциплинах) отражения потестарно-политического процесса становления и консолидации Древнерусского государства (этапов древнерусского политогенеза) выделены лишь два периода: до и после середины X в. Отчасти этот рубеж, достаточно четко отраженный в материалах археологии и нумизматики (начиная, правда, уже со второй половины и даже последней трети X в.), подтверждает и степень объективности главной, реальной и принципиальной грани в процессе становления древнерусской государственности.

Иные виды вещественных и этнологических источников и методы их применения. *Нумизматические источники,* имеющие отчасти (в частности, по способам их получения) отношение к археологии, составляют, однако, отдельный тип, причем, с учетом особой роли международных торговых путей для государствообразовательных процессов в Восточной Европе IX–X вв., особенно важный и достаточно объективный. Возрастание роли нумизматических материалов связано не только с обнаружением новых, но и главным образом с новыми методиками исследования «старых» кладов. Здесь следует отметить в первую очередь методы исследования состава кладов и их датировок, а также монетных потоков, использованные А.В. Фоминым (Фомин, 1982). Важна в данном аспекте контаминация последних с конкретно-политическими событиями, а не факторами торгово-хозяйственного развития. Другой

существенный в данной сфере исследования факт — это попытка выделения для части Днепровского Левобережья X в. («хазарско»-северянско-радимичского региона) особой денежно-вещевой системы, основанной на обрезанных в кружок дирхемах и «варварских» (хазарско-северянских) подражаниях последним (Куза, 1981. С. 38; Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, Зайцев, 1993), а также монетах болгарского чекана (Кропоткин, 1986). Интересно, что в настоящее время, когда количество кладов и местонахождений этой системы превысило 30 (Грачев, Лебедев, 2015. С. 69), ее существование из сферы гипотез перешло в разряд все более фундированных реалий. Границы распространения монет общерусской и «левобережной» систем могут соответствовать этнополитическим пограничьям X в., хотя многозначность нумизматических источников иногда приводит к прямо противоположным интерпретациям содержащихся внутри этих границ потестарно-политических систем.

Эпиграфические источники IX–X вв. находятся в теснейшей взаимосвязи с нумизматическими, так как основная часть буквенных, рисуночных и символически-геральдических знаков обнаружена и в последнее время исследуется (Е.А. Мельникова, А.В. Фомин, В.Е. Нахапетян, И.В. Дубов) в виде граффити на монетах. Основные результаты — это определение зон культурно-политического влияния в пределах Восточной Европы на ранних этапах ее политогенеза. Попытки достичь указанных целей, но опираясь не на граффити на монетах, а на весовые нормы, их названия и письменные источники, в недавнее время предпринимались А.В. Назаренко (1996–1997 гг.) и О.И. Прицаком (1998 г.).

Эмблематика, отчасти представленная в вышеописанном типе источников, приобретает самостоятельное значение в плане определения возможных истоков одной из этнопотеотарных единиц Восточной Европы IX в., а затем «верхнего уровня» складывающейся государственности — летописной «руси». Слабый момент здесь в том, что не всегда происхождение эмблемы или символического знака той или иной общности детерминировано происхождением последней, но может носить случайный и вторичный характер. Определенное значение для уточнения этнопотестарной структуры отдельных вождеств и племенных образований могут иметь их предполагаемые эмблемы — тотемы, отраженные в мелкой пластике.

Не только символические, но и реально-потестарные моменты (объяснение происхождения власти и обоснование права на власть в ранних формах государственности и на ранних линиях государствообразования) могут отражаться в *этногенетических, генеалогических* и *топонимических* легендах, в том числе заключенных в письменных источниках. Их изучение находится на стыке таких дисциплин, как *фольклористика, этнонимика, топонимика, генеалогия, антропонимика.* Их данные, в силу специфики источников и объектов

исследований, представляются наиболее гипотетическими, но в то же время и одними из самых перспективных в силу малого использования подобного рода материалов на широком сравнительно-историческом фоне. Здесь следует отметить попытки уточнения гносеологических корней некоторых русских генеалогических легенд у В.Я. Петрухина и А.П. Толочко. Среди фундаментальных исследований по антропонимике и этнонимике до сих пор первенствующее положение занимают работы Г.А. Хабургаева (Хабургаев, 1979) и Г.К. Валеева (Валеев, 1982а), с существенными дополнениями лишь по северянам.

Однако в области методики исследования мифов для реконструкции породивших их потестарно-политических реалий существенными представляются некоторые современные этнологические исследования, сделанные не на древнерусском материале. Интересны также принцип и методика установления степени контаминации между некоторыми типами обрядовых действий, свойств личности и ее «ценности», атрибутов того и другого с конкретными «моделями власти» и ее символами. В последних работах явственно прослеживается последовательное *применение сравнительно-этнографического* и *сравнительно-исторического методов,* что позволяет разорвать «замкнутый круг» ограниченности источников и гиперкритического (наряду с полностью доверительным) к ним отношения.

В данном аспекте наиболее существенным является вопрос о степени корректности применения этих методов. Сравниваться должны организмы, явления и процессы синхростадиальные, что отнюдь не обязательно предполагает их хронологическую одновременность и даже близость. Типологическая же однородность не означает обязательных контактов между потестарно-политическими образованиями и даже их расположения в одних физико-географических зонах и географических регионах. Наоборот, «подчас общества, очень далеко отстоящие — и территориально, и этнически, и хронологически — друг от друга, обнаруживают поразительную близость общественно-политических институтов» (Пашуто, 1973. С. 16). С другой стороны, недопустимо типологическое сопоставление рядом расположенных, хронологически одновременных и даже достоверно контактировавших друг с другом организмов, если один из них относится к «первичным», а другой — к «вторичным» государственным образованиям. Существенными для «чистоты» сравнения являются не только стадия развития общества, этап государствообразования, но и фаза развития конкретного этапа — становление, расцвет (стабильность), кризис, упадок, переходный период.

А) Археологический комментарий к событиям середины X в. в «Росии»

Обширный комплекс письменных источников всесторонне, хотя иногда и противоречиво, освещает бурные внешне-и

внутриполитические события на Руси и «вокруг» Руси. Пик этих событий приходится на первую половину и середину 40-х гг. X в., но их предпосылки описываются и ранее — со времен похода русов на Каспий (после 912 г., по ал-Масуди), отзвуки и последствия чего продлились до середины 80-х гг. X в. (окончательное присоединение радимичей и части вятичей произошло в первой половине 80-х гг., по ПВЛ).

Анализ этих событий (прежде всего их «пика») вращается вокруг двух главных письменных источников — рассказа ПВЛ и так называемого «Кембриджского письма» (или, как мы ранее его называли, «Документа Шехтера»). Именно соотношение их данных, при дополнительном привлечении нескольких письменных источников, определяет содержание той или иной концепции по отношению к указанным событиям.

Соблазн по-своему трактовать эти интересные и противоречивые события, делая упор на тот или иной источник, создал вокруг них обширную историографию, чему в свое время отдали дань и мы. Обзор предшествующей историографии делался несколько раз (Половой, 1961. С. 85–104; Петрухин, 2000; Семенов, 2005), иногда с попыткой дать свою типологию концепцией (Горский, 1999; Майко, 2012–2013), что избавляет нас от подобной обязанности, хотя автор и имел свою точку зрения на диахронную классификацию процесса изучения этих событий и формирование современного уровня научного комплексного подхода в складывании концепций.

Автор, с учетом своей научной специализации, приложил руку к двум аспектам процесса исследования событий, источников и персонажей. Это сравнительный контент-анализ именника преамбул договоров руси с греками, проделанный при подготовке докторской диссертации в 1997 г. (защищена в 2000 г.). В результате была проанализирована возможность отождествления князя Улеба из договора 944 г. с X-л-гу «Документа Шехтера» и главой похода 943 г. на Бердаа (Шинаков, 2002а. С. 167–168, 187; 2003в; 2009а. С. 188, 189). Мы уже говорили об этом выше, как и о нашем сравнительно-корелляционном анализе образа Вещего Олега с возможными его реальными и литературно-эпическими прототипами. В результате, напомним, было определено практически полное отсутствие корелляционной связи (коэффициент сопряженности — чуть более 0,1) между двумя этими образами (Шинаков, 2009а), чем «математически» подтверждены взгляды многих авторов, которые эту связь отрицали.

Что касается второго аспекта — археолого-нумизматических соответствий событиям 940-х гг., то пальма первенства здесь принадлежит черниговским исследователям (Т.Г. Новик, Ю.Ю. Шевченко, А.Н. Уманец), по данным археологии обосновавшим возможность правления в Чернигове особой русской династии, представитель которой и мог возглавить походы как на Хазарию, так и на Бердаа (Уманец, Шевченко, 1995. С. 66). Кстати, в осторожной форме

и эмпирически они отождествили его с отцом Улеба по договору 944 г. (Там же). Автор, его коллеги и ученики затронули вопрос об археолого-нумизматической «рефлексии» на кризис 40-х гг. еще на рубеже 80–90-х гг. XX в. (Шинаков, Григорьев, 1990; Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, Зайцев, 1993). В дальнейшем высказанные там положения, особенно в нумизматической сфере, находили все новые и новые подтверждения, что заставило тех же исследователей вновь вернуться к той же проблематике, но уже на основе не догадок и отдельных подтверждающих их материалов, а на новом витке получения и введения в научный оборот гораздо более массовых археолого-нумизматических источников (Шинаков, Григорьев, 2017; Шинаков, 2017). Рассмотрим эти и некоторые новые материалы, иллюстрирующие предпосылки, некоторые события хода кризиса и, главное, его последствия.

Первое. По данным археологии и нумизматики, в IX — начале X в. существовал отдельный (не по Волге) Оке ко-Донской путь в Хазарский каганат, главным пунктом которого было городище Супруты на притоке Средней Оки — р. Упа, по которой шел прямой путь на верховья Дона. Второй маршрут проходил через регион «Вантит» (городище Титчиха — Боршево и др.) при впадении р. Воронеж в Дон (Пряхин и др. 1997; Тропин, 2019. С. 51). В X в. (особенно в его середине) именно через этот микрорегион из Волжской Болгарии попадал основной поток арабских дирхемов, а также их болгарских подражаний (Шинаков, Гоглов, Чубур, 2025).

Второе. Городище Супруты гибнет в пожаре; в его культурном слое встречены скелеты погибших жителей и скандинавские ланцетовидные наконечники стрел, принадлежавшие русским дружинникам. Дата его гибели пока спорная — либо 965 г. (поход Святослава на вятичей), как считалось ранее (Изюмова, 1971. С. 76), либо 10-е гг. X в., когда его могли разорить верхневолжские русы во время похода на Каспий (Григорьев, 20056. С. 163–164). Но очевидно, что это случилось во время одного из походов русов на мусульманский Восток либо на Хазарию по Донскому пути, и, скорее всего, это были не киевские, а черниговские или даже «северные» русы (киевским проще было идти по Днепру, а затем вокруг Крыма на Тамань и Меотиду). Крепость Саркел была построена хазарами, чтобы контролировать и при необходимости перекрыть именно этот путь. Поход Святослава на Саркел, наиболее вероятно, проходил по Оке и Дону через землю вятичей. Однако этим же путем мог попасть в Приазовскую Хазарию и Х-л-гу, особенно если он был черниговским князем, и напасть на Самкерц не с юга, а неожиданно — с севера. Кстати, археология и историко-физическая география косвенно свидетельствуют о втором возможном варианте похода русов на Каспий из Азовского моря (как бы они сюда ни попадали) — не через Доно-Волжский волок, а напрямую, минуя контролируемое хазарами устье Волги. Об этом говорит находка

каменного креста с кириллической надписью XI в. на водоразделе рек Маныч и Кума (Кузнецов, Медынцева, 1975. С. 11–17), верховья которых практически соединялись в период разлива, образуя, как считают палеогидрологи, сплошной путь из Азовского в Каспийское море вплоть до XIII в. (Брун, 1863. С. 123; Ковалевский, 1953; Чепалыга, Мисюров, 2006).

Третье. Археологические данные свидетельствуют не только о культурных контактах, но и о прямом взаимодействии и синтезе славян Юго-Востока (в первую очередь северян) с алано-болгарской салтово-маяцкой культурой, а с конца IX в. — с Волжской Болгарией. Это обеспечило приток дирхемов (документируемый кладами), мало зависимый от периодических его перерывов из-за русско-хазарских конфликтов. Нумизматика показывает нам возможную торгово-экономическую причину желательности для господствующей верхушки Юго-Востока не быть ассоциированной с Киевом, как и те силы, от которых она потенциально могла получить помощь в борьбе с русскими князьями.

Четвертое. Хронология монетных кладов также объясняет часть причин походов русов на Восток: часто они приходились на период прекращения поступления дирхемов (например, в конце IX — начале X в.) (Фомин, 1982. С. 10) и нередко преследовали цель возобновления монетного потока. Наиболее очевидный факт — походы Святослава на Хазарию вызвали резкое (и последнее) усиление притока дирхемов в 70–80-х гг. X в. Отражением походов черниговских русов на Восток явились, как считают их исследователи, дирхемы и иные предметы, а также сидячие захоронения — «результат браков с ассирийскими и северскими княжнами» (Новик, Шевченко, 1995. С. 98–99; Уманец, Шевченко, 1995. С. 66).

Пятое. С 30-х по 80-е гг. X в. на территории северян, отчасти восточных радимичей и южных вятичей функционировала особая, отличная от киево-новгородской денежно-весовая система, где монеты принимались на вес, основанная на приеме дирхемов по номиналу, для чего последние (а также подражания им, в основном болгарские) обрезались в кружок. Имели место и попытки чеканить свои, местные подражания. Количество кладов и местонахождений монет этой системы уже превысило три десятка[87], но, когда наличие данной монетной системы в позднероменской культуре лишь гипотетически постулировалось В.В. Зайцевым и автором этой книги (Шинаков, Зайцев, 1993), число подобных кладов и находок отдельных монет не достигало и десяти. Присутствие особой денежно-весовой системы на строго определенной территории говорит о наличии общих для нее структур власти, эту систему поддерживающих. Обнаружение кладов 30-х гг. X в. свидетельствует, что готовить ее начали загодя, до военно-политического кризиса Руси, пользуясь близкими связями с Хазарией, но особенно с Волжской Болгарией после принятия ею ислама и

установления особых отношений с мусульманским миром, в том числе с основным поставщиком дирхемов в X в. — эмиратом Саманидов. Резкий «обрыв» системы в 80-х гг. X в. говорит о крушении поддерживающих ее структур (приток дирхемов еще какое-то время сохранялся, но обрезанных в кружок уже не было).

Шестое. Археологически именно для X в. (местами и чуть раньше) на Руси четко фиксируется наличие двух типов культур. Это — культуры славянских, финно-угорских, балтских «племенных объединений», или «вождеств», разного типа, единые внутри себя, однако отличные друг от друга, и синкретичная, но общая по всей Восточной Европе так называемая «дружинная» (но не только) культура отдельных центров Руси. Описательно такую структуру наиболее адекватно отразил А.А. Горский (Горский, 1999. С. 49), а картографически — автор (Шинаков, 2002а. Рис. I: 2–4). Это не новое открытие и давно известно археологам. Тем не менее прямо касается нашего вопроса и является действительно новым то, что сначала на рубеже IX–X вв., а затем в середине X в. в ареале ромейской культуры и сопредельных территорий формируется комплекс женских украшений, единый для отдельных крупных центров (типа Супрут) и микрорегионов (типа Рыльского Посемья). Это — престижные, статусные вещи, отражающие, скорее всего, потестарный ранг мужей их владелиц, и принадлежат они уже надплеменной, «предгосударственной» элите. Это, прежде всего, лучевые кольца, имеющие одинаковую форму в пунктах, разделенных иногда сотнями километров. Интересно, что в начале X в. лучевые кольца определенного типа появляются в земле древлян, ранее всего — в ее столице Искоростене, где жила правящая знать. Начинают вырабатываться даже особые местные формы (Звездецкий, 2006. Рис. 5; Шинаков, 1980б). Возможно, это свидетельствует об установлении «горизонтальных» культурно-идеологических контактов местной надплеменной верхушки древлян с потестарной элитой Юго-Востока, имеющих потенциально «антирусскую» (по крайней мере, антикиевскую) направленность. Но у древлян эти тенденции развития не получили, будучи резко оборванными военным путем в середине X в. За сохраненную северянами независимость надо было платить — и в начале второй половины X в. на нескольких городищах Посемья наблюдается поновление и усиление укреплений.

Седьмое. Чисто археологическими (монеты и клады используются только для датировки, а последние, но не всегда, еще и как свидетельство гибели их владельцев) являются материальные следы военных действий, прежде всего, взятия и разгрома городищ. Они фиксируются для двух периодов и регионально разделены: в середине X в. — земля древлян, в 70-х и 80-х гг. (может быть, и середина 60-х гг. — Супруты — по старой нашей версии и А.В. Григорьева) — земли северян и южных вятичей. По новой версии, самый первый,

«превентивный» удар был нанесен по ключевому пункту на Окско-Донском пути — Супругам — еще в 10-х гг. X в. в начале одного из «восточных» походов, что, однако, хода событий не изменило. Отпали от «Росии» древляне, и карательная акция против них превратилась в настоящую войну с правильной осадой городов, что отразилось (как и в Супругах) на материалах археологии. Наиболее четко все признаки разгрома и пожара, после которого не были собраны даже серебряные украшения, фиксируются в столице — прекрасно укрепленном, находящемся на скале Искоростене (Шрамм, 1999. С. 257–258). Как считают некоторые исследователи, в состав его гарнизона входили даже «свои» варяги-скандинавы, служившие князю Малу (Там же. С. 258–259). Впрочем, и на другом погибшем городище — Супругах, наряду со славянскими, финно-угорскими, салтовскими и хазарскими древностями, встречены и «местные» скандинавские — железная гривна на шее скелета (Григорьев, 20056. С. 81, 96). Кстати, эти факты очень важны для характеристики этнокультурной специфики переходного периода между этапом «вождеств» (или племенных объединений) к раннему государству. Кроме Искоростеня, жизнь в середине X в. навсегда или надолго прерывается и на других древлянских городищах — Малин, Хотомель. И наконец, четко фиксируются следы процесса преодоления последних последствий кризиса середины X в. — ликвидация независимости северян: это следы разрушений и пожаров на городищах Посемья, сопровождаемые «невостребованными» кладами 70–80-х гг. X в., даже поля битв (Любожичи под Трубчевском, Борки под Погаром) (Шинаков, 1995 а. С. 82–84), захоронения погибших в конце X в. воинов в Шестовицах, Гочево, Левенке, Кветуни и других некрополях Северянской земли и русско-северянского пограничья.

Б) «Дружинные лагеря» как база для объединения «племен»

Одним из типов славянских укрепленных поселений — «градов» могут являться так называемые «дружинные лагеря». Гносеологическими предшественниками данного термина в историографии могут считаться лагеря варягов-наемников (например, Шестовицы под Черниговом), которых «селили… за пределами городских стен» (Рыбаков, 1982). «Норман — низм» Б.А. Рыбакова по отношению к данного типа поселениям был значительно разбавлен комплексным подходом к определению их «более широкого значения… как в этническом, так и экономическом планах, хотя скандинавские дружинники и останавливались в этих пунктах» (Рыбаков, 1982. С. 315). В дальнейшем был определен специфически древнерусский характер подобных поселений, хотя и стадиально близких более ранним викам (например, Ладога) в «сети балтийских протогородов», но, в отличие от последних, контаминированных, прежде всего, с государствообразовательными, а не торгово-ремесленными процессами. Эти «торгово-ремесленные поселения при дружинных

погостах», чье ремесло и торговля были во многом ориентированы на нужды великокняжеской дружины, «представляют собой уже отчетливую раннегородскую сеть», связанную со столичным Киевом (Петрухин, Пушкина, 1979).

Термин «дружинный лагерь» прозвучал в работах автора в связи со «станами или становищами» на «важных водных путях», в том числе на пути «полюдья» (Шинаков, 1986). Параллельно этот термин был применен и к Северной Руси (селище 2 около Сарского городища под Ростовом Великим), а чуть позднее — к Шестовицкому комплексу (Андрощук, 1995а). Однако ни в одной из указанных работ разработка самого понятия, его специальных археологических и топографических признаков не являлась главной задачей их авторов. В проблеме типо-терминологического определения понятия «дружинный лагерь» можно выделить несколько аспектов.

1. Источники снабжения постоянных контингентов войск, сконцентрированных в одном месте («лагере») в течение достаточно длительного времени

2. Функциональное оправдание появления «лагерей» особыми, а то и чрезвычайными обстоятельствами; выделение возможных зон таких явлений

3. Предполагаемый внутренний распорядок «лагерей», а также их возможные внешние (археологические) признаки

4. Соотношение «населения» «лагерей» с иными частями войска, связи его с потестарно-политическими органами

5. Наиболее вероятные «претенденты» на роль данного типа пунктов в Древней Руси

6. Место идентифицированных «дружинных лагерей» среди других аналогичных им типов военных поселений

7. Место «лагерей» в раннегородской сети на Руси

В данном разделе нашей книги невозможно рассмотреть в равной степени подробно все указанные аспекты, тем более что этому были посвящены соответствующие разделы диссертации и предыдущей монографии автора (Шинаков, 2002а). В них на основе синтеза данных археологии, письменных и топонимических источников, сравнительно-этнографических и сравнительно-исторических материалов была сделана попытка провести целевой типологический анализ как «идеальной модели» подобного «лагеря», так и реальных археолого-топографических претендентов на такую роль. Наиболее вероятными типологическими (в функционально-конструктивном плане) предшественниками (и, возможно, образцами для подражания) представлялись датские «лагеря викингов» или «королевские крепости» (Лебедев, 1985б; Мельникова, 1987).

Наиболее надежным индикатором «дружинных лагерей» X в. могут считаться их некрополи. По хронологическому диапазону и часто по размерам они меньше, чем некрополи погостов (в состав которых, как в

Гнёздово, они, впрочем, могли входить), пограничных крепостей (например, Гочево), опорных пунктов Руси у покоренных племенных «градов» (Кветунь). Женские захоронения могут присутствовать, в чем их отличие от датско-вендского образца такого лагеря — Йомсборга[88], но они составляют небольшой процент (например, до 30 % в Лепляво, см.: Шинаков, 1980а). Процент женского населения можно еще «уменьшить», если учесть, что много мужчин погибало в походах, о чем косвенно свидетельствуют и кенотафы. Степень внутренней дифференциации воинских захоронений скорее низкая, чем высокая. Здесь представлена «средняя» по степени вооруженности и рангу дружина, то есть не «лучшие мужи» и в то же время «отроки», а воины уровня «гридей» (с ними в 980 г. такие «лагеря», возможно, и вступили в фазу расцвета). Таким образом, для данных пунктов речь, вероятно, идет не о личных или данных князем дружинах бояр-воевод, типа Свенельда или Претича, а либо о части «большой дружины», временно сконцентрированной (и далее отчасти погибшей) на направлениях главных ударов против «племенных княжеств», либо о вольных отрядах, находившихся как целое (наподобие йомсвикингов) на службе у тех или иных князей. О такого типа составе гарнизонов «провинциальных погостов» пишет Н.Г. Недошивина (для Ярославского Поволжья): здесь присутствует младшая дружина — «отроки», «вооруженные (по данным захоронений) в основном стрелами, и, наряду с ними, богатые боярские захоронения с мечами» (Недошивина, 1991. С. 174).

Недаром и само слово «гридь» восходит к скандинавскому hird, а ближайшей аналогией русским лагерям являются все же датские. В этой связи автором была высказана мысль о датском в значительной степени происхождении варягов Владимира Святославича в 980 г. (Шинаков, 20046). Наиболее определенно такой «средний» уровень дружины выступает в предполагаемых лагерях Сновской тысячи — Сновске, Левенке, а также в Заолыианской группе Гнездова (Каменецкая, 1991). Уровень вооруженности шестовицкой дружины выше (до 50 %) — это мечи, скрамасаксы, сабли, предметы конской упряжи (Блхфельд, 1977). Однако, скорее всего, в Шестовицах была просто более богатая в целом, а не более дифференцированная дружина.

«Разноэтничность», отраженная в погребальном обряде и инвентаре, — явление естественное, хотя и не обязательное. Что касается дружинных камерных захоронений, то в предполагаемых «дружинных лагерях» их процент разный. На северной окраине «Русской земли» (Левенка) — 100 % воинских захоронений (впрочем, их исследовано здесь всего два), в южной (Лепляво) — 75 %. В то же время в Шестовицах их лишь 15 %, но в Сновске (Седневе) исследована всего одна «камера», а в Заольшанской группе Гнездова — три (самые богатые среди всех типов воинских захоронений). Впрочем, в

некоторых случаях, когда «камеры» составляют от 25 % до 50 % всех захоронений (Липино на Сейме) (Засурцев, 1949; Шинаков, 1980а), они никак с воинским контингентом не связаны.

Признаки самих поселений данного типа более гипотетичны и связаны с конкретными функциями «лагерей» и их топографической локализацией.

Предполагаемые «дружинные лагеря» отличают от «погостов», этих опорных пунктов государственной власти, где также была дружина, и от пограничных «градов» с их постоянными гарнизонами не столько набор функций и внешних (археолого-топографических) признаков, сколько соотношение, удельный вес и тех и других. Скорее всего, можно говорить об агломерациях на важнейших участках территории. В агломерации (археологические комплексы и гнезда) могли входить структурные единицы различного назначения — собственно погосты, торгово-ремесленные поселения, культовые центры, «лагеря» сменных (наемных) дружин. В данном случае мы имеем в виду не «пары городов» Гнёздово — Смоленск, Шестовицы — Чернигов, Левенка — Стародуб и т. д., а наличие в комплексах типа Гнёздово, Шестовиц, Сарского, Сновска, Левенки нескольких синхронных (или почти одновременных) городищ и селищ с разными функциями, а также связанных с ними культовых и погребальных комплексов. В динамичном русском политогенезе второй половины X — середины XI в. неизбежным было изменение функций (или удельного веса тех или иных из их относительно стабильного набора), что не могло не отразиться, хотя и с некоторым запозданием, и на соотношении значения того или иного составного элемента агломерации, вызывая его расцвет и (обычно постепенный) упадок. Так, в Левенке находился первоначально стан на пути «Большого полюдья», затем — «дружинный лагерь» для покорения части северян и радимичей. В XII в. он сменяется небольшой укрепленной усадьбой с обширным селищем вокруг, находящейся в 5 км от первого комплекса. Однако в конце XI — начале XII в. оба комплекса, вероятно (судя по типологии керамики), сосуществуют; правда, центр тяжести из укрепленной части первого из них постепенно перемещается на «мозаичное» по топографии, «пульсирующее» селище в петле р. Вабли (Шинаков, 19876). Тем не менее для поселений, которые хотя бы короткий период были монофункциональны, можно выделить на Левобережье Днепра некоторые топографические признаки. Это, как правило, низкий вытянутый мыс, вдающийся в речную пойму, с двух сторон «обрезанный» рвом и валом. Позднее ближе к основанию мыса может пристраиваться небольшое кольцевое городище. Укрепления первоначально не очень мощные, но охватывают несколько большую, чем в приграничных крепостях-заставах, площадь. Наличествует большой и свободный выход к реке.

В качестве предварительного итога можно констатировать частичную неадекватность предполагаемых (и весьма немногочисленных, возникавших, скорее всего, по конкретным и в разных случаях и регионах — разным поводам) древнерусских «дружинных лагерей» как датским «лагерям викингов», так и русским «дружинным погостам», не говоря уже о типологически, стадиально-хронологически и территориально более дальних сородичах (лагерях легионеров и краалях зулусов), хотя и по иным причинам. Их также нельзя выделить и в особый, устойчивый тип со стабильными признаками среди предгородских центров Древней Руси X в. Условно их можно поместить на перекрестье признаков таких типов поселений, как «дружинные погосты», ОТРП или ВТРП[89], пограничные крепости и княжеские «грады». Первые два типа могли включать «лагеря» в свою поселенческую структуру, последние — отчасти выполнять их функции, не выделяясь топографически.

В функциональном отношении предполагаемые «дружинные лагеря» можно разделить на два типа, связанные преимущественно с наступательным либо оборонительным характером военных действий. Первые располагаются на перекрестьях важных путей и на межплеменных пограничьях, либо (например, Сарское, возможно — Кветунь, Гнёздово) рядом со столицами местных княжеств, выполняя контрольную или вспомогательную функцию. Вторые находятся на некотором отдалении от степных, прежде всего пограничных линий (Лепляво во второй период своего существования, Белгород, специально для этого созданный). Белгород, подробное описание которого как пограничного «дружинного лагеря» — крепости уже давалось (Шинаков, 2002а), в то же время находился на кратчайшем пути из Киева в землю древлян. В этой связи его предшественник мог ранее использоваться для концентрации киевских войск перед походом на древлян, то есть выполнять функции первого типа.

Неподалеку от противоположного (западного) конца земли древлян, на ее пограничье с Карпатской Хорватией и Волынью, находится еще один претендент на роль «дружинного лагеря»: Плисненск (Плесненск) — Подгорцы. Хотя исследованная укрепленная площадь детинца, сооруженного в IX–X вв. (Раппопорт, 1965), очень небольшая (40 х 90 м), а окольный город возник позднее, тем не менее общая его укрепленная валами (скифского времени?) площадь — 56 га (Кузя, 1996). Данный археологический комплекс, кроме того, располагается на перекрестье двух путей. Это водораздел бассейнов Западного Буга, Днепра (через Припять) и Днестра, связывающих Балтику с Причерноморьем. В то же время через этот водораздел мог проходить самый удобный вариант сухопутного пути из Центральной Европы в Киев (так называемый «Баваро-хазарский» путь) (Херрманн, 1988; Назаренко, 1994; Моця, Халиков, 1997). Позднее обширная укрепленная площадь Плесненска могла использоваться для временной

концентрации войск Владимира Святославича, предназначавшихся для покорения Волыни, Червенской земли и хорватов. В XI в. его значение, естественно, должно было снизиться, но в XII — начале XIII в. снова возрасти из-за расположения на стыке трех княжеств: Галицкого, Волынского и Киевского. Но в данном аспекте возможность типологической принадлежности Плесненска к «дружинным лагерям» еще предстоит исследовать.

В целом можно констатировать, что проблематика «дружинных лагерей» еще слабо разработана, хотя и является перспективной в сравнительно-историческом и политикотипологическом аспектах древнерусского государствогенеза.

В) Региональные различия в характере размещения населения по археологическим и физико-географическим данным Данный вопрос, за исключением отдельных микрорегионов, является абсолютно неотработанным в историографии. Основные виды источников — археологические, в меньшей степени письменные и топонимические.

По характеру размещения населения в пределах Древнерусского государства и отдельных княжеств (конец IX — начало XIII в.) условно можно выделить четыре зоны: северную (без Пскова), западную (без Полесья и Карпат), южную пограничную и промежуточную — юго-восточную, примерно совпадающую с Черниговской землей в самом широком смысле (включая Рязань).

В северной зоне земледельческое, особенно пришлое, славянское население располагалось буквально островками на раменях и опольях (Юрьев-Польское, Суздальское, Касимовское) среди бескрайнего океана лесов, освоенных в основном охотниками и рыболовами. Главными и самыми ранними районами концентрации населения были котловины великих озер Русского Севера, а именно юго-восточный берег озеро Нево (Ладоги), берега Ильменя, Белого озера, а особенно котловины озер Неро и Клещино с их озерным илом-сапропелем, который по плодородию не уступал южным черноземам. Подобное «островное» расположение населения породило даже отождествление ладожской и новгородской групп концентрации населения, окруженных болотами и лесами, с известным из восточных источников «островом русов». В частности, Ибн Русте отмечает: «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр от того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги» (Ибн Руста, 1985. С. 198–199; Лебедев, 19856. С. 207, 217).

Север Восточной Европы действительно ранее всего, судя по данным археологии и саг, был освоен русами-скандинавами благодаря функционированию Великого Волжского пути[90]. Однако их центры, вроде международных торговых портов-«виков», были привязаны не к

плодородным сельхозугодиям, а к водным магистралям. Это же можно сказать и о размещении славяно-русского населения уже с XI в. на крайнем Севере вплоть до Белого моря, только вместо «виков» здесь были погосты и крепости (Makarov, 1994; Макаров, 1994). На пересечении последних и районов концентрации местного сельского населения и возникают небольшие, отнюдь не охватывающие всех племен данной этнической общности, племенные княжения словен, веси и мери.

Западная зона с более густым и менее привязанным к международной торговле (за исключением Полоцка) населением обладает гораздо большей равномерностью и стабильностью в его распределении. Парадоксально, но этими характеристиками обладает даже самая внешнеполитически беспокойная Псковская земля (даже позднее, в эпоху противостояния с Ливонским орденом[91]). Наибольшей же равномерностью в размещении населения отличаются Минская возвышенность, Волынь, земля древлян (юг Турово-Пинско-го и запад Киевского княжеств); в Полесье и Карпатах гнезда поселений разделены естественными препятствиями — болотами (часть Турово-Пинского княжества) и горными отрогами (галицкие земли). При этом к северу от Припяти устойчивое развитие земледелия достигалось использованием сохи, к югу — плуга. Относительная равномерность населения диктовалась сравнительной однородностью ландшафтов. При этом плотность сельского населения увеличивалась по мере приближения к городам, в чем сказалась особенность развития городов средневековой Руси по сравнению с Западной Европой. При этом наибольшая концентрация населения наблюдалась в 20-километровом радиусе, из поселений которого человек мог съездить в город и вернуться обратно за один день (Дегтярев, 1982).

Характер размещения населения в южной зоне определялся не столько природными, сколько военно-политическими факторами. Здесь самые плодородные почвы — это степные черноземы, но постоянная кочевническая опасность заставляла пустовать часть этих земель. Поселения располагались цепочками вдоль пограничных речных оборонительных линий (в особенности по рекам Рось и Сула). Затем следовало пустое пространство шириной до 30 км (один дневной переход), а уже за ним — плотно (плотнее, чем где-либо еще) заселенное ядро Киевского и Переяславского княжеств[92]. Последнее при этом имело сходный характер размещения населения и на своих северных границах, к которым вел степной коридор. Таким образом, все Переяславское княжество представляло собой большой укрепленный район, вдобавок еще разделенный на небольшую столичную округу и основной массив населения бесплодными солончаками. На последних разместили скотоводов: перешедших на сторону Руси половцев («черных клобуков»). Одновременно черниговские князья поселили

своих «поганых» (ковуев) в степном коридоре между Десной и Осетром, по которому проходила чернигово-переяславская граница.

Гнездами в небольших лесных массивах лесостепи располагаются земледельческие поселения за пределами государственных оборонительных линий, на так называемых «восточных территориях» (Шинаков, 1991а) (попеременное владение Переяславского и Новгород-Северского княжеств) и в Подонье (Цыбин, 1987), где основу первоначального населения составили «бродники» (прообраз казаков).

Юго-восточная, промежуточная по типу зона, являет собой наибольшую пестроту в проживании населения. Именно эти территории наиболее подробно рассмотрены в историографии по своим отдельным составным частям. В пределах этой зоны наибольшей однородностью (но не плотностью) размещения населения отличается земля вятичей, поделенная в итоге между тремя княжествами: Черниговским, Владимиро-Суздальским и Рязанским. Касается это как ее южной, лесостепной, так и северной, лесной (в современном Подмосковье) части. Диктовалось последнее обстоятельство, возможно, тем, что при отсутствии здесь крупных городских центров (за исключением Рязани на самой восточной окраине земли вятичей и, как показали последние исследования, домонгольской Москвы) она была насыщена малыми городами и замками, к которым достаточно равномерно тяготело сельское население (Никольская, 1991).

В южной части юго-восточной зоны — в Курском Посеймье, население группировалось в крупные районы расселения с поперечником в 20–30 км, среди них пограничные были по периметру окружены цепочкой крепостей. Возможно, в состав их гарнизонов входили «княжеские воины пограничной Курской земли, особенность которой заключалась в том, что здесь, на границе с Половецким полем, существовали укрепленные, готовые к обороне деревни… Кметы, подвластные Всеволоду Святославичу, могли совмещать сельское хозяйство с постоянной пограничной службой, как совмещали это позднейшие казаки в этих же местах» — так характеризует Б.А. Рыбаков эти пограничные укрепленные районы и их население (Рыбаков, 1979. С. 47).

Плодородные земли между этими районами заселены не были. И земля вятичей, и Посеймье были отделены от Подесенья малозаселенными (лишь вдоль путей через них) долинно-зандровыми лесами (Чубур, Гурьянов, 2020). В самом Подесенье, несмотря на пестроту составляющих его ландшафтов, население размещалось достаточно однородно. Безусловно, наиболее плотно были заселены ополья (из 10–11 ополий Восточной Европы 5–6[93] находятся именно здесь), но и разделяющие их участки полесья (особенно радимичское, на границе Черниговского и Смоленского княжеств) отнюдь не пустовали.

Максимальная концентрация населения наблюдалась в ближайшей округе столицы княжества — Чернигова, особенно в междуречье Нижней Десны и Днепра: это районы не столь плодородные, как пограничная лесостепь или ополья на междукняжеских границах, зато наиболее безопасные[94]. Если в опольях использовали в основном рало, то в полесьях — соху[95]. Не были абсолютно пустыми и долинно-зандровые леса к северу от Десны (между Ветьмой и Болвой), хотя данные земли на пограничье встречных потоков вятичской и кривичской колонизаций долее всего сохраняли архаичный этнический (балтский) и хозяйственный (подсечно-огневое земледелие) облик (Маслов, Антипина, 1993; Гурьянов, Чубур, 2018). В некоторых случаях незаселенной оставалась узкая пограничная чернигово-смоленская (а ранее русско-северянская и русско-радимичская) полоса на плодородных, но открытых землях предополий (Шинаков, Сарычев, 1993; Шинаков, Гурьянов, 1995); в то же время пограничные леса оказывались весьма густо заселены так называемым «негосударственным населением»[96].

В целом в промежуточной, юго-восточной зоне на характер размещения населения оказывали воздействие и чисто хозяйственные факторы, как в западной и особенно в северной зонах, и военно-политические, как в южной. Если в земле вятичей преобладали первые, то в Курском Посеймье — вторые, а в Подесенье, оказавшемся на перекрестке междукняжеских границ, наблюдается неустойчивое равновесие обоих факторов.

3. Комплексный анализ источников событий середины X в. на Руси, в Причерноморье и на Кавказе

Период Древней Руси, как это неоднократно постулировалось в связи с ограниченностью и изученностью корпуса письменных источников, может дать новые подходы и решения лишь при новых методиках анализа известных источников и привлечении новых категорий (археологические, нумизматические, сфрагистические и т. д.). В этом случае новое освещение событий вполне возможно. С одной стороны, это применение к письменным источникам давно используемого в археологии корреляционного анализа (в частности, при контент-анализе текстов), с другой — комплексный анализ разных типов письменных источников, «привязанных» к одному событию или явлению, а также, в-третьих, это привлечение к анализу определенного периода разных категорий источников. Поскольку автор в свое время приложил руку ко всем трем методикам, в данном случае остановимся

на одном факте и его комплексном изучении. Это события 40-х гг. X в., по-разному трактуемые в историографии. Они имеют два аспекта комплексного подхода. Во-первых, события, по принципу непротиворечивости источников, освещены в разных письменных документах, дополняющих друг друга; во-вторых, материалы археологии и нумизматики как бы «сопровождают» их и дополняют письменные источники.

Разные стороны и аспекты событий, которые в ПВЛ помещены под 941–946 гг., и их последствия прямо или косвенно нашли свое освещение в двух русских, одном русско-византийском (договор руси с греками), почти десятке византийских, четырех иудео-хазарских и двух (возможно, трех, если контаминировать описанный ал-Масуди поход русов на Каспий с этими же событиями) мусульманских, двух латиноязычных западноевропейских источниках, которые в комплексе скорее дополняют друг друга, а не противоречат (кроме дат в ПВЛ и НПЛ).

Начало цепочки событий — это неудачный поход Игоря на «греков» 941 г., в НПЛ помещенный под 920 г., а по «Документу Шехтера» предваряемый, по наущению василевса, вначале удачным, но далее разгромным для русов походом на хазар. Кроме того, по НПЛ, Игорь не сам возглавил поход, а «послал» какого-то князя или воеводу. Имя его, по «Документу Шехтера» — Х-л-гв (Х-л-гу, Хельгу, Хальга и др.). Он имеет в историографии разные варианты идентификаций. Мы, напомним, отождествляем его с упомянутым в русско-византийском договоре 944 г. предположительно черниговским князем Улебом, за которого, в связи с отсутствием мужа и неизвестностью его судьбы, договор подписывает его жена Сфандра (Шинаков, 2002а). Преобладают же отождествления Х-л-гв с Олегом («Вещим» или его более поздним двойником), благо что, по НПЛ, он вместе с Игорем ходил во второй, успешный поход на греков в 922 г. (после первого, неудачного), или с самим Игорем или одним из подчиненных ему князей (в том числе и черниговских), воевод, а то и отдельным, независимым причерноморским или тмутараканским князем.

Однако как мусульманские (Ибн Мискавейх), так и косвенно византийские (Лев Диакон) сведения весьма расширяют и дополняют как событийный причинно-следственный, так и географический диапазон военнополитических коллизий 943–945 гг. в русских летописях и «Документе Шехтера». В частности, ключевое значение (в комплексе с рассказом Ибн Мискавейха) имеет короткая фраза Льва Диакона о том, что после поражения «Ингор» «прибыл к Киммерийскому Боспору» (Лев Диакон, 1988. С. 57), и сообщение автора «Документа Шехтера», что Х-л-гв «бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в FRS, и пал там он и весь стан его» (Древняя Русь… Т. III. 2009. С. 182–183). В.Я. Петрухин (до него — Н.Я. Половой, а еще ранее А.Я. Якубовский) считает возможным связать

последнюю фразу с походом русов на Бердаа 943–944 гг. Впрочем, имеются и иные трактовки FRS, например — «Тирас», Фракия (Голб, Прицак, 2003), однако автор придерживается точки зрения В.Я. Петрухина. Если добавить к этому смутные сведения о гибели Олега Вещего где-то за морем (причем как в ПВЛ, так и в НПЛ), то выстраивается комплекс в целом дополняющих друг друга, хотя и противоречивых в частностях сведений.

Впрочем, у некоторых современных исследователей еврейско-хазарских документов существует мнение, что автор «Документа Шехтера» здесь упоминает другой известный поход русов на Каспий и берега Персии, произошедший между 912 и 928 гг. (или 920 и 928 гг.) и подробно описанный ал-Масуди (Голб, Прицак, 2003. С. 166, 192). Однако у ал-Масуди поход «500 кораблей» через Керченский пролив, Дон и Волгу на прикаспийские области Персии никак не связывается с предшествующим нападением на Византию и тем более Хазарию. Но именно контаминация этих трех походов — ключ к непротиворечивому пониманию комплекса данных разных источников о событиях 40-х гг. X в. Таких данных нет и у Ибн Миска — вейха при описании похода на Бердаа в 943 г. (или 945 г.), но у него имеется логичная «увязка» дат. Поход же 912–928 гг. мог быть связан с этими событиями, только если принять хронологию НПЛ (920 г.), которая противоречит уже не только ПВЛ, но и Лиутпранду, и всему комплексу византийских источников, где указан 941 г. Предположить же наличие двух схожих по деталям событий (разгром русов в результате применения «греческого огня») — это уже более смелый уровень допущений. В то же время привлечение дополнительных латинских источников указывает на «исток» всей цепочки событий — начало гонений на евреев в Византии в 30-х гг. (Голб, Прицак, 2003. С. 121; Sharf. P. 98), да и ал-Масуди говорит о «нашем времени» (свое произведение он завершал в 943–944 гг.). И наконец, царь Иосиф, в правление которого все вышеописанные события происходили, начал править именно в 30-х гг. X в.

Поэтому, если отнести все эти события к началу 40-х гг., то единственным существенным разночтением будет бегство на «Боспор Киммерийский» (по Льву Диакону) именно «Ингора», который в реальности вернулся на Русь и продолжал действовать еще несколько лет. Однако, во-первых, это не исключает похода далее на Восток только части его войска, но под предводительством кого-то другого (Х-л-гу — Олега — Улеба); во-вторых, в самих византийских источниках (в частности, и у «Продолжателя Георгия Амартола», и «Продолжателя Феофана») имя Игоря не увязывается с этим походом. Так, Лев Диакон мог упомянуть имя великого князя как главы «правильного» похода против ромеев, вложив эти слова в послание Иоанна Цимисхия Святославу для убедительности аргументов, способных подвигнуть последнего отступить перед ромейской мощью и богоизбранностью. Для автора же ПВЛ, писавшего более чем через 100 лет после этого,

данное сообщение могло стать непреложным фактом. Напомним, что в НПЛ прямо говорится о неучастии Игоря («Игорь послал») в неудачном походе на греков (в НПЛ это 920 г.). Мы не утверждаем, что это достоверный факт, но он вполне возможен в свете комплекса остальных источников, кроме ПВЛ и «Истории» Льва Диакона.

Апофеоз событий — второй поход Игоря на греков в 944 г. (по ПВЛ), заключенный после этого договор, сбор повышенной дани с древлян, восстание последних и убийство Игоря — не получил никакого освещения в НПЛ, и очень ограниченные, хотя и дополняющие друг друга, детали имеются в византийских источниках. Ключевым инструментом здесь являлся договор Игоря с греками, точнее, преамбула к нему. Однако как мусульманские (Ибн Фадлан), так и византийские (Лев Диакон) сведения весьма расширяют диапазон военно-политических коллизий 943–945 гг.

Количество князей (24–26), чьи послы подписывали договор 944 г., а также их имена говорят, скорее всего, о со-управлении «Росией» целым «коллективом» (но не родом) правителей, чья власть была рассредоточена по отдельным «градам». Есть много мнений, что Русь того времени была федерацией княжеств, конгломератом конунгов и т. д., но не единым государством, однако же в основном тексте ПВЛ, повествующем о том периоде, ни о чем подобном не говорится. Отдельно от рода потомков Рюрика упоминается только Тур, в связи с происхождением названия его города, да в более раннем прелиминарном соглашении 907 г. есть фраза об «укладах» на «русские городы» Киев, Переяславль, Чернигов, Полтеск, Ростов, Любеч, ибо там «сидят князья под Ольгам суще» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 12), а также упоминаются «княжения» у отдельных славянских «языков» (Там же. Л. 5 об., Л. 12).

У Константина Багрянородного, описывавшего «Росию» накануне кризиса 941 г., говорится об «архонтах» всех росов и, возможно, отдельных князьях (но не росских) в «славиниях». Из росских князей, кроме Ингора в Киеве, упоминается еще Сфендослав в Немогарде (Константин Багрянородный, 1991. С. 45). Еще более однозначно (хотя и косвенно) в пользу наличия во время кризиса единой Руси высказывается автор «Документа Шехтера». Х-л-гв здесь назван «царем» (melek) RWSW, и после его поражения от хазарского полководца Песаха, а далее от «македонян» «благодаря [греческому] огню», как итог гибели его самого и его войска в «FRS», «RWS была подчинена власти казар». Таким же титулом («мелек») в иудейской традиции называется и реальный правитель всего Хазарского каганата (в конкретном случае Иосиф), хотя первоначально этот титул, восходящий к арабскому «малик», означал «мажордома», военачальника (Петрухин, 1997, С. 157). Наконец, в НПЛ в качестве предводителей успешного похода на «греков» в 922 г. упомянуты и Игорь, и Олег.

Этот вопрос действительно и спорный, и «темный». Очевидно, однако, что у росов был не один князь (тем более не из одной династии), но, возможно, только один из них был главным — хаканом (по восточным источникам и «Вертинским анналам») или каганом (по «Слову» митрополита Илариона). С учетом того, что «Слово» является древнейшим отечественным сочинением, показательно, что первым каганом назван именно Игорь, а Олег вообще не упоминается, что уже давно давало повод считать его собирательно-литературным образом. Последнее подтверждено нами выше сравнительным контент-анализом с использованием элементов математических методов (корреляционного анализа по коэффициенту сопряженности) (см. также: Шинаков, 2009а).

Еще один существенный и спорный момент в этих событиях — противопоставление степени обогащения дружин князя Игоря и воеводы Свенельда: «отроци Свенельда издоделись оружьем и порты, а мы наги» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 21 об.). Существует версия, что именно Свенельд привел остатки ходившего на Бердаа отряда, хотя и изрядно поредевшего под ударами мусульман, а затем и хазар, но сохранившего часть добычи и все-таки частично прорвавшегося на Русь. То, что его возглавлял воевода, а не князь, как раз не противоречит хазарскому источнику, по которому царь («мелек») Х-л-гв погиб в FRS («Фарсе»). Однако в случае Свенельда как второго главы похода, возникает другое противоречие, причем двойное. С одной стороны, Свенельд является вроде бы, судя по событиям 975 г., воеводой именно киевского князя (на тот момент — Ярополка), и тогда версия о черниговском происхождении отряда Х-л-гв (Новик, Шевченко, 1995. С. 63–66) отпадает. С другой стороны, если Свенельд — киевский воевода, то становится непонятным, почему он не поделился добычей (или данью, но собранной не с древлян, что означает, по сути, систему «кормлений» воевод, о чем данных у нас нет), если выполнял задание своего князя. Если же предположить, что «Росия» (без учета «славиний») была объединением если не княжеств, но князей («архонтов», «маликов») во главе с «катархонтом» («каганом» Святославом, до него — Игорем), то все автоматически встает на свои места.

Принцип непротиворечивости комплекса источников (не обязательно полностью отражающий реальность) допускает следующее решение. Свенельд мог быть воеводой Х-л-гв (не исключено, черниговского князя), после гибели последнего стал служить киевским князьям, но только Святославу, когда тот стал править самостоятельно, без «регентства» Ольги, позднее — и Ярополку. По сути, об этом прямо свидетельствует тот факт, что подавлять древлянское восстание помогал Ольге не Свенельд, а другой воевода — Асмуд, пришедший из Новгорода Великого со своим подопечным — малолетним Святославом. При таком подходе переход

Свенельда на киевскую службу возможен после ликвидации самостоятельного или автономного «русского» княжеского стола в Чернигове, произошедшей при Святославе (точка зрения В.Н. Зоценко: Зоценко, Моця, 1996. С. 3). Произошло это до 968 г., когда на Левобережье Днепра (скорее всего, в Чернигове, хотя не исключен и Переяславль) от имени киевского князя руководил воевода (свой князь не упоминается) Претич (Шинаков, 2003 в. С. 9–12). Впрочем, имеется и иное решение по данной проблеме — о получении Черниговом полной независимости, но не от Киева, а Хазарии, в результате похода Святослава на каганат (Уманец, Шевченко, 1995. С. 66). Конечно, если обратиться к НПЛ, в состав которой, по мнению многих исследователей, вошла альтернативная ПВЛ древняя летопись — «Начальный свод», все эти события вообще отсутствуют, однако упоминание Львом Диаконом гибели Игоря от рук «германцев» (Лев Диакон, 1988) в данном случае подтверждает и детализирует данные именно ПВЛ.

К «комплексности» подхода, как по источникам, так и по самим событиям последнего этапа (945–947 гг.), можно отнести не только детали казни древлянами («германцами») «Ингора» у Льва Диакона (его разрыв согнутыми деревьями), исключающими ложность древлянского эпизода, но и последствия жестокой казни, и поиски реалий в явно мифологического характера описании «мести княгини Ольги». Если первое придает признак реальности летописному повествованию, то второе сообщает тому же рассказу ритуально-мистический смысл, хотя и отображающий сакрально-бытовые реалии, что выясняется путем их сопоставления с данными археологии и этнологии (Александров, 1997а). При сопоставлении рассказа о взятии Искоростеня с помощью птиц с «Сагой о Харальде Суровом» становится понятен путь взаимного проникновения указанного мотива в оба литературных произведения посредством воздействия еще античных сюжетов как на русскую, так и на скандинавскую литературно-эпическую традицию (Шинаков, 2009б). При этом некоторые другие детали саги, рассказанные не только самим Харальдом в своих висах, но и другим участником боев на Сицилии — Снорри Годи (Снорри Стурлусон, 1980. С. 406), странным образом повторяются в летописном рассказе о завоевании Святославом Болгарии и даже в былине о Волхе Всеславьевиче. Бесполезно, вероятно, пытаться установить, кто был автором этих явно приукрашенных и гиперболизированных сюжетов — конунг-скальд и его воины, русские дружинные сказители или первые «книжники» (Иларион и ему подобные) при дворе Ярослава Мудрого в 40-х гг. XI в. Вероятно, сам рассказ представлял собой общую «творческую кухню».

Впрочем, эти умозаключения имеют к основной нашей теме весьма опосредованное отношение: они показывают легендарность некоторых сведений о начальной фазе последнего этапа кризиса 40-х гг. X в. Но описание его заключительной фазы — реформ княгини Ольги, то есть

начала выхода из кризиса, хотя и освещенного только в летописи, сомнений в самих фактах не вызывает. Разногласия, и весьма существенные, наблюдаются только в оценках степени их значимости и последствий для последующего выбора пути развития. Отметим в этом аспекте только две диаметрально противоположные точки зрения: «минимализирующую» (Фроянов, 1996. С. 432) и самую «высокую» (Петрухин, 1995а. С. 151).

Хотя они были высказаны достаточно давно, но с тех пор не обесценились.

Мы однозначно оцениваем реформы Ольги как отправной пункт, начало фазы становления этапа «ранней государственности» древнерусского государствогенеза, как и истории русской государственности в целом (Шинаков, 20096. С. 271–276). Толчком для этого стал всесторонний кризис 40-х гг. X в. (не только древлянское восстание). Другое дело, что территориально реформы были вынужденно ограничены лишь землей проигравших мятеж древлян и, с другой стороны и в другом аспекте, древними родовыми владениями Рюриковичей на севере — в Новгородской земле (погосты по рекам Мете и Луге). На многие другие земли чисто военных сил княгине Ольге не хватало — и не то что на реформы, а на простое их удержание под властью Руси. Святослав, уже располагая такой силой и даже начав восстанавливать старую «империю Рюриковичей», быстро перебросился на сулившие большую и быструю выгоду и славу политику внешних завоеваний и создание новой, Причерноморской империи. В итоге отколовшиеся от Руси в 940-х гг. части были возвращены на уже новых, «раннегосударственных» условиях под власть Рюриковичей лишь в 80–90-х гг. X в., параллельно с продолжавшимися всесторонними реформами, углублявшимися и расширявшими (в территориальном аспекте) внутреннюю политику Ольги. Но это были уже отдаленные, хотя и обусловленные им, последствия кризиса первой половины 40-х гг. X в. Данный кризис с точки зрения комплексного анализа разных категорий источников (прежде всего нумизматических и археологических) имел вещественно отраженные «знаки» в аспекте его предпосылок, хода и ближайших последствий.

Главная предпосылка — монетный кризис первой трети X в., отразившийся в нехватке монетного серебра в торговом обращении и попытке его насильственного удержания (Фомин, 1982), что выразилось, в частности, в появлении крупных, но редких кладов дирхемов близких лет чеканки (в основном 20-х и начала 30-х гг. X в.), практически не бывших в обращении (так называемое «утаивание серебра»). Причина этого была в конфликте с Хазарским каганатом, препятствовавшим поставкам серебра на Русь. В то же время некоторые регионы восточных славян (прежде всего Юго-Востока), издавна имевшие хорошие отношения и прямые выходы на каганат или Волжскую Болгарию, это серебро получали, но дальше своих

территорий старались не пускать (Колода, Лебедев, Енуков, 2014. С. 6–160; Шинаков, Григорьев, 2017. С. 253–256). В итоге — пожары и захоронения в слое некоторых роменских городищ скелетов жителей (например, Супруты), датируемые 910-ми (Григорьев, 2000), возможно, 920-ми гг. Это свидетельство либо карательных, либо устрашающих походов русов с целью удержать или заново расчистить для себя торговые пути на Восток. В первой трети X в. таковых походов было два: 910 г. и между 912 и 928 гг. (Голб, Прицак, 2003. С. 166). В этой связи вполне объясним и поход Х-л-гв на Хазарию в 20-х или в начале 40-х гг. X в. (если его контаминировать с походом русов на Бердаа по Ибн Мискавейху).

Хронологически более узкий период самого кризиса фиксируется абсолютно четко и достоверно: «В середине X в. все без исключения исследованные комплексы [Искоростеня] прекращают свое существование после большого пожара», что явно связано с его взятием в 946 г. войсками Ольги (Зв1здецький та ин., 2004. С. 85–86). Но главное — это отражение в археологических и нумизматических источниках ближайших последствий кризиса, о которых автор в соавторстве с А.В. Григорьевым и В.В. Зайцевым осторожно высказывался еще в 1990–1993 гг., а в настоящее время вернулся к этому вопросу на основе новых, гораздо более многочисленных и весомых, археолого-нумизматических данных (Шинаков, Григорьев, 2017; Шинаков, 2017). Мы уже ранее подробно говорили об этом в нашей книге.

Глава IV

Процесс

1. Регионально-типологический аспект процесса государствогенеза

Общие принципы регионально-потестарного деления

Региональное деление потенциально древнерусской части Восточной Европы IX в. важно прежде всего в природнохозяйственном и (более гипотетично) потестарно — (политико) — культурном аспектах. «Опыт историко-географической характеристики» Восточной Европы в эпоху Древней Руси был уже однажды предпринят нами в весьма осторожной форме. На основе обобщения данных археологической историографии автором были выделены четыре зоны: северная (с

Новгородом и Ростовом), западная (с Полоцком, Псковом, Волынью и Турово-Пинским княжеством), южная пограничная (Киевское, Переяславское, часть Галицкого княжества) и юго-восточная (типологически промежуточная: с землей вятичей, частично северян, Черниговом, Новгород-Северским, Рязанью, Москвой и Брянском). За пределами вышеуказанных зон оказывался «центр» — Смоленщина, земли радимичей и частично дреговичей.

Во многом автор следовал укоренившейся в научной литературе традиции о главном делении на Северную и Южную (в целом) Русь, Запад и Юго-Восток, хотя уже и не столь последовательно. Более внимательное рассмотрение материала под углом зрения этнологических концепций потестарности и последовательное сравнение с довольно широким кругом типологических аналогий (в том числе достаточно территориально и хронологически отдаленных) заставили нас отчасти изменить взгляды по этому вопросу. В частности, указанные в статье (см.: Шинаков, 1998в) четыре физикогеографические и археолого-демографические зоны хотя и реальны, но присущи они не исходной, а завершающей фазе возникновения Древнерусского государства.

К настоящему времени вариативность регионов с разными формами потестарности более раннего этапа политогенеза и ее властных атрибутов, основанная на разных ландшафтно-хозяйственных типах, субстратах и направлениях культурно-экономических и этнополитических связей, представляется автору в следующем виде. Это, образно говоря, торгово-промысловый Север с сильной аристократией, основанной на родовом и «первопоселенческом» принципах, и довлеющей (в исторической перспективе) над «государством-обществом», пронизанным отношениями правового регулирования. В наиболее полной форме обращал внимание на этот факт новгородской истории еще К.Д. Кавелин, вообще отрицая здесь наличие государственных начал вплоть до падения Новгорода (Кавелин, 1989. С. 37–38). Нам представляется это не отсутствием, но особой формой государственности, которая, однако, в изучаемый этап «вождеств» (и «аристократий») в зародышевом виде мало отличается от эмбриона иных форм, в том числе в дальнейшем.

В итоге развития мы имеем города (в IX в., конечно, еще как протогорода), республики (с приглашаемыми правителями), господствующие и коллективно эксплуатирующие сельскую округу, и города «второго сорта» (пригороды). В этом аспекте их структура чрезвычайно напоминает хронологически ненамного более поздний, но синхростадиальный Бенин. Имеется в виду территориальное устройство, при котором все нити управления сходились в столицу, а горизонтальных связей почти не было. Столица разделена на четыре квартала по числу правящих родов, а также дворцовый квартал и районы с «неаристократическим» населением. Последнее все же

добилось (в отличие от любых «провинциалов», даже из низовых сегментов аристократических кланов) причастности к управлению (Кочакова, 1986; Бондаренко, 1993).

В «Север» по вышеуказанным показателям можно включить не только Новгород (ранее — Ладогу), но и Ростов с Суздалем, хотя там подобные тенденции были отчасти переломлены князьями, избравшими своей новой столицей именно «пригород» (Владимир) и опиравшимися, через голову родовой аристократии, на другие слои населения. Экономика последних могла базироваться на автономном земледелии, что роднит их с Бенином и отличает от Новгорода. Псков и отчасти Полоцк можно отнести, для большей точности, к Северо-Западу: они хотя и имели многие признаки города-государства, но, скорее всего, не торгово-земледельческой, а полисной, «гражданской» формы. Да и разрыв между городом и сельской округой был здесь не столь ярко выражен, как в «деспотической» Москве или аристократическом Новгороде. В этом плане показательна так называемая «брань о смердах» 1483–1486 гг., отразившая степень готовности даже бедных псковичей встать на защиту своих неотъемлемых гражданских и экономических прав, в том числе права на эксплуатацию несвободных.

Таким образом, позднее, на этапе зрелой государственности, мы имеем нечто среднее между «полисной» формой и территориальным образованием. Дополнительным аргументом в пользу достаточно сильного первоначального типологического единства Пскова и Полоцка является отсутствие в них связанных с «Восточным путем» древностей до событий условно 862 г. (Белинский, 1980а), а предметов скандинавского происхождения — до второй половины IX в. (Тарасау, 1997. С. 233; Седов, 1985). Последнее, вероятно, может свидетельствовать о неучастии восточной торговли в становлении этих городов, так как обоснованный в литературе Днепро-Даугавский путь существовал только в X–XI вв. (Мугуревич, 1998. С. 198). Однако они имели уже достаточно сложную структуру к середине IX в., следовательно, эти процессы на почве псковско-полоцких кривичей были, вероятно, изначально стимулированы иными причинами, чем в Ладоге и Новгороде (возможно, в Ростове и Ярославском Поволжье).

Отметим также этническое (что для ранних этапов политогенеза равнозначно потестарному) сходство населения Поволховья, Ярославского Поволжья и Ростовской котловины, имеющего не только родственные финно-угорские субстраты, но и одинаковый суперстрат — словено-скандинавский, а не кривичский.

Большой, но компактный и достаточно однородный, с равномерным размещением населения Юго-Запад включает древлян, волынян, хорватов, с возможным тиверско-уличским ответвлением к югу, в лесостепи и в гилеях вдоль рек. Основа хозяйства — земледелие; международная транзитная торговля письменными источниками не фиксируется. Хотя, по достаточно косвенным данным, Й. Херрманн

(Херрманн, 1988), а затем А.В. Назаренко (Назаренко, 1994. С. 28–31; 2001. С. 71–112) постулируют наличие транзитного «Баваро-хазарского пути». Потестарная организация — типичные территориальные «вождества» без признаков тенденций развития к городу-государству, точнее, это потестарно-политические институты более высокого (переходного) этапа, но являющиеся логичным продолжением именно княжеско-дружинных «вождеств».

Если сведения самой ранней группы восточных источников (Ибн Русте и др.) относятся к восточным славянам, то в основном к их юго-западной части. Если же с восточными славянами их не связывать (имеется в виду чешско-польско-российско-украинская историография, сопоставляющая эти данные с реалиями Великой Моравии или, по крайней мере, с промежуточной «Великой Хорватией» — Зличанско-Либиц-кой или Краково-Карпатской), то даже этот факт показателен. Он как бы объединяет политические реалии данных регионов и Юго-Запада восточного славянства[97], отчасти позволяя рассматривать потестарно-политические институты последних как типологически сходные с первыми. Для конца IX в. (по крайней мере, определенно) не доказывается, но в историографии неоднократно постулируется факт не только влияния Великой Моравии на эти племена, но и включения некоторых из них в состав «державы Святополка» или Краковского княжества (Новосельцев, 1991). Допускает более позднее влияние Чехии (по крайней мере, культурно-религиозное) в том числе и российская дореволюционная историография.

Юго-Восток — это точно зафиксированная источниками зона влияния Хазарии. Спорен вопрос о его степени и территориальных границах, но анализ археолого-эпиграфико-нумизматических данных позволяет уточнить его. Предварительно же можно отметить безусловное в нее включение всех северян, вероятно, всех вятичей и, возможно, некоторой части радимичей.

Остается Центр с осью по Днепру. Он наиболее разнороден, а в силу политического значения хотя и наиболее освещен ПВЛ, но и максимально «оброс» легендами, что требует самого осторожного и достаточно нового подхода. Сюда включаются поляне на его юге, смоленские кривичи на севере, дреговичи на западной окраине, часть радимичей и земли между ними (на западе), смоленскими кривичами (на севере), вятичами и северянами (на востоке), полянами (на юге) — это так называемое «Подесенье».

Центральный регион

Начнем с полян. Их генеалогические и топонимические легенды представляют их самым древним и сильным племенем. Лишь один раз проскальзывает фраза: «По сих же летех по смерти братье сех бьппа обидимы Древлянами и инеми околними» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 6). Именно эти сведения летописи полностью соответствуют данным археологии по второй половине VIII в. (после Пеньковки) и IX в., оставляя полянам

узкую полосу Поднепровья между древлянами и северянами. Лишь В.О. Петрашенко считает, что они занимали обширную территорию волынцевско-сахновской культуры (Петрашенко, 1994. С. 186). Более ранняя Пеньковская культура не в счет, ибо речь идет о протогосударственном периоде, и даже если часть ее принадлежала полянам, то они позднее явно деградировали.

Нам важнее другое. Такого рода легенда характерна для потестарных организмов, где степень причастности к власти определяется правами первопоселения (чаще это — земледельческие протогорода-протогосударсгва). Кроме того, данные о Кие, Щеке и Хориве могут смутно отражать традицию наследования от брата к брату, а добавление Лыбеди — еще и право женского наследования. Археологические данные на период VIII — первой половины IX в. показывают отсутствие четкой иерархии городищ и особо крупных укрепленных и богатых центров, которые можно было бы контаминировать с князем и дружиной. В частности, в самом Киеве не слишком мощные укрепления на небольшой площади возникли только в VIII в. н. э. (Шаскольский, 1974), то есть явно не в легендарные времена Кия.

Все указанное не позволяет нам говорить о сложении общеполянской княжеской власти, а вопрос о государстве «ад-Дир» весьма спорен. Точнее, сомнительной является не сама его личность, а время существования государства и этнический характер власти. Упоминание ад-Дира у ал-Масуди, автора X в., не дает четких оснований для отождествления этого лица и известного по летописи князя Дира второй половины IX в. Возможно, именно отсутствием объединения объясняется быстрое исчезновение этнонима «поляне», поглощенного новым — русью.

Крупные и богатые дружинные памятники (некрополь Киева, Лепляво, Шестовицы, «Черная могила», как и черниговские дружинные курганы в целом), во-первых, более поздние, а во-вторых, они оставлены в основном не «туземцами», а пришлыми русами (о них пока речь у нас не ведется). Итак, до середины IX в. поляне — это конгломерат земледельческих протогородов этапа «вождеств». Генеалогическая легенда о пришельце-чужеземце относится к весьма распространенному типу обоснования происхождения власти, особенно в государствах, созданных из отдельных равноправных частей[98]. Но важно и иное: по этой легенде, у полян не было княжеской власти со времен Кия, и Дир с Аскольдом, явные «находники»-варяги, «стали править всей Полянской землей» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7 об.).

Дреговичи также сходят со страниц летописи и составляют, судя по названию, объединение по чисто территориальному (Хабургаев, 1979), а не родственному или сакральному принципу. В последних случаях ранние потестарные организмы более устойчивы. Летописец упоминает у дреговичей «свое княжение» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 4), однако «своего»

княжеского стола у них не зафиксировано. Часть их вошла в состав Полоцкой земли, на другой части образовался основанный (по легенде, также «находником»-варягом) престол в Турове. Никакого сопротивления руси дреговичи не оказали, что косвенно свидетельствует в пользу отсутствия у них какого-либо потестарного образования и даже осознания своего этническо-сакрального единства.

Иное дело — радимичи. Наряду с вятичами летописная легенда подчеркивает их «родовое» происхождение исходя из этимологии названия. Возможно, летописец XII в. радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их первопредков, братьев Радима и Вятко, от «лехов» — западнославянских старейшин, то есть их изначальную знатность, воспринял как свидетельство их прихода из Польши, «от ляхов» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 4 об., 5). В таком случае еще более подчеркивается «аристократизм» (а не «монархизм»)[99] радимичской потестарной традиции.

В их земле не было городов. Гомий, Прупой и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости — опорные пункты — с разных сторон их территорий. Вероятно, это произошло перед тем (или сразу после того), как Владимир решил ликвидировать радимичскую «буферную» зону между своими владениями и Ярополка, о чем говорит и дата — 984 г. Точка зрения о возникновении этих городов в результате самостоятельной колонизации радимичами Посожья (Метельский, 1997) представляется спорной в силу специфики и уровня развития радимичского общества. Гомий же если и возник самостоятельно, то на окраине радимичской территории, как пограничная крепость и торговый центр. При упоминании присоединения радимичей (и позднее — ликвидации их «мятежа») не говорится ни о каких князьях (например, как при Древлянском восстании). Однако они выступают против руси как единое, монолитное целое, до середины XII в. сохраняя свое этническое лицо и археологически фиксируемую этнокультурную специфику[100]. Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских «вождеско»-княжеских традиций.

В силу этого, но при доказанном факте этнокультурной (в основе религиозной) сплоченности радимичей и их организованного сопротивления вторжению войск Волчьего Хвоста, воеводы Владимира I, можно предположить только одну форму потестарной организации — религиозно-общинную. Если только общество радимичей вообще не было еще акефальным, то есть не имело никаких властных структур, кроме, например, периодически собираемого народного собрания. Как показывает пример некоторых народов Северного Кавказа, даже в этом случае иногда могло быть организовано длительное и стойкое сопротивление противнику (Панеш, 1995. С. 24–25). Даже племени-этникосу (Бромлей, 1972), то есть первоначальному, еще не социально-

потестарному образованию, присуща единая военная организация (Попов, 1990. С. 108). Явно «родовое» происхождение радимичей (по легенде, от первопредка-первопоселенца) лишний раз свидетельствует в пользу их сплоченности, основанной, вероятно, в отличие от дреговичей и полян, еще на кровно-родственных связях, отраженных тотемами (например, бык-тур). Возможно, здесь была отдельная каста жрецов, как у кельтов, лютичей, ранов, пруссов, но не исключено и совмещение сакральных и управленческих функций в руках родовой знати, как у поморян. Первый вариант предпочтительнее, ибо поморское общество (в качестве дополнительного признака) было основано на городах-субгосударствах, которые у радимичей явно не прослеживаются.

Радимичский погребальный инвентарь чрезвычайно богат артефактами, за которыми можно признать скрытое религиозно-символическое назначение. Отметим хотя бы привески-турицы, костяные уточки, разного рода солярные знаки. Именно радимичей христианская летопись ставит на первое место при описании языческих обычаев славян: «Радимичи и Вятичи и Север один обычай имяху… схожахуся на игрища на плясанье и все бесовские игрища… си же творяху обычаи Кривичи [и] прочий поганий не ведущие закона Божия, но творяще сами собе закон» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 5–5 об.). В данной гипотезе есть слабое место: там, где у власти стояли жрецы (лютичи, пруссы) или делили ее с «вождями» (князьями, королями), как, например, в Ирландии или на о. Рана, всегда фиксируются святилища «федерального» значения — Ретра, Ромове, Тара, Аркона. Но у радимичей таковые летописью не упоминаются и археологически пока не вычленяются из другого рода памятников. Впрочем, О.А. Макушников пытался их выявить (Макушников, 1990), однако они имеют максимум «племенное», а не «федеральное» значение. Заметим, что и поселения их, за исключением Гомия, изучены весьма плохо (основное внимание уделялось богатым курганным древностям). Исследования же последнего, проводившиеся О.А. Макушниковым, подтверждают генетическое родство радимичей с северянами и вятичами, так как в Гомии был обнаружен слой ромейской культуры (Там же. С. 59).

Тем самым появились новые веские основания для выводов, сделанных ранее (Шинаков, 1980а, б, в; 1981; Гурьянов, Шинаков, 1994; Богомольников, 1993) на основе анализа сходства и общих роменских корней женских украшений северян, вятичей и радимичей, о принадлежности ромейской культуре всех трех «племен». Это не снимает иных гипотез (верхнеднестровской Г.Ф. Соловьевой и В.В. Седова; висленско-днестровской Я. Тышкевич и Г. Ловмяньского) о более раннем этногенезе радимичей, хотя бы потому, что славяне-роменцы не являются автохтонами своего региона, а в их украшениях четко прослеживается западнославянское влияние. Это сразу выводит

радимичей на проблематику Юго-Востока, в частности — хазарского влияния, что действительно нашло подтверждение, например, в материалах нумизматики. С другой стороны, четко выраженный (в том числе на семантическом уровне) балтский субстрат и гипотетическое потестарное устройство сближают радимичей с Северо-Западной зоной (в частности с кривичами, что косвенно отражено и летописью). В этом аспекте идея о тройственном характере ромейской культуры иногда дополняется попытками присоединить к ней и кривичей, которые якобы расселялись с юга на север вдоль Днепра (Енуков, 1990. С. 85–86, 172–173, 179).

Северо-Западный регион

Кривичи достаточно однозначно (за исключением мнений Е.А. Шмидта и В.В. Енукова) считаются этниконом, имеющим западнославянско-прибалтийское происхождение, с указанием на Висленско-Одерское междуречье и Мекленбург (Седов, 1989. С. 14; 1995. С. 216; Белецкий, 19806. С. 15) или конкретнее — на ареал суковской керамики (Белецкий, 19806. С. 10). Разница между взглядами В.В. Седова и С.Б. Белецкого — в определении времени и масштабов западнославянско-южнобалтийского влияния. По С.Б. Белецкому, оно хронологически совпадает со скандинавским, приводит к становлению Пскова как раннегородского центра на рубеже IX–X вв. и заменяет здесь латгалов как этникос (Белецкий, 19806. С. 15). Отмечается сильное западнобалтское промежуточное воздействие (Петрухин, 1995а. С. 216). Правда, некоторые исследователи четко отделяют население Изборска-Пскова от кривичей, что не позволяет однозначно распространить этногенетические (прибалто-славянские и западнобалтские) построения, достаточно обоснованные для первых, на вторых (смоленско-полоцких кривичей), хотя, заметим, В.В. Седов не менее убедительно доказывает обратное (Седов, 1981. С. 7–10).

Единственной отправной точкой для характеристики потестарной организации кривичей до появления у них ранних городов-протогосударств (Псков (Изборск), Полоцк[101], Смоленск) может стать их этническое имя, дополненное возможным этническим источником их потестарных традиций. Этноним «кривичи» имеет балтское происхождение, в первоначальной транскрипции — «криве», «кривай» (Хабургаев, 1979. С. 196). Исследователь, однако, никак не атрибутирует термин. Позволим высказать предположение о его связи именно с формой первоначальной потестарной организации кривичей, до появления у них ранних (прото) городов-протогосударств и фиксируемой летописью княжеской власти (для Изборска и Полоцка — основанной полулегендарными «пришельцами») (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7, 23 об.).

Единственная, по нашему мнению, приемлемая этимология слова, сознательно присвоенного латгалами своим славянским соседям, и неосознанно, без понимания семантики, воспринятая русским

летописцем, может восходить к западнобалтскому обозначению верховного жреца, обладавшего и высшей административной властью — Криве-Кривайтиса (Кулаков, 1994. С. 143, 151). Другое дело, что теократия, стоявшая во главе протогосударства — религиозной общины, не обязательно могла быть всеобщей и единственной. Возможна структура типа ирландской, когда «имперский», «федеральный» характер имела корпорация друидов, но в ячейках накинутой ими на всю страну сети помещались отдельные королевства-«вождества» (Шкунаев, 1991). Допустим и лютический вариант (Ронин, Флоря, 1991. С. 117–118), только наоборот: последовательное размещение во времени потестарно-религиозной организации и княжений-«вождеств»; или прусский: постоянная оппозиция дружины и ее вождей («нобилей») и возглавляемого Криве-Кривайтисом религиозного протогосударства[102].

Конкретные культы, объединявшие всех кривичей (но были ли они?), вряд ли можно установить.

Северный регион

Словене, Новгород, Рюриково городище, «Северная конфедерация», Новгородское государство — понятия взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые. Вопрос об их соотношении давно является дискуссионным и явно не близок к окончательному решению. Нам важно установить потестарную структуру только словен, хотя в состав гипотетической «Северной», или Новгородской, «конфедерации» (позднее — Новгородской республики) входили и иные этнические компоненты, зато не все словене, фактически до основания Рюриком — по летописи — Новгорода. Однако данных об этом почти не сохранилось: прослеживается лишь четкая родовая структура — «вста род на род» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7), хотя в НПЛ — «всташа град на град» (Л. 29 об.). Тем не менее видимых противоречий в этих двух версиях событий нет: грады могли быть резиденцией правящей верхушки родов или, в зависимости от их размеров, всего рода. С учетом более поздней социальной структуры Новгородской республики и гипотезы Янина — Алешковского об образовании Новгорода можно предположить, что выделялись «благородные» роды, монополия на власть которых, как и у полян, обосновывалась правом первопоселения.

Что касается самого Новгорода, то его политическая история и структура вплоть до XI в. покрыты мраком неизвестности. Учитывая его топографию и потенциальное развитие, возможно соотнести ранние этапы его истории с таким земледельческим городом-государством, как Эдо, расширившимся затем до государства-мегаобщины Бенин (Бондаренко, 1993).

Сходятся внешние атрибуты обоснования власти: легенды о трех братьях-первоправителях, о приглашении иноземной династии. Похожи территориальное устройство как столицы, так и всего государства. Единственно, что имеются кардинальные различия в социальной

структуре и в деталях оформления властных структур, системы правления. Для Новгорода, впрочем, имеется не меньше археологических и исторических оснований для «бинарного» (связанного с фратриями), а не «триарного» подразделения города в этнопотестарном аспекте. Тем не менее поразительное сходство внешних символов позволяет с определенной долей уверенности сопоставить достаточно хорошо освещенные ранние страницы истории Бенина с политической историей и структурой Новгорода конца IX и X вв., как предположительно синхростадиальные и типологически если не однородные, то близкие. Это — поселение «благородной» верхушки нескольких родов в одном центре, причем каждый из них сохранил связи и контроль над определенным участком сельской округи (ср. новгородские пятины и пять концов Новгорода). Это — выбор правителя только «первопоселенцами», но не из своего состава. Это — наличие в Эдо ремесленно-торгового населения, проживавшего между «родовыми» кварталами и позднее добившегося участия в управлении (их старейшина был главой ополчения, ср. с новгородским тысяцким). Это — наличие на окраинах «пригородов» и колоний, подчиненных не одному из обладавших властью родов, но непосредственно правителю и его родственникам, а также «вождеств»-субгосударств (ср. некоторые «пригороды» Новгорода — Псков, Ладога, обладавшие своими органами управления, и «пермские» княжества, платившие дань в Новгород). Впрочем, в этих аспектах Новгород сближается с такими сложными, первоначально торговыми городами-государствами древности и Средневековья, как Карфаген и Венеция, а также с земледельческой державой ацтеков этапа «сложных вождеств» с особым статусом столицы.

Сходство наблюдается и в характере политических процессов: это внутренние конфликты, разрешаемые путем борьбы, но, в конечном итоге, достижение компромиссов и проведение реформ. В этом плане интересны ранние реформы Бенина, предоставившие часть «политических» прав представителям неблагородных родов и отдавшие под их управление ополчение и часть «колоний». В Новгороде трансформация статуса тысяцкого и представленных им слоев населения оказалась как бы «за кадром», исключая события 1088–1089 гг., связанные с выбором тысяцкого на вече.

Существенные отличия (кроме социальных): механизм выборов и лишения власти правителя; характерное для потестарных традиций Черной Африки религиозно-мистическое обоснование и атрибутированное оформление власти; статус монарха и топографическое расположение его резиденции. Так, в Эдо дворец обы всегда находился в центре города, между родовыми кварталами и под их контролем, в Новгороде же аналогичный период был весьма краток (не весь XI в.).

В этой связи важен статус Рюрикова городища, особенно на раннем этапе (до конца IX в.). Очевидно, что это резиденция предводителя одной из варяжских дружин и одновременно торговая фактория — эмпорий (Носов, 1990. С. 190), возможно, первоначально (до середины IX в.) подчиненная в административном отношении Ладоге. Однако и это городище, и сама Ладога связаны уже не со «славянской», а с «русской» проблематикой. Именно Рюриково городище становится столицей одной из трех групп русов (по восточным источникам 2-й традиции — ал-Истахри, Ибн Хаукаль), причем временно главной. Город Салау (Слава) достаточно убедительно отождествил с Рюриковым городищем Е.Н. Носов (Носов, 1990. С. 192).

Известна точка зрения, что под «ас-сакалиба» восточных источников скрываются не только собственно славяне, но и другие (в первую очередь финно-угорские, «чудские») племена Восточной Европы, контактировавшие с русами («ар-рус»). С другой стороны, по летописной традиции и археологическим данным, эти племена были тесно связаны со словенами, подвергаясь колонизации, прежде всего, со стороны последних (кривичи и вятичи явно уступали им в этом) и входя вместе с ними в состав первоначального «Северного объединения», пригласившего русь, а затем отчасти и Новгородской республики (в меньшей степени Ростово-Суздальского и Муромо-Рязанского княжеств). Однако тот же исследователь Рюрикова городища Е.Н. Носов высказывал сомнения в реальности такого объединения или, во всяком случае, в его долговременности и внутреннем равноправии, в силу того, что «меря активно ассимилировалась славянами» (Носов, 1990. С. 190).

В НПЛ именно «все» кривичи не упоминаются, зато можно понять, что к «новгородским людям» относились не только словене, но и кривичи, и меря, хотя каждые из них «свою волость имели» и «кождо своим родом владяще» (НПЛ. 1950. Л. 29). В то же время в Ипатьевской летописи (в силу непонимания и самостоятельного творчества южного летописца?) имеются намеки на самостоятельную политическую роль веси (ПСРЛ. Т. 38. Л. 8 об. («Кривичи и вся»), 9 об.).

Что касается остальных, кроме «всех кривичей» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7; Т. 2. Л. 8 об.; Т. 38. Л. 8) и словен, в составе гипотетичной «Северной конфедерации» (или, по крайней мере, согласно летописным событиям 859–862 гг.[103]), то в литературе высказывались неоднократные и обоснованные сомнения в реальности участия в них не только упомянутой НПЛ веси, но и чуди. Текстологические — начиная с А.А. Шахматова, обосновавшего (хотя это и подвергается сомнению) наибольшую древность сведений НПЛ, отразившей данные «Начального свода». Логические — упоминание веси и чуди, а то и мери просто как племен, ассимилируемых словенами и подчиненных Новгороду. Археологические — отсутствие веси на Белом озере до X в.[104] (Голубева, 1965) и неясность этнопоте — старного чудского облика в

первоначальной основе юго-восточного Приладожья (Кочкуркина, 1973. С. 53–80)[105]. Нумизматические — отрицание наличия сквозного Волжского пути через земли чуди, веси и мери и попадание дирхемов начала IX в. в земли последней из Новгородской округи, в силу включения их в среду словенской колонизации или, по крайней мере, влияния (Леонтьев, 1986). Остаются меря и (по мнению А.Е. Леонтьева) мурома, обладавшие хотя бы на части своих территорий, в ближайших округах Ростова и Мурома, зачатками позднепотестарной организации в виде собственной княжеской власти. Хотя мурома и не входила в первоначальное объединение северных племен и ассимилировалась, скорее всего, не словенами, а кривичами и вятичами, но в середине IX в. она управлялась из Новгорода, так как муромой «обладает» Рюрик (ПСРЛ. Т. 1. Л. 70 об.). Отсутствие в самом Муроме слоев ранее XI в. (Чалых, 1985) не столь важно, так как в летописном сообщении 864 г. речь идет о народе, племени, а не о городе (летописец лишь уточняет для современных ему читателей, где именно проживало, вероятно, уже исчезнувшее к его времени племя).

Если же княжества-«вождества» и были (летопись упоминает только, что «меря... имела волость свою», см.: НПЛ. Л. 29), то они охватывали лишь небольшие, плотно заселенные участки плодородных земель (например, котловина озера Неро с его сапропелем) среди почти безлюдных лесных пространств, этим княжествам не подчиненных. Особую роль играли также связи с Восточным путем (не важно, напрямую по Волге — Оке или через земли словен), позволявшие правящей верхушке иметь независимый источник избыточного продукта, шедший на ее содержание.

Мерянское княжество как эталон и, возможно, наиболее развитый позднепотестарный организм финно-угорского компонента древнерусской народности, хорошо изучено археологически и дает, прежде всего, географо-топографическую структуру подобного рода и уровня этнопотестарных образований (Леонтьев, 1984. С. 29)[106]. Его поперечник 20 х 20 км, предполагаемая столица (Сарское городище) находится на его окраине — местном отрезке Волжского пути (Лапшин, 1981. С. 47–48); остальные неукрепленные, но значительные по размерам поселения, наоборот, от этого пути удалены. Возможно, здесь случай, аналогичный Волховскому пути, где «жители небольших лесных поселков не ждали добра даже от незначительных отрядов вооруженных купцов, и поэтому сельское население, конечно, старалось избегать оживленных торговых магистралей» (Носов, 1981. С. 21). На сам путь по Саре была выдвинута лишь хорошо укрепленная «столица», так что правящая верхушка одновременно могла извлекать прибыли от контроля над торговой магистралью и защищать границы своей волости, причем только с одной стороны — транзитного торгового пути. Ситуация в этом предполагаемом Мерянском княжестве осложнялась с появлением на его границах уже с начала IX

в. славянского (словенского) населения (Леонтьев, 1984. С. 31). Впрочем, вероятно, уже во второй половине IX в. самостоятельная княжеская власть, если она была, ликвидируется, и на Сарском городище появляются многочисленные скандинавские вещи, рядом с ним возникает варяго-русский дружинный лагерь, в Ростов приходит русский «муж» — наместник Рюрика (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7), а затем «великий князь, под Ольгом суще» (Там же. Л. 15 об.).

Если территориальная структура и внешнеполитическое положение одного из финно-угорских позднепотестарных образований достаточно ясно видны на примере «Сарского княжества», то их внутренняя политическая структура по археологическим материалам не «читается». Здесь на помощь приходит фольклор доживших до нашего времени, но имевших княжескую власть в древнерусскую эпоху, тесно связанных с Русью и плативших ей дань (Там же. Л. 4 об.), хотя в ее состав и не входивших, восточнофинских народов, в частности мордвы. У ее эрзянской части князь наделяется функциями культурного демиурга: ритуально-магической, редистрибутивной и, вероятно, судебной. Эта функция не являлась главной, так как, судя по ПВЛ, у финно-угорских народов была самостоятельная корпорация волхвов, способных в случае необходимости возглавить народ (события 1024 и 1071 гг. в Суздале и Ростове — Белоозере, см.: ПСРЛ. Т. 1. Л. 50, 59–60). Отсутствуют функции военно-организаторская, фискальная, внутреннего подавления. Первый князь (Тюштян) выбирается старейшинами (формально «народом») из числа «пахарей» (Маскаев, 1964. С. 180–185).

Прямая аналогия с легендами о происхождении династий правителей Чехии и Польши у Козьмы Пражского и Галла Анонима, а также с ритуально-символической «крестьянской» атрибутикой и обоснованием княжеской власти в Чехии и Карантании является чисто формальной. В этих странах главными функциями князя были как раз военно-фискальные, а в идеологии господствовал аристократизм, идея превосходства князя и дружины над народом. «Крестьянские» генеалогии и атрибутика имеют литературно-книжное происхождение, будучи явно навязаны «сверху» в демагогических целях. Функции власти «князя» у эрзи (по легенде) более соответствуют статусу вождя позднепотестарного этапа, чем правителя переходного (в дружинной форме), а тем более раннегосударственного этапа.

Таким образом, среди обширных финно-угорских лесов Севера еще до образования Руси встречались на отдельных плодородных участках, через которые к тому же проходили торговые магистрали, типичные «вождества», о чем свидетельствует сочетание фольклорных, археолого-топографических и нумизматических данных. Однако вожди эти были, вероятно, по своему статусу и функциям (хозяйственно-редистрибутивным и сакральным) ближе к африканско-океанийскому типу главы как символа благополучия племени, чем к славяно-

индейскому, где вождь выступал прежде всего как предводитель и глава дружины. Возможно, совпадает лишь судебная функция. В «Великой хронике», например, первые единоличные правители Польши прямо названы воеводами, строителями крепостей («Великая хроника», 1987. С. 56). В этой же функции выступает и легендарный основатель Киева князь Кий, вероятно защитник племени, после смерти которого поляне «быша обидими древляном и инеми околними» и платили дань хазарам (ПСРЛ. Т. 1. Л. 6, 7 об.).

С юга и юго-запада к мере, муроме и мордве примыкают земли вятичей, которые в большинстве своем (а для IX и начала X в. полностью) входят в состав Юго-Восточного региона форм потестарной организации и внешнеполитических воздействий.

Юго-Восточный регион

Среди источников по этому региону первое место в плане новизны занимают материалы нумизматики в сочетании с естественно-географическими данными и сведениями письменных источников хазарского происхождения, в соотнесенности с известными сообщениями ПВЛ о хазарской дани и военной деятельности в этом географическом направлении Олега, Святослава и Владимира.

Природный фактор воздействовал неодинаково на разные стороны жизни (хозяйство, политика и т. д.) и на разных этапах древнерусской истории Юго-Восточной зоны. В природном отношении Юго-Восточная зона (почти все Днепровское Левобережье без Чернигова, Переяславля, Посожья и части Подесенья) характеризуется двумя факторами:

1. Наличием степных «языков», вдающихся далеко вглубь не только лесостепей, но и лесной зоны, и пояса ополий на границе последней, дающих возможность для размещения и действий конницы

2. Контрастностью зон (степь, лесостепь, ополья, полесья), границы которых зачастую совпадают с хозяйственнокультурными и этнополитическими рубежами и позволяют уточнить последние

В потестарно-политическом аспекте период конца VIII — начала XI в. (генезиса древнерусской государственности) на Левобережье можно разделить на 5 этапов: 1) конец VIII в. и начало IX в. — сложение этнопотестарных общностей; 2) IX в. — хазарское господство; 3) конец IX — начало X в. — политические изменения, связанные с установлением гегемонии русов; 4) середина и начало второй половины X в. — независимость племен Юго-Востока (возможно, под хазарским протекторатом), связанная с кризисом и временным распадом Руси в 40-х гг. X в.; 5) конец X — начало XI в. — окончательное присоединение Юго-Восточной зоны (за исключением части вятичей) к Руси и начало ее «государственного освоения»[107]. Каждый из этапов характеризуется своим набором археологических и нумизматических артефактов и в той или иной степени отражен в письменных источниках.

Прежде чем перейти к этнопотестарной характеристике первого этапа, мы должны остановиться на этнической предыстории

Левобережья и Среднего Поднепровья в целом, связанной с пеньковско-пастырскими, сахновскими и киево-колочинскими древностями. Факты по вопросу их этнической характеристики известны уже давно (исключая трубчевскую и мужиновскую, см.: Падин, 1995; Шинаков, 1995а, б, а также находки Пеньковских артефактов в Брянской области в конце 1980-х — начале 1990-х гг.), однако их интерпретация до сих пор остается не только противоречивой, но и зачастую взаимоисключающей. Последнее дает определенное право автору высказать и свою точку зрения не по «своему» (в профессиональном плане) периоду.

Анализ непосредственно предшествующих волынцево-роменским древностям артефактов (прежде всего украшений и жилищ) Пеньковской культуры показывает их разнородное происхождение: прабалто-славянское в основе (выемчатые эмали, спиралевидные украшения, «штрихованная» и киевская лепная керамика, столбовые прямоугольные жилища) при сильном провинциально-римско-латенском (гето-ясторфско-кельто-бастарнском в этническом плане) влиянии, выраженном еще в дочерняховской культуре Поянешти — Лукашевки (Корзухина, 1978; Перхавко, 1978. С. 70). Постепенно балтская основа (восходящая, вероятно, к зарубинецко-киевским[108] древностям) сменяется славянской (срубные полуземлянки с печами-каменками), усиливается тюрко-болгарское и аварское влияние, при сохранении иранского субстратного (круглые жилища, наборные пояса), связанное, вероятно, с образованием в VII в. Великой Болгарии, а позднее — салтово-маяцкой культуры. Тогда же «проявляется» затухший на некоторое время латено-гето-германский культурный пласт, имевшийся в пшеворской и Черняховской культурах, культуре Поянешти — Лукашевки (антропоморфные фигурки протомартыновского типа, прототипы пальчатых фибул). Возможен (по крайней мере, на левобережье Пеньковской культуры) повторный импульс из Юго-Восточной Прибалтики через колочинскую культуру, выраженный появлением височных колец с «улитковидным» (спиралеобразным) завершением. Аналогичное, с одной стороны, литовским V в. н. э. «с улиткообразным завитком на конце» височным кольцам, с другой — идентичное образцам Пеньковского Левобережья, украшение встречено в колочинском слое городища Случевск на р. Судость (Погарский район Брянской области) (Шинаков, 1986). Семантически и функционально, вероятно, однотипные, эти латено-германо-балтские по происхождению артефакты стилистически, однако, образуют совершенно независимую и абсолютно оригинальную группу украшений и деталей костюма, выраженную в термине «мартыновские древности» (Седов, 1995. С. 120, 122). Последние, вероятно, маркируют разноэтничное военно-политическое образование VIII в. н. э., ранее известное под именем «анты» (являвшееся, скорее всего, потестарным суборганизмом Великой Болгарии), как ранее

разноэтничная Готская «держава», отраженная Черняховскими древностями. Возможно, очень искаженные и смутные реминисценции пребывания германцев-готов на Днепре нашли отражение как в предисловии к «Кругу земному» («Великая Швеция» в Восточной Европе), так и в «Саге о Хервёр и конунге Хейдрике».

Вероятно, под давлением аваров, позднее — в результате болгаро-хазарских войн в Северном Причерноморье некоторые группы смешанного населения антского союза переселяются в Нижнее (ипотешти-кындештская культура) и Среднее («аварская» культура) Подунавье, возвращаются в Юго-Восточную Прибалтику (западномазурская, в основе германославяно-тюркская[109] культурная группа) и расселяются на Балканах, в том числе и в пределах Византийской империи (особенно показателен в этом плане клад «мартыновских» фигурок из Валентино в Фессалии). Скорее всего, эта группа «антского» населения (нижнедунайская) была славяно-германской.

В общем, анты представляются разноэтничным военно-политическим союзом, вначале с преобладанием венедо-балтов (прибалто-славян), с дальнейшим повышением доли иранотюркских элементов, при формировании на гето-латено-германской основе (при дополнении балто-иранскими чертами) общей, по крайней мере, для космополитичных верхов союза, культуры «мартыновско-пастырского» облика. Западная часть населения, контактировавшая с Византией и аварами (ипотешти-кындештская культура), говорила, скорее всего, на славянском языке.

Расселение этой части пеньковцев в Среднем Подунавье и в Юго-Восточной Прибалтике, возможно, привело путем подражания к одному из типов Пеньковских украшений балтского происхождения (кольца со спиралевидными концами), к возникновению типично западнославянских «поморских» эсо-конечных височных колец (Седов, 1995). Впрочем, первые могли возникнуть и путем прямых контактов с балтами.

Главные особенности этнопотестарных традиций (по крайней мере, юга Днепровского Левобережья):

1. Привычка входить в крупные иноэтничные надплеменные территориально-политические образования позднепотестарного этапа, подчиняться иноплеменным, в каждый данный момент наиболее сильным правителям
2. Отсутствие племенного сепаратизма и замкнутости; вероятно, достаточная веротерпимость и широта «политического» кругозора знати, ее определенный космополитизм
3. Привычка всего населения к разного рода войнам, всеобщая военная подготовка и вооруженность
4. Наличие значительного количества избыточного продукта в распоряжении знати, то есть ее независимость от общества

5. Обычай последнего выплачивать дань вышестоящей этническо-сакральной организации и участвовать в ее военных предприятиях

В VIII в., при переходе от Пеньковской и колочинской культур к одновременно формировавшимся салтово-маяцкой и роменско-боршевской, а также как бы контактной между ними и в наибольшей степени отражавшей пеньковско-антские традиции волынцевской культуре, приоритет переходит к тюрко-болгарской потестарной культуре. Ее, как и иные кочевнические многоэтничные структуры, отличают приверженность к власти одного легитимного рода; привычка инкорпорировать в свой состав иные этнопотестарные суборганизмы; четкие, в том числе и ранговые, внешние отличия военно-аристократической верхушки; всеобщая вооруженность народа. Происходит начавшееся еще в конце существования Пеньковской культуры усиление роли тюрко-аланского компонента, выраженного так называемой «пастырской керамикой», в славяно-балтской (или прабалто-славянской) среде выразившееся в вычленении волынцевской культуры и расширении ее ареала на северо-запад и север, параллельно и как бы «внутри» роменско-боршевской. Лишним доказательством тюрко-славянского синтеза является не так давно исследованное тенгрианское святилище болгар в Судаке, в заполнении которого встречена не только пеньковская, но и колочинская керамика (Баранов, Майко, 1994). Начинается естественный синтез славяно-балтских и болгаро-аланских этнокультурных и этнопотестарных традиций, позднее использованный и получивший государственное регулирование в недрах Хазарского каганата.

Как мы видим, для потестарной предыстории Юго-Востока важен не столько этнический, сколько «политический» момент. Потестарные традиции смешивались, наслаивались друг на друга, передавались от поколения к поколению, накапливались, но редко прерывались. Для этой зоны археологически и исторически не прослеживается следов опустошительных нашествий, разгрома и уничтожения этносов и, соответственно, их потестарных традиций (за исключением, по Иордану и Феофилакту Симокатте, антоготского и антоаварского конфликтов). Скорее, мы имеем дело со сменявшими друг друга корпоративно-эксплуататорскими и многоуровневыми властными структурами. В этой связи можно высказать предположение, что у наиболее тесно контактировавших с болгаро-аланским миром северян — этих основных носителей ромейской культуры — родовые связи если и имели значение, то только в аналогичном потестарном аспекте, а не структурообразующем социальном, как, вероятно, у радимичей.

Этническая природа северян чаще всего определяется исходя в основном из их названия. Исторические и археологические данные при этом вторичны и подбираются в зависимости от этнонимической гипотезы. Можно отметить четыре главных варианта их происхождения: 1) автохтонно-славянский, восходящий к антам-

пеньковцам, черняховцам и даже зарубинцам (с учетом их временного ухода на север при нашествии готов и возврата оттуда) (П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, Д.Т. Березовец и др.); 2) западнославянско-висленский (Сенаторский, 1923); с «прямой» версией — через Северо-Западную зону вместе с кривичами, «от них же и север» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 5), и через «Дунайский котел» (Щавелев, 1996); 3) «иранский» (В.В. Седов, Н.М. Багновская); 4) болгаро-дунайский («северии» — одна из потестарных единиц «союза семи племен») (Трубачев, 1992).

Археологически зарождение северян-роменцев уже в восточноевропейской среде (от культуры Корчак) постулируют также И.И. Ляпушкин и И.П. Русанова, хотя и для более позднего (конец VIII в.) периода, считая не только пеньковскую, но и наследовавшую ей волынцевскую культуру неславянскими. Особо следует отметить работы, в которых подчеркивается разноэтнично-политический характер Северянского союза. В частности, В.В. Приймак на археологических материалах проводит такую точку зрения: «Анализ погребального обряда показал неоднородность населения ромейской культуры, что может быть обусловлено его подосновой (волынцевские памятники несут на себе явные следы нескольких компонентов)… Такая неоднородность так же проявляется… в домостроительстве» (Приймак, 1997 а. С. 30).

Н.М. Багновская включает в Северянский союз радимичей и вятичей (Багновская, 2014). Косвенно связь с «северой» кривичей, с одной стороны, вятичей и радимичей — с другой, вытекает и из сравнительно новой, протобалто-славянской концепции Г.С. Лебедева, отметившего «двойственное» этноязыковое положение этих трех этникосов по ПВЛ (Лебедев, 1989. С. 112). Поскольку летопись действительно подчеркивает в одном месте генетическое родство кривичей и северян (ПСРЛ. Т. 1. Л. 4), а в другом — сходство на уровне обычаев и обрядов «северы» с радимичами и вятичами (Там же. Л. 5), то потестарно-типологически летописный «север», скорее всего, логичнее поместить между этими двумя группами племен.

Археологически проблема происхождения типо-этнокультурных особенностей поздней потестарности Левобережья замыкается в основном на волынцевских древностях, имеющих двойственное — местное (относительно) пастырское и пришлое — салтовское или именьковское (среднеповолжское) происхождение. В.В. Приймак считает возможным говорить для VIII в. о «сложном вождестве» с центром в Битице, во главе с волынцевским дружинным элементом, но включающем и иные по этносу (в том числе славянские) племена с собственной потестарной суборганизацией. Называется даже форма получения правящей верхушкой избыточного продукта и одновременно главный способ реализации власти — «полюдье». В то же время подчеркивается зависимость от Хазарского каганата, хотя данный автор и не считает, в отличие от Д.Т. Березовца (Березовец, 1965),

Битицу опорным пунктом хазарского владычества и местом дислокации хазарского воинского контингента.

В целом соглашаясь с абрисом этой концепции, позволим некоторые коррективы, связанные с неразработанностью и неточностью внутренней хронологии волынцевских древностей и их верхней границы. Обратим, прежде всего, внимание на характер размещения волынцевских древностей (Седов, 1995), которые, кстати, в территориально-хронологическом плане стыкуются не только с роменскими, но и сахновскими (Полянскими?) (на Правобережье), колочинскими (прабалто-славянскими) в Среднем Подесенье, а также финно-угорскими (на Верхнем Дону). Верхнюю границу колочинских древностей в некоторых микрорегионах следует, вероятно, поднять — по крайней мере, до второй половины IX в.: в противном случае образуется хронологическая лакуна в 150 лет между ними и роменскими поселениями, которую немногочисленные волынцевские памятники никак не могут заполнить. Артефактов, подтверждающих данную абсолютную дату, нет, как, однако, нет и ее опровергающих. Симбиоз колочинско-волынцевско-роменской керамики в таких поселенческих агломерациях, как Посудичи на Вабле или Хотылево (Гасома) в Брянском ополье, — косвенное подтверждение первого положения, так как роменские лепные сосуды в Среднем Подесенье чаще встречаются совместно с шестовицкой и местной раннекруговой и в то же время — колочинской керамикой.

Кроме достаточно компактного ядра культуры в междуречье Сейма и Ворсклы с центром в Битице и открытым выходом в салтовский ареал, остальные памятники волынцевского типа составляют шесть групп, оконтуривающих предполагаемые, но вполне стыкующиеся с реалиями границы Хазарского каганата: Правобережье в районе Киева, бассейн р. Снов (правый приток Десны), Брянское ополье, Верхняя Ока, Верхний Дон, Среднее Поволжье (Смирнов, 1968). От основного ядра культуры эти группы отделены роменскими, колочинскими, боршевскими древностями, а то и вообще слабозаселенными либо степными пространствами. Данная территория на своем западном участке, отчасти и на юго-востоке, совпадает с границами «взятой на себя» русскими князьями хазарской дани со славян, очерченными по более поздним дружинным камерным захоронениям В.Я. Петрухиным (Петрухин, 1987; 1995а, б). В этой же зоне преимущественно и встречаются варварские (скорее всего, хазарской чеканки) подражания арабским дирхемам IX в., а в X в. к ним добавляется собственная денежно-весовая система, основанная на обрезанных в кружок монетах, охватывающая земли северян (кроме ранее покоренных русами черниговских), южных вятичей и юго-восточных радимичей. В Хазарин этой системы нет, как, впрочем, и в Киево-Новгородской Руси. Впрочем, «варварские» подражания дирхемам встречаются и за пределами Юго-Восточного региона, отражая, возможно, попытки хазар

распространить сферу своего экономического влияния на финно-угорские племена Севера. Так, на местном (весском) предшественнике древнерусского Белоозера — городище Крутик — в слоях IX в. обнаружены не только аббасидские дирхемы начала — первой половины IX в., но и подражания им (Голубева, 1991. С. 149). Эти факты стыкуются с предположением А.П. Новосельцева о хазарской экспансии в земли кривичей (Новосельцев, 1991). За это и географический фактор: от западных границ Брянского ополья, почти наверняка подчиненного в IX в. Хазарскому каганату, до юго-восточных кривичских памятников (правда, более поздних) — менее одного дневного перехода. Есть и иная точка зрения на зону «варварских подражаний» как на «Русский каганат», археологически представленный волынцевской культурой (Седов, 1998а, б), что объединяет последнюю с полянами (Петрашенко, 1990). Эти шесть волынцевских групп перекрывают также все возможные водные пути из Черноморско-Каспийского региона на север и их ответвления.

Строительство крепостей на Дону именно с этой целью — для удовлетворения фискально-пошлинных интересов военно-торговой верхушки Каганата — отмечала С.А. Плетнева (Плетнева, 1976. С. 55), однако она не связывала эту функцию с волынцевскими группами населения по окраинам внешней (славяно-балто-финской) зоны Каганата. Скорее всего, именно этим фактором (контролем над торговыми путями, а не скудной данью) объясняется выбор славяно-финских племен — данников Каганата, хотя одновременно группы волынцевского населения с внешней (для Хазарии) стороны как бы оконтуривали земли ранних вятичей, северян и, возможно, радимичей до их расселения на Соже. Само же появление волынцевцев (кто бы они ни были в этническом плане) в Юго-Восточной зоне вряд ли связано с государственной политикой переселения покоренных групп населения на окраины государства (в данном случае — Каганата), так как в начале VIII в. (именно тогда появляется волынцевская культура) ослабленный арабскими войнами Каганат вряд ли мог предпринять подобную акцию, способную вызвать недовольство как переселенцев, так и местного населения. Однако если принять соотнесение «Вантита» 1-й традиции восточных источников с каким-то пунктом или микрорегионом (агломерацией) в земле вятичей, основания для чего имеются, то в этой торговле под эгидой хазар участвовала и славянская верхушка. Устанавливаются (или сохраняются) в IX в. культурные связи роменских славян с Великой Моравией и ее южной сферой влияния, о чем свидетельствуют некоторые типы украшений. Косвенно это говорит и о функционировании «хазаро-баварского» пути через славянские земли (Й. Херрманн, А.В. Назаренко). Возможно, его установлению способствовало включение славянских территорий в состав Каганата.

Вероятно, первоначальное бегство каких-то групп населения (предположительно ирано-тюркского) к своим, уже жившим здесь

пастырским «родственникам», после гибели Великой Болгарии и во время арабских войн на Северном Кавказе могло иметь место. О характере переселения косвенно свидетельствует изменение погребального обряда — от ингумации салтовцев к кремациям, перенятым у местного населения, волынцевцев (если не считать последних прямыми потомками пеньковцев или именьковцев). Роль степных поселенцев в славяно-балтской среде существенно менялась на рубеже VIII–IX вв., после внутреннего конфликта, в итоге завершившегося компромиссом хазаро-иудейской торговой верхушки и болгарских степных ханов, допущенных к кормилу власти. В итоге родственники последних — волынцевцы — могли стать опорой властей Каганата во вновь присоединенных и тоже славянских землях. Кратко их можно назвать «военными поселенцами», выполнявшими, скорее всего, и функции сбора дани со славян (от «дыма» или от «рала»), но самих от налогов освобожденных.

Не исключена вероятность, что в качестве компенсации того, что болгары-тенгрианцы стояли все же на ступеньку ниже хазар-иудеев, им могло быть предоставлено право (и обязанность) контроля за «колониями». Подобная практика известна в таких сложных по территориальному устройству государствах, как Карфаген или Бенин: здесь «граждане» (но как бы «второго сорта», не принадлежавшие к правящим благородным родам) имели привилегию в обход последних поставлять наместников на окраины государства, где жили вообще «неграждане», к управлению ни в коей мере не причастные.

В данном случае ситуация, возможно, облегчалась и традициями давнего ирано-тюрко-балто-славянского симбиоза на Левобережье, когда болгаро-аланы (или кто бы ни были волынцевцы) не воспринимались местным населением враждебно, как завоеватели, и тем успешнее могли осуществлять свои функции в пользу Каганата. Недаром не известно ни одного восстания славян против хазар (эпизод с Полянской «данью мечами» неоднозначен), при этом антиваряжскими, а позднее антирусскими движениями и проявлениями враждебности листы летописи буквально пестрят. Дата прекращения функционирования Битицкого городища спорна и опирается не столько на археологически обоснованные датировки, сколько на контаминацию с потрясениями внутри Каганата и основанием в 30-х гг. IX в. крепости Саркел. Разница же в 30 лет — первая либо последняя (по нашему мнению) треть IX в. — археологически вряд ли уловима. Если же принять как гипотезу одновременность Битицы в середине IX в. как центра сбора хазарской дани с данью варяжской, затем «русской» на Севере, то тогда имеет основание сравнение В.В. Приймаком этого поселения Юго-Востока с таким центром Севера и опорным пунктом скандинавской колонизации, как Старая Ладога. В данном случае, с учетом расположения рядом с Битицким волынцевским городищем частично синхронного ему ромейского, можно найти на Севере более

удачные примеры «пар городов» (местного и варяго-русского): Рюриково городище — Новгород, Крутик — Белоозеро, Изборск — Псков, Гнёздово — Смоленск, Сарское — Ростов. Хотя вопросы о хронологии, статусе и функциях многих из них достаточно спорны, сама идея о расположении опорного пункта «верхнего уровня власти» рядом с контролируемым им местным административным центром (Петрухин, Пушкина, 1979), концентрирующим собранную с подчиненной последнему волости/ княжения дань, представляется плодотворной.

По аналогии с историко-археологически отраженным процессом сбора варяжской дани можно реконструировать этот процесс и для хазарской сферы влияния. Вероятно, из Битицы назначались наместники (тудуны) в отдельные регионы Левобережья, охваченные хазарской данью. Возможно, свидетельством наличия дружины такого наместника в Брянском ополье является «этнически чистый» (как и собственно волынцевский на Сейме) могильник у села Полужье на Десне. Отличие здесь в наличии в Полужье хоть и небольших, но курганов (Шинаков, Чубур, 2018). Вооружены были эти воины (по крайней мере, в Битице) салтовским оружием и снаряжением (Приймак, 1994. С. 14, 26), хотя, судя по обряду кремации, в религиозно-обрядовом отношении они не могут отождествляться с алано-болгарами напрямую.

Что касается возможного наличия правителей «вождеств» славянского или балтского происхождения, то косвенные археологические свидетельства об их существовании относятся лишь к четвертому этапу (с середины X в.).

Третий этап преддревнерусского потестарного развития Юго-Восточной зоны связан с попытками русов (Аскольда и Дира, затем Олега) завладеть южными оконечностями тех путей, северными участками которых они владели уже 100 лет. Отсюда в список первых данников Олега на Юге Руси входят те же поляне, северяне и радимичи, покоренные либо силой, либо угрозой ее применения. Именно с этими событиями, а не с внутренней гражданской войной в Каганате следует, вероятно, связывать гибель Битицкого городища, исчезновение (на Правобережье, в Чернигове, на р. Снов, в Брянском ополье, на р. Псел — Битица) или архаизацию (переход от круговой к лепной посуде), растворение в славянской сельской среде волынцевских древностей, зарытие Железницкого (Зарайского) клада. Его расположение — невдалеке от северных окраин верхнедонской группы волынцевской культуры — может свидетельствовать о целях Олега и его попытке захватить Донской путь (что позже удалось Святославу) и владения вятичей ударом не с запада, а с севера, вероятно, из земель уже подвластной Руси муромы или мери.

Поскольку русы, в отличие от хазар, не располагали опытом управления, чиновничьим аппаратом и готовым контингентом «военных

поселенцев» в славянской (ромейской) среде, они при сборе дани по хазарской системе (от «дыма» или «рала») вынуждены были, скорее всего, опираться на местные органы власти, что не могло не усилить последние. Появляются хорошо укрепленные городища, окруженные селищами-посадами или поселениями-«спутниками» с более богатым и оригинально-местным инвентарем, жилищами разных размеров, хотя и одного (в отличие от предыдущего этапа) типа. Опорных же пунктов верхнего (русского) уровня власти, в отличие от хазарского (второго) этапа, нет вообще (исключение: Чернигов — Шестовицы). Об их устройстве и функциях опять же нет никаких свидетельств. Можно лишь предположить, что северянско-вятичская (возможно, отчасти радимичская) знать при создании органов управления и сбора уже киевской дани вряд ли могла использовать отсутствовавший опыт русов, самих находившихся в поиске форм организации власти над обширными землями Юга. Образцом могли послужить системы власти болгаро-аланского (или «волынцевского») варианта хазарского типа степной государственности с ее родовым правлением, иерархичностью уровней власти, развитой денежно-весовой системой, торговлей, всеобщим вооружением народа, при наличии привилегированной военной аристократии, воевод и дружины-«гвардии».

Схожие, но более территориально отдаленные и опосредованные (а также ослабленные) через Юго-Западную зону потестарно-политические импульсы могла дать и Великая Моравия. На многих, особенно окраинных, поселениях сохраняются постволынцевские (Кветунь) и салтовские (Титчиха) артефакты, свидетельствующие о частичном сохранении старых традиций и связей.

Четвертый этап подробно охарактеризован в концептуальной статье автора и А.В. Григорьева (Шинаков, Григорьев, 1990). К ее положениям можно добавить открытие связующей упомянутые в ней позднероменские протогосударственные центры, особой (отличной от древнерусской) денежно-весовой системы 20–90-х гг. X в., основанной на обрезанных в кружок по единой норме дирхемах (не только арабских, но и хазарских). Лишним доказательством их генетической связи с хазарским и алано-болгарским мирами являются обнаруженные только на данном типе монет граффити, имеющие аналогии в Саркеле, на Маяцком городище и в Первом Болгарском царстве (Нахапетян, Фомин, 1994. С. 173, 176). Кроме того, пополнился за счет коренных северянских территорий в междуречье Сейма и Ворсклы список возможных претендентов на роль центров малых племенных княжеств, число которых в этом регионе, вероятно, превысило десяток. Добавим сюда такие окраинные вятичские и северянско-межэтнические предгородские центры, как Титчиха, Супруты, Кветунь, возможно — Хотылевская агломерация в Брянском ополье. Характерная черта материальной культуры всех этих центров — сочетание лепной

ромейской и «местной» (не шестовицко-древнерусской и не салтовской) раннекруговой керамики.

Очевидной единой столицы этого предполагаемого северянско-вятичского (и отчасти радимичского) межплеменного протогосударственного объединения пока не обнаружено. Наибольший сгусток городищ находится в ядре северянской территории с географическим центром на Верхнем Пселе и Суле; затем на восток, север и северо-запад идут слабозаселенные земли, вплоть до таких «гигантов», как Титчиха, Супруты и Кветунь, в культурном плане имеющих генетически единый и, вероятно, социально-потестарно однородный с северянскими городищами облик. Последние представляют собой иерархию поселений — от «гигантов» с мощными укреплениями, посадами, селищами-спутниками и обширными некрополями (религиозными центрами) до рядовых городищ. Среди первых все еще, возможно, благодаря своей образцовой изученности (А.В. Куза) выделяется Горналь на Пселе; так, только на нем обнаружены следы собственного монетного чекана и прототипы украшений, позднее — и построменского облика (лучевые ложнозерненые кольца группы IV), распространявшиеся на землях северян, вятичей и радимичей, а за их пределами — в основном в северо-восточной части Северной зоны.

Судя по «Документу Шехтера» и списку данников царя Иосифа, в середине X в., после поражения русского князя Х-л-гв (HLGW) от войск хазарского полководца Песаха и повсеместных неудач князя Игоря в начале 40-х гг. X в., северяне и радимичи вновь обрели независимость от Киева, но вятичи ее сохранили. Не исключено, что именно к вятичам можно отнести сообщение Ибн Фадлана от 922 г. о славянах, желающих принять ислам: сами волжские болгары, к которым прибыла арабская миссия, уже были мусульманами (по Ибн Русте). Это несколько снижает достоверность аргументов в пользу традиционного отождествления «славян» Ибн Фадлана с болгарами (Marquart, 1903. P. 342). Возможно, в условиях ослабления Хазарии на рубеже IX–X вв., тем более частично отрезанной от вятичей мадьярами, а затем и печенегами, вятичская верхушка могла обратиться за помощью против последних (а также русов) к тогдашним врагам этих народов — Шатт-аль-Исламу (через Волжскую Болгарию). Находясь между почти распавшейся Древнерусской державой (лишь усилиями Ольги было сохранено ее ядро) и временно вновь усилившимся Каганатом, эти племена, во-первых, имели возможность воспользоваться ситуацией, во-вторых — вынуждены были это сделать для самостоятельной защиты от печенегов (в союзе с последними в 60–70-х гг. X в. находились русские князья Святослав и Ярополк). Скорее всего, возможен протекторат Каганата над северянами, вятичами и частью радимичей, объединенными в потестарно-политический организм конфедеративного типа (без единой столицы), но уже на новых, более

выгодных для последнего, условиях. Об этом свидетельствует резко возросшее богатство правящей позднероменской верхушки, сконцентрированной в отдельных крупных, достаточно далеко друг от друга отстоящих (Горналь, Супруты, Кветунь, Титчиха) предгородских центрах. Они обладают единой (хотя и отличной в деталях), синкретичной по истокам, но уже специфически самобытной культурой (особенно это чувствуется в чисто серебряных деталях женского костюма).

Значительная часть восточного серебра из Хазарии уже не проходила транзитом через вятичско-северянско-радимичские земли, оставаясь в руках оседлавшей торговые пути правящей верхушки этих племен, создавая экономическую основу ее власти. Об этом свидетельствуют не только весьма многочисленные в Юго-Восточной зоне монетные клады X в., семь из которых содержали обрезанные в кружок по местной весовой норме дирхемы, но и результаты «перераспределения» этих средств: мощные, в том числе на каменной основе, укрепления (Горналь, Каменное, Ницаха, Журавное), большие наземные дома (Новгород-Северский, Хотылево и др.), богатый, разнообразный и специфичный для данной территории набор чисто серебряных украшений (по инерции этнокультурные северяне XI — первой половины XII в. также сохраняют данную традицию, как и запасы серебра для украшений). Набор этот отличается чистотой серебра не только от других групп восточных славян, но и от собственно поздне— и построменских сельских поселений, для которых более характерны, скорее всего, балтские по своим корням спиралевидные височные кольца.

Кроме вполне очевидных на этих примерах функций самообеспечения правящего слоя, последний должен был также организовать защиту от печенегов — на южных, от русов (киевских, черниговских, смоленских) — на западных рубежах нового потестарно-политического образования, обеспечить нормальное функционирование путей по Дону и Оке. Кстати, возможно, потребность в «обходном» движении потребовалась в связи с угрозой прямому Волжскому пути из Хазарии в Волжскую Болгарию со стороны печенегов и тузов; в этом аспекте знать данного территориального образования выполняла своего рода международные обязательства (получая и свою выгоду), поддерживая данный «мост». Интересно, что после присоединения юго-восточных северянских и вятичских земель русы сохранили этот путь, только начинался он уже не в Хазарии, а в Киеве (Моця, 1985; Моця, Халиков, 1997).

О наличии «полюдья» (по предположению В.В. Приймака) прямых данных нет. Однако отсутствие четко выраженного археологически административного центра — резиденции — можно объяснить не только конфедеративным устройством. Сопоставление проводится со славянскими державами, находившимися одновременно под

воздействием потестарных (политических) «степных» и германских культур, институтов и структур. Это прежде всего Великая Моравия, возникшая на стыке Каролингской империи (позднее — Германии) с Аварским каганатом. Кочевые ставки каганов, связанные с образом жизни и хозяйства, отчасти религиозными связями государя и подданных, сочетаются с «кочующим» имперским двором, перемещающимся между городами и имениями. В Великой Моравии в итоге — аналогичная ситуация (объезд «градов», где были и постоянные гарнизоны, князем и дружиной). Для гипотетичного северяно-вятичского (отчасти и радимичского) протогосударства в качестве образца могли выступать скандинавская вейцла, кочевой образ жизни болгарских ханов и сезонные перекочевки хазарского двора (Коковцов, 1996. С. 595), в сочетании с зафиксированными более ранними (IX в.) связями с великоморавской зоной влияния.

Добавим к этим особенностям военно-ранговую дифференциацию болгаро-алан[110] (Афанасьев, 1993. С. 48–49; Плетнева, 1989. С. 278, 280–282), перенятую, впрочем, судя по данным археологии, не только и не столько северянами[111], сколько русскими дружинниками (в противовес внутреннему «демократизму» варяжских отрядов). Эту же «ранговость» и ее внешние атрибуты переняла и великоморавская (затем чешская и польская) дружина, скорее всего — от аваров.

Границы этого образования на севере проводятся по верховьям Оки (включая Супруты) и Дона; в пограничную территорию с финно-уграми под властью варяго-русов, а в середине и второй половине X в., возможно, и Волжской Болгарии, попадает (и маркирует ее) знаменитый Железницкий (Зарайский) клад. В нем стыкуются предметы роменско-боршевского, салтовского, муромско-мордовского, приуральского, венгерского, восточного (мусульманского) происхождения. Впрочем, на севере границы не очень четкие из-за вятичского проникновения в финно-угорские земли по Оке. На востоке граница совпадает с пределами боршевской культуры и проходит в междуречье Дона и Волги. На юго-востоке она размыта островками алано-болгарского населения на Северском Донце, возможно инкорпорированного в состав данного объединения. Южная — ограничена удобными для защиты от печенегов водными рубежами: верховьями и средним течением Ворсклы, средним течением Псела, низовьями Сулы (где стыкуется с русской крепостью Воинь). Западная граница в деталях «читается» в Подесенье, где иногда между Черниговской Русью и позднероменской культурой пролегает несколько десятков километров незаселенного пространства либо в непосредственном соседстве имеются противостоящие друг другу крепости. Отсюда начинается особая, переходная между Юго-Восточным и Центральным регионами территория. Вероятно, то же самое было и к югу от Десны: естественным пограничьем служили солонцеватые почвы по Удаю (между Сулой и Трубежем), куда затем

были поселены переяславские торки и «черные клобуки» (Стороженко, 1890. С. 39, 41; Шинаков, 1980а. С. 104).

Наибольшую сложность по конфигурации представляет северо-западный участок границы от Десны до Ипути и Беседи, в который с юга на глубину до 75 км клином вдается территория «Росии» (по Константину Багрянородному), характеризуемая многочисленными кладами «северной» системы, шестовицкой керамикой, предметами вооружения скандинавского происхождения, чуть позднее — камерными захоронениями. Стержнем клина является р. Снов, северо-восточнее ее верховьев — Стародубское ополье, входившее в состав особой военно-административной единицы Руси — «Сновской тысячи», имеющей выраженные археологически и топонимически поселения «служебной организации». К таковым, вероятно, относится и село Рогово на р. Судость, разрывающее цепочку роменских поселений на этой реке. Вероятно, до кризиса «Большого полюдья» в середине X в. оно являлось одним из его станов, аккумулировавших дань с северян, радимичей, вятичей и одновременно разделявших их территории. К востоку от «Пути», в расположенных на правобережье Десны Вара-Судостьском, Трубчевском и Брянском опольях жили «чистые» северяне, несколько «разбавленные» вятичами и радимичами, к северо-востоку — вятичи (на Болве) и кривичи, к западу (на Ипути) — радимичи.

Восточная часть последних, судя по топографии кладов, а также наличию северянских и вятичских древностей (Пеклино, Ляличи, Людково), относилась к зоне хазарской дани, а затем к предполагаемому северянско-вятичскому протогосударству. Его юго-восточная (со «Сновской тысячей»), северная и южная границы здесь совпадают с этнокультурными рубежами радимичей конца X–XII вв., прохождение западной, рассекающей их территорию с севера на юг, — тема дальнейших исследований. Сейчас можно провести границу «диких» (или подчиненных Киеву со времен Олега) и «хазарских» радимичей по линии: Стародединский клад на р. Остер — Ивановка (Лотаки) на Беседи — район Новозыбкова (Безымянный клад). В любом случае собственно Посожье в Восточный регион не входило. Это подтверждается и наличием двух основных групп концентрации курганов с этноопределяющими украшениями, разделенных «пустотой» между Беседью на востоке и Сожем на западе, смыкающихся лишь на юге, в Гомии, с его роменским слоем.

Достаточно большая точность при определении границ Руси с позднероменской культурой и ранними этнокультурными радимичами X в. в междуречье Ипути и Десны базируется не только на археологических и нумизматических данных, но и современных (XIX–XX вв.) этнографических и лингвистических материалах[112], а также физико-географическом районировании. В последнем случае автор исходит из неоднократно апробированного полевыми материалами

допущения, что этнокультурные и потестарно-политические границы в основном совпадают с микрогеографическим членением и не пересекают единый ландшафтный микрорегион[113] «поперек»[114] (Шинаков, 1991а, б; Шинаков, Гурьянов, 1994).

Значение подобного рода (возможно, излишне скрупулезной для целей нашего исследования) «демаркации» границ в том, что она лишний раз свидетельствует в пользу территориально-политического, а не этнокультурно-религиозного характера рассматриваемого «протогосударства». Так, на севере в него могли входить финно-угорские элементы (рязанско-окские могильники, зона Железницкого клада), на юго-востоке — алано-болгарские. Кроме того, в его состав инкорпорировалась лишь часть этнически и, вероятно, религиозно единых радимичей[115], и последние, таким образом, оказываются разделенными между Центральным регионом потестарности и Юго-Восточным. С другой стороны, Подесенье и междуречье Десны и Ипути образуют для X–XI вв. такой сложный этнокультурный и потестарно-политический калейдоскоп, что вполне могут быть выделены в особую, «буферную» между несколькими регионами, зону (Шинаков, 1995 г). К уже перечисленным компонентам добавим словенских переселенцев на Болве и балтов, наследников колочинской и носителей тушемлинской культур в промежутках между славянскими этнокультурными группами, а также остатки ирано-тюркского населения на левобережье Десны (особенно в Севском участке лесостепи). Именно здесь, наряду со Средним Поочьем (Супруты), верхним течением р. Псел (Горналь) и Курским Посемьем, хорошо прослеживается пятый этап — ликвидация независимости северян, радимичей, части вятичей и начало «государственного освоения» их территорий (середина 60-х гг. X — середина XI в.). Как раз в эти годы (964 г.) состоялся первый поход Святослава, который проходил, скорее всего, по старому пути «Большого полюдья» по Снови — Вабле — Судости — Десне с выходом на Оку через Болву либо Снежеть из Брянского ополья. Или же, если в Чернигове правили независимые от Святослава, хотя и варяго-русские династы (Уманец, Шевченко, 1995; Зоценко, Моця, 1996), через Смоленск (Гнёздово), далее к Оке либо по Волжскому пути, либо по Десне к тому же Брянскому ополью.

Этот этап хорошо освещен археологическими и нумизматическими источниками, находящими полное соответствие в данных летописи, и он относится уже не к истории додревнерусских потестарно-политических структур, а к процессу создания территориальной базы самого Древнерусского государства. Примечательна лишь длительность и «этапность» данного процесса на Левобережье, в Юго-Восточной зоне, что свидетельствует о силе сопротивления живших здесь «племен» и относительной прочности созданного ими потестарно-политического объединения, как и его отдельных суборганизмов. Достаточно сказать, что оно пережило своего

потенциального союзника — Хазарию, и было покорено лишь после нескольких отсекающих и рассекающих ударов трех князей: Святослава, Ярополка и Владимира. При этом часть вятичей сохранила независимость до середины XII в., а северяне пользовались любой возможностью для ее восстановления (например, приходом в 1024 г. Мстислава из хазаро-русской Тмутаракани с хазарско-касожской дружиной). Ответные меры Ярослава, после смерти Мстислава, вызвали опустошение северянского Посемья (Рыбаков, 1969; Шинаков, 1980а, б, в), отход части северян в лесостепь («Восточные территории» и Донец) и леса Севера, а также их искусственное расселение в глубинных районах государства и пограничных крепостях (Шинаков, 1995а, в).

Юго-Западный регион

Юго-Западный регион потестарности является наиболее «чисто» славянским, с некоторым влиянием фракийского субстрата в Карпатах. К моменту начала древнерусских государствообразовательных процессов (середина IX в.) он, в отличие от остальных регионов, имел значительные собственные потестарные традиции: государство «Валинана» (по ал-Масуди), отождествляемое с «державой Дулебов» (по В.В. Седову и Н.И. Милютенко, см.: Седов, 1982. С. 90–93; Милютенко, 1993. С. 163), за которым скрывались не только волыняне, но и древляне, дреговичи и даже поляне. Принадлежащая им культура Луки-Райковецкой, в отличие от роменско-боршевской, имеет прямое генетическое продолжение в общерусской христианской. Второй, более ранний по времени записи, но более поздний по описываемым реалиям пласт сведений принадлежит восточным авторам 1-й традиции (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, «Худуд ал-Алам»), сведения которых, по А.П. Новосельцеву, восходят друг к другу с некоторыми дополнениями, а в конечном итоге — к автору 40-х гг. и 50-х гг. IX в. Муслиму ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми, отражая реалии этого и чуть более раннего времени (Новосельцев, 1965. С. 392). По вопросу авторства и соотношения описания с конкретными восточнославянскими, общеславянскими (Вестберг, Кмитович), великоморавскими (Тржештик, Достал), зличанско-хорватскими и краковско-хорватскими (Маркварт, Левицкий) реалиями имеются и иные точки зрения ряда российских, немецких, польских и чешских исследователей.

Мы исходим из уже высказанного допущения, что если описания все же касаются восточных славян, то в основном Юго-Западной зоны (Хордаб (Джарваб, Хордаб) и основной массив сведений). Но не только ее: Вантит (Вабнит, Вайт), расположенный «на востоке земли славян» в двух (десяти) днях пути от венгров и печенегов (Новосельцев, 1965. С. 290, 387, 389), в IX в. кочевавших еще в Поволжье, мог находиться только в земле донских вятичей. Точная его локализация в данном случае значения не имеет: важно его нахождение на Донском пути в славянских землях Каганата и получение сведений о нем из хазарских источников. Возможно, в Хазарин (но от русских купцов) или в

Волжской Болгарии могли быть получены данные о более отсталых славянах (например, Севера), в том числе о финно-уграх, подвергавшихся набегам и поборам русов и служивших для последних рабами.

Для Юго-Запада интересен третий путь получения сведений: возможно, через Центральную Европу (далее Византию или Кордовский халифат) о юго-западной части восточных славян (хорватах). Эти данные о них доходят до нас как бы через великоморавскую призму. Впрочем, для второй половины IX в. включение не только западно—, но и восточнохорватских земель в состав «державы Святополка» («Свт.м.л. ка») представляется вполне реальным, не говоря уже о прямом политическом влиянии Великой Моравии на потестарные структуры юго-западной части восточных славян. Отсюда два исторических источника по данной проблеме. Первый — описание иерархически организованного дружинного государства с его столицей (Джарваб), крепостями, наместниками и «правителями по окраинам своих владений», «полюдьем» и судебными функциями «главы глав» («раис ар-руаса») (1-я традиция восточных авторов). Второй источник (косвенный) — великоморавские аналогии, в целом совпадающие со сведениями первого источника. Оба источника свидетельствуют в пользу того, что перед нами — потестарно-политическое образование «Среднеевропейской модели».

Археология вносит следующие дополнения в реконструкцию структуры и динамики развития потестарности в Юго-Западном регионе.

1. Четко выделяются три периода этого процесса. Первый период (VII–VIII вв.) характеризуется наличием гнезд поселений с культовым центром и городищем-убежищем. Явственно выделяется лишь один протогород с сильными укреплениями, длинными домами для дружины[116], предметами вооружения и конской упряжи — городище Зимно на Волыни, сопоставимое со столицей легендарной Валинаны, погибшей от нападения аваров (Тимощук, 1995. С. 25). Здесь встречены элементы «единой европейской дружинной культуры» (Рыбаков, 1953. С. 63; Русанова, 1976. С. 51)

Второй период (IX в.) наиболее четко прослеживается на хорватской территории (Северная Буковина), отчасти в земле древлян (Хотомель, Малин). В Прикарпатье выделяются семь административных центров с унифицированными укреплениями, включающими башни, длинными домами, развитым ремеслом, обслуживавшим, вероятно, не только общину, но и дружину, также представленную на этих городищах. Среди них размерами и наличием посада и неподалеку — отдельного культового центра (или дружинного лагеря, в зависимости от интерпретации длинных домов) выделяется одно: Добрыновцы на правобережье Среднего Днестра.

Третий период (X — начало XI в.) начинается с пожаров на некоторых хорватских (рубежа IX–X вв.) и древлянских (начало и середина X в.) городищах. Их заменяют менее многочисленные, но более сильно укрепленные, хотя и меньшие по размерам «княжеские крепости», зачастую на месте старых административных центров (например, Ревно). Парадоксально, но только в X в. возникает общехорватский языческий культовый центр на р. Збруч, состоящий из трех городищ-святилищ, что косвенно свидетельствует об отсутствии сакрально-магических функций у князей Юго-Запада, так как после замены их на Рюриковичей отправление местных культов не только не прекратилось, но приобрело даже материально более выраженные формы.

2. Археологически фиксируемая система поселений IX в., по крайней мере в хорватских землях («грады»-крепости и столичный город), сопоставляется как с описанием государства славян со столицей в Хордабе, так и со структурой системы управления Великой Моравией: при наличии формальной столицы (Велеграда) князь с дружиной не жил в ней постоянно, а объезжал «грады», где к его приезду собирались дань и припасы для прокорма дружины, размещавшейся в специальных «казармах» (в данном случае длинных домах). Даже если Ибн Русте и его последователи писали о Великой Моравии, а не о карпатской Хорватии, то в плане организации власти, отраженной в топографии поселений, последняя весьма походит на первую

3. Что касается изменения характера хорватских городищ и пожаров на некоторых из них на рубеже IX–X вв., то при всей сложности их интерпретации ясно одно: их вряд ли можно связывать напрямую с присоединением хорватов к Руси. Во-первых, сведения об этом отсутствуют в письменных источниках до 992 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 42), в том числе у Константина Багрянородного, хотя, с одной стороны, он пишет о северных хорватах, а с другой — подробно перечисляет «пактиотов» Росии, включая соседей хорватов «вервианов» (древлян) и «лендзанинов» (волынян), к которым хорватов он не относит. Кроме того, с покорением древлян в 883 г. связывается установление фиксируемого по кладам рубежа IX–X вв. торгового пути по Припяти на запад через землю волынян (лендзан), в обход княжества хорватов. Существует точка зрения о потестарном единстве древлян и волынян (а также дреговичей) (Милютенко, 1993. С. 162–163) со времен гибели Валинаны, археологически отображенной пожаром городища Зимно конца VIII в. С учетом целей завоеваний русских князей того времени (контроль над торговыми путями) захват Карпат не был необходим. Если не предполагать также венгерское вторжение в Паннонию и Великую Моравию либо чуть более раннюю экспансию последней (или восстание против ее гарнизонов), о чем нет никаких свидетельств, то остаются внутренние причины. Среди последних, с учетом результата

— строительства княжеских крепостей, можно предположить с наибольшей долей вероятности конфликт княжеской власти «микрофедерального» уровня с племенными князьями-вождями, старейшинами-аристократами и самоуправляемыми общинами (в зависимости от формы власти в том или ином гнезде поселений). И.П. Русанова и Б.А. Тимощук выделяют три типа центров таких гнезд (свыше 20): городища-административно-хозяйственные центры; городища-убежища; селища — общинные центры (последние в меньшинстве) (Русанова, Тимощук, 1993. Рис. 13.1). В шести случаях первый тип сочетается с городищем-святилищем, в одном — с городищем-убежищем, в одном (Бобин) центром гнезда было городище-святилище

Внешнее воздействие могло использоваться лишь в своего рода демагогических целях: прокламирования необходимости сплоченности под властью одного правителя для отпора внешнему врагу либо потребностей сбора дани в пользу вышестоящего сюзерена, с использованием, возможно, воинских контингентов последнего. Не могло не повлиять на усиление независимости восточнохорватской правящей верхушки от «общества» участие (возможно, легендарное) первой в походах «руси» на Византию, используемое как источник получения независимого от общества избыточного продукта. Впрочем, не исключено перечисление в составе войска Олега всех подвластных Руси к XII в. земель с целью придания ореола древности и легитимности этой власти.

4. То же самое можно сказать о восточной окраине Юго-Западного региона — земле древлян, за исключением абсолютной увязки пожаров и прекращения жизни на некоторых ее городищах с походом Игоря 913 г., либо «местью Ольги» в 946 г. Именно в связи с последним событием летопись достаточно подробно описывает потестарное устройство княжества древлян с его иерархией представителей власти: «федеральный» князь Мал, возможно — племенные князья («а наши князи добри суть» — ПСРЛ. Т. 1. Л. 15)[117], «лучшие» и «нарочитые» мужи, старейшины градов. Последний термин означает категорию людей, причастных к управлению, глав (иногда даже князей) какой-либо территории или организации, а не возрастную группу, пусть даже, в силу авторитета, обладающую некоторыми властными функциями («старцы»)

Разнообразие терминов может свидетельствовать о том, что древлянская потестарность была достаточно сложной, аналогично восточнохорватской до событий рубежа IX–X вв. В ней могли перекрещиваться старые ветви власти аристократическо-родового происхождения, представлявшие общество (старейшины градов), а также стоящие уже над последним князь Мал и его «мужи» разных категорий (именно они как бы идеализируют древлянских князей при дворе Ольги — «иже распасли суть Деревьску землю», см.: ПСРЛ. Т. 1.

Л. 15). По сути, здесь наличествует отражение патриархального характера власти и отношений реципрокности между ней и обществом. И в то же время это косвенное свидетельство о полноте судебной власти князя, отраженное в 1-й традиции восточных источников. Однако эти слова княжеских мужей — декларация, рассчитанная на внешнего потребителя (в данном случае Ольгу), к тому же легендарного характера.

Завершающееся конфликтом или компромиссом на определенном (обычно переходном от «вождества» к раннему государству) этапе развитие потестарности аристократическо-родовых и военно-«вождеских» тенденций — явление достаточно обычное. Очевидно, разные фазы этого этапа и были представлены в Юго-Западном регионе в целом.

Итак, при всем типо-стадиальном различии отдельных позднепотестарных и потестарно-политических образований Восточной Европы IX–X вв., иногда реально, иногда достаточно условно группирующихся в пять-шесть регионов потестарности, в среднем они соответствуют если не форме, то этапу «вождеств» (в сравнении, например, с отдельными оманами ашанти накануне их объединения в военно-торговую федерацию) (Попов, 1990. С. 107–108). Некоторые из них еще до Древнерусского государства образовывали неустойчивые союзы потестарных организмов, имели княжескую власть, но другие оставались на уровне племенных «вождеств» или даже акефальных обществ, находившихся в сфере влияния различных политических культур, имевших разнонаправленные внешнеторговые связи и формы потестарности.

Идея разноуровневости и разнотипности, хотя и редко высказываемая в советской, зарубежной, да и современной российской и украинской историографии, отнюдь не представляется «сложной». Она звучала еще в работе 1948 г. Г.В. Вернадского: «Существовало значительное различие между отдельными племенами с точки зрения их экономических и культурных уровней…» (Вернадский, 1996. С. 29). Это наблюдение как бы лежало на поверхности, так как и автор ПВЛ, и его непосредственные предшественники, как минимум, дважды подчеркивали эти моменты (о наличии «княжений» лишь у некоторых (пяти) племен и противопоставлении «мудрых и смысленых полян» «живущим зверинским образом радимичам, вятичам и северянам»).

Подробно и методически аргументированно их рассматривает Г.С. Лебедев (Лебедев, 19856. С. 191–195). Анализ проводится без скидок на возможную недостоверность, суммарность, неточность из-за хронологической дистанции сообщений летописцев[118]. Однако «надо не исправлять летопись, а просто попытаться взглянуть на прошлое глазами летописца XI в. — начала XII в.» (Новосельцев, 1991. С. 9). По мнению этого исследователя, разнообразие отношений отдельных восточнославянских «племен» с Киевом определяли не многообразные

природно-хозяйственные условия Восточной Европы (как считал В.О. Ключевский) и свои потестарно-идеологические традиции, а методы подчинения их Киеву и додревнерусские внешнеполитические воздействия (чешско-польские и хазарские) (Новосельцев, 1991. С. 15). Что касается общей классификации «племен» с точки зрения форм потестарности, то она представляется наиболее удачной у Г.С. Лебедева, а по отдельным племенам — у А.А. Горского (Горский, 1995) [119] и Б.А. Тимощука (Тимощук, 1990а, б; 1995)[120].

2. Происхождение «руси» и причины начала государствогенеза

Три первых упоминания русов (росов) конца 30-х — начала 40-х гг. IX в.

Первые достоверные упоминания «русов» (в арабской транскрипции) или «росов» (в греческой) относятся к концу 30-х — началу 40-х гг. IX в. Это «Вертинские анналы» франкской империи Каролингов (автор — Пруденций), с включенными в них выдержками из письма византийского василевса Феофила (838–839), «Книга стран» арабского ученого ал-Йа’куби, в которой русы упоминаются под 843–844 гг., а также «Житие Георгия Амастридского» дьякона Игнатия, где описан набег росов на византийский город Амастриду. Точная дата последнего события дискуссионна, по нашему мнению, это конец 842 — начало 843 г. (обоснование этой даты мы изложим ниже).

Существуют, конечно, косвенные свидетельства и о более раннем присутствии новгородцев (князя Бравлина) в Крыму в конце VIII — начале IX в. и какого-то мифического народа, название которого схоже с этнонимом «рос», среди народов Кавказа. Это — «Житие Стефана Сурожского» и произведение анонимного сирийского автора («Псевдо-Захарии») середины VI в. Однако «Житие Стефана Сурожского», при всей его привлекательности в плане удревнения более чем на полстолетия начала функционирования пути «из варяг в греки» и наличия самостоятельной, славянской, княжеской власти в Новгороде, имеет, к сожалению, не историко-фактологическое, а морально-назидательное значение. Что касается сообщения анонимной сирийской хроники VI в., то оно носит явно легендарный характер, стоит лишь вчитаться в контекст описания народа «еросов»: «Дальше от них обитают карлики и собакоподобные люди. На северо-запад от них живут амазонки — женщины с одной грудью… рядом с ними живущий народ еросы, мужчины которых имеют большие и длинные конечности. У них нет оружия, и кони не могут носить их из-за (такой) величины их конечностей. Дальше на северо-восток есть еще три черных народа (племени)…» (Пигулевская, 1941. С. 165–166).

Рассмотрим последовательно достоверные сообщения. В «Вертинских анналах» аббата Пруденция явственно выделяются два слоя сведений. Одни сведения почерпнуты из сопроводительного письма василевса Феофила византийскому посольству ко двору императора франков Людовика Благочестивого в Ингельгейме и являются, собственно, кратким пересказом этого письма. Второй слой сведений базируется на личных наблюдениях Пруденция, связанных с пребыванием росов в Ингельгейме. Кроме того, сюда можно добавить не упомянутые в «Вертинских анналах», но реконструируемые по иным источникам последующие за пребыванием византийского посольства при франкском дворе события.

«С ними он прислал еще неких [людей], что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (тех) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подвергались при случае какой-либо опасности» (Древняя Русь, 2010. С. 20).

Судя по тональности и контексту письма Феофила (в передаче Пруденция), росы появляются в Константинополе впервые (но при этом греки как-то понимают их речь), и здесь полностью верят в их дружественные намерения, как и в то, что они народ миролюбивый (боятся «варваров»). Кроме того, не исключено, что они прибыли по суше, так как в противном случае им ни к чему было бояться «варваров». И прибыли они не из Европы, во всяком случае, не через занимавшую весь ее запад и центр империю Каролингов. Что касается наименования «хакан» (не ясно, титула или имени), то оно имеет столь обширную историографию, что привести даже выборочный ее обзор в столь небольшом разделе нашей книги не представляется возможным[121]; не ставя своей целью новое исследование этой темы, позволим себе присоединиться к точке зрения И.Х. Гарипзанова (Garipza-nov, 2006. P. 11) о том, что речь идет не о титуле, а о собственном имени «рекса» росов — Хакон. Двойной перевод — с того языка, на котором говорили посланцы «хакана» росов с Феофилом или его чиновниками, на греческий, а затем и на латынь — вполне мог привести к замене одной гласной. Тем более что скандинавское имя Хакон вряд ли было знакомо византийцам (но не франкам!) в начале IX в., но вот хазарский (до этого аварский) титул «хакан» был известен хорошо.

Второй аспект, на который обращали внимание исследователи, — это кто те «варвары», из-за которых росы не хотели возвращаться тем путем, которым они прибыли в Константинополь, и взаимоотношения

этих «варваров» с Хазарским каганатом. Обычно называют венгров, и дату их прихода на Днепр, по которому проходил путь росов, относят чаще всего к 838 г. Однако, во-первых, время прихода венгров на их третью родину — Ателькузу на Днепре — не определяется однозначно, и, в частности, 838–839 гг. называются именно в связи с сообщением «Вертинских анналов», а не по иной причине. Во-вторых, если росы путешествовали, что наиболее вероятно, исходя из их характеристик *у* восточных авторов, на кораблях (хотя не исключен и сухопутный вариант), то разрозненные орды кочевников на берегах полноводного Днепра (кроме порогов) вряд ли могли существенно угрожать этим кораблям. Из всего этого следует вывод: причина возврата росов через франкскую империю — иная, чем страх перед кочевниками. Было ли это желание самих росов или василевса ромеев — вопрос другой, из цитированного в «Вертинских анналах» письма Феофила это не прояснено. Если инициатива исходила от росов, то им по какой-то причине явно хотелось посетить по дороге домой империю Каролингов. По какой именно, ответ отчасти дает вторая часть информации Пруденция, «добывания» которой он был свидетелем.

«Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа свеев (Sueeones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся дополнительно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он через упомянутых послов, а также через собственное послание не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково… что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить» (Древняя Русь. С. 20–21). И хотя на фризское побережье империи Каролингов нападали не свей, а датчане, но как раз в 837 г. в Дании нашел убежище изгнанный своими подданными конунг свеев Анунд, который со своей дружиной мог участвовать в том же году в датском набеге на Фризию (Duczko, Ruswikingow, 2007. S. 47). Именно это могло вызвать подозрения Людовика по отношению к свеям, которыми в этническом плане оказались посланцы «хакана росов».

В пользу такого предположения Людовика Благочестивого (или его советников) косвенно свидетельствуют два факта. Первое — нападение росов на византийское побережье Малой Азии, состоявшееся в конце правления Феофила или сразу после его смерти (конец 842 — начало 843 г.). Второе — это то, что враждебные в 838 г. византийцам болгары свободно пропустили потенциальных «друзей» империи в Константинополь вдоль своего побережья, начинавшегося от устья Дуная, а то и Днепра, так как, по мнению некоторых болгарских историков, северо-восточная граница Болгарии была установлена по

Днепру еще в 824 г. ханом Омуртагом (Андреев, 1994. С. 38). Вряд ли росам удалось бы это сделать без антивизантийского сговора с болгарским ханом Пресианом или его главнокомандующим кавханом Исбулом (Там же. С. 46), заинтересованными в нейтрализации Византии, в том числе, возможно, и с помощью росов.

Версия о возможном тайном договоре с болгарами, предварявшем визит росов в Константинополь, также объясняет, на каком языке росы общались как с болгарами, так и с греками, — на славянском, благо что тогда все славянские языки были гораздо ближе друг к другу, чем сейчас. То, что росы могли говорить на славянском языке, не обязательно означает, что они были славянами. По данным восточных источников, «русы» середины IX в. находились в постоянном контакте со славянами («ас-сакалиба»), и последние даже служили для них переводчиками в странах ислама. В.В. Седов, впрочем, считает, что ситуация была обратной: «свей» из посольства росов служили славянскому Русскому каганату на юге Восточной Европы и потому знали славянский язык. Кроме того, по его мнению, в состав посольства входили и славяне, но они не поехали в Ингельгейм, а вернулись из Константинополя обратно в Русский каганат. Скандинавы же побоялись гнева кагана, так как переговоры с Феофилом об антихазарском союзе не удались, и решили вернуться в Скандинавию через Западную Европу (Седов, 1999. С. 57–59).

Не исключен, заметим, и хазарский вариант языкового общения, так как хазарский язык был близок к тюрко-болгарскому и понятен грекам. Все это, кстати, объясняет и хазарскую титулатуру (если это все же титул, а не имя) «короля» росов (по мнению В.Я. Петрухина, росы вообще были «подданными хазарского кагана, союзника Византии», см.: Петрухин, 2013. С. 116), а П. Голдин считает, что росы организовали «совместную» с хазарами «миссию» в Византию «с просьбой о помощи» против варваров (Golden, 1982. P. 96). Однако не исключен и иной вариант: или инициатива возвращения посольства росов через Западную Европу исходила от византийского правительства, или желание росов было активно поддержано или даже санкционировано последним.

На основе комплексного анализа письменных, нумизматических и сфрагистических источников польско-шведский исследователь В. Дучко делает вывод о том, что росы отправились в Ингельгейм отчасти по просьбе или поручению василевса Феофила. Они должны были сопроводить византийских послов на свою родину или в Скандинавию. Судя по находкам именных печатей главы посольства, патрикия Феофана, объектом посещения посольства стала Дания, тем более что там в это время находился и один из шведских конунгов — Анунд (Седов, 1999. С. 52–53), или, по крайней мере, по дороге на родину росов (Garipzanov, 2006; Shepard, 1995). Целью посольства являлось получение Византией помощи от викингов, частью которых, как

правильно выяснил Людовик, были росы, против халифата Аббасидов либо Болгарии. Однако, как показали последующие события, помощи этой добиться не удалось; наоборот, флот росов напал на византийские владения. Таким образом, даже если предположить, что В. Дучко прав, то росы согласились на предложение Феофила о посредничестве, преследуя свои («шпионские») цели. Тем не менее почему же Феофил в своем письме не открыл Людовику истинную причину включения росов в состав византийского посольства? В. Дучко оправдывает василевса тем, что тот боялся осложнить этим переговоры с Людовиком, так как «византийцы хорошо знали о многочисленных и разрушительных датских нападениях на побережье Фризии» (Duczko, 2007. S. 47). «Житие Георгия Амастридского», повествующее о событиях, произошедших, по мнению большинства авторов, между 839 и 842 гг., как нам представляется, является следствием «посольства» росов в Константинополь, понимаемого (как и в окружении Людовика Благочестивого) в качестве «шпионской» миссии.

В историографии имеются, впрочем, и более ранние (20-е гг. IX в.), и более поздние датировки событий, соотносимые с походом 860 г. (Аскольда и Дира?), а то и 941 г. (поход Игоря). Ранняя датировка базируется отчасти на чисто источниковедческом анализе, отчасти на том соображении, что «обычно торговые договоры руси с греками для „замирения“ заключались через несколько лет после похода первых на последних» (Mango, 1997. P. 24). Однако построения С. Манго не считаются безупречными и однозначными, что же касается второго типа аргументов, то в письме Феофила Людовику не содержится и намека на какой-либо предшествующий встрече 838 г. кровавый конфликт или даже просто контакт росов с Византией.

Тем более излишне смелыми представляются предположения о связях монетных кладов на Волге, самый поздний из которых (Углич) датируется 829 г., с маршрутом возвращения русов из Амастридского похода, а его результатом считать «появление на северо-западе современной России государственного образования, объединившего под властью руси [и ее правителя — „кагана“] многочисленные славянские и финно-угорские племена» (Зорин, 2009. С. 118–119).

Поздняя датировка событий также аргументируется и источниковедческим анализом, и соображениями исторической логики. В первом случае по стилистическим и идейным особенностям отрицалось авторство Игнатия (начиная с А. Грегуара, см.: Gregoire, 1952. P. 280–287) и «Житие» связывалось с более поздними писателями. Те же авторы, что приписывают «Житие» патриарху Фотию (60-е гг. IX в.), также считают, что поход росов на Амастриду до 842 г. был невозможен из-за якобы дружественного характера русско-византийских отношений в это время, отраженных «Вертинскими анналами». Однако дружественное отношение росов к грекам следует только из их собственных слов, которым поверил Феофил, но не

поверил (и, как выяснилось, обоснованно) Людовик Благочестивый. Авторство же Игнатия, впервые установленное В.Г. Васильевским (1915 г.), но в 50–70-х гг. XX в. отвергаемое А. Грегуаром и его последователями, затем было обосновано новыми аргументами — и достаточно убедительно (Sevcenko, 1977. P. 121–127). Если принять эту точку зрения (что мы и делаем), то аргументами ante quern являются смерть василевса Феофила и отмена иконоборчества, так как нападение росов на Амастриду произошло якобы в правление этого императора и при этом не упоминаются надругательства над иконами или уничтожение их. Впрочем, эти два «факта» практически сводятся к одному — к возврату к иконопочитанию самим Феофилом перед своей смертью (20 января 842 г.) (Дашков, 1996. С. 155), так как в описании нападения росов на Амастриду напрямую не говорится, что оно произошло именно при Феофиле; отсюда и упомянутые выше мнения нескольких авторов, что описание этого набега росов является поздней реминисценцией реальных походов росов на Византию 860 г., а то и в 941 г. Однако последние даты в любом случае не могут быть абсолютными в связи с установленным В.Г. Васильевским и позднее подтвержденным авторством диакона Игнатия, умершего вскоре после 845 г. (Древняя Русь, 1999. С. 91).

Тем не менее и дата январь 842 г. как terminus ante quem не является абсолютной, и что касается отсутствия упоминаний в «Житии» о надругательстве над иконами, то они могут скрываться под фразой Игнатия «святыни оскверняются» (Древняя Русь, 2010. С. 130). В то же время и само возвращение иконопочитания в Византии в любом случае связано не с личным (тем более — только предполагаемым) решением Феофила в январе 842 г., а с произошедшим уже после его смерти постановлением церковного собора в Константинополе от 11 марта 843 г. Таким образом, если даже принять отсутствие упоминаний икон в разоряемых росами храмах за истину, то их нападение на Амастриду могло быть и осенью 842 г., и даже ранней весной 843 г.

Но вот дата post quem не может быть понята без контекста сообщения диакона Игнатия и взаимосвязи с событиями 838–839 гг. Сообщение звучит так: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени[122] народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их

[нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять. Лугам, источникам и деревьям воздается поклонение. Верховный Промысел допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль» (Древняя Русь, 2010. С. 129–130).

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. Первое — описание «ниспровержения святынь» дается слишком патетически обобщающе, чтобы утверждать, что под этими «святынями» не могли подразумеваться в том числе и иконы. Впрочем, это не так важно в связи с тем, что их почитание было официально восстановлено лишь в марте 843 г. Важнее общая тональность описания данного эпизода. Невозможно предположить, что Феофил очень доброжелательно принял «росов» и поверил на слово их утверждениям о мирном и дружественном характере их миссии после тех зверств, которые они совершили в Амастриде. Здесь мы вполне согласны с В. Дучко, предположившим, что посольство 838 г. было связано не столько с торговыми, сколько с пиратско-грабительскими целями русов (Duczko, 2007. S. 43), и состоявшийся не позднее 842–843 гг. поход лишь подтверждает это предположение. Дата эта тем более привлекательна, что падает на период сразу после смерти василевса Феофана, когда империей при малолетнем Михаиле III правила его мать-регентша Феодора, а практически — логофет дрома, бездарный военачальник Феоктист (Дашков, 1996. С. 156–157). Момент был очень удачный для первого набега русов на Византию, хотя еще не на ее столицу (своеобразная «разведка боем»). Выбор указанного времени, кроме смены правителя, мог быть продиктован также тем обстоятельством, что в ходе развязанных Феофилом в 837 г. войн с мусульманами византийский флот был сосредоточен в Эгейском море и у южного побережья Италии (где в 840 г. арабами из Африки был захвачен Тарент и осажден Бари), а в Черном море, на побережье которого и находилась Амастрида, военные суда отсутствовали. В свою очередь, византийцы, потерпев в 837–840 гг. ряд сокрушительных поражений от халифата Аббасидов (среди которых наиболее позорным было взятие арабами 13 августа 838 г. города Аморий — родины предков Феофила из Аморийской династии), искали союзников по всей Европе.

Кроме гипотетического Каганата росов и Дании, это были вполне реальные Франкская империя, посольство в которую и описывают «Вертинские анналы», Венецианская республика и даже далекий Кордовский халифат Омейядов в Испании (хоть и мусульманский, но исконных врагов Аббасидов). Посольство в Венецию, которое возглавлял тот же патрикий Феодор, что и миссию в Ингельгейм 839 г., принесло свои результаты. Венецианский и византийский флоты

совместно пытались освободить захваченный в 840 г. эмиратом Аглабидов — североафриканским союзником и вассалом Аббасидов — город Тарент в Калабрии, но потерпели там поражение (Treadgold, 1988. P. 320). Положительный эффект дала и поездка в Кордову, судя по ответному посольству Омейядов в Константинополь. Но и русы, о чем косвенно свидетельствует третье по времени их упоминание в 844 г. (набег на Севилью в Кордовском халифате), не стояли в стороне от этих геополитических «движений». Однако выступили они не на той стороне, какой ожидал от них Феофил. И дело не только в нападении на Амастриду (по сути, в помощь Абба-сидам и Аглабидам), но в набеге на земли византийских союзников — испанских Омейядов (Shmakov, Fedosov, 2022a).

Нельзя исключать даже согласованность действий русов с Аббасидами, так как визиты русских купцов в их земли (включая столицу — Багдад) начались, по крайней мере, с начала IX в. (до 840 г.) (Коновалова, 2009. С. 88–99).

В данном контексте и следует рассматривать третье раннее упоминание русов у ал-Йа’куби под 844 г. Текст его короток: «Западнее города, который называют Джазира [Альхесирас], (есть) город, называемый Севилья, на берегу большой реки. И в эту реку Кордовы [Гвадалквивир] вошли маджусы [язычники, огнепоклонники], которых называют русами, в 229 г. (год Хиджры, или 843–844 гг. от Рождества Христова), и грабили, и жгли, и убивали…» (Ал-Йа’куби. С. 38). Ал-Йа’куби — самый ранний из всех мусульманских авторов, писавших о набегах «маджусов» на Севилью и в целом на арабскую Испанию, и единственный, уточнивший, что эти «маджусы» назывались «русами». Однако он не единственный, писавший об указанном нападении. Позднее, начиная с Ибн ал-Кутиййа (ум. в 977 г.) и до XVII в., этого сюжета, причем гораздо подробнее, касались еще как минимум 13 арабских авторов. Правда, ни один из них, кроме ал-Йа’куби, практически современника, если не очевидца событий 897 или 905 гг., не употребляет этнонима «ар-Рус», однако из контекста ясно, что речь идет об одном и том же событии. В поздних источниках дата уточняется (сентябрь — ноябрь) и часто смещается на 230 г. Хиджры (то есть после сентября 844 г.), иногда указывается количество кораблей, детали битвы, маршруты подхода «маджусов» к Севилье и ухода их. У двух авторов, в том числе у одного из самых ранних (Ибн Хаййан, 987–1076 гг.), «маджусы» названы «ал-урду-манийун» (норманны) (Калинина, 2001. С. 192).

В большинстве случаев там, где есть описания маршрутов подхода и отхода «маджусов» от Севильи (всего у восьми авторов, но и «подход», и «отход» есть только у пяти из них), обязательным пунктом на пути и туда, и обратно выступает Лиссабон, то есть корабли «маджусов» приплывали с севера, вдоль атлантического побережья Пиренейского полуострова. Однако в трех случаях, в том числе и у двух

самых ранних авторов (Ибн ал-Кутиййа и Ибн Хаййан), в качестве маршрута подхода или отхода упоминается «Румское», то есть Средиземное, море.

Так, в самом раннем источнике, повествующем о маршруте отхода «маджусов» от Севильи (у Ибн ал-Кутиййа), он описывается так: «Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны ар-Рум [Византия или Италия]. В том путешествии они достигли Александрии…» (Калинина, 2001. С. 192). В этом случае интересны два момента. Первый — возможное сопоставление с набегом на Амастриду после похода на Севилью, то есть в самом конце 844 г. или в начале 845 г. Тогда объясняется, почему по «Житию Георгия Амастридского» росы «начали разорение от Пропонтиды», то есть Мраморного моря. Значит, они попали в него из Эгейского моря через Геллеспонт (Дарданеллы), а вошли в Черное («Хазарское») море через Босфор, взяв затем и Амастриду на его малоазийском побережье. Хронологическое ограничение — смерть предполагаемого автора «Жития», диакона Игнатия, после 845 г. — хотя и существует, но в принципе допустимо. То, что это был уже период иконопочитания, а икон среди разоряемых «святынь» не упомянуто, мы уже объясняли. Второй момент — упоминание Александрии, но без описания ее взятия и разграбления. В этом случае не исключено, что она явилась перевалочной базой, предоставленной Аббасидами своим союзникам с Севера для подготовки к нападению на «Рум» (Византию). Арабский флот мог даже сопровождать «маджусов», превратившихся после Пропонтиды в «росов», охраняя их от византийских военных кораблей в Эгейском море.

Впрочем, все вышесказанное — не более чем допущение, не столько реконструирующее реальность, сколько показывающее непротиворечивость друг другу упомянутых трех авторов, повествующих о событиях 40-х гг. IX в. (ал-Йа’куби, Ибн ал-Кутиййа и диакон Игнатий), а также возможность того, что во всех трех случаях речь идет об одной и той же группе пиратов — «маджусов», а именно русов-росов.

Если же следовать сообщению Ибн Хаййана и следовавшему за ним «Анонимному описанию Андалусии» XIV–XV вв. о вторжении «маджусов из ал-урдуманийун» (то есть норманнов) в Андалусию «со стороны Румийского моря» или «по морю Румийскому» (Калинина, 2001. С. 192, 198), то разграбление Севильи следовало за, а не предшествовало нападению на Амастриду. В этом случае нападение на Амастриду могло произойти несколько ранее, чем при первом варианте (сначала Севилья, потом — Амастрида), но вряд ли раньше 843 г. Косвенно в пользу этой даты свидетельствует и первое упоминание «руси» в ПВЛ. «В лето 6360 (852), наченшю Михаилу царствовати начася прозывати Руская земля» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8).

Если предположить, что речь идет об одной группе «пиратов», то их маршрут реконструируется следующим образом. От устья Днепра вдоль болгарского побережья тайно (от византийцев, но не болгар) до Босфора («Пропонтиды»), а далее вдоль малоазийского побережья до Амастриды. От нее — обратно, затем через Пропонтиду (при условии, что византийские корабли были заняты борьбой с арабским флотом в иных местах) в «Румское море». Здесь — отдых, пополнение запасов, уточнение дальнейших целей во владениях Аббасидов (в той же Александрии, например). После этого — поход вдоль дружественного североафриканского побережья до Гибралтара и нападение на союзную Византии и враждебную Абба-сидам Андалусию (в том числе Севилью) со своими чисто грабительскими целями. Затем, потеряв в сражениях с мусульманами несколько кораблей, несколько сот человек и часть награбленного имущества (и даже «их эмира») (Калинина, 2001. С. 194–198), они повернули на север и вдоль португальского побережья отплыли на свою родину или базу где-то на севере Европы. Где именно? Отчасти на этот вопрос можно получить ответ, сопоставляя вторую часть известий ал-Йа’куби о «маджусах» после их набега на Севилью с данными о родине русов в мусульманских источниках 1-й традиции.

В 844–845 гг. «прибыли к эмиру Абд-ар-Рахману послы норманнского короля и стали просить у него мира после того, как норманны, выйдя из Севильи, напали на его земли, потерпели там поражение и потеряли своего флотоводца» (Хённиг, 1961. С. 177). Абд-ар-Рахман посылает ответное посольство во владения того «короля», чьи воины — русы — недавно опустошили Севилью. «Первым владением норманнов, которого он [посол] достиг, был остров». Далее «послы отправились к нему в королевскую резиденцию. Это большой остров в Мировом океане, на котором есть проточная вода и растут сады. От материка этот остров отделен тремя проливами. Вблизи того острова находится множество других островов, малых и больших. Населены они одними норманнами, которым принадлежит также и вся близлежащая суша на много дневных переходов» (Хённиг, 1961. С. 177).

О том, что метрополия русов находится на острове, повествуют мусульманские источники 1-й традиции, описывающие реалии IX в. «Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море. Остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. У них есть царь, называемый хакан-рус. Число жителей на этом острове 100 000 [человек]... Эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отвозят в Хазаран и Булкар и там продают. У них нет посевов и пашен, и пользуются они обычно славянскими посевами. Всегда 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся» (Гардизи, 2009. С. 58–59).

Сходство двух описаний (Гардизи и ал-Йа’куби) очевидно, хотя и различия существенны, ведь первое было получено через мусульманскую Испанию, второе — через Хазарский каганат и Хорезм, то есть крайнюю западную и крайнюю восточную страны Европы и исламского мира. Идет ли в двух описаниях речь об одном и том же острове? Вопрос сложный, тем более что в первом случае повествуется о конкретном посольстве (скорее всего, со слов его участников), во втором — усредненно дается обобщенный образ «прародины» русов, созданный на основе сведений, полученных далеко не из первых рук. Также в первом случае «остров» связан прямым морским путем с мавританской Испанией, во втором он находится рядом с землей славян, через которую русы могли попасть водным путем в Хазарию, Волжскую Булгарию и далее до земель Халифата. Возможное местоположение «острова» — Северная Европа от Фрисландии, где много островов, до Ладоги, откуда начинается «Восточный» (или Волжский) путь в Хазарию и страны ислама. Подробное обоснование первого варианта локализации «острова русов» дано у А.А. Александрова (Александров, 19976), второго — у Г.С. Лебедева (Лебедев, 1994. С. 146–153; 2005. С. 508–509).

С точки зрения рассмотренных здесь нами источников Фрисландия с островом Валхерен и прилегающей областью Рюстрингия (по А.А. Александрову) привлекательна тем, что из нее морским путем легко можно попасть в Испанию. Кроме того, в этом варианте вполне объяснимым становится желание росов в 838–839 гг. возвращаться на родину из Константинополя через империю франков, на северной окраине которой и находилась Фризия.

Вариант с Ладогой и вообще севером Восточной Европы привлекателен с точки зрения пути росов в Константинополь через земли «варваров», именно с севера, и их более позднего нападения на византийскую Амастриду, — скорее всего, по «пути из варяг в греки». Кроме того, от Ладоги открывался и «Восточный путь» («Аустрвег») в страны ислама, с которыми русы торговали, по данным восточных источников. Были здесь и «славяне» — ильменские словене.

Есть, впрочем, и третий вариант. Это датские острова, в первую очередь остров Зеландия, на котором была найдена одна из трех печатей главы византийского посольства в Ингельгейм — патрикия Феодора (две остальные также были обнаружены в Дании, но на ее материковой части — на полуострове Ютландия). Но вспомним, что, по данным ал-Йа’куби, часть «маджусов» (норманнов, к которым было отправлено посольство Абд-ар-Рахмана) живет на острове, часть — на «близлежащей суше» (Хенниг, 1961. С. 177). Рядом с Данией (и часто — в зависимости от нее) лежали земли балтийских славян — ободритов и руян. От Зеландии можно было в принципе пройти водными путями и к Севилье, и к Ладоге; рядом находились и границы империи франков, где были росы в 839 г.

Все три варианта локализации «острова русов» объединяются личностью возможного реального прототипа легендарного князя «руси» Рюрика — одного из датских конунгов по имени Рорик, жившего в середине IX в. Его дядя Гаральд в 841 г. получил в лен остров Валхерен, а до этого — Рюстрин-гию; сам Рорик владел Хедебю и областью Розенгау на датско-славянском пограничье (Древняя Русь, 2009. С. 224, 331–332).

И наконец, по данным Ипатьевской летописи, именно в Ладоге обосновался легендарный Рюрик с «русью» в 862 г. «И придоша к славянам первее и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладоге Рюрик» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.). Кстати, это событие, скорее всего, произошло в реальности на несколько лет раньше, так как еще в 860 г. «росы» уже осаждают Константинополь (Древняя Русь, 2010. С. 131–132).

Впрочем, здесь мы далеки от категоричности, а лишь пытаемся показать непротиворечивость друг другу всех источников, упоминающих руссов-росов-русь в середине IX в. Но при одном условии: речь идет о весьма мобильной, находящейся еще в поисках «родины» военно-торговой этносоциальной группе, чья сфера деятельности простиралась от Дании и Фризии до Гибралтара, Константинополя и Багдада, а «остров русов», где бы он ни находился, был лишь одной из временных баз этой предприимчивой группы населения.

Славянские «вождества»

Что касается механизмов создания собственно восточнославянских протогосударств-«вождеств», то они реконструируются лишь сравнительно-типологическим методом. Отдельные внешние признаки того или иного механизма, зафиксированные той или иной специальной исторической дисциплиной для конкретного (из пяти вышеописанных) потестарного региона Восточной Европы, методом аналогий сравниваются с идентичными признаками конкретных механизмов формирования «вождеств» в тех регионах мира, где они хорошо известны по письменным и этнографическим источникам.

Реконструируемые таким образом механизмы (меритократические, половозрастные, родственно-аристократические, семейно-брачные, сакральные) становления власти (первоначального политогенеза) своим разнообразием еще раз подтверждают тезис о многообразии форм потестарности в Восточной Европе накануне и в процессе образования Древнерусского государства. Для наиболее развитого региона — Юго-Запада — присутствуют косвенные признаки 8-й, характерной уже для переходного этапа к раннему государству, группы механизмов «полюдья». Нет признаков механизмов 9–11-й групп (военных, конфликтно-компромиссных, договорно-правовых), что и неудивительно со стадиально-этапной точки зрения. Отсутствуют такие стадиально подходящие механизмы, но, вероятно, типологически несовместимые с восточнославянским политогенезом раннего этапа,

как институционализация власти посредством накопления богатств и создания «тайных союзов».

Среди форм «государственности» этапа «вождеств» у восточных славян на основе суммарных сведений восточных источников и ПВЛ, при региональном использовании внешних признаков той или иной формы по данным специальных дисциплин и применении метода аналогий, с разной степенью достоверности отмечаются пять: 1) разноэтничный военно-потестарный союз; 2) территориальное княжество-«вождество» дружинной формы; 3) протогород-потестарная община; 4) теократическая конфедерация племен; 5) отдельные потестарные и даже акефальные племена.

Более подробно о структуре власти и системе управления, а также источниках обеспечения и функциях «государственного аппарата» можно судить лишь для Юго-Западного и Северного регионов.

Система управления «славянского государства» Юго-Западного региона наиболее подробно описана у мусульманских авторов. Она имеет четко выраженный характер унитарной монархии, во главе которой стоит раис-ар-руаса («глава глав»), который «коронуется» и носит титул «Свт. млк» (Новосельцев, 1965. С. 355–419). Власть «главы глав» абсолютна; иногда он именуется «царь», о чем свидетельствует фраза «…они ему повинуются и от слов его не отступают». Система управления (модель) близка той (среднеевропейской), к которой приводят военно-дружинные механизмы государствообразования и ранняя узурпация судебной власти. Об этой системе свидетельствует наличие супанеджей («заместителей» или «наместников»), намек на существование хорошо вооруженной личной конной дружины — наличие у царя «верховых лошадей» и «прекрасных, прочных и драгоценных кольчуг», наличие единой столицы (города Джарваб) и многочисленных крепостей («кала» и «хисар») по всей стране. В пользу иерархической системы говорит сам титул царя — «глава глав» (сродни «князь князей» или «великий князь»), а также присутствие «на окраинах владений» царя каких-то «правителей» (но не наместников).

Важным элементом все той же «среднеевропейской» системы организации управления (получения налогов как средств существования власти) является упомянутое один раз (только у Гардизи) «полюдье» — личный объезд «царем» своих подданных, причем сбор дани (если это он подразумевается в данном случае) — прямой, без промежуточных звеньев, которые существовали бы при наличии князей более низкого ранга.

Для Северного региона в сообщении ПВЛ от 859–862 гг. говорится о том, что в северных «государственных» образованиях словен, кривичей, чуди, веси и мери власть находилась не в руках князей, а в руках «родов» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.), что свидетельствует в пользу такой системы управления, как аристократическая республика, точнее —

конфедерация на стадии возможного перехода в федерацию (избрание столицы и единого правителя).

По комплексу письменных источников к функциям органов власти славянской части потенциально древнерусской государственности относились такие общественные функции, как осуществление правосудия (государство со столицей в Джарвабе), улаживание разногласий между правящими родами отдельных племенных или территориальных (государственных) образований («Северная конфедерация»), оборона границ от мадьяров и набеги на последних (государство «Джарваб»), борьба с господством «обров» (аваров) (дулебы-волыняне, «государство» Валинана), хазар (княжество полян) и варягов (княжество словен, племенные союзы мери, кривичей, возможно, и веси). К функции самообеспечения можно отнести дань в пользу «царя» славян, собираемую в форме объезда («полюдья»). Функция осуществления классового господства у славян в источниках не прослеживается. Рабы были, но, вероятно, настолько немногочисленные, что общество справлялось с принуждением их к работе само, без помощи государства.

Отношения между органами управления и народом в «славянском» обществе строятся по принципу «господин — подданные» для Юго-Западного региона, хотя важнейшие решения принимаются всенародно (по крайней мере, в Северном регионе). «Глава глав» «славян» явно узурпировал власть в своем княжестве, где правит единолично, опираясь при этом и на более мелких племенных князей, и на своих наместников. Это третий этап государствообразования по «чешскому» типу (полный захват власти в своем племени при опоре на завоеванные владения за его пределами).

Особое, археологически уловимое с ранних этапов политогенеза восточных славян явление — тесная контаминация власти с системой «градов», восточные авторы упоминают у той части славян, что явно достигла если не государственного, то предгосударственного уровня развития (во главе с «свиет-маликом»). Немногочисленные, но крупные города — центры администрации и ярмарочной торговли. ПВЛ связывает установление господства «руси» над тем или иным племенем с «посажением» в принадлежавшем ему «граде» великокняжеских «мужей» либо с основанием такого града в «волости» (возможно, строительством новых укреплений или цитадели: термин «срубил град» касается оборонительных стен и башен).

Для периода VII — середины IX в. у славян Восточной Европы можно отметить очень немного поселений, которые могли бы совмещать функции административного, военнодружинного и ремесленного центра, — достоверно известные культовые комплексы (на горе Богит, в Перыни) располагались (правда, в более позднее время) отдельно (Тимощук, 1990. С. 45–55). Это Ревнянский комплекс поселений на земле хорватов (Тимощук, 1995. С. 192–193), городище Зимно на

Волыни (Русанова, 1976. С. 51) и Хотомель у древлян (Там же. С. 51–52), в летописях не упомянутые, но, по нашему мнению, одни из возможных претендентов на отождествление с «Джарвабом» Ибн Русте и столицей «Валинаны» ал-Масуди, но, возможно, и с «Вантитом» (хотя в этом случае вопрос сложнее).

Северные центры известны прежде всего по ПВЛ, которая, правда, приписывает основание Новгорода (новой столицы, вероятно, нескольких племен), Полоцка, Ростова и, возможно, Белоозера Рюрику и его «мужам» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.). Впрочем, то же говорится о Ладоге, достоверно основанной задолго до Рюрика. С другой стороны, существовало до него, вероятно, и Сарское поселение под Ростовом в качестве «столицы» мерянского княжества (или одного из них) (Леонтьев, 1975; 1988), однако оба эти центра никак нельзя отнести к чисто славянским. Что касается Полоцка, то он не подходит к категории столиц племенных объединений не столько потому, что, по летописи, его «срубил» один из мужей Рюрика («раздал… городы рубити», см.: ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.), сколько из-за мизерной площади первоначального поселения (даже вместе с селищем — чуть более 1 га) (Древняя Русь, 1985. С. 79). Зато Изборск в VI–IX вв. был не только административным, но и ремесленно-торговым пунктом кривичей (Седов, 1985. С. 21). Возможно, к подобного уровня и типа пунктам можно добавить и «Вантит», понимаемый как агломерация поселений на юго-восточной окраине восточнославянского мира в районе г. Воронеж (Рыбаков, 1982. С. 221; Пряхин, 1995. С. 171–175; Пряхин и др., 1997), или городище Титчиха на Дону (Москаленко, 1981. С. 79; Винников, 1990. С. 45). Не вдаваясь в детали аргументации, отметим, что указанные локализации допустимы в двух аспектах: «суммарные» описания «славян» у восточных авторов 1-й традиции и нахождения объектов обоих вариантов юго-восточной локализации Вантита на международном торговом пути, наличие которого в настоящее время достаточно оживленно будируется в научных исследованиях. В любом случае можно говорить о существовании «племенного княжения», устойчивого предполитического (позднепотестарного) племенного объединения в преддревнерусской ойкумене лишь при наличии археологически фиксируемого протогородского центра уровня Ревно — Ладоги.

Существование трех протогородов (как у кривичей) может свидетельствовать о появлении трех центров властвования в первоначально одном этнопотестарном организме. Возможен, хотя и менее вероятен, и иной вариант: объединение трех племен (из нескольких?) в единую «конфедерацию» с последующим возникновением общего этникона «кривичи».

В свете этих заключений, в несколько ином аспекте представляются сомнения Маркварта и М.С. Грушевского о существовании карпатской, восточной Белой Хорватии и отождествление «Джарваба», «Хордаба»

восточных источников с Краковом. Если хорватов (или, по крайней мере, их княжества) нет в Карпатах, то кому принадлежит протогородской центр IX в. у села Ревно? Либо два равных по значению центра было у волынян или древлян, либо все же Белая Хорватия, с которой воевал еще Владимир Святой, а до этого привлекал к союзу Олег, существовала в Карпатах. Материалы археологии в этом случае могут, на новом витке уровня допущения, позволить с не меньшей, чем Краков, например, долей вероятности соотнести «Хорда» письменных источников с Ревнянским городищем.

Международная торговля как главный фактор возникновения первых городов Восточной Европы породила такой археологически прекрасно уловимый признак и источник информации, как клады. Если брать все упомянутые письменными источниками археологически фиксируемые центры, имеющие более одного «городского признака» в начале и середине IX в., то они находятся если не прямо на международных путях, то в сфере их воздействия (Ревно, Зимно, Хотомель, Киев, «воронежская группа» и Вантит — Баварско-хазарского пути; Изборск, Ладога, Рюриково и Сарское городища — Балтийско-Волжской трассы). Учитывая их «предгородской» характер (наличие не одного, но и не всех городских признаков), они просто должны были, очевидно, выполнять не только международно-торговые (как вики) функции, но какие еще — это вопрос объектно дифференцированный и дискуссионный. Очевидно одно: недопустимость на данном источниковом уровне универсализации: протогород (община) — государство (по И.Я. Фроянову), «вик» (многие исследователи), «племенные центры» (по Н.Ф. Котляру (Котляр, 1986), близок А.Е. Леонтьев), опорные пункты формирующегося государства Рюриковичей (Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина). Вероятнее всего, перед нами центры, получавшие избыточный продукт разными способами, но явно не с территории одного племени или даже их объединения. Наряду с этим десятком существовали сотни укрепленных поселений, выполнявших обычно лишь одну функцию — управления (племенные грады), обороны (городища-убежища), культовую (городища-святилища). Вполне возможно разное сочетание функций для трех групп протогородских центров (Северной, Западной и Юго-Восточной), находившихся в разных сферах культурно-экономического и политического влияния.

Важен, однако, сам факт их наличия еще на родоплеменной стадии, хотя и на финальной ее фазе: для синхростадиальных германских варварских древностей, при чисто потенциально феодальной бессинтезной линии развития, «oppida (то есть протогорода. — ***Е. Ш.***) не играли никакой роли» (Стам, 1982. С. 99). Пункты же такого типа в варварской Европе сопоставимы даже не с восточноевропейскими протогородами типа десятка выше перечисленных, но с гораздо более многочисленными однофункциональными «племенными градами». В

итоге, при всей возможной разности путей становления городовой сети Восточной Европы, само ее наличие в перспективе как института древнерусской государственности достаточно симптоматично. Линия развития через протогорода (некоторые из них — протогосударства) характерна для многих форм ранней и сложившейся государственности, но никак не феодально-иерархической. Точнее, на определенной ступени развития требовался (все же при той линии развития, как в Чехии, например) кардинальный поворот, который и был совершен в восточнославянском обществе первоначально инородной ему силой — «русами».

«Северная конфедерация»: за и против

«Северная конфедерация» (или «федерация»), наряду с «Русским каганатом», в последнее десятилетие XX — начале XXI в. является одним из самых обсуждаемых понятий в русистике, причем не только в отечественной, но и зарубежной. «Древнерусское государство, или империя Рюриковичей, сложилась на базе федерации (или конфедерации?) трех-четырех северных славянских и финских „княжеств“ с дальнейшим переносом столицы в Среднее Поднепровье…» (Шинаков, Григорьев, 1990. С. 66–68).

Сам термин «северная конфедерация» возникает еще в начале 70-х гг. XX в. для обозначения одного из территориально-политических предгосударственных образований уровня союза племен или «союза племенных княжений» словен, кривичей, мери, чуди, а также, возможно, веси (Пашуто, 1974. С. 103–114; Шаскольский, 1972. С. 55–67). Однако социально-политической характеристики этого объединения не давалось, и причиной его создания называлась только борьба с набегами викингов.

Наблюдалась также непоследовательность методологического уровня, особенно с точки зрения ортодоксальной марксистской теории политогенеза. В частности, И.П. Шаскольский одновременно называет «Северное объединение» «объединением (федерацией) племен» и «государственным образованием» (Шаскольский, 1986. С. 98), что предполагало родоплеменную основу и уровень государства. Далее, в духе неоэволюционизма и тогда еще только создававшейся на Западе теории этапности социо— и политогенеза (Э. Сервис, М. Фрид) (в год выхода первой работы И.П. Шаскольского на эту тему — 1972 г.), а также в соответствии с результатами «второй дискуссии об азиатском способе производства», установившей наличие «Большого переходного периода» под разными названиями, но, по сути, как самостоятельную формацию между «чистой» первобытностью и раннеклассовым (феодальным) обществом, И.П. Шаскольский развивает свою теорию четырехэтапности древнерусского политогенеза. «Северную федерацию племен» он относит к третьему, предпоследнему этапу — «формированию двух государственных образований на юге и севере» (Шаскольский, 1986. С. 98). Приоритет он все же еще отдает южному

образованию, которое позднее некоторые исследователи (например, В.В. Седов) назовут «Русским каганатом», и именно с ним связывает посольство «хакана рос» в Константинополь и Ингельгейм в 838–839 гг. (Там же). Тем не менее идея о «Северной федерации» явилась определенной альтернативой тогда еще господствовавшей в отечественной историографии поляно-русской (или «южной») концепции, которой, впрочем, и В.Т. Пашуто, и И.П. Шаскольский еще отдавали должное.

В 1990 г. термин «федерация» меняется на «конфедерация»: «племена» «северной» (или «новгородской конфедерации») упоминаются в связи с заключением их «верхушкой» «ряда» с «группой скандинавов» для укрепления «нарождающейся государственности» (Мельникова, Петрухин, 1991а. С. 225–229). Возможно, конечно, что это терминологическая случайность, однако нельзя исключать и того, что термины в данном случае отражают структурные изменения внутри северного объединения. Действительно, до призвания Рюрика оно не имело единого «центра силы», что и вызвало безрезультатную борьбу между правящими «родами» отдельных «вождеств» словен, кривичей, мери и других, а централизованной «федерация» стала лишь после призвания князей со «старшим» из них в Ладоге. А.Н. Кирпичников, впрочем, считает, что федерация была уже до «призвания варягов», а Ладога была ее столицей. Это точка зрения археолога, опирающегося на находки в могильниках и слое данного предгородского международного торгового центра VIII–IX вв. — «следов» словен, кривичей, скандинавов, возможно, и «других групп федератов: мери, чуди и веси» (Кирпичников, 1988. С. 46).

В 1993 г. Е.А. Мельникова вводит в научный оборот термин «Северная конфедерация племен» уже в значении первоначального ядра Древнерусского государства. Новизна была в раскрытии этого термина с точки зрения понятийного аппарата политической антропологии, ибо отрицать северные истоки русской государственности можно было, либо тенденциозно переиначивая летописные сообщения, либо обвиняя в тенденциозном искажении фактов самих летописцев. Но речь в данном случае пойдет не о степени объективности источников, а о возможности существования такого типа потестарно-политического образования и его характере, отраженном в терминах историографии, с точки зрения политической (социокультурной) антропологии. Это «межплеменное объединение» середины IX в. «характеризовалось как территориально-политическое образование, возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен». В качестве причин его создания исследовательница называет, с одной стороны, «борьбу с северной опасностью», с другой — установление контроля над «северной частью Балтийско-Волжского пути», что «обеспечивало концентрацию богатств и укрепление центральной власти» (Мельникова, 2009. С. 89–100).

В дальнейшем, сравнивая механизмы институционализации центральной власти в «северной конфедерации» с аналогичными процессами в «Денло» в Англии и Нормандии, Е.А. Мельникова считает главным средством возникновения этих территориально-политических образований договоры местных «властей» с предводителями викингских отрядов. На Руси этим новым образованием было «раннегосударственное объединение племен в западной части Балтийско-Волжского пути (в Ладожско-Ильменском регионе) с центром в Ладоге» (Мельникова, 2009. С. 94). Крупнейший археолог-славист конца XX в. В.В. Седов, наряду с южным «Русским каганатом», также упоминает в качестве второго истока государственности антиваряжскую «военно-политическую конфедерацию, объединившую словен, псковских кривичей и мерю», имевшую раннегосударственный характер и занимавшую «обширную территорию от Псковского озера на западе до Волго-Клязьминского междуречья на востоке» (Седов, 1999. С. 117).

Если термин «конфедерация» принадлежит к сфере политологии, означая определенный тип территориально-административной организации нескольких равноправных организмов без главенствующей роли одного из них, то «племя» — к исторической этнографии (этнологии). В то же время в указанной небольшой статье был использован и политико-антропологический понятийный аппарат — «раннее государство» применительно к уровню этого «территориально-политического образования». Для характеристики же его типа был применен использовавшийся в отечественной русистике с середины 80-х гг. термин «дружинное». Итак, перед нами классический пример междисциплинарного подхода. И в нем самом противоречий нет: понятийный аппарат разных наук органично дополнял друг друга.

Однако противоречие есть в другом. С одной стороны, «северная конфедерация» — по сути, союз союзов племен во главе с племенной же аристократией, с другой — практически централизованное «государство», хотя и «раннее», где у власти стоит дружинная «иноэтническая» межплеменная верхушка. Тип такой «государственности» отчасти можно объяснить ее «двухуровневостью», где верхний уровень — это разноэтническая дружина, а нижний — племенная знать, контролируемая первой (Шинаков, 1993а; 2002 в. С. 15–17; 20096; Крадин, 2000. С. 314–343; Мельникова, 1995. С. 16–33).

Для определения «раннего государства» (в данном случае мы не касаемся синхростадиальных ему «альтернатив» и «аналогов»: это уже вопрос современного развития науки) существуют два подхода. Первый — как бы «от обратного». Берется стопроцентное государство («сложившееся», «зрелое» и «развитое»), и его сущностные признаки (кроме одного — единого экономически господствующего класса)

экстраполируются на более раннюю стадию. Обычно берется апробированная более чем столетним опытом исследования «триада»:

1. Регулярное налогообложение в разных формах
2. Образование публичной власти, обладающей аппаратом внутреннего подавления
3. Смена родоплеменного деления территориальным

Проанализировав 21 раннее государство, Х. Классен (в работе «The Early State») добавляет переход большей части правовых функций в руки правителя, что окончательно консолидирует раннее государство. В «зародышевом» раннем государстве четвертая группа функций еще только зарождается, из остальных трех обязательно присутствие хотя бы двух, да и то в разной степени и неодновременно. Л.Е. Куббель, опираясь на работы медиевистов и многих африканистов (в первую очередь Н.Б. Кочаковой и Ю.М. Кобищанова), выделяет три разных варианта сочетания этих групп признаков (Куббель, 1988. С. 132–133).

Второй подход, определяющий период «раннего государства» как самостоятельный уровень и как этап, отличный от «вождества» и «зрелого государства», принадлежит в настоящее время его же создателю, Дж. Х. Классену. Его первое определение 1978 г. было сравнительно недавно (в 2012 г.) дополнено более детальными характеристиками трех его стадий — «зародышевой», «типичной» и «переходной».

Определение 1978 г. звучит примерно так: «Раннее государство — централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на две основные страты, или возникающие социальные классы, — на правителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязательствами вторых; законность этих отношений освящается единой для раннего государства идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами». В этой же работе дано пять-шесть признаков «раннего государства» и обосновано его деление на три стадии: «зачаточное», «типичное» и «переходное».

Поскольку в нашем случае если и можно вести речь о «раннем государстве», то только о его зарождении, наиболее важна характеристика (точнее, признаки) именно «зачаточной» стадии раннего государства:

— торговля и рынки имели только ограниченное значение;

— наследование должностей было преимущественно потомственным;

— частное владение землей было в порядке исключения, тогда как общинная собственность была доминирующей;

— только функционеры получали вознаграждение (часто натурой);

— судебная система не имела кодификации законов и наказаний;

— налоги состояли большей частью из обязательных подарков и эпизодической работы на государство (Классен, 2012. С. 198).

В этой же работе Дж. Х. Классен, в целом повторив свое определение 1978 г., сделал важное дополнение по территориально-политической структуре ранних государств, считая их «трехуровневой (национальный, региональный, локальный) централизованной социально-политической организацией» (Классен, 2012. С. 202).

Вопрос о «раннем государстве» в период между двумя указанными работами главного автора этого понятия не раз обсуждался как в общетеоретическом плане, так и применительно к конкретно-историческому материалу. Наиболее важными дополнениями представляются доказательство на конкретном материале его обратимого характера и возможность синхростадиальных альтернатив ему, в том числе и применительно к Древней Руси (Дворниченко, 2006. С. 184–195).

Не менее (скорее всего, и более) дискуссионный характер имеет вопрос «вождества», которому дается еще больше определений в силу разнообразия этнологического материала. В связи с тем что в нашем случае «вождеский» уровень исходных для «Северной конфедерации» организмов вряд ли подлежит сомнению, важнее не обсуждение содержания этого термина, а отличие от него самого следующего этапа государствогенеза — «раннего государства». Оно было дано еще в совместной работе Дж. Х. Классена и П. Скальника (Claessen, Skalnik, 1981). Раннее государство отличается от «вождества»:

1. Наличием централизованного управления, имеющего возможность поддерживать закон и порядок «как с помощью авторитета, так и силой или угрозой силы», то есть наличием органов принуждения

2. В раннем государстве «существует производство регулярного прибавочного продукта, который используется для поддержания государственной организации»

3. Аппарат раннего государства способен предотвратить его расщепление

Ко «вторичным признакам» по Классену и Скальнику (Claessen, Skalnik, 1981) — политической независимости, деления на правителей и управляемых, общей идеологии — можно добавить «внешние», в том числе археологически фиксируемые признаки. Это какие-либо грандиозные, консолидирующие разные племена и слои гетерогенного общества мероприятия, как то: переселение населения; строительство монументальных сооружений (городов, крепостей, оборонительных линий, больших храмов, гробниц правителей); принятие новой, единой религии, часто из числа «мировых»; создание или принятие письменности; выработка общих черт официальной идеологии и культуры (на Руси самая ранняя общераспространенная культура — «дружинная» X в.) для легитимизации власти и консолидации

общества. И соответственно, от обратного: даже в самой сложной по структуре и большой по территории конгломерации «вождеств» (и ее аналогов) ничего этого не будет.

Исходный же момент для «Северной конфедерации» — отдельные «простые вождества». Их определений, тем более современных, связанных с проблемой «племени» и «альтернатив» государству, большое количество, как и их реальных форм и моделей. Есть одно, что их объединяет, — это размеры. «Минимальные» насчитывали несколько сот человек, максимальные («типичные») редко могли достигнуть предела в 10 тысяч человек (Гринин, Коротаев, 2012. С. 96). По форме «вождество» могло быть и одним поселком, и «племенной» территорией.

В состав «Северной конфедерации» (по максимуму) входили «словене», «кривичи», «меря», возможно, «чудь» и «весь», во главе с «родами» (по ПВЛ), жившими в «градах» (по НПЛ). Численность каждой из этих племенных групп, взятой в целом, явно превышает даже «типичный» предел для «простого вождества». Однако ряд исследователей уже давно высказали предположение, что собственно «княжения» не охватывали всей территории одноименного «языка» (группы племен). Потестарные образования на слабозаселенном лесном Севере возникли лишь на небольших плодородных участках типа котловины озера Неро, близ пересечения международных торговых путей, но не на самих магистралях (Носов, 1981. С. 21), которыми владели «варяги» (по ПВЛ) или «русы» (по восточным источникам).

Одно из таких этнопотестарных образований, досконально изученное Е.А. Леонтьевым (Леонтьев, 1984. С. 26–32; 1988) Сарское княжество, имело поперечник всего 20 на 20 км, что вполне соответствует «простому вождеству» (Шинаков, 20096. С. 141). Интересно, что примерно такая же картина небольших областей, контаминированных с «мелкими предгосударственными объединениями», фиксируется для Дании середины I тысячелетия н. э. «Первоначально возникает… небольшая область, в которой характер деятельности населения отличен от окружающих территорий, в которой отмечается скопление знати… и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений — одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протогородом… Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей» (Мельникова, 1995. С. 23–24).

Такое же положение высказывалось нами и ранее: «…племенные княжения словен, веси, мери… отнюдь не охватывают всех племен данной этнической общности» (Шинаков, 1998а. С. 128–132), но без использования термина «вожде — ство». Однако если к первоначальным субъектам «Северной конфедерации» можно (хоть и с большой «археологической натяжкой») применить данный термин, то к ней самой нужно отнести в политико-антропологическом аспекте

понятие таксономически и стадиально более высокое, чем «простое вождество», — но вот раннее ли государство, пусть и особой, «дружинной» формы (Мельникова, 1995. С. 22)?

В любом случае, даже по летописи, это потестарно-политическое образование прошло в своем развитии три ступени — фазы. Первая фаза — до призвания Рюрика, когда это точно была случайно сложившаяся и непрочная, без единого центра, конфедерация «вождеств». Вторая — до переноса столицы в Новгород, когда в каждой ее части правили отдельные варяжские князья даже не из одного рода (эта фаза отражена в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» и «Саге об Одде Стреле»). Третья — основание единого центра и установление «единодержавия» Рюрика, правящего отдельными составными частями увеличивающейся в размерах уже федерации посредством своих «мужей». Только последняя ступень приближается к раннегосударственному этапу хотя бы по одному (по Классену и Скальнику) сущностному признаку — централизации власти. Еще об одном признаке (способности применять внутреннее насилие против дезинтеграции) говорит Никоновская летопись — это подавление восстания Вадима Храброго, а также война Аскольда и Дира с «полочанами». Ретроспективно можно говорить и об отчуждении части избыточного продукта в пользу правящей верхушки «федерального» уровня. В 882 г., когда Олег с Игорем переносят столицу в Киев, «старые» члены объединения («словене», «кривичи» и «меря», отдельно — «новгородцы») стали платить «варягам» дань.

Что касается правовой сферы, то она прослеживается, пожалуй, в наибольшей степени при переходе от первой ко второй фазе существования и развития данной потестарно-политической общности. «И не беша в них правды» — то есть закона. Далее: «князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву»; «и судил по праву»; «и рядил по праву»; «и рядил по ряду и по праву». Возможно, «судить» и «рядить» в данном случае — понятия взаимозаменяемые, хотя слова «ряд» и «право» применяются одновременно и, скорее всего, означают разные понятия — «договор» и «закон» (Шинаков, 2009б. С. 140). Возможен и разный перевод с первоисточника, написанного «младшими» или «старшими» рунами (Гринев, 1989. С. 38–41; Мельникова, Петрухин, 1991а. С. 219–229). В любом случае как раз с переходом права в руки правителя все в порядке, что и характерно именно для раннего государства.

Однако одного признака как минимум из четырех «сущностных», при косвенных данных об относительной централизации (она, впрочем, есть и в «вождествах»), аппарате, способном бороться с дезинтеграцией и собирать дань субъектов в пользу «федерального» правителя, при явном отсутствии общей идеологии и религии для раннего государства, даже «зародышевого», явно мало. И это для финальной, третьей фазы «Северного объединения», в момент

переноса его столицы из Новгорода в Киев. Нет ни одного из «внешних» признаков, за исключением строительства «Нового города» и одного масштабного мероприятия — «викингского» похода на Киев и затем на Царьград. В итоге не «простое вождество» и не «раннее государство». Что же тогда?

Для решения этого вопроса в историографии прослеживаются три подхода.

1. Переход от «вождества» («предгосударства») к «раннему государству» «практически неуловим» (Кочакова, 1993. С. 23) за счет того, что «ранние государства» отличны от «вождеств» не «качественно», а «количественно». В частности, и протогород-государство (Кочакова, 1986. С. 251), и «протогосударство» в целом (у Л.В. Васильева и Л.Е. Куббеля) — уже «раннее государство». Считает территориальную «мегаобщину» уже государством Д.М. Бондаренко, называя ее правителей «позднепотестарными» (Бондаренко, 1993. С. 157). Л.Е. Куббель, не противореча данной точке зрения, по сути считает структуры этого уровня еще предполитическими, то есть догосударственными (Куббель, 1988. С. 154). Также не считает необходимым выделять отдельный переходный период между «вождеством» и «ранним государством» Л.Е. Гринин, введя термин «неполное раннее государство» (Гринин, 2006. С. 531)

Если экстраполировать всю эту терминологическую игру на русские реалии середины IX в., то смысл может быть в том, что переход от «вождества» к «раннему государству» произошел качественно незаметно, в рамках одной и той же «Северной конфедерации», но между выделенными нами ее тремя этапами. В ее начале лежит объединение отдельных этнопотестарных племен, в конце — пусть «зародышевое», но уже централизованное «раннее государство». Однако при таком подходе игнорируется тот факт, что уже в начале своего существования «Северная конфедерация» даже демографически была объединением вождеств, но для этого этапа отдельного термина не предлагается, то есть, по сути, «занижается» порог государства (сразу после «вождества» идет государство, пусть и «раннее»).

2. Подход А.В. Коротаева представляется более продуктивным. Он предусматривает не однолинейную стадиальную трансформацию, а «горизонтальную» многовекторную. На примере Сабейского региона в домусульманскую эпоху он описал сложную территориально-политическую систему, состоящую из «слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии», включая «субсистему» храмовых центров, гражданско-храмовую общину Мариба и, вероятно, несколько настоящих племен (не «вождеств») в районе сабейских Нижних земель (прежде всего племена Амирийской конфедерации) (Коротаев, 1997а. С. 136–137). Конечно, это описание вполне конкретной и специфично-

региональной системы, состоящей из взаимосвязанных звеньев разного потестарно-политического и социального уровней

В систему включали «неземледельческие слои племенной зоны (включая и ее интеллектуальные и политические элиты)… множество неземледельческих городков, рынков… В до-индустриальных условиях социально-экономическая система ареала должна была быть избавлена от сколько-нибудь развитой государственной „надстройки“… для того, чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы или деградировать… Это — альтернатива государству… а не догосударственная (и тем более „довождеская“) форма политической организации» (Коротаев, 1997а. С. 144, 146). По своей «хрупкости» в сельскохозяйственном отношении экосистемы Аравии и Русского Севера вполне «одноуровневые», хотя и разнотипные. Возможно, именно из-за этого Олег Вещий при первой же возможности перенес центр формирующейся государственности на более устойчивый в сельскохозяйственном отношении Юг Руси с Севера, где плодородные почвы образовывали лишь небольшие островки среди лесных массивов. Но кроме, так сказать, горизонтально-территориальной разнотипности и разноуровневости сложной «мультиполитии» может быть и «вертикальная». В теоретическом плане ее определение было дано археолого-политико-антропологом Н.Н. Крадиным как «высокоинтегрированная социальная система, состоящая из политически субординированных политий разной сложности» (Крадин, 2004. С. 269).

Применение указанного термина к «Северной конфедерации» предполагает не только разноуровневость «объема» власти, но возможную разностадиальность и разнотипность политий разных уровней. На конгрессе украинистов в 1999 г. в Одессе Е.А. Мельникова дала похожую характеристику социально-политической структуре северного, с центром в Ладоге, предгосударственного образования, которое восточные авторы называли «Славней»: «В нем выделялись две категории населения: военизированные русы, составлявшие верхушку общества, и „сакалиба“ — славяне, выплачивавшие русам дань натурой» (Мельникова, 2011. С. 103–108). Заметим, что позднее, в 2007–2009 гг., эта исследовательница вновь «повысила» уровень «Северной конфедерации» до раннегосударственного (Мельникова, 2009. С. 89–100), хотя определение 1999 г. нам представляется более соответствующим реалиям.

Мы также в свое время отметили «наличие в процессе формирования Древней Руси двух уровней государственности — „русского“ и „славянского “ и трех разных систем отношений: внутри „русов“, внутри „славян“ и между ними» (Шинаков, 1993а). В дальнейшем, при подготовке докторской диссертации (2000 г.) и последующих работах, автор вывел это положение на общетеоретический уровень обобщений, постулировав наличие среди

десятка «форм государственности» древности и Средневековья также и «многоуровневую» или «разноуровневую» форму государственности. Правда, речь в данном случае шла не конкретно о «Северной конфедерации», а о древнерусском или даже «мировом» государствогенезе.

Схожая сложнотипологическая многоуровневость власти переходного между «вождествами» и «ранним государством» периода на конкретном материале проанализирована для «мегаобщины» Бенина (Бондаренко, 1993. С. 148–166; 1995. С. 139–150; 1996. С. 30–38; 2001) и иерархии вождеств (оманов) Асантемана (Попов, 1990; 2016). Во всех этих случаях в одну потестарно-политическую систему могли входить организмы разного уровня развития: от отдельных племен и даже общин-поселков до раннегосударственных структур, с «вождествами» и протогородами-государствами в таксономическом «промежутке».

3. Третий вариант предусматривает наличие между «простым вождеством» и «ранним государством» еще одного этапа — переходного, но самостоятельного, как с особыми, только ему присущими признаками, так и элементами «традиционных» («вождеских») и новых, раннегосударственных

Формы предгосударственных образований этого этапа были выделены еще на рубеже 70–80 гг. XX в. Первым был введен на материалах Юго-Востока США и Центральной Европы термин «сложное вождество». Чуть позднее Р. Карнейро вводит трехчленную диахронную классификацию вождеств: «минимальное», «типичное» и «максимальное» (Carneiro, 1981. P. 37–79), позднее переименованные в «простые», «компаундные» и «консолидированные» (Carneiro, 1992. P. 27–38). Однако различия не только в названиях. Так, первая классификация основывалась в основном на количественных показателях, вторая же предусматривала структурные изменения при переходе от стадии к стадии.

Первая классификация, хотя внешне выглядевшая и «примитивно», тем не менее весьма полезна для реконструкции потестарных процессов на основе археологических источников. «Минимальное» вождество, по Р. Карнейро (Карнейро, 1999. С. 90), включает десяток поселений, «типичное» — 50 и «максимальное» — до 100. Конечно, подсчет приблизительный и основан только на североамериканском материале, но он дает хорошую отправную точку для совершенствования методики, особенно демографии и археологии.

Необходимо учитывать и наличие иного типа политий, по социально-потестарному уровню соответствующих «вождествам», но территориально состоящих из одного, хотя и большого и структурированного, поселения, даже «протогорода» — пуэбло Юго-Запада США, майя, мочика, папуасы, индейцы Северо-Западного побережья.

«Компаундные», или составные, «вождества» — не просто более крупные, но и сложные по структуре и функциям образования. На примере индейских «составных вождеств» Юго-Востока США Р. Карнейро посчитал главным механизмом их создания завоевание, средством сохранения — силу «вождества»-завоевателя, целью — получение регулярной дани и воинских контингентов от покоренных «вождеств». При этом в последних сохранились свои правители, и индейские «компаундные вождества» имели слабую интегративную структуру, были склонны к распаду. С другой стороны, кроме регулярных «сборов» с покоренных, сохраняющих, впрочем, черты экзоэксплуатации (грабежа «чужих»), эти образования могли применять внутреннее насилие для предотвращения дезинтеграции — своеобразные «карательные экспедиции» (Hudson, 1990. P. 102). Это уже «государственные» черты (господство — подчинение, а не «вождеская» реципрокность).

На примере кочевников Евразии аналогичную теорию развил Н.Н. Крадин, предложив термин «суперсложное вождество» (Крадин, 1992. С. 152), или «supercomplex chiefdom», для стадиальной характеристики «кочевых империй», которые, при наличии многих признаков государственности, никогда полностью не замещали родовое деление территориальным и не создавали (кроме «Ясы» Чингисхана) «государственное» право. В составных частях этих «империй, как бы они ни назывались, всегда присутствовал дуализм власти — местная родоплеменная верхушка и приставленные к ней для контроля „функционеры“, „наместники** центральной власти, часто даже не родственники правителя, а его нойоны». В демографическом аспекте «сложное вождество» неизбежно полиэтнично, так как его численность — «многие сотни тысяч человек и даже больше… до 1–1,5 млн пасторальных номадов». Оно обладает некоторыми вторичными признаками государственности — «зачатками урбанистического строительства», пышными усыпальницами правителей, попытками создания или восприятия письменности для делопроизводства. Эти империи были «государствоподобны» и, по сути, являлись «мультиэтничным конгломератом вождеств и племен, включенных в состав „имперской конфедерации“» (Barfield, 1981. P. 45–61).

В последней фразе и предшествующих описаниях «компаундных» (сложных, составных) и «консолидированных» (суперсложных) вождеств, как представляется, и кроется разгадка взятого в динамике потестарно-политического характера «Северного объединения». Сочетание этого третьего подхода со вторым, предусматривающим сочетание в одном образовании разнотипных и разноуровневых организмов, тем более специфичных для таких же, как на Русском Севере, контрастных и «хрупких» экосистем Южной Аравии (по

А.В. Коротаеву), снимает если не все, то многие проблемы при типологической характеристике так называемой «Северной конфедерации/федерации».

В современной историографии, действующей в рамках третьего подхода (признающего наличие самостоятельного переходного периода между «простым вождеством» и «ранним государством»), можно отметить два отличающихся по терминологии, но по сути сходных взгляда на стадиальную (но не типологическую) принадлежность этого образования. У А.Ю. Дворниченко оно соотнесено с «компаундным» (по терминологии Р. Карнейро), то есть составным или сложным вождеством, которое возникло параллельно с «южным» такого же уровня объединением «перед… появлением Рюриковичей» (Дворниченко, 2006. С. 184–195). «Консолидированное вождество», судя по контексту, начало складываться после объединения Севера и Юга, но окончательно формируется ко временам Владимира.

В.В. Пузанов, формально используя старую («союзно-племенную») терминологию, дает сверхдинамичную картину трансформации «Северного суперсоюза племен», который до захвата им Киева уже прошел «три стадии интеграции», соответствующих трем типам союзов, после чего на его базе, но уже на Юге, начало формироваться «ядро» раннего государства (Пузанов, 2007. С. 247–256). Эти три «стадии интеграции» очень напоминают и являются тождественными (не по названию, а по сути) трем «стадиям развития форм вождеств» по Р. Карнейро и Н.Н. Крадину. Интересно, что подобная же мысль о тождестве понятий «суперсоюз племен» и «суперсложное вождество», обозначенных разными терминами (второй — более корректный и точный), приходила в голову и другим исследователям, которые, впрочем, относили его к Киевской Руси в целом, да еще и во главе с Полянской общиной (Котышев, 20066. С. 235–240). Впрочем, данный автор соотносит «суперсложное вождество» не только со стадиально аморфной «мультиполитией», но и с «уже» ранним государством, хотя «еще» и «территориальным», что, в свою очередь, ставит последнее на одну доску не только с «вождеством», пусть и «суперсложным» (что делает бессмысленным введение самого этого термина, который и создавался, чтобы не называть самые сложные мультиполитии кочевников «ранним государством»), но и с «суперсоюзом племен». В этом аспекте теория В.В. Пузанова более методологически последовательна: исходный пункт развития, «союз племен», этот автор отождествляет с «простым вождеством», а конечный — с «ранним государством», а все типы «суперсоюзов» стадиально помещаются между ними. Непонятно только, какими качественными изменениями были тогда заполнены последующие 100 лет после завершения третьей стадии интеграции уже к 882 г., так как, по В.В. Пузанову, «союзная» система начала трансформироваться в систему городов-государств «не

ранее конца второй трети X в.». Тем не менее в этой теории нам импонирует этапность развития «Северного суперсоюза», совпадающая с обозначенными нами тремя фазами трансформации «Северного объединения»: от конгломерата («конфедерации») «простых вождеств» через «сложное» к «консолидированному» (суперсложному) вождеству с элементами ранней государственности. После переноса «центра силы» на Юг степень консолидации этого образования усилилась, структура его усложнилась с включением все новых «славиний», но как бы «количественно», а не «качественно». Увеличившиеся с занятием Киева возможности экзоэксплуатации затормозили развитие раннегосударственных элементов, и только кризис данной формы предгосударственности заставил со времен реформ Ольги развивать именно их, — пусть не столь доходные, но менее «рискованные» и более перспективные.

Первый же шаг на этом пути хорошо представлен на Севере Руси до событий середины IX в. и отчасти отражен в описании указанных событий. Местные племена и вождества-«княжения» эксплуатировались, и через эту эксплуатацию чисто механически соединялись внешней силой — «варягами»-«русами». Момент антиваряжского восстания и подготовки местной знати к отражению предполагаемой (кстати, упоминаемой в скандинавских источниках в сочетании данных «Жития св. Ансгария» Римберта и саг об Олаве Святом и Харальде Прекрасноволосом о событиях 50-х гг. IX в.) карательной экспедиции являлся той «точкой бифуркации», за которой мог последовать либо распад, либо следующая ступень интеграции — «консолидированное» вождество, по Р. Карнейро. Последний приводит образец механизма консолидации, образовавшего путем завоевания «составного вождества» паухэтанов в «консолидированное». Территориально оно не изменилось, но по структуре власти, системе и форме правления — существенно. Местные «политические лидеры» были или смещены, или вообще устранены, а вновь назначенные «субвожди» являлись ближайшими родственниками верховного вождя (Rowntree, 1989. P. 117–118; 142; Карнейро, 2000. С. 93).

В этом случае «простыми вождествами» можно считать «княжения» словен, кривичей, мери и прочих, объединившихся в непрочную «конфедерацию» (в современной социокультурной антропологии имеется термин для этого: «конфедерация вождеств») для изгнания варягов и захвата торговых путей, а затем — сразу после «призвания руси» — в раннее государство.

Такого рода семейно-брачные или через системы родства механизмы институционализации, легитимизации власти и расширения ее «объема» прослеживаются по всему, в том числе и славянскому, миру (Шинаков, 2002а. С. 144–148), они характерны в том числе и для периода «большего перехода» от «простых вождеств» к раннему государству. В Европе действие этого механизма для консолидации

только что образованной путем завоеваний владений «чужих» конунгов норвежской «многоуровневой политии» описано в «Саге о Харальде Прекрасноволосом». Назначенные им из числа своих приближенных или бывших местных конунгов, добровольно сложивших свои полномочия, ярлы отдельных фюльков получали не только треть собранных ими же податей, но и дочерей конунга в жены, после чего те полностью становились «его людьми» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 127). Впрочем, навсехярлов его дочерей, возможно, не хватило, ибо в «консолидированном вождестве» Норвегия тогда было 16 фюльков.

Для «Северной конфедерации» процесс перехода от «простого» к «компаундному» вождеству также связан с войной, только не завоевательной, а национально-освободительной — антиваряжским восстанием. В связи с этим единого «центра силы» там не образовалось, и территориально-потестарной формой объединения стала конфедерация. Аналогия — это «составное» или «сложное вождество печенегов как конфедерация восьми вождеств» во главе с «корпоративным руководством», имевшим место для периодических встреч, но не постоянную «столицу» (Марей, 2000. С. 337–344). Как часто бывало у кочевников, у печенегов наблюдалась иерархия вождеств («фем», по Константину Багрянородному) — три из восьми были более «мужественные и благородные» (Константин Багрянородный, 1991. С. 159). Не очень последовательно с точки зрения терминологии политической антропологии, но достаточно адекватно описано это устройство у П. Голдена: «Некая центральная организация нестабильной племенной конфедерации» (Golden, 1990. P. 271). Вероятно, после решения конкретной задачи подобная же «центральная организация» «Северной конфедерации» стояла на грани развала («вста род на род», «град на град»), что при сохраняющейся угрозе внешней карательной акции (возможно, и реальных попытках ее совершить) было чревато потерей не только власти. Далее «работает» договорной механизм консолидации — заключение «ряда» с этносоциальной группой «русь» и ее тремя братьями-предводителями. Именно родство между последними на генеалогической основе соединило по крайней мере три части «конфедерации» — изборских кривичей, словен и весь (на Белом озере). Главным элементом, по Ипатьевской летописи, были словене с центром в Ладоге, где первоначально и «седе» старший из братьев (Ипатьевская летопись, 1962. Л. 8 об.). Недаром у восточных авторов 2-й традиции (описывающих «три вида русов») именно «С’лавиййа» («земля словен» у большинства историков) — «вид самый высокий из них называется С’лавиййа, и царь их [живет] в С’ла — городе для них» (Древняя Русь, 2009а. С. 94).

При переходе от первой фазы существования «Северной конфедерации» ко второй, что совпадает с началом становления «консолидированного» вождества, по Р. Карнейро, были

задействованы, как мы видим, уже не военные, а договорные и родственно-генеалогические механизмы. Они характерны для случаев, когда предгосударственное образование создается из равноправных (но не равнозначных) частей путем «синойкизмы». Это же относится и к его столице, причем не только к Новгороду Великому (Янин, Алешковский, 1971. С. 32–61), но, возможно, и к Старой Ладоге (Кирпичников, 1988. С. 46). Аналогично формируется и «мегаобщина» Бенин путем синойкизма нескольких знатных родов в ее столице, с иерархическим подчинением отдельным ее «родовым» кварталам отдельных сегментов сельскохозяйственной округи, а столичной (не «родовой») общине в целом подчинением «вождеств», племен, поселков на периферии. Такая структура сближает «мегаобщину» Бенин с Новгородской республикой периода расцвета (Шинаков, 20096. С. 139–140). Вспомним в этой связи, что еще К.Д. Кавелин называл Новгород не государством, а «общиной в древнерусском смысле слова», причем здесь «национально-общинный быт достиг своего апогея», при этом в нем было мало зачатков «гражданственности» (Кавелин, 1989. С. 37). В данной связи можно сопоставить и тот факт, что реальная власть в Бенине принадлежала «первопоселенцам» — родовым старейшинам, объединенным в геронтократический орган — Совет «Узама» (Бондаренко, 1993. С. 159). Существовали также «выборщики правителя» (эдио-нэвбо), лидеры столичного общества. Кому принадлежала власть в Новгородском государстве, известно: землевладельческой (в итоге) аристократии.

В «Северной конфедерации», как отметила Е.А. Мельникова, кроме местной племенной знати, присутствовала и военно-торговая верхушка. Отметим, правда, что она была в сегментированном виде отдельных отрядов варягов-русов, действовавших в регионе на свой страх и риск до событий середины IX в., и, наоборот, находясь на верхнем уровне власти на второй и третьей фазах развития консолидированной «Северной конфедерации».

«В них представлено общество, разделенное на две страты, которые арабские писатели обозначают отэтнонимическими названиями ар-рус и ас-сакалиба. Первые — это военная элита, которая собирает день с ас-сакалиба и реализует полученные ценности в торговле с арабами. Вторые — мирные земледельцы. Восточные писатели подчеркивают „военизированность“ общественного строя ар-рус, во главе которых находится, по сути, военный вождь, осуществляющий также судопроизводство и другие функции центральной власти, и его подчиненность целям дальней торговли (сбор даней, захват пленных для дальнейшей продажи)» (Мельникова, 2009. С. 96). Соглашаясь в целом с такой характеристикой, мы считаем, что «судопроизводство» и другие функции (кроме сбора дани) ограничивались лишь обществом ар-рус, а ас-сакалиба имели собственную социальную и — «местами» — потестарно-политическую

организацию, причем даже более развитую, чем у ар-рус. И второе: представляется, что данные описания структуры у авторов 1-й традиции описания русов (родина которых на «острове») относятся к периоду до антиваряжского восстания, то есть, по сути, до создания собственно «Северной конфедерации», члены которой как раз и противились подобной эксплуатации себя со стороны русов, а их знать стремилась, потеснив последних, стать также причастной к дальней торговле. «Северная конфедерация» (на второй фазе развития — «федерация», на третьей — «варварская империя») упоминается у авторов 2-й традиции («три вида русов»: ал-Истахри, Ибн Хаукаль) под этнополитонимом «Славийа» (что, впрочем, отмечала и Е.А. Мельникова в другой работе). Третью фазу развития этого объединения можно также сопоставить с «Внешней Росией» со столицей в «Немогарде» по Константину Багрянородному, которую В.Т. Пашуто называл «Верхней Русью», а Г.С. Лебедев, в противовес синхростадиальной южной «Руси Аскольда», «Русью Рюрика». Последний исследователь, в соответствии с летописными, археологическими и нумизматическими данными, установил три этапа ее территориального расширения: вначале — от Изборска до Белоозера, чуть позднее — с расширением за счет Полоцка на западе, Ростова и Мурома на востоке, и, наконец, уже в начале правления Ярослава Мудрого ее территория закрепляется основанием на границах еще не покоренных финских земель Юрьева и Ярославля.

Что касается не структурной, а стадиально-уровневой характеристики «Северного объединения», то последней его характеристикой у Е.А. Мельниковой является «раннее (или пред—) государственное образование». И в этом нет противоречия по трем причинам:

1. Здесь отражена динамика развития;

2. Учтены как «вождеские», так и «раннегосударственные» элементы структуры;

3. Главным для исследовательницы являлась характеристика не потестарно-политического, а социального устройства, а оно было одинаково для обоих этапов политогенеза — «стратифицированное общество» (по терминологии М. Фрида)

Е.А. Мельникова указывает на наличие «страт», значит, общество, по ее мнению, уже было «стратифицированным» и как таковое могло быть основой как предгосударства (то есть «сложных» и «суперсложных» вождеств), так и раннего государства («на позднем этапе — с государственным политическим устройством»). «Раз существует стратификация, то предпосылки государственности уже созданы, и действительное формирование государства уже началось» (Fried, 1967. P. 185). Но если в определении этапа как «предгосударственного» с элементами раннего государства мы согласны с Е.А. Мельниковой, то в характеристике формы

государственности «Северной конфедерации» как «дружинной» или даже просто исключительно «военной» — нет.

В этой связи нам ближе точка зрения А.А. Горского о том, что «институт дружины был свойствен обществам эпохи генезиса феодализма», с поправкой на стадиально-эквивалентную замену «феодализма» на «государственность» и с переносом его дат генезиса с IX–X вв. на вторую половину X — начало XI в. Н.Ф. Котляр, развивавший идею о дружинной государственности вслед за А.А. Горским и Е.А. Мельниковой, считает возможным говорить о ее существовании, опираясь на летописные известия, с 941 г. до конца правления Владимира Святого. Это почти совпадает, по нашему мнению, с фазой становления ранней государственности (от реформ Ольги до их завершения и отражения натиска печенегов при Владимире). Однако «дружинный» характер зарождающееся государство приобретает только при Святославе. Это связано со следующим.

1. Не всякое элитное воинское формирование, причастное к управлению, является дружиной. Кроме нее, к таковым можно отнести «рабскую гвардию» типа гулямов, мамлюков или янычаров, рыцарство (в том числе самураев), военную аристократию, корпоративные военные организации, наемников-кондотьеров, особые касты типа раджпутов, некоторые типы дворцовой гвардии. Дружина имеет специфические, только ей присущие черты

2. В «дружинном государстве» дружина — это не просто гвардия, элита армии, но основная, если не единственная, ее составляющая («племенное» ополчение и аристократия специально устранялись от оружия)

3. Не всегда и не везде, где есть дружины, существует «дружинное государство». Дружины могли быть на содержании племен и их объединений, где война была постоянным делом жизни, и содержаться за счет добровольных пожертвований соплеменников. Дружины, преданные лично вождям, были при переходе от «простых вождеств» к раннему государству и содержались за счет «экзоэксплуатации»: прямой эксплуатации «чужих» в форме дани — контрибуции, откупа, кормления, торговли награбленным, «щедрости» предводителя за счет добычи. И только «государственные дружины» фазы становления раннего государства, совпадая с аппаратом власти, управления и почти всем войском, отчасти переходили на содержание второй части народа — невоюющей и отстраненной от оружия и власти, но поставляющей в дружину наиболее способных своих представителей. Содержание такой дружины было чрезвычайно затратно, трудоемко и долго продолжаться за счет «казны» не могло. Поэтому либо образовывались «империи» типа Болеслава Жестокого в Чехии, Болеслава Храброго в Польше, Кнута Великого в Дании, Святослава на Руси, в которых дружины в буквальном смысле кормились на чужих территориях и за

счет чужого населения, либо происходили антидружинные восстания, как в Польше в 1034 г., либо расходы на дружину как-то снимались с «казны» и диверсифицировались («служебная организация», градская система, кормления, наделения землей и т. д.), но тогда и дружина исчезала, превращаясь в нечто иное. В.Д. Королюк даже считает создание «империй» обязательным этапом при таком пути генезиса славянских феодальных государств. Об этом же периоде говорит и автор «Введения» к «Начальному своду» 1095 г. в НПЛ младшего извода, ставя в пример «древних князей», дружина которых «кормяхуся, воюющее ины страны», как идеал правителей

Соответственно, ни раньше, в «предгосударственный» период (этап разных ступеней «вождества»), ни в оформившихся «зачаточных», ни тем более в «типичных» ранних государствах чисто дружинная их форма удержаться не могла. Она типична, скорее всего, именно для переходной фазы от одного этапа к другому (так называемая стадия «империй», по В.Д. Королюку) и сразу после нее, но недолго. Это и неудивительно, ибо расходы на дружину составляли треть собранной с каждой «земли» дани (в 1014 г. Ярослав из 3000 собранных с Новгородской земли гривен 1000 отдал своим «гридям»), не считая оброков, доходов с торговли, кормлений, натуральных поставок поселений «служебной организации».

Правящая элита «Северной федерации» (уже после прихода Рюрика) не была «дружиной» в строгом смысле слова, так как ресурсы Севера были слишком скудны, тем более они частично расходовались на местную родовую знать. Это явно не была находившаяся на содержании конунга (и опосредованно — народа) «королевская дружина» grid/hird («хирд»), будущие личные дружинники князя — «гриди». Или, во всяком случае, их было немного. Основная часть «верхнего („русского“) уровня» правящей элиты могла состоять из интернациональной по составу военно-торговой прослойки, первоначальным ядром которой была этносоциальная группа «русь», — эта группа типична для «Русско-Балтийского торгово-экономического сообщества», но далеко не уникальна в мире.

Если местную аристократию мы сравнивали с Бенином, то слой военно-торговой верхушки можно сравнить с другим западноафриканским предгосударственным образованием — Асантеманом. Здесь богатство, приобретенное войной и внешней работорговлей (как и у «русов» восточных источников), давало статус, ранг с внешними атрибутами власти из золота (в обществе с неразвитым товарообменом оно было нужно только для «престижа») и, главное, благами и привилегиями, в том числе большим количеством жен, эти блага производивших. Как здесь не вспомнить «царя» русов, имевшего, по Ибн Фадлану, сорок наложниц!

Статус зависел от богатства, количества рабов, способности вооружить определенное количество воинов для дальнейшего

приобретения того и другого. «Аристократия» была, но «служилая», открытая и гетерогенная; должности могли наследоваться или покупаться, но на них и назначали за заслуги.

Таким образом, «внизу» «Северного объединения» — нечто подобное нескольким «мегаобщинам», «вверху» — военизированно-плутократическое потестарно-политическое образование. Поход на Юг был неизбежен хотя бы с этой точки зрения, не считая расширения сферы внешней торговли и смены договорных ограничений власти князя на неограниченное «право завоевания». Тогда и только тогда «эта система» могла стать «строгой, убыточной, разорительной для подданных», «поставляющей главной целью обогащение правителя», «равнодушной к управляемым», «волей и неволей покорившихся дружине» (Кавелин, 1989. С. 28–29). На Севере все это было еще невозможно, и не только из-за ограниченности ресурсов, но и в силу прочных еще традиций реципрокности. В итоге, после ухода Олега с «русью» на Юг, на Севере произошло примерно то же, что в Сабейском регионе — определенная консервация догосударственных общинных институтов, в значительной степени отразившихся на особенностях новгородской государственности.

Однако попытка превратить аморфное разноуровневое и разнотипное объединение в нечто более централизованное и унитарное была. По ПВЛ, она произошла после легендарной смерти братьев Рюрика, когда вместо родственников в отдельные части «федерации» он назначает «мужей»-дружинников в 864 г. При этом, кроме «старых» Изборска, Белоозера и новой столицы — Новгорода, наместники верховного князя садятся и в других ключевых пунктах «Восточного пути» — в Полоцке, Ростове, Муроме. Что при этом происходит с местными правителями? Возможен, конечно, вариант «дуализации» власти (местный князь и посадник Рюрика), отражением чего могли быть «пары городов»: Новгород — Рюриково городище, Ростов — Сарское городище, Изборск — Труворово городище, позднее Смоленск — Гнёздово и т. д. Эти «пары городов» в конце 70-х гг. и начале 80-х гг. XX в. породили масштабную дискуссию на разных уровнях.

Тем не менее поздние источники (Никоновская летопись) содержат и иные данные: о борьбе новгородцев с Рюриком, убиении последним их предводителя — Вадима Храброго с «советниками» (864 г.), бегстве «много новогородцкых мужей» в Киев к Аскольду и Диру (867 г.). Во всяком случае, попытки ликвидации или ослабления позиций местной знати могли иметь место, но до конца доведены не были: преемники Рюрика переносят «центр силы» в Киев, что стало концом Северного потестарно-политического объединения.

3. Этап «сложных вождеств»: от Рюрика до Ольги

Чистый переходный период между этапом отдельных славянских «вождеств» и начальной фазой раннего государства Русь включает в себя фазы становления (до 885 г. в летописных датах), стабильного функционирования (реальное или отчасти легендарное правление Олега Вещего и в значительной мере, до 941 г., Игоря Старого), кризиса 941–945 гг., в итоге которого развитие было искусственно изменено. Наиболее документированными иностранными источниками (легендарный характер именно этой части летописей обосновывался неоднократно, и данный факт нельзя сбрасывать со счетов) являются первая и третья фазы, наиболее «темной» (при обилии сведений ПВЛ) — вторая. К первой фазе можно отнести данные 2-й традиции описания русов у мусульманских авторов, которые подразделяют их на три «вида», или «группы» (ал-Джинс), с отдельными центрами-столицами и правителями в них. В силу консервативности мусульманской историографии стереотип описания «троецентрия» сохраняется здесь до начала XVIII в., однако отражаемые этим стереотипом реалии явно меняются.

Территориальная и этнопотестарная структура «варварского» двухуровневого государства (880–940-е гг.)

Источники по этому периоду дают достаточно сложную и подробную картину федеральной монархии, в состав которой на равных условиях входят до 12–13 различного уровня и типа политических образований Восточной Европы во главе с Росией. Независимы от Руси[123] белые хорваты и волыняне, княжества которых сложились ранее, тиверцы, уличи и вятичи, политический статус которых не ясен, если только не считать попытки перенесения на вятичей данных 1-й традиции восточных источников (Рыбаков, 1981. С. 52; 1982. С. 273–284). Понятие «русь», включавшее часть варягов и словен, но также, вероятно, и всех полян, как это следует из летописных сообщений о походе Олега на Киев (ПСРЛ. Т. 2. Л. 9), в дальнейшем четко отделяется от первых двух и практически сливается с третьими[124]. У Константина Багрянородного термин «Русь» («Росия») используется уже для обозначения не только этнической и социальной группы, но и территории[125].

На этом этапе уже можно говорить о восточноевропейском государстве Русь (Росия) со сложной этнической, территориальной, политической и гораздо более простой социальной структурой. Наиболее точно этот тип государства можно определить как федеративную монархию с сильными пережитками родоплеменной системы управления. Аппарат власти этого государства включает в себя звенья разных уровней и даже форм правления.

Выделяются три группы публично-правовых отношений (между аппаратом управления и «подданными», а также внутри этого аппарата), а значит, три системы управления, или три типа государственности:

Тип 1. Внутри «русов», «руси», «Росии», составляющих как бы верхний эшелон, или уровень, власти.

Тип 2. Внутри «славянских» политических организмов, составляющих нижний эшелон, или уровень, власти.

Тип 3. Между этими двумя уровнями.

Систему управления внутри русов можно реконструировать, в первую очередь, по данным Гардизи и Ибн Фадлана, сведениям ПВЛ о походе Олега на «Греков» (907 г.) и мире с ними (912 г.), по договору Игоря с греками (944 г.). Трактат Константина Багрянородного и в этом аспекте важен тем, что лишний раз подтверждает сведения восточных источников и ПВЛ, посвященные более ранним периодам жизни русов, об их сплоченности, небольшом количестве[126] и социальной однородности. Отношения внутри «русов» наиболее близко можно сопоставить с «военной демократией» либо с системой связей, складывающейся обычно внутри замкнутой военной (казачьего типа), пиратской или торговой корпорации.

Систему управления внутри «славян» для данного хронологического отрезка (конец IX — середина X в.) проследить сложнее, так как и для иностранных современников, и для более поздних русских авторов ПВЛ эта система связей полностью заслонялась системами отношений первой и, в первую очередь, третьей группы. Юридические документы также отражают интересы только представителей верхнего уровня государственности — «руси».

Наибольшее количество данных о системе управления одной из «славиний», или княжеств, подчиненных Росии, дает та часть ПВЛ, которая повествует о Древлянском восстании. Само политическое образование древлян носит название «земля с городами», в том числе главным — Искоростенем, где сидят несколько сот «лучших», или «нарочитых», «мужей», которые «держат Деревскую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 21). В этом видится намек на что-либо подобное аристократической мегаобщине и на наличие «градов» Среднеевропейской модели государства (Тржештик, 1987; Жемличка, Марсина, 1991; Тржештик, Достал, 1991).

Третья группа отношений (система управления) наиболее полно отражена в произведениях Константина Багрянородного, где славяне, объединенные в «славинии», названы «пактиотами»[127]. ПВЛ добавляет, что отдельные славянские «княжения», племена («языки») и города находились на разных ступенях взаимоотношений с русью. Это договорные отношения[128] с «Северной конфедерацией», во всяком случае, с Новгородом, возможно, с киевской и иными общинами полян, с внедрением «руси» в отдельные звенья их аппаратов управления;

даннические отношения покоренных[129] (или «освобожденных» от хазарского владычества) древлян, северян, радимичей (возможно, и дреговичей) при полном невмешательстве руси в их внутренние структуры управления; временно-союзнические отношения с волынянами, белыми хорватами, тиверцами и уличами.

Таким образом, структуру государства, во главе которого стояли русы (русь, росы), можно представить следующим образом. Имеются государственные территории русов, которые у Константина Багрянородного передаются термином «Росия», а ПВЛ конкретизирует, называя русские города (возможно, но необязательно, с их волостями), дополняя тем самым список городов «внешней Росии» у Константина. В сумме это: Клев («крепость Киоава, называемая Самбамтас» — Константин Багрянородный, 1991. С. 45), Чернигов («Чернигога»), Любеч («Телиуца») в обоих источниках, «крепость Милиниски» (Смоленск), «Вусеград» (Вышгород) и «Немогард» (Новгород) у Константина (все идентификации его названий русских городов даны по: Там же. С. 312–316). Переславль, «Полтеск» (Полоцк) и Ростов названы только в ПВЛ.

Кроме «Росии», раскинувшей сеть своих городов по всей Восточной Европе, между ними располагаются «славинии» кривитеинов (кривичей), лендзанинов, поставлявших росам моноксиды, вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), севериев (северян), кривичей и других, по землям которых проходило «кружение» (полюдье) (Константин Багрянородный, 1991. С. 45, 49), а также «подплатежные стране Росии местности» — «ультины» (уличи), «дервленианы», «лензанины» (Там же. С. 157). Кроме «славиний» и «местностей», в союзных (договорных) или даннических отношениях с Росией находятся и отдельные «крепости» — Витичев, например (Там же. С. 47).

«Словене» и часто «растворявшийся» в этом термине Новгород занимали как бы промежуточное положение между «Росией» и «славиниями». Так, в «легендарной» части летописного рассказа о походе Олега на Царьград в 907 г. «словене» упоминаются отдельно от «руси», а Новгород не назван в числе «Русских городов», однако только «словене», кроме «руси», получали дань особого рода, хотя и низшего, чем последние, качества: полотняные паруса (ПСРЛ. Т. 2. Л. 12 об.). Характерно, что ни варяги, с одной стороны, ни прочие славяне и финны — с другой, в этом эпизоде не фигурируют вообще. В конце правления Игоря Новгород также не упоминается договором 944 г. в качестве «русского города», хотя Константин Багрянородный относит его к «внешней Росии». С другой стороны, «русская» часть системы управления Новгородской землей (словенами) в процессе подписания договора с греками была представлена в лице посла новгородского князя Святослава Игоревича (Константин Багрянородный, 1991. С. 45) — Вуефаста (ПСРЛ. Т. 2. Л. 18). Данный нюанс был заметен изнутри летописцу, но не особенно понятен пусть и осведомленному, но

иностранцу, который поэтому включил «Немогард» в состав «Росии», хотя и «внешней».

Если в нашей концепции сутью является бинарность государства по вертикали, то в последние годы появилось и обоснование его двусоставного характера в территориально-политическом, «горизонтальном» плане. Нельзя в данного рода исследовании пройти мимо и такой концепции, тем более что, по археологическим данным, специфика развития как Днепровского Левобережья в целом, так и отдельных его микрорегионов (Подесенья, в частности) в период становления древнерусской государственности — это не абстракция, а реальность. Наиболее активными сторонниками не только особого пути развития Левобережья, но и его полной независимости в X в. как отдельной части древнерусской государственности являются такие черниговские, петербургские и киевские исследователи, как Т. Новик, Ю. Шевченко (Шевченко, 1995), В. Зоценко (Зоценко, 1996), в более осторожной форме А. Моця (Моця, 1990) и В. Петрухин (Петрухин, 1997), Ф. Андрощук (Андрощук, 1997). Имеет внешнее сходство с данной концепцией гипотеза Е. Шинакова и А. Григорьева (Шинаков, Григорьев, 1990) о возникновении на Левобережье в X в. отдельной от Киева государственности. Однако сходство здесь чисто внешнее, так как в первой (но более поздней) концепции подразумевается все Левобережье с центром в Чернигове (или Шестовицах) как долговременная составная часть «бинарной оппозиции» внутри древнерусской государственности. Воззрения Е. Шинакова и А. Григорьева предполагают кратковременную (и неудачную в итоге) альтернативу последней: попытку северян (и, возможно, части вятичей и радимичей) обрести независимость от Киева после неудач Игоря, при опоре на слабеющий Хазарский каганат.

Однако вряд ли этот факт можно связывать (Боровский, 1985; 1988. С. 41–44) с тремя группами русов даже по версии «Эджаиб» (начало XVIII в.): Куйява (Киев), Ч-р-нк (Чернигов), Хород Серзк (Новгород-Северский), сопоставимых, по мнению Я.Е. Боровского, с тремя центрами русской государственности у более ранних авторов (Куяба, Слава, Арта). Однако его, а также А.Е. Крымского[130] (со ссылкой на географа XII в. Ахмеда ат-Туси, а в итоге — на Ибн Фадлана, дававших формы «Киава», «Черник», «Серук») сопоставление «триады» восточных источников с «трехградьем» договоров 907 и 945 гг. (Боровский, 1985. С. 24), безусловно, имеет право на существование, как, возможно, производная от этих документов литературная контаминация. Возможны две разные по происхождению и отражаемым в них реалиям традиционные интерпретации «троецентрия» Руси.

Как это ни парадоксально, вопрос о трех группах (видах) русов в их первоначальном варианте (Куйябия, Славия, Артания) хорошо согласуется с концепцией «двухуровневого» «варварского» государства конца IX — середины X в. Куябия — верхний уровень,

собственно «русь», или гипотетичная «Внутренняя Росия» Константина VII. Славия — главная (в смысле, самая многочисленная) группа русов; по ал-Иста-хри и Ибн Хаукалю, контаминируется с «пактиотами» «росов» (или только киевлян?), многочисленными «славиниями» (Константин Багрянородный, 1991. С. 45). Остается третья составная часть державы Игоря — «внешняя Росия», границы и статус которой четко не определены. Ясно только, что это не «славинии» и не Киев, а «крепости» росов (не славян), список которых возглавляет «Немогард» и куда, возможно, входят «Милински», «Телиуца», «Чернигога», «Вусеград» (Там же). Для Артании остается три варианта: какая-то часть «внешней Росии» (наиболее распространенная точка зрения в историографии проблемы), скорее всего, «Немогард», так как там Константин упоминает князя «Сфендослава, сына Ингора, архонта Росии». Не исключено и отождествление с другими областями, где (не по Константину VII, но по ПВЛ и договорам с греками) сидят русские князья или их «мужи» (например, Ростов).

Второй вариант — «легендарный». В отличие от В.Я. Петрухина (Петрухин, 1982), считавшего Артанию исключительно плодом литературно-фольклорного процесса, мы полагаем возможным на уровне очень осторожной гипотезы связать «Арсу» с мифической прародиной всех русов-скандинавов — страной Асов за «Танаквисле» (Доном)[131] и ее центром — Асгардом (Снорри Стурлусон, 1980. С. 11). Данное сообщение «Саги об Инглингах» может быть дальней реминисценцией лишь на державу готов со столицей в горах Крыма и навеяно теми же мотивами, что и упоминание Архейма на Днепре «Саги о Хервер и конунге Хейдреке» (Древнерусские города… 1987. С. 154–155). Упомянутый в этой саге Хлед, герой одноименной песни «Старшей Эдды», восходящей к эпохе «великого переселения народов» (IV–V в.), воевал в «Ессурских горах» с конунгом Хрейдготаланда Ангантюром (Старшая Эдда, 1975. С. 354–356). Сразу после гуннов упоминаются хредготы в «Видсиде» (Древнеанглийская поэзия. 1982. С. 17), а Тиодрик (Теодорих готский) на руническом Рекс ком камне IX в. называется «морским конунгом», правившим на берегу Хрейдмара. «Хрейд-море» иногда читается как «рейз-море» (Лебедев, 1985. С. 156; 1988. С. 95), а хредготы, соответственно, как «рейзготы» (hreid — «слава»), связывающиеся с «русью» в аспекте происхождения последнего названия (Будилович, 1890. С. 118–119; Васильевский, 1915. С. 272). Контакты готов при Эрманарихе, отрицательном герое германской средневековой поэзии, с росомонами (независимо от этнической природы последних) также можно поставить в зависимость с происхождением названия «русь» в зоне ранних гото-славяно-финно-иранских и иных контактов (Лебедев, 1988). Пожалуй, не следует далее вдаваться в лингвистические тонкости; нам хотелось только подчеркнуть возможную давнюю связь в германском эпическом

сознании слов-созвучий — более поздним Арсе (Арте) и Руси (Русь, Rws, Rup, Rhos), причем первая выступает как часть последней.

В свою очередь, именно в зоне достаточно стабильных скандинаво-русско-хазарских контактов, где в основном и получали информацию ал-Истахри и Ибн Хаукаль, и могла «родиться» отчасти легендарная, отчасти реальная Арса (Арта)[132].

В этой связи мы выдвигаем вариант интерпретации Арсы в качестве реальной прародины (или временного, но компактного места обитания) русов (не всех скандинавов и не обязательно только скандинавов) до включения их в процессы образования Древнерусского государства. Вероятно, решение этого вопроса связано с локализацией «острова русов» 1-й традиции восточных источников. Не углубляясь в эту проблему, не менее многозначную и запутанную, чем вопрос об Арте, позволим высказать только свое личное отношение к ней, не выдвигая новых концепций. Единственным соответствующим реалиям Восточной Европы середины и третьей четверти IX в. представляется, на наш взгляд, сопоставление «острова русов» (а в этой связи, возможно, и Арты) с волостью Ладоги, с будущим ярлством Альдейгьюборга[133]. Хотя название этого города имеет, по мнению большинства исследователей, финно-угорские корни, но его уже древнерусское название, появившееся не позднее 870 г. (Шрамм, 1994. С. 148), успело, вероятно, по очень давней концепции Френа, найти отражение в произведении ал-Масуди как один из русских племенных этнонимов («лудагана») (Коковцов, 1996. С. 622).

Наиболее последовательно, хотя и имплицитно, идея о соотнесении городской округи Ладоги с территорией первоначального расселения русов на севере Восточной Европы, в окружении болот и чуждого финно-угорского населения изложена у Г.С. Лебедева (Лебедев, 19856. С. 199–217). Она переплетается с толкованием топонима «Холмгард» как «Город на острове» (Там же. С. 219; Мельникова, 1977. С. 208; Андрощук, 1991). Последний, впрочем, отождествляет «остров» восточных источников не только с Поволховьем, но со всей той частью Восточной Европы, которая была освоена русью-скандинавами. Три же центра второй «восточной традиции» находятся внутри его и соотносятся, соответственно, с Поднепровьем, Поволховьем и Поволжьем (Андрощук, 1991а. С. 6).

Слабость нашей концепции в этом звене не в том, что Асгард и Архейм — плоды эпоса (они как раз могли иметь реальные соответствия), а Ладога — факт источников, а в том, что они находятся по разные стороны Восточной Европы — в «Понто-Каспийской» и «Циркумбалтийской» ее зонах (Лебедев, 1988). Последнее противоречие, впрочем, снимается, если убрать отождествление Арсании с «островом русов» как их общей прародиной. Как уже говорилось, у нас нет отдельной аргументированной точки зрения о местоположении и степени реальности указанного острова.

Типологически Русь конца IX — середины X в. наиболее близка, как уже отмечалось (Шинаков, 1993), территориально — (этно)политической структуре Первого Болгарского царства в VIII в. (до реформ Крума и Омуртага). В частности, бросается в глаза достаточно редкая деталь формы государственности: деление последней на «внутреннюю» (столица и ее округа) и «внешнюю землю»[134] (в том числе «славинии»). В последних было два уровня власти: «внешние бояре», назначаемые ханом (по крайней мере, с правления Крума), а также местные князья и старейшины-жупаны (История Болгарии, 1987. С. 56; Тыпкова-Заимова, 1991а. С. 138; Койчева, Кочев, 1991. С. 81, 86; Литаврин, Наумов, 1991. С. 238; Койчева, 1987. С. 152). Впрочем, «ярко выраженная дуалистическая структура» (Литаврин, Наумов, 1991. С. 238) присуща не только двухуровневой форме государственности, но и так называемым «полукочевым» государствам в целом, образованным путем завоевания (без последующего компромисса и договора, как в Болгарии и на Руси) чаще земледельческих, но всегда инородных областей, без сохранения их самоуправления. Это — корпоративно-эксплуататорская форма государственности, частным случаем которой можно считать «полукочевые государства», в том числе контактировавшие с Русью (или ее частями до образования единого государства): Аварский каганат и Венгерское объединение IX в.

Русь типологически ближе к Болгарии, хотя отличается от нее меньшей численностью членов «верхнего уровня» власти, его большей корпоративной сплоченностью и скорее социальной, чем этнической природой. Так, «рядовые» протоболгары «не принадлежали к привилегированному слою», в то время как славянская знать «нижнего уровня» пользовалась значительной независимостью и влиянием, хотя верховная власть традиционно сосредоточивалась лишь у протоболгарской аристократии. В этом аспекте Русь несколько ближе к Аварскому каганату, чем к Болгарии: в нем аварское ядро в целом составляло высший господствующий слой (см., например: Краткая история Болгарии, 1987. С. 44; Авенариус, 1991; Кланица, 1987). Дуализм власти, ее «двухуровневость» на Руси были подмечены по материалам археологии в известной теории конца 70-х и середины 80-х гг. XX в. «пар городов», альтернативной концепции их переноса. В соответствии с ней каждому наиболее значительному племенному граду, центру союза племен или княжества, противостоял, контролируя и град, и одновременно путь общегосударственного значения, а также сбор дани, опорный пункт формирующейся государственной (великокняжеской) власти (погост, дружинный лагерь) (Петрухин, Пушкина, 1979; Шинаков, 1987а, б; 1993в; 2008в; Леонтьев, 1986, 1988). Расстояние между двумя разнофункциональными предгородскими центрами (Мельникова, Петрухин, 1986а, б) определяется несколькими километрами, но политическая дистанция была огромной, зачастую непреодолимой. В настоящее время это противостояние центров двух

уровней власти можно определить «модным» термином «бинарная оппозиция» (Моця, 1995; Шинаков, 1997). Таким образом, не только концепция «двухуровневого государства» имеет археологическую поддержку, но и созданная в основном на материалах археологии теория «пар городов» получает обоснование на методологическом уровне.

Территориальное выражение характера взаимоотношений «верхнего» и «нижнего» уровней власти различается для Севера и Юга. Если первый как раз и характеризуется разветвленной сетью опорных пунктов «федеральной» власти (система «пар городов») (Мельникова, Петрухин, 1986а, б; Петрухин, 1987), внутри ячеек которой остаются племенные княжества, то на Юге создать такую систему территориального управления русы или не хотели, или не могли[135]. Здесь существует компактная «государственная территория» — гипотетичная «внутренняя Росия», образованная из бывших хазарских владений в славянских землях (Петрухин, 1989; 1995а, б), — будущий «домен» Рюриковичей, и полунезависимые «славинии», между которыми вдоль пути «Большого полюдья» располагаются «станы» русов (Рыбаков, 1979; Шинаков, 1986; 19876; 19906; 19986). Возможно использование в качестве пунктов «русской» государственной власти и «виков» на пути Киев — Болгар (Рыбаков, 1969; Моця, 1985; Моця, Халиков, 1989; 1997).

Форма правления

В связи со спецификой этапа развития государственности и состоянием источников в данный раздел нашей книги также отчасти включаются характеристики системы правления, политического режима, источников комплектования аппарата управления в целом и его взаимоотношений с верховным правителем и его родом.

Верхний уровень власти: «царь» (точнее, один из них) — лишь первый среди равных, напоминающий судью, военного вождя или атамана по характеру его отношений с «богатырями» (Ковалевский, 1956. С. 146).

Константин Багрянородный называет Игоря «архонтом», указывая в другом месте, что у «русов» таких архонтов несколько (Константин Багрянородный, 1991. С. 45, 51). Учитывая ту корректность, с которой этот автор обращается с терминами (особенно в том, что касается титулатуры правителей разного ранга), следует обратить внимание на то, что василевс-писатель понимает под титулом «архонт». Хотя Константин VII не дает никаких сведений о положении «архонта» конкретно у «росов», однако, поскольку этот титул не «туземный», как, например, эмир или хаган, а «ромейский», то возможно по аналогии выяснить причины его выбора для характеристики предводителя «росов». Сравним характер применения этого термина к правителям «сарацинов», армян, хорватов, сербов, венгров и Херсона (кроме того, он применялся и по отношению к некоторым должностным лицам

Империи). Во-первых, «архонт» выше «старцев-жупанов» славян и «воевод» венгров, но ниже королей (Константин Багрянородный, 1991. С. 119, 121, 131, 366), эмиров и хаганов (кроме одного случая, см.: Там же. С. 159). Кроме того, «архонты» — правители, либо недавно пришедшие к власти, либо лица, назначенные или выбранные (пусть даже из одного рода), но не получившие ее по наследству, как короли. Исключение составляют Ашот II Еркат, унаследовавший титул «архонта архонтов» от своего отца Смбата I, «архонт Моравии Сфендополк» и его старший сын «великий архонт», «архонты» Болгарии (в том числе и такой могущественный ее правитель, как Симеон), «катархонт» (халиф) «сарацинов» и «хаган — архонт хазар». В некоторых случаях «архонты» — это правители отдельных составных частей государств Армении, ломбардские герцоги. При описании Далмации Константин ставит знак равенства (в территориальном плане) между «славинией» и «архонтией», делящимися на «жупании» или воеводства. Однако не все «славинии» являются «архонтиями» по своему политическому устройству. Учитывая данные иных письменных источников о предводителях «росов», к ним с наибольшей долей вероятности можно отнести характеристику принципов прихода к власти, а значит, и политического статуса «архонтов» хорватов и венгров: «Тогда, после крещения, он (василевс Василий I. — *Е. Ш.*) поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и доныне архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного» (Там же. С. 115). См. также: «Его-то (Арпада. — *Е. Ш.*) они (венгры. — *Е. Ш.*) и сделали архонтом… До этого Арпада турки (венгры) никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Туркии из этого рода» (Там же. С. 161). Критериями выбора были не древность рода, а «разум, рассудительность, мужество, способность к власти» (Там же). Налицо и второе отличие. Если в этих случаях инициаторами «выборов» «архонтов» был император ромеев и хазарский хакан, то в случае с русами любое внешнее воздействие отсутствовало: «чудь», «словене и кривичи» пригласили в качестве правителей не конкретного князя или род, а «варягов-русь» в целом.

По фактическому (территориальному) положению «архонты» «Росии» равны королям, так как ей подчиняются несколько «славиний», в некоторых из которых могут быть и свои архонты (князья) или что-либо вроде «советов» жупанов — старейшин. Формально русский князь не имеет в глазах византийцев даже титула «архонта архонтов» (как ранее «глава глав» у славян), хотя в его подчинении и имеются несколько русских «светлых князей». Последнее говорит о том, что для русов его статус еще не слишком отличается от положения последних, а восточноевропейское государство во главе с «Росией» («Русью») не имело еще унитарного характера или даже устоявшегося федеративного устройства.

Исходя из преамбул к договорам 911 и 944 гг. (фактически только последнего из них) во главе этой «корпорации»[136] стоял определенный род, каждый из членов которого, включая женщин, имел своих представителей в посольствах и право на долю власти. Даже послы выступают в 911 и 944 гг. не от имени «земли» (страны или союза племен) или «княжения», а только «рода Русского» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 13, 18) и от отдельных его представителей, хотя в этих сообщениях «Русь» («Русская земля») уже упоминается. Вероятно, из членов этого рода происходили «князья, под Ольгом суще» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 12), и «светлые князи», «сидящие» не во главе племен, народов и княжений, а в городах, которые летописцем ретроспективно причислялись к первоначально русским, а не кривичским, мерянским и т. д.[1]

Существует точка зрения, что список «городов», издревле считавшихся «русскими» (Киев, Чернигов, Переславль, Полтеск, Ростов, Любеч), был вставлен в текст договора Олега с Византией только составителем ПВЛ (Lind, 1984. P. 362–370). Кроме князей, упоминаются в составе этой «военной касты» (Куник, Розен, 1878. С. 112) «светлые бояре» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 13), «главари», «военачальники» — с одной, и «отроки» («соумирающие» при смерти царя) — с другой, причем дружина русов (то есть, возможно, почти все из них)[137][138] состоит не только из «морской пехоты», как ранее, но также из конницы, чем приближается к «славянской». Имеются также и «гости» (Там же. Л. 18), входящие, судя по их роли в заключении договоров с Византией, в состав правящей верхушки русов (впрочем, роли купцов, дружинников и «администраторов» исполняли одни и те же люди, в зависимости от обстоятельств эти роли менявшие). Контент-анализ восточных источников дает математически четкую картину «перехода» части признаков, присущих «славянам» в 1-й традиции описания «русов» («остров русов»), на описания именно «русов» у авторов 2-й традиции («три вида русов») и Ибн Фадлана. Всего от авторов, описывающих реалии «русов» 40-х и 50-х гг. IX в., *у* Ибн Фадлана (922 г.) сохранилось 19 признаков из 84, от «славян» 1-й традиции описания к «русам» Ибн Фадлана перешло 13 признаков, особенно «бытовых», и появилось свыше 20 новых, ранее не присущих ни «славянам», ни «русам». Менялся, таким образом, скорее этнокультурный, чем социальный облик «русов». Впрочем, выбыл такой существенный «социальный» признак, относимый к функциям самообеспечения, как «грабеж иных народов в форме прямых набегов», и такой, характеризующий форму правления, как «знахари, стоящие над царем». Конечно, подобные различия возможны и в случае наличия различных источников информации у авторов различных традиций описания, однако в данном отношении точно датированное произведение Ибн Фадлана, безусловно, несет более поздний пласт информации о русах, чем у группы авторов, описывавших «остров русов».

В целом в системе организации управления налицо сочетание территориальных (в горизонтальном срезе) и социальных (в вертикальном) связей с родовым принципом подбора самого верхнего эшелона власти (князей).

Стадия развития родового принципа как механизма институционализации власти — ключевой пункт для определения тенденций политогенеза на Руси в середине X в. Либо это еще стремление к расширению своего рода, борьба за создание его монополии на власть (в данном случае, среди русов), либо уже стремление заменить родовой принцип на личностный, ограничить власть рода над государем (с помощью дружины или династических связей, например). С другой стороны, на данном этапе государствообразования («большой» переходный период между первобытностью и государственностью, точнее, между «вождествами» и ранним государством) существуют два главных типа отношений правителя и его рода при действии «родовых» механизмов. В первом случае правитель — игрушка в руках своего рода, как бы собственность последнего (например, Бенин, Хазария), во втором — даже члены его рода считаются, как и все остальные подданные, рабами правителя, только с высоким статусом (например, Асантаман).

Судя по синхростадиальным материалам типологически близкой Скандинавии, даже в эпоху викингов (как отражено, например, в «Гренландской песне об Атли») родовой принцип господствовал над семейно-личностным («братья ближе мужа») (Стеблин-Каменский, 1975. С. 898). Важнейшим (если не единственным) источником по данному вопросу для Руси является преамбула к договору 944 г. (статьи 907 и 911 гг. ограничиваются простым списком имен, не указывая степень родства или служебных отношений между скрывающимися под ними людьми, не говоря уже об указанных ранее сомнениях в достоверности договора 911 г.). Проанализируем его состав в дополнение собственных выводов 1990–1993 гг. и концепции Назаренко — Платоновой (1996–1997 гг.).

К роду Игоря, безусловно, относятся его сын Святослав, князь Новгородский, и два его племянника — Игорь и Акун. Княгиня Ольга, по старой традиции, никак не могла относиться к роду мужа, но в переговорах представлена особым послом. Что касается Пред славы, то, с учетом отсутствия указаний на ее мужа, она, скорее всего, должна относиться к роду Игоря, будучи либо его сестрой, либо его дочерью. Наибольший интерес и основу для анализа дает сочетание «Шихберн [посол] Сфандры, жены Улеба» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 11). Отметим сходство этого имени со скандинавской транскрипцией имени легендарной жены Рюрика Ефанды (Татищев, 1962. С. ПО) — Сфанда (Беляев, 1929. С. 263–264). Сам Улеб, в отличие, скажем, от Игоря, не фигурирует как отдельный субъект «свещания». Вариантов объяснения имеется два.

Вариант 1. Абсолютно строгое соблюдение родового принципа (в этом случае — Сфандра). Родственница Игоря, даже выйдя замуж, остается членом великокняжеского рода и имеет право на свое отдельное представительство во внешнеполитических акциях. В этом случае и все остальные лица, имеющие отдельных послов — Владислав, Турд (Турдуев), Фаст, Сфирка, Тудк, еще один Турд, Евлиск, Войк (Иков), Аминд (Амунд), Берн, Гунар, Алдан, Ютек, Етон, Гуда, Уто (Ото), всего 17 имен — могли быть не просто *русскими* князьями, но и относиться к одному, имеющему право на власть над Росией (но не славиниями) роду, даже женщины которого юридически сопричастны власти. Вроде бы в пользу этого говорит отсутствие в списке таких, безусловно, занимавших высокие посты и известных личностей, как воеводы Свенельд и Асмуд. Странно, однако, что ни одно из этих княжеских (предположительно) имен не упоминается позднее (лишь Турд имеет некоторое соответствие в топонимике). Нельзя, впрочем, со стопроцентной гарантией отрицать, что в некоторых случаях антропонимические пары составлены не из имени посла и представляемого им князя, а из имени и отчества (скажем, не князей, купцов или послов, а наиболее знатных и лучших «мужей», бояр, упомянутых по титулу в тексте договора).

Вариант 2. Сфандра представлена отдельным послом в связи с отсутствием ее мужа. Она не названа вдовой, значит, ее муж был жив в момент отправки послов (или так о нем думали) и имел право на представительство, то есть княжеский титул. В 944 г. такая судьба, как мы уже говорили ранее, могла постигнуть участников Каспийского похода на Бердаа, поголовно (по Ибн Мискавейху) уничтоженных на обратном пути хазарами (Ибн Мискавейх, 1970. С. 71). К моменту отсылки послов о печальной судьбе участников похода и его главы в Киеве могли еще и не знать, в связи с чем права Улеба временно перешли на его жену. В последнем случае именно этот князь может гипотетически скрываться под «Х-л-гу» «Документа Шехтера». Впрочем, переводом хазарского слова «HLGW» может быть не только Олег (Хельги), Улеб, но и Олав.

При любом варианте отметим безусловное наличие (или усиление) брачно-семейного фактора, используемого примерно в то же время Харальдом Прекрасноволосым в качестве одного из механизмов[139] объединения Норвегии. Он «выдавал большинство своих дочерей за своих ярлов внутри страны» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 66), судя по всему, не для увеличения могущества и численности своего рода (в этом случае, наоборот, он бы брал замуж за себя и своих сыновей дочерей местной знати), а для их ослабления. Укрепление личной преданности должностных лиц и местной аристократии конунгу достигалось посредством установления брачно-династических связей и создания многих новых «колен». Последнее положение доказывается характером действий конунга во время конфликта собственных

сыновей с местной знатью: «Сыновьям Харальда казалось, что ярлы — ниже их по рождению… но когда его сыновья убили ярла Регнвальда и захватили его земли, Харальд пошел против них и восстановил сына ярла на престоле… отдав за него дочь» (Там же. С. 58).

Возможно, на Руси мы имеем дело с аналогичным обновлением рода за счет брачных «контрактов» дочерей и сестер великого князя Игоря, что фактически должно было вести к замене родового принципа династическим. Отсюда, возможно, и наделение женской части княжеского рода правоспособностью в политических актах и торговых сделках. Вероятно, именно с этим женско-родовым вопросом связаны и летописные эпизоды сватовства древлянского князя Мала к Ольге, и явно выраженное стремление последней породниться с византийским правящим домом, отраженное в ПВЛ прямо, но как бы «от обратного» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17 об.), а косвенно — в главе 13 политического наставления Константина VII, доказывающего пагубность для власти василевсов подобного рода прецедентов (Константин Багрянородный, 1991. С. 56–66). Схожая ситуация существовала и на противоположной от Скандинавии сфере контактов Древней Руси, имеющей с ней типологическое сходство в иных аспектах — в Болгарии. Аристократические роды здесь также были открытыми для наиболее выдающихся по личным качествам представителей непривилегированных протоболгар, а позднее — и славян.

Стимулировались эти процессы соперничеством между тремя родами за верховную власть (Койчева, 1987. С. 152). Тенденция же к сокращению собственного рода, уничтожению или урезанию его привилегий перед лицом государя и остальных его подданных могла проявиться лишь после ликвидации межродового соперничества и закрепления монополии власти лишь за одним родом. Так, жесткие меры Харальда Прекрасноволосого против своих же ближайших родственников совпали с монополизацией только его родом власти в Норвегии (Снорри Стурлусон, 1980. С. 66). На Руси фиксируется как изначально легитимная лишь одна династия, хотя есть намеки на существование параллельных ей княжеских линий (Олег, до него — Аскольд и Дир, после него — Рогволод). Наличие двух равноправных княжеских «русских» родов (в Киеве и Чернигове) признают в настоящее время В. Зоценко, Ю. Шевченко, Т. Новик. При этом имеются в виду лишь «русские князья», то есть верхний уровень власти, без «туземных» княжеских династий в «славиниях».

Для «нижнего уровня» говорится и о «нарочитых мужах», и о князьях (ПСРЛ. Т. 2. Л. 22), неясно только, идет речь об иерархии нескольких одновременных князей или о том, что ко времени Мала на престоле уже побывало несколько их поколений. Непонятно также, принадлежали ли они к одному роду, передававшему власть по наследству, а князья выбирались всеми древлянами или же их «лучшими мужами». Ясно, однако, что отношения князей с «лучшими

мужами» да и всей «Деревской землей» еще достаточно «идиллические»[140]; таким образом, и княжеская власть, и аристократия занимали свою ячейку в системе управления, а в самой этой системе еще преобладали «общественные» функции. Это характерно для этапа «вождеств».

Ибн Фадлан существенно дополнил бы данную картину, однозначно свидетельствуя в пользу наследственности «царской» власти у «славян», однако в его «ас-сакалиба» следует, по всей видимости, видеть не восточных славян, а волжских болгар. Это подтверждают и «рабство у хазар», и верховая езда, и, наконец, самое главное — желание принять ислам, реализованное этим народом именно в начале X в. Для Ибн Фадлана, который перед ответственной поездкой мог изучить все имеющиеся в его распоряжении данные по болгарам, — в том числе, вероятно, и византийские источники, описывающие дунайских болгар, — они и должны были представляться одним из славянских племен. Для византийцев X в. болгары — уже безусловно славяне. Со времени ал-Масуди начинают видеть в болгарах славян и восточные авторы (Marquart, 1903. P. 342). Однако при желании можно предложить и иной вариант объяснения. Под «славянами» Ибн Фадлана имеются в виду племенные союзы ромейской культуры (северяне, вятичи, возможно — радимичи), граничащие со степью и болгарами. В конце IX — начале X в. они освободились из-под власти хазар (точнее, были «освобождены» русами и печенегами) и попали под номинальную власть русов (Киева). К первой половине и середине X в. относятся признаки городо—, классо— и государствообразования в наиболее развитых частях этой территории (прежде всего у северян: Куза, 1981. С. 38; Шинаков, Григорьев, 1990; Шинаков, 1996. С. 82). В этой ситуации представляется вполне естественным обращение верхушки формирующегося государства за помощью и против русов, и против печенегов к мусульманам через волжских болгар, родственники которых жили в ромейской лесостепи.

Функции аппарата управления «верхнего» и «нижнего» уровней, Источники и способы получения средств обеспечения правящего слоя

Зафиксированные в источниках функции государства, характер доходов правящей верхушки, способы их получения и распределения могут косвенно свидетельствовать об уровне и форме государственности.

Теоретически для этапа «вождеств» характерны отношения реципрокности — добровольного отчуждения части избыточного продукта в пользу аппарата управления в обмен на выполнение последним «общенародных функций». Очевидно, что эти положения в полном объеме можно отнести лишь к связям «государство — общество» внутри «нижнего уровня» государственности. Конкретные функции «нижнего» уровня власти можно реконструировать лишь

предположительно, допустив вероятность сохранения судебной власти, о которой свидетельствовали более ранние источники, и обороны территории того или иного протогосударственного образования. Для Новгорода они дополнялись и обеспечением Днепровского пути с выходом к Византии (точнее, обеспечением участия словенского «купечества» в торговых операциях, находящихся уже в руках «руси»). Все эти функции относятся к разряду «общественных» или «общенародных». Для внутренних функций аппарата управления «Росии» можно отметить организацию получения избыточного продукта в пользу всех «русов» как путем сбора дани с зависимых «славиний», так и ее реализации на рынках Византии, а также организацию в интересах и при помощи «всех росов» массовых походов многих народов Восточной Европы на Византию с целью получения единовременной дани-откупа или контрибуции, а также и заключения выгодных (в первую очередь, для «руси») торговых договоров[141].

Важным элементом этой политики был наем варяжских отрядов, что предполагало обеспечение хороших отношений со Скандинавскими странами. Судебная функция князя и органов власти вообще, вероятно, была минимальной, так как отношения между русами («русинами») еще в начале XI в. (по крайней мере, до издания «Правды Ярослава») регулировались «обычным правом» — «Законом Русским» (Свердлов, 1988. С. 10–11). Функция самообеспечения внутри «корпорации» русов также была сведена к минимуму: князья и другие «должностные лица» имели право на определенную долю и от дани, и от торговли, и от добычи — на основе, скорее всего, частного права, как любой член «корпорации» русов (естественно, размер доли был разным). Остальные функции по отношению к русам можно отнести к «общественным» или «общенародным», однако со стороны «нижнего» уровня государственности («славянского», за исключением, возможно, правящей элиты Новгородской республики) они явно воспринимались как «самообеспечивающие». Возможно, конечно, что правящие слои[142] некоторых «славиний» и Новгорода получали свою долю от грабежа Византии (иначе трудно объяснить участие в походах «племен», руси не подвластных ни по каким источникам: хорватов, тиверцев, скорее всего, и дулебов)[143], однако о размерах этой доли не упоминается.

Кроме того, функции аппарата управления русов, да и всех русов, по отношению к «нижнему» уровню власти могли заключаться в помощи сбора дани этим уровнем власти, значительная часть которой могла на нем и «задерживаться», не переходя выше руси. Сохранение местных властей облегчало для русов выполнение этой функции, лишая их в то же время реального контроля за размерами дани, собранной местными князьями (или иными органами управления) якобы только для удовлетворения аппетитов руси. Мечи русов или даже их появление заставляли покориться строптивых неплательщиков, а наиболее закоренелые могли просто уничтожаться или высылаться.

Кандидатуры этих «закоренелых» назывались, вероятно, именно местными властями, которые таким путем, с помощью русов, упрочивали собственную власть. В этом плане, обеспечивая наиболее успешное выполнение своей функции самообеспечения, русы для «нижнего» уровня власти осуществляли классово-сословную[144] (и даже, в какой-то степени, общественную) функцию, способствуя укреплению системы управления отдельных потестарно-политических образований Восточной Европы.

Конкретизация этих положений по материалам источников дает нам следующую картину. Функции госаппарата у русов, по данным восточных авторов, остаются прежними, с некоторым смещением их соотношения внутри группы «общественных» (или «самообеспечения», в зависимости от того, как расценивать русов — как народ или социальную группу, о чем только по данным источников 1-й и 2-й традиций описания сказать невозможно). Увеличился удельный вес организации внешней торговли в ущерб грабежу иных народов (и в форме пиратства, и в форме сбора дани-откупа или контрибуции). Изменились и объекты нападений и получения «дани» — вместо «славян» им стал в основном «Рум» (Византия). Все это полностью подтверждается ПВЛ и византийскими источниками. В частности, в отношениях варягов-руси и славян вместо старой формулы «грабитель — подвергающийся ограблению» стали преобладать разного рода государственно-договорные отношения, установленные (по крайней мере, по данным ПВЛ) мирным, добровольным путем. Для византийцев этого времени или нет различия между русью и славянами, или в походах на «Рум» тогда действительно участвовали только русы.

В структуре гипотетичной славяно-финской «Северной конфедерации», судя по ПВЛ, предводители русов получают судебную функцию, то есть замещают одну из важнейших, если не важнейшую, должностную обязанность славянского «главы глав», «царя» 1-й традиции восточных источников. Второй важной функцией новых органов управления (руси в целом) было установление и поддержание кратчайшего пути в Византию. Именно таковым было задание отряда Аскольда и Дира (или только Аскольда, если Дир действительно правил раньше), а захват маленького «градка» Киева был их самодеятельностью.

Типологические аналогии как функциям «верхнего» («федерального», по современной терминологии) уровня власти, так и источникам и направлениям распределения ее доходов, в аспекте взаимодействия с «обществом», дает синхростадиальная и сходная в плане тенденций и направлений развития Скандинавия. Не только для легендарных Инглингов, но и вполне реального конунга Норвегии эпохи викингов Хальфдана Черного выделяется как главная их сакральная функция (Снорри Стурлусон, 1980. С. 34, 42). Начиная с этого же конунга подчеркивается все возрастающая судебная функция

монархической власти. Конунг становится не только гарантом и инструментом (через своих должностных лиц) исполнения законов, но и отчасти их источником[145].

Во время расцвета эпохи викингов (Хальфдан умер в 860 г., см.: Лебедев, 19856. С. 98), то есть «большого переходного периода» от «вождеств» к раннему государству, судебная функция сочетает в себе еще черты реципрокности («соблюдал их сам») и нарождающееся отражение интересов господствующих в обществе страт[146].

Начиная с Хальфдана, но особенно при его преемниках Харальде Прекрасноволосом и Хаконе Добром, как одна из основных обязанностей (и прав) верховного конунга страны упоминается сбор дани (податей, выкупов) (Снорри Стурлусон, 1980. С. 39, 44, 71 и др.). Сбор дани воспринимается не только как источник доходов конунга и его людей, но и как один из механизмов объединения страны посредством повышения материальной заинтересованности местной знати в этом процессе[147].

Надо, впрочем, сказать, что в этих (судебной и фискальной) сферах управления Норвегия, судя по сагам, немного опережала Швецию и отчасти (до Харальда Синезубого, то есть до середины X в.) Данию. Однако исследователи скандинавского раннесредневекового общества рисуют его не столь развитым, как представляется по «королевским сагам». Так, А.Р. Корсунский считает короля подсудным тингу до XII в., А.Я. Гуревич отмечает, что областные законы, составленные по указаниям норвежских королей второй половины XI–XII в., были в основном памятниками обычного права, обязательного для всего населения страны, независимо от статуса. «Короли не являлись их авторами… Записи, по-видимому, были произведены по инициативе королевской власти, но по своему содержанию отражают преимущественно именно старинную народную, обычно-правовую традицию…» (Гуревич, 1977. С. 16).

Независимо от причин «модернизации» скандинавского общества в «королевских сагах»[148] по сравнению с правовыми документами можно констатировать, вероятно, опережающее развитие судебно-фискальной практики (отраженной в сагах) по сравнению с ее текстуально-юридическим оформлением.

Ретроспективно желательные для «общества» функции государства были очерчены Торгниром в речи против конунга Олава в Уппсале. Это увеличение государства за счет чужих земель, «обязанных данью», и их последующая «защита» как «своих»; конкретно для шведов желательное направление экспансии определялось как «те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои (Олава Шетконунга) родичи и предки» (начиная от Бьерна (Эйриксона), ум. в 930 г.) (Джаксон, 1994. С. 73). Эта функция — объединение своих земель и завоевание чужих — действительно, за некоторыми исключениями (конунги Бирки и Уппсалы Олав и Эйрик в 50-х гг. IX в.),

становится для скандинавских правителей главной лишь с конца IX в. «Ранняя же эпоха викингов (793–891 гг.) характеризуется низкой активностью скандинавских конунгов» (Материалы… 1985. С. 95). Подтверждением правильности выбранной аналогии является апологетизирование автором так называемого «Введения к НПЛ» «древних князей» именно за такого же рода деятельность (НПЛ. Л. 11 об.). В последнем случае функции князя и дружины прямо увязаны с источниками их обеспечения.

С учетом синхростадиальности развития Руси и Скандинавии в «варварскую» эпоху и сходства «политической культуры» можно, вероятно, контаминировать «скандинавский» набор функций и источников получения избыточного продукта и с «верхним» уровнем древнерусской государственности конца IX — середины X в. Однако, в отличие от Скандинавии, в источниках по Древней Руси явно отсутствуют сведения о кормлениях правителя и его окружения за счет собственных «усадеб» и «пиров» или за счет местных жителей (см., например, «Сагу об Инглингах»: Снорри Стурлусон, 1980. С. 30, 82). На Руси «круговой объезд» («полюдье») носил первоначально несколько иной, отнюдь не сакральноинтеграционный характер. Он имел, скорее всего, функцию «самообеспечения» власти и подтверждения ее насильственно установленных «прав». «Всегда 100–200 из них (русов) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся» (Новосельцев, 1965. С. 400). Эти сведения Гардизи, которые, как уже говорилось, относятся к «завершению» списка авторов 1-й традиции, вероятно, можно отнести ко второй половине IX — началу X в. Сам характер получения избыточного продукта оказывается где-то между грабежом чужого народа и сбором податей-налогов со «своего»[149], он типологически отличается, но, вероятно, синхростадиален пирам скандинавских конунгов у «своих» подданных. Одновременно у того же автора бросается в глаза еще одна специфически «русская» (для стадии «варварства», конкретных регионов и времени) статья «государственных» доходов: торговые сборы («их царь взимает с торговли», см.: Там же).

Особая роль международной торговли в качестве одного из главных, если вообще не ведущего и даже единственного, факторов становления и первоначального развития Древнерусского государства давно стала общим местом историографии, особенно зарубежной. Именно «монетарность» экономики считается (а данными археологии и нумизматики вроде бы подтверждается) той особенностью, которая сближала Русь с Византией и отделяла ее от «классической» (позднекаролингской) Западной Европы (Вернадский, 1996. С. 15).

Хотя характеристика Византии того времени как страны «с развитой торговлей и прибыльными ремеслами… выгодно выделяющейся на фоне аграрной и феодальной Европы» (Там же), не

полностью, как показывают исследования некоторых советских византинистов (например: Курбатов, 1988), соответствует истине.

Не с внутренней экономической потребностью, а с торговлей на дальних зарубежных рынках связан такой источник обогащения «верхнего» уровня власти в целом, то есть «корпорации русь», как рабство (особенно высока была продажная стоимость некоторых рабынь на Востоке, в то время как в «Циркумбалтийском регионе» дороже стоил раб)[150]. В связи с этим очевидно, что при невозможности использовать в крупном землевладении свободных общинников (аллода, как на Западе, не было) и невыгодности «наймитов», оно в зоне подобной торговли могло получить развитие лишь в результате нарушения традиционных связей или перенасыщения рынка рабов в Византии и на Востоке. Другим фактором, ограничивавшим работорговлю, могло стать воздействие христианской идеологии.

Купцы составляли часть «корпорации русь», и если они и не были причастны к управленческим функциям «верхнего» уровня власти, то, как говорят договоры с греками, пользовались его финансово-торговыми привилегиями. Отношения этой части господствующей (но не обязательно правящей) верхушки Древней Руси с князем реконструируются не по отечественным, но по восточным (Ибн Фадлан) и скандинавским источникам («Сага об Олаве Святом»). Первые свидетельствуют о ранговой стратификации участников торговых предприятий русов, наличии в их среде как «знати», с одной стороны, так «девушек» и «рабов» — с другой. При этом можно говорить об известном демократизме отношений между этими категориями при жизни («собираются... в одном большом доме»), но очень четкой дифференциации погребальных обрядов по знатности и богатству (Ковалевский, 1956). Конунги также участвуют в международной торговле, но как частные, хотя и высокопоставленные, лица, вступая в купеческие «товарищества»[151]. «И когда Гудлейк пришел к нему, говорит ему конунг, что он хочет вступить с ним в товарищество, попросил его купить себе те ценные вещи, которые трудно достать, там в стране» (Древнерусские города, 1987. С. 71). Цель торговых сделок — предметы «престижного потребления». В данном случае речь идет о короле Норвегии и его участии в торговле по «Восточному пути» с Хольмгардом и Гардариками в целом. Можно предположить, что такой же характер носило участие правителей в торговле русов с «Румом, Хазараном и Булкаром» (Новосельцев, 1965. С. 397, 399), отмеченное, кстати, в договорах руси с греками.

Очевидное отличие, отмеченное Гардизи, — получение «царями» русов доходов и с чужой торговли, заимствованное, вероятно, у правителей Византии или, скорее всего, Хазарского каганата (Там же. С. 387). Еще одно отличие, косвенно фиксируемое данными о «полюдье» у Константина Багрянородного, — это реализация его («полюдья») вещественных результатов ежегодно на рынках Византии

(вероятно, и Востока). Может быть, именно возможность сбыта продуктов, полученных в лесах Восточной Европы, в «Каспийско-Понтийском» регионе, послужила главным стимулом изменения экономического содержания данного процесса. По более, вероятно, ранним данным Гардизи, «русы» брали у «славян» лишь на свое содержание. Здесь мы сталкиваемся с двумя видами источников получения избыточного продукта правящей верхушкой русов и всей их «корпорацией». Один из них, в свете гипотезы «двухуровневости», можно отнести к эндоэксплуатации, другой (в широком смысле, то есть что источники дохода находятся за рубежами данного потестарно-политического организма) — к экзоэксплуатации. И «полюдье», и международная торговля — две стороны одного взаимосвязанного процесса эксплуатации населения «верхним» уровнем власти формирующегося государства. Процесс этот одновременно относится к сфере и функций «государства», и его взаимоотношений с «обществом».

В отношении «полюдья» в последнее время появилась тенденция считать его не просто способом сбора дани, а достаточно универсальным для определенной стадии («раннегосударственной», см.: Кобищанов, 1995) политогенеза механизмом реализации властных функций государства, как бы подтверждением его сакральных связей с «обществом» (Ю.М. Кобищанов, Л.В. Данилова, И.Я. Фроянов). По определению Л.В. Даниловой, в частности, русское «полюдье» напоминает стадиально чуть более позднюю вейцлу — королевское «кормление» (Гуревич, 1977. С. 148), восходящее к поездкам по пирам в своих общинах (Там же. С. 6; Данилова, 1994. С. 180). У Ю.М. Кобищанова «полюдье» как универсально-стадиальное явление считается полифункциональным. За это его критикует И.Я. Фроянов, выделяя в «полюдье» главную, по его мнению, сторону — ритуально-магическую (Фроянов, 1996. С. 479). В этом отношении исследователь считает возможным четко отделять для Руси «полюдье», как механизм сакральной интеграции «своих», от дани. Последняя взимается с «чужих» не столько из экономических соображений, сколько в целях регулярно повторяемого напоминания и подтверждения идеологически-сакральными средствами права на господство над теми, кто дань платит (Фроянов, 1996. С. 501, 802).

Идея разделения эксплуатации на «эндо» и «экзо» не нова, она неоднократно постулировалась в позднесоветской этнографии. Что же касается ее конкретного применения к такому чисто русскому явлению, как «полюдье» (недаром Константин VII, наряду с весьма неадекватным переводом «кружение», приводит и славянскую транскрипцию «полюдия»: Константин Багрянородный, 1991. С. 51), то оно весьма спорно. Во-первых, вряд ли правомерно отождествлять действительно носящее сакральный оттенок описание «поборов» славянского «главы глав» со своего населения у авторов 1-й традиции восточных

источников и фиксируемое на 100 лет позже «полюдье», осуществляемое всеми русами. В качестве объекта «полюдья» выступают у Константина не они сами, а зависимые (союзные) от «Росии» «славинии» (Там же). Таким образом, здесь речь идет о явлениях двух разных уровней и систем отношений. Второе, скорее всего, восходит к упомянутому Гардизи ежегодному «кормлению» части русов в земле славян.

Что же касается гипотезы И.Я. Фроянова о том, что «полюдье» относилось лишь к «Росии» (то есть, в его понимании, к землям Полянской общины) и носило лишь ритуально-магический характер, а со «славинии» бралась дань, то она не находит подтверждения в источниках. Предположение о том, что Константин VII мог в данном случае смешать два разных явления (дань и «полюдье») (Фроянов, 1996. С. 486–487), вряд ли можно считать оправданным, исходя как из эрудиции автора трактата «Об управлении империей», так и характера самого произведения, способов и сроков получения информации. Вероятнее вообще отсутствие какой-либо эксплуатации внутри «Росии» (за исключением рабов, разумеется) и наличие коллективной эксплуатации всеми русами (включая, возможно, и интегрированных в их состав полян) «славинии» и отчасти «внешней Росии».

Другое дело, как уже говорилось ранее, теоретически «федеральная» дань (точнее, ссылка на нее) могла использоваться местной правящей верхушкой «славинии» для укрепления экономической базы своей власти. Это особенно существенно для «княжений» за пределами зоны «хазарской дани», где, возможно[152], отсутствовала до присоединения к Руси традиция регулярного отчуждения избыточного продукта в пользу своих князей.

Наличие последних в зоне «полюдья» (документально подтверждаемое, по крайней мере, для «вервианов», то есть древлян) снимает возможность существования управленческой, судебной и сакрально-интегративной роли «полюдья». В плане же чисто экономическом оно имеет двойственную природу: по отношению к «Росии» и «славиниям», взятым раздельно, оно является формой и механизмом экзоэксплуатации, а для «двухуровневого государства» в целом выступает как эндоэксплуатация. Если оперировать классификацией групп функций, то для русов «полюдье» выступает как реализация «общенародных» (экономических и интегративных) их проявлений, в плане же их отношений со «славиниями» его можно отнести к «самообеспечению» аппарата управления «верхнего» уровня, в аспекте предполагаемого стимулирования социально-дифференционных процессов внутри «славиний» — к нарождающимся функциям «классовой» группы.

Спорен вопрос об объектах и субъектах дани, особенно для «внешней Росии». Он базируется на летописном сообщении 882 г. о наложении Олегом (Игорем, по НПЛ) на гипотетичных членов бывшей

Новгородской (Северной) «конфедерации» дани в пользу варягов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 8–8 об.). Не исключено, что в трактовке этого пассажа более прав И.Я. Фроянов, считая, что дань платилась не «словенами, кривичами и мерей», а в их пользу от вновь покоренных земель Южной Руси (Фроянов, 1996. С. 371). Действительно, текст позволяет различные его чтения («и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривичем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира деля, еже не дають»; «и устави дани Словеном, Кривичом и Мери и (устава) Варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето мира деля еже до смерти Ярославле даяже Варягом» (Лаврентьевская летопись, с уточнением («устави») по Троицкому списку). В Ипатьевской летописи — то же самое, но глагол «устави» перед «Варягом» стоит однозначно, см.: ПСРЛ. Т. 2. Л. 9); «и устави дани словеном, и кривичом, и мерям, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еще и до смерти Ярославле дааша» (Радзивилловская летопись: ПСРЛ. Т. 38. Л. 11 об.). Налицо три трактовки:

1. Объединение словен и варягов в одну группу — получателей дани неизвестно от кого; выделение варягов, которым должны платить дань кривичи и меря, и Новгорода как плательщика фиксированного платежа (он же назван «данью»), причем, по контексту, не обязательно варягам (возможно, самому Олегу)

2. По неоткорректированному списку Лаврентьевской летописи объединяются в одну группу — скорее, получателей дани (от Новгорода) — все четыре этнонима

3. В остальных случаях четко отделяются варяги как получатели дани от Новгорода, от словен, кривичей и мери, которым (непонятно, с них или в их пользу) «установлена дань». Учитывая, что последняя трактовка доведена до логического завершения: варяги и Новгород, с одной стороны, словене, кривичи и меряне — с другой, разведены по разным предложениям в достоверно наиболее позднем «Летописце руских царей» (ПСРЛ. Т. 12. Л. 484), движение сюжета можно установить от НПЛ к нему

В этом случае наиболее ранней, хотя и не обязательно самой достоверной версией события является запись НПЛ. Вне зависимости от дискуссионной в источниковедении степени соотношения НПЛ и «Начального свода», уровня достоверности последнего в сравнении с ПВЛ, мы имеем перед собой эволюционный ряд вариантов изложения одного и того же факта. Дань платилась словенам и варягам, которые только что были отождествлены с «русью», пришедшей с Олегом в Киев (ПСРЛ. Т. 1. Л. 8; НПЛ. Л. 30). Новгород, наоборот, выступает исключительно как объект дани, что, возможно, связано с причинами ухода оттуда Олега «с русью» и переноса их столицы в Клев. Кривичи и меря (вероятно, за исключением «прочих» из них, вошедших в состав «руси» Олега) должны были платить дань (откуп) варягам Севера (не

исключено, что ладожским) взамен того содержания, которое раньше могло по «ряду» выплачиваться варягам-руси за защиту от диких варягов. В.Я. Петрухин вообще считает, что речь, собственно, идет не об установке дани «северным племенам» (не важно, им или от них), а о даче им «уставов», подтверждающих более древний «ряд» (Петрухин, 1995а. С. 92, 98), в соответствии с которыми и определяется размер дани.

Вряд ли, однако, мы (при отсутствии иных источников) можем превзойти летописцев конца XI — начала XII в., не очень четко воспринимавших и передававших в противоречии друг с другом события для них уже 200-летней давности. Можно с известной долей достоверности констатировать наличие привилегированного слоя — «руси» (варягов, словен и «прочих»)[153] — только получателей дани, Новгорода — только плательщика ее, и промежуточного слоя с неопределенным фискальным статусом у словен, кривичей и мери. Смоленские и полоцкие кривичи, безусловно, не участвовали в первоначальном ряде «руси» с родами некоторых северных племен, а были присоединены позже (и отчасти насильственно). Кривичи — по крайней мере, с центром в Смоленске (Милиниски) — наряду со «славиниями», являются объектом «полюдья» росов (Константин Багрянородный, 1991. С. 45, 51). Вероятно, эти «три племени» полностью или частично занимают в фискальном плане промежуточное положение между «Росией» и «славиниями», составляя так называемую «внешнюю Росию», то есть территорию тех племен, где, наряду с их племенными градами, находились и опорные пункты русских князей — погосты и летописные города Севера с закрепленной за ними данью (или «оброками»). Косвенно об этом промежуточном положении свидетельствует и легенда о дополнительной дани с Царьграда только для руси и словен, не равной по ценности для тех и других (парчовые и полотняные паруса) (НПЛ. Л. 81). Последнее, безусловно, нельзя отнести к другому концу процесса обогащения правящей верхушки, «корпорации» русов, — международной торговли и пиратских походов в Византию и на Восток.

Впрочем, и сами торговые договоры с Византией, как показывают исследования некоторых византинистов, навязывались ей (по крайней мере, до X в.) и скорее являлись одной из форм эксплуатации последней, наряду с данью, чем взаимовыгодным международным торговым сотрудничеством (Курбатов, 1988. С. 226–228).

Массовые грабительские (не завоевательные) походы, возглавляемые (или инспирируемые) центральной властью, присущи как раз переходному между этапами «вождеств» и «ранних государств» периоду, например, «эпохе викингов» в Северной Европе, особенно ее первой половине. Данный факт косвенно подтверждает отнесение нами «двухуровневого государства» на Руси именно к этому этапу государство-образования. Главный и принципиальный вопрос в

этом аспекте — распределение полученной добычи или дани («откупов», «контрибуций»). Частные вопросы — достоверность и масштабы конкретных походов, степень регулярности дани, соотношение южного и восточного направлений военно-торговой экспансии.

В походах участвовала прежде всего «русь», в состав которой для ранних походов включались словене, варяги и поляне. Это — поход Игоря, датированный НПЛ 920 г., в ПВЛ — 941 г.; Аскольда и Дира — 866 г. по ПВЛ (в Никоновской летописи при «Михаиле и Василии»); не датированное, но, судя по описанию, взятое из византийско-болгарских источников нападение 860 г. (при Михаиле и Фотии); поход на Константинополь тех же Аскольда и Дира при Василии, закончившийся неудачей, миром и принятием русами христианства (Никоновская летопись). О том, что под термином «русь» скрываются именно эти (или их часть) составляющие, косвенно свидетельствуют данные о «реабилитационном» походе (Олега — в 922 г., по НПЛ; Игоря — в 944 г., по ПВЛ). В первом варианте среди участников упоминаются «вой многы» — варяги, поляне, кривичи, а особую дань (тканями) получали до этого не названная «русь» и словене. В статью 944 г. русь уже вставлена между варягами и полянами. В переданной здесь же болгарской версии похода термин «русь» охватывает всех вышеназванных участников (включая новый, по сравнению с НПЛ, элемент — тиверцев), за исключением наемных печенегов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 10 об.).

Для статьи 922 г. было бы непонятно отсутствие «руси» среди участников похода и ее неожиданное появление на первом месте при распределении добычи, если бы не сопоставление с описанием похода 866–867 гг. Аскольда и Дира, по Никоновской летописи. На Царьград «пошла» только «русь», ее же много и погибло во время бури, а в Киев вернулось «малое количество дружины» (Материалы… 1985. С. 283). «Русь» здесь прямо отождествляется с дружиной (тем более и кораблей было всего 200), то есть на первое место ставится социальный аспект. Когда же говорится о больших походах, с 10 000[154] или «бещисла» кораблей, то «русь» упоминается или как собирательное название (941 г.), политоним, или берется этнический аспект этого термина и перечисляются выходцы из племен, его составляющих («Варяги и Словене» в статье 907 г., по ПВЛ).

В любом случае торговые привилегии получает только «русь», на ее же долю приходится и лучшая часть дани. Второе место занимают то варяги, то словене, то поляне, иногда — кривичи. Далее идут «южные» племена, полностью (за исключением полян и тиверцев) упомянутые лишь в статье 907 г. (по ПВЛ). Но даже если летописец перечислил реальных участников похода, а не добавил древлян, радимичей, северян, вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев «для полноты картины»[155], взяв их из перечня «славянских языков» на Руси[156], то ПВЛ

прямо не упоминает о получении ими хотя бы части дани, не говоря уже об участии в торговом договоре.

В статье 921–922 гг. НПЛ есть еще одно отличие, более существенное для ответа на главный вопрос данного раздела, от, очевидно, имевшей в виду то же событие статьи 907 г. ПВЛ. «И заповеда Олег дань даяти на 100–200 („сто“) корабль, по 12 гривен на человек, а в корабле по 40 муж» (НПЛ. Л. 31). Для перечня участников похода по «Начальному своду» — варяги, поляне, словене, кривичи (скорее всего, выходцы на числа последних), делящиеся на группы по качеству добычи, — число кораблей и дань вполне реальны. Для огромного и пестрого по составу войска Олега по статье 907 г. было изменено и число кораблей — 2000, при сохранении старого указания на размеры их экипажей; если добавить к этому указание, что часть войска передвигалась на конях (ПСРЛ. Т. 1. Л. 14 об.) (НПЛ об этом не упоминает), то мы получаем гигантскую численность войска, масштабы похода и полученной (во всяком случае, «заповеданной») дани-контрибуции (минимум 960 000 гривен). Для сравнения: в нападении на Париж в 846 г. участвовало 120 кораблей такого же «класса», на Севилью годом раньше — около 100 драккаров (кстати, 30 из них было сожжено маврами) (по ал-Якуби, см.: Минорский, 1964. С. 24), в 859–861 гг. Бьерн Железнобокий обошелся 62 кораблями для опустошения части Испании, Марокко, Южной Франции, Италии, Греции (Гуревич, 1966. С. 228, 248). Напавший в том же году на Царьград флот Аскольда и Дира (?) насчитывал 200 судов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7 об.), если совместить данные ПВЛ, патриарха Фотия и других византийских авторов. Выкуп с Парижа в 846 г. насчитывал 7000 фунтов, с Англии после сражения при Мэлдоне в 991 г. — 22 000 (Гуревич, 1966. С. 118). При любом размере гривны — 68 граммов, как в год описываемых событий; 81 или 51 грамм, как при внесении записи в ПВЛ, или 200 граммов при ее редактировании и переписывании, — размер гипотетического выкупа с Константинополя, тогда еще только вступившего в пору своего второго подъема, в десятки раз превышает суммы выкупных платежей с Парижа и Англии, что мало реально. Возможен компромиссный вариант решения вопроса и о масштабах похода, и о его экономических результатах. В нем могли участвовать конные дружины племен Юга, прошедшие через Болгарию либо по договоренности с Симеоном, либо вместе с его войсками (например, 897, 904 или 912 гг.). Возможен и флот однодеревок-моноксилов для части словен и кривичей (по НПЛ), чуди и мери (по ПВЛ), — отсюда и число 2000 «кораблей». Но дань-контрибуция давалась только «морской» части войска, на 100–200 судов большей, в сравнении с драккарами и морскими лодьями, вместимости (по 40 человек). Возможен, хотя и более гипотетичен, такой вариант: 100 кораблей принадлежали тем варягам и выходцам из словен, полян и кривичей, которые входили в состав дружины руси, а 200 лодий — словенскому (новгородскому, «внешнеросскому» в целом)

«лейдунгу». Тогда все становится на свои места, и, не меняя ни слова ни в одной из статей, возможно если не примирить, то объяснить содержащиеся в них очевидные противоречия, привести в соответствие с реальностью размер единовременной дани-контрибуции (или «откупа») с Византии: от 48 000 до 144 000 гривен, поступивших почти полностью в распоряжение «государственной» дружины-«руси», городов «внутренней» и «внешней Росии» и (или) их князей из правящего рода (родов), а также отчасти словен и тех кривичей, которые, очевидно, имели с русью особые (договорные) отношения. Отдельной «статьей» в некоторых походах (например, 944 г.) проходят варяги, в состав руси не входившие. Они есть, например, в походе 907 г., но там не упоминается русь, а последняя присутствует в статье 941 г., но без варягов. Добавим к единовременным даням-контрибуциям, «подаркам» и добыче более или менее регулярную дань-«откуп» (включая сюда, вероятно, «слюдное» и «месячину» русским послам и купцам, их дорожное довольствие и снаряжение за счет византийской казны). В договоре 907 г. (922 г., по НПЛ), кроме разовой дани из расчета количества кораблей и «подарков» лично Олегу, предусматривались постоянные выплаты. «И возложи дань, юже дают и доселе князем руским» (НПЛ. Л. 31). В ПВЛ конкретизируется форма уплаты дани: «И потом даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киев да на Чернигов и Переславль, и на Полтеск, на Ростов, и на Любеч и на прочие города… по тем бо городам сидяху велиции князи под Олгом суще» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 16 об.). Возможно, спорен по составу и происхождению список городов — получателей «укладов», но сам принцип распределения дани вполне согласуется с делением государства на «Росию» и «внешнюю Росию» и с системой управления через города — опорные пункты власти русских князей на некоторых землях. Симптоматично отсутствие Новгорода в этом списке, что стыкуется с противопоставлением руси и словен в конце этой же статьи. С учетом, вероятно, очень ограниченного числа «потребителей» дани (несколько тысяч человек: 4000 участников морского похода — «руси», без словен, 922 г. по НПЛ, то есть 40 человек х 100 кораблей, плюс остававшиеся в Киеве и других городах князья, дружинники и купцы), она была одним из важнейших источников высокого уровня жизни «верхнего» уровня власти за счет «экзоэксплуатации». Еще один источник средств для ее военной части — коллективное наемничество у той же Византии и, возможно, Хазарии. Так, по «Документу Шехтера», «Роман злодей послал также большие дары Х-л-гу, царю Русии, и подстрекнул его на его (собственную) беду» к нападению на хазарский С-м-к-рай (Коковцов, 1996. С. 615). В свете задокументированного, но стадиально более позднего «государственного наемничества» Святослава у империи в борьбе с болгарами представляется отражением явления того же порядка сообщение Никоновской

летописи об убийстве болгарами (впрочем, неизвестно какими) «Аскольдова сына» (Материалы… 1985. С. 283).

Что касается Хазарии, то, не считая зафиксированного ал-Масуди «частного» наемничества русов и славян у ее «царя» (или хакана), существует точка зрения о действиях русов на Каспии, и, возможно, небескорыстных, не только со своими грабительскими целями, но и в интересах (по заданию) «третьих держав». Каких именно, мнения расходятся: Л.Н. Гумилев считает, что в интересах хазаро-мусульманской торговли, которой мешали еретики-дайлемиты (Гумилев, 1996. С. 242–243), А.П. Новосельцев (Новосельцев, 1997) и Т.М. Калинина (Калинина, 1997) — в пользу Византии и ее тогдашнего союзника Хазарии против мусульман; В.Я. Петрухин и И.Г. Коновалова делают упор на хазаро-мусульманское торговое соперничество на Каспии (Петрухин, 1995а. С. 93; Коновалова, 1997. С. 23–27).

Нельзя пройти и мимо отсутствия в русских летописях каких-либо упоминаний о походах на мусульманский Восток. Факт такой же труднообъяснимый, как и «роскошное» описание похода Олега на Царьград, абсолютно отсутствующее в византийско-болгарских источниках.

Одной из попыток решения указанной проблемы можно считать гипотетическое наличие бицентрализма в собственно «внутренней Росии». В восточной экспансии участвовала та ее часть (Чернигов — Шестовицы), которая тесно контактировала с Хазарией. «Хазарскому присутствию» во многом обязаны и противостояние между родами черниговских и киевских властителей второй половины IX — середины X в., а также автономные акции левобережных дружин русов. Анализ источников позволяет с полной уверенностью говорить об основании комплекса памятников Шестовиц под Черниговом участниками каспийских походов 60-х гг. IX в., 912–913 и 944 гг. Гибель дружинного поселения в Шестовицком урочище Коровель в 60-х гг. X в. тоже логически увязывается с хазарской войной и «имперской» политикой Святослава Игоревича (Зоценко, Моця, 1996. С. 3). Один из авторов данного категоричного высказывания (А.П. Моця) имеет более осторожную точку зрения в этом вопросе, хотя В.Я. Петрухин (Петрухин, 1998), отчасти Ф.А. Андрощук (Андрощук, 19956), но особенно Т.Г. Новик и Ю.Ю. Шевченко допускают «существование черниговских династов северо-западного происхождения, породнившихся с хазарской аристократией» (Материалы… 1995. С. 100). Соответственно, возможен раздел сфер «экзоэксплуатации» между двумя частями «Росии» (не считая региона Новгород — Ладога, возможно, с самостоятельными направлениями внешней экспансии). Гипотетически отсюда и могло произойти абсолютное умолчание киево-новгородскими летописцами деяний «черниговских династов» на Востоке, но непонятной остается забота владык Киева о Чернигове и его князьях при заключении договоров с Византией. В целом, несмотря

на единственную попытку объяснения «факта умолчания» летописью восточных походов, эта проблема остается.

Решение конкретного вопроса о датах и руководителях походов как частных проявлениях созданной русами на этапе «двухуровневого государства» системы «экзоэксплуатации» не является принципиально важным для анализа ее сути и элементов. С другой стороны, автор не может полностью устраниться от этой темы, ставшей вновь актуальной в современной историографии, особенно в связи с новым введением в научный оборот иудео-хазарских источников.

Анализ функций, источников и способов получения избыточного продукта, отношений внутри правящей верхушки и двух ее уровней с «обществом» позволяет прийти к следующим выводам. Функции двух уровней власти абсолютно различны: в «нижнем» превалируют «общенародные», в «верхнем» — «самообеспечивающие». В «нижнем» уровне его взаимоотношения с «обществом» покоятся еще на принципах реципрокности; внутри «верхнего» господствует корпоративный дух при «ранжированности» и частноправовых отношениях («русь» — коллективная власть корпоративно организованных индивидуалистов). «Обществом» для него выступают «славинии», включая их «туземных» правителей, и отношения с ним строятся в основном на насилии и эксплуатации. «Средний» уровень («внешняя Росия», Новгород прежде всего) строит отношения с высшим эшелоном власти на договорных началах, традиции, отчасти — экономическом интересе. Одна и та же функция, но взятая в разных системах отношений, может быть отнесена к разным из трех групп. Абсолютно то же можно сказать и о разных способах извлечения избыточного продукта исключительно для нужд «руси», отчасти — словен. По отношению к «славиниям» «Росия» не выполняет никаких «общенародных» функций, ибо своего купечества[157] (не путать с «внешней», Северной «Росией»), заинтересованного в нормальном функционировании международных торговых путей, они не имеют, внешней опасности тоже нет (русская не меньше хазарской, «варяжская» не отменяется). Экономическая заинтересованность в походах на Византию также отсутствует, так как даже правящая верхушка «нижнего» уровня была устранена от доли в добыче, дани и торговых привилегиях. Мы уже цитировали очень подходящее к данному случаю высказывание представителя так называемой «юридической школы» К.Д. Кавелина, сделанное им в 1846 г., но повторим его еще раз: «Эта система (управления) строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совсем равнодушна к управляемым, противополагает их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью...» (Кавелин, 1989. С. 29). Носителями этой эксплуатации являются не только правитель, но и его варяжская дружина, а объектом эксплуатации являются не только славянские племенные общины — княжества и города, но и их правители

(старейшины, князья), позднее — выделившаяся из их среды знать, управлявшая посредством вече (Там же. С. 26–28). В итоге мы видим по вышеперечисленным показателям «двухуровневое государство», но с сильным «креном» в сторону «корпоративно-эксплуататорского», так как «нижний» уровень власти хотя и сохраняется, но не имеет общих функций[158], источников дохода и линий отношений с «обществом», с «верхним» уровнем. Между двумя уровнями власти фактически (за исключением гипотетического использования русской дани правителями «славиний» в своих фискально-идеологических целях) нет связующих их политико-экономических интересов. Некоторый запас прочности такому государству придавало наличие «третьей силы» — «внешней Росии» и Новгорода (или «Словен») в особенности, но оно не могло быть долговечным, базируясь лишь на военном превосходстве, внешних успехах и разрозненности «славиний» перед «Росией». Этот факт интуитивно подметил еще Н.М. Карамзин: «тишина… опасна для воинственной державы (Олега)» (Карамзин, 1989. С. 103), которая должна доказывать свое право на власть посредством регулярной демонстрации военного превосходства и получения богатств из-за ее рубежей.

Анализ территориального устройства, типов внутренних конфликтов (между «ровнями», между родами, претендующими на власть в «верхнем» уровне) и дуализм языческого «идеологического обеспечения» власти («варяжская» и «Полянская» легенды) также свидетельствуют в пользу «двухуровневости» «варварского», переходного между отдельными «вождествами» и ранней государственностью, «государства» на Руси. Среди ее территориального окружения ближайшими типологическими аналогиями служат Болгария VIII в., отчасти Хазарский каганат и даже Венгрия X в., но нет никакой близости с Византией, что и понятно, учитывая гигантский стадиальный и идеологический разрывы. Северо— и среднеевропейские модели дают аналогии скорее в «общественном», чем политическом аспектах. Схожи лишь положение и «образ» верховных правителей: славянского князя-судьи патриархальных времен и конунга эпохи викингов, их отношения с остальными представителями «нижнего» и «верхнего» уровней власти, взятыми по отдельности, но не между ними и «обществом». В территориально-политическом плане положение «Росии» (внутренней) лишь отчасти напоминает ситуацию со Свитьодом внутри Швеции.

В целом мы имеем синкретичную, достаточно редкую и оригинальную (особенно с учетом тенденции к городам-государствам на Северо-Западе) модель государственности переходного периода. Модель не классическую, но все же наиболее близкую в итоге к «двухуровневой» ее форме, хотя имеющую более случайные и частные аналогии (в механизмах образования, некоторых функциях, деталях территориальной структуры, некоторых сторонах идеологического

обоснования власти) с корпоративно-эксплуататорской формой государственности и такими конкретными и оригинальными, синхростадиальными Руси эпохи «варварского государства», потестарно-политическими образованиями, как расширившиеся ранние (земледельческие) города-государства («мегаобщины»), а также «Империя ацтеков» и Бенин (средней ступени своего развития). В дальнейшем именно эти черты имели перспективы развития в пределах «Господина Великого Новгорода» и отчасти — Пскова, хотя они и были порождены иными социально-политическими, хозяйственно-экономическими и природно-географическими условиями.

Образно «империю Рюриковичей» конца IX — середины X в. можно сравнить с древом, ствол которого составляет Среднее Поднепровье от Витичева до Любеча, а ветви протянулись по пути «полюдья» через Гнёздово — Смоленск и Подесенье (Шестовицы — Чернигов) до Полоцка — Изборска — Пскова, Новгорода (Рюрикова городища), Ладоги, Алаборга — Белоозера, Сарского — Ростова, Тимерево, Мурома, составляя на Севере достаточно густую крону. Корни, питающие древо соками «доходов», протянулись в южные «славинии», а наиболее длинные достигали Каспия и Царьграда.

Кризис «двухуровневости» в 40-х гг. X в. и его стадиально — типологические аналоги

«Двухуровневость» присуща в основном переходному периоду между «вождествами» и «ранним государством». Встречается она и на этапах зрелой государственности, при завоевании друг друга чаще разностадиальными организмами: «вождеством» Македонии — «перезрелых» восточных держав; «вождествами» Литвы — части раннефеодальных (или просто раннегосударственных) русских земель; военно-духовной феодально-иерархической общиной меченосцев и церковью — «вождеств» латгалов, при сохранении на некоторое время «нижнего» уровня власти.

Но при стадиально более раннем (этапа «большого переходного периода») оформлении «двухуровневости» (Болгария, Хазария, инки, ацтеки) переход к новому этапу (раннегосударственному) должен сопровождаться кардинальной перестройкой не только отдельных элементов, но и всей формы государственности. В противном случае фактически неизбежна гибель конкретного потестарно-политического организма (или их объединения), во всяком случае, как единого целого.

Фиксация и сакрализация старой формы на новом этапе в Хазарии — одно из наглядных тому свидетельств. «Государство» ацтеков погибло именно потому, что сохранившие «автономию» суборганизмы (неацтекские протогорода-государства и «вождества») перешли на сторону новых завоевателей в борьбе со старым «верхним» уровнем власти. Болгария и держава инков перестроились, но каждая своим путем. То же случилось и с Древнерусским государством

(трансформация системы власти), хотя в конце правления Игоря Старого оно и оказалось на грани распада.

Никаких существенных и обоснованных состоянием достаточно многочисленных, достоверных и однозначных источников разногласий по поводу данных событий в историографии не наблюдается. Единственная неясность, связанная с «Документом Шехтера», — это вопрос о главе неудачного похода 941 г. и его судьбе. Но и обозначенное противоречие данного источника, русских летописей и византийских хроник снимается, если обратиться к версии не ПВЛ, а указаниям автора «Начального свода», измененным в ПВЛ и более согласованным с данными византийских источников («Продолжатель Амартола»), «И посла князь Игорь на реки вой Русь скыдей 10 тысяч» (НПЛ. Л. 30 об.), то есть сам в походе этот князь не участвовал. В ПВЛ же он возглавил это неудачное предприятие, появляется здесь и описание сухопутного сражения под Авидосом, в дополнение к известному морскому эпизоду с «греческим огнем».

Если принять описание «Начального свода» и тех византийских источников, которые использовал его автор, то вполне можно допустить, что поход 941 г. возглавлял некий Х-л-гу, в котором видят Олега — воеводу Игоря или, предположим, новгородского (до Святослава) или черниговского князя, но никак не Олега Вещего. Мы уже высказывали ранее в этой книге гипотетический вариант этимологии этого имени — Улеб, князь, судьба которого была неясна к моменту отправки послов для подписания мира с греками (конец 944 г.), когда его лицо представляла жена Сфандра. В этом случае снимается и недоумение по поводу отхода разбитого русского флота (или его части) не к Днепру, «а к Киммерийскому Боспору» (Лев Диакон, 1988. С. 57). Последний факт объясняет сообщение «Документа Шехтера» о том, что Х-л-гу «бежал… и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (нападение на Бердаа в 943 г.). И пал там он и весь стан его» (Коковцов, 1996. С. 615). Впрочем, в научный оборот введена и точка зрения о неверном в этом аспекте прочтении «Истории» Льва Диакона (Карышковский, 1960. С. 42).

Некоторое противоречие состоит в том, что, по Льву Диакону, уцелел лишь десяток лодок, но это может быть «гиперболой наоборот», вполне допустимой по контексту источника, так как передается текст послания Иоанна Цимисхия для «вразумления» Святослава на примерах печальной участи его отца, «презревшего клятвенный договор» (Лев Диакон, 1988. С. 57), и объяснимой с точки зрения стиля (антитеза «10 000 судов» — десять лодок). Впрочем, из сообщения Ибн Мискавейха и так можно вывести косвенное заключение о небольшом числе русов, ибо против них в течение часа сражались 300 дейлемитов и наемников («бродяг и курдов») вместе с 5000 добровольцев-ополченцев (Якубовский, 1926. С. 65), притом что сам этот мусульманский историк

отмечает, что «они (русы) до тех пор не могли быть убиты, пока не убивали в несколько раз большее число мусульман» (Там же. С. 69).

Сведения «Документа Шехтера» приоткрывают завесу над причинами достаточно авантюрного похода 943 г. вглубь «материка»: возможно, не столько «стыд», сколько страх вернуться к Игорю после бесславной потери почти всего доверенного Х-л-гу войска заставил последнего искать новую родину на границе Хазарии и исламского мира. Возможен и иной повод для стыда и страха: если Х-л-гу был все же князем Чернигова, то он не только «провалил» свою сферу внешнеполитических интересов «Росии» (хазарскую), неудачно обострив отношения с Каганатом, но и в интересах последнего вторгся в чужую (византийскую) сферу, не добившись успеха и здесь. Оставалось одно — поселиться на мусульманской границе Хазарии, став чем-то подобным «федерату» последней. В этом плане представляется не столь уж беспочвенным заключение о том, что поход на Бердаа свидетельствует о попытке смены грабительской политики русов на Востоке на завоевательную, откуда и гипотетичное желание «закрепиться в Бердаа, опираясь на поддержку местного населения» (Коновалова, 1997. С. 27). Впрочем, последний факт также может являться косвенным свидетельством начала кризиса старой системы власти и системы получения доходов.

В связи с теорией Зоценко — Новик — Шевченко о предполагаемом разделе сфер зарубежного грабежа и торговли между Киевом и Черниговом, допустимо предположение о возможном нарушении этого раздела остатками киевского войска и переход его на службу либо Чернигову, либо прямо кагану Хазарии.

В описании Ибн Мискавейха проскальзывает интересная в плане определения динамики изменения содержания понятия «русы» деталь. Так, охранявшие оставленные в устье Куры суда люди делились на «матросов» и «300 человек русов» (Якубовский, 1926. С. 67). Последнее предполагает трактовку, что «русы» в данном случае тождественны воинам на судах, «морской пехоте», дружине.

Второе проявление кризиса, уже внутреннего, — это Древлянское восстание. Споры о том, носило ли оно характер «народного восстания» против феодализации, относилось ли к «национально-освободительным» движениям или же имело смешанный характер, ушли в прошлое. Впрочем, дискуссионными остаются не столько его причины, сколько то, зачем потребовалось Игорю собирать дополнительную дань с древлян. В НПЛ содержится вполне исчерпывающий ответ на этот вопрос. Древлянская часть дани была отдана в «кормление» Свенельду в ознаменование его побед над «угличами» и взятия Пересечена после трехлетней тяжелой осады. Возможно, это было сделано как бы в компенсацию утерянной возможности брать дань с этого племени, покинувшего свое место обитания («и посем приидоша межи Буг и Днестр и седоша тамо»: НПЛ.

Л. 31 об.). Текстуально это произошло после успешного похода на Царьград, возглавленного, по НПЛ, Олегом, что по контексту ПВЛ и в связи с возможной коррекцией ее автором дат по византийско-болгарским источникам можно сопоставить с незавершенным походом Игоря в 944 г. Во всяком случае, подготовка к ним описана одинаково и свидетельствует как о напряжении всех сил державы, так и о ее более ограниченных возможностях после разгрома войска Х-л-гу в 920 г. или 941 г.

Если сопоставить информацию с версией ПВЛ о походе Олега (907 г.), то в 944 г. не участвовали в нем, то есть фактически вышли из подчинения «верхнему» уровню власти («росам») многие «славинии». Если все же считать перечень племен выдумкой Нестора, отражающей этнический состав Русской державы в целом, то предшествующее предприятие (920 или 941 гг.) было гораздо более масштабным: 10 ООО «скедий» руси, которая, вероятно, в данном случае понималась византийскими авторами как сводное наименование всего разноплеменного войска, посланного Игорем. Для русских же летописцев (в указанном случае солидарны авторы и «Начального свода», и ПВЛ) вопрос о полном представительстве в походе 920/941 г. всех «языков» державы Рюриковичей был настолько очевиден, что они не стали раскрывать взятый у византийцев этноним «русь».

Во всяком случае, в 944 г. Игорь уже вынужден был «послать по Варяги многи за море», а «воев» дали только поляне, словене и кривичи (по НПЛ), таким образом, обе «Росии» и та часть кривичей, которая относилась не к ним, а составляла отдельную «славинию». ПВЛ добавляет, что кроме варягов были «наняты» и печенеги, а также, возможно, на таких же условиях, участвовали тиверцы. Имеющиеся источники (новые вряд ли уже появятся) не дают оснований для категорических выводов, однако с точки зрения структуры державы Игоря, ее функций и источников доходов правящей верхушки катастрофа 941 г. вполне логично могла (и должна была) привести к подобным внутренним последствиям. Они, что достаточно редко, нашли отражение в материалах археологии и нумизматики. На Левобережье начинается перестройка и укрепление некоторых роменских городищ[159], в которых формируется общая для этих нескольких центров, более богатая, чем на окружающих поселениях, но не салтоидная и не древнерусская, а самобытная культура (Шинаков, 1980а, б; Куза, 1981). Возникает самостоятельная денежно-весовая система (Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, Зайцев, 1993), даже с возможной чеканкой местных монет на хазарско-восточной основе (Куза, 1981. С. 29, 38). Все эти изменения могут, на уровне гипотезы, свидетельствовать о зарождении на хазаро-русском пограничье некоей третьей суверенной государственности, получившей возможность развиваться в условиях прогрессирующего ослабления Каганата и

кризиса «Росии» (Шинаков, Григорьев, 1990). Кризис коснулся не только ее отношений со «славиниями», но и ситуации внутри ее самой.

Поход 944 г., судя по позднее заключенному договору, не привел к восстановлению более или менее регулярной выплаты дани-«откупа» с Византии: дело ограничилось компенсацией «золотом и паволоками» дружинникам — непосредственным участникам похода на Дунай. Были ограничены и многие торговые привилегии, пребывание русов «без купли» в Константинополе, затруднено их передвижение не только в столице, но и на дальних окраинах империи (запрет на зимовки в Белобережье, находившемся, судя по всему, в сфере интересов Корсуня), отменена торговля «без мыта» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 12–12 об., 13).

С другой стороны, вполне логично предположить, что сюжет «Саги о Хальфдане, сыне Эйстейна», повествующей о борьбе между собой фактически независимых «конунга Альдейгьюборга» и «ярла Алаборга» (Древнерусские города... 1987. С. 161–162), навеян именно реалиями середины и начала второй половины X в.[160]

Действительно, отсутствие обычных для саг такого рода упоминаний конунгов Гардарики или Хольмгарда возможно лишь в конце правления Игоря и начале княжения Ольги, до возмужания Святослава, когда земли к северу от Новгорода могли быть предоставлены сами себе и там возобновилась самостоятельная варяжская активность, достигшая завершения в походе ярла Эйрика на Ладогу в 997 г. (Снорри Стурлусон, 1980. С. 152–153).

Добавим сюда независимого (и не из Рюриковичей) князя Полоцка Рогволода (Регнвальда?), убитого Владимиром, известного по «Договору Игоря» Турда (затем правителя Турова), и, наконец, Олава Трюггвасона, служившего конунгу Гардарики Вальдамару, вероятно, еще в начале новгородского периода его правления (Олав участвовал затем с «вендским» войском своего тестя Бурицлейва в походе Оттона II в 974 г. на Данию, см.: Там же. С. 112–113, 645). Он даже называл себя «Валланд» в «стране вендов», в походах на саксов и фризов, а в Англии и Ирландии — «Оли из Гардарики» (Там же. С. 115–116).

В целом ситуацию во «внешней Росии» середины и начала второй половины X в., по китайской аналогии («эпоха борющихся царств»), можно назвать «периодом враждующих князей». Если к концу правления Игоря и была выработана какая-то система правления в «высшем» эшелоне власти — «соподчинение князей», то она была нарушена после его смерти. Наивысшей ценностью правителя считалась его «удача», но она явно оставила Игоря в начале 40-х гг. X в. (подряд три поражения — от Песаха, Византии и в Каспийском походе). Авторитет князя пал так низко, что дружина открыто указывала ему, что ему следует делать (НПЛ. Л. 3 об.; ПСРЛ. Т. 1. Л. 14 об.). Сам по себе этот факт — отнюдь не вопиющее нарушение «правил игры» в отношениях князя и дружины (а в Скандинавии — даже конунга и бондов), но он явился как бы сигналом, что Игорь не выполняет свою

часть «договора» («щедрость» в обеспечении дружины) при реципрокном характере отношений внутри «верхнего» уровня власти. Вероятно, главным аргументом дружины была угроза перейти к другому правителю. Во всяком случае, именно это заставило короля Теодориха в аналогичной ситуации (532 г.) против своей воли пойти грабить его собственную область Овернь (Колесницкий, 1967. С. 29).

Поднялся вопрос о неоправданном наделении лишь одного «мужа» (в данном случае старшего по рангу дружинника) Свенельда и его «отроков» (младший член дружины, в данном случае «личной»)[161] данью с целой земли. Вероятно, не только «славинии», но и русские князья «внешней» (возможно, и части «внутренней» — Чернигова?) «Росии», не получив ничего от похода 941 г., 943–944 гг., «повернули» все «внутренние» доходы в свою пользу. С учетом того, что получение доходов тогда было главной функцией (группы «самообеспечения») «верхнего» уровня власти, то это действительно могло случиться (эпизод с «древлянской данью» хотя и косвенно, но однозначно свидетельствует в пользу данного факта). В итоге, после провала попытки получить дань с Византии и, наконец, ожидаемой добычи с Каспия (гибель войска Х-л-гу), источником доходов личной дружины Игоря оставалась лишь одна «славиния» — земля древлян, с которой уже получил дань на свою дружину Свенельд. Об этом можно судить хотя бы по тому, что, покинув их землю, основная часть «полюдья» не пошла в дальнейший круговой объезд — в «славинию» «Другувитов» и прочих «пактиотов» (данников по договору, союзников) (Константин Багрянородный, 1991. С. 51), а по приказу Игоря вернулась в Киев («пусти дружину свою домови» — ПСРЛ. Т. 1. Л. 14 об.). Отсюда естественно выглядят фразы ПВЛ «и нача мыслити на Древляны, хотя примыслите болыпую дань», «и примышляше к первой (Свенельдовой) дани и насиляше им» (Там же).

Результат был предсказуем: если уж вторая дань бралась «насильем», то что говорить о «третьей шкуре»? Сравнив Игоря с «волком»[162] (кстати, эпитет — весьма обычный для литературно-эпического «обрамления» скандинавских конунгов), древляне и поступили с ним соответственно, «разорвав надвое», «привязав к стволам деревьев» (Лев Диакон, 1988. С. 57). Этот символический акт как бы завершает и знаменует собой конец «варварского» «двухуровневого» государства.

К вопросу об «альтернативной» Руси государственности у восточных славян в середине и второй половине X в.

Еще в 1990 г. автором этой книги и его коллегой была высказана идея о том, что на основе позднероменской культуры начала X в. образуется «второе восточнославянское государство», включавшее «племенные» княжества северян, а также частично вятичей и радимичей (Шинаков, Григорьев, 1990. С. 66–68). К тому времени данное предположение базировалось лишь на надплеменном

характере позднероменской культуры (не только северяне, но радимичи и вятичи), постулированном еще в конце 70-х гг. XX в. практически одновременно Г.Ф. Соловьевой (Соловьева, 1978. С. 177–178) и нами (Шинаков, 1977; 19806). Это единство тогда определялось как этнокультурное, присущее только верхушке общества и формирующихся предгородских центров. С другой стороны, А.В. Григорьев на основе исследования южной части границы «Руси и Северы» в X в. охарактеризовал соотношение этих двух этнополитических образований как «военное противостояние» (Григорьев, 1990. С. 18–19). Позднее мы обосновали это положение новыми исследованиями и для Среднего Подесенья (Шинаков, 1994), и для русско-радимичского пограничья (Шинаков, Гурьянов, 1994). В это же время получило подтверждение высказанное еще в 1990 г. предположение о возможности формирования в этом надплеменном образовании собственной денежно-весовой системы, основанной на обрезанных в кружок дирхемах весом от 1,5 до 1,7 грамма (по данным на тот момент) и «варварских» им подражаниях: «…признаки возможности функционирования подобной монетной системы с 30-х гг. по 90-е гг. X в. в пределах ромейской культуры (а ее памятники найдены и в радимичском Посожье (Макушников, 1990; Метельский, 1992) косвенно свидетельствуют и о наличии какой-то самостоятельной государственности в этих же территориальных и хронологических рамках (Шинаков, Григорьев, 1990). В этой связи нумизматические источники позволяют говорить, во-первых, о принадлежности [части] „Земли Радимичей“ и Подесенья к тому же политическому образованию, что и коренных роменских (северянских) земель. Во-вторых, позволяют уточнить в деталях прохождение конкретного участка границы этого политического образования с „Русской землей“, которая клином вдоль Снови — Вабли — Судости вдавалась в его территорию…» (Шинаков, Зайцев, 1993. С. 66–67). Напомним, что даже в тот период все десять известных тогда кладов и местонахождений обрезанных в кружок саманидских дирхемов (тогда был определен вес только в 1,6 грамма в среднем) и «варварских» им подражаний локализовались на территории ромейской культуры и восточной части этнокультурных радимичей второй половины X–XII в., однако до указанных работ на этот факт внимания не обращали. Только один такой клад находился в Венгрии (Хуст), и это было как раз то исключение, которое подтверждало правило: он содержал хазарские подражания и попал в Венгрию с территорий, тесно с Хазарией тогда связанных, то есть позднероменской культуры. В настоящее время число кладов и местонахождений превысило тридцать (Грачев, Лебедев, 2015. С. 69; Лебедев, Стародубцев, 2014, 2016; Лебедев и др., 2019) и новые находки, дифференцируя метрические нормы юго-восточной системы в хронологическом (и отчасти региональном) аспекте, только подтверждают ранее, на материалах десяти пунктов

сделанные выводы. Вопрос же о возможной местной, ромейской чеканке «варварских» подражаний, в свое время поставленный А.В. Кузой (Куза, 1981) и А.В. Фоминым (Фомин, 1988), поддержанный и своеобразно интерпретированный В.В. Седовым, в настоящее время получает новое, хотя и не противоречащее нашей концепции, звучание (Шинаков, Гоглов, Чубур, 2025), что пока заставляет воздержаться от привлечения данных материалов.

Проведение координации рубежей археологически выраженных социально-политических общностей разного таксономического уровня с физико-географическими регионами разного типа помогло конкретизировать и прохождение этнокультурных и более поздних политико-административных границ внутри региона как Среднего Подесенья (Шинаков, 1990б; Гурьянов, Шинаков, 1994; Шинаков, Гурьянов, 1994; Чубур, Гурьянов, 2020), так и отчасти всего Юго-Востока Руси (Шинаков, 1991а; 1996). На основании этих данных, а также продолжавшихся полевых исследований на разных «краях» предполагаемой общности, от Гомеля до Воронежа и от Путивля до Тулы, проводимых региональными археологами, выявлявшими все новые подтверждения ее существования, предприняты первые попытки создания ее карты. Связано это было с первым монографическим обобщением наших работ по ромейской культуре (на период до 1994 г.) и подготовкой во второй половине 90-х гг. XX в. докторской диссертации по образованию Древнерусского государства и основанной на ней монографии. Создаются аналогичные карты Юго-Востока и другими исследователями, в частности В.В. Енуковым. Параллельно, также на рубеже XX и XXI вв., стали появляться первые обобщающие работы комплексного археолого-исторического характера по отдельным микрорегионам ромейской культуры — Курскому и Путивльскому Посемью (Щавелев, 2002а; 2002б; Енуков, 2002). Начинает вводиться в научный оборот и самый западный ее «анклав» — Гомельское Посожье, что было важно с точки зрения подтверждения ранее (1980 г.) высказанного нами предположения о «ромейском» происхождении радимичей. Кроме того, в этой связи снимается собственное же возражение В.В. Внукова о невозможности проникновения славянского (в том числе роменско-боршевского) компонента культуры смоленских кривичей прямо с юга, из радимичского Посожья (Енуков, 1990. С. 172).

К концу XX в. к древнерусскому материалу достаточно широко стали применять положения и понятийный аппарат политической антропологии. В отношении волынцево-роменского объединения с центром в Битице, где наряду с местной властью находились и хазарские представители — тудуны, В.В. Приймак еще в 1994 г. использовал типично

политико-антропологический термин «сложное вождество» (Приймак, 1994. С. 26). Включившись в процесс, автор этой книги

охарактеризовал ранее обозначенную им позднероменскую «государственность» как «протогосударство» скорее территориально-политического, чем этнокультурно-религиозного характера, типа «конфедерации вождеств» во главе с военно-ранговой иерархией (Шинаков, 2002а. С. 129, 132). В состав этого объединения входили общности меньшего уровня, названные «союзами племен», «этнопотестарными племенами», «племенными княжествами-вождествами», среди которых находились и пред городские центры, связанные не только с административно-культовыми и оборонительными, но и внешнеторговыми функциями (агломерация «Ван-тит») (Там же. С. 141, 143). В качестве образца такой общности меньшего уровня можно привести уже упомянутое «Посемье», а также предположительное, в научно-популярной работе обозначенное нами Трубчевско-Кветуньское «княжество» северян (Шинаков, 1995а).

Усилившийся в конце нулевых — начале 10-х гг. XXI в. поток находок «престижных» украшений правящей иерархии, однотипных для всех частей возглавляемой ею общности, а также монетных кладов и местонахождений местной системы (с обрезанными в кружок саманидскими дирхемами и «варварскими» подражаниями им) позволяет уточнить границы и внутреннюю структуру этого потестарно-политического объединения (Шинаков, 2017; Шинаков, Григорьев, 2017; Шинаков, Чубур, 2022). Проводится углубленное, иногда с применением статистико-комбинаторных методов, изучение материалов раскопок таких ключевых пунктов X в., как Кветунь (Поляков, Шинаков, 2012).

Общность середины X в., периода ее расцвета, состояла из трех частей:

Первая часть. Юго-восточная и центральная часть роменско-боршевской культуры, от правобережья Десны выше Новгорода-Северского до Пеклино и впадения в Десну Ветьмы и Белизны (выше которых идет уже кривичский ареал) до участка Дона в районе Титчихи — Боршево и верхних притоков Северского Донца в районе клада юго-восточной системы у с. Безлюдово и Донецкого городища, за которыми начинаются степи. Общий поперечник этой обширной территории, даже за вычетом ее северо-востока — междуречья Оки и Дона (вдоль Упы), разоренной русами еще в 10-х гг.

X в. (Григорьев, 20056. С. 164), 500–600 км по разным направлениям. На юге и востоке ее границы совпадают со славянским расселением, еще включая и остатки салтовского алано-болгарского населения прилегающих степей (Шинаков, Чубур, 2021).

Крепости здесь были, причем именно в середине X в. в некоторых из них (иногда даже каменными конструкциями) усиливаются укрепления (Горналь, Ницаха, Каменное, Донец), но они были направлены на самостоятельную защиту от печенегов и, возможно, русов, проходивших на Восток донским путем. Четкой же границы со

степью, естественно, нет — население и крепости располагаются в лесных «островках», у переправ через реки.

Северо-восточная граница общности, с учетом пересмотра даты гибели Супрут, — самая неопределенная: судя по монетам и украшениям, она проходит от верховий Снови на верховья Оки (до устья Зуши), далее — через левобережные лесные массивы долины Десны к северу от Снежети — к низовьям р. Болва и Брянскому ополью. Границей здесь служили временно запустевшие и оставшиеся без власти земли к югу от среднего течения Оки, разорявшиеся в два приема: в самом конце IX в. (Железницкий клад 878–879 гг.) — возможно, походы Олега или первый поход русов на Каспий (между 864 и 884 гг.) (Коновалова, 1997. С. 23), и, как уже говорилось, в 10-х гг. X в. (Супруты) (Григорьев, 20056. С. 163–165), что связано с походом 912–913 гг. (Коновалова, 1997. С. 26) или 909–910 гг. (Новосельцев, 1997. С. 53). Западная граница абсолютно четкая, «демаркированная» характером размещения поселений (роменских и раннерусских), этнокультурно определяющими украшениями, монетными кладами двух разных систем.

Частью общности к западу от Десны являлась полоса плотно заселенных ополий, протянувшаяся на 130 км с юга на север: Вара-Судостьское, Трубчевское, Брянское. Естественной же западной их границей служили непроходимые даже сейчас Рамасухские леса в междуречье Десны и Судости (на севере которых обнаружен Мал финский клад), на юге, правда, «разорванные» Погарским предополье. Здесь естественных рубежей между роменским Трубчевским опольем и Стародубским опольем уже «Русской земли» не было, но существовала небольшая незаселенная зона между ними. Вдоль Десны, в княжеских и боярских селах XI–XII вв., обнаружена непрерывная «цепочка» находок постсеверянских лучевых височных колец группы V, из пяти пунктов от Кветуни до Староселья в центре Брянского ополья, на Гасоме. От Брянска «цепочка» разветвляется — на север, на Болву, и на запад, до границ ополья (Вщиж, Пеклино), и еще дальше на кривичскую «границу» по Ветьме (Шинаков, Пискунов, 2012). От Трубчевска прослеживается также культурное движение прямо на запад, под Стародуб, где обнаружено «гибридное» северянско-радимичское лучевое кольцо (Левенка). Встречаются в этой зоне (Кветунь, Пушкари, Опахань, Пеклино) и чисто вятичские древности, и радимичские артефакты (Батагово, Брянск, Вщиж), что для этнокультурного пограничья естественно. Границу от Новгорода-Северского до Путивльского региона можно очертить лишь предположительно, что было сделано раньше (1990 и 1993 гг.) А.В. Григорьевым. Клад обрезанных в кружок дирхемов у села Лухтовка (932 г.) еще раз подтверждает сделанные им выводы о прохождении русско-северянской границы по болотистому устью и пойме Сейма, и далее к северу — по долине левого берега Десны. «Волость» Рыльска

уже однозначно входит в состав позднероменской протогосударственной общности: здесь есть и характерные украшения, и клады юго-восточной системы. Как в этом микрорегионе, так и к северу от него, в собственно Среднем Подесенье, по обоим берегам Десны, есть и подражания, в основном — булгарские (клад в лесничестве «Красный двор» на р. Нерусса — свыше 100 штук, а также Радогощь на Неруссе, Староселье, Вщиж).

Указанная основная (северянская) часть территории гипотетичной протогосударственной общности представляла собой, скорее всего, конфедерацию этнопотестарных образований — «вождеств» разных типов и уровней. Вся эта территория поперечником примерно от 300 до 360 км (около 100 000 км^2) не имела сплошного заселения. Населенные участки в лесостепи — лесные массивы (кроме окрестностей Курска), в лесной зоне участки более открытых лесостепных почв и растительности (ополья, предополья, их аналоги — «степки») чередовались со слабозаселенными либо пустыми участками «чистых» степей на востоке и «чистых» лесов на западе (Шинаков, 1996). В итоге, за исключением более равномерно заселенной полосы ополий на правобережье Десны с несколькими крупными центрами (главный — Кветунь), на всей остальной территории выделяются пять групп концентрации памятников, разделенных лесами или степными участками (неясен вопрос о принадлежности Путивля), которые могут соответствовать каким-то локальным образованиям, и особая зона их размещения — «гнездами» — на так называемых «Восточных территориях» по Ворскле и Пселу (Шинаков, 1991а; 2005).

Наиболее ранние монетные клады «местной» системы (928–936 гг., максимум — 940 г. по младшей монете) найдены во всех ГКП, но только Деснинского левобережья, от Боршева на Дону до Лухтовки в устье Сейма, причем, кроме небольших местонахождений в Курске и самом Боршево, клады обнаружены не в центре ГКП, а на ее пограничье с лесными массивами, болотами или степями, часто — в труднодоступных «потайных» местах, но при этом на путях, связывающих заселенные участки. Образование накоплений монет на Деснинском левобережье именно в 30-х гг. X в. было, во-первых, «вызвано принудительной задержкой монет в местном обращении» в целом по Руси (Фомин, 19826. С. 10), во-вторых, имело и региональные причины. Юго-Восток имел свои каналы связи и с Каганатом, и с Волжской Булгарией, но до поры до времени его элита не рисковала пользоваться ими открыто, дабы задерживать у себя и накапливать серебро, возможно готовясь выпустить его в обращение единовременно, в том числе уже и по «собственным» номиналам. В этой связи вполне закономерно, что клад с самым старым дирхемом, обрезанным в кружок, был обнаружен в регионе «Вантит» на Дону (Боршевский клад с младшей монетой 928 г. (Колода, Лебедев, Енуков, 2014. С. 26), а то и 923 г., см.: Зайцев, 1991. С. ПО), связанном напрямую как с Хазарией, так и Волжской Булгарией.

В то же время аналогичные «запасы» были почти одновременно сделаны и на крайних западных рубежах тогдашнего Посеймского региона северян (Береза–2, «Красный двор», Лухтовка). В кладе из лесничества «Красный двор», в частности, большое количество практически не потертых монет относилось к очень узкому периоду чеканки: конец 20-х — начало 30-х гг. X в. (плюс чуть более ранние булгарские подражания) (датировка В.С. Кулешова и С.А. Гоглова, за что выражаю им свою благодарность). Правда, они еще не обрезаны в кружок и, возможно, принадлежали представителю не местной, а киевской «наместнической» элиты, погибшему или бежавшему во время последующих событий. Время пустить их в оборот наступило, по-видимому, в 40-х гг., в период кризиса и, вероятно, частичного распада Руси, временного восстановления хазарского (или установления булгарского) если не протектората, то влияния на Юго-Востоке, зафиксированного в «Документе Шехтера» и письме царя Иосифа. Кроме того, дальше по времени продлевается и булгарское влияние — в Березовском кладе; правда, в первом, чуть более позднем, встречены монеты и булгарской чеканки (Кропоткин, 1986. С. 44).

Кладов и местонахождений первого периода в целом зафиксировано пока шесть (Боршево, Курск, Ратское, Береза–2, Лухтовка, «Красный двор»), если не считать находок подражаний дирхемам, которые, как считается, были чеканены до 940 г. (Колода, Лебедев, Енуков, 2014. С. 28), в частности, в Безлюдовском кладе, где младшая оригинальная монета датируется 936 г., но, кроме того, содержащем много не имеющих даты чеканки подражаний. В крупных кладах сохранилась та часть монет, которая в обращение так и не попала: то ли составляла в итоге «забытый» банковский резерв, то ли по случайным обстоятельствам не достигла места применения и «выпала» по дороге. Так, 3500 практически новеньких монет и подражаний им так и осталось лежать в раннекруговом постволынцевском горшке с ручками для привешивания или удобства перемещения. Судя по месту находки клада (в лесничестве «Красный двор» — в пойме р. Нерусса между устьями Сева и Усожи), его могли транспортировать от Севска в роменские поселения на правобережье Десны, от Кветуни до Вщижа, куда монеты новой чеканки, за исключением единичных подражаний, в тот период так и не попали. Первые дирхемы, обрезанные в кружок, датируются здесь уже другим периодом — во 2-м Бобрикском кладе, обнаруженном уже на границе земли северян с «Русской землей» и содержащем в основном монеты «общерусской» системы, но включавшем также несколько обрезанных в кружок дирхемов и подражаний; младшая монета относится к 952 г., то есть к середине предположительного расцвета позднероменского протогосударства (хотя и не на его территории). В этот период его представители начинают заселять бассейны Ипути и Беседи, где также появляются клады с младшими монетами 50-х гг. (Великоудебное, или

Гордеевский клад) (Грачев, Лебедев, 2014). Это — будущая «земля радимичей», известная по захоронениям конца X — начала XII в.

Земля радимичей и есть *вторая часть* территории «протогосударства» — так называемые «выселки» из ромейской культуры. Достоверно это — та часть земель этнокультурных радимичей конца X–XI в., которая находится между «коренным» роменским ареалом и его гомельским анклавом. Ядро этих земель расположено в междуречье Ипути и Беседи, заходя, собственно, на восточный берег первой и западный — второй. На севере эта территория маркируется Стародединским кладом юго-восточной системы на р. Осетр — притоке Сожа, на юге — Безымянным Новозыбковским, расстояние между которыми около 150 км. Есть внутри этой зоны и иные находки монет юго-восточной системы. Но западнее, в районе Гомия (Гомеля), уже присутствуют клады общерусской системы, а южнее, у границ «Сновской тысячи» — аналогичное местонахождение в кургане у с. Митьковка вместе с фельсами, сребрениками Владимира I и ранними радимичскими височными кольцами группы III. Восточнее, в Стародубской волости, таких «общерусских» кладов уже несколько, и все они датируются по младшей монете либо 50-ми, либо 80-ми гг. X в. В итоге в южной своей части этот «язык» юго-восточной общности имеет ширину максимум 70 км (между волостями Гомия и Стародуба). На севере от западных границ еще «ромейского» Брянского ополья до Стародединского клада на крайнем северо-западе общности — около 85 км. Территория этнокультурных радимичей XI–XII вв. здесь разделяется пополам по линии юго-запад — северо-восток, по водоразделу Беседи и Сожа, далеко не доходя до также этнокультурно-«радимичского», но политически всегда «русского» Днепра.

Именно в северо-восточной части этих позднероменских «выселок», а также непосредственно вблизи их восточных границ в междуречье Десны и Ветьмы встречены гибридные радимичско-северянские, радимичско-вятичские и северянско-вятичские варианты лучевых височных колец, а также ранневятичские височные кольца. Они встречены в единичных экземплярах и свидетельствуют, скорее всего, об экспериментах ювелиров, все же завершившихся в XI в. появлением четко этнокультурно привязанных их групп (III и V — лучевых радимичских и северянских, семилопастных вятичских) и одной общей — для вятичей и радимичей (типа «Сельцо» либо «Деснинского типа») (Гурьянов, Шинаков, 2006. С. 79–80). На западных, не входивших в юго-восточное надплеменное объединение землях этнокультурных радимичей таких «гибридов» не встречено.

В археологическом плане изучение восточных радимичей, или западного «языка» юго-восточного объединения, представляет парадокс. При очень хорошей, еще с конца XIX в., изученности курганных древностей здесь нормально не исследовано ни одно

синхронное им поселение X — начала XI в., нет артефактов ромейской культуры (в отличие даже от более западного Гомельского региона). Создается впечатление, что в X в. славян здесь еще не было (имеются колочинские материалы) и этот «язык» заселялся с северо-востока представителями нового позднероменского объединения, клады монетной системы которого здесь встречены, причем подгонка монет к ней и даже отливка подражаний иногда производилась на месте (Гордеевский клад, 951–952 гг.). Впрочем, напомним, есть точка зрения, что радимичи создали свой метрический вариант новой системы (Грачев, Лебедев, 2015. С. 72), и тогда Гордеевский клад (между селами Мало— и Великоудебное) маркирует мастерскую по производству средств обращения этой системы. Неподалеку от него, также на юго-востоке земли радимичей, обнаружено еще два клада и одно местонахождение, содержавшие обрезанные в кружок дирхемы, правда датирующиеся не периодом расцвета северянско-радимичской общности, но ее гибели — 70–80-ми гг. X в. (клады у с. Ивановка, Лотаки и Безымянный (Новозыбковский), а также недатированный пока обрезанный саманидский дирхем из с. Верхичи весом 2,41 г). Клады накапливались с обеих сторон русско-радимичской границы во второй период действия «своей» метрической системы (в 50-х гг. — начале 80-х гг.) не столько из-за воздействия военного фактора, сколько потому, что это были конечные пункты их проникновения, ибо «особенно активно клады выпадают в узловых и конечных пунктах движения монетного потока благодаря скоплению значительного количества серебра» (Фомин, 19886. С. 80). В земли радимичей дирхемы могли проникать как с юга, из «Сновской тысячи» «Русской земли», однако попадая туда все же через северянское Посемье (Фомин, 19886. С. 76–77), так и прямо с востока, через Севск — Кветунь — Бобрик — Стародуб, пересекая поперек клин «Русской земли» (что было возможно только во время мирных с ней отношений). Третий вариант все время проходит только по территории северянско-радиминского «протогосударства», минуя Русь вообще: от Севска на север по одному из северянских берегов Десны до Брянского ополья, далее по «коридору» между Десной и р. Крупец (на ней был найден Малфинский клад с дирхемами, лучевыми кольцами и слитками-гривнами) (Шинаков, Зайцев, 1993), или лесами севернее Десны — в землю радимичей.

Между коренными роменскими землями — северянским ядром юго-восточного объединения и западными радимичскими «выселками» — проходил вытянутый на север вдоль рек Снов, Вабля и Судость «язык» «Русской земли» X в., по которому проходил путь «Большого полюдья» (Шинаков, 1986; 19906). Ширина «языка» на юге, в районе Стародуба, маркируется скоплением разнотипных кладов сразу к западу и востоку от Стародубского ополья. На западе граница двух их типов проходит к востоку от Новозыбкова, через внеплеменное торгово-ремесленное поселение (или ОТРП) у села Рябцево, на востоке — между «русской»

агломерацией Бобрик — Синин (во 2-м Бобрикском кладе, закопанном примерно в середине X в., при абсолютном преобладании монет «общерусской» системы[163], встречено восемь обрезанных в кружок подражаний из 123 экземпляров) (Калинин, Молчанов, 1998. С. 64–65). Ширина разрыва между двумя частями юго-восточного объединения здесь превышает 80 км, так как на востоке к нему точно относится только Трубчевское и Вара-Судостьское ополья, а Погарское пред ополье между ними и Стародубским опольем представляет собой широкую пограничную зону. Крепости в Левенке и «Синине Мосте», сопровождаемые русско-скандинавскими дружинными древностями, говорят об этом регионе (Стародубском ополье) как о своеобразном «укрепрайоне», северо-восточном форпосте «Русской земли». К северу «станы» русов проходят вдоль Судости по Присудостьскому ополью, смешиваясь кое-где и с роменским населением, с выходом на Десну чуть западнее Вщижа. В последнем раскопки 2014 г. (автор книги и В.Н. Гурьянов) выявили остатки позднероменских укреплений X в.; также в его окрестностях были зафиксированы лучевые височные кольца, а на самом городище встречен обломок подражания саманидскому дирхему, обрезанному в кружок. В любом случае в верховьях Судости, на ее водоразделе с Десной и ее притоком Гасомой на западе Брянского ополья перекрещивались путь «Большого полюдья» русов и узкая (от 15 до 35 км) полоса, соединяющая две части территории юго-восточного объединения. Ширина ее не могла быть большой, однако в случае необходимости можно было обойти ее севернее, с Болвы на Ветьму, через долинно-зандровые леса, Русью явно не контролировавшиеся (лучевые и «гибридные» кольца найдены и на Ветьме, и на ее междуречье с Десной).

В любом случае в конце правления Игоря, при Ольге и Святославе, да и Ярополке, Руси было не до этих земель. Для понимания последующих событий (в частности, времени присоединения Русью соединительного «коридора» и Брянского ополья в целом), а также просто ширины «коридора» от Десны на юг, важны точная датировка и метрический состав дирхемов, а также тип лучевых колец и гривен-слитков Малфинского клада, найденного в 35 км к югу от Десны на вщижском участке ее течения. Судя по сочетанию дирхемов, лучевых колец и гривен-слитков, он может датироваться концом X в., однако здесь важна большая точность, но клад известен только по краткому описанию, и вряд ли эта ситуация изменится.

Привески с тератологической («чудовищной») семантикой, имеющие скандинавское происхождение, но далеко не всегда скандинавского производства, — один из археологогеральдических индикаторов потестарных процессов на территории Юго-Востока Руси в IX–XI вв. Привески данной группы указывали на рангово-статусное положение их владельцев. Ряд находок, датируемых X в., оконтуривает территорию северянско-вятичско-радимичского предгосударственного

образования, указывая на возможные форпосты для будущего покорения этого предгосударства. Особенно много их в северной части «Русской земли» — Стародубском ополье, которое вклинивалось между землями северян и радимичей. Именно здесь встречено максимальное для Юго-Востока число разных типов и вариантов дружинных «должностных знаков» с тератологическими изображениями, а также их поздних дериватов-реплик (Шинаков, Чубур, Пискунов, 2021).

Третья часть территорий, контаминированных с юго-восточным объединением X в., — это зоны появления в XI в. древностей, с этим образованием связанных, но на инородных (не роменских) территориях. Имеются в виду лучевые кольца групп IV и V (по: Шинаков, 1977; 19806), кольца «Деснинского типа» и «гибридные» радимичско-вятичские и северянско — вятичские.

Наибольшая их концентрация в Подмосковье к северу от Оки, что позволило некоторым исследователям (Алексеев, 2001; 2002; Станюкович, 1985) говорить о целенаправленной радимичской колонизации данного региона. Критика этого явно поспешного вывода проводилась неоднократно. Кроме того, это влияние ощущается в рязанском Поочье и владимирских землях вятичей, а также на финно-угорских территориях к северу и востоку от вятичского ареала XI–XII вв. Есть они и в русских пограничных со степью крепостях на Днепре, Суде, Ворскле, в одном случае (Лепляво) — на Днепре, одном поселении с обрезанными в кружок дирхемами.

Появление украшений военно-потестарной элиты юго-восточного образования, насильственно ликвидированного Русью в конце X в., на иных землях — вполне естественное явление в контексте «переселенческой» политики Владимира Святого, о чем уже говорилось многократно, в том числе нами. Нельзя исключить и вариант «самостоятельного» бегства представителей этой элиты на дальние земли в результате тех же процессов и в то же время. По-видимому, эти точки зрения не противоречат, а дополняют друг друга. Кроме того, идея о гомогенном (только вятичском или радимичском) происхождении населения «ближнего» Подмосковья, судя по некоторым тенденциям современной научной историографии, изжила себя. В этой связи весьма уместным оказалось появление в поле зрения исследователей «новых» для Средней Оки кладов дирхемов общерусской системы, но сопровождаемых позднесеверянскими (группы IV) и переходными от них к постсеверянской группе V лучевыми височными кольцами, сделанными, скорее всего, не ранее конца 70-х гг. X в., но не позднее конца этого же века (исследования на эту тему находятся в стадии обработки и публикации).

Попробуем охарактеризовать юго-восточную общность, выявляемую по материалам археологии и нумизматики, в целом.

Признак 1. Общность эта скорее социально-культурная, перенявшая некоторые особенности политической жизни соседей-

кочевников (болгар и алан) и бывшего сюзерена — Хазарского каганата, чем взявшая их «Росия», которой вынужденно подчинялась до начала ее кризиса при Игоре. Этноконфессиональный аспект (во всяком случае, на уровне самосознания) вряд ли существен.

Признак 2. Общность эта явно окказиональная, возникшая и по времени, и по территории благодаря стечению обстоятельств. Поводом стал кризис — практически распад «Росии» в 941–945 гг., который, по НПЛ, начался вообще в 920 г., а по данным «Документа Шехтера» был также связан с поражением сначала от хазар и только потом — от византийцев. Однако признаки кризиса (во всяком случае, в торгово-финансовой сфере) начались раньше: первые обрезанные в кружок дирхемы новой системы датируются концом 920-х гг. и связаны, возможно, с неудачным походом русов на Каспий в 912 г. и временным перекрытием хазарами потока серебра. Закат относительной независимости общности наступает в начале новой консолидации Руси в конце правления Ярополка с захвата крепостей на верхнем Пселе, на пути Киев — Болгар в конце 70-х гг. X в., затем в начале киевского правления Владимира (вятичи и радимичи). «Пробный» поход Святослава на вятичей (964 г.) последствий не имел, и он никак не отражен кладами на данных территориях. Скорее всего, первый решительный удар по ядру этого протогосударственного образования нанесли после 977 г. дружины Ярополка, окрыленные захватом Древлянского княжества Олега II Святославича и Новгорода Великого, без боя покинутого Владимиром Святославичем. После разгрома Хазарин Святославом протогосударственное образование Юго-Востока поневоле вынуждено было начать трансформироваться в независимое предгосударство, а то и раннее государство, чего допустить было нельзя. Разгром был единовременным и полным, о чем свидетельствуют многочисленные и практически синхронные клады Посемья от Шпилевки до Воробьевки. Разбитая Ярополком (его «благие» для Руси деяния по известной причине не могли попасть в летопись) военная элита северян могла бежать на север, на Среднюю Оку, то есть на земли, еще не подвластные ни Ярополку, ни Владимиру Новгородскому, либо еще дальше на север, под защиту последнего (кольцо группы IV в одной из кремаций 2-го Пекуновского могильника (Крева) на верхней Волге, по данным археологии). Завоевание же северо-западных регионов северянской земли на Средней Десне (Севск — Трубчевск) было завершено на рубеже X–XI вв. уже самим Владимиром (Шинаков, 1995а. Ч. II). О покорении им (точнее, его воеводой Волчьим Хвостом) после сражения на р. Пищане (Песчане) в 984 г. радимичей прямо пишет летопись (ПСРЛ. Т. 2. Л. 33). Судя по кладам по обе стороны русско-радимичской границы или даже прямо на ней (Ивановка — Лотаки), и самому позднему из них — Стародединскому — на крайнем севере земли радимичей, завоевание войсками Владимира их независимой восточной части началось с юго-востока (от Стародуба)

или юго-запада (от Гомия) и продлилось до 90-х гг., а какую часть «заратившихся» вятичей пришлось «допокорять» в 982 г. — неизвестно из летописи. Многочисленные клады этого периода на Средней Оке, сопровождаемые в том числе лучевыми кольцами групп III, IV и V, лишь подтверждают, но не позволяют произвести выбор этих дат. Наступление на вятичей, как на северян и радимичей, могло вестись из нескольких центров Руси — Брянска, Мурома, а также с южной окраины земли вятичей — из уже покоренного северянского Посемья (о последнем говорит пока не изданный клад, возможно, включающий дирхемы «северянской» системы, с кольцами группы IV на правом притоке верховий Оки — р. Зуше). Впрочем, затронуть этот микрорегион русские дружины могли и при их движении в вятичское Поочье из Брянского Подесенья. Что касается Мурома, то этот путь, представляясь излишне длинным и обходным, имел то преимущество, что сразу отрезал вятичей от их возможных союзников в Волжской Булгарии, войну с которой Владимир начал в 985 г., покорив вятичей и радимичей.

Значит, саму возможность существования этой общности предоставило временное ослабление Руси («Росии»), затем — Хазарии, а также их противоборство и равновесие сил в середине и начале второй половины X в. Территория находилась между крупными магистралями (Днепр, Средняя Ока, Нижняя Десна) и центрами (Смоленск, Чернигов, Муром, возможно, Путивль и Гомель), контролировавшимися Русью.

Признак 3. Общность эта была явно «открытая», как по принципу отсутствия четких границ на юге, востоке и севере, так и потому, что такие этнокультурные образования, как радимичи и вятичи, входили в нее лишь частично.

Признак 4. Ни письменных, ни археологических данных о путях формирования указанной общности нет. Нумизматика говорит об изначальном формировании особой денежновесовой системы и возможной поддержке Хазарского каганата, возможно — и Волжской Булгарии. Толчком могло стать «показательное» разорение русами земель южных вятичей, через которые проходил один из вариантов «Восточного пути», конкурировавший с оседланным русами «Волжским». Что касается способов ликвидации общности, они известны и по письменным, и по археологическим источникам. Это и пожары на городищах, и датирующие их клады местной монетной системы, и скандинавские предметы вооружения на склонах и в слое городищ, а также дружинные захоронения и поля битв с оставленным на них оружием (Шинаков 1994; 1995а). А затем — добровольное и насильственное переселение части населения в другие регионы и временное запустение своих земель, особенно ощутимое в середине XI в., когда Ярослав Мудрый после смерти Мстислава Черниговского в

1036 г. расправился с поддержавшими последнего в 1024 г. северянами на Сейме и Десне.

Признак 5. Связывали эту общность культурно-политические и идеологические, возможно, и династические контакты элит составлявших ее этнопотестарных образований. Кроме единой культуры «верхов» (скорее всего, военно-иерархического характера, как и у алано-болгар), формировалась и единая денежно-весовая система на «куфической» (саманидской или, возможно, булгарской, но, вероятно, не хазарской) основе, вплоть до отдельных попыток (как предположил в свое время А.В. Куза, см.: Куза, 1981. С. 38) чеканки своих монет-подражаний. Следы собственного монетного «производства», правда, не собственно чеканки, а обрезки монет и переливания полученных кольцевых обрезков в слитки с помощью бронзового литника с восемью отводами, были обнаружены в Гордеевском кладе у с. Великоудебное (Грачев, Лебедев, 2015. С. 65). Поддержание этой системы входило в функции правившей элиты, занимавшейся не только войной, но и торговлей. Хотя важнейший путь с Балтики на Восток через Оку и Дон (Григорьев, 20056. С. 146–153) был нарушен русскими дружинниками еще до создания общности, через нее все еще проходило несколько вариантов пути с Дона (в районе «Ван-тита» и Северского Донца на Сейм и Псел, далее — на Десну, через Свапу и Сев). С Десны монетное серебро могло поступать как на северо-запад, к Смоленску (через Вщиж), так и на юго-запад, к Чернигову (через Бобрик — Стародуб).

Функционировал и транзитный путь Киев — Булгар, проходивший по коридору между Сеймом и Пселом на тот же «Вантит» (Моця, Халиков, 1997; Леонтьев, Носов, 2012. С. 386, рис. 386; Енуков, Щавелев, 1996; Щавелев, 2001). Все эти пути, как местные, так и традиционные, поставляли основной избыточный продукт и предметы престижного потребления, необходимые для нормального функционирования правящей верхушки. Некоторые клады («Красный двор» — 3500 монет, Береза–1 — 1500, Безлюдовский клад — не менее 1100 дирхемов и подражаний) говорят о ее богатствах. Было ли единое руководство (и какое), единая столица — вопрос пока открытый. Скорее всего, до этого не дошло, жизнь одного поколения — срок небольшой. Вероятно, были отдельные местные князья и воеводы, вроде летописного Претича (не факт, что северянского) или легендарного Хала (Шинаков, Гурьянов, 1994. С. 260). Было ли что-либо подобное дани — вопрос тоже пока открытый. Если вопрос о дани в основном зависел от степени суверенитета или зависимости от Руси или Хазарии, то на роль столицы исходя из географической логики (центр общности, степень удаленности как от Степи, так и границ Руси) наиболее подходит какой-либо из комплексов Рыльской группы концентрации памятников, которая находилась, при своей относительной «защищенности», в то же время на перекрестке важнейших путей как

внутри общности, так и связывающих ее со Степью, с одной стороны, и с Русью — с другой. Кстати, именно здесь и найдены крупные клады дирхемов «местной» монетной системы, причем периода создания и расцвета общности, а не ее гибели.

Признак 6. О самоидентификации общности данных нет. Понятно, что для отдельных ее частей могли играть роль ее «племенные» (в основном сакральные) варианты. О более высоком уровне групп «вождеств» вятичей и радимичей косвенно свидетельствуют генеалогические легенды об общем прародителе-первопоселенце. Есть весьма косвенные археологические данные об общих тотемах — прародителях или покровителях «племенных» объединений: волке (как у тюрок) у северян и туре у радимичей. Также не исключено и зарождение объединяющего военную элиту «дружинного» эпоса, перенятого у своих степных соседей. Конечно, определенный свет на внешнее осознание единства трех летописных «языков» дает ставшая уже общим местом цитата из ПВЛ «Радимичи и Вятичи и Северо один обычай имяху» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 6 об.). Однако с учетом предшествующего рассказа (о древлянах) и последующего (о брачных обычаях и погребальных обрядах, а также о сходстве с кривичами) не ясно, имеются ли в виду обычаи и обряды, религия («поганые») либо «закон» в понимании обычного права, в том числе семейного. Впрочем, возможно, самоидентификации способствовали описанные в летописи «игрища, плясанья и бесовские песни» (Там же). Во всяком случае, такая одинаково отрицательная характеристика трех этих общностей говорит об их единстве и в то же время враждебности Киеву в глазах летописца.

4. На пути к ранней государственности

Элементы и признаки ранней государственности, заключающиеся в резко возросших возможностях реализации избыточного продукта как в «престижных» для власти, так и общенародных целях, нашли яркое внешнее проявление в правление Владимира Святого. Это и массовое строительство «градов» (в том числе таких гигантов, как Белгород), и перепланировка столицы, и начало монументального каменного строительства, сопряженного с принятием общего для всех частей государства христианства, и сооружение масштабных пограничных линий, включая «Змиевы валы», и заметные переселенческо-интеграционные мероприятия.

Ряд признаков раннего государства (первые шаги по замене племенного — этнического — деления территориальным и введение для некоторых земель фиксированной дани-налога, а также создание постоянного войска — дружины) начал проявляться на предыдущем,

«переходном» этапе государствогенеза. Эти процессы получили полное завершение при Владимире Святом. Что касается оторванной от «народа» публичной власти, то хотя и появился потенциальный аппарат внутреннего насилия в лице «большой дружины», но сама система отношений «управляющий — управляемые» подлинно государственного уровня окончательно не сложилась даже к началу феодальной раздробленности: князь все еще оставался объектом частного права. Не получила четкого правового оформления и дихотомия «государство — общество», и грань между ними оставалась весьма зыбкой. Конфликты старой родовой знати с новой, общегосударственного уровня, начались до Владимира (Древлянское восстание), но основной их пик и «окончательное решение» в форме государственного освоения приходятся именно на его правление (еще позднее это произошло с частью вятичей и, возможно, северян). Конфликты «новых» властей с «народом», носящие религиозно-социальный характер и обычно происходящие сразу после грани, с которой можно начинать раннюю государственность, падают на годы правления сыновей и внуков Владимира, совпадая своим окончанием (1071 г.) с началом конфликтов нового типа (1068 г.), зародившихся уже в недрах ранней государственности (вече городов — князья). В итоге временем окончательного создания раннего государства на Руси следует считать рубеж X–XI вв. (эпоху Владимира Святого), хотя ее оформление продолжалось и позднее; она меняла свои элементы: систему престолонаследия, территориально-политическую структуру, отчасти — социальную базу и отношения с «обществом». Генезис же ее начался гораздо раньше, при Ольге, и заключался в «толчкообразном» переходе от «двухуровневости» «варварской» империи (если не конгломерата потестарно-политических организмов) к достаточно унитарному организму раннегосударственного этапа под названием Русь.

А) Реформы Ольги и их последствия

Эти реформы можно разделить на три группы изменений: 1) в системе «налогообложения», 2) отношений «верхнего» и «нижнего» уровней власти и 3) статусе верховного правителя внутри самого правящего слоя.

По первому пункту можно отметить, что дань с «чужих» (в этнопотестарном и сакральном планах) территорий начинает напоминать «плату за мир» или «дань с мира» (tributin pads) (Жемличка, Марсина, 1991. С. 170) по чешскому типу или даже регулярные налоги византийско-болгарской модели. Это именно регулярные платежи, раскладываемые, вероятно, «подымно» и собираемые пообщинно (как и хазарская дань с юго-восточных племен), а не с подчиненного социально-политического организма в целом («…и иде Ольга (Вольга) по Деревеньской (Деревстей) земли… уставляющи… уроки» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17; Т. 41. Л. 31). Прямая смысловая и

терминологическая аналогая того же времени (середины XI в.) — «А се урок мостникам» (ст. 43 Краткой редакции Русской Правды), где он («урок») выступает в качестве платежа за выполненную работу (в случае с Ольгой — «управленческую», перенятую от Мала). Таким образом, по нашему мнению, «уроки» восходят к реципрокным отношениям внутри «славиний», и в этом плане их наследником, наиболее вероятно, может являться государственный налог, а «уроки» Ольги — шаг к нему. Сохраняется и «дань» как пережиток экзоэксплуатации «верхним» уровнем власти «нижнего». Неупорядоченность ее сбора при Игоре (часть, в виде «кормления», идет одному из членов старшей дружины, возможно, наместнику; другая — личной дружине Игоря; третья, так и не собранная в 945 г., — самому князю) сменяется четкой регламентацией. Две части дани должны были привозиться в столицу и, скорее всего, распределялись (в разных формах и степени) между членами ее общины и дружиной великого князя (Святослава в данном случае). Одна часть, доставляемая в резиденцию Ольги и ее личное владение — «Вышегород град Вользин», шла в распоряжение княгини, возможно — ее дружины и слуг. Первые две части могли составлять прообраз собственно государственных доходов, третья — «расходов на представительство», содержание будущего «государева двора», «дворца» и т. д. Основанием для фиксации столь «тяжкой дани» было незыблемое право раннего Средневековья — право завоевания. В.Я. Петрухин считает, что «государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались „завоевателями“ формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ей земель» (Петрухин, 19956. С. 118).

Вопрос — о правовом статусе власти и собственности киевского князя (местных князей после «мести» Ольги не осталось) на земле древлян. Был ли это только государственный суверенитет, без собственности на землю, как в Византии, или сочетание того и другого — превращение земли древлян в основу и прообраз великокняжеского домена, или же начало превращения всех земель государства (а не только «домена») в собственность Рюриковичей? От ответа на этот вопрос зависит терминологическая оценка взимаемых с древлян после реформ Ольги платежей: были они государственным налогом, рентой-оброком или рентой-налогом. Ответа в летописях нет. В Русской Правде речь идет о судебных штрафах и расходах, процентах за кредит, компенсациях пострадавшим, даже «зарплате» (например, «мостникам»), но никак не о налогах. Территориально-типологические аналогии позволяют предположить, что в отдельно взятой Древлянской земле Ольга имплицитно (а может, и сознательно, зная и используя примеры) попыталась воспроизвести чешскую (и шире «славянскую») систему «финансовых» отношений государя и подданных, где

«верховное право на их землю имел князь» (Жемличка, Марсина, 1991. С. 170). Если Русь в целом отставала в своем политическом развитии от Чехии, то, возможно, именно земля древлян стала, благодаря стечению обстоятельств и близости к Киеву, своеобразным «полем» для проведения испытаний «прогрессивных» социально-экономических и политических отношений, своего рода финансово-фискального эксперимента. На его «славяно-чешскую» «чистоту» могла в дальнейшем повлиять византийская налоговая система, особенно ее синтез с «собственническими» воззрениями правителя на свою страну в славяно-болгарском варианте. Знакомство с последними княгини Ольги нельзя исключить в ходе ее визита в Константинополь (или даже двух, по: Литаврин, 1986), тем более что там она виделась не только с Константином VII, но и с главным политико-религиозным идеологом Болгарии пресвитером Григорием (Горина, 1991. С. 127).

Синтезируя данные компаративистского анализа, можно, скорее всего, отнести «равнодействующую» индивидуальных и коллективных платежей древлян в «казну», киевской общине и лично княгине (на частном праве) к ренте-налогу.

В реальности же они делились по своей «социальной» сути минимум на три вида (добавим элементы добычи и единовременной дани-контрибуции как наказание за «мятеж» и выкуп за убийство Игоря, по «обычному праву»), но самим древлянам от этого не стало легче: нет никаких данных об облегчении «налогового бремени» при Ольге, по сравнению со временем князя Игоря. Три вида установленных ею платежей сравнимы с тремя данями Свенельда/Игоря, только они носили более цивилизованный, «юридически» обоснованный характер. Это — выросшие из внутренних сборов в пользу «своего» князя Мала и перенятые на себя Ольгой «уроки»; платеж в пользу вышестоящей власти (знак «завоевания» и подчиненности) — дань в Киев, а также, возможно, результат формирующихся представлений о домениальной земельной собственности — дань-рента лично Ольге на Вышгород. Вероятно, именно эта часть дани после смерти Ольги перешла на ее внука Олега, «посаженного» великим князем в «Деревех». Не исключена, впрочем, возможность ее выплаты лично новому великому князю — Святославу, а затем, по логике (но в конкретной ситуации 973 г. отнюдь не обязательно), Ярополку. В таком случае Олегу (или любому другому князю и наместнику Рюриковичей в Древлянской земле) остаются лишь «уроки» как наследство «туземных» князей, что менее вероятно, чем первый вариант раскладки получаемых видов платежей. Последнее тем более возможно, что состояние и степень информативности источников не позволяют отбросить и такое понимание древлянских «уроков», как определение размеров взимаемой с конкретных местностей земли древлян дани. Вполне допустимо, что, ликвидировав местных князей, Ольга была вынуждена сама заняться внутренней раскладкой даней.

Признавая реформаторский характер деятельности Ольги в сфере древлянских «уроков» и «даней», не считаем возможным на основании летописных данных расширить сферу их применения за пределы именно этой бывшей «славинии», составившей затем Правобережную и основную часть Киевской земли, «домена» Рюриковичей. Что касается остальных «славиний», то о них ни при Ольге, ни при Святославе, ни при Ярополке нет никаких данных, бралась ли с них дань в пользу киевских Рюриковичей или нет.

«Налоговая реформа», безусловно, коснулась некоторых частей «внешней Росии», в частности Новгородской земли. В вопросе о «северной» части дани главная источниковедческая проблема — «оброки», упоминаемые во всех ранних редакциях ПВЛ, но отсутствующие в НПЛ. Лаврентьевская и Радзивилловская летописи единогласно разделяют Мету и Лугу: на первой «уставлены» погосты и дани, на второй — оброки и дани; Ипатьевская (южнорусская) добавляет погосты и на Луге, а также меняет местами остальные две составляющие, перенося оброки в конец фразы (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17; Т. 38. Л. 31; Т. 2. Л. 24). В последних летописях конструкция и смысл фразы зачастую меняются полностью: «И прииде в Киев… и уставя погосты, поиде к Новугороду», а на Мету и Лугу добавляются и все остальные пункты (ловища, знамения и т. д.) (Там же). По правилам эволюционного ряда, следовало бы в его начало поставить НПЛ, где оброков нет вообще, затем Лаврентьевскую и Радзивилловскую, после — Ипатьевскую летопись и в завершение — Летописец Переславля-Суздальского.

Однако сообщение 947 г. попадает в ту часть НПЛ, которая отражает уже не общерусский «Начальный свод», а новгородскую интерпретацию ПВЛ. Если принять версию сознательного, не случайного исключения «оброков» из списка повинностей населения, жившего по течению р. Луги, то есть части Новгородской республики времени составления НПЛ, перед князем, то приходится признать за этим термином какое-то значение, неприемлемое в контексте отношений этого государства с князьями. С учетом того, что князья и в XIV в. получали в «кормление» те или иные города и волости с их «данями», то есть фактически государственными налогами, «оброки» не могли быть таковыми. Представляется маловероятной и синонимичность «оброков» «по Лузе» «урокам» древлян (Дьяконов, 1912. С. 184–185) в одной статье летописи о начале реформаторской деятельности Ольги, хотя и разнесенной по разным годам (946 и 947 гг. — 6454 и 6455 гг.).

Остается, по-видимому, решить два вопроса: чем для Севера X в. отличалась «дань» от «оброка» и почему последний вид повинностей перед князем был, возможно, неприемлемым для новгородцев XII–XIII вв., а упоминание его в летописи нежелательно с точки зрения прецедентного во многом характера древнерусского права и любви

ссылаться на «старину», «ряд», «свещание» (то есть обычай, традиции, старые договоренности)? И второй вопрос: чем вызван в летописи выбор именно Меты и Луги из всех новгородских земель и чем по социально-политическому и фискальному статусу отличались друг от друга две эти территории, если все же принять трактовку событий Лаврентьевской и Радзивилловской летописей?

В первом случае на уровне гипотезы возможен такой ответ. Поскольку «оброк» в основном значении слова связан с земельным владением, а не собственно использованием права власти, то борьба бояр-землевладельцев велась с княжескими вотчинами и закончилась итоговым запрещением приглашаемым князьям приобретать земли в собственность в пределах республики (Мартышкин, 1992. С. 234–235). Точка зрения этого автора на самом деле отнюдь не противоречит и взглядам главного современного исследователя новгородского Средневековья В.Л. Янина: «Под княжескими земельными владениями в Новгороде подразумевается древний княжеский домен, пределы которого были фиксированы» (Янин, 1987. С. 120). Именно в границах бывшего домена Рюрика — Олега, выделенного им по договорам с руководством призывавшей их новгородской общины (Гринев, 1989)[164], могли выделяться земельные владения с «государственными смердами» для «кормления» каждого нового князя. Другое дело, что князьям могли, по усмотрению вече или Совета господ, выделяться и иные земли[165]. Действительно, возможно, юридически неточно называть эти государственно-княжеские владения вотчиной, то есть частной, передаваемой от отца к сыну (и даже дочери) (по Русской Правде, ст. 9–106), собственностью.

Именно земли по Луге и могли составлять этот «домен», о котором мог «забыть» занятый делами Юга Игорь, но вынужденно «вспомнила» Ольга, лишенная большинства, особенно внешних, источников дохода мужа. Отсюда и «оброки» с княжеских сел-вотчин. Наличие сел делало излишним сооружение «погостов» — опорных пунктов государственной власти, куда свозилась до отправки в Киев собранная с их округи дань (Рыбаков, 1979; Петрухин, Пушкина, 1979). Соответственно, остальная часть населения Полужья была свободными общинниками, государственная дань с которых свозилась в села княгини, откуда вместе с «оброком» шла в Киев (или Вышгород). Возможно и разделение: «оброк» — лично Ольге, «дань» — на Киев и великокняжеской дружине либо княжескому посаднику (в 40-х гг. малолетнему Святославу и его «кормильцу» Асмуду; в конце 60-х и начале 70-х гг. — Владимиру и его дяде Добрыне, см.: ПСРЛ. Т. 1. Л. 15, 21) в Новгороде. То же можно сказать и о Мете, только здесь, в связи с отсутствием княжеских сел, специально сооружались погосты, в данном случае аналогичные, вероятно, «градам» Олега Вещего и Владимира Святого. В отличие от описаний деятельности этих князей летописец не сопроводил действия Ольги традиционными

«строительными» мотивами. Возможно, место достаточно абстрактных «градов» здесь занимают «места и погосты… суть по всей земле» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17).

Сохранение Новгородом верности киевскому престолу в годы кризиса 40-х гг. X в. диктовалось не только его экономическим интересом — наличием пути «из варяг в греки», но и, возможно, тем, что там находился с дружиной и Асмудом сын Игоря Святослав. Затем он был вызван (по-видимому, Ольгой) в Киев как символ преемственности и легитимности власти, а также для концентрации всех уцелевших и сохранявших верность ее семье военных сил против древлян. Гипотетично, но вероятно, что семья Игоря в составе рода имела такого рода личные и «государственные» податные владения и в других землях «внешней Росии», но о них либо нет сведений, либо они были потеряны во время кризиса.

Упоминание лишь «новгородской» части даней «внешней Росии» связано, возможно, с ее регламентацией и территориальным ограничением[166] лишь землями вдоль Луги и Меты. Вероятно, облегчение новгородского бремени в пользу Киева непосредственно или через киевского посадника (или князя) в Новгороде связано с участием новгородских «воев» в подавлении Древлянского восстания. Само участие сначала «словен, кривичей, чуди», а затем «новгородцев» во внутренних смутах Южной Руси — явление достаточно частое для конца X в. и начала XI в. (980, 1016–1019, 1024, 1036 гг.), причем нередко они действовали по своей инициативе, спасая единство страны (1018 г., бегство Ярослава от Болеслава Храброго: ПСРЛ. Т. 1. Л. 49). Известны и факты «благодарности» князей Новгороду, в частности правового характера (по мнению многих исследователей — Правда Ярослава). Подробнее об этом, а также о привлечении северных «верховних воев» к защите южных рубежей Руси см. наши работы: Шинаков, 1995а. С. 93–94; 1998 г. С. 27–32. Выбор для великой княгини податных регионов внутри Новгородской земли мог диктоваться не только традицией старого «ряда», соображениями этнического и владельческого порядка, но и военно-стратегическими факторами. Кроме того, князьям в более позднем Новгородском государстве часто предоставлялись владения на границах (Копорье, Корела, Руса в XIV в.), что определялось их военной функцией на службе республике. По Луге и Мете могли проходить границы с волостью «Альдейгьюборга» и «ярлством Алаборга», где, по «Саге о Хальфдане…», сидели независимые норманнские конунги и ярлы (Древнерусские города… 1987. С. 161, 163). В данном случае рубежи Новгородской волости могли совпадать с северными пределами владений киевских Рюриковичей.

Третий вариант получения доходов Ольгой связан с «Днепром и Десной», где упоминаются «перевесища» (какие-то рыболовецкие или охотничьи угодья) и одно «село Ольжичи» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17). Не совсем

понятно, к какой территории относятся другие охотничьи угодья-«ловища» — к «Лузе» или «всей земле» («…и ловища ея суть по всей земли и знамения и места и погосты» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 24). Любопытно, что этот

было отдано московскому князю, при сохранении новгородского подданства этих земель. «И дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь Московский начал взымати дани с пермских людей» (Документы… 1958. С. 257; Флоря, 1967. С. 224), «а 500 рублей новгородци повел еша князю великому (Дмитрию в 1386 г. — *Е. Ш.*) взяти на Заводочанех…» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 342 и др.); «Новгород даша князю брата по своим волостям» (Там же. С. 372–374). вопрос, по-видимому, был неясен и для самих летописцев. Так, если в Радзивилловской летописи явственно прослеживается вариант отделения «ловищ» от «Лузы» (ПСРЛ. Т. 38. Л. 31), то «Летописец русских царей» однозначно упоминает их и на этой реке. Зато все летописи единодушно помещают княгинины «ловища» в Древлянской земле. По-видимому, они могли располагаться только в «домениальных» и частновладельческих землях правящего дома — там же, где были «оброки», «села» и княгинин «град», то есть на Луге, Днепре, Десне и в приравненной к ним не по фискальным, а по владельческо-правовым показателям земле древлян. Вероятно, по традиции земли гипотетической «внутренней Росии», частично совпадающей с будущей «Русской землей»[167], были субъектом, получателем дани и поставщиками «воев», то есть занимали в державе Рюриковичей положение, аналогичное Свитьоду в Шведском королевстве. Такая система территориально-политических связей, с привилегированным «ядром» государства («Упсальским богатством») (Снорри Стурлусон, 1980. С. 216), получавшим дани с «несвейских» областей, очевидно, синхростадиальна модели той государственности, которую начала строить Ольга, и характерна для Швеции с начала «эпохи викингов» (Сванидзе, 1982. С. 153). Внешним ее показателем является замена племенного деления территориальным, с чего, собственно, и начала Ольга, ликвидировав все местные («племенные») органы власти древлян. «Государство» Олега и Игоря поэтому нужно считать стадиально несколько более ранним, чем Швеция того же времени. Однако с Ольги Русь начала развиваться в этом направлении более высокими темпами, придя к «финишу» (ранней государственности) даже чуть раньше «образца». С другой стороны, именно на них, наряду с «завоеванными» по статусу землями (древлян, а также, возможно, веси), ранее всего стало распространяться право княжеской земельной верховно-государственной и частной[168] собственности (вначале на охотничьи и рыболовецкие угодья и отдельные «села» и «грады»). В Древлянской же земле «скрестились», по-видимому, все возможные и «юридически» допустимые формы эксплуатации: от поставки рабов-пленных до государственных налогов

разных видов и даже прообраза ренты. Эта «земля» долгое время вынуждена была служить одним из основных поставщиков прибавочного продукта для правящей верхушки Руси (по крайней мере, киевской ее части) в связи с резко сократившейся в результате кризиса и отпадения многих земель фискально-экономической ее базы. В «Летописце Переславля-Суздальского» приводится размер всех «плат» древлян: «по две куны черных, по две веверицы и скоры, и мед» (ПСРЛ. Т. 41. Л. 487 об.). Все летописи отмечают, что при покорении древлян Олегом Вещим выплаты составляли всего одну «черную куну» (Там же. Л. 484). В итоге перед нами три территории с разным, по крайней мере фискально-правовым, статусом.

Нет никаких данных «налоговой эксплуатации» собственно «Росии», в пределах которой гипотетически могло действовать своеобразное «корпоративное» право — «Закон Русский». С «внешней Росией» отношения сложные, регулируемые давней договорной основой: «рядом» Новгорода и северных «родов» с Рюриковичами в целом, договорами каждого города Севера с конкретным князем. Последний выступает скорее не законодателем, а гарантом исполнения местного права и заключенных соглашений: двухуровневость власти здесь не только сохранялась, но и подтверждалась. Но в земле древлян она была уничтожена и временно введено прямое правление киевской княгини или ее наместника. Выступая наследником «туземных князей», она должна была взять на себя и часть их «общенародных» функций. По славянским «патриархальным» традициям, князь (по крайней мере, со времен «вождеств») выступал как «отец» подданных, а значит, судья и законодатель, при этом обычное право было не развито или, по крайней мере, не кодифицировано государством (что, например, для германцев было невозможным). Вспомним, что даже в самой развитой из чисто славянских стран (без учета Болгарии) — в Чехии — право регулировалось отдельными княжескими указами, и даже «Гнезненские статуты» 1038 г. отнюдь не имели всеобъемлющего характера. В руках князя находились все части судебной процедуры; законы были не нужны, их заменяло конкретное решение князя. То же было в Польше. В итоге, сместив Мала, Ольга при объезде Древлянской земли давала не только «уроки», но и «уставы», что однозначно можно понять как княжеские указы, «законы» и т. д. Идеалом для Ольги, возможно, было распространение «древлянской модели» (а не «Закона Русского», ограничивавшего права князя даже по отношению к собственной дружине и городам) на все государство. Но это было реально недостижимо в силу разнородности даже оставшихся под ее властью земель.

В территориально-политическом аспекте главные изменения коснулись отношений между теми «славиниями» и теми частями «внешней Росии», что оставались в составе державы Ольги. Судя по летописи, это была Полянская округа Киева (возможно, без Чернигова),

бывшая «славинии» древлян и новгородские волости, а также, скорее всего, связующие их земли дреговичей и кривичей (кроме полоцких). Достоверно не входили (их позднее покорили Святослав и Владимир) волыняне, вятичи, радимичи и хорваты, не говоря уже о ранее не подчинившихся (или очень недолго входивших в сферу влияния Руси) уличах и тиверцах. Свои «русские» (но, скорее всего, не из Рюриковичей) князья-конунги сидели в городах Северо-Запада (Полоцк, Ладога, Алаборг), а также в Турове, которые главенствовали над землями части дреговичей, кривичей, чуди и веси. Под вопросом Ростов и Муром с прилегающими волостями, а также северяне. Последние вместе с вятичами и, возможно, радимичами либо заново вошли в сферу влияния Хазарского каганата, либо (по данным археологии и нумизматики) пытались встать на путь самостоятельного политического развития. Нельзя исключить возможности включения хорватов в состав «империи» Болеслава Чешского, а волынян (наряду с «Червенскими градами») — в сферу притязаний формирующегося Польского государства[169].

«Двухуровневость» власти зашла в тупик. Исторические выходы из него лежали в искусственной консервации существовавшей этнополитической и социальной грани между уровнями власти при полной ликвидации даже видимости суверенитета «нижнего», то есть вели к кастовому (в более мягкой форме) или исключительно насильственному корпоративно-эксплуататорскому государству (типа Руанды и Бурунди, а также Тевтонского и отчасти Ливонского орденов). В отношении древлян, чьи органы власти и знать были полностью ликвидированы, а их остаткам не позволяли влиться в правящую верхушку Руси-«Росии», проявляется именно эта тенденция развития. В плане конкретных механизмов Ольга действовала точно так же, как Болеслав II Жестокий, лично убивший или унизивший родовых старейшин племени пшован, построивший на их земле и их руками новый град в свою честь и своего имени. В данном случае он вел себя не как старый племенной князь, связанный с подданными отношениями реципрокности, договора, но как покоритель и господин, хотя пшоване были присоединены к Чехии мирно, путем династического брака, а их княгиня Людмила даже стала первой чешской святой. Наместником в землю древлян назначается внук Ольги Олег (970 г.), а до его возмужания, вероятно, им оставался тот же Свенельд, что собирал с них дань до 945 г. ПВЛ не говорит о построении нового великокняжеского города в земле древлян после сожжения Искоростеня и его старейшин (ПСРЛ. Т. 2. Л. 23 об.). Возможно, функции сбора дани вместо единого центра были возложены на отдельные «становища», функционировавшие в основном в период сбора «уроков» и даней. А новый, уже из Рюриковичей, князь — Олег Святославич, возможно, построил столицу «Деревех» — Вручий, который в этом отношении можно сравнить с городом Млада Болеслав в земле пшован.

Сам же акт знаменовал замену управления, опосредованного «нижним» уровнем власти, прямым господством центральной власти. Если в правовом отношении Болеслав выступал вначале как князь пшован, потомок не только чешского Пржемысла, но и пшованки Людмилы, то после спровоцированного и выигранного им с помощью грубой силы конфликта (ритуально-правового действа) — как князь-наместник Праги. Так могли вести себя правители, уверенные в своем будущем как властителей более обширной территории, единого государства, не заинтересованные в укреплении составной его части и сепаратизме последней. Возможно, и в назначении фактического наследника престола (системы престолонаследия еще не было), и в его решительных действиях свою роль сыграло пограничное со Зличанско-Хорватским княжеством расположение крошечной земли пшован.

Однако древляне воспринимались как мятежники[170]. Как относились Ольга и Святослав к равным им по рангу и (иногда) происхождению князьям Чернигова и «внешней Росии» — неизвестно; лишь по мнению В. Зоценко (Зоценко, 1996. С. 3), Святослав начал свою военную активность с того, что уничтожил физически соперничавшую династию Левобережной «Росии». Зато стал хрестоматийным факт расправы Владимира Святого с суверенным (и также русским) князем Полоцка Рогволодом (Рогнвальдом) и его сыновьями. Впрочем, Владимир поступил с семьей полоцкого князя все же мягче (взяв себе в жены дочь Рогволода Рогнеду как законную добычу и как повод стать законным сувереном Полоцка), чем в той же ситуации и примерно в то же время действовал его чешский собрат Болеслав. Последний приказал поголовно, включая женщин и детей, уничтожить правивший в соперничавшем с Прагой Зличанско-Хорватском княжестве род Славниковцев, хотя его представитель и был первым епископом Чехии. Но вышеуказанный путь требовал военного превосходства, которого у Ольги не было, и постоянных наступательных действий, чего она, вероятно, и не могла, и не желала делать, — возможно, отложив их до возмужания сына, так как удачливый военачальник не из членов княжеской семьи мог представлять для нее большую опасность, чем покоренная им родоплеменная знать.

В итоге она вначале интуитивно, а после контактов с правящими верхами Византийской и Германской империй, возможно, и сознательно вынуждена была начать готовить почву к движению по направлению к достаточно унифицированному чиновничье-бюрократическому государству, в котором все подданные равны перед государем.

В Византии, а вслед за ней и Болгарии (за исключением резни знатных тюркских родов в столице и комитатах в 866 г., но это была борьба внутри «верхнего» уровня власти за изменение формы правления[171]) использовалась совсем иная практика ликвидации отрицательного воздействия многоэтничности. Здесь правящая верхушка покоренных народов не уничтожалась, а переселялась на

противоположную границу государства с целью разрыва связей со своими бывшими подданными и в то же время — укрепления рубежей[172].

Не имея правовой и военно-силовой возможности реально осуществлять эту политику, Ольга начала идеологическую подготовку межплеменной интеграции. И принятие христианства в этом контексте стало первым реальным шагом по «унификации» населения. Однако парадокс заключался в том, что Ольга этим шагом искусственно оторвала себя не только от подданных, но и от языческого большинства собственной дружины, а только она могла послужить источником управленческих кадров для нового государства. Благо еще, что, как мудрая правительница, она не стала пытаться вводить христианство насильственными мерами (как Олав Святой, например) и не закончила при этом, как некоторые скандинавские конунги, унижением или даже гибелью от рук подданных. В этом плане абсолютно аналогично действовал на рубеже XI–XII вв. князь Ободритской федерации Генрих, выстроивший свой христианский «столичный округ» (фактически анклав) Любек на стыке трех составлявших объединение племен во главе с еще языческими князьями. Судьба его отца Готшалка, погибшего от рук подданных, возглавленных племенными князьями, родовой знатью и жрецами племенных культов, не только послужила предостережением сыну, но может иллюстрировать возможный ход событий и на Руси в случае попытки форсировать насильственными методами введение новой религии.

С учетом того, что после древлянских событий и предполагаемого (но, скорее всего, реализованного и на практике) сепаратизма русских князей «внешней Росии» с их дружинами главной военной силой становилась собственно великокняжеская дружина, именно от ее позиции зависел изначальный успех христианизации. В Дании, например, сравнительно быстрая (за 40 лет, см.: Ресдаль, 1986. С. 135) и ненасильственная, хотя и поверхностная христианизация была связана с авторитетом конунга Харальда Синезубого внутри дружины, а также с силой последней, ставшей при Харальде «новым господствующим слоем» (Лебедев, 19856. С. 86). «Харальд конунг крестился со всем датским войском» (Снорри Стурлусон. 1980. С. 114). О какой бы части войска — только ли дружине, которая, судя по вместимости «лагерей викингов», насчитывала несколько тысяч человек, или тем более «всего войска» ледунга в 30–40 тысяч[173] (Лебедев, 1988. С. 147), — ни шла речь, его позиция оказалась решающей. Кроме авторитета конунга, на нее могла оказать влияние проигранная в 974 г.[174] война с христианской Германией, наглядно доказавшая народу воинов превосходство нового Бога. В итоге, хотя на Руси дружина еще и не стала исключительной силой (оставались города Севера, община Киева и т. д.), даже ее христианизация зависела от позиции Святослава. Юный же, ничем еще себя не проявивший князь

пока не обладал достаточным влиянием на нее. Об Ольге, как женщине, вероятно, и речи не шло: недаром для военных действий против Мала потребовался Святослав — хотя и малолетний, но мужчина.

Важнее другой вопрос: почему восточное, а не западное христианство? Для Владимира значительную роль сыграл прецедент, пример «мудрейшей из всех человек» Ольги (ПСРЛ. Т. 1. Л. 31 об.). А.В. Назаренко (Назаренко, 1994; 1995а; 1996а) ищет ответ прежде всего в конкретно-политической ситуации 50 и 60-х гг. X в., по сути объясняя действия Ольги как тактические ходы. Это можно отнести к ее посольству в Германию в 959 г., связанному с «неудовлетворенностью результатами своей поездки на берега Босфора» (Назаренко, 1994. С. 69).

Идя «от обратного», то есть учитывая конечный провал миссии Адальберта на Руси в 961–962 гг., можно рассмотреть, что именно могло не устроить Ольгу в католической религиозно-политической доктрине и феодальной практике. Начнем с последнего. Ленно-рыцарский способ обеспечения дружины мало подходил для Руси. Для его возникновения необходим либо аллод, отчуждаемый разными способами, либо массовое завоевание, создающее фонд «коронных» земель и потенциально зависимых крестьян. Ни того ни другого на Руси не было (точнее, землю найти было можно, но вот с закабалением свободных «людей»-общинников дело обстояло сложнее).

Кроме того, обеспечение дружинников независимыми от княжей «милости» источниками дохода, введение строгой правовой регламентации отношений сюзерена и вассала только ослабляли и так не слишком сильное влияние Ольги на собственную дружину. Была и другая опасность. Попытку именно таким образом прокормить «большую дружину» предпринял в конце своего правления, после прекращения завоевательных войн, Болеслав Храбрый. Однако резкий переход от преимущественной экзоэксплуатации к внутренней в одной из самых неприкрытых ее форм, при религиозных различиях дружины и подданных, а также чисто германо-рыцарской спеси «посаженных на землю» дружинников закончился для них плачевно и чуть не привел к гибели Польши как единого государства. Отметим, что в Польше как раз отсутствовали аллод (была община «ополе») и фактор завоевания; попытка феодализации была предпринята на коренных польских землях. Поэтому такой метод явно противоречил планам Ольги по усилению независимости княжеской власти от правящей верхушки. Вряд ли могла привлечь Ольгу и известная на Руси (судя по «Слову» митрополита Илариона) католическая доктрина о подчинении светской власти церкви и об освященности сословной иерархии, явно посягавшей на суверенное право государя возвеличивать и ниспровергать любых подданных. Маловероятно, что могли найти реальное применение на Руси и идеи о праве насильственной

христианизации... Более гибкая в этом аспекте византийская политическая доктрина, вкупе с идеей о богоизбранности императора и его праве в связи с этим на автократическое правление, более соответствовала как русским реалиям, так и, вероятно, политическим устремлениям самой княгини.

Поднятию авторитета Руси и ее правительницы более соответствовало принятие инсигний власти из рук императора, а не короля, что как бы приравнивало титул «великого князя» (или «кагана») к королевскому. Однако, если взять даже самую позднюю дату крещения Ольги (967 г.), она в любом случае предшествует принятию Оттоном I императорского титула. Другое дело, что Ольге не удалось получить инсигний власти, несмотря на крещение, хотя именно это могло служить главной целью ее визита (или визитов) в Константинополь. О том, что такая попытка могла ею предприниматься, косвенно свидетельствуют рекомендации Константина VII ни в коем случае не давать «варварам» регалий: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских — и подобное случается частенько, — послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов или из мантий ради какой-либо их службы и услуги» (Константин Багрянородный, 1991. С. 55), то им следует отказать под любым предлогом. Учитывая время написания работы Константина и его возможную реакцию на просьбу Ольги, становится более вероятной дата первого ее визита: 946 г. (Литаврин, 1986. С. 54), а также плата, которую она могла предложить за услугу, — «вой в помощь» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 18). Высокомерие императора — идеолога «ромейской чистоты» — оказало ему отрицательную услугу. Ольга не только унизила его послов, но и отправила своих к Оттону. Когда же последний ход возымел свое действие, судя по участию русских «в операциях... на Крите в августе 960 г. — марте 961 г.» (Назаренко, 1994. С. 72), ненужный уже Адальберт был отослан с Руси (или он уехал сам из-за нетерпимой обстановки, создавшейся вокруг его миссии) (Там же. С. 72–73, 86).

Дипломатическая активность Ольги, принятие ею христианства, возможные попытки обрести освященные Богом и авторитетом императора регалии власти могли диктоваться желанием получить идеологическую и политическую поддержку, повысить престиж великокняжеской власти, сделать ее более независимой не только от старой, родоплеменной, но и новой, дружинной (Свенельд, Асмуд) знати, поставить киевских Рюриковичей на ступень выше прочих русских князей. И здесь христианство, особенно византийско-православного, «самодержавного» варианта, его политическая доктрина («василевс — от Бога», а народы, принявшие от империи православие, должны повиноваться ей), могло послужить Ольге отправной точкой, поставить Русь и ее саму вровень (хотя бы

идеологически) с ведущими державами и правителями Европы. Последнее не является чем-то исключительным для славянских «вождеств» и ранних государств IX–X вв. Если сильные державы (Болгария при Симеоне) действовали насилием в стремлении приобрести императорские титулы и инсигнии, то более слабые выступали в роли просителей при дворах франкских и германских королей и императоров. Такой титул получил Симеон — «василевс болгар», затем, правда, ранг был снижен («цесарь»), зато официально признан Византией благодаря династическому браку Петра и дочери Романа II (Тыпкова-Заимова, 1991а. С. 141). Потомки Самуила носили титул «автократор» (самодержец) (Там же. С. 144). Напомним также факты подобных обращений со стороны карантанских князей и знати, некоторых ободритских, стодоранских и чешских правителей и даже такого сильного государя, как Болеслав Храбрый. Если там получение поддержки было обусловлено признанием себя вассалами на феодальном праве, то Ольга была признана «дочерью» василевса ромеев (ПСРЛ. Т. 1. Л. 17 об.).

В плане формы правления княжение Ольги являет собой реализацию на практике тех брачно-семейных (в противовес родовым) тенденций, которые выявляются при определенном прочтении преамбулы к договору 944 г. о том, что княгини Гардарики и «страны Вендов» (в данном случае это либо Польша, либо Поморье, либо Ободритская «федерация») были субъектом не только частного, но и публичного (по сути, государственного) права, говорится в «Саге об Славе Трюггвасоне»: «У могущественных конунгов был тогда такой обычай: половина дружины была у жены конунга, и она должна была содержать ее на свои средства, и ей причитались налоги и подати, которые были ей необходимы для этого. Так было и у Вальдамара конунга: у его жены была не меньшая дружина, чем у него, и конунг, и его жена соперничали в том, чтобы заполучить к себе в дружину наиболее доблестных мужей» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 111). Если не ставить под сомнение сроки пребывания Олава у Владимира (для чего оснований, ни текстуальных, ни конкретно — исторических, нет)[175], то это могло быть лишь самое начало новгородского правления этого князя, когда его отец еще был жив, но находился в Болгарии или только что погиб (начало 972 г.). В любом случае может иметься в виду только первая и, безусловно, не только законная, но и очень знатная жена Владимира. Новгородцам важно было поднять статус «робичича», фактически бастарда. В ситуации 968–970 гг., когда Святослав временно возвратился из Болгарии, как мы ранее уже говорили, в качестве «подарков» он вполне мог привезти сыновьям наложниц или невест. Для Ярополка данное предположение находит летописное подтверждение: «У Ярополка жена грекиня, а раньше была черницею. Привез ее отец его Святослав и отдал ее за Ярополка красоты ради лица ее» (ПСРЛ. Т. 41. Л. 42). Для Владимира, скорее всего, была

привезена одна из княгинь рода царя Петра, что косвенно подтверждает и летопись, называя в числе жен Владимира «болгарыню» (Там же. Л. 48 об.). Косвенным же доказательством первенства ее среди жен князя может являться тот факт, что именно ее сына Бориса Владимир держал при себе во время болезни и перед смертью доверил ему свою дружину (Там же. Л. 73–74 об.); имя первой жены Владимира, возможно, приводится в «Саге об Олаве, сыне Трюггви» — Аллогия (Снорри Стурлусон, 1980. С. 101).

Что касается сведений о пребывании Олава в «стране Вендов» после его женитьбы на дочери князя «Бурицлава» Гейре, то они свидетельствуют о наличии отдельных податных владений[176] у женской половины правящего рода, то есть их прямой и законной причастности к суверенной власти.

Правом на власть и суверенитет над земельными владениями обладали в X в. и женщины — родственницы викингских «королей» Ирландии и Англии. Одна из них, Гюда, сестра «короля» Дублина и Нортумбрии Олава Кворана[177], вышла замуж за Олава Трюггвасона после смерти его славянской жены Гейры (Снорри Стурлусон, 1980. С. 117). Третья, несостоявшаяся (из-за отказа принять христианство) жена Олава — вдова Эйрика Победоносного Сигрид Гордая, имевшая «много больших поместий в Швеции», еще ранее заявила другому неудачливому претенденту на ее руку, «что не считает свои владения и свою власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии» (Там же. С. 125–126).

Как мы уже ранее говорили, но напомним еще раз, скандинавская традиция наследования власти и собственности, в том числе и по женской линии, кроме «обычного права» эпохи варварства, для Руси могла найти поддержку и в византийско-христианском варианте римского права, которым охотно могла воспользоваться княгиня Ольга. Действовавшая тогда Эклога, с дополнениями времен Македонской династии, рассматривала брак как договор, «союз мужа и жены, пользующихся равными имущественными правами». Нередкое для Византии (Феодора II, Феофано, две Зои), встречающееся у ранних Меровингов (Фредегонда, Брюнеста) регентство матери при малолетнем сыне было повторено и Ольгой, имевшей, правда, по скандинавской (точнее, «балтийской») традиции и свои, независимые от поста мужа и сына, частные источники дохода (град Вышгород и села). В ПВЛ для обоснования допустимости ее правления вместо сына использовано право «кормильства»: «Кормящи сына своего до мужества его и до возраста» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 19). В данном случае этот термин равнозначен регентству. Как и регент, кормилец не обязательно должен был быть родственником малолетнему правителю. Так, до 945 г. «кормильцем» Святослава был Асмуд (ПСРЛ. Т. 2. Л. 21 об.). Таким образом, форму правления в той части Руси, что сохранила верность престолу Рюриковичей, можно охарактеризовать с 945 по 964

г. как фактическое регентство византийского образца. Отличие в том, что Ольга управляла действительно и непосредственно, а не являлась лишь средством легитимизации власти, как Феофано для «солдатских императоров» Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия.

Что касается легендарных черт описания посольства Ольги в Царьград, то о пропагандистско-дидактических причинах их появления, как и «сказаний» о Вещем Олеге и крещении Руси, мы уже говорили ранее в отдельном разделе нашей книги. Однако сам мотив сватовства «от обратного» отражает вполне объяснимое желание княгини путем престижных зарубежных династических браков укрепить положение своей семьи не только по отношению к «племенным» династиям и «русским князьям» не из Рюриковичей (Ронгвальд — Рогволод, Турд — Тур и др., как из преамбулы договора 944 г., так и, например, «Саги о Хальфдане…»), но и внутри самого правящего рода.

В российской историографии можно выделить две крайние оценки характера и результатов деятельности Ольги: «Приведенные выше факты и соображения вынуждают нас отказаться от бытующих в научной литературе представлений об административно-финансовой реформе, проведенной якобы Ольгой и будто бы ускорившей процесс феодализации восточнославянского общества. Реформа Ольги — один из историографических мифов, характеризующих прошлый день исторической науки» (Фроянов, 1996. С. 432).

В.Я. Петрухин оценивает деятельность Ольги как всеобъемлющую правовую реформу, распространившую «государственные правовые нормы от Среднего Поднепровья до Новгорода: при этом реформе подвергается и архаическое государственное право (полюдье), и „племенные“ традиционные нормы, послужившие правовым основанием для казни Игоря» (Петрухин, 1995а. С. 151).

Точка зрения автора настоящей книги, повторим еще раз, достаточно очевидна из вышеизложенного: реформы были, причем именно они послужили базисом для дальнейшего развития от «варварского» к «раннему государству». Они не ликвидировали «двухуровневость» потестарно-политических структур, но наметили пути и механизмы этого, положили начало руководимым сверху интегративным процессам. Другое дело, что в силу разнородности территорий, даже оставшихся под властью Ольги, она никак не могла ввести единое право, хотя, вероятно, и поставила это своей целью. Данный процесс не был завершен и к моменту создания «Краткой редакции Русской Правды». Основные же идеи реформы, осуществленные при Ольге на ограниченных территориях (регламентированные налоги, княжий суд, замена племенного деления территориальным, христианизация, монополизация власти Рюриковичами), были распространены почти на все земли государства лишь к середине правления Владимира Святого. Главная заслуга Ольги в том, что она интуитивно (а возможно, и сознательно — «мудрейшая из

человек») оценила переломное значение древлянского конфликта. Проиграй она в нем, как в 1066 г. Готшалк Ободритский, — и необратимых процессов распада было бы уже не избежать.

Б) Святослав — «имперский» эксперимент: причины и перспективы

Причины, ход и противоречивые оценки в историографии последствий походов Святослава получили достаточное освещение в литературе (историографию вопроса см., например: Сахаров, 1982). Рассмотрим поэтому причины, ход и последствия его деятельности лишь в интересующих нас для раскрытия темы «государствообразовательных» аспектах.

В территориально-завоевательном аспекте первые походы Святослава против вятичей в 964 и 966 гг. и промежуточный (966 г.) «хазарский» выступают логическим продолжением внутренней политики Ольги по восстановлению ранее распавшегося государства. Укрепив в финансовом, правовом и потестарно-политическом отношениях уцелевшее после кризиса трехсоставное[178] ядро державы, «кормилица»-регентша Ольга подготовила базу для усиления военной мощи державы с последующим решением территориально-политических задач военными средствами. В связи с ее склонностью к компромиссным реформам, редкому использованию военных средств, ее можно назвать «Мирной», но отнюдь не «Доброй» княгиней (Лебедев, 1985 б. С. 98). Для ликвидации же последствий кризиса был нужен князь-воин, аналог скандинавскому «конунгу-викингу» (Гуревич, 1967. С. 90–91; Кан, 1980. С. 18; Лебедев, 1983; 1988. С. 98). Кандидат на такой пост, заранее ставивший во главу угла своего будущего правления отношения с дружиной, был. Возможно, на уровне гипотезы, он мог проходить военно-политическую «стажировку» под руководством одного из воевод отца (Асмуда или Свенельда) на «чудской границе» с Ладожским «конунгством», например[179]. С другой стороны, для дружины необходима была военная практика, которая отсутствовала при княгине Ольге (во всяком случае, по данным письменных и археологических источников), и внешних, и внутренних войн. Возможное исключение могут составить войны конунгов Хергейра и Эйстейна за Альдейгьюборг и сыновей последнего с ярлом Алаборга Скули, описанные в «Саге о Хальвдане...» (Древнерусские города... 1987. С. 162). Впрочем, точная датировка описанных в саге фактов и степень их реальности ставятся под сомнение. В этой связи участие «росов» в завоевании Крита Никифором Фокой при Романе II (Продолжатель Феофана, 1988. С. 103, 105) могло иметь для первых не только описанные в предыдущем разделе внешнеполитические последствия (сближение с Византией), но также военно-тренировочное и разведывательно-ознакомительное значение. Впрочем, не имеется точных данных о том, что эти «росы» были присланы именно княгиней Ольгой в обмен на какие-то политические уступки (Назаренко, 1994. С.

72). Статья 955 г., судя по которой послы «царя греческого» в Киеве напомнили Ольге о ее данном в Константинополе обещании прислать «вой в помощь», не говорит однозначно, было ли это обещание исполнено (ПСРЛ. Т. 1. Л. 18–18 об.). В контексте русско-германских контактов 959–961 гг. вполне допустимо предположение, что летом 960 г. и весной 961 г. действовал совместно с войсками Никифора Фоки отряд, предоставленный каким-то иным «русским князем». В любом случае эти военные действия могли сломать тот психологический барьер, преодолеть своеобразный «комплекс», который мог сложиться у русских после катастрофы 941 г. (как мы помним, недаром в 944 г. дружина Игоря предпочла взять на Дунае дань-«откуп» с Византии, чем попытать призрачного военного счастья, особенно в морском походе).

Открытое и резкое увеличение числа дружинников ПВЛ увязывается с взрослением Святослава и, вероятно, полным вступлением его в свои права суверена. Сравнительно позднее начало походов этого князя (964 г., когда ему было уже явно за 20 лет) можно связать либо с непонятным умолчанием летописи о его более ранней деятельности, либо с ее ограничением реальными правами «регентши» Ольги. Возможен (хотя и менее вероятен) факт участия Святослава в Критской операции или порядок набора дружин только на личной основе даже внутри великокняжеской семьи (то есть дружина Святослава — действительно его, а не его матери или, скажем, Свенельда).

Во всяком случае, к 964 г. соединились воедино четыре фактора, позволившие перейти к внешней экспансии: 1) политико-экономический фактор, базирующийся на ближайших последствиях реформ Ольги, их подготовка; 2) приобретение опыта и определенного авторитета в дружине ее потенциального вождя; 3) качественная и психологическая подготовка костяка войска-дружины; 4) начало создания достаточно массового войска, которое можно было прокормить в условиях «на грани» перехода к экспансии за счет пока еще внутренних резервов (эндоэксплуатации)[180].

В указанном аспекте покорение восточнославянских (а то и прямо «русских») городов, княжеств и племен преследовало, прежде всего, цели расширения податной базы для содержания все увеличивавшейся дружины, необходимой для успешной внешней экспансии. Однако в русле политики своей матери Святослав действовал недолго. Убедившись, что покоряемые им вятичи находятся под протекторатом хазар, князь совершает поход на последних. Доказав свое «право на власть» военным превосходством над бывшими хозяевами вятичей, он побеждает и их. Однако зависимость этого племени («вождества»? «вождеств»?) ограничивалась, как и при Игоре, уплатой дани (ПСРЛ. Т. 1. Л. 19). Таким образом, принципы отношений с покоренными племенами, установленные Ольгой для древлян, Святославом в жизнь

не претворялись. В итоге Владимиру Святому снова, причем также дважды, пришлось присоединять вятичей (Там же. Л. 26).

Если Святослав не пытался закреплять славянские племена за Киевом, то по отношению к иным странам он действовал совершенно иначе. Если не в первый (965 г.), то во второй, хотя и гипотетичный, но вполне возможный, поход на Хазарию (Мошин, 1933. С. 193–195; Новосельцев, 1965. С. 95; Калинина, 1976. С. 92) Святослав предпринял попытки закрепить их земли за собой. Нам представляется, однако, что именно такая цель описанного Ибн Хаукалем похода на Хазарию следует не из той фразы последнего, на которую ссылается А.Н. Сахаров (Сахаров, 1982. С. 43–44). Действительно: «и свершили свой набег эти (русы) на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, булгар и буртасов, и захватили их» (Калинина, 1976. С. 91). Во всяком случае, из перевода Т.М. Калининой отнюдь не следует, что захвачены были именно земли, а не люди. Тем более что в пояснении НПЛ к описанию ПВЛ достоверного первого похода, возглавленного именно Святославом (у Ибн Хаукаля имя руководителя «набега» не упоминается), однозначно говорится о последнем: «И Ясы победи и Касоги» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 19), а затем провел их к Киеву (НПЛ. Л. 38). О «захватнических» целях, по крайней мере, второго волжского похода «русов» (не обязательно киевских) свидетельствует, скорее всего, описание возвращения части беженцев в «Итиль и Хазаран» при ширваншахе Мухаммеде Ибн Ахмаде ал-Азди (981–991 гг.) (Сахаров, 1982. С. 45), когда для этого потребовалось «заключение договора» и «покорность» русам, все еще владевшим, судя по контексту (Калинина, 1976. С. 92), этими землями. Реально это могло произойти, если сопоставить сведения Ибн Хаукаля и ПВЛ, лишь в период паузы в военных действиях на Балканах в 968–970 гг., как это и считали вышеуказанные исследователи. С учетом гипотезы о существовании самостоятельных русских династов в Чернигове с 944 по 1023 г. (Новик, Шевченко, 1995. С. 97–100), или, по крайней мере, до конца 60-х гг. X в. (Андрощук, Осадчий, 1994; Андрощук, 19956. С. 120; Зоценко, Моця, 1996. С. 3), второй поход, впрочем, мог быть совершен ими самостоятельно или по заданию Святослава (в зависимости от характера связей Чернигова с Клевом). Однако по крайней мере часть сторонников суверенности или автономии Чернигова от Киева считает его династов до событий 965–969 гг. находящимися в «частичной вассальной зависимости от Каганата» (Уманец, Шевченко, 1995. С. 66). В этом случае действительно вряд ли те русы, что «русы и славяне… [являются] войском царя и его слугами» (Ал-Масуди, 2009. С. 114), а их данная группа ученых относит к черниговским русам, могли извне, через Болгарию, напасть на Каганат. Не исключена и возможность совершения «набега» не подчиненными Киеву русами, скажем, из Ростова-Сарского, Ладоги[181], Алаборга или Полоцка, тем более что после его завершения ничего не говорится о возвращении участников в

Киев. В отличие от похода 965 г., когда Святослав от Белой Вежи пошел либо в Киев, либо на вятичей вверх по Дону, участники «набега» 958 г. «отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус и разделились на две группы» (Калинина, 1976. С. 93). Сама по себе фраза вполне объяснима, хотя и несколькими вариантами, но в применении только ко второму походу:

1. Маршрут самого Святослава пролегал через Чернигов (если следовать версии Андрощука — Зоценко о гибели городища Коровель от его рук в конце 60-х гг.), Десну, Оку, Волгу. После разгрома Хазарии основная часть его войска вполне логично «пошла к Руму» (имеется в виду война с Иоанном Цимисхием), а какая-то его часть, преследовавшая лишь грабительские цели (варяжские наемники), двинулась в «Адалус»

В этом контексте (пополнение дружины) понятен захват пленных — «хазар, булгар, буртасов», но, однако, нелогичной выглядит попытка закрепиться на Волге перед решающей схваткой с Византией за Болгарию.

2. Поход каких-то северных русов-норманнов с Волжского пути, для которых ослабленная в 965 г. Хазария явилась одним из промежуточных объектов грабежа по дороге в Византию. Там одна часть русов могла или попытаться наняться к императору, или присоединиться к «болгарской» армии Святослава, а вторая, в продолжение «викингской одиссеи», двинулась к Андалусии. Возможно создание с помощью этих варягов какого-то временного русского анклава либо на Нижней Волге, подчиненного какому-то из русских князей Севера (Ростова, Ладоги), либо в самом Итиле

3. Также допустимо, что поход был организован не желавшими подчиниться Киеву «черниговскими династами» (предположим, после гипотетического разгрома городища Коровель). В поисках новой родины и применения своим военным силам они вполне могли попытаться обосноваться в Хазарии, наняться к василевсу или халифу Кордовы. Абсолютно логично в этом случае выглядит маршрут похода — в обход Белой Вежи, уже захваченной Святославом, и, естественно, без возвращения в Поднепровье. Косвенно о присутствии русов (или норманнов) — наемников в Византии, возможно, свидетельствует засылка в войско Святослава «переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору» (Лев Диакон, 1988. С. 56)

Рассмотрение вопроса о количестве, времени и маршрутах походов русов на Хазарию тем не менее дает возможность сделать один важный вывод для решения главных задач работы — восстановления динамики государственных структур Руси. Версия о двух походах, совершенных разными русами и, кстати, в разные части Хазарии (965 г. — в Причерноморско-Донскую, 969 г. — Приволжско-Каспийскую),

вполне укладывается в рамки гипотезы о полицентризме Руси именно в 50–70-х гг. X в.

Другой важный аспект этих походов — торгово-государственный. После походов русов на Хазарию временно сократившийся поток дирхемов с Востока вновь резко возрастает (Фомин, 1995. С. 84). Однако А.В. Фомин связывает этот факт не с «прочисткой» Волжского пути русами, а со «значительным притоком чеканного серебра в результате одной из интенсивных денежных эмиссий, периодически имевших место в государстве Саманидов» (Там же. С. 64). Главное же, что оба потока монет в 70-х и 80-х гг. («западный» и «восточный») полностью миновали Южную Русь[182], в том числе Чернигов и Киев: значит, восточная торговля не была в руках их князей.

Восток, который в торговых связях Киевского Поднепровья имел и раньше гораздо более скромное место, чем Северная Русь, занимает и все более монополизирует, судя по данным нумизматики, метрологии и археологии, свое влияние над «Югом» (западнопонтийским христианским регионом). Черниговская «Росия» еще более «специализируется» на Юго-Востоке бывших восточнопонтийских земель Каганата.

Механизмы завоевания Болгарии подробно, хотя иногда и до альтернативности противоречиво, освещены в ПВЛ, но особенно — в византийских источниках (прежде всего у Льва Диакона и Скилицы). О них написано много, но в то же время проблема определения степени сравнительной достоверности источников останется, вероятно, нерешенной до появления либо новых их видов, либо методов исследований. Однако касается это положение в основном хода военных действий, численности войск и т. д. (Шинаков, 1995а. Гл. III-IV).

Что касается методов Святослава по отношению к болгарам, то и русские, и византийские источники здесь едины: вначале применялась наглядная демонстрация военного превосходства и устрашение, затем — компромисс. Первое ярко продемонстрировал пример Филиппополя, а также то, что «росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу», а болгары считались «порабощенными»[183] (Скилица, 1988. С. 122). Здесь можно сопоставить три источника. «Говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и (обуздал) всякое сопротивление и обеспечил покорность» (Лев Диакон, 1988. С. 56). «И поиде Святослав ко граду воюя и грады разбивая яже стоят и до днешнего дня (то есть до создания ПВЛ. — *Е. Ш.*) пусты» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 21 об.). Речь здесь может идти, впрочем, об имперской Фракии, но вот свидетельство Анны Комнины (с опорой на данные Скилицы: Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 199): «Как кажется, город (Филиппополь) был некогда большим и красивым. Но с тех пор как в давние времена его поработили тавры и скифы, то приобрел такой вид, в каком я застала его во время правления моего

отца (1081–1118 гг. — *Е. Ш.*), и, судя по нему, решила, что город действительно был раньше большим» (Анна Комнина, 1996. С. 394–395). Далее описывается переселение Иоанном Цимисхием захваченных в плен манихеев из Малой Азии в опустошенные окрестности Филиппополя, «чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия» (то есть еще во время господства росов в Болгарии) (Там же. С. 355). В то же время Святослав признавал определенные права Болгарии на некоторую долю суверенитета. Так, законный царь Болгарии Петр не был убит Святославом, а умер сам (Лев Диакон, 1988. С. 44), его сын Борис сохранил престол в Преславе[184], правда, под наблюдением русского воеводы Сфенкела и византийского «советника» Калокира (Лев Диакон, 1988. С. 71–72), а отношения с «мисянами» названы «союзом» (Там же. С. 73). Болгары («мисяне») входили в состав войска Святослава во время Фракийского похода и сражения под Аркадиополем (Лев Диакон, 1988. С. 56; Скилица, 1988. С. 122). Отношения с ними стали меняться после взятия («освобождения», по византийской терминологии: Скилица, 1988. С. 126) Преслава Иоанном Цимисхием, когда болгарские города без боя стали сдаваться его войскам (Лев Диакон, 1988. С. 73).

Снова начались репрессии, носившие, впрочем, скорее превентивный и ритуальный характер (Там же. С. 73–74; Скилица, 1988. С. 127). Византийцы в той же ситуации действовали совершенно по-иному: взяв Преслав, Иоанн Цимисхий отпустил пленных болгар (Скилица, 1988. С. 127), а за «схваченным» Борисом сохранил царский титул и регалии (Лев Диакон, 1988. С. 72, 74; Скилица, 1988. С. 125), «уверив, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов» (Лев Диакон, 1988. С. 72). Проявив наглядно свою традиционную политику «разделяй и властвуй», заставив удалиться Святослава и заключив с ним мир, византийцы укрепили болгарские крепости и города как свои, даже переименовав часть из них, включая столицу Болгарии (Там же; Скилица, 1988. С. 133). Они заставили «царя мисян Бориса» «сложить с себя знаки царского достоинства», введя его при этом в круг византийского чиновничества, дав «сан магистра» (Лев Диакон, 1988. С. 73). Здесь наглядно проявляются разные методы реализации одной — «имперской» — идеи у прямолинейных, не искушенных в политике росов и у «коварных греков». Если же говорить по сути, то механизмы образования «империи» Святослава более всего напоминают попытку реанимации «двухуровневости» власти по образцу Игоря, а также Болгарии до реформ Крума и Омуртага (с сохранением «местных» княжеских династий). Были и дополнения в духе отношения правителя «дружинного государства» среднеевропейской модели[185] к своим подданным (кроме дружины, естественно) как к рабам. В Византии — наоборот: подданные «свободны», но никакой власти, кроме Богом данной василевсу, быть не

должно. Сочетание мер устрашения с предоставлением известного самоуправления позволило Святославу использовать воинов завоеванной им страны, но лишь в период успехов. В дальнейшем на позицию болгар решающее влияние оказал, как это и характерно для чиновничье-бюрократических государств, переход столицы и царских регалий в руки более сильного из противников. Однако Иоанн Цимисхий, имеющий свои планы относительно Болгарии, не стал использовать ее воинов против Святослава.

Вопрос об «империях» достаточно сложен, так как этот термин применяется к разным формам государственности. Отсюда попытки вывести диаметрально противоположные, но претендующие на универсальность определения империй как таковых, то есть как самостоятельных форм государственности. На самом деле вопрос решается проще: империи как особая территориально-политическая «оболочка» существования разных форм государственности присуща им всем, но на разных этапах их генезиса и развития. Достаточно вспомнить «унитарные» империи Востока, турецкую религиозную общину (умму) — империю, сложносоставные и двухуровневые империи эллинизма и Рима, «полисные» империи (Афинский морской союз), империи торговых городов-государств (Карфаген, Венеция, Генуя), феодально-иерархические и абсолютистские империи Штауфенов и Габсбургов, колониальные империи XIX в. и т. д. В этом плане правы Р. Адамс, Ю. Березкин и В. Никифоров, утверждавшие универсальность такого рода территориальных объединений. Однако они не правы в другом: вовсе не все конкретные модели каждой данной формы государственности обязаны проходить через «имперскую» стадию. Подход должен быть конкретным для Руси — и типологически, и регионально, и стадиально. Вертикально-типологически (стадиально) мы имеем для той эпохи, когда законно подозревать попытку образования «империи», переход от «двухуровневого» государства, почти погибшего при Игоре, к достаточно унитарному и почти «дружинному» раннему государству Владимира. Если бы не города Севера, особенно Северо-Запада (Циркумбалтийской зоны), то державу Ольги и Святослава можно было бы назвать потенциально «дружинной». В этом плане можно выделить два аспекта: 1) распространение порядков, введенных в Древлянской земле, на все вновь присоединенные территории; 2) растущую социальную дифференциацию внутри «Росии» как привилегированного ядра государства; в частности, разделение «руси» как однородной ранее военно-торговой правящей корпорации на дружину и все остальное население. В любом случае и при «регентстве» Ольги, и при Святославе дружина отчетливо становится если не единственной политической и военной силой в сложносоставном государстве, то, безусловно, ведущей и самой влиятельной, хотя она вряд ли составляла еще единое целое, как в эпоху расцвета «дружинных государств» в Чехии, Польше

и Дании. Возможно, принцип «личных» дружин, объединенных соглашением, соблюдался даже в «оккупированной» Болгарии (Сфенкел — в Преславе, Святослав — в Доростоле), однако источники слишком скупы для категоричных выводов.

С учетом иных факторов и признаков уровня генезиса государственности (принятие общегосударственной религии, кодификация права или его монополизация князем, замена племенного деления территориальным, вытеснение в военном плане народного ополчения «государственной дружиной» и введение, в связи с этим, налогов в разных видах), гипотетическую «империю Святослава» можно поместить в «малый» переходный период между «варварской» и «ранней» государственностью. Если в Чехии, Польше, Дании массовые внешние завоевания следовали за крупными внутренними изменениями вышеуказанного раннегосударственного характера или шли параллельно им, в недрах так называемого «дружинного государства», то на Руси они предваряли их. Конкретно для Руси, где этот переход заключался прежде всего в ликвидации «двухуровневости» власти, данный период знаменовался институционализацией «государственной дружины» как главного инструмента «перехода» и органа власти начала ранней государственности.

В регионально-типологическом плане следует отметить начавшийся в то же время (а в Дании и завершившийся) процесс создания единых государств в скандинавской части Циркумбалтийской зоны, расцвет «дружинного государства» в Чехии, его зарождение в Польше и (с определенными оговорками) в Венгрии. Нельзя сбрасывать со счетов и культурно-идеологическое влияние кочевников и находившейся в агонии Хазарии на формирующуюся русскую (а через нее — и скандинавскую) дружину (Моця, 1987. С. 14; 1993. С. 128–129; Петрухин, 1995а. С. 170; Шинаков, 1995а. С. 127), а на правителей Руси — византийско-болгарской «имперской доктрины» Константина VII и возрастающих богатств Византии. Венгрия дает «перекрестное» среднеевропейское и кочевое воздействие, причем непосредственное. Именно венгерская конница прямо участвовала, наряду с печенегами, в боях Святослава с войсками Варды Склира во Фракии (Лев Диакон, 1988. С. 58; Скилица, 1988. С. 122–123). В.Т. Пашуто даже предполагал наличие «какого-то дружественного соглашения» с одним из венгерских предводителей времен короля Таксоны (947–972 гг.) в период «болгаро-византийского похода Святослава в 970 г.» (Пашуто, 1968а. С. 346).

Представляется наиболее корректным рассматривать «завоевательные амбиции» Святослава и попытки их реализации в том же ключе, что и непосредственно предварившее образование ранних государств возникновение и распад эфемерных разноплеменных дружинных держав Болеслава II Жестокого, Болеслава Храброго Польского, Свейна Вилобородого и Кнута Великого в Дании и Англии.

По В.Д. Королюку, это неизбежный для славянских государств четвертый, последний этап их генезиса (Королюк, 1972а. С. 23). Именно он первый сопоставил с этими державами «империю» Святослава Игоревича, но добавил к ним и стадиально очевидно более ранние «державы Крутого и Готшалкау полабов» и, вероятно, Святополка Великоморавского. Цель же расширения «империй» — это прежде всего обеспечение огромных дружин, созданных вначале лишь для внутреннего объединения своих стран. Отличие попытки, предпринятой в этом же аспекте Святославом, и причина, в конечном итоге, ее еще более быстрого (чем в Чехии, Польше или Дании) провала и в том, что она была сделана не только до внутренней консолидации своей страны, но и даже до простого, механического объединения ее частей. В итоге Святослав не имел (или, по крайней мере, не хотел иметь) опорной базы в своей «метрополии» (где концентрировали приобретенные богатства и оба Болеслава, и Свейн, и Кнут)[186].

В этой связи следует рассмотреть раздельно декларируемую Святославом «имперскую модель» и ту реальную структуру, которую ему все же удалось создать и удержать от распада в течение трех лет.

Программа «империи» (хотя и вложенная в уста Святослава, вероятно, автором ПВЛ, но вряд ли без всяких на то оснований) изложена в его речи к «матери своей и боярам своим» за три дня до смерти Ольги в 969 г.: «Не любо мне в Киеве быти, хощю жити в Переяславци на Дунай, яко то есть середина земли моей, яко ту вся благя сходятся: от грек паволокы, и злато, и вина, и овощи разноличныя; из Чех и из Угор серебро и кони, из Руси же скора, воск и мед, и челядь» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 26 об. — 27). Ключевое значение в этой фразе имеет локализация Переяславца. Последняя достаточно аргументированно, с обзором всех вариантов точек зрения и анализом разных видов источников, дается В.Б. Перхавко. Нам остается присоединиться к его точке зрения о наличии двух «Переяславцев» ПВЛ: столицы Болгарии Преславе и Малого Преслава на Дунае (Перхавко, 1995. С. 172–173; 1997. С. 64)[187]. Болгарский порт X в. Преславец («Прославица» XV–XVII вв., село Прислава (Нуфэру) в современной румынской Добрудже) находился на правом берегу Дуная, неподалеку от его устья (в 8–10 км к юго-востоку от Тулчи) (Перхавко, 1995. С. 171). В случае такой локализации гипотетическая столица «империи» Святослава находилась и не в Руси, и не в Болгарии, а действительно между ними, кроме того, неподалеку от печенежской степи и зоны венгерского расселения в Трансильвании, фактически в политическом вакууме, отчасти заполненном валашско-молдавскими воеводствами-«вождествами». По Дунаю существовала прямая связь не только с Северной Болгарией и Венгрией, но и с Моравией, присоединенной к Чехии после сражения при Лехе (955 г.), а при желании — и с Сербией. С учетом возможных стратегических и даже геополитических замыслов Святослава, лучшего места для

«имперской» столицы было не придумать. По своей концепции, замыслу планируемое Святославом «государство» не должно было иметь единого ядра, соединяя воедино разнородные составляющие (с сохраненными «своими» правителями) лишь личностью Святослава и, возможно, династическими комбинациями. В этом смысле оно ближе «дуалистичной» англо-датской державе Кнута, опираясь все же на две главные части — Русь и Болгарию, но отличается и от нее. Кнут и его ближайшие наследники были в одном лице королями и Англии, и Дании (Снорри Стурлусон, 1980. С. 310, 324), Святослав же, сделав своей резиденцией нижнедунайский «анклав» между Русью и Болгарией, оставил в каждой из них своего правителя (князя Ярополка и царя Бориса). Подобная концепция была, безусловно, диаметрально противоположна и целям, и направленности реформ Ольги по созданию достаточно унитарного в политическом и однородного в этническом плане государства, в потенции — византийского образца. Если первые шаги Святослава (удар по Хазарин 965 г. с целью лишить защиты вятичей, закрепление за собой Белой Вежи[188], отрезавшей северян и радимичей от остатков Каганата) формально можно расценить как хотя и несколько обходные, но все приближающие консолидацию восточных славян в едином государстве, то его дальнейшие кампании шли явно вразрез с политикой своей «кормилицы» Ольги.

Впрочем, внешне помощь Византии против Болгарии можно было вначале рассматривать в русле поставленной Ольгой задачи сближения с центром восточного христианства и поиска источников содержания и увеличения дружины, необходимой для достижения внутриполитических целей. Тем не менее, для того чтобы оно действительно являлось таковым, данное предприятие должно было ограничиться одним ударом по Болгарии для «отработки» полученного «аванса», с дальнейшим использованием приобретенного военного опыта, авторитета и средств для покорения «своих» племен. Итак, 968 г. стал годом альтернативы. Влияние Ольги на Святослава, этого варварского князя-викинга, было побеждено чьим-то иным — и наши источники не делают секрета, чьим именно.

Об этом, например, прямо говорит Скилица — автор, писавший через такой хронологический диапазон времени от событий, который позволял вскрыть тайные их пружины. Хотя, впрочем, эта же причина вызвала неточности и гиперболы в описании внешней стороны этих событий: реальная численность той части войска Святослава — 30 000 росов, болгар, «турков» (венгров) и печенегов, которая была отправлена им во Фракию (Лев Диакон, 1988. С. 58), у Скилицы возросла в десять раз и достигла 308 000 человек (Скилица, 1988. С. 122), а количество убитых «ромеев» сократилось с 55 000 до 25 000 (Там же. С. 59, 113). «Особенно побуждал их (росов) к этому (остаться в Болгарии) Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними

вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями» (Там же. С. 122). По Скилице, Калокир стал подстрекать Святослава к реализации своей «имперской» программы после убийства Иоанном Цимисхием своего покровителя Никифора Фоки. Лев Диакон считает, что Калокир с самого начала побуждал Святослава нарушить договор с еще живым Никифором, что якобы только это подвигло князя пойти на Болгарию: «Калокир уговорил (его) собрать сильное войско и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой» (Лев Диакон, 1988. С. 44). Кстати, Лев Диакон объясняет, откуда после гибели русских дружин в сражениях с хазарами, «греками», мусульманами и древлянами в 40-х гг. X в. Святослав смог взять столь многочисленное (60 000) войско с ограниченных, по сути, «Росией» и Новгородской землей владений. Он «…поднял на войну все молодое поколение тавров» (Там же). Перед нами что-то подобное «священной войны» — регулярных ритуальных походов юношей определенного возраста у некоторых индоевропейских народов, имевших значение инициации (Широкова, 1982. С. 48).

Первый вариант (Скилицы) более реален, так как известно, что в первый поход Святослав ограничился лишь «добычей» и вернулся к себе (Скилица, 1988. С. 121).

Идея остаться в Болгарии могла быть продиктована тремя причинами: во-первых, влиянием Калокира, «выслушав слова» которого, Святослав «не в силах был сдержать своих устремлений» (Лев Диакон, 1988. С. 44); «гордясь этими словами» (Калокира), «росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу» (Скилица, 1988. С. 122). Во-вторых, упоением своими военными успехами и «красотами»[189] страны: «…взяв в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра, [Святослав] не помышлял больше о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ей» (Там же. С. 121–122). Третий фактор — возможность постоянного давления на Византию с целью получения даней-«откупов»: «…за это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы» (Лев Диакон, 1988. С. 44). «И седе княжа ту в Переславци емля дань на Грецех» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 26).

В борьбе за Болгарию столкнулись обоснования двух имперских концепций, по одной из которых «Мизия» является давней, исконной частью империи ромеев (Лев Диакон, 1988. С. 56). Судя по тому, что затем следует обширный пассаж, доказывающий вторичность и зыбкость прав именно протоболгар (булгар, мисян), пришедших от Меотиды, а не славян, на Фракию и Македонию, Святослав мог использовать именно великоболгарскую идею («Великая Болгария» от

Боспора Киммерийского до Босфора), которая позволяла идеологически объединить его владения от Волжской Болгарии и Хазарии до Македонии. В этом случае получает логическое обоснование гипотетическое использование в его войске болгарских пленных с Волги, захваченных, по ал-Масуди, русами в 968–969 гг. Вряд ли здесь поэтому можно видеть зарождение представлений о былом славянском единстве, которое якобы декларировал Святослав (Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 198) словами: «Пусть (ромеи) покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию» (Лев Диакон, 1988. С. 56). Как уже говорилось, острие византийской пропаганды было направлено не против славян, но протоболгар и вообще кочевников Причерноморья. Лев Диакон (по: Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 182) впервые применил к росам термин «тавроскифы» (или шире — «скифы»). В данном случае Святослав выступает скорее как правопреемник Каганата или, шире, некоей степной империи от Волжской Болгарии до Дунайской, а также, возможно, в качестве «намерения» — и Венгрии (по крайней мере, ее трансильванской части). Недаром и он сам, и его дружинники, вероятно, копировали внешний вид и образ жизни степняков. Если даже считать описание внешности Святослава у Льва Диакона «калькой» образа Аттилы у Приска (об этом см.: Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 214; Shevchenko, 1965), то ПВЛ вряд ли находилась под влиянием этого источника (например: ПСРЛ. Т. 1. Л. 19). Возможно, именно в том, что Святослав возглавит степных «варваров» — всех «гуннов» и «скифов» — видели византийцы главную опасность, так как после Аркаднополя поголовно были уничтожены лишь печенеги (Скилица, 1988. С. 123).

Иоанн Цимисхий признал права Святослава на восточнопонтийские области, захваченные у хазар в 965 г. («Боспор Киммерийский», см.: Лев Диакон, 1988. С. 56), и обещал, по сути, денежную компенсацию за уступку Дунайской Болгарии. Когда же это не подействовало, он прибег к тем аргументам, которые могли вбить клин между язычником Святославом и его союзниками, с одной стороны, и болгарами-христианами, «порабощенными» языческой «империей», — с другой: апелляцией к Богу[190] и освященным Его именем мирным договорам.

Святослав (возможно, по совету того же Калокира) мог попытаться сыграть на славяно-болгарском «национализме», выступая как бы преемником христианина Симеона, который «повелел ромеям провозгласить его своим самодержцем» (Там же). Упоминание Симеона было бы явно не к месту, если бы в его походе на Константинополь и попытке получить венец императора не просматривались аналогии действиям Святослава. Последние же могли найти поддержку в окружении царя Бориса, променявшего часть суверенитета своей страны на расширение ее пределов на юге, хотя бы и под верховной эгидой иноземного, языческого, но близкого по языку и отчасти образу жизни (особенно для наследников протоболгарских родов) правителя.

Фактически Святославу удалось создать, «прочно овладев страной „мисян“» (Там же), державу, состоящую из пяти частей (Болгарии, Киева, Новгорода, земли древлян и русских владений на Боспоре Киммерийском). В четырех из этих частей правили назначенные им князья-Рюриковичи: Ярополк, Олег, «бастард» Владимир, породненный, как мы ранее предполагали, для поднятия престижа с болгарским царским домом (его сына от «болгарыни» звали Борис), и царь Борис в Преславе Великом. Боспорские владения бывшей Хазарии, возможно, вместе с каганским титулом (важным для населения этого региона и престижным)[191], а также нижнедунайский «домен» с Переяславцем[192] Святослав мог сохранить за собой лично. Наименее тесно был связан со структурой этого образования Новгород, который, только оказавшись без князя и дружины в условиях вероятного утверждения в его городах-соперниках — Полоцке и Ладоге (более гипотетично — Белоозере и Ростове) независимых от Киева конунгов-князей, попросил себе князя-Рюриковича. Поразителен сам антураж выбора: не окажись под рукой Владимира, новгородцы имели право (и его Святослав, по тексту ПВЛ, не оспаривал) приглашения князя «со стороны» («налезем князя себе», см.: ПСРЛ. Т. 1. Л. 21). Возможно, лишь соперничество других торговых центров Севера, уже обзаведшихся в условиях распада державы Игоря своими династиями, а также сохранявшаяся заинтересованность Новгорода в прямых связях с Византией (и, возможно, с Болгарией и Крымом) заставили «людей новгородских»[193] «поять к себе Владимира» как представителя южных русов, уже оторвавшихся от варяжских правителей Севера. Причины же необходимости наличия монархического элемента в структуре земледельческо-торговых городов-государств с родовой аристократией во главе можно уточнить по аналогичным образованиям, изученным по данным этнографии. «Город (у йоруба) не может существовать без царя, ибо составляющие его линиджи („роды“) начнут ссориться и разрушится единство населения»; «в Ойо („империя“ городов-государств) цари были не только сакральными символами единства и процветания, но и военачальниками» (Кочакова, 1986. С. 176, 190).

Не менее специфично в свете не только данных археологии, но и неоднократно отмечаемого в литературе «странного» поведения воеводы Претича в 968 г. положение Днепровского Левобережья. С одной стороны, Претич не был князем; хотя он и располагал «людьми» и «дружиной», но боялся гнева Святослава. С другой — он действовал как представитель если не суверенной, то автономной военно-политической силы, имевшей свои отношения со Степью и явно не подотчетной Ольге и вообще Киеву, а лишь (возможно) Святославу лично. Наиболее вероятно (если речь идет о Чернигове, а не гипотетичном северянско-вятичском государстве: Шинаков, Григорьев, 1990) его вхождение как равного Киеву субъекта в «империю» Святослава. «Субъект» этот заключает свой мир с одним из

печенежских «князей» и, как отмечали многие авторы (Ю.Ю. Шевченко, Т.Г. Новик, А.Н. Уманец, А.П. Моця, В.Н. Зоценко, В.Я. Петрухин), имеет особые, отличные от Клева, интересы на Востоке и отношения со Степью. Кстати, на что не обращали внимания исследователи — в летописном тексте Претич прямо не называет своим князем Святослава. Наоборот, печенежский «князь» принял самого воеводу за князя (не обязательно Святослава), на что Претич ответил: «Аз есмь муж его и пришел есмь в стороже и ко мне идет полк со князем бесщисла множество» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20). О том, что под этим князем подразумевался не обязательно Святослав, косвенно свидетельствует последующий за переговорами Претича ход событий.

1. «Муж» этот пришел явно не от Святослава, так как последний был извещен о печенегах лишь после действий Претича

2. Для того чтобы прогнать печенегов, Святослав «прииде Киеву… с дружиною своею… и собра вой» (Там же), но не использовал (по тексту ПВЛ) войска Претича

3. Последний никак не отчитывался перед Святославом, а тот, в свою очередь, не благодарил его за находчивость и спасение матери и детей, что было бы логичным литературным приемом в случае, если бы Претич был воеводой действительно Святослава и встретился с ним после ликвидации печенежской угрозы Клеву

Так могло получиться, если бы между Претичем и Святославом стоял еще один владыка, чья позиция по отношению к Киеву, Святославу и печенегам не была однозначной. В силу этого его можно считать князем-воеводой (или наместником) северянского княжества (либо, скорее всего, одного из них); предводителем одной из «вольных дружин», «ленником» Святослава, поставленным охранять Левобережье Днепра (Щавелев, 1998); воеводой одного из черниговских «династов», чьи захоронения содержат «большие курганы» Чернигова, в том числе «Черная могила», этническая принадлежность которой остается спорной. Так, в статуэтке с верхнего кострища после ее расчистки опознали изображение Одина (Пушкина, 1984), а семантика оковки рога была признана скандинавской (Чернецов, 1988; Молчанов, 1988), однако вслед за этим возникла версия, что статуэтка — не собственность «хозяина» погребения, а поминальная жертва одного из его дружинников (Моця, 1995. С. 59). В роге же снова видят венгерскую копию византийского оригинала, полученного в 971 г. в качестве «престижного дара» (Щеглова, 1997. С. 253–254), либо (также в возрожденном варианте) результат «славянизации групп иранского населения» (Орлов, 1988. С. 164). Сохраняется и прямое отождествление погребенного с Претичем (Мачинский, 1975; 1988).

Территориально-политическая прочность подобного разнородного образования зависела не только от позиций правителей его отдельных частей, но и от хороших отношений с большинством печенежских орд,

контролировавших сухопутные маршруты, и с Византией, флот которой с 941 г. безраздельно господствовал на Черном море.

В) Функции и источники получения средств содержания военно-административного аппарата державы Святослава Из трех групп функций наиболее четко прослеживается «самообеспечение» аппарата власти, куда, правда, демократически включается все войско Святослава, находившееся при нем, и отчасти — правящая верхушка и войско его Болгарского «протектората». Получением средств на дружину, на «щедрость», «представительские расходы», на престиж, но не на накопление, пронизаны как главной целью деятельности Святослава все виды письменных источников, включая ПВЛ. Важен состав войска Святослава (во всяком случае, «русской» его части), но именно на этот вопрос ответа нет, точнее, он слишком многозначен. Нами уже приводилось высказывание Льва Диакона, что в войско входило все молодое поколение «страны росов», что ассоциируется с понятием «младшая дружина», «отроки». «Бояре» вместе с Ольгой составляют как будто отдельную силу, к которой обращается князь со своей программной речью в 969 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20). Один из самых приближенных бояр — Добрыня (дядя Владимира по матери) в мероприятиях Святослава не участвует (Там же. Л. 21). Византийские авторы не дифференцируют войско Святослава, выделяя лишь отдельных, обычно лучше вооруженных богатырей и полководцев (Сфенкел (Сфангел), Икмо — Шинаков, 1995а. С. 90–93). Главное, что все же остается непонятным из источников, если исключить иностранных наемников и союзников, союзных или «порабощенных» болгар, — это процентное и ролевое соотношение «воев»-ополченцев и дружины в Дунайской армии Святослава, степень выполнения дружинниками административно-управленческих и фискальных функций в Болгарии в соотнесении с местным аппаратом во главе с царем Борисом. Ясно одно: вся Дунайская армия выступает как достаточно монолитный организм и в функциональном плане, и в фискально-экономическом аспекте. Она не только главный инструмент получения «избыточного продукта», но и единственный его потребитель. На Русь не отправлялось, судя по источникам, ничего ни из добычи, ни из «дани». Наоборот, сама Русь, наряду с «греками», Венгрией и Чехией, выступает как поставщик «скоры, воска, меда» и челяди (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20 об.) в «имперский центр» Переяславец, то есть, по сути, выступает не как субъект, а как объект эксплуатации. В этом аспекте, возможно, отчасти был прав М.П. Погодин, утверждавший буквально следующее: Святослав «владел собственно одним Киевом… Еще более — самый Киев он считал постоем, и решил оставить его, как Олег оставил Новгород. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь „вервице с дыма“, когда Греция предлагала ему кучи золота, и он решился не перенести столицу (это неверное выражение)[194], а, говоря просто, переехать на другую квартиру, переселиться к другому

словенскому племени, в страну, им покоренную, Болгарию, и перенести семя (русской государственности. — *Е. Ш.*) в другую почву… Зародыш покинут. Болгарии сделался жребий сделаться Русью, Нормандией» (Погодин, 1847. С. 475).

С финансово-экономической точки зрения из речи Святослава следует, что именно Болгария, а не только Дунайский «домен» с Переяславцем, является ядром его державы. Действительно, объектами получения «благ»[195] выступают не только Византия и Русь, но даже (в форме каких-то поступлений, возможно, торгового характера) Венгрия и Чехия, но не Болгария (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20 об.). Сам же Святослав, по мнению ПВЛ, ставил Чехию, Венгрию и Византию на одну доску с Русью по отношению к «своей земле» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20 об.).

Поскольку ни реальная византийская и болгарская, ни гипотетичная хазарская дань в Киев не поступала, вся оседая на Дунае, оставленные на Руси сыновья Святослава, а ранее и Ольга, должны были «кормить» себя, своих бояр и дружины за счет эндоэксплуатации округ Киева и Новгорода, а также земли древлян. Доходы с торговли с Востоком, судя по распределению кладов, могли иметь «русские князья» Севера и, возможно, Чернигова, не подчинявшиеся ни Киеву (Ярополку), ни, скорее всего, роду Рюриковичей в целом во главе со Святославом. Это значит, что последний, владея чужими землями, действительно не получал доходов от «своих».

С «классовой» группой функций косвенно можно связать лишь предполагаемую попытку «расчистить» Восточный путь в интересах военно-торговой верхушки Руси, которую, впрочем, классом назвать нельзя. Даже если Святослав и преследовал такую цель, ему не удалось повернуть поток дирхемов на Киев, и они продолжали идти по Волге в обход его владений (за исключением Новгорода), а поступления через Хазарию (судя по монетам-подражаниям) не заходили западнее Десны и Снови, образуя на Левобережье свою систему. Более успешными оказались действия Святослава на Юге, где ему удалось, поставив это чуть ли не главной статьей договора 971 г., восстановить им же прерванные торговые отношения с Византией.

Более удачно (хотя и поневоле) князю удалось выполнить одну из «общенародных» функций — оборону рубежей «Росии» от печенегов. Да и то его подвигло к этому, вероятнее всего, желание обеспечить тыл в предстоящей схватке за Преслав с Византией и пополнить свое воинство. С учетом появившейся впервые (война 920 г. уже ушла в прошлое) печенежской опасности, вряд ли ему удалось это за счет населения метрополии, и так уже отдавшей столько юношей, что некому было отогнать одну печенежскую орду от Киева. Эту же цель, скорее всего, преследовал и мир с печенегами.

Реальные управленческие функции в собственно русских владениях «империи» Святослава вначале выполнялись престарелой Ольгой, а

затем были возложены на ее малолетних внуков. Задачи же консолидации этих владений и их территориального расширения за счет восточнославянских и финно-угорских племен и княжеств, «русских градов» — были отложены.

Итак, с финансовой точки зрения власть Святослава была для Руси необременительной, хотя и доходов его «имперская» политика никому, кроме его войска, не приносила. В итоге, после гибели его дружины, наиболее богатыми людьми в государстве оказались не его сыновья, но вновь, как и в 945 г., «отроки» Свенельда и, возможно, «вой», вернувшиеся в «Росию» сухим путем. Таких было 22 000 (Лев Диакон, 1988. С. 81), хотя и не все из них вернулись на родину. Впрочем, и Лев Диакон, и Скилица говорят о гибели при возвращении на Русь не только «малой дружины» и князя (ПСРЛ. Т. 1. Л. 23), но «почти всех росов» (Лев Диакон, 1988. С. 82), «всего его войска» (Скилица, 1988. С. 133). Но это лишь увеличивало относительное богатство Свенельда, безусловно на Русь вернувшегося, и, вероятно, его «отроков». Возможно, кстати, что именно к этой цифре и выплате «путевого довольствия» византийской стороной возвращающимся на Русь воинам восходит количество войск, обозначенных Святославом в качестве потенциальных получателей «дани», — 20 000, притом что (по ПВЛ) реальное число воинов у него было 10 000 (ПСРЛ. Т. 1. Л. 21–21 об.). Византийские историки не говорят ни о дани, ни о сохранении росами добычи, но ПВЛ устами «переяславцев» однозначно свидетельствует, что Святослав «взем имение много у Грек и полон бесщисла» (Там же. Л. 23). Непременным и естественным условием мира было освобождение пленных (Лев Диакон, 1988. С. 81), но Скилица, например, об этом не упоминает. Возможно, речь шла только о византийских, а не болгарских пленных, или росы перед отплытием пограбили напоследок окрестности столицы несостоявшейся «империи» — Переяславца, чем и вызвали такой гнев его жителей, что те не сочли за труд известить печенегов о сроках и маршруте отхода Святослава.

Общество и государство, если брать только «Росию» и Новгород, при Святославе находились в достаточной гармонии. Особенное одобрение, как уже говорилось, получила финансовая политика Святослава у представителей «просвещенной общественности» Новгородской республики XIII в. — автора введения к НПЛ. Объективно именно для Новгорода деятельность Святослава имела самые благоприятные последствия в торгово-экономическом плане. В этой связи вполне объяснима положительная оценка Святослава и иных «древних князей» — «викингов» по роду деятельности — именно в новгородском летописании. Вопреки ставшей уже традиционной точке зрения о тождественности преамбулы НПЛ по Толстовскому и Троицкому спискам и введения в «Начальный свод» (или «Второй Киево-Печерский») (А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев. А.Г. Кузьмин, О.В. Творогов, В.В. Кусков и др.), мы считаем, что она создана не в 1095 г., а

в начале XIII в., именно для Новгородской летописи и новгородским автором, а не переписана с «Начального свода», вполне возможно, включенного в ПВЛ. Аргументация первой точки зрения основана на отождествлении «цесарей… Александра (Олексы) и Исакья» (НПЛ. Л. 28) с Исааком I (1057–1059 гг.) и Алексеем I (1081–1118 гг.) Комнинами. В этой связи, под осуждаемыми методом антитезы современными летописцу князьями подразумеваются Всеволод Ярославич и Святополк Изяславич, а под теми «погаными», которых «за наше несытство навел Бог» (Там же. Л. 1) — половцы, опустошавшие окрестности Киева (в том числе и Печерский монастырь) в 1093–1096 гг. Однако в тексте НПЛ предполагаемый Алексей упоминается не после, а до «Исакьи». Кроме того, этих двух василевсов («цесарей») разделяет свыше 20 лет и четыре императора (Константин X Дука, Роман IV Диоген, Михаил VII Дука, Никифор III Вотаниат), все правившие дольше Исаака Комнина. Непонятен принцип выбора василевсов и увязка «Лексы и Исакьи» воедино как определенного хронологического этапа. Вторая «пара» — Исаак II (1185–1195 гг.), (1203–1204 гг.) и Алексей III (1195–1203 гг.) Ангелы[196] (последний в глазах летописца мог «слиться» с малолетним Алексеем IV (1203–1204 гг.) Ангелом). То, что судьбы этих императоров тесно переплетаются и повторное правление Исаака было позже, чем Алексея III, заставило, возможно, автора НПЛ поставить их имена вместе, но «Лексу» впереди. Что касается в этом случае идеи наказания за грехи, «несытство наше» (то есть всех православных), то это могло быть нашествие Батыя, в случае если летописец писал после него, но изложение событий доводил до «Олексы и Исакьи». Однако Новгород, за исключением событий второй половины 50-х гг. XIII в., татарское иго затронуло мало. Второй вариант — захват Константинополя, метрополии всех православных, «погаными» латинянами как раз при Алексее IV и Исааке II Ангелах. Идеологическое же содержание вводного пассажа НПЛ — осуждение приглашаемых в Новгород князей XIII в. (особенно Ярослава Всеволодовича) за превышение судебной власти («виры и продажи») и использование ее в целях личного обогащения, вплоть до отдачи суда на откуп (Мартышкин, 1992. С. 232). В осуждении же в форме антитезы тех князей, которые «збираху многа имения», проглядывает идеологическая подготовка лишения князей права иметь земельную собственность в пределах Новгородского государства, ставшее фактом при наследниках Александра Невского. С другой стороны, хваля «древний князи», летописец косвенно положительно оценивал новгородских князей, подобных Мстиславу Удалому в 1214 г., чья «дружина… кормяхуся, воююще ины страны» (НПЛ. Л. 1 об.), да еще и приносила доход (а не расход) новгородцам[197]. Фигура Мстислава Удалого достаточно близка Святославу, в первую очередь, как князя-полководца, но превосходит последнего как защитника Руси в целом. Поэтому «Кияне» более жестки к Святославу, не выполнявшему свои

функции по отношению к «метрополии», чем более поздний новгородский летописец: «Ты, княже, чужой земли ищещь и блюдешь (ее), а свою охабил (забросил), а нас чуть было не взяли печенеги...» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20). Для самого князя было важно мнение не столько своей матери, семьи и бояр, не говоря уже о «людях», сколько своей разноплеменной дружины и даже, возможно, иных (в том числе кочевых) народов. Кратко можно охарактеризовать отношения «имперской» верхушки в лице Святослава и его дружины фактическим «невмешательством» в дела друг друга, разделением функций и источников доходов.

То, что перед нами наследственная сложносоставная монархия, ограниченная в «вертикальном» плане дружиной и даже войском, а в «горизонтальном» — монархами суборганизмов «империи», вряд ли будет звучать слишком ново.

Византийские историки передают титул Святослава как «катархонт» (Лев Диакон, 1988. С. 55) и «архиг» (Скилица, 1988. С. 122). У Константина VII «катархонтом» назван халиф, в подчинении которого находились правители низшего ранга — эмиры. В этом смысле данный термин аналогичен «архонту архонтов», как Константин переводит армянский царский титул «ишханац ишхан» — «князь князей» (Арутюнова-Фиданян, 1991. С. 407). Термин «архиг», примененный к тому же лицу и в том же контексте, что и «катархонт», также, возможно, должен означать высшего руководителя, но, предположим, с более военным оттенком.

Действительно, так можно было называть правителя, «прочно овладевшего страной», властители которой с 913 г. носили титул «василевса болгар», признанный патриархом Николаем Мистиком (Литаврин, 1987. С. 77; Тыпкова-Заимова, 1991а. С. 140), а с 918 г. — «кесарь всем болгарам и грекам», официально признанный в своей болгарской части и Византией после династического брака царя Петра I и внучки василевса Романа I Лакапина (Тыпкова-Заимова, 1991а. С. 141). Впрочем, «законный» император-интеллектуал Константин VII осуждал «солдафона» и невежу Романа I и за разрешение самого брака с «варваром», хотя и христианином, и за использование титулов «василевс» и «цесарь»[198] по отношению к правителю Болгарии (Константин Багрянородный, 1991. Гл. 13).

Сам Святослав по какой-то причине ни на такой титул, ни на пышные, аналогичные императорским, регалии не обращал внимания (Лев Диакон, 1988. С. 82–83; Сюзюмов, Иванов, 1988. С. 215; Иоанн Екзарх, 1981. С. 61; Койчева, 1987. С. 156). Его облик соответствовал вождю кочевников, и аналогичным, особенно в сопоставлении с его предполагаемой «имперской концепцией», должен был быть титул — «каган». Он был близок и его подданным — хазарам, и даже легитимным в этом плане — союзникам печенегам, отчасти венграм. Что же касается болгар, то, в противовес византийской пропаганде

христианской общности, сам титул мог апеллировать к протоболгарской языческой древности, идеям «Великой Болгарии». Созвучие протоболгарского «кавхана», второго лица в государстве (Койчева, 1987), и кагана для славяноязычных болгар X в. могло примирить их в плане «национальной гордости» со Святославом, формально как бы стоящим ниже «цесаря» (царя) Бориса I, преемника протоболгарских ханов. В реалиях того времени и региона каганский титул был высшим для тюрок, фактически равным императорскому, заполняя лакуну между князем-архонтом и василевсом-императором в славяно-скандинавской титулатуре. Достоверно зафиксировано применение термина «каган» к правителю Древнерусского государства середины XI в.[199] («Слово» Илариона) и ретроспективно — к прямой линии его предков (Иларион, 1990. С. 206), начиная с Владимира. Игорь

и Святослав каганами не названы, однако именно последнему по праву, а не по претензии подходило «присвоение» данного титула. Он ставил его и над «цесарем» болгар, и над князьями-«архонтами» Руси (и даже над самим собой как великим ее князем), над тюркскими ханами и венгерскими воеводами. Мир Святослава с Византией часть из них (например, печенеги) могла расценить как предательство идеи Каганата: «пацанаки были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор» (Скилица, 1988. С. 133).

О наследственно-родовом характере власти великого князя на самой Руси говорит процедура назначения-выбора князей-наместников из числа сыновей Святослава. Значительным влиянием пользовались бояре из числа родственников по женской линии (Добрыня — брат матери Владимира Малуши), воеводы-советники (Свенельд и Блуд при Ярополке), воеводы-правители (Претич при черниговских князьях). Предполагается возможность и допустимость самостоятельных от своего князя действий бояр, что предусматривает и договор Святослава с Иоанном Цимисхием: «и иже суть подо мною Русь, боляре и прочий до конца века яко николи же помыслю на страну вашу… ни на власть Корсунскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарскую» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 22 об.). На мысль о разном статусе подданных по отношению к «катархонту» наводит формула договора в изложении ПВЛ: «аз же и со мною и подо мною да имеем клятву…» (Там же). Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и не всегда адекватную передачу летописцем-переводчиком дипломатической лексики, устойчивых формул греческого оригинала (см., например: Малингуди, 1996. С. 61–63).

С учетом того, что «Русь» и бояре уже упоминались как находящиеся «под» (властью) князя, «со мною» могут быть только иные князья, отчасти равные Святославу по степени причастности к власти и суверенитету. Другое дело, что как участники похода в Болгарию и договора с Цимисхием последние не упоминаются. Вместо них в качестве совещательного органа при войске Святослава имелся «совет знати» — «комент» (Лев Диакон, 1988. С. 79). Это единственное

свидетельство «аристократических» элементов в структуре власти державы Святослава. Да и то неизвестно, что подразумевалось здесь под знатностью — «благородство» происхождения, близость к князю или личные качества. Скорее всего, последнее: так, Икмор, «предводитель войска», «второй» после Святослава (Там же. С. 78), «пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения» (Святослава) (Скилица, 1988. С. 129). Лев Диакон добавляет, что он — «храбрый муж гигантского роста» (Лев Диакон, 1988. С. 78). Принцип «подбора кадров» явно меритократический, то есть по личным качествам, присущий некоторым «неклассическим» моделям «дружинной государственности» (Швеция, Норвегия, Русь, а также, возможно, отчасти Чехия, но не Польша).

Для дружины Святослав — первый среди равных, что выражается в отсутствии особых регалий власти: лишь «с одной стороны (головы) свисал клок волос — признак знатности рода» (Там же. С. 82). К «боярам» же, не входившим в его дружину, князь прислушивается не более, чем к «прочим людям» в иных обстоятельствах: «киянам» в 968 г., «новгородцам» в 970 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20–21).

В данном случае это признак силы власти: авторитет князя среди тех, чьим мнением он дорожит, настолько высок, что он может позволить себе пренебречь внешними эффектами, его подчеркивающими, — одевается, как все, сам гребет в лодке и т. д. Отличие от пышных титулов и регалий царей Болгарии, вставшей на «византийский» путь развития государственности, разительно. Вероятнее всего, Святослав в качестве главы «империи» имел различный (и неустоявшийся) статус в разных составляющих ее частях.

Уровень развития (стадия политогенеза) этих отдельных ее суборганизмов был также различен. О Хазарии (ее причерноморской части) и Болгарии, переживавших, хотя и в разных формах, раннегосударственный этап, уже говорилось. Что касается Руси, то на ней в трех разных формах (линиях развития) осуществлялся переход от «двухуровневой» государственности этапа «сложных вождеств» (эпохи «варварства») к ранней государственности. У древлян — через трансформацию путем внешнего завоевания и конфликта, разрешенного в пользу государственности, в ущерб уже сложившимся структурам «племенного княжения» этапа «вождеств». В «Росии» — через «дружинное государство», жившее за счет экзоэксплуатации и внешней торговли. Новгород, судя по его будущему, шел по линии развития к сложному городу-государству, переживая в тот момент стадию протогорода-государства, осложненную (причем добровольно) внешними дружинными тенденциями. По аналогии с ранними городами-государствами йоруба, у власти которых первоначально находилась родовая аристократия, его нельзя назвать сложившимся

городом-государством, так как «последние возникали на базе второго общественного разделения труда — отделения ремесла от земледелия». В городах-государствах земледельческо-торгового варианта «от земледелия отделились общественные функции, управленческие, военно-управленческие, торгово-ремесленные, культовые» (Кочакова, 1986. С. 252). Не говоря уже о временных союзниках Святослава — венграх и печенегах (возможно, и волохах Нижнего Подунавья), ни одна из трех частей Руси, принадлежавших к его державе, не обладала ни полным набором сущностных признаков ранней государственности, ни даже одним из них в полном объеме. Здесь нет ни замены племенного, этнического деления на территориальное, ни отделенной от «народа» публичной власти, обладавшей аппаратом с преобладанием функций внутреннего подавления. Налоговая система начала зарождаться с земли древлян и некоторых северных территорий при княгине-регентше Ольге, но она была неустойчивой, разнообразной, а главное — не отделившейся идеологически ни от «добровольных» родоплеменных взносов на содержание власти (реципрокности), ни от военной контрибуции. То же можно сказать и о праве, которое не только не было кодифицировано, но и не находилось целиком в руках «государства» («Закон Русский» в «Росии», обычное право разных племен и «уставы» их князей, договоры некоторых протогородов-государств с князьями). Не выполняется и присущая для ранних разноэтничных государств интегративная функция. Нет и таких вторичных, внешних, но почти всегда обязательных признаков, как «масштабы утилитарных и ритуальных сооружений общегосударственного значения» (Куббель, 1988. С. 158) и принятие общегосударственной религии. В типологически схожих государствах Европы (Болгарии, Чехии и Дании) эти явления сопровождали процесс образования ранней государственности, как бы подчеркивая, «оттеняя» ее нижнюю хронологическую грань. Присущи они и Руси, но только эпохи Владимира Святого.

Активная внешняя государственно-завоевательная экспансия с попыткой создания межэтничных «империй» обычно следует в организмах этой модели за образованием основных структур и элементов ранней государственности, способствуя их институционализации и укреплению. Обратный пример, пожалуй, дала лишь Польша, наиболее типологически отличная от Руси среди государств дружинного образца, да и то лишь в плане последствий экспансии, а не ее стадиально-хронологического соотношения с внутренними реформами (Шинаков, 1998а. С. 132). В Венгрии также возможность успешной внешней экспансии и расширения границ корпоративно-эксплуататорского «протогосударства» (точнее, системы «вождеств») мадьяров лишь оттягивала начало процесса раннегосударственных преобразований. И только неудачи венгров в Германии, Чехии и Византии заставили верхушку власти (но не всю

военно-родовую «корпорацию») искать пути к консолидации и как следствие — замене экзоэксплуатации на внутренние поборы (эндоэксплуатацию).

Держава Святослава стадиально предшествовала формированию ранней государственности на Руси, хотя и обладала некоторыми вторичными, характерными не только для нее, признаками последней — гетерогенностью и военно-завоевательной экспансией с целью расширения «налогового поля».

Вероятно, причина еще большей недолговечности «империи» Святослава, чем держав Кнута Великого, Болеслава II Жестокого, Болеслава Храброго, «василевса болгар и ромеев» Симеона, в ее стадиальной «преждевременности», а не только в полководческом таланте Иоанна Цимисхия и военно-техническом превосходстве «ромеев». Все вышеперечисленные государственные образования, кроме Руси, провели к моменту начала внешней экспансии большинство раннегосударственных преобразований, в том числе и такое очевидное, как христианизация, хотя бы и поверхностная. Попытка же создать языческую «империю» в христианской ойкумене удалась, и то временно, лишь Литве (и то при условии принятия православия литовскими кунигасами в инкорпорированных русских областях). Быстрый переход уже вроде прочно завоеванных болгар на сторону византийцев — не славян, но православных — тому наглядный пример. С другой стороны, христианизация «федеральной» верхушки Ободритского союза княжеств лишь помешала Готшалку создать из объединения «вождеств» что-либо более прочное и стадиально «продвинутое», вызвав языческую реакцию и доказав на практике обратимость процесса государствообразования на ранних этапах. Впрочем, в последнем случае речь шла о внутренней консолидации, а не попытке создать разноплеменную «империю»…

Итак, «имперские амбиции» Святослава были заранее обречены на провал в силу объективных факторов и субъективных обстоятельств. Кроме первого порога, когда Святослав еще мог продолжить реформы Ольги и использовать свой авторитет, силу консолидированной в первом походе на Болгарию дружины и полученные тогда средства на воссоздание и интеграцию Руси в границах Олега и Игоря, был и второй. Это — спровоцированное (отчасти Святославом, отчасти — византийцами) вторжение «росов» во Фракию. Даже неустойчивый мир с Цимисхием, временные уступки, при условии принятия христианства и мер по «русско»-болгарской интеграции, могли помочь Святославу создать на болгарской земле в лучшем случае что-либо подобное «викингским королевствам» в Нормандии, Нортумбрии или Сицилии под формальным сюзеренитетом Византии. Шаг в этом направлении, по Скилице, Святослав все же вынужден был сделать, «прося залогов верности и включения в число союзников и друзей ромеев» (Скилица, 1988. С. 132), но поздно: условием согласия Иоанна стало оставление

росами Болгарии. Впрочем, Святослав, не стремясь созидать что-либо новое, а следуя традициям своего отца (но не матери), попытался, вероятно, и на болгарских территориях воссоздать структуры прошедшего этапа — «двухуровневых» государств — в Болгарии и на Руси. К их элементам можно отнести и вынужденную сплоченность всех росов в Болгарии, ставших там как бы коллективным «верхним» уровнем власти, осуществлявшим и военные, и административные функции. Впрочем, как это и характерно для данной формы государственности, в отличие от схожей с ней корпоративно-эксплуататорской, и те и другие функции отчасти возлагались на сохраненное болгарское правительство «нижнего» уровня (царя Бориса II) и войско (хотя такой вывод можно сделать только по византийским источникам, в русских болгары однозначно фигурируют лишь как враги и «полон»).

Этот путь не имел перспективы. Как и в Скандинавии, политика «конунга-викинга» была безрезультатна, лишь растранжирив военные ресурсы Руси, но не укрепив ее структуры. Однако само средство, созданное Святославом в ходе «имперской» экспансии («большая дружина»), было использовано его преемниками для иных, внутренних целей. Этот частный пример и подтверждает, и поддерживается общеэтнологическими наблюдениями: «Любые варианты внешней эксплуатации требовали особого внимания к военной организации как единственно надежной гарантии ее сохранения. А эта организация составляла уже готовый аппарат власти в случае ее обращения внутрь общества, против своего же народа, то есть ради эксплуатации внутренней» (Куббель, 1988. С. 152).

Г) Святославичи: поиски пути (механизмы создания территориальной базы раннего государства)

Главный инструмент объединения отколовшихся от «Росии» во время кризиса 40-х гг. X в. племен, протогородов и княжеств — «большая дружина» — был создан или восстановлен после гибели значительной части дружины великого князя Игоря в 941, 943–945 гг. и сплочен как единый организм во время «имперского» эксперимента Святослава. Тогда же она получила зачатки навыков участия в управлении, но кратковременность ее пребывания в Болгарии не позволила им развиться. Свенельд привел на Русь не менее 20 000 воинов (даже если считать, что именно это сообщение Льва Диакона повлияло на сказание ПВЛ о «хитрости» Святослава, вдвое преувеличившего число своих войск). Те же, кто в начале похода на Болгарию были ополченцами, «воями», при возвращении в «метрополию» отвыкли от иных видов занятий, кроме войны и отчасти — управления. Возможно, у части воинов привычка к труду просто не успела сложиться, ведь Святослав увел в поход «все молодое поколение» (Лев Диакон, 1988. С. 44). Содержать же такой огромный по тем временам профессиональный военный аппарат за счет узкой для

эндоэксплуатации экономической базы было невозможно (большая часть дружины во главе со Свенельдом (ПСРЛ. Т. 1. Л. 23), с ее привычкой жить за счет других, оказалась в распоряжении князя «Росии»). При этом, например, Ярополк Киевский «был лишен средств идти в Болгарию» (Погодин, 1847. С. 476). Дальнейшее было делом времени: причина и следствие, переплетаясь, «подгоняли» друг друга. Большая дружина требовала все больших податных земель и давала возможность их завоевывать. Механизм присоединения «племенных» княжений, в случае разрушения их политической структуры и «столиц», замены их опорными пунктами великокняжеской власти с русскими гарнизонами, обладавшими специфической культурой и погребальным обрядом, хорошо «читается» археологически[200]. Проблема только в степени точности датировок. Так, гибель городища Коровель как центра черниговских династов некоторые исследователи (Зоценко, 1996; Андрощук, 19956; Коваленко, 1983) датируют концом 60-х гг., связывая ликвидацию и ее независимости, и ее самой с походами Святослава на восток. Несколько противоречиво этот вопрос трактуют Ю. Шевченко, А. Уманец, Т. Новик. С одной стороны, допускается возникновение этой династии еще в 40-х гг. X в., при связи датировки с некоторыми Шестовицкими курганами (Новик, Шевченко, 1995. С. 98), а также упоминанием Улеба и Сфандры в договоре 944–945 гг. в сопоставлении с Хельгу «Документа Шехтера» (Там же. С. 66). С другой стороны, «наиболее удобным временем для основания независимой династии» считаются 70-е гг. X в., время «ослабления Клева» и «освобождения... от частичной вассальной зависимости от Каганата» после походов 965–969 гг. (Там же. С. 65–66). С этим же периодом связываются скандинавские курганные древности самого Чернигова типа «Черной могилы», в которой был захоронен князь, погибший в борьбе с Владимиром Святым, пытавшимся в 992 г. христианизировать Чернигов и уничтожить местную династию. Именно с этой попыткой, хотя и неудачной, соотносится гибель городища Коровель. Допускается и существование такой скандинавско-хазарской («ассийской», «савирской») по происхождению династии в конце X — начале XI в., представителями которой оставлены, в частности, сидячие погребения Шестовицкого некрополя[201]. Таким образом, небольшая (с точки зрения возможностей и степени информативности археологических источников и методов исследования и обработки) неточность датировок может существенно изменить нюансы одной концепции, не говоря уже о возможностях оперирования ими для построения разных гипотез. Тем не менее и здесь более широкий подход дает свои результаты. Зная применявшуюся русскими князьями «методику» покорения славянских «племен» из нескольких центров (Зайцев, 1975; Шинаков, 1986 — для Подесенья)[202], можно сопоставить время и цели основания Белой Вежи, отрезавшей северян и вятичей от остатков Каганата, появление скандинаво-русских дружинных древностей в

Чернигове, а затем в Посемье (конец X в.), а также Среднем Подесенье (район Стародубского и Трубчевского ополий — рубеж X–XI вв.), с поэтапным покорением лево-бережных (прежде всего северянских) земель. Древнейший достоверный в этом плане археологический факт дается денежно-вещевым кладом и отдельными «варварскими» подражаниями дирхемам «левобережного веса» (обрезанным в кружок) 70-х гг. из слоя гибели городища Горналь (Куза, 1981. С. 29–30, 38; Зайцев, 1991; 1992).

Горналь и Верхнее Посемье в целом являются как бы отправной точкой завоевания земель северян, начатого, вероятнее всего, при Ярополке. Косвенным доказательством последнего является отсутствие упоминаний покорения северян при Владимире Святом и Святославе, в то время как иудео-хазар-ские письменные источники и археолого-нумизматические данные достаточно однозначно свидетельствуют в пользу либо их независимости, либо возвращения в сферу влияния Каганата с середины X в. «Корректировка» летописцев, обвинение их в умолчаниях или сознательных искажениях — это дело, на которое можно пойти лишь в крайних случаях, при наличии весьма веских оснований. Однако в данном случае дело в другом: фигура Ярополка «выбилась» из прямой линии «демиургов» Древнерусского государства уже ко времени «Слова о Законе и Благодати», не говоря уже о «Начальном своде» и ПВЛ. Как сводный брат Владимира, он как бы отошел в сторону от прямой генеалогической цепочки Игорь — Святослав-Владимир — Ярослав, что, возможно, диктовалось попытками создать автократический идеал власти, наследственной от отца к сыну, особенно актуальный при Владимире Мономахе.

Летописей при дворе Ярополка, вероятно, не велось, «дружинные легенды» и былины об этом непопулярном в среде окружения Владимира Святого князе тоже не создавались. В итоге на страницы ПВЛ попали лишь те его деяния, которые были связаны с борьбой внутри клана Рюриковичей, но не государственные мероприятия.

Время массового появления скандинавских и русско-дружинных древностей на Левобережье[203] если и не указывает с абсолютной гарантией на начало наибольшей интенсивности киево-русской экспансии в этом регионе именно при Ярополке (в силу недостаточной точности для указанных целей археологических датировок), то и не противоречит этому.

Дата присоединения среднего и верхнего течения реки Псел, а также и верхнего (Курского) Посемья к Руси может определяться кладом на селище у села Воробьевка, содержащим в том числе лучевое височное кольцо группы IV, абсолютно аналогичное горнальским, и дирхемы (последняя монета — 966 г.) (Шинаков, 1980а. С. 129; 1991а). Причин выбора русами именно этих регионов первоначально как объекта, а затем как одного из плацдармов для наступления на земли северян могло быть, как минимум, две: отсечение так называемых

«Восточных территорий» от основного массива северянских земель в среднем и нижнем Посемье и Подесенье[204], а также лишение последних выхода в степи — к осколкам Каганата, давним болгаро-аланским культурно-политическим контрагентам северян на Донце и Дону[205] и потенциальным союзникам — печенегам. Вместо разрушенных центров ромейской государственности сооружаются такие крепости, как Гочево (Шинаков, 1980а, в; 1982)[206], возможно, Курск (Енуков, 1995. С. 30; Анпилогов, 1979. С. 43). Чуть позднее (на рубеже X–XI вв.) через эти пункты, а также Липовое, Зеленый Гай, Белгородку — Николаевку и другие (Моця, 1985; 1993. С. 69–70; Сухобоков, Моця, 1987; Моця, Халиков, 1997. Гл. I, III) проходит[207] наконец прямой путь из Киева к источникам арабского серебра — в Булгар. В данном случае по целям войну с северянами можно отнести к типу завоевательных, с задачами не только присоединения податных территорий, но и создания лучших условий для торговли. Характерно, однако, что маршрут пути, проходя вдоль печенежских степей, минует не только земли «диких вятичей» по Оке, но и давно освоенный русами Черниговский регион. Вполне возможно, что там все еще правила русская (вероятно, «вассальная»), но и все же «альтернативная» киевской династия (Новик, Шевченко, 1995), или же воспоминания об этом были слишком свежи (Зоценко, Моця, 1996), чтобы рисковать надежностью пути в самом его начале. Кстати, как показали неблагоприятные для Киева события 1023–1026 гг., сомнения в «благонадежности» Чернигова и северян были вполне обоснованными. Скорее всего, именно в связи с этим первый гипотетичный поход на северян на Псел проходил не через Чернигов Посемье, а в южном варианте, в обход, кстати, достаточно устоявшейся и, соответственно, укрепленной русско-северянской границы в нижнем Подесенье (Григорьев, 1988; 1990; 1993). Возможность такого пути (от Переяславля на Верхний Псел и далее — к Курску) была предусмотрена автором для древнерусской эпохи; А.П. Моця допускает его существование еще до христианизации Руси, то есть в период гибели Горнальского городища, в качестве «второго генерального направления расширения политической власти феодальной верхушки» (Моця, 1993. С. 64–65).

Однако правила или нет в Чернигове независимая (или вассальная), безусловно русская, а не «местная» (северян — ская) династия, именно его округа стала, по данным археологии и нумизматики, исходной базой для второго направления «государственного освоения» земель не только северян, но и части радимичей с вятичами. Впрочем, даже если Ярополк ликвидировал черниговскую династию, о чем нет данных (как и прямых сведений о наличии самой династии), то он выступил ее правопреемником, в том числе и в сфере внешних контактов. Во всяком случае, он поддерживал мир с печенегами (установленный Претичем?), которого не было у Святослава (события 972 г.), и мог рассчитывать на

получение от них помощи против Владимира в 980 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 24 об., 25).

Кроме земель северян, до начала правления в Киеве Владимира Святого была, вероятно, присоединена к Древней Руси и Волынь. Начало интенсивных экономических связей этой области по Припяти с Поднепровьем, а через него — и с Востоком датируется, по данным нумизматики, серединой 80-х гг. IX в. (Фомин, 1993. С. 79). Косвенно об этом же говорят следы штурма крупных племенных центров Волыни (Зимно) и на припятском пути к ней (Хотомель) на рубеже IX–X вв. (Тимощук, 1995. С. 26–27). После некоторой лакуны в 40–50-х гг. X в., связанной, впрочем, с событиями не на западной, а на восточной границе Руси (с Хазарией) (Фомин, 1995. С. 67, 72), поток восточного серебра по Припяти возобновляется в 70-х гг. X в. (Костомлотский клад на Западном Буге). В этой связи начинает работать и такой, возможно, случайный и изолированный сам по себе факт, как находка в одном из двух больших «княжеских» курганов с трупосожжениями в Пинске дирхема Нух бен Насра самаркандской чеканки 952–963 гг. (Марков, 1910. С. 24; Кухаренко, 1968. С. 87). В.А. Кучкин, ссылаясь в том числе на данные А.В. Назаренко, считает возможным вообще относить часть Волыни в верховьях Западного Буга, до Карпат и «польских земель» (Кучкин, 1995. С. 95–96), в состав изначальной «Русской земли». Но даже если и так, это свидетельствует не об отсутствии на Волыни в середине X в. самостоятельного княжества вообще, а лишь о таковом во главе с местной, а не одной из «русских» династий (вроде Турда в Турове). Возможно, но не обязательно о раннем присоединении к «Русской земле» на уровне ликвидации местной княжеской власти и образования «градов» с русскими дружинными гарнизонами может свидетельствовать достаточно редко встречаемый, кроме «Росии» и северных центров типа Гнездова, Тимерева, Ладоги и Пскова, «камерный» обряд захоронения на Волыни. Здесь он, однако, обладает одной спецификой: «склепы»-срубы были размещены на горизонте (Мельник, 1901. С. 479–876; Моця, 1993. С. 59), хотя имеются и ямные захоронения (Седов, 1982. С. 96), которые некоторые исследователи предлагали даже считать этнокультурной особенностью волынян (Тимофеев, 1961. С. 56–73). Сочетание идеи дома и погребального костра также встречено на Западной Волыни, однако в единичных случаях (Мельник, 1901. С. 503, 520; Бліфельд, 1954. С. 159–160). Прямых аналогий мало — в Кветуни (Шинаков, 1995а. С. 84–85; 19956), близ северо-восточных границ «Русской земли», возможно, в «Росии» X в. и Сумарокове в верховьях Сожа (Енуков, 1990. С. 111, 233), то есть, по нашей концепции, на границах смоленской группы «русов» и земли радимичей. Интересен факт наличия в обоих последних захоронениях (Кветуни и Сумарокове) такой характерной «ранговой» детали «русского» дружинного костюма, как бляшки воинского пояса (Падин, 1976; Енуков, 1990. С. 113. Рис. 44). Примечательны прямые аналогии

сумароковским бляшкам в дружинных некрополях Сновска, Левенки (к югу от земли радимичей), а также Гнездова и Тимерева (Самоквасов, 1916. Рис. 7.64; Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 4; Сизов, 1902. С. 44, 48. Табл. III). Сам же обряд уникален: даже в специальной сводке З. Бессарабовой (Бессарабова, 1973) упоминания о нем отсутствуют. Предварительно его можно интерпретировать как результат длительного мирного синтеза русско-дружинных и местных религиозных воззрений и погребальных обрядов (Шинаков, 1995а. С. 136; 1995 г. С. 86).

Однако, как мы уже ранее упоминали, вряд ли есть веские основания считать возможным существование в X–XI вв. «Туровского княжества, включавшего земли древлян и дреговичей (с Пинском), а какое-то время и Волынь» — преемника не менее могущественного и обширного союза племен во главе с древлянами (Милютенко, 1990. С. 174–175). Скорее можно говорить о том, что во время кризиса 40-х гг. или сразу после него некий «русский князь» (в данном случае предводитель варяжской дружины типа «морского конунга») или основал город, названный в свою честь, на Припятском пути, соединявшем Волынь с «Росией», либо сделал его, принадлежавшего ему при Игоре на «вассальных» правах, полностью независимым от Киева. Последнее представляется более верным, чем самостоятельная «викингско-основательская» деятельность Тура (Турда), еще и потому, что в событиях с середины X в. (а в ПВЛ — и ранее) дреговичи — это даже не этноязыковая единица, поглощенная понятием «град Туров» и его земля. Вряд ли Туров можно считать «племенным» центром дреговичей (Тимощук, 1995. С. 49) не только из-за противоречащих этому прямых указаний летописей (ПСРЛ. Т. 1. Л. 23 об.), но и в связи с редкостью случаев, когда центры «русской» государственности возникали непосредственно в бывших «племенных градах» (и даже на их развалинах). Псков постепенно заменяет Изборск, Ростов — Сарское и т. д. В прилегающих землях столица племенных князей и «старцев» — Искоростень — сжигается полностью, его заменяет великокняжеский Вручий (здесь опять не права Н.И. Милютенко, говоря об отсутствии стольного города в «Деревех» во второй половине X в.: Милютенко, 1990. С. 174). Абсолютно то же самое можно отнести к Полоцку и Рогволоду.

На какое-то время волыняне, даже если они и не хотели восставать против Киева (или же русский наместник — объявлять себя независимым), силою обстоятельств оказались от него отрезанными. Причиной тому сначала Древлянское восстание, затем реальное правление Олега Святославича в «Деревех» и более гипотетичное, но весьма возможное — Тура-Турда в Турове. В итоге абсолютно не освещенная летописью до 975 г. полоса борьбы внутри корпорации русских князей и даже в самом роде Рюриковичей с 970 по 975 г. могла разворачиваться по трем сценариям и этапам: захват Олегом или Туром

Волыни и всех путей на запад (хорваты же достоверно не были подчинены Киеву); возможная ликвидация соперничавшей с Рюриковичами «русской» династии в Турове еще Олегом; усиление последнего и сознательное провоцирование конфликта с целью завоевания первенства внутри правящего рода (убийство Люта (Мстиши?) Свенельдича в 975 г.). Возможен иной вариант усиления власти Олега (в «обход» Турова) — за счет овладения непосредственно им землей волынян и установления компромиссных отношений с местной «нерусской» знатью.

Д) «Гражданские войны» 977 г. и 980 г. в государствообразующем аспекте

В свете целей и механизмов объединительной политики трех сыновей Святослава убийство одним из них (Олегом) Люта Свенельдича воспринимается лишь как повод к небезызвестному конфликту в борьбе за власть, расширение «податного поля» и торгово-политических путей на запад. Особенно актуальной такая борьба была для Ярополка, так как именно ему служил Свенельд с большей, вероятно, частью вернувшейся из Болгарии дружины. Не имея возможности прокормить ее путем внешних войн, а значительная дружина и объективно, и субъективно «требовала» их, Ярополк просто силою обстоятельств должен был вести «внутренние». В этом полностью прав В.Я. Петрухин, говоря, что «Владимир… отказался от „имперских“ амбиций своего отца во внешней политике» (Петрухин, 19956. С. 122), с одной поправкой: это сделал Ярополк. Являлась ли причиной убийства Люта (был ли он при этом еще и Мстишей — Мстиславом (Щавелев, 1998) или нет, в данном случае не суть важно) месть за Святослава родственникам Свенельда (Фроянов, 1994) или это был случайный конфликт на границе охотничьих угодий, был ли при этом Лют ловчим Ярополка (Топоров, 1988. С. 251–252) или законным претендентом на земли, пожалованные его отцу еще Игорем (Котляр, 1989. С. 148), в данном контексте — частные вопросы. Подтверждаются эти выводы о глубинных причинах первой зафиксированной ПВЛ «гражданской войны» на Руси и сведениями «Эймундовой саги» о более поздней, но, в общем, однопартийной войне. «Он („Вальдамар конунг“) наделил их („Ярицлейва“, „Вартислава“, „Бурицлава“) не совсем поровну — одному („Бурицлаву“) теперь досталось больше, чем тем двум… Теперь у них развал из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских, и считает, что он поэтому ниже своих предков» (Джаксон, 1994. С. 106). Далее Бурицлав «просит у Ярицлейва несколько волостей и торговых городов… которые ближе всего к его княжеству, и говорит он, что ему они пригодятся для поборов» (Там же. С. 108).

С другой стороны, власть Ярополка, по данным археологии и нумизматики, расширялась на восток за счет укрепления суверенитета

над Черниговом и зависимыми от него землями (возможно, и на восточной оконечности пути с Волыни — «Боспоре Киммерийском», «Меотиде») и завоевания части северянских земель по среднему и верхнему Пселу, верхнему Сейму. Если Олег, присоединив Туров, перекрывал Ярополку путь на запад, а последний, владея Днепром, — путь на восток, это уже могло служить причиной неизбежного столкновения. Однако для борьбы между близкими родственниками, в силу господствовавшей этики, требовался убедительный casus belli; найти его для обеих сторон было делом времени. То, что обе стороны готовились к решающему столкновению, говорит, возможно, иначе необъяснимая «оперативная пауза» между убийством Люта и началом военных действий (с 975 до 977 г.). Если учесть под этим углом зрения возможный контакт Ярополка с папством (Толочко, 1987. С. 69) и полоцким князем Рогволодом, то для Олега вполне естественными, а в случае владения Волынью и торговым путем — даже неизбежными, были тесные отношения с Болеславом II Жестоким или с Хорватско-Зличанским княжеством. Как бы то ни было, путем чуть ли не ритуального сражения полками (ПСРЛ. Т. 2. Л. 29 об.) «вшед Ярополк в город Олгов и прия волость его», а затем, после бегства Владимира «за море», «посади посадник свои в Новгороде и володея един в Руси» (Там же. Л. 30) (то есть Русь — Клев — Древлянская земля, Новгород, возможно — Чернигов и Волынь). Поведение Владимира необъяснимо, если принять версию о случайности конфликта Олега и Свенельда, вызванного либо сведением личных счетов, либо пограничным спором. С другой стороны, оно вполне понятно в случае возможного союза Олега и Владимира против Ярополка и понимания Владимиром конечной цели последнего — стать «самодержцем» не только над Русью, но и над своим родом. В этом ощущается влияние византийской концепции власти, основы которой могла привить Ярополку как бабка Ольга, так и жена — «грекиня» (Там же). Таким образом, результатом этого этапа борьбы стало не расширение границ Руси, а изменение (как оказалось, временное) формы правления внутри ее. В том же контексте (усиление концентрации власти) можно расценить и попытку династического союза Рюриковичей и полоцкого дома Рогволода (Рогнвальда), начатую

Ярополком и доведенную до конца Владимиром. К этому моменту можно с наибольшей долей вероятности отнести и присоединение Турова (если только еще ранее с этой задачей не справился другой Рюрикович — Олег).

По нашему представлению, момент столкновения между Рюриковичами назрел тогда, когда каждый из них смог подчинить «свободные» земли к востоку и юго-востоку от Клева, западу и северу от Вручил, во всех возможных направлениях от Новгорода. О предполагаемых территориальных приобретениях Ярополка и Олега уже говорилось, а о владениях Владимира повествует начало статьи

980 г.: «Володимир... собра вой многи... и Словении, Чудь и Кривичи» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 24), а также сведения о принадлежности Ладоги и земель к северу от нее «конунгу Вальдамару» в «Саге об Олаве сыне Трюггви», примерно через год после прихода последнего к власти в Норвегии (Снорри Стурлусон, 1980. С. 152–153) в 995 г. (Джаксон, 1994. С. 118). Скорее же всего, волость («конунгство») Ладоги на границе «Словен» и «Чуди» была присоединена к владениям Владимира еще во время его первого пребывания в Новгороде (до 977 г.). Земли же белых хорватов, скорее всего, входили в состав «империи» Болеслава II Жестокого непосредственно или через Зличанско-Хорватское княжество, и Владимир Святой мог решиться на войну против них лишь после явного ослабления позиций чехов в Карпатах, возможной потери ими Краковской земли. Полоцкое княжество Рогволода[208], зажатое между Новгородом, где «сидел» Владимир, и Туровом (в том случае, если он уже принадлежал Олегу), могло ориентироваться (что и было в реальности) на Ярополка Киевского. Спорной между четырьмя (а то и пятью, если Туров еще сохранял в 975 г. независимость) князьями оставались земля радимичей, возможно — Смоленск (наиболее реально — между Владимиром и Рогволодом). Не поделенной между Ярополком и Владимиром, в силу, вероятно, ее отдаленности и возможного сохранения связей с Волжской Болгарией и осколками Хазарии на Волге, оставалась земля вятичей. Что касается Ярославского Поволжья и центра мерянских земель — котловины озера Неро с Ростовом, то, по данным археологии, они в это время однозначно и прочно принадлежали Руси[209]. Но вот кому из Рюриковичей — Ярополку или Владимиру, либо какому-то неизвестному по имени «русскому князю» (возможно, не из рода Рюриковичей), — неизвестно. Летописные данные методом «от обратного» склоняют, скорее, в пользу последнего предположения[210]. Но даже и в этом случае новое «троецентрие» Руси[211] явно пошло ей на пользу, заставив трех Рюриковичей максимально использовать местные ресурсы, искать новые формы взаимоотношений с «племенной» знатью, отыскивать союзников за рубежами Руси. Это хорошо отразил такой мастер образности в русской истории, как М.П. Погодин: «Вероятно, сначала каждому предоставлялось ходить в свою сторону, как далеко сможет» (Погодин, 1847. Т. 3. С. 479).

В чисто военном отношении превосходство должно было быть за Ярополком, в чьем основном распоряжении оказались ветераны Балканской кампании Святослава во главе со Свенельдом. Хотя, возможно, на Русь смогли пробиться и другие отряды, в том числе и из окружения самого Святослава. Об этом косвенно свидетельствуют два рунических камня на Готланде с надписями: «...установили эти камни по Хравну к югу от Ровствейна. Они добрались вплоть до Айфора (один из днепровских порогов). Вифил вел (отряд дальше)» (то есть, по мнению Й. Херрманна, Хравн погиб на порогах); «...его (Хродфроса)

обманом убили валахи в далекой поездке» (последний мог погибнуть либо в районе Переяславца на Дунае, либо во время отступления войска Свенельда через Валахию и Молдавию) (Херрманн, 1986. С. 49; Шинаков, 1995а. С. 171). Олег и Владимир могли противопоставить этой силе и, очевидно, большей агрессивности Ярополка (значительную дружину нужно было содержать)[212] договоренность с «нижним уровнем» власти (бывшим — у древлян, реальным и действенным — в Новгороде). Кроме того, вполне вероятен союз между ними (в противовес планируемому династическому альянсу Ярополка и «дома» Рогволода), но главное — внешняя (хотя и разная у каждого из них) поддержка и у Владимира, и у Олега.

Международная ситуация в Центральной, Северной и Восточной Европе 70-х — начала 80-х гг. X в. обрисована на основе латиноязычных источников А.В. Назаренко (Назаренко, 1994. С. 99–121; 1996а. С. 22–31). Не претендуя на дополнение и попытки оспорить достоверность самих фактов, мы считаем возможным высказать сомнение в степени информативности и интерпретации некоторых из них. Соглашаясь с А.В. Назаренко в главном (что Русь в это время оказалась в гуще международных связей), отметим некоторые частные разногласия:

— нельзя для периода 972–977 гг. говорить о Руси в целом в плане международных союзов: они, вероятно, должны быть разнонаправленными для трех (а то и четырех, включая Рогволода) князей;

— в этой связи не очень убедительно звучит мысль о том, что причиной, заставившей Болеслава II в 977 г. пойти на мир с Оттоном II, был династический союз последнего с Ярополком (точнее, с «Русью», см.: Назаренко, 1994. С. 118) сам по себе. Даже отдаленные восточные границы «империи» Болеслава (а не собственно Чехию, где велись боевые действия против немцев) отделяло от владений Ярополка княжество Олега, союзное, как отмечает и сам Назаренко (и в чем мы с ним полностью согласны), Чехии (Назаренко, 1996а. С. 25). В этой связи вряд ли можно предполагать какие-либо «военные действия Руси (по контексту — Ярополка) на чешско-русском пограничье на Волыни летом 977 г.» (Назаренко, 1994. С. 113–119; 1996а. С. 24), так как маловероятно, что такое (у Ярополка) пограничье было в то время (до разгрома и убийства Олега Древлянского). Ситуация здесь более сложная;

— вряд ли следует объяснять поход 981 г. Владимира на Червенские грады необходимостью для него выполнения союзных обязательств перед Германией, «по наследству» перешедших к нему от Ярополка, и смещать для этого дату похода на 979 г. (Назаренко, 1996а. С. 25), для чего нет веских оснований в ранних летописях. Вполне достаточно наличия у Олега и Владимира союза с Чехией, у которой как раз на рубеже 70–80-х гг. X в. Мешко I отобрал Краковскую землю (Buczek, 1959), и поход Владимира на «ляхов» преследовал как

свои цели (восстановление связи с Чехией через Малую Польшу), так и выполнение союзнических обязательств (своих, а не побежденного и убитого Ярополка). Если не принимать точку зрения Бучека о потере Чехией Кракова именно в то время, а согласиться с Козьмой Пражским, что это случилось позднее, уже при Болеславе Храбром, то, возможно, именно поход Владимира и его последующая поддержка Болеслава II Жестокого против германо-польской коалиции привели к провалу попыток Мешко I присоединить Краков к Польше (Успенский, 1872. С. 187–188). Комплекс сведений: от участия послов Руси на Кведлинбургском соборе 973 г. до планируемого брачного альянса Ярополка с дочерью «знатнейшего графа Куно из Швабии» от дочери Оттона I (Назаренко, 1994. С. 102, 104, 113), и также, возможно, сопоставимых с генеалогией Вельфов сообщений Никоновской летописи и Иакова Мниха: «в седьмое лето Ярополка придоша послы из Рима» (с корректурами в 979 г. и дополнением «от папы»: ПСРЛ. Т. 9. Л. 89; Зимин, 1963. С. 72), при всей уязвимости по разным причинам отдельных его составляющих, — в целом, вероятно, верно отражает выбор союзников князем Ярополком.

Не исключена и заинтересованность Польши в этом князе, естественном враге Олега — союзника Чехии, постоянного противника Пястов, во всяком случае, в условиях польско-германского сближения. Последнее возможно после мира 973 г. с Оттоном I. Участие Польши в чешско-баваро-датской коалиции против только что взошедшего на престол Оттона II слабо аргументировано источниками[213], но если даже было и так, то до второго брака Мешко I и Оды Саксонской, произошедшего либо в 977–978 гг., либо (по Назаренко) в 979–980 гг. Впрочем, реально ценным союзником для Польши Ярополк мог стать только после его победы над Олегом, что, с другой стороны, снимало для него необходимость такого союза. И действительно, он не стал вмешиваться в дела своих зарубежных союзников и противников, тем более что расстановка сил в их лагерях поменялась в конце 977 — начале 978 г. с заключением германо-чешского мира, а двинулся на Новгород, использовав, вероятно, как опорный пункт подготовленный для этого заранее Гнёздовский «погост». Что касается договоренностей с печенегами, то о них нет сведений до 980 г. Кроме того, в силу низкой политико-правовой культуры «чистых» кочевников, каковыми были печенеги, а также наличия у них разных орд (Плетнева, 1990. С. 12–13; Константин Багрянородный, 1991. С. 155, 157), какой-либо предварительный «союз» с ними имел малую цену. Возможны лишь хорошие с ними отношения, перешедшие «по наследству» к Ярополку от черниговских «династов» либо правителей северянских потестарных образований.

Реальных доказательств союза и Олега, и Владимира с Чехией больше. Это и прямые (для последнего) и косвенные (для первого) данные об их династических браках с чешскими принцессами

(Назаренко, 1994. С. 121; 1996а. С. 25; ПСРЛ. Т. 1. Л. 25 об.), и сведения о восточных границах созданного в 973 г. Пражского епископства (Козьма Пражский, 1962. С. 181). Последнее, безусловно, включает Волынь и земли белых хорватов, хотя необходимо считаться с тем, что документ, восходящий к 1086 г., может оказаться неточным или неподлинным (Назаренко, 1994. С. 114).

Чешская церковь, в обмен на свободу миссионерской деятельности и даже ее поддержку, могла закрыть глаза (а то и благословить) на браки чешских принцесс с князьями-язычниками[214]. Полоцк (и его протогосударственно-городская община, возникшая задолго до появления Рогволода), вероятно[215], так до конца борьбы и не определил однозначно свою позицию, судя по почти одновременному сватовству к Рогнеде и Ярополка, и Владимира (ПСРЛ. Т. 1. Л. 23 об., 24). После победы Ярополка над Олегом и — временно — Владимиром единственным вариантом для Полоцка сохранить самоуправление и свою династию было «породнить» ее с Ярополком и, возможно, признать последнего сюзереном, поступившись частью суверенитета и, скорее всего, дани.

Владимир, как князь Новгородский, вполне естественно избрал иное направление внешнеполитических связей (возможно, наряду с «чешским»), особенно после «выхода из игры» Олега и потери значимости возможных договоренностей с Болеславом II Жестоким. Как известно, он бежит «за море» и приводит «варягов», но откуда именно и каких варягов, летопись не уточняет (ПСРЛ. Т. 1. Л. 23 об.). С учетом внутреннего развития стран Скандинавии и международной ситуации середины — конца 70-х гг. X в. наиболее вероятным местом, где Владимир мог найти убежище и получить помощь, нам представляется Дания. Действительно, ему необходимо было в короткие сроки и не располагая, вероятно, наличными деньгами набрать значительное, достаточное для начала борьбы с фактическим «самодержцем» Руси Ярополком, войско. Для того чтобы осуществить такой процесс, необходимо было, как минимум, получить «мир» — разрешение на пребывание в стране от ее правителя (Джаксон, 1994. С. 107), а максимум — его помощь, в том числе, вероятно, и гарантии оплаты услуг наемников и, возможно, даже предоставление некоторого количества «королевских войск» (hird-шеп). Такую помощь (и с охотой) мог оказать Владимиру в те годы только Харальд Синезубый. Он располагал после окончания войны с Оттоном II значительными контингентами подготовленных воинов, часть которых, вероятно, все еще проживала в «королевских крепостях» и находилась на содержании Харальда. Некоторые же вольные дружины викингов могли попытаться «трудоустроиться» самостоятельно, но при санкции датского конунга и в его интересах. Главный же его интерес (до начала массовых походов в Англию при Свейне Вилобородом) находился на датско-германо-«вендском» пограничье, где, вероятно, именно в связи

с вышеуказанными обстоятельствами, возникает Йомсборг — полунезависимый «дружинный лагерь», «город» викингов. Да и само это пограничье с виком Хедебю было естественной зоной концентрации как скандинавских, так и «вендских» пиратов (Снорри Стурлусон, 1980. С. 71) — возможным объектом деятельности эмиссаров Владимира по вербовке наемников. Вполне допустимо участие в этом Олава Трюггвасона, находившегося в то время на службе у Владимира (Джаксон, 1994. С. 118).

Сам Харальд, несмотря на то что датская граница была укреплена не столько «Датским валом» и крепостями, сколько созданием «буферных» славянских княжеств (Вендское княжество Бурицлейва), находившихся отчасти под контролем и защитой датчан через Йомсборг, вряд ли мог полностью сбрасывать со счетов германскую угрозу и простить Оттону проигранную Данией войну. Зафиксированные источниками действия «вассалов» Харальда против тогдашнего союзника Германии Польши отчасти подтверждают эту мысль (имеется в виду уже упомянутое нападение йомсви-кингов на Волин — Западное Поморье, тогда принадлежавшее Польше, см.: Щавелева, 1987. С. 34). Удар по Ярополку, хотя и отдаленному, но все же союзнику Германии, тоже вряд ли мог идти вразрез с планами датского конунга. Датские конунги, в отличие от норвежских (в данном случае речь шла об уничтожении викингов Хаконом Добрым), не только терпели скандинавских и славянских пиратов на островах у своего побережья, но и использовали их в своих интересах, как Свейн Вилобородый йомсвикингов против норвежского конунга (друга Владимира и Бурицлейва, см.: Снорри Стурлусон, 1980. С. 101, 157) Олава Трюггвасона в 996 г. (Там же. С. 121–125). «Оба эти острова (Фембре, Руяна) полны пиратами и кровожадными разбойниками...» (Адам Бременский, 1989. С. 115).

В итоге и внешнеполитические интересы, и необходимость избавиться от излишнего количества находившихся на его содержании дружинников и викингов логически могли подталкивать Харальда воспользоваться ситуацией[216]. Дальнейший же ход событий отчасти подтверждает эти предположения. В борьбе с Ярополком Владимир нанес удар прежде всего по его союзникам (реальным и потенциальным): Полоцку, а затем (сразу после захвата киевского престола) — Польше (ПСРЛ. Т. 1. Л. 24, 26). В последнем случае, если его датировать все же 981 г., он мог фактически совпасть по времени с нападением йомсвикингов на Волин (Петрухин, 1995а. С. 251). Владимир, однако, ограничился этим успехом, не позволив себе в дальнейшем увязнуть в слишком «большой», имперского плана, политике, обратив свои войска, в том числе и скандинавско — («вендскую»?) их часть, на решение внутренних вопросов: завершение территориального объединения государства и его консолидацию.

В этой связи не столь уже необоснованными, вероятно, могут выглядеть предположения об участии тех же датчан (в том числе и «bird») в кампаниях против радимичей и вятичей в качестве инструмента данного (военно-организационного: подтип II; 3 «в», «г») механизма институционализации раннегосударственной власти. Действительно, в Южной Руси скандинавские древности (как, впрочем, и предполагаемые «дружинные лагеря» — кроме Белгорода и, возможно, Плисненска на Волыни, см.: Моця, 1993. С. 88) концентрируются в основном на Левобережье Днепра (Андрощук, 1999).

В свете возможного участия именно датчан (или зависимых от их конунга викингских дружин) несколько по-иному проявляется летописное сообщение 980 г. о раздаче «градов» некоторым наиболее «добрым, смысленым и храбрым» из варягов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 26) и контаминированные с ним, хотя и немногочисленные, археологические и топонимические данные. Кроме того, норвежцы (Олав Трюггвасон) и самостоятельно находились в войске и при «дворе» Владимира.

Разделим аргументацию на две части: этническую и социально-ранговую. Отметим достаточное количество предметов с орнаментацией в еллинг-стиле, датируемых не только периодом его бытования, но и более поздним (первая половина XI в.), когда в Дании он был уже изжит. Рукоять меча из Монастырища (Любожичи) (Тизенгаузен, 1871. С. 176. Табл. XIV; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. С. 254. Табл. 22. Рис. 88; Шинаков, 1995а. С. 104. Табл. XXXIII), кроме того, изготовлена в той из стран Скандинавии, которая имела наиболее тесные контакты с Англией, так как ее еллингский стиль был осложнен англо-саксонскими декоративными элементами (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. P. 116–117. Tab. XVI, XVIIa; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. С. 284). Это могла быть либо Дания, либо Норвегия, но последняя входила в державу Синезубого и по данным саг, и по надписи на руническом камне из Еллинга, синхронной (между 980 и 986 гг.) описываемым событиям: «...Я, Харальд, завоевал всю Данию и всю Норвегию и обратил всех датчан в христианство». Покрытое резьбой в еллинг-стиле костяное изделие из Седнева (Сновска) является, вероятно, частью обломанного остроконечника — детали скандинаво-дружинного быта (Шинаков, 1995а. Табл. XLVIII: 17). И наконец, стандартные, хотя и единичные и широко разбросанные медальоны из плохого серебра — женские привески с изображениями кусающего свой хвост (или, по крайней мере, с развернутой назад головой) животного, напоминающего дракона. Они встречены в Гнёздово вместе с другими скандинавскими «геральдическими» бляшками (ворон-орел, маскароны Одина (?), а также «плетения из грызущихся животных» и т. д. в кладе 1868 г., включавшем разноэтничные по происхождению вещи (по монетам — вторая половина и конец X в.). Кроме Гнёздово, они найдены в радимичских курганах русско-радимичского этнокультурного

пограничья начала XI в. (Ляличи, Митьковка, Саркел, Гочево (Шинаков, 1982), в Белгородке — Николаевке на Пселе, возможно, на Свапе, притоке Сейма (Студзенец-Голубовка); судя по описанию автора, «медальоны с тератологическим орнаментом» находились в захоронении на горизонте с типично радимичским инвентарем (Сперанский, 1894. С. 264)). Они найдены также во Владимирской области (пять курганных групп), Ярославской (одна), Ленинградской (две группы) и Смоленской (три группы, не считая Гнёздово) областях (Успенская, 1967. С. 126). Во «владимирских» курганах и у с. Исаево Ленинградской области они «обнаружены при захоронениях по обряду трупосожжений» (Там же. С. 106); в трех случаях, когда в кладах их сопровождали монеты, последние относились к середине X в. и началу XI в.[217] Несмотря на отнесение их к «предметам скандинавского импорта» (Там же), в самой Скандинавии их точных аналогий нет, хотя и стиль, и семантика изображения уходят корнями именно туда (Kivikoski, 1951).

Вряд ли возможно говорить об их скандинавском производстве хотя бы потому, что во время их бытования (как правило, конец X в. и начало XI в.) там уже господствовал новый стиль — «маммен», проявившийся впервые уже на руническом камне Харальда Синезубого, эмблема которого в основном еще выполнена в стиле еллинг (Викинги... 1996. С. 83).

Нетрудно также заметить, что медальоны с «дракончиками» в основном обнаружены в рядовых сельских захоронениях «племенного» облика, расположенных либо вокруг крупных дружинных центров (Гнёздово), либо в регионах, откуда при Владимире Святом могло начаться «последнее» концентрическое наступление на земли части северян, радимичей, вятичей (Средний Псел и Сейм, окраины Стародубского ополья, Смоленское Поднепровье, Ярославское Поволжье). Кроме того, это были, очевидно, внутренние (например, русско-радимичское) и внешние (со Степью — Гочево, с финскими племенами и Волжской Болгарией — «владимирские» курганы) пограничья. Примечательна «пограничность», а иногда и совпадение некоторых этих регионов с пунктами и временем наибольшего распространения «камерного» обряда захоронения. Зародившись в Центральной Швеции (Свеаланде) еще в вендельскую эпоху (В.Я. Петрухин, Ю.Э. Жарнов), в Дании этот обряд, попавший сюда, вероятно, в период временного владычества шведов в Хедебю, переживает свой новый расцвет с середины X в. под влиянием как социальных сдвигов (появление hirdmen, см.: Лебедев, 1985. С. 81), так и (причем именно здесь: в первую очередь, среди стран Скандинавии) распространения христианства. Учитывая, что район наибольшей и ранней в Дании концентрации подобных захоронений (Южная Ютландия с Хедебю) был в 934 г. (Гуревич, 1966. С. 117; Лебедев, 19856. С. 80) захвачен Генрихом Птицеловом (Гуревич, 1966. С. 117), его потенциальные

«носители» также надолго могли оставаться не у дел, влиться в дружины Горма (Лебедев, 1988. С. 86) и Харальда, отправиться на Русь.

В качестве осторожной гипотезы можно выдвинуть предположение, что стандартные украшения со скандинавской семантикой восходят к опознавательным знакам королевской дружины Харальда или ее непосредственного предводителя[218], ибо сам конунг имел хотя и схожую, но иную эмблему — лев, перевитый змеей (Викинги... 1986. С. 83). Впрочем, наводит на размышления факт преимущественного их происхождения из «северских», в основном женских, погребальных комплексов Юго-Восточного региона в целом (трофеи — дары женам либо свидетельство присутствия скандинавов в военно-политической верхушке Юго-Востока). В пользу последнего вроде бы свидетельствуют такие археологические факты, как синкретичный (славяно-салтово-скандинавский) характер крупных торгово-административных центров Юго-Востока типа Супруг. Также, наверное, об этом говорят и специфические кремации в наземных или чуть заглубленных «камерах» как в центре (на Оке и Дону) (Бессарабова, 1973), так и на предполагаемых окраинах (Кветунь, Палужье, Сумарокове (Енуков, 1990. С. 111, 113, 161; Шинаков, 19956) гипотетического северянско-вятичско-радимичского протогосударства, причем в обоих случаях с «дружинным», одновременно генетически-салтовским признаком — поясным набором, а также скандинавские, салтовские и синкретичные артефакты на городищах роменско-боршевской культуры (Горналь, Каменное, Титчиха, Гочево и др.).

Не углубляясь в психологию элитных коллективов, тем более в чуждом окружении, отметим хорошо известное по синхростадиальным этнографическим параллелям наличие для них общего тотема, символа, эмблемы[219]. Дракон, «мировой змей», волк — кто бы ни был изображен на неясных по семантике бляшках, был ничем не хуже других «геральдике — тотемических» фигур. Их подобия имеются и на синкретичных по происхождению и иконографии изображениях оковки турьего рога из «Черной могилы». Вполне допустимо помещение такой же эмблемы на стяге именно этого отряда датских hirdmenn’oB на службе Владимира, по аналогии с вороном на знамени ярла Сигурда в сражении при Клонтавре.

Если эта эмблема могла быть символом корпоративного единства коллектива, то внутреннюю дифференциацию (по доблести, опыту, количеству подвигов), по восточноевропейской моде, могли отражать наборные болгаро-аланские пояса (Плетнева, 1989. С. 280; Моця, 1993. С. 82; Шинаков, 1995а. С. 127–128), возможно связанные также с хазарским (Петрухин, 1995а) или венгерским (Laslo, 1955) воинскими ритуалами.

Составляя «добрую, смысленую, храбрую» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 25) часть варяжских наемников Владимира, к тому же, вероятно, не полностью, в отличие от «вольных дружин», независимых в своих действиях, они

были поставлены в ключевых пунктах «государственного освоения», «окняжения» племенных земель. Геральдические символы этих дружинников могли каким-то образом перейти на украшения их жен или наложниц, далее вызвали «престижные» подражания, потеряв первоначальную смысловую нагрузку (мировой змей Ермунгард), и т. д. Объяснимо и попадание подобных медальонов обратно в Скандинавию. Конечно, здесь много неясного, но иного объяснения непонятной схожести разделенных сотнями километров находок в разноплеменных курганах (тем более с «неместной», но устойчивой символикой) подыскать трудно. В этом контексте, возможно, не являются случайностью схожесть конструкций укреплений стана[220] — «дружинного лагеря» Левенка под Стародубом и крепости Харальда Фюркат (Шинаков, 1995а. С. 158. Табл. LV) и потерянного в бою под стенами Любожичей — Монастырища датского парадного меча. Несколько по-новому в этой связи может выглядеть и летописное сообщение о религиозных преследованиях варягов-христиан, помещенное под 983 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 26 об.): именно в датской королевской дружине могли быть более или менее убежденные адепты новой религии, ибо только Харальду в Дании удалось ввести ее за 20 лет до описываемых событий на государственном уровне. В связи с этим вполне возможно, что к Владимиру могли уйти и те викинги из hirdmenn’ов, которые не примирились с насильственным навязыванием религии. Нельзя исключить также, что убийство варягов-христиан (возможно, подданных Харальда) могло послужить поводом к ухудшению отношений с датским конунгом незадолго до его гибели. Вероятная «стартовая» поддержка Олава Трюггвасона, временно добившегося независимости Норвегии от Дании, также вряд ли могла способствовать улучшению русско-датских отношений. Едва ли случайной в этом контексте представляется попытка породниться со шведским королевским домом путем брака Всеволода Владимировича, князя Волынского («Виссивальда»), и вдовы Эйрика Победоносного Сигрид (Снорри Стурлусон, 1980. С. 126). Однако и здесь его постигла неудача: конунг Олав Шведский оказал поддержку бежавшему от вернувшегося в Норвегию Олава Трюггвасона ярлу Эйрику, сыну Хакона, и тот в 997 г. совершил викингский поход на владения Владимира, взяв Ладогу (Там же. С. 153).

На социально-ролевом уровне присутствие королевских дружинников объясняет появление на рубеже X–XI вв. неславянского термина «гридь», который не относился к варягам-наемникам. Вероятно, первоначально этот термин означал скандинавскую часть великокняжеской дружины, в противовес «русинам», возможно отличавшимся по статусу, но равным по рангу (ст. 1 Правды Ярослава). Вопрос о гридях в целом заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь мы касаемся лишь их происхождения и статуса в период правления Владимира. Естественно, что за 150–200 лет, прошедших до

упоминания их как «верхних слоев новгородского общества» (в известиях 1164, 1195, 1234 гг. и середины XIII в.) и в то же время «младшей дружины» («гридьбы») Северо-Восточной Руси (в сообщении Лаврентьевской летописи от 1177 г.) (Горский, 1989. С. 49), содержание этого термина не только могло, но и должно было меняться, и, возможно, не раз. Однако мы считаем отнюдь не вытекающей из контекста летописей (в том числе, кстати, и сообщения 1177 г., где ниже «гридьбы» упоминаются «наемники», также в составе «всей дружины»: ПСРЛ. Т. 1. Л. 128 об.) принадлежность «гридей к младшей дружине Святослава, Владимира, Ярослава» (Горский, 1989. С. 49). Скорее всего, это все же «средний» слой большой великокняжеской дружины, находящийся постоянно при князе и пирующий с ним, в отличие от «бояр» («лучших мужей»), имевших дворы и стол, да воевод и посадников. В Скандинавии последним соответствуют ярлы, гридям и русинам — hirdmenn'gi, «отрокам» — «прислужники», «гости» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 465). В Польше — также «трехчленное» деление дружины: «князья», «рыцари», «щитники» (Галл Аноним, 1996. С. 335, 338). Вполне объяснимо, с точки зрения того, что скандинавское происхождение имеют не только термин «гриди», но и первые его носители, а затем и понятие «гридница» — места их почти постоянного пребывания. Бояре, часто перечисляемые по именам, вряд ли могли занять в ней много места, а несколько тысяч отроков просто не поместились бы. «Русская» же часть средней дружины имела свои дворы, а пришлые скандинавы еще в «королевских крепостях» Дании могли привыкнуть к коллективному проживанию в «казармах», вблизи конунга и в его постоянном распоряжении. Представление о гридях как дружинниках среднего ранга согласуется и с ранее сделанным выводом о пребывании в предполагаемых «дружинных лагерях» именно этого слоя воинов и их слуг. Присутствие их не только в качестве профессиональных воинов, но и советников великого князя может объяснить весьма продуманные операции по завершению объединения и территориально-политическому переустройству страны. В нескольких сагах (об Олаве Трюггвасоне, Олаве Святом, Эймунде Хрингссоне) сообщается буквально следующее: «и правил Ярицлейв обоими княжествами по советам и разуму Эймунда конунга. Норманны были в большой чести и уважении и были конунга защитой, в том числе что касалось советов…» (Джаксон, 1994. С. ПО); есть и прямое упоминание этого качества («смыслены») оставленных на руси варягов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 25). В ситуации первой половины 80-х гг., завершения территориального объединения и начала переустройства государства, некоторые датские дружинники действительно могли быть носителями ценного для Владимира в этих аспектах опыта. Ведь к Владимиру, в случае такого допущения, попали непосредственные участники только что завершенной аналогичной деятельности Харальда в Дании. Отсюда и сходство конструкции укреплений «дружинных лагерей», и общий

замысел укрепленных пограничных линий против печенегов, в Европе того времени имевший предшественников лишь в Дании (Кограбен, Даневирке). Нельзя исключать и влияния чешских советников двух жен Владимира. В Чехии Болеслав II завершил длившееся уже 100 лет объединение племенных княжеств. Возможно, строительство градов вокруг Киева, помещенное в летописи под 988 г., — не только аналог, но и прямая попытка заимствования «градской системы» дружинного государства в Чехии, тогда как идея «лагерей» и общегосударственной системы укреплений могла возникнуть под влиянием датского государственного опыта. Переселенческая же политика начала действовать сразу по возвращении Владимира из Византии и начала христианизации страны; его действия выглядят чрезвычайно продуманными, решительными и в то же время осторожными. Владимир воссоединяет только те земли, которые входили в державу Игоря, стараясь не затрагивать «чужого» (во внешнеполитическом плане), в отличие от своего отца. Особенно хорошо это видно в войнах на западной границе: завоевав Червенские грады, принадлежавшие «ляхам», он не повернул тут же на рядом расположенную землю белых хорватов (все еще, возможно, находившихся под «протекторатом» Чехии), а сделал это только через 10 лет, воспользовавшись, вероятно, благоприятной внешней конъюнктурой. Почти наверняка здесь могли сыграть роль два фактора: захват Кракова поляками, отрезавший карпатских хорватов от Чехии, и внутренняя (?) борьба в последней. Неясности касаются статуса Либицкого княжества Славниковцев в державе Болеслава II, но то, что Владимир выиграл без риска при любом раскладе сил, это очевидно. Либо он помогал Болеславу в ликвидации Зличанско-Хорватского княжества, либо просто воспользовался борьбой между ними. Летопись косвенно свидетельствует скорее о последнем. Под 996 г. помещено сообщение о мирных отношениях с реально тогда правившими Стефаном Венгерским (с 997 г.) и Болеславом Польским, с которыми Владимир мог поделить «восточное наследство», но не с Болеславом I Чешским, а только с «Андрихом», то есть ставшим самостоятельным правителем Чехии Ольдржихом с немецкой помощью в 1004 г. (а то и в 1012 г.: Назаренко, 1994. С. 114). Впрочем, вполне возможна случайная датировка этих сведений 996 г. и их отнесение к концу (но до 1013 г. — обострения отношений с Польшей) правления Владимира. В этом случае допустим «протекторат» над хорватами не Болеслава II Жестокого, а Мешко I, и тогда выбор Владимиром именно 992 г. был продиктован в том числе смертью последнего. В некоторых случаях на спорных и не имеющих «хозяина» землях также происходит как бы «проба границ» (поход на ятвягов в 983 г., на Волжскую Болгарию в 985 г.). В случае с Волжской Болгарией ситуация могла быть аналогичной событиям 964–966 гг., когда для завоевания вятичей потребовался поход на Хазарию. Возможно, удар по Болгарии потребовался для

закрепления за Владимиром каких-то территорий на Северо-Востоке (часть земель мери и вятичей?). Путь Владимира проходил на «ладьях», то есть либо по Оке, через вятичей, либо по Волге, через мерю. Вероятно, он не ставил целью завоевание самой Болгарии. Есть даже точка зрения, что «болгарыня» Владимира была родом не из Дунайской, а из Волжской Болгарии (см.: Толочко, 1994. С. 88). Именно здесь, в Ростове и Муроме, сидели сыновья «болгарыни» — Борис и Глеб (ПСРЛ. Т. 1. Л. 42). Впрочем, есть и прямо противоположная точка зрения — о том, что поход 985 г. был совершен не на Волжскую, а на Дунайскую Болгарию (Князьский, 1999. С. 64–67), однако это делает его «наследником» политики Святослава, а не Ольги, что противоречит направленности остальных его мероприятий. Встретив сильное сопротивление и, очевидно, не желавшую подчиниться Киеву сформировавшуюся структуру, Владимир вовремя остановился, не давая себе увлечься «имперской» химерой. Этим, возможно, объясняется и знаменитая фраза летописи о невозможности покорить болгар, которые ходят в сапогах[221] (ПСРЛ. Т. 1. Л. 27).

Е) Механизмы объединения «сложносоставного» государства и его трансформация в «раннее» государство «дружинной формы»

При Владимире внимание уделялось не столько «завоеванию» земель (это уже происходило неоднократно), сколько их закреплению. Для этого использовались уже не военные методы (хотя крепости-погосты на захваченной территории, типа Кветуни под Трубчевском, имели место). Какие именно? На первом плане явственно видна попытка легитимизации новой власти в бывших «племенных» землях на основе соблюдения старых, привычных норм и традиций. К этим методам, вероятно, вынужден был прибегать Владимир еще в ходе борьбы с Ярополком, не располагая, как последний, «отней дружиной». Возможно, прежде всего в свете этих задач нужно рассматривать создание языческого «пантеона» в Киеве, а также матримониальные мероприятия князя. О них следует сказать особо, и именно в сравнительно-историческом аспекте. Возможно, летописец упоминает 800 наложниц Владимира и его «женолюбие», чтобы по принципу контраста оттенить значение его последующего христианского, апостолического подвига. Конечно, летописец напрямую заимствовал и текст, и смысл в «Книге Царств», сравнивая Владимира с Соломоном, также «женолюбцем», имевшим «жен 700 (800) и наложниц 300», и также «покаявшимся» и осознавшим, что «зло бо есть женская прелесть» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 28 об.). Несомненно, использован сам факт, оттенявший наиболее наглядно контраст между Владимиром-язычником и Владимиром-христианином, число жен Соломона также совпадает с количеством наложниц Владимира. Однако указание летописца на точные места их размещения (Вышгород, Белгород, Берестов) наводит на мысль о реальной подоснове литературно-

нравоучительного пассажа. Вполне вероятно, что отбор наложниц в княжеские грады и села имел то же значение для внутренней консолидации государства, какое династические браки означали для налаживания внешних связей. Мы имеем в виду механизмы институционализации власти через брачные связи. Однако вопрос этот чрезвычайно спорный и фактически не обеспечен для Руси Источниковой базой, что делает любые сравнительно-исторические реконструкции слишком рискованными.

В контексте этого типа механизмов институционализации власти «официальные» жены Владимира выглядят как средство легитимизации и концентрации, монополизации его власти как внутри рода Рюриковичей, так и «корпорации» «русских князей» в целом. То есть если «наложниц» воспринимать как один из вариантов, способов налаживания и укрепления отношений между «верхним» и «нижним» уровнями власти, то «жены» представляются таковыми же «методами» для первого из них. О буквально насильственном породнении Владимира с домом Рогволода и ветвью Ярополка прямо говорит летописец (через Рогнеду и «грекиню» — «грехиню»), о восприятии части наследства брата-союзника (Олега) косвенно свидетельствует наличие у Владимира двух жен — «чехинь». Одна из них по горизонтальному, одному из самых ранних в истории политогенеза, принципу наследования власти от брата к брату (Бондаренко, 1993. С. 150) и могла достаться Владимиру от Олега (возможно, через Ярополка, но, вероятно, еще в 977 г. найдя у Владимира убежище после гибели мужа). Кроме того, такой механизм мог косвенно предотвращать возникновение горизонтальных связей между еще, вероятно, сохранявшимися к 980 г. «местными» правителями «нижнего» уровня власти.

Эти же цели — консолидацию государства на старых основах и легитимизацию его территориально-политического центра, «столицы» — преследовала, возможно, и языческая «реформа» Владимира. При этом не суть важно, оказывалась ли «племенным» богам-идолам особая честь и они приравнивались к киевским и дружинным либо они находились на положении своеобразных сакральных заложников.

Судя по летописным данным, логике и последовательности обозначенных ими событий, подобные механизмы использовались для закрепления тех земель (и легитимизации там власти Владимира), которые ранее были уже включены в состав княжеств трех Рюриковичей или были присоединены в ходе войны 980 г. Далее снова действуют механизмы завоевания, но уже иного варианта: центр остается в старом ядре, в новых землях уничтожаются старые структуры управления и назначаются наместники из центра. Реализация второй части «формулы» этих механизмов дана не в статьях 981–986 гг. о походах на «Червенские грады», вятичей, ятвягов, радимичей и волжских болгар, но подробно описывается в конце статьи

988 г. Если первые традиционно повествуют о возложении дани, «яко же и отец его имяше» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 26), или захвате «колодников» (при той же, но не достигнутой цели дани) (Там же. Л. 27), то в последних говорится о новой системе управления. Везде правили только Рюриковичи, в данном случае — только сыновья великого князя. Здесь наблюдается абсолютная аналогия системе правления, введенной в Норвегии, судя по «Саге о Харальде Прекрасноволосом», после завоевания им всех фюльков в стране и убийства или «разжалования» в ярлы всех местных конунгов. «Он дал всем своим сыновьям сан конунга и сделал законом, что каждый его потомок по мужской линии должен носить сан конунга, а если он происходит по женской линии, то сан ярла. Он разделил между ними страну» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 60).

Дань с земель была поделена в той же пропорции, что установила Ольга с древлян: треть — лично князю и его «гридям», две трети дани шло «к Киеву» (ПСРЛ. Т. 1. Л. *44 об.*). Сохранялись, вероятно, земли, находившиеся в непосредственном управлении Владимира и его бояр: бывшая «Росия», будущая «Русская земля» с Киевом, Черниговом и Переяславлем, пограничные со Степью земли на р. Суде, возможно — Волынь (если только она не входила во владения Туровского или «деревского» князя-наместника), и Ладога с округой[222]. Скорее всего, под непосредственно «столичным» управлением (через бояр-воевод, посадников) находились только что присоединенные вятичи и радимичи. Во всяком случае, последние и в начале XII в. платили дань непосредственно «Руси» и сами «везли повоз», минуя посредническое звено в лице князя-наместника. Вероятно, тем землям и городам, которые привыкли к «своей» княжеской власти, князья предоставлялись уже только из Рюриковичей, а на центр, как и на вновь завоеванные Владимиром и стратегически важные в тот момент окраинные земли распространялась власть и право полного сбора дани непосредственно великого князя. Для закрепления «домениальных» территорий и создается «градская» система. «Грады» ставятся по периметру «Росии» (по Стугне, Трубежу, Остру, нижней Десне), возможно, в Среднем Подесенье, разделявшем северян, вятичей, радимичей и кривичей, и на вновь создаваемой степной границе на Левобережье. Налицо внешняя аналогия с подобными же явлениями, имевшими место при создании «классических» дружинных государств: Чехии — раньше Руси, Польши и лишь отчасти «дружинной» Венгрии («кастелянская система») — позже ее. Функции градов — размещение части дружины, ее кормление, контроль и управление прикрепленными к граду землями, сбор с них налогов, предоставление «убежища» верховному правителю во время его объездов страны и выполнения в это время судебных обязанностей (Галл Аноним, 1996. С. 338, 341 и др.; «Великая хроника»… 1987. С. 67; Козьма Пражский, 1962. С. 88; Тржештик, 1987; Жемличка, Марсина, 1991). Эти грады, особенно

«пограничные», являлись одновременно и «сторожевыми крепостями». В первом (административно-фискальном) смысле эти славянские грады сближаются с датскими «королевскими крепостями» во время их «вторичного использования» в конце X в. (Лебедев, 19856).

Однако последние, как мы уже выяснили, в этой своей ипостаси имеют на Руси другой аналог: «погосты», «станы», отчасти предполагаемые «дружинные лагеря». Первоначальное же значение «града» — это резиденция князя либо центр властвования в целом, символ «волости», государства на своей территории («всташа град на град», по НПЛ. Л. 29 об.): «и прия власть и раздал грады мужем своим» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7). «Рускыя грады… по тем бо городом седяху великие князья под Олгом суще» (Там же. Л. 15 об.), «Вышгород град Вользин» (Там же. Л. 17). Имеют «грады» и «местные» княжества, в них сидят причастные к управлению «старейшины града» (Там же. Л. 15–16), как верно, вероятно, заметил И.Я. Фроянов, «занимавшиеся гражданскими делами» и отличавшиеся этим от «князей и их сподручников бояр, профилирующихся прежде всего в области военной» (Мавродин, Фроянов, 1974. С. 32). Таким образом, «грады» для IX–X вв. — это прежде всего административные центры на «своей» (в том числе, например, для древлян) территории, в отличие от «погостов» и «становищ», находившихся среди хотя и подчиненных, но особых, зачастую враждебных или только что покоренных потестарно-политических организмов. В последнем аспекте «погосты» близки франкским опорным пунктам на завоеванных саксонских землях, существовавших, как «погосты» Руси и «королевские крепости» Дании, лишь короткий период утверждения государственных порядков (Mrusek, 1965. P. 9; Рыер, 1997. С. 225). С «погостами» их сближают и отделяют от «королевских крепостей», «лагерей викингов» небольшие (0,5 га) размеры укрепленной части (Рыер, 1997. С. 225).

Попытка синтеза (980 г.) и начало нивелировки на новых основах (988 г.) хронологически весьма близки, однако в тексте ПВЛ они разделены подробнейшим, с религиозно-философскими отступлениями, «Сказанием о крещении Руси». Возможно, это случайность — результат компоновки текста авторами ПВЛ. Однако вполне вероятен и иной вариант. Одним из факторов «выбора веры» является сознательное ознакомление и выбор опыта обустройства земель в разных моделях государственности. Само христианство в этом контексте также следует воспринимать как один из сознательно выбранных методов межэтнической интеграции и поднятия престижа центральной власти. Христианская религия также могла использоваться как катализатор сплочения рядов форсированными темпами (в силу экстренных обстоятельств — печенежской опасности) вновь создававшейся из разнородных элементов большой государственной дружины.

Механизмы оборонительных войн сыграли, вероятно, решающую роль в ускорении темпов унификации государства и нового, для новых

целей, резкого увеличения его вооруженных сил. Применение же одного из самых сильнодействующих механизмов сакрального типа именно в преддверии возникновения необходимости организации стройной системы обороны выглядит достаточно неожиданно. Если исключить традиционную для подобного рода повествований летописную версию о чудесном исцелении Владимира в Корсуни (ПСРЛ. Т. 1. Л. 38–38 об.)[223], остается дальновидное и абсолютно «плановое», в духе продолжения реформ Ольги, мероприятие, состоявшее из тщательного отбора вер и связанных с ними моделей идеологического обеспечения власти, а затем решительное, с использованием всех средств и разных методов, приобщение своей правящей верхушки к наиболее ей подходящей и импонирующей вере. Косвенно об этом свидетельствует «последний аргумент» при «выборе веры» Владимиром — ссылка на прецедент с «мудрейшей из всех людей» Ольгой (ПСРЛ. Т. 1. Л. 37 об.). Однако, возможно, этот шаг был вынужденным, и Владимир пошел на него под давлением каких-то неизвестных нам обстоятельств середины 80-х гг. X в., показавших неэффективность ранее задействованных «семейно-родовых» и языческо-сакральных механизмов консолидации страны, повышения престижа и монополии на власть великого князя — «кагана» Владимира. Термин «великий князь» применяется условно, так как в источниках для этого времени, в отличие от «кагана» и «архонта», он не фигурирует.

Вопрос о «крещении» Руси — отдельный, как и его историография. Здесь хотелось бы отделить необходимость использования сакрального механизма в трех аспектах:

1) этнокультурной и этнополитической консолидации государства;

2) поднятия престижа верховной власти, ритуально-идеологическое ее отделение от ближайшего окружения (рода, дружины) и, через их голову, мистическое сближение с «народом»;

3) внешнеполитического.

В каждом аспекте есть две стороны: осознание необходимости принятия общей религиозной идеологии и обрядности и выбор для этого именно православия (случайность или «предопределение»). Кроме того, важно помнить еще и то, что философские основы нового мировоззрения обычно воспринимаются позднее, чем его внешняя, ритуально-обрядовая сторона. Абсолютно наглядно это отражено в «Сказании», когда посланные десять мужей должны были изучить не суть той или иной веры, а «кто како служит Богу» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 36 об.). На обрядовую сторону делали упор и «Корсунские попы», отвращая Владимира от «латинского учения» (Там же. Л. 39 об.), а еще ранее — «греческие философы» в Киеве (Там же. Л. 28).

Первую сторону первого аспекта мы уже рассмотрели: вероятно, к середине 80-х гг. X в. для Владимира стал очевиден по каким-то причинам провал «языческой реформы» и необходимость принятия

новой, одинаково «чужой» и дружинной, и «народной» субкультурам, религии. Отсюда и реальные, вероятно (записанные не только в ПВЛ), миссийные посольства от мусульманского (Булгар — Хорезм, по ал-Марвази) и католического мира.

Вторая сторона данного аспекта — необходимость избрания «чужой», но не «чуждой» для русско-славянского менталитета религии, которую с наибольшей легкостью могло бы воспринять население. Философская и мистико-догматическая стороны религии в этом аспекте играли абсолютно подчиненную роль по отношению к ритуальной. Отсюда и то, что Владимир и его окружение не удовлетворились изложением символов веры иностранными миссионерами-теологами, а отправили своих послов в эти страны изучить характер воздействия той или иной религии на массы верующих непосредственно в храмах, во время богослужения.

Во втором аспекте ведущую роль играла вторая сторона: в какой именно из выбираемых религий как внешнее (ритуальное — для «масс»), так и внутреннее (мистико-догматическое — для образованной части правящей верхушки) идеологическое обеспечение власти было наиболее эффективным, а ее оформление титулами, инсигниями и ритуалами — наиболее впечатляющим. В этом аспекте показательны два факта: запрет передачи императорских инсигний «варварам» и осуждение династических связей с их правителями (Константин Багрянородный, 1991. С. 54–65) при ярко выраженном желании Владимира породниться с византийским правящим домом (как до этого удалось это сделать с чешским и, возможно, болгарским) (ПСРЛ. Т. 1. Л. 37 об., 38). В обоих указанных случаях язычество выступает для Владимира, решившего добиться цели, досадным, но легко (по викингской традиции) устранимым препятствием. Безусловно, и византийские атрибуты власти были самыми «привлекательными», и династический брак с родственницей василевса — самым престижным. К соображениям «престижа» власти в военно-дружинной среде можно, вероятно, отнести и сразу последовавший отказ от иудаизма из-за слабости его последователей: «Аще бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы расточены по чужим землям» (Там же. Л. 28). Вряд ли пользовалась бы популярностью среди дружинников религия разгромленного ими же государства; предполагаемый каганский титул Владимира (Иларион, 1990. С. 206) связан скорее не с соображениями престижа, а с претензиями на бывшие земли Каганата. Тем более что он употреблен в одной фразе одновременно с термином византийского происхождения «единодержец» (Там же). Принять же веру в победоносного Вседержителя, помогавшего «грекам» дважды торжествовать над русами-язычниками (в 941 и 971 гг.), было для воинов-профессионалов не зазорно. Наглядное превосходство одного «бога» над другим — типично языческая психология, проявление которой наблюдалось и при «крещении» Прибалтики меченосцами в

1211 г.: «Мы признаем, что Бог ваш выше наших богов: побеждая нас, Он склонил наши души к почитанию Его» (Генрих Латвийский, 1996. С. 242). Для Владимира (по «Сказанию») этот вопрос также был существен: лишь когда греки доказали всемогущество христианского Бога тем, что Он наслал на «жидов, его же распяхом», «римляны», чьими руками «расточил» этот народ «по странам» и превратил в рабов (ПСРЛ. Т. 1. Л. 28–28 об.), он стал слушать их дальше.

Внешнеполитический аспект — на самом деле самый сложный и дискуссионный, как и детали пребывания русских в Византии в 988 г. в освещении отечественных и византийских источников. Логическим продолжением деятельности Владимира по восстановлению границ державы Игоря после волжской кампании 985 г. должно было стать движение в южном направлении, с целью подтвердить власть над крымскими и «хазарскими» владениями Руси. Их потеря (если не для Руси, то для Владимира) косвенно доказывается господством в степях враждебных лично ему (а до этого благорасположенных к Ярополку) печенегов. Другой косвенный факт: наличие в 986 г. в Киеве общины[224] «Жидов Хозарстиих», которые, наряду с зарубежными послами, проповедовали свою веру. Третье доказательство (от «умолчания»): отсутствие упоминаний о других походах русских в Крым, кроме 988 г. на Корсунь. С учетом того, что в этом году в данном регионе упоминается в качестве князя Тмутараканского сын Владимира Мстислав (ПСРЛ. Т. 1. Л. 42), увязываются воедино два направления внешней политики — «поиск веры» и возврат утраченных владений, оба связанные с корсунскими событиями в трактовке ПВЛ.

В отличие от предыдущих «внутренних» (лишь война с Волжской Болгарией потребовала союза с торками) эта «воссоединительная» кампания требовала выхода на международную арену и определенной дипломатической подготовки. Кстати, последняя, как и вся эта кампания, была, возможно, направлена в том числе и на оживление торговли по Волжскому пути при желании взять ее в свои руки. В этом свете вполне вероятными представляются и русское посольство в Хорезм, и договоренности с новыми хозяевами нижневолжских степей — торками. Конечная неудача войны с Болгарией, так образно отраженная летописью, возможно, была одной из причин обратить внимание на иные варианты пути на Восток (через Восточное Причерноморье), а затем и на альтернативный источник товаров «престижного потребления» — Византию. Видеть в этом шаге Владимира попытку овладеть Крымом и возродить «имперскую» политику, для которой «престижная» религия, титулы и инсигнии власти, а также династический брак были лишь внешним антуражем, вряд ли стоит. После разгрома Каганата и оттеснения Болгарии от черноморских берегов здесь оставались лишь две серьезные силы: печенеги и Византия. Последняя уже выступала посредницей в отношениях первых с русскими князьями, Святославом в частности

(Скилица, 1988. С. 132). Врагом империи, при любых отношениях ее с кочевниками, Владимиру становиться не было никакого резона. Сделать же «греков» союзниками, даже против их воли, — абсолютно оправдано во всех отношениях. В этой связи вполне естественным жестом представляется присылка русского («тавроскифского») вспомогательного отряда, использованного для подавления мятежа Варды Фоки (Михаил Пселл, 1978. С. 10, 266).[225] Отсутствует логика в упорном (по версии НПЛ) и странном, в свете общих принципов византийской внешней политики, нежелании Константина и Василия пойти навстречу желанию Владимира принять крещение во владениях ромеев, в нехарактерной для династийно-брачной практики присылке военного отряда в качестве «вена». Скорее всего, либо, как это уже упоминалось в литературе, предположительно мятежный Херсонес был взят тем же русским отрядом для василевсов, либо последние соглашались крестить князя, но без представления титулов и инсигний, приличествующих правителю державы, принявшей одну из «легитимных» религий, а также без необходимого Владимиру (по многим соображениям) династического брака. Политические же интересы двух стран если где на Понте и перекрещивались, так в Корсуни, так как для Византии главным на ближайшую перспективу было покорение Болгарии, а для Руси — закрепление в восточнокрымских и таманских владениях бывшего Каганата и отношения с печенегами.

Но главный вопрос был не в князе: Ольга и, возможно, Святослав понимали выгоду христианизации во всех аспектах, но против нее была главная военная и все более политизирующаяся сила державы — дружина. Также осознавая это, Владимир обращается не к ней, а к «болярам» и «старцам градским», и именно с ними решает вопрос о выборе веры. «Боляре» в данном случае не представляют дружину, так как авторитетом у них пользуется не Святослав за военную удачу, а Ольга — за «мудрость» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 37 об.). Именно этому слою, причастному к управлению, излагал свою внешнеполитическую программу Святослав в 969 г. (Там же. Л. 20–20 об., 36 об., 37). Но «испытывать веру» (а не принимать ее) посылает Владимир «имаше у себе мужи», «добры и смыслены» (Там же. Л. 36 об.), то есть, судя по всему, верхушку дружины, мнение которой значило много, доверие же князя ей льстило. Именно они должны были определить, какая из служб какому из богов может быть «люба… князю и всем людям» (Там же). Вопрос же о необходимости введения общей, новой веры был рассмотрен, вероятно, еще на «свещании» князя, бояр и старцев. Они же и принимают окончательное решение, выслушав последних «мужей», то есть узнав мнение дружины (Там же. Л. 37 об.). Та же, по «Сказанию», крестилась достаточно «импульсивно» в Корсуни (Там же. Л. 38 об.), по примеру князя. Дружина зарождается на Руси, как в Чехии и Польше, в период «объединительных» и завоевательных войн, но

наибольшего развития достигает уже после их завершения, в ходе обороны уже сложившегося «раннего государства» от кочевников.

5. Консолидация государства

А) Роль оборонительных войн

Этот подтип военных механизмов (оборонительные войны, подтип 3) стал единственным среди них и на какое-то время (после 992 г.) — главным фактором развития и консолидации данного государства, ведущей функцией власти, идеологическим оправданием ее усиления.

Русско-печенежские отношения были напряженными все 80-е гг., о чем свидетельствует сообщение ПВЛ о Варяжко, воеводе Ярополка, который «многа воева Владимира с Печенеги» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 25) и (под 988 г.) «бе бо рать от Печенег» (Там же. Л. 42). Однако печенежская опасность еще не приобрела тогда угрожающих масштабов, не мешала Владимиру решать задачи внутренней и внешней политики, уводить войска в дальние походы. Столкновения с печенегами были («и бе бо воююся с ними»), но успешные для русских («...и одоляя их», см.: Там же). Во многом этому способствовали сооруженные в рекордно короткие сроки (наиболее вероятно, в 986 (988)–991 гг.) оборонительные линии по Стугне и Суде (Довженок, 1968; Кучера, Иванченко, 1987; Моргунов, 1996). В качестве тыловых баз концентрации войск использовались, скорее всего, возникший спонтанно «дружинный лагерь» близ Леплявы на Левобережье и специально построенный Белгород к западу от Киева. В конструкции валов последнего, ядро которых сооружено из кирпича-сырца (Древняя Русь: город... 1985. С. 67), ощущается участие византийских архитекторов и фортификаторов.

В Левенке под Стародубом один из валов также содержит глинобитные конструкции (Шинаков, 1987а; 1995а. С. 157), хотя планировка укреплений и их общее устройство, как уже говорилось, больше ассоциируются с датскими «лагерями викингов» (Шинаков, 1985. С. 317). Влияние «греческих» специалистов видно и в общей организации обороны — жесткой, но эшелонированной в глубину, опирающейся на возможность получения резервов как из отдельных ее пунктов, так и из тыловых лагерей типа Леплявы и Белгорода. Идея же реконструкции «Змиевых валов» может восходить как к датским линиям, восстановленным современником Владимира Харальдом Синезубым, так и (в более отдаленной ретроспекции) к римскому лимесу. В организации постоянных гарнизонов, снабжении войск, «военных поселенцев»[226] типа акритов вполне мог использоваться византийский опыт. Четко бинарная организация русской обороны также имеет в основе линию р. Днепр, но и может испытывать влияние

известного русским (ПСРЛ. Т. 1. Л. 10) деления византийской полевой армии на «войска Востока», с одной стороны, «Македонии и Фракии» — с другой. Впрочем, наблюдаются и аналогии с Норвегией середины X в. Здесь, как и в русском случае, врагами вначале были «свои» на службе у «чужих» (сыновья неудачливого претендента на престол Эйрика Кровавая Секира, погибшего в Англии, нашли убежище и военную помощь у конунга Дании). Для предупреждения об их набегах и сборе войск создавалась система световых сигналов (Снорри Стурлусон, 1980. С. 78–79). Идею создания такой же системы оповещения вдоль Днепра вплоть до Киева (Рыбаков, 1965. С. 33; Довженок, 1968. С. 39–41) вполне можно приписать Олаву Трюггвасону, чей отец вместе с конунгом Хаконом Добрым участвовал в ее создании в Норвегии. Сам Олав, правда, мог стоять только у истоков ее непосредственной организации, так как покинул двор Владимира самое позднее в 986–987 гг. (Джаксон, 1994. С. 118), а то и (по контексту «Саги» о нем) гораздо раньше (Снорри Стурлусон, 1980. С. 111–112). Кстати, последняя прямо называет Олава одним из «военачальников» Владимира, располагавшим собственной «дружиной» и участвовавшим в «битвах» именно по «защите своей страны» (Там же. С. ПО).

Что касается неудержимого натиска печенегов, обошедших в 992 г. через «степной коридор» к северу от Суды Посульскую линию обороны[227] и остановленных лишь в районе Переяславля на Трубеже, а в 997 г. даже осадивших центр правобережного сектора обороны — Белгород (ПСРЛ. Т. 1. Л. 44), то ему необходимо найти объяснение. Это не обычные грабительские набеги отдельных орд, а чуть ли не целенаправленное наступление («бе бо рать велика без перестали», см.: Там же), показавшее недостаточность ранее подготовленной обороны (в 997 г. Владимир отправился «за верховние вой на Печенеги» в Новгород, см.: Там же). Кстати, наверняка именно из-за неучастия новгородского ополчения («воев») норвежскому ярлу-изгою Эйрику со шведской помощью и удалось в 997 г. взять Ладогу.

Вряд ли случайна связь последней «объединительной» (хорватской) войны и первой, конкретно названной «оборонительной» («переяславской») в одной летописной статье 992 г. Сыграл свою роль, вероятно, и фактический «раздел» Причерноморья между Русью и Византией без участия печенегов. Не последнюю роль могли сыграть и совместные действия войск Владимира с торками в 985 г. Последние являлись для печенегов главным и, как это бывает внутри кочевого общества, самым безжалостным врагом. Торческое давление естественным образом подталкивало печенегов, однако в описываемый период еще не имело массового характера, приобретя характер нашествия лишь после 1015 г. (Плетнева, 1990. С. 22, 24), когда заставило печенегов штурмовать византийские пограничные укрепления на Дунае в 1028 г. (Михаил Пселл, 1978. С. 18, 266) и стены Киева в 1034–1036 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 51; Т. 2. Л. 56–56 об.). Но без

внешней причины непонятна измена кочевников своей обычной тактике — коротким неожиданным наездам с грабительскими целями. Что могло заставить бросаться на штурм пограничных линий, осаждать главную военную крепость, искать столкновения с основными русскими силами? Вряд ли «воинственность» и жажда добычи. Традиционно, по опыту, стимулом могло служить византийское золото либо какие-то действия русских, ставящие под угрозу жизненно важные интересы всех печенегов.

Византия, занятая в Болгарии, могла быть заинтересована в нейтрализации печенежских действий в Крыму и на дунайской границе. Против Руси она ничего не имела, возможен даже союзный договор и помощь фортификаторов в укреплении русской степной границы. Но вот в постоянной «занятости» печенегами, в попытках ее преодоления интерес был, дабы предотвратить их использование против Византии комитопулами Западной Болгарии.

Русь была опасна прежде всего для только что пришедшего к власти Болеслава Храброго, лелеявшего широкомасштабные захватнические планы. Присоединение Белой Хорватии к Руси в 992 г., была ли она до этого независимым княжеством или находилась под «протекторатом» Пражского или Зличанского княжеств, уводило ее буквально из-под носа у Болеслава, расширившего свои владения за счет Краковской земли. Последний, конечно, не в силах был самостоятельно подкупить печенегов или повлиять на них с «политической» точки зрения, но в этот период он действовал в союзе с Германской империей, а последняя имела зафиксированные источниками (хотя и более поздние) контакты с печенегами (миссия Бруно Кверфуртского в 1008 г.) (Назаренко, 1996а. С. 32). Болеслав мог попытаться воздействовать на печенегов через своего зятя и союзника Святополка Туровского, имевшего хорошие отношения с некоторыми печенежскими ханами, — но тоже позднее. Кроме того, и Болеслав, и Германия имели общие интересы, но в конце X в. совсем в ином регионе: в землях восставших в 983 г., после смерти Оттона II, полабских славян. Опасаться же вмешательства Владимира на стороне последних или даже Чехии, вряд ли сохранившей союз с Русью после «аннексии» ею Карпатской Хорватии, не приходилось. Нейтрализация Руси как потенциального союзника Дании также потеряла актуальность. Последняя могла не опасаться германского вторжения из-за славянского восстания на их пограничье и восстановления дружественного Дании Вендского (Ободритского?) княжества («Сага о йомсвикингах», «Сага об Олаве Трюггвасоне»). Сам же Свейн Вилобородый в 90-х гг. имел интересы уже не в Поморье и Прибалтике, где он мог быть хотя бы отчасти заинтересован в содействии Руси, а в Англии и Норвегии. В последней же утвердился бывший соратник Владимира — Олав Трюггвасон, являвшийся врагом (после 995 г.) и для Свейна Датского, и для Олава Шведского. В итоге последний охотно

поддержал норвежских изгнанников, напавших в 997 г. на Ладогу. Но все эти события на Балтике могли отрицательно сказаться на обороне южных рубежей Руси лишь в плане ограничения притока варягов. Действительно, ПВЛ ни разу их в этот период не упоминает, хотя в статье 997 г. об обращении Владимира за помощью на Север могла бы (по аналогии, например, с событиями 1034–1036 гг., где их активное участие в борьбе с печенегами же отмечено). Однако это ни в коей мере не означает заинтересованности ни одной из скандинавских стран в натравливании печенегов на Русь, хотя действия норвежских изгоев под Ладогой и печенегов под Белгородом в 997 г. выглядят на удивление согласованными.

Остается одно направление — к югу от Карпат, где границы державы Владимира вышли к подчиненной венграм Словакии и Трансильвании. Однако ни о каких планах экспансии Древней Руси в этом направлении в источниках не содержится ни малейшего намека, что, кстати, и неудивительно в свете предполагаемой «доктрины» Владимира по восстановлению границ времен Игоря. Сами же Геза и Иштван в это время готовили дипломатическую почву на Западе в преддверии борьбы с мадьярской военно-родовой аристократией (Жемличка, Марсина, 1991. С. 180–182). Их вряд ли заботили вопросы расширения или сохранения территориальных рамок еще не устоявшегося и сложносоставного Венгерского «государства», если только Владимир с какой-то целью не собирался установить отношений с кем-либо из местных «племенных» князей, что маловероятно. По этим же причинам нереален русско-венгерский союз антипеченежской направленности. Остается одно: продвижение русских на те территории, где пытались закрепиться и печенеги. После присоединения Хорватии открывался путь вниз по Пруту, Днестру и Южному Бугу к землям, хотя и формально, но входившим в державу Олега и Игоря, тиверцев и уличей. Именно здесь могли скреститься интересы Руси и не менее трех из восьми печенежских «фем» (Гиазихопон, Нижняя Гила, Иавдиертим) (Константин Багрянородный, 1991. С. 157). По данным археологии, славяне удерживались на Днестре, по крайней мере, до середины XI в. (Седов, 1982. С. 130), а то и позднее, но уже именно в «киевских», а не местных крепостях (Русанова, Тимощук, 1977. С. 74–81; Винокур, Тимощук, 1977. С. 73–80). Продвижение русских на юг по этому коридору могло сомкнуть границы Руси, Первого Болгарского царства или Византии в низовьях Прута и Дуная, что грозило непредсказуемыми последствиями как для последней (в свете ее борьбы с Болгарией), так и для печенегов, закрывая им в случае чего выход из причерноморского «мешка» через Добруджу, особенно в связи с достоверно существовавшими русско-торческими контактами.

Безусловно, это — гипотеза, причем пока абсолютно «открытая», но она хотя бы отчасти объясняет заинтересованность и Византии, и самих

печенегов в давлении на русские границы. Со времен Святослава прошло не так много времени, призрак Переяславца на Дунае как столицы его «империи» был еще жив в умах василевсов. Особенно если при этом были, хотя и гипотетичные, перспективы смыкания болгаро-германского с допускаемым в историографии германо-русским союзом 991–992 гг. (Ludat, 1968. S. 44; Liibke, 1989). А.В. Назаренко отрицает его возможность, исходя не только из Источниковых, но и политических соображений (Назаренко, 1994. С. 134), однако никто и не говорит о реальной ценности союза. После изгнания Болеславом мачехи Оды и двух ее сыновей (Титмар Мерзебургский, 2005. Гл. IV, 58) угроза такого сближения Германии с чуть ли не главным и сильным врагом Польши на востоке могла подействовать на только что занявшего престол князя отрезвляюще. В этом же контексте он мог воспринять действия русских войск в Карпатах. Царьград, в свою очередь, мог истолковать явно демонстративные, если они вообще имели место, дипломатические демарши Оттона III в превратном смысле (в плане сближения Владимира с «латинством») и попытаться заранее нейтрализовать его в аспекте возможной помощи «комитопулам» Болгарии. Выход же русских к «Белобережью» (доступ куда им специальной статьей закрывал договор 944 г.) и устью Дуная, да еще по суше, минуя и печенежские степи, и море, где все еще господствовал византийский флот, был вряд ли по душе Василию и Константину, несмотря даже на возможные перспективы совместной борьбы с печенегами, особенно в Крыму[228]. Наоборот, действия воинов «фемы» Харавои (Константин Багрянородный, 1991. С. 157), а скорее всего, и других печенежских орд, как обозленных, так и использовавших последствия хорватской войны Владимира в 992 г., безусловно, отвлекали печенегов от разорения окрестностей Херсонеса и «Климатов». Печенеги, конечно, воспользовались отсутствием князя и дружины (он был в земле хорватов) и удар нанесли по центру русской обороны Правобережья, главной крепости и «дружинному лагерю» Белгороду, только что перестроенному и, возможно, не с полным гарнизоном. Вероятно, на такой шаг могли решиться все четыре правобережных орды, в том числе и соседи уличей и тиверцев, а не только «фема» Харавои, ближняя к «Росии». Каковы бы ни были причины натиска большинства печенежских орд (лишь две-три из восьми могли быть скованы гузами — торками и отчасти аланами), он породил к жизни такой механизм укрепления власти, как оборонительные войны. Именно этот вид данного подтипа механизмов ускоряет и служит главным фактором консолидации уже созданного, особенно в дружинной форме, государства. С другой стороны, он в некоторых аспектах тормозит внутренний политогенез, сосредоточивая не только военные, но и на какое-то время все виды функций государства в руках дружины. Главный вопрос здесь — не столько источники, сколько методы ее комплектования и средства содержания.

В отличие от Святослава Владимир располагал практически неограниченными людскими ресурсами. Однако он не мог воспользоваться бывшими «племенными» ополчениями, находившимися на самообеспечении, как в силу характера только что завершенного объединения племен, так и их малой пригодности в военном отношении для борьбы с кочевниками (исключение составляли новгородские, «верховные вой»). О замене «племенного» ополчения территориальным, типа того, когда «каждый ярл должен был поставлять конунгу 60 воинов, а каждый херсир — 20» («Сага о Харальде Прекрасноволосом». Снорри Стурлусон, 1980. С. 44), данных нет, если не считать личных дружин из «отроков» у некоторых воевод (Свенельд) в более ранний период. Еще менее вероятна система типа «корабельных округов»: «Было определено, сколько кораблей и какой величины должен выставить каждый фюльк в случае всенародного ополчения, а ополчение должно было собираться, когда чужеземное войско вторгалось в страну» («Сага о Хаконе Добром». Там же. С. 78). Возможно, в этом плане на Руси сработал принцип, отмеченный и для Свеаланда: «Он (Ингьяльд) увидел, что войско, собранное им в землях, которые он подчинил силой, не будет ему верным» (Там же. С. 32). Отсюда и исключение для новгородцев, добровольно, по «ряду», подчинившихся Рюриковичам.

С варягами и гридями (бывшими hirdmenn’ами) дело было сложным. В 980 г. Владимир сам спровадил большую их часть в Византию без оплаты, а затем предпринял репрессии против варягов-христиан. Не способствовало их притоку на Русь и создание (кстати, с помощью того же Владимира, после событий 980 или 987–988 гг.) гвардии «варангов» при дворе василевса, служба в которой была и престижнее, и выгоднее, да и безопаснее, чем на печенежских рубежах. Не исключен и вариант самовольного, по приглашению василевсов после разгрома Варды Фоки под Авидосом, но без разрешения Владимира, перехода на службу империи «отряда отборных тавроскифских воинов» и «других чужеземцев», которых до этого Василий II уже «задержал у себя» (Михаил Пселл, 1978. С. 10). Упомянем еще раз как о внутрискандинавских, так и лежащих в плоскости русско-скандинавских отношений причинах, ограничивших приток варягов именно в конце 80-х — 90-х гг. X в. Добавим уход отряда Олава Трюггвасона — и получим причину умолчания ПВЛ об участии варягов в отражении печенежских нашествий 90-х гг. X в. Кроме того, варяги были идеальной силой для внутренних скоротечных или прибыльных завоевательных войн. Но при долгой, постоянной, нудной, не обещающей добычи пограничной службе на первое место вставал вопрос об источниках их снабжения, весьма дорогостоящего (см., например: Шинаков, 1995а; размеры платы указаны в «Эймундовой саге»: Джаксон, 1994. С. 107–108). Это уже не могла быть контрибуция и добыча. Кроме того, варяги не могли выставить конницу, столь

необходимую для оперативной борьбы со степняками, да и сами они вряд ли были заинтересованы в подобной службе.

Собственно великокняжеская дружина — «русь» — составила поэтому основу «большой», «государственной» дружины, увеличившись численно, видимо, в несколько раз. К этому времени отпало, возможно, главное препятствие для комплектации «большой дружины» из «отечественных» кадров: полное господство родовых связей и малое количество изгоев. Как и во многих других странах, особенно в Византии, благодатным исходным материалом служила плененная при объединительных войнах военно-родовая аристократия — «лучшие мужи», дружины, в том числе и конные, южных племен (о наличии таковой в Хордабе говорил еще Ибн Русте). Для потерявшей власть на местах родовой аристократии включение в военно-дружинную верхушку «имперского», «федерального» уровня отчасти примиряло ее с великим князем, было престижно и даже... выгодно (см.: Снорри Стурлусон, 1960. С. 44). В Польше, вероятно, именно этот источник был главным для «большой дружины», аристократической по происхождению. В Скандинавии, как и на Руси, на первом месте стоял иной принцип отбора: «Харальд конунг брал в свою дружину только тех, кто выделялся силой и храбростью и был во всем искусен» (Там же. С. 46). В нее (дружину Олава Трюггвасона) брались как изнутри страны, так и из других стран «самые сильные и храбрые» (Там же. С. 158). В этом случае главным был уже вопрос не платы, а воинского снаряжения: если сильный и храбрый человек не был богатым или профессиональным (наследственным) воином, то перед вступлением в дружину его вооружал князь (конунг). Отчасти на этот вопрос отвечает единственное сообщение ПВЛ о правовой стороне деятельности Владимира: «Володимер же отверг виры, начал казнити разбойников [по византийско-христианскому и славянскому, но не скандинавскому и „русскому“, по восточным источникам, образцу. — *Е. Ш.*] и реша епископы и старцы [но не дружина. — *Е. Ш*] рать многа, если уж брать виру — то на оружии и на кони» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 43 об.). Это напоминает специальную подать на содержание дружины в Польше — «сторожу» («Великая хроника»... 1987. С. 67), но та бралась деньгами. Здесь же речь идет о централизованном снабжении дружины оружием, вероятно, еще в условиях отсутствия постоянно работающей только на нее «служебной организации» (институт тысяцких, который В. А. Кучкин (Кучкин, 1993) связывает с этой организацией, зафиксирован лишь с 60–80-х гг. XI в.). Однако связь тысячного деления даже этого и последующего времен со «служебной организацией» остается проблематичной. Что касается достоверных (письменных и топонимических) свидетельств о наличии последней, то они относятся только к концу XV — началу XVI в. и территории Великого княжества Литовского, куда она могла проникнуть из Польши в XIV в. (Любавский, 1982. С. 323–324) и Московского государства (Горский, 1960. С. 183–

184). Б.Н. Флоря считает, что это — не новообразования под чужим влиянием, а «реликты» «служебной организации», сохранившиеся у восточных славян позднее, чем у западных, но возникшие, следовательно, одновременно, в рамках схожих форм государственности с «системой централизованной эксплуатации» (Флоря, 1987. С. 146, 150).

Материалы Среднего Подесенья дают доказательства путем сопоставления письменных, археологических и топонимических источников в пользу наличия такой организации и ее топографическо-функциональной связи с княжеским селом Рогов, упомянутым под 1194 г. (ПСРЛ. Т. 2. Л. 235; Поляков, Шинаков, 1997. С. 119–122). Однако хронологическая привязка топонима (деревня Бобрик) и достоверного села Рогов к небольшому кольцевому городищу и обширному селищу древнерусского времени затруднена из-за археологической неизученности первого и отсутствия письменных данных о втором. Топоним может относиться и к периоду Великого княжества Литовского, а то и Московского государства.

Косвенно могут свидетельствовать о наличии «служебной организации» названия Бобровницы и Бортницы в «Уставной грамоте» Ростислава Смоленского 1136 г., однако этому противоречит факт взимания с этих пунктов обычной денежной дани (10 и 40 гривен соответственно) (Материалы... 1987. С. 30). Наглядно результат политики централизованного снабжения войск, начатой в 90-х гг. X в., продемонстрировали события 1068 г., когда княжеских «арсеналов» и конюшен хватило не только на снаряжение постоянной дружины, но и на вооружение по крайней мере части киевских «людей», «воев», по решению вече (ПСРЛ. Т. 1. Л. 57 об.). К ранним вариантам содержания части дружины за счет личных княжеских доходов можно отнести ее размещение в принадлежащих князю на основе частного права «градах». Так, для убийства Бориса Святополк использовал «Вышегородских болярцев» в количестве четырех человек, один из которых, судя по имени-прозвищу (Ляшко), имел польское происхождение[229], то есть к местной аристократии не относился (Там же. Л. 45 об. — 46).

Наиболее информативным как по вопросу источников содержания «столичной» части дружины, так и ее составу в целом остается сообщение ПВЛ о «пирах» «на дворе в гриднице». В первом аспекте — это вариант натурального, «безденежного» ее обеспечения, как и личной дружины конунгов (hirdmenn’oB) во время ежегодных объездов («поездок по пирам»). Отличие — в постоянном месте ее дислокации, что, вероятно, связано с фактической отменой «полюдья». Важно установить, кто же пользовался этой, несомненно, престижной, но и выгодной обеим сторонам привилегией. ПВЛ перечисляет следующие категории дружины: бояре, гриди, сотские, десятские, «нарочитые мужи» (Там же. Л. 43 об.). Не упоминаются «русины» (судя по Правде

Ярослава, вполне реальная тогда категория) и «отроки». Вариантов объяснения два: локационный и социально-престижный, которые, впрочем, могут и переплетаться. С боярами вопрос ясен, важно лишь то, что они в одном контексте упоминаются отдельно от «нарочитых мужей», что исключает употребление разных (по происхождению и времени возникновения) терминов к одной категории населения[230]. Гриди, с учетом предшествующего анализа происхождения термина и понятия, — личная, постоянно находящаяся при князе дружина, но не «русины» (то есть не поднепровского происхождения). Не имея, в отличие от последних, постоянного хозяйства в Киеве, и в то же время будучи обязанными находиться «под рукой» у князя, они даже дали название постоянному месту своего расположения — «гридница» (что не исключает наличия у них, как ранее у некоторых «варягов», частных «дворов» в столице). В частности, к такому двору пришли в 983 г. подручные князя захватить варягов-христиан (Там же. Л. 26 об.).

Сотские и десятские явно не относятся к их числу, так как частное автоматически было бы поглощено целым. Для них возможен вариант принадлежности к «офицерскому» и «унтер-офицерскому» корпусу младшей дружины — «отроков». Это было эффективным средством контроля за последними, но в то же время повышало престиж их военачальников как в глазах подчиненных, так и в своих собственных, усиливая преданность князю. «Нарочитые мужи», судя по местному происхождению термина, наличию их в «племенных княжениях» и конфликту с дружиной Ярослава в 1015 г. (Там же. Л. 15 об., 38), — вероятно, и есть представители «туземной» военно-родовой аристократии на службе великому князю.

Территориальный вариант объяснения: гриди — «столичная» гвардия, остальные — те категории «провинциальных» дружинников, гарнизонов крепостей, которые, находясь в Киеве, имели право на стол в гриднице (что не исключает постоянного размещения части представителей этих категорий дружинников в Киеве). Место их базирования — «грады» на рубежах «Росии» («Русской земли») и общегосударственных границах («наруби мужей лучших... и от них засели грады»: Там же. Л. 42). Возможный факт чуть более раннего (в 80-х гг. X в.) участия гридей в «объединительных» войнах заставляет предполагать и их размещение в самостоятельных (или в комплексах «погостов») «дружинных лагерях». Бояре же, как военачальники, и «отроки», кормившиеся за счет части собранной ими дани и «полюдья»[231], размещались в опорных пунктах по всей территории государства.

Что касается функций «гражданского» управления, в том числе и законодательного уровня, то, судя по ранее приводившимся фактам, связанным с принятием христианства и вопросом отмены виры за разбой, они, скорее, принадлежали боярам (причем не обязательно дружинным) и «старцам градским» (ПСРЛ. Л. 36 об., 37 об., 43 об.).

Б) Элементы правовых механизмов в процессе стабилизации раннего государства

Переход права в руки государства обычно завершает процесс создания раннегосударственных структур и способствует их стабилизации, а затем и легитимации, наряду с принятием новой религии. На Руси он растянулся более чем на 100 лет, завершившись (и то не до конца) созданием «Устава Владимира Мономаха», подтвердившего право на вмешательство государства в отношения между подданными и на защиту им даже самых «малых» из них. Первым же зафиксированным летописью шагом в этом направлении стала «дискуссия» о смертной казни, произошедшая сразу же после завершения печенежских войн. Она стала завершающим штрихом в реформах Владимира и в этой связи может рассматриваться как часть государствогенеза, в отличие от правовых реформ Ярослава и его потомков, укреплявших власть и упорядочивавших социальную структуру государства, закреплявших их дальнейшую трансформацию.

Право смертной казни в отношении подданных является одним из самых существенных показателей степени развития власти государства над обществом. В славянских странах (например, Чехии) об этом свидетельствует «спровоцированный» Болеславом II Жестоким конфликт со старой патриархальной верхушкой общества (демонстративная казнь одного из ее представителей). До казни (точнее, убийства) их мнение было следующим: «Мы, которые являемся голосом народа и держим в своих руках знаки власти, мы не согласны с твоей прихотью, мы не умеем и не желаем сделать то, что ты повелеваешь. Да и отцы наши ничего подобного не делали» (Козьма Пражский, 1962. С. 61). После казни точка зрения правовых оппонентов князя кардинально изменилась: «Мы будем повиноваться всем твоим приказаниям, мы сделаем даже больше того, чем ты захочешь, не будь только с нами слишком жесток» (Там же. С. 62). Этот пример подчеркивает особую роль страха, то есть угрозы применения насилия со стороны нарождавшегося государства, в становлении ранней государственности.

Право государственного аппарата, правящего слоя, государя на применение крайней степени внутреннего насилия на фазе становления ранней государственности требовало санкции, обоснование которой в эпоху Средневековья могла дать только религия. Недаром и в Древнерусском государстве, и в отдельных княжествах «удельного периода», где действовали нормы Русской Правды, формальное право этой меры наказания не знало. Такая «незавершенность» одной из важнейших сфер действия функций государственного аппарата может быть вызвана стадией развития государственности — раннегосударственный этап (Шинаков, 2011).

В правовых традициях (так называемой «мононорматике») русов-язычников смертная казнь как право власти отсутствовала. Само

наказание смертью было, но в форме кровной мести разных масштабов. Нормы «Закона Русского» отчасти (наряду с византийскими и «особыми») отражены в договорах Руси с греками X в. Подлинность самих этих документов, особенно договора 944 г., в последние годы не ставится под сомнение, однако, в свою очередь, подчеркивается синкретичность, «литературность», а иногда и несоответствие реальности отраженного в них права (Никольский, 2002).

Это отразилось, в частности, на «тройственной» интерпретации единственной статьи «договоров», косвенно указывающей на наличие смертной казни. Прямой ссылки ни на «Закон Русский», ни на византийское законодательство здесь нет. Поэтому данную статью можно трактовать и как реминисценцию византийского права, и как «особую», только для византийцев (Там же. С. 172), и как специфически «русскую» норму (Свердлов, 1988. С. 35–36). М.Б. Свердлов приписывает право смертной казни только родственникам убитого (Там же), и в таком понимании это уже не пенитенциарно-охранительный акт государства или общества, но кровная месть в чистом виде. Так было в случае мести княгини Ольги древлянам за убийство князя Игоря (Александров, 1995). Поражает ритуальное разнообразие и масштабы способов предания смерти лиц, даже косвенно виноватых в гибели Игоря. Впрочем, в данном случае ритуализация, сакрализация и масштабность мести могли быть вызваны масштабами личности убитого и субъекта права — князя и княгини. Скорее всего, языческая идеология санкционировала не только сам акт мести, но и искупительную жертву богам плюс «переправку» на тот свет потенциальных слуг заупокойной ипостаси князя Игоря.

Мифологическая система, традиции, обычаи, отражающие ритуалы, становились в данном случае выражением социальной нормы общества, в том числе и места в нем правящей элиты. В данном случае «в эпизодах древлянской мести Ольга мыслила и действовала как скандинавка — месть через детали формы погребального обряда» (Там же. С. 28).

Ритуальное сожжение является скандинавской традицией отправки на тот свет — по крайней мере, в ходе борьбы за власть (Снорри Стурлусон, 1980. С. 28, 31–32, 34). У русов, по описанию «восточных источников» 1-й традиции, присутствовало положение живьем в могильную яму в качестве пути на тот свет одной из жен умершего знатного руса (Ибн Русте, 2009. С. 50). Оба эти способа присутствуют в описании первой и второй мести княгини Ольги. Эти же источники указывают на чисто «славянский» способ насильственного перевода на тот свет — повешение. Это не только удушение «любимой жены покойника» (Там же. С. 45), но и повешение преступника в славянской стране со столицей в Хордабе (Джарвабе) (Там же. С. 47). Характерно, что у «ас-сакалиба» правитель обладает этим правом, в отличие от «хакана» русов. И вероятно, это не случайная оговорка и тем более не

ложная информация. В «Хронике» Козьмы Пражского содержится такая же информация о чешском, еще языческом, княжестве. Пророчица Либуше предупреждает чехов, что князь «одной своей волей, не спросив предварительно вашего мнения, одного осудит, а другого вздернет на виселицу» (Козьма Пражский, 1962. С. 40). Правда, в обоих случаях не приводится сакрально-мистических обоснований права князя на повешение преступника.

Однако даже если экстраполировать сообщение восточных авторов 1-й традиции о наличии у правителя «ас-сакалиба» со столицей в Хордабе (Джарвабе) практики смертной казни именно на восточных славян IX в., а это небесспорно, то в русском праве XI–XII вв. этого уже нет. Даже в случае необходимости наказания за убийства в 1071 г. Янь Вышатич вынужден прибегнуть к кровной мести, отдавая преступников для повешения в руки родственников убитых ими женщин (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 168). Таким образом, принятие христианства не санкционировало введение смертной казни, по крайней мере, в правовую «теорию» (Русскую Правду). Что же касается правовой практики, то здесь смертная казнь существовала не только за убийство, но и за «мучения» (калечение), однако только «помазанников Божьих» — князей. Так было после ослепления Василька Теребовльского, когда непосредственные исполнители (Лазарь и Василь) были сначала повешены, а затем расстреляны из луков; еще более жестокой была казнь за убийство Андрея Боголюбского (Там же. Стб. 592 и др.). Летописец обосновывает необходимость этих мер в ответ на преступления против «волости» князя и его слуг («детьцких и мечников») тем, что «противятся волости, противятся закону Божью» (Там же. Т. 1. Стб. 370). При этом, в отличие от язычества, сакрализовавшего личность, православный идеолог подчеркивает «божественность» именно статуса: «естеством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властию же сана, яко Б(о)гь» (Там же. Т. 41. Стб. 524). Во всяком случае, складывается впечатление, что жестокость наказаний за убийство или нанесение увечий (не в битве) правителя любого уровня была вызвана не только целями превентивного устрашения, но и религиозно-мистическими задачами.

Были ли случаи применения смертной казни не за преступления против личности или статуса правителя и как относилась к ним Церковь? «Главная» статья летописи о смертной казни формально помещена под 996 г. (или сразу после него): «Живяше же Володимер в страхе Божием иумножишася зело разбоеви. И реча епископы Володимеру: се умножатися разбойници, почто не казниши их? Он же рек им: боюся Божия греха. Они же реша ему: ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоин ты казнить разбойника, но со испытанием. Володимер же отверг виры и начал казнити разбойников» (Там же. Т. 2. Стб. 111–112). Как мы видим, поборниками введения смертной казни выступают именно епископы —

в то время это греки либо представители славяно-балканского региона, где подобные правовые нормы были привычны.

Интересно, что и в Чехии именно духовенство «вдохновляло» князей на жесткие меры против преступников (1039 г.): «Епископ Север сказал: „Пусть будет подкреплено клятвой это справедливое решение князя. Ибо у вас, князей, меч для того висит на боку, чтобы вы чаще омывали его в крови грешников“» (Козьма Пражский, 1962. С. 106). И на Руси «князь бо не [в]туне меч носить, Божии бо слуга есть» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370). В итоге можно констатировать, что на Руси и в других славянских странах именно христианство, а не язычество санкционировало применение смертной казни не в качестве мести, а как превентивно-пенитенциарную меру права.

Впрочем, Русская Правда однозначно не предусматривает такого наказания, как смертная казнь, что косвенно свидетельствует об успехе мер Владимира и стабилизации общества при Ярославе. Казнь де-факто все же применяется, но только при личном присутствии князя, за восстание против власти и совершенные при этом уголовные преступления. Так, в 1024 г. Ярослав «разточи» волхвов, возглавивших «избиение старой чади» в Суздале «по дьявола наущению» (Там же. Т. 2. Стб. 135). В 1069 г. Мстислав Изяславич без суда казнил 70 киевлян — инициаторов освобождения из «поруба» мятежного князя Всеслава (Там же. Стб. 163).

В) Переселенческая политика князей в качестве демографического механизма этнокультурной консолидации

Организация государством массового переселения целых социальных и этнических групп населения неоднократно встречалась в истории. Еще первые правители Киевской Руси использовали такие методы для достижения вставших перед государством на определенных этапах его становления и развития внутри— и внешнеполитических целей. Элементы такой политики прослеживаются, возможно, со времени подавления древлянского восстания княгиней Ольгой в середине X в. [232], однако в систему она превращается при Владимире Святославиче и связана с формированием «градской организации».

Впервые «грады» используются для размещения оставшейся на Руси части варяжских наемников, помогавших Владимиру прийти к власти в 980 г. Поскольку в летописном повествовании об этом событии содержится изложение причин и характера первого, по сути, государственного мероприятия по перемещению части населения, приведем его полностью. «По сем (после победы над Ярополком в Родне. — *Е. Ш.*) реша Варязи Володимиру: „Се град наш и мы прияхом и, да хоще имати на ни по гривне на человека“. И рече имъ Володимир: „Пожъдете даже вы куны сберуть за месяцъ“. И ждаша за месяцъ, и не даст имъ. И реша Варязи: „Сльстил еси нами, да покажи ны путь въ Греки“. Онъ же рек имъ: „Идите“. Изъбра от нихъ мужи добры и смыслены и храбры и раздал имъ грады. Прочий же идоша Царюграду в

Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: „се идутъ к тебе Варязи, не мози их держати в граде, или то створять ти зло въ граде яко и здено расточи я разно, а семо не пущай ни единого“» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 25). Из контекста летописного сообщения вытекает, что решение Владимира было продиктовано соображениями экономии средств на содержание наемников, безопасности (особенно это ощущается в рекомендациях императору по рассредоточению варягов) и практической целесообразности (часть варягов была все же оставлена на Руси). Причины последнего проясняются при описании последующих мероприятий Владимира в 981–984 гг. Это — война с Польшей за «Червенские грады» и особенно — объединительные войны с вятичами, ятвягами и радимичами. «Грады» могли располагаться (и это подтверждается археологическими данными) на стратегически важных направлениях на границах племенных объединений с целью последующего концентрического наступления на их территории[233]. Не ясно только из летописи, в чем состояла экономическая выгода в таком характере размещения и, вероятно, обеспечения ударной части войск.

Второй этап строительства «градов» наступает уже после завершения объединительных войн и даже после принятия христианства, в конце 80-х и начале 90-х гг. X в. Этот этап непосредственно предшествует массированному печенежскому натиску на вновь установленные русские границы, начавшемуся в 993 г., сразу после хорватской войны[234].

На данном этапе «грады» ставятся по периметру «Росии»[235] («около» Киева — Белгород, на реках Стугне, Трубеже, Остре, нижней Десне) и на вновь создаваемой степной границе на Левобережье. Создание сети «градов», напомним, является внешней аналогией, прежде всего, с подобными же явлениями, имевшими место при создании «классических» дружинных государств — Чехии, Польши и отчасти «дружинной» Венгрии с ее «кастелянской системой».

Сравнительно-исторический метод помогает уточнить функции «градов» и причины их целесообразности, а именно — размещение части дружины, ее «кормление», контроль и управление прикрепленными к «граду» землями, сбор с них налогов, а также, как мы уже говорили ранее, предоставление «убежища» верховному правителю во время его объездов страны и выполнения им в это время судебных обязанностей (Галл Аноним, 1996). Эти «грады», особенно «пограничные», являлись одновременно и «сторожевыми крепостями». В административно-фискальном смысле славянские «грады» сближаются с датскими «королевскими крепостями» во время их «вторичного использования» в конце X в. (Лебедев, 19856).

Однако последние в этой своей ипостаси имеют на Руси сходство не с крепостями («твердями») как таковыми, а другой аналог — «погосты», «станы» и отчасти предполагаемые «дружинные лагеря». Первоначальное же значение «града» — его принадлежность

конкретному князю либо отождествление с центром властвования в целом, символом «волости» государства («всташа град на град»: НПЛ. Л. 29 об.): «И прия власть и раздал грады мужам своим… Рускыя грады… по тем бо городам седяху великие князья под Олгом суще… Вышгород град Вользин» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 7, 15 об., 17). Имеют «грады» и местные княжения — «славинии»: в них сидят причастные к управлению «старейшины града» (Там же. Л. 16–17). Таким образом, «грады» для IX–X вв. — это прежде всего административные центры на «своей» территории, в отличие от «погостов» и «становищ», находившихся среди хотя и подчиненных, но особых, зачастую враждебных или только что покоренных потестарно-политических организмов. В последнем отношении «погосты», напомним, близки франкским опорным пунктам на завоеванных саксонских землях, существовавшим, как и «погосты» Руси, и «королевские крепости» Дании, лишь короткий период — утверждения государственных порядков (Mruzek, 1965. S. 9). С «погостами» их сближают и отделяют от «королевских крепостей» или «лагерей викингов» небольшие (0,5 га) размеры укрепленной части (Рыер, 1997. С. 225).

Владимиром «грады» создавались, прежде всего, на пограничье «своей» и «чужой» территории и уже в силу этого должны были иметь в том числе и военно-оборонительное значение. От более ранних «градов» они могли перенять, вероятно, свой юридический статус (принадлежность князю при наличии органов самоуправления), а также право на власть и часть дани с закрепленных за ними волостей. Явное преобладание военных функций у «градов», возникших в последние 20 лет X в., выразилось и в мощности укреплений (Белгород, Воинь, Витичев, Переяславль), и в единовременности и скорости их сооружения, что заставляет искать их аналоги (как и пограничных линий в целом) в государствах, постоянно или кратковременно, но интенсивно выполнявших функцию внешней обороны. В последних аспектах Русь могла использовать датский, но прежде всего — многовековой византийский опыт. Ситуация, вынудившая Владимира перейти к обороне своей державы, могла сложиться в середине 80-х гг. X в., после завершения в основном объединительных войн. С точки же зрения межплеменной интеграции и переселенческой политики, существенно не военно-оборонительное назначение «градов», а способ их «населения»: «поча нарубати мужи лучшие от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятич и от сих насели грады» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 42). По данным археологии, к этому списку однозначно следует добавить, по крайней мере, дреговичей, северян и радимичей (Шинаков, 1980б. С. 125; 1982. С. 91–95; 1991а. С. 82–93; 1995а. С. 165–167, 173–174; Моця, 1987; 1993; Сухобоков, 1992). О степени влияния «северных» элементов на степном пограничье по материалам не только археологии, но и топонимики пишет С.П. Щавелев (Щавелев, 2002. С. 14–35; см. также: Моргунов, 1998. С. 38–42).

Важна категория переселяемого населения — военная или родовая аристократия «местного» происхождения. Причины этому могли быть разные: от простого наемничества утративших свои привилегии и привычные источники существования военных профессионалов или плена (как «ляхи» при Ярославе, поселенные на р. Рось) до выполнения общенародной функции — привлечения всех сил нового государства к обороне его в данный момент наиболее опасной границы. В промежутке находится точка зрения П.П. Толочко о попытке приобретения Владимиром таким путем на враждебном ему Юге «своих людей» с Севера (Толочко, 1987. С. 51).

Борясь с «политическим» сепаратизмом, Владимир фактически предпринял первый шаг к межплеменной интеграции в составе древнерусской народности, оформившейся к концу «раннего» Древнерусского государства, у истоков которого (и в конце генезиса тоже) стояли реформы этого князя. Обобщение многих этнографических материалов подводит к однозначному выводу, что на потестарно-политическом уровне, на этапе перехода от «вождеств» к пусть «раннему», но государству, и этническое самосознание, и культура этноса в целом выражается, прежде всего, через потестарно-политическую организацию. В итоге ликвидация органов власти «нижнего уровня» путем их отделения (переселения) от своих этникосов была первым шагом на пути ликвидации бикультурализма: наследия «двухуровневого государства» (космополитической, социально ориентированной дружинной культуры «верхов» и многочисленных племенных культур «низов»). Однако нивелировка их произошла не столько за счет синтеза, сколько с помощью наложения на обе субкультуры (в том числе потестарно-политические) религиозно-политической культуры извне — и гораздо более высокого уровня, а именно восточнохристианской.

Для первого этапа переселенческой политики нам представляется здесь ощутимым влияние византийско-болгарской практики искусственного «перемешивания» разноэтничного населения путем переселения на противоположный конец государства главных носителей этнополитического сознания — аристократии того или иного народа. В Византии, а вслед за ней и в Болгарии правящая верхушка покоренных народов не уничтожалась, а переселялась на противоположную границу государства с целью разрыва связей со своими бывшими подданными, но в то же время и укрепления рубежей.

Напомним, еще в 763 г. свыше 200 000 славян из Македонии были переселены в Малую Азию (Дашков, 1996. С. 135), взамен сюда направляли переселенцев из разных фем. После покорения Болгарии «наиболее видные из них, прежде всего представители свергнутой династии, были переселены в Малую Азию, в армянские фемы, где получили поместья, военные и гражданские посты» (Там же. С. 135). Туда же были переброшены наиболее боеспособные части уцелевшего

болгарского войска. На их место переселялись не только крестьяне из других фем и пленные кочевники, но и военная знать, получавшая в новой провинции империи земли на правах «условного военного держания» (пронии), впервые введенного при Комнинах именно на вновь завоеванных землях. Характерно отсутствие сведений о насильственном крещении и преследованиях за языческие обряды (в отличие от Карла Великого в Саксонии, Олава Святого в Норвегии или меченосцев, тевтонских рыцарей и некоторых польских князей в Прибалтике и Пруссии). Жестоким наказаниям подвергались лишь греки-предатели (христиане-ренегаты) или еретики-павликиане, заключившие союз с мусульманами (Там же. С. 158). «Простых» же павликиан Иоанн Цимисхий просто переселил во Фракию, «во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым подвергалась Фракия» (Там же. С. 158). Использовали византийский опыт (правда, не столь удачно) и болгары. Потомки 10 000 пленных жителей Андрианополя, переселенных в 813 г. на левый берег Дуная с целью его охраны, организовали в 838 г. вооруженное восстание против болгар и были доставлены в Византию на кораблях военного флота (Анна Комнина, 1996. С. 395).

Свое полное завершение данный этап переселенческих мероприятий на Руси, связанный с нуждами и обороны, и интеграции, получил, скорее всего, к 1008 г. (Моргунов, 1998. С. 31). В этом году католический миссионер Бруно Кверфуртский, проезжая через Русь к печенегам, видел уже готовые оборонительные линии (Бруно из Кверфурта, 1936. С. 76).

Поселенческие мероприятия оборонительного назначения продолжались и позднее, однако характер их изменился. К ним добавились и акции по переселению контингентов населения, имевшие целью «внутреннюю колонизацию» земель, а также «выселение» князей, преследовавшее политические цели. Эти меры имели свое продолжение и после распада Древнерусского государства (формальная дата — 1132 г.) и проводились отдельными княжествами. Рассмотрим их по отдельным типам.

Миграции «оборонного» значения

К ним относятся поселение пленных, взятых уже во внешних войнах, на противоположных от театра военных действий границах государства и создание системы территорий, где селились «федераты» из состава тюркских кочевых племен. «В лето 1031 г. Ярославъ и Мстилавъ собраста воя многа и идоста на Ляхы и заяста грады Червенъския опять и повоевоста Лядскую землю и многи Ляхы приведоста и разделистая (между Ярославом и Мстиславом? — *Е. Ш.*) и посади Ярослав своя на Реи и суть и до сего дни» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 56). Конечно, поселение пленных так далеко от Польши затрудняло их

бегство, но дело было не только и не столько в этом. Возвращать их Польше в преддверии новых возможных войн с ней, даже и за выкуп, — невыгодно, кормить «просто так» — нерационально. Поселение же их на ранее незаселенном участке степной границы с печенегами-язычниками делало, с одной стороны, невозможным побег пленных ляхов в этом направлении и позволяло передвинуть основную укрепленную линию Правобережья со Стугны на Рось — с другой. Недаром под 1032 г. следует запись: «Ярославъ поча ставити городы по Руси» (Там же. Л. 35).

Внешне отличий от подобных же мероприятий Владимира нет. Однако это только кажется, ибо Владимир селил в «грады» на юге Руси военную аристократию («мужей») тех племен, которые были уже включены в состав государства. Ярослав, судя по последующим событиям конца 30-х — начала 40-х гг. XI в. (Там же. Л. 35), не имел намерения включать Польшу или ее часть (вполне реальна такая возможность была для Мазовии в 1042–1047 гг.[236]) в состав Руси. Наоборот, «в сии же времена въдасть Ярославъ сестру свою за Казимира и въдасть Казимиръ за вено люди оемь сот еже бе полонил Болеславъ победивъ Ярослава»[237] (Там же. Л. 58). Сопоставление реалий русско-польских отношений того времени (возможность поживиться за счет распавшейся в конце 30-х гг. XI в. Польши) и последней фразы вскрывают один очень важный факт, связанный с первопричинами переселенческой политики. С точки зрения государственных интересов Руси были нужны не территориальные приобретения, а люди[238].

Последних не хватало для укрепления степной границы, за которой после разгрома в 1036 г. печенегов (Там же. Л. 56 об.), а в 1060 г. — торков (Там же. Л. 60 об.) появился новый и самый сильный враг — половцы, первый поход которых на Русь зафиксирован под 2 февраля 6569 г.[239] (Там же. Л. 61). Для борьбы с последним Русь, исходя из византийской (точнее, еще римской) практики «divide et impera», использовала их смертельных, по кочевнической традиции, врагов — торков, но, возможно, и уцелевших печенегов. Этот аспект развития русской государственности достаточно подробно проанализирован и в исторической, и в археологической литературе[240], что позволяет нам сразу остановиться на выводах.

«Своих поганых», или «черных клобуков» (все тюркские «федераты», независимо от происхождения, в итоге получили такое собирательное название), селили компактными группами на трех участках Киевской, Переяславской и Черниговской земель. Эти участки по разным причинам (в основном — солонцеватые почвы) были непригодны для земледелия и перекрывали наиболее удобные для «диких» земляков «черных клобуков» пути от внешнего обвода оборонительных линий к Киеву, Переяславлю, Чернигову и густо заселенным земледельцами местностям вокруг них (четвертым

регионом иногда называется «Болоховская земля» в Погорынье, на границе Галицкого княжества с Киевским, см. об этом: Майоров, 2001. С. 591).

В хозяйственном плане «свои поганые» находились на второй стадии кочевания (в пределах ограниченной территории, с регулярными остановками в одних и тех же местах, где за длительный срок восстанавливался травяной покров). С.А. Плетнева считает, что они так и не перешли к третьей («полуоседло-земледельческой») стадии, хотя недостаток пастбищ привел орды «черных клобуков» к стремительному оседанию. Они оседали и в русских «крепостицах», тянущихся по Руси, и основывали собственные «города».

В социальном плане[241] кочевническое общество было резко стратифицированным: здесь выделялись ханы, носившие тюркские имена (но в летописях славянский титул «князь») и имевшие несколько жен, «лепшие мужи» (аристократия), рядовые скотоводы и рабы-челядь.

В потестарно-политическом аспекте отдельные орды в середине XII в. объединились в союз «черных клобуков», включавший, судя по данным 1151 г., «Торки… Коуи… Берендеи… Печенеги», то есть практически все тюркские племена, союзные Руси. Они могли выступать как совместно, так и поддерживать отдельных князей. В Поросье, как части «Русской земли», в г. Торческ сидел, судя по всему, официальный глава союза — русский князь, брат или сын тогдашнего киевского правителя. Под 1151 г. упоминается «выпрошенный» самими «черными клобуками» брат киевского князя Изяслава Мстиславича Владимир, под 1155 г. — князь Поросья (берендеев) Василько, сын Юрия Долгорукого, под 1190–1192 гг. в качестве князя Поросского удела Русской (Киевской) земли с резиденцией в Торческе отмечен Ростислав Рюрикович (ПСРЛ. Т. 2. Л. 154 об., 172 об., 232, 232 об., 233). Выбор самим разноплеменным объединением именно *русского,* а не тюркского князя продиктован, скорее всего, соображениями престижа, с одной стороны, и тем, чтобы никому из «своих» (торков, берендеев, печенегов и др.) не было «обидно» (и опасно), если выбрали не их представителя, — с другой. Это явление, по-видимому, аналогично проявлению менталитета бойцов «Дикой дивизии» времен Первой мировой войны, которой командовал брат царя — великий князь Михаил Александрович.

До татаро-монгольского нашествия они не слились еще полностью со славянским населением, и дальнейшая судьба их практически не освещена источниками[242]. Существует точка зрения, что потомками «черных клобуков» являются гагаузы в Поднестровье (Зяблин, 1952; Мавродина, 1983. С. 61). Однако по поводу происхождения гагаузов существуют и совершенно иные точки зрения. С другой стороны, очевидно, и археолого-антропологические источники (Орлов, Моця, Покас, 1985. С. 41–60) это подтверждают, что часть «своих» тюрок

слилась со славянским населением Южной Руси еще в домонгольский период. Данные топонимики свидетельствуют о каком-то присутствии берендеев среди населения Владимиро-Суздальской земли (юг современной Ярославской области). Позднее часть «черных клобуков» слилась с ногайской частью населения Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1966) и, соответственно, частью либо современных крымских татар, либо более ранних запорожцев.

Еще одна причина организованных переселений — чисто экономическая. Русь образовывалась из отдельных островков государственности, связанных с наиболее плотно заселенными ареалами. Между ними были необъятные (по европейским понятиям), но слабозаселенные пространства. По ним стали проходить границы между землями и волостями, позднее — великих и удельных княжеств.

При стабилизации государства в XI в. встал вопрос о внутреннем хозяйственном освоении этих территорий. Необходимо было также увеличивать количество податного населения своего княжества. Кроме того, все большую остроту обретала проблема, где взять людей для обслуживания возраставших в числе частновладельческих княжеских и боярских вотчин — сел. Социальная структура Руси и характер отношений между властью и обществом не позволяли «закрепощать» целые, нерасчлененные еще общины — верви и сельские «миры». Источники не содержат никаких данных об их разложении. Количество изгоев, умножившееся при ломке племенных отношений, стало исчерпываться, сокращение же числа внешних наступательных войн ограничило возможности превращения пленных в челядинов-рабов. Чисто финансово-экономические средства увеличения рядов холопов и смердов за счет высоких процентов («резов») за «купы» (деньги или имущество, данное в долг), широко распространившиеся при Святополке Изяславиче (1094–1113), но, возможно, и в конце правления его предшественника — Всеволода Ярославича, были ограничены Владимиром Мономахом (1113–1125)[243] (ПСРЛ. Т. 2. Л. 172 об.). В итоге эксплуатации выгоднее было подвергать переселенное извне население, иногда иноплеменное, «приобретенное» в ходе военных мероприятий и терявшее в результате свои права. Пик прямых упоминаний о массовом переселении населения из соседних княжеств приходится на середину XII в. — период максимального размаха междоусобных войн, однако данные археологии (и косвенно — письменных источников) свидетельствуют о начале переселений во внутренние районы государства на 100 лет раньше.

В частности, судя по анализу погребальной обрядности и инвентаря, такая «рокировка» населением была произведена между Посемьем (в широком смысле, включая часть «Восточных территорий»[244] в верховьях рек Псел и Ворскла), а также частью Среднего Подесенья, и — дисперсно — северными районами Руси от Новгорода Великого до Владимира на Клязьме, Мурома и Рязани. Судя

по датам погребальных комплексов и отдельных находок, содержащих элементы построменского («северянского») убора (лучевые височные кольца групп IV и V)[245], они попадали на Север в период с середины XI до середины XII в. Консервативный характер «племенных культур» (и, в частности, женского костюма и украшений) практически исключает такой источник проникновения, как торговые связи. Большое расстояние между Сеймом и северными землями, наличие в промежутке между ними иных этнокультурных групп (вятичей, радимичей и кривичей), хотя и родственных северянам по «обычаям»[246], но все же носителей пережитков традиций других «племенных культур», делает невозможной прямую диффузию населения, эти традиции сохранившего.

Возможные причины проникновения деталей построменской культуры на север уже рассматривались нами (Шинаков, 1995а. С. 165–166), отметим здесь новые (археолого-топонимические) данные о северных источниках заселения «освобождавшихся» земель на Сейме и Десне. Современные исследователи указывают на Новгородскую землю как главный источник этого заселения[247] (славяне, финно-угры, кривичи). При этом верхний Сейм с Курском, как ключевая позиция на границе со Степью, заселялся раньше и контаминированно с военно-стратегической необходимостью (Щавелев, 2001. С. 83–90), средний Сейм и участки Среднего Подесенья — позднее.

Регион Курска и прилегающие к нему верховья р. Псел представляли собой особый «укрепленный район» на степной границе и узловой пункт на пути из Киева в Булгар (Моця, Халиков, 1997. Рис. 64–65), в связи с чем его раннее освоение Русью было мало связано с чисто экономическими потребностями. Другое дело, что часто отрезанные от основной Руси жители этого «островка» должны были не только защищать границу, но и кормить сами себя. Здесь русская деревня продолжала существовать, укрепившись в своих деревянных «крепостицах». «Кмети», подвластные Всеволоду Святославичу (Буй-Тур Всеволоду, князю Трубчевско-Курскому в эпоху «Слова о полку Игореве»), могли совмещать сельское хозяйство с постоянной пограничной службой, как совмещали это позднейшие казаки в этих местах (Рыбаков, 1979). Соглашаясь в целом с полностью фундированным позднее археологическими работами А.А. Узянова, А.В. Кашкина и В.В. Енукова мнением ученого, позволим и иное направление для сравнения: одновременными Древней Руси византийскими акритами — военными поселенцами, крестьянами-пограничниками. По «Книге Большому Чертежу», и к востоку, и к западу от округи Курска проходили важные дороги — «шляхи» (Муравский, Изюмский, Бакаев, Свиной), по которым «татарове» доходили до Оки, Орла, Карачева (КБЧ, 1950. С. 102–103). На все броды и уязвимые места на этих «шляхах» посылались разъезды — «сторожи» из Курска, причем зачастую использовались старые укрепления (Там же. С. 154–155). Некоторые из

этих городищ (Городенское, например) находились в 80 км к западу от Курска, вниз по Сейму. Общая же площадь самого «укрепрайона» — 50 х 34 км (Шинаков, 1980а. С. 131), на которой в IX — начале XI в. помещалось почти 200 поселений, а в XII–XIII вв. — свыше 70 (Узянов, Кашкин, 1987. С. ПО). По этническому составу — это одно из северянских племен («семцы» или «семичи», см.: Щавелев, 2002. С. 14–35) и переселенцы с Северо-Запада Руси.

Вероятно, и отселение местных северян, и переселение сюда представителей иных племен первоначально связано с событиями 1024–1036 гг., когда северяне поддержали Мстислава Тмутараканского, а после его смерти могли подвергнуться репрессиям со стороны Ярослава Мудрого. Во всяком случае, по данным археологии, Среднее Посемье и часть Подесенья значительно запустевают именно в этот период. Об этом писал Б.А. Рыбаков, указывая как причину печенежскую угрозу (Рыбаков, 2003. С. 47). На решения Любечского съезда 1097 г. как на стимул заселения Посемья в том числе указывает В.В. Приймак (Приймак, 19976. С. 10). До и после середины XI в. заселение здесь более плотное, но с разным этнокультурным обликом: языческо-христианским позднероменским до и общерусско-христианским после этого рубежа. Эти переселения проходили еще в рамках единого Древнерусского государства с общей системой управления («коллективный сюзеренитет»)[248], но с раздельными после Любечского съезда 1097 г. источниками доходов отдельных ветвей династии Рюриковичей. Усилившийся на рубеже XI–XII вв. распад общинных связей, в связи с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений на Руси (судя по «Уставу Владимира Мономаха» и Пространной редакции Русской Правды), несколько упрощал эти мероприятия. Сохранение (и даже временное усиление при Владимире Мономахе и Мстиславе Великом) центральной власти делало возможным реализацию масштабных переселений, вероятно, стимулированных не только фискально-экономическим интересом, но и новым витком интеграционно-христианизаторской активности такого ненавистника «поганых» — язычников, каким был Владимир Мономах. Вспомним хотя бы уже упомянутое изгнание в 1121 г. берендеев, единственной «виной» которых могло быть их язычество. В целом, однако, этноконфессиональный аспект переселений русских князей волновал мало. Недаром в начале XIII в. в немецкой «Хронике Ливонии» звучат нотки осуждения подобной русской практики. «Ибо русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег»[249].

Первые данные о насильственном переселении целого племени извне в глубину Руси именно с этими целями можно отнести к 1057 г. В ПВЛ об этом говорится кратко: «Победи Изяславъ Голядь» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 60 об.). Позднее голядь упоминается на р. Протве (1147 г.), откуда

Святослав Ольгович переселил ее (Там же. Л. 125), скорее всего, в Черниговское Подесенье, где существуют до сих пор топонимы Голяжье и Голешовка[250]. На этом основании делался вывод, что и поход 1057 г. был на Протву, а голядь — это автохтонное дославянское население региона (Хабургаев, 1979. С. 139–140). Однако вряд ли возможно существование после правления Ярослава еще не покоренного балтского племени в центре Руси. Что же касается событий 1147 г., то они относятся к борьбе между правителями разных княжеств, в ходе которой один из них (чернигово-северский Святослав Ольгович) для ослабления соперника (смоленского князя Ростислава) переселяет в свою землю часть его подданных, а не покоряет независимое племя. С другой стороны, сохранение последним своего этнонима говорит о его особом статусе, чужеродном для местного славянского населения. В то же время об одинаковом по названию «народе галиндов» («голядь» — русская транскрипция этого этнонима) (Топоров, 1980; 1983) имеется интересная легенда в «Хронике земли Прусской», завершенной в 1326 г., но повествующей в данном случае о событиях, случившихся задолго до переноса Тевтонского ордена в Пруссию. В легенде излагается вполне мифическое основание для опустошительного похода «всех пригодных к военному делу галиндов» «в соседнюю христианскую землю». Затем «христиане, погнавшись за ними огромной толпой, напали на них и убили, не встретив сопротивления; узнав об этом, судовы и прочие соседние народы вошли в вышеупомянутую землю Галиндии и женщин, и младенцев, и прочих оставшихся в живых увели в вечное рабство, и так земля эта по сей день остается в запустении» (Петр из Дуйсбурга, 1996). Поскольку название земли «Галиндия» сохранялось и во времена Тевтонского ордена, известно, что она располагалась между Пруссией, Мазовией, Судовией (землей ятвягов) и северной частью Берестейской земли Руси с городами Дорогичин, Сураж, Бужеск и Бранеск (Брынеск) в междуречье Буга и Нарева. Таким образом, под «христианской страной» того времени может пониматься либо Польша (в 1047 г. Мазовия снова стала ее частью), либо Русь (причем владения именно Изяслава, старшего сына Ярослава Мудрого) (Рапов, 1977. Карта I). Польские источники, подробно описывая походы на язычников, упоминают при этом поморян, пруссов, ятвягов, но не галиндов, что вряд ли было бы естественно в случае их проживания на польских границах как этнического целого. В этом контексте описание похода Изяслава в ПВЛ лишь ставит все точки над «i». Исчезнув на польско-русском пограничье, галинды/голядь фиксируются на восточной окраине Смоленской земли. Возможно, выбору этого региона способствовал обмен волынских (пограничных с мазовецкими галиндами владений Игоря Ярославича) на смоленские земли в 1057 г. А после междоусобной войны 1147 г. и на северной окраине Черниговской земли, в том числе в ближайшей округе древнерусского

«Брянеска» на Десне. Скорее всего, Святославом Ольговичем они воспринимались как коллективная «челядь» всего дома Рюриковичей, что и дало ему «право» на переселение голяди для увеличения числа своих подданных — «людей», челяди или смердов. Фраза «взя люди Голядь… и тако ополонишася дружина Святославля» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 125) не дает точных указаний на социальный статус голяди. Не исключено, что, будучи в Смоленском княжестве «людьми», то есть свободными крестьянами-данниками, они переселялись на Черниговщину уже в качестве военнопленных — челяди либо частновладельческих (у дружинников Святослава) крестьян-смердов, жителей сел, но не весей (как «люди»). Насильственное (а не добровольное, как для большинства «своих поганых») переселение до этого враждебных «христианам» галиндов подальше от границ вполне соответствовало задачам как обеспечения безопасности этих границ, так и внутренней хозяйственной колонизации.

Голядь в этом случае занимала пустовавшее славяно-кривичско-вятичское пограничье в верховьях Протвы (Седов, 1982. Карты 21, 25). Оно входило в состав Смоленской земли, близ ее суздальских и черниговских границ одновременно. Указанные действия Изяслава вполне укладывались в рамки византийской этнодемографической и военной политики (в 50-х гг. XI в. начинается новый виток русско-византийского сближения и даже сотрудничества[251]) и при внимательном рассмотрении текстов летописи не являются исключением. Так, под 1097 г. говорится о честолюбивых планах Василько Теребовльского, который «хотель есмь переяти Болгары Дунайскыя и посадити я в себе» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 91–91 об.). Смысл здесь, конечно, не в явной нереальности планов князя (до этого он предлагал «взять» «землю Лядьскую», а затем побить половцев), высказанных в ходе застольной беседы, но в подспудно прозвучавших целях: не новые земли, а их население.

В целом эпизоды с голядью можно разделить на два типа. Первый, 1058 г., связан с переселением из-за границы Руси в ее внутренние регионы. Второй, 1147 г., связан с внутренними переселениями между княжествами. К этому же типу переселений можно отнести события 1160 г. Перед первой осадой Вщижа базировавшийся на этот город Изяслав Давидович ходил с половцами в соседнюю Смоленскую землю: «Той же зимы оттуде иде на Смоленскую волость Изяславъ и повоевавъ дшь боле тмы [10 000. — *Е. Ш.*] а иныя исекоша» (Там же. Л. 181 об., 182). Здесь интересно прежде всего упоминание времени года, когда совершался «свод» населения, — зимы. События 1147 г., связанные с переселением голяди из смоленских пределов, также проходили в зимних условиях — в начале марта, до Благовещения (Там же. Л. 125). Летом, в разгар страды, это было нерационально, а осенью и весной затруднительно из-за бездорожья (а весной и из-за бескормицы). Кроме того, зимой устанавливался хороший санный путь по льду рек. В этом

сообщении прослеживается и масштаб внутренних переселенческих мероприятий — свыше 10 тысяч человек, при среднем населении княжества в 100–350 тысяч.

Аналогичные военно-переселенческие действия происходили не только на чернигово-смоленской, но и, например, на галицко-владимиро-волынской границе. Иногда переселяли одновременно целый город небольших размеров. Так, в 1171 г. волынский князь Мстислав Изяславич переселил жителей Шумска, принадлежавшего дорогобужскому князю, в свою столицу (Там же. Л. 196). Аналогично поступает с населением пограничной галицкой крепости Плесненск в 1232 г. Даниил Романович, в то время князь Волынский (Там же. Л. 260 об.).

Переселениям подвергались не только жители соседних русских земель, но и «полурусские» берладники (жители Молдовы и низовьев Дуная) (Там же. Л. 180 об.), поляки, литовцы и половцы. Последних брали «в полон» как при наступательно-истребительных войнах начала XI в. Владимира Мономаха и Святополка Изяславича (1103, 1111 гг., см.: Там же. Л. 96, 99 об. — 100), так и оборонительных (1160, 1170 гг., см.: Там же. Л. 180 об., 192 об., 193).

Пленных половцев, оставляемых в живых и не поселяемых целыми ордами, кошами, аилами на правах федератов, превращали в рабов участников похода. «И толико взяша полона множество, якоже всим Русскимъ воемъ наполнится до изобилия и колодникы и чагами и детми ихъ и челядью и скоты и конми. Христианы же отполонивши пустиша на свободу вси» (Там же. Л. 192 об., 193). Впрочем, часто в плен захватывали и христиан, в том числе мирное население. Изменения подобной практики прослеживаются только в конце первой трети XIII в. В 1229 г. Даниил и Василько Романовичи помогали Конраду («Кондрату») Мазовецкому в польских междоусобиях, и было заключено соглашение: «Руси бо бяху полонила многу челядь, и боярине створиша же межу собою клятву: Русь и Ляхове, аще по сем будеть межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси Лядьской» (Там же. Л. 257). Скорее всего, речь здесь идет не об отмене института военнопленных (что было бы нереально), а о попытке ликвидации существовавшей ранее практики угона мирного населения именно в рабство. Впрочем, существует и точка зрения, что пленники, особенно половцы, являлись основой для пополнения контингента государственных («общинных») крестьян-смердов (Майоров, 2001. С. 461–462; Шинаков, 2018. С. 5). Действительно, судя по событиям 1160 г., в полон могли браться не только частные лица и князья, но и «галичане» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 180 об.) в целом, то есть «вой» городового («общинного») полка, хотя сам «полон» контаминирует с термином «челядь», «колодники» (Там же. Л. 192 об., 99 об.), а не «смерды». Что же касается литовцев и вообще жителей Прибалтики, то об их переселениях в Чернигово-Северскую землю свидетельствуют

сочетания письменных и археологических источников. «В лето 1131 [князь великий] Мстислав ходил на Литву с взем полон мног и воротися вспять» (Там же. Т. 1. Л. 100). «Ходи Мстислав на Литву с сынами своими и с [О]лговича и с Всеволодом Городенским и пожгоша их» (Там же. Т. 2. Л. 109 об.). В 1205 г.: «Той ж зимы бишася Олговичи с Литвою» (Там же. Т. 1. Л. 245 об.). Также упоминается какой-то (вероятно, тот же самый) поход черниговских князей (по просьбе своих полоцких коллег) на Литву в 1203 г. и в поздней Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ. Т. 26. С. 57).

В археологических материалах городищ Трубчевского ополья, которые, скорее всего, являются остатками укрепленных загородных дворов бояр и князей и расположенных вокруг них обширных селищ, где проживало зависимое население, встречены украшения литовского и латгальского происхождения конца XI–XIII вв. (Шинаков, Пискунов, 2015. С. 126–134). Наличие в этих частновладельческих сельских поселениях зависимого населения прибалтийского происхождения согласуется с данными Иоакимовской летописи, приведенными В.Н. Татищевым. Так, в 1173 г. смоленский князь Роман Ростиславич, вернувшись из похода на Литву, раздал пленников по селам «в работу», повелев им пахать, откуда якобы пошла поговорка «Зле, Романе, робить, что литвином орешь» (Татищев, 1963. С. 98).

Возникает естественный вопрос: почему переселяли людей, а не присоединяли территорию, ими населенную? Для случаев внутренних переселений людей ответ, вероятно, лежит в правовой сфере. Любечский съезд 1097 г. определил границы власти отдельных представителей княжеского рода: «кождо держить очьчину свою» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 88). Границы «волостей» отдельных ветвей рода были делом коллективным и касались всех Рюриковичей, так что их изменение было делом трудным. Это не касалось в дальнейшем процессов деления великих княжеств на удельные и образования внутренних границ, но и в 1147 г., и в 1160 г. шла борьба именно великих княжеств: Черниговского, Смоленского и Суздальского. Что касается населения, то на него формула Любечского съезда не распространялась; кроме того, население, оторванное от устоявшихся общественных структур и привычной среды обитания, было легче подвергать частноправовой эксплуатации. С другой стороны, если следовать общинно-городовой теории в современном ее варианте (А.Ю. Дворниченко, И.Я. Фроянов и др.), то целью переселений могло быть не только обогащение отдельных членов общины — воев и бояр, но и ее укрепление в целом за счет роста населения (Майоров, 2001. С. 302–303), что не противоречило интересам князей.

Что касается внешних переселений, то они происходили в случае ненужности данной территории Руси или явной невозможности ее удержать. Походов на балтские и финские племена Прибалтики в середине XI–XIII в. было много, но присоединена была лишь небольшая

часть земли ятвягов, прилегающая к «Черной Руси», эстов по западному берегу Чудского озера (с основанием здесь г. Юрьева в 1030 г.) (ПСРЛ. Т. 2. Л. 56), а также латгалов (лэттов) и ливов вдоль р. Даугавы и берега Рижского залива. Последние земли с крепостями Ерсике и Кукенойс открывали Полоцку самостоятельный выход на Балтику. Русские были здесь только в составе небольших гарнизонов этих трех опорных пунктов (и то они фиксируются лишь в ходе борьбы с меченосцами в начале XIII в.) да в качестве отрядов сборщиков дани и вир с местного населения.

Единственное направление, в котором шел отток, а не приток населения, — это север. Вдоль северных рек — Печоры и Северной Двины — русские достигают Белого моря и Ледовитого океана уже к концу XI в. (Makarov, 1994. P. 13–27; Макаров, 1997). Но и здесь главной целью специально созданного временного административного образования — «Ладожского ярлства» — было все же не присоединение земель само по себе, а увеличение податного населения Руси за счет местных племен. Термин «русско-норманнское наместничество — ярлство» использован А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1979. С. 93). Оно было получено по условиям брачного договора с Ярославом Мудрым «княгиней Ингигерд», которая «дала ярлу Рёгнвальду Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежало. Рёгнвальд был там ярлом долго, и был он известным человеком. Сыновьями ярла Рёгнвальда и Ингибьёрг были ярл Ульв и ярл Эйлив» (Джаксон, 1994. С. 75). Однако и в этом случае целью продвижения на север было не присоединение земель, а увеличение податного населения Руси местными племенами. Об этом говорит рассказ новгородца Гюряты Роговича, помещенный в летописи под 1096 г.: «яко послах отрока своего в Печеру — люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к нимъ и оттуде иде въ Угру. Угра же суть людье языкъ немъ и съседятся сь Самоедью на полунощных сторонах» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 86). Самоеды / ненцы жили уже в тундре, на побережье Ледовитого океана.

Итак, массовые переселенческие акции русских князей конца X–XII в. можно классифицировать по их целям на пять типов.

1. Связанные с военной реформой и изысканием средств на содержание дружины за счет местных ресурсов. Это создание так называемой «градской системы» и слоя крестьян — военных поселенцев в ходе объединительных и оборонительных войн Владимира Святого. Аналогии — Великая Моравия, Чехия, Польша (для «градской системы»), Византия и Болгария (Дунайская) — для системы военных поселенцев типа акритов

2. Решение вопроса о наиболее рациональном размещении и использовании военнопленных, в состав которых с середины XI в. стали входить целые тюркские орды, и ослаблении воинственных соседей. Аналогии — Византия, Болгария

3. Проводимые с целью быстрейшей внутренней интеграции покоренных племенных союзов («княжений», «вождеств»). Аналогия — Византия

4. Мероприятия по укреплению границ Руси, особенно южных степных. Аналогия — Византия

5. Меры по освоению малозаселенных «внутренних пограничий» и по увеличению податного населения сначала Руси в целом, а затем и отдельных княжеств. Прямых аналогий нет

В реальности практически все мероприятия преследовали две — четыре цели одновременно, то есть являлись комплексными. Объединяющим моментом была демографическая специфика Руси, где земли, в отличие от людей, не представляли большой ценности.

Позднее внешней аналогией переселенческим мероприятиям Древнерусского государства могут являться «своды» Московской Руси, но это уже тема отдельного исследования.

Итак, образование государства на Руси — не единовременный акт, а трехэтапный процесс. Княжества и иные формы потестарных образований («племенных объединений», протогородов и др.) восточных славян и финно-угров; «сложные вождества» — «Северная конфедерация», «держава» Олега и Игоря, альтернативное ей Юго-Восточное объединение; сочетание разных форм и уровней интеграции, включая уже и раннегосударственные — во второй половине X в., от территориально ограниченных реформ княгини Ольги до всеобъемлющих — Владимира Святославича. Можно считать, что в абсолютных датах образование единой державы раннегосударственного уровня на Руси в основном (если не считать кодификации права) было завершено примерно к 1000 г. Оставалось только реально распространить формально принятую и объединяющую всех религию, закрепить свершившуюся на новых основах институционализацию власти ее легитимацией не только в религии, но и в идеологии (создание генеалогического обоснования власти династии) и праве, передав князю монопольные судебно-законодательные функции. Эти процессы затянулись еще более чем на 100 лет и завершились уже в начале XII в. — насильственными мерами по внедрению христианства при Владимире Мономахе, созданием его же «Устава» и Пространной редакции Русской Правды, содержавшей уже признаки и зрелой государственности, а также «Повести временных лет». Однако тогда же начались и новые, центробежные тенденции (ранее характерные только для Полоцка), отразившиеся в части решений Любечского съезда 1097 г. Тем не менее и последующая их практическая реализация в XII в. привела к изменению лишь территориально-политической «оболочки» ранней государственности, но не ее сути.

Заключение

Механизмы создания «ранней государственности», институционализации соответствующего ей уровня власти в общем одинаковы в среднеевропейской, северной и болгаро-византийской моделях, но их последовательность существенно различается (Shmakov, Fedosov, 20226). Рассмотрим три конкретных варианта «идеализированных схем» государствогенеза в этих трех моделях.

Чехия

1. Формирование княжеской власти, сразу монополизирующей область права
2. Христианизация (одноактно)
3. Создание «большой дружины» (поэтапно)
4. Уничтожение племенной знати и главный конфликт, от исхода которого зависел путь развития
5. Введение регулярных налогов, создание территориального деления, «градской системы» и «служебной организации»
6. Внешняя экспансия, «имперский эксперимент»
7. Начало кодификации права

Длительность «переходного периода» — 180 лет.

Скандинавия

1. Образование государственной территории, ликвидация «племенных» конунгов, интеграция местной и «дружинной» знати
2. Создание системы «королевских усадеб» (в Дании — «крепостей», «лагерей викингов»), «большой дружины»
3. Введение даней и создание территориального деления (из-за оборонительных войн)
4. Кодификация конунгами норм «обычного» областного права (длительный период)
5. Конфликты из-за «присвоения одаля» — область имущественного права
6. Христианизация (в несколько приемов) и конфликты из-за нее
7. Внешняя экспансия на государственном уровне
8. «Феодализация» знати, кое-где (Швеция) введение налогов вместо ледунга
9. Полный переход судебной власти в руки короля

Длительность генезиса структур «раннего государства» — от примерно 70 (в Дании) до 400 лет (в Швеции), свыше 280 лет в Норвегии.

Болгария

1. Создание кодифицированного общегосударственного законодательства («Законы Крума»)
2. Создание территориального деления по византийскому образцу взамен племенного
3. Введение системы налогов и повинностей
4. Создание ханской дружины при сохранении остальных видов войск и чиновничьего аппарата
5. Христианизация, новый статус ханской власти, новые титулы и регалии
6. Конфликт со «старой» тюркской языческой знатью, разрешенный одноактно (путем уничтожения) в пользу «государства»
7. Внешняя экспансия (точнее, новый ее виток при Симеоне)
8. Неудачные оборонительные войны (со Святославом, Византией) и гибель «ранней государственности»

Период становления (без внешней экспансии) — 60 лет (808–866).

Русь (от Ольги до Ярослава)

1. Введение на части территорий княжеского суда и налогов («Уставы и уроки» Ольги)
2. Создание «большой дружины»
3. Внешняя экспансия и ее провал
4. Объединительные войны, начало ликвидации племенной знати
5. Конфликты внутри правящей верхушки из-за раздела даней
6. Христианизация (одноактно)
7. Завершение интегративных мероприятий, строительство «градов» и княжеских частновладельческих поселений, создание новой территориально-фискальной системы
8. Объединительные войны как консолидирующий фактор
9. Начало перехода судебной власти в руки князя
10. Первые шаги кодификации «обычного», дружинного и княжеского права (уставов) (1016–1072)

Длительность основного периода без кодификации — 60 лет, с ее учетом — 125 лет.

Автор воздерживается от подробных комментариев этих четырех родов последовательности механизмов, сознавая во многом их субъективность из-за характера источников и условность в плане повторного действия тех же механизмов, их хронологического «наползания» друг на друга, иногда «спрессованности» дат, особенно в ПВЛ в 80–90-х гг. X в. Однако они, очевидно, отражают какие-то объективные реалии, в частности следующие: в обществах,

пронизанных правовыми отношениями, на одном из первых мест стоит кодификация обычного права, а на одном из последних — создание королевских законов (Скандинавия) (Шинаков, 2020). В славянских странах Средней Европы судебная власть чуть ли не изначально принадлежит князю, а вот с кодификацией права дело обстоит с точностью до наоборот. В Болгарии — то же, но из-за влияния Византии оба эти момента ситуативно и хронологически совпали (Shinakov, Polyakova, 2011). Везде, кроме Руси, внешняя экспансия как главная функция государства завершает список механизмов (в Чехии после нее идет только кодификация, в Швеции — узурпация правовой сферы королем). Христианизация в Скандинавии (кроме Дании), растянувшаяся на столетие даже на государственном уровне, во всех славянских странах была в этом плане (как введение государственной религии) проведена одноактно (кое-где — у ободритов — «сорвалась»). Но если в Чехии она, по сути, начинает список «институционализационных» механизмов, а в Болгарии его «закрывает», то на Руси стоит (по последовательности, но не хронологии) в его середине.

В любом случае механизмы становления власти этапа «ранней государственности» на Руси однозначно указывают на ее особое, специфичное место среди трех безусловно связанных с ней моделей «ранней» европейской государственности.

Древнерусское государство относится, во-первых, ко «вторичным» государствам, во-вторых, возникшим в бессинтезной зоне Европы. Именно в этой связи и необходимо рассматривать его политическое окружение в динамике на разных этапах государствообразования с IX по середину XI в. При этом необходимо учитывать, что воспринимаются влияния, во-первых, превосходящих, но близких по стадиальному развитию социально-политических организмов, во-вторых, это влияние сказывается в первую очередь на внешнем оформлении государственных институтов и ритуалов.

Очевидно, что для этапа отдельных вождеств (племенных княжеств и протогородов-государств) можно отметить два влияния: Хазарии на Юго-Восток будущего древнерусского государства; Великой Моравии — на Юго-Запад. Воздействие это на Юго-Восток продолжалось до середины 80-х гг. IX в., да и дальше Киев брал дань с северян и радимичей по хазарским нормам, а вятичи, вероятно, сохраняли связи с Каганатом до 965 г. Волыняне и белые хорваты не упоминаются как племена, покоренные Олегом, а в походе 907 г. они уже участвовали. Возможно, они сохраняли верность Великой Моравии вплоть до ее падения в 906 г. или по крайней мере до захвата Словакии венграми, отрезавшими их протогосударство от ядра Великоморавской державы.

В X в. практически синхростадиально шло развитие Древней Руси, Швеции, Дании, Польши, несколько опережала их Чехия. Здесь возможно не влияние, а взаимодействие в процессах формирования

государств друг с другом. Взаимодействие (точнее, даже «взаимоучастие») может быть положительным (дружественным) или отрицательным (враждебным) в прямом, субъективном смысле. Объективные последствия этих прямых воздействий не обязательно должны были быть полностью адекватными субъективному характеру последних.

Наибольшее же непосредственное участие из «иностранцев» в процессе государствообразования на Руси приняли скандинавы. Объясняется это как стадиальными особенностями развития Скандинавии в IX–X вв., так и спецификой ее природно-географического положения. В эпоху «варварства» почти повсеместно, в результате разложения родовых институтов, появляется слой населения, молодежи в первую очередь, для которого война, набеги становятся «сезонным» занятием. Вспомним «священную весну» у германцев. В Скандинавии в силу ограниченности ее природных ресурсов, вызвавшей демографическое давление, это движение приобрело на данном этапе беспрецедентный для оседлых народов размах, а море, отделявшее ее от объектов грабежа, заставило это движение принять специфическую форму «викингов» (сезонных морских походов за добычей). Для самой Скандинавии это движение послужило первоначально тормозом государственного развития, так как снижало внутреннее давление и удаляло из страны наиболее активные элементы, в том числе знать — не только хевдингов и ярлов, но и конунгов. Объясняется это наличием множества вождеств во главе с конунгами и особенностями престолонаследия, когда наиболее достойный из состава одного рода практически занимал престол в процессе борьбы с другими претендентами. Последним оставалось искать счастья за пределами страны. И как и в Западной Африке, эти грабительские походы возглавлялись титулованными особами, что позволяло им, завоевав славу и «престиж» за рубежом, вернуться домой «на коне» (Харальд Гардрад). Другие же так и оставались за пределами Скандинавии — или как слуги, или как господа и даже создатели государств на чужой территории.

Шведские викинги (варяги), возглавляемые в 60-х гг. IX в. обоими (Упсалы и Бирки) конунгами союза племен свеев, занимались транзитной торговлей с каспийским Востоком и Уралом по Волжскому пути. Недаром эта территория названа ими «Аустрвег». Попутно они собирали дань с окрестных славяно-финских племен и вождеств. Это субъективно, безусловно, отрицательное воздействие вызвало объективно положительный результат — сплочение этих социально-политических организмов в единую конфедерацию. Положительное же воздействие («призвание варягов») никакого влияния первоначально не оказало, так как дружина из нескольких сот русов была просто инкорпорирована в уже складывающуюся структуру и заняла там свою нишу. Поражение Игоря в 941 и 944 гг. могло явиться стимулом

перехода к внутренней эксплуатации, но поражение государства («руси») в столкновении с обществом (древлянами), наоборот, вызвало регресс политогенеза.

В конце IX — 40-х гг. X в. скандинавы составляли самый важный «иностранный» компонент «государственной дружины» сложного вождества во главе с «русью», занимая второе место после самой правящей дружинной верхушки под этим названием в военной иерархии «варварской» державы имперского территориального типа (двухуровневого государства). Середина X в. означала территориальный регресс державы взамен явного социально-политического прогресса «толчкообразного» характера ее ядра. При Ольге началось положительное воздействие Византийского «зрелого» государства, частично обновляющегося на путях феодализации. Но воздействие это имело ограниченную самой правительницей сферу, поскольку, за исключением земли древлян, ставшей доменом и по типу — ранним государством, остальная территория державы была отделена от византийского уровня как минимум одним этапом развития. На Руси — финал «сложного вождества», в Византии — финал чистой бюрократической монархии, находившейся на не завершенном переходе к сложно-типологической (бюрократически-феодальной) модели.

60-е гг. характеризуются отрицательным воздействием Византии, так как она, хотя и была частично жертвой агрессии, отвлекла активные силы Руси от позитивного процесса государственного созидания, отодвинув момент перехода к внутренней эксплуатации, хотя и стимулировала создание главного субъекта и инструмента последней — «большой дружины». Это же касается и первого контакта с «ранним», потенциально бюрократической формы, Болгарским государством. Поражение Святослава ослабило отрицательные последствия (длительность) этого отвлечения сил. За это время волыняне, хорваты, северяне и другие, вышедшие из державы, сами, вероятно, перешли к стадии «военной иерархии». Вместо одной линии политогенеза могло появиться несколько, причем разнотипных (Новгород, Полоцк — протогорода-государства с округой). Но Новгород при всех коллизиях сохранял верность центру и даже выступал гарантом целостности всей системы.

В конце 70-х (при Ярополке) — начале 80-х гг. X в. Русь, практически одновременно с Данией и Польшей, чуть позже Чехии (примерно на 30 лет) и на столько же раньше Венгрии, переходит к начальной фазе «раннего государства». Процессы государствообразования в них проходят почти синхростадиально и взаимно переплетаются, стимулируя друг друга и в сотрудничестве, и в борьбе. Налицо и прямая взаимопомощь: политическое убежище норвежских и шведских конунгов на Руси (и обратно, вплоть до Андрея Ярославича в 1263 г.), союзы, спасение польской ранней государственности от полной гибели

после поражения при столкновении с «обществом» в 1035–1037 гг. и дальнейшей дезинтеграции. Швеция и Норвегия, отставая от Руси (поражение государства в «пробе сил» с обществом в Упсале из-за введения христианства и по вопросам единства — при Харальде Гардраде), поставляли ей кадры для ее процесса государствообразования. Во все критические моменты жизни русы, особенно новгородские, всегда могли получить «варяжскую» помощь (хотя и не бесплатную). Однако в отличие от скандинавов, до 60-х гг. X в. остававшихся зачастую в составе правящего слоя Руси, эти новые пришельцы предпочитали, «заработав» деньги, вернуться на родину, где изменившаяся социально-экономическая ситуация и общественное мнение уже позволяли деньгами воспользоваться не только для «престижа». Интересно, что «возросшее значение» сакрализации в виде принятия новой интегрирующей религии в этих странах происходит практически одновременно: 60–70-е гг. X в. — Дания и Польша, 80-е гг. X в. — Русь, около 1000 г. — Венгрия, Швеция, Норвегия. Везде это событие стадиально совпадает с переходом от «военной иерархии» (или сложносоставного государства) к «раннему государству». Лишь в Швеции и (не настолько) в Норвегии этот факт оказался несколько преждевременным — и то потому, что у государства не хватило чисто военных сил «внушить» обществу необходимость перехода к новой религии.

Там состояние «сложного вождества» продлилось еще 150–250 лет. Недаром «последний конунг-викинг» был именно в Норвегии и позволил вовлечь себя в авантюру в старом духе. В Дании же, наоборот, королям удалось включить викингов в выполнение нужных государству задач, их «заперли» в специальные лагеря и превратили в королевских дружинников, заменив ими, хотя и не сразу, народное морское ополчение — ледунг. Характерно появление «образа врага» и как следствие — широкомасштабной внешней экспансии, на Руси частично замененной обороной от кочевников. Кроме того, Русь, как и Венгрия, частично «перебесилась» в этом плане в эпоху вождеств. Венгерские короли, справившись с сильными племенными вождями — родовой аристократией (с помощью немецких раннефеодальных рыцарей), наверстали свое в конце XI — начале XII в. присоединением Хорватии и, позднее, Галиции. Русь, встретив преграды на Западе и Востоке (Волжская Болгария) и проверив последний раз «прочность» Византии на Юге, ограничилась натиском в Прибалтике и на Севере, половину сил тратя на оборону (в начале XII в. — контрнаступление на Степь: ее жители и были в основном воплощением «образа врага»). У поляков в качестве таковых были в основном чехи (особенно после похода Бржетислава II в 1039 г.), у чехов — поляки, у тех и других (хоть и в меньшей степени) — немцы, у датчан — саксы и в меньшей степени и позднее — славяне-вагры, какое-то время (особенно с 965 по 1016 г.) — англичане (впрочем, тоже потомки саксов).

Чехия также приняла христианство «раньше времени» — отсюда смерть Вацлава и Людмилы, борьба с еще «не тронутой» христианством своей родовой знатью. На Руси главный эпизод борьбы со знатью северян, радимичей, вятичей, волынян, еще ранее — древлян, новой военной знатью Полоцка был завершен до акта смены религии, когда знать не успела оправиться от поражения и воспрепятствовать этому. Наоборот, своевременное принятие христианства закрепило политическую победу «интернациональной» дружины над племенной (точней, «вождийской») знатью. То же — в Венгрии: недаром христианскому королю в борьбе с языческой знатью пришли на помощь немецкие рыцари.

В Польше христианство было принято только верхами с утилитарной целью — получить поддержку Чехии, а затем императора во внешней экспансии. Откровенно «иностранная» религия, как и слишком быстрый процесс «огосударствления» и даже зачаточной феодализации (за 30 лет!), чуть ли не переход от «раннего государства» к «зрелому», вызвали ответную предохранительную реакцию общества (крестьян и Мазовии) и едва не привели к возвратному процессу. Только солидарность христианской Руси и раннефеодальной Германии предотвратила его.

Пример Ободритского государства, как и Швеции и Норвегии, говорит о том, что, не создав предварительно «большой дружины», великий князь (даже «король») проигрывал конфликт с «родовыми дружинами» аристократов и иногда погибал при попытке ввести христианство, используя его как фактор интеграции. Там, где эти три момента хронологически почти совмещались, достигался наиболее быстрый и почти бескровный успех (Дания, Русь), где были асинхронны (Чехия X в.) или некоторые из них вообще отсутствовали (Польша, Ободриты, Швеция) — либо внутренние коллизии являлись более катастрофическими (Ободриты, Польша), либо процесс был очень длительным (Швеция).

Для Руси конца X — середины XI в. основой являлась корпоративно-дружинная форма ранней государственности с элементами (в регионально— или структурно-политическом плане) линий развития к городам-государствам (не только Новгород, Псков и Полоцк, но и такой институт, как вече, во многих городах, а также боярско-аристократические тенденции в Ростове, Галиче и др.). Эта основа дополнялась некоторыми элементами «политарной» (всеобщность государственной налоговой эксплуатации) и феодально-иерархической (система кормлений — «ярлств») форм государственности. Даже не зная заранее итоговых форм «зрелой» государственности Руси в разных ее частях, можно предположить линии развития от исходного раннегосударственного материала к аристократическим республикам смешанной между земледельческими, торговыми и общинными (полисными) городами-государствами формы; неклассической, но все

же феодально-иерархической и чиновничье-бюрократической государственности.

В этом, кстати, кроется и одно из значений примененного нами в данном случае метода: по исходным формам прогнозировать тенденции развития (что существенно для политологии), и наоборот. Исходя из «итоговых» форм зрелой государственности, при недостатке источников, можно ретроспективно реконструировать формы ранней государственности того же (или схожего) этнополитического организма с большой долей вероятности. Сравнительно-исторический анализ процессов образования Древнерусского государства доказывает правомерность и продуктивность самого этого метода. Лишний раз апробируется и в свое время сделанное В.Т. Пашуто наблюдение о «поразительной близости общественно-политических институтов» очень далеко («и территориально, и этнически, и хронологически») друг от друга отстоящих обществ (Пашуто, 1973. С. 16). Оно косвенно служит одним из обоснований правомерности широкого (но корректного, с учетом фактора синхростадиальности) применения сравнительно-исторического метода. В нашем случае оно получает доказательство от противного — даже рядом расположенные, этнически и экономически схожие и даже синхростадиальные, тесно между собой контактирующие государственные образования могут относиться к абсолютно разным формам государственности. Выявление причин последнего явления — тема отдельного исследования.

Список литературы

Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне к VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 26–36.

Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси: В 3 ч. Ч. 2. Германия IX в. — первая половина XII в. / Сост., пер. с лат., комм, и предисл. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989.

Аджи М.Э. Полынь Половецкого поля. М., 1994. С. 55–56, 68–69, 76–78.

Акимова О.А. Комментарий к гл. 29–31 // *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 361–378.

Александров А.А. Три мести княгини Ольги //Austrvegr. Таллин, 1995.

Александров А.А. О русах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гістарычна-археолагічныї зборнік. 1997а. № 12 / Гл. ред. А.А. Каваленя. Мінск, С. 17–22.

Александров А.А. Остров русов // Stratum / Под ред. В.Д. Белецкого, А.А. Александрова, А.Н. Кирпичникова. СПб.; Кишинев, 19976. С. 222–224.

Алексеев А.В. К вопросу о путях славянской колонизации Западного Подмосковья // Проблемы истории Московского края. Тезисы докладов III научной региональной конференции, посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья. М., 2002. С. 86–89.

Алексеев А.В. Ранний древнерусский могильник у с. Хотяжи // Звенигородская земля: история, археология, краеведение / Отв. ред. А.К. Станюкович. Звенигород, 2001. С. 5–15.

Алешковский М.Х. Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 13–40.

Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 105–107.

Ал-Йа'куби. Книга стран («Китаб ал-булдан») // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. С. 37–39.

Ал-Мас'уди. Золотые копи и россыпи самоцветов // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия: В 4 т. Т. 3. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 109–119.

Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко. М., 2000.

Ангелов Б.С. Сказания за железния кръст // Из старобългарска, руска и сръбска литература. Кн. 3 / Под ред. Б.С. Ангелова. София, 1978. С. 37–48.

Англо-саксонские хроники (период до 750 г.) // *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., ком. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 220–236.

Андреев В.Ф. О социальном составе новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России / Отв. ред. В.А. Ежов, И.Я. Фроянов. Л., 1988. С. 70–80.

Андреев Й. Българските ханове и царе VII–XIV вв. // Историко-хронологичен справочник. София, 1994.

Андреев Ю.В. Гражданская община и государство в античности // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 183–193.

Андрощук Ф.А. К этносоциальной характеристике русов арабских авторов // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991а. С. 4–6.

Андрощук Ф.А. К этносоциальной характеристике русов арабских авторов // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 19916. С. 12–14.

Андрощук Ф.О. Топографія і хронологія Шестовицького могильника// Археологія. 1995а. № 3. Київ. С. 115–122.

Андрощук Ф.А. Чернигов и Шестовица // Деснинские древности / Под ред. В.П. Алексеева, В.В. Крашенинникова. Брянск, 19956. С. 118–121.

Андрощук Ф.А. Ранні етапи формування давньоруської культури у межиріччі Дніпра та Десни (IX — середина X ст.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Київ, 1997.

Андрощук Ф А. Нормани і слов’яни у Подесенні. Київ, 1999.

Андрощук Ф.О., Осадчий Р.М. Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (на матеріалах Києва та Чернігіва) // Археологія. 1994. № 3. Київ. С. 115–422.

Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч., вступ. ст. и ком. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.

Анпилогов Б.Н. О городе Курске X–XVI вв. // Вестник МГУ. 1979. Сер. 8. № 5. С. 43–54.

Арутюнова-Фиданян В.А. Комментарий к гл. 43–46 // *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 404–425.

Ауліх В.В. Зимнівське городище — слов’яньска памятка VI–VII ст. в Західній Волині. Київ, 1972.

Арциховский А.В., Киселев С.В. К истории восстания смердов 1071 г. // Проблемы истории материальной культуры. № 7–8. М., 1933. С. 80.

Афанасьев А.Н. Древо жизни / Подг. текста и ком. Ю.М. Медведева, вступ. ст. Б.П. Кирдана. М., 1982.

Ашрафян К3. Проблемы общественно-экономического строя средневековой Индии. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1979. С. 15–36.

Багновская Н.М. Культурология: Учебник. Изд. 3. М., 2014.

Баранов И. А., Майко В. В. Средне днепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України / Под ред. О.П. Толочко. Київ, 1994. С. 96–103.

Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 8 т. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 810–858.

Батожок Н.И. Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте / Отв. ред. В.А. Козырев. Л., 1986. С. 142–162.

Бахрушин С.В. Завоевание Сибири: Стеногр. лекции профессора С.В. Бахрушина [На правах рукописи]: [Только для слушателей и преподавателей]. М., 1938.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., ком. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003.

Белецкий С.В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» / Отв. ред. В.В. Седов. Псков, 1980а. С. 8–10.

Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии. 1980б. Вып. 160. С. 3–18.

Белецкий С.В. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление: Мат-лы науч. конф. Торопец, 1990. С. 8–14.

Белецкий С.В. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской / Под ред. Д.А. Мачинского. СПб., 1996. С. 35–40.

Белецкий С.В. К вопросу о «племенном пути» становления городов на Руси // Slavia Antiqua. T. XXXVIII. 1997а. P. 170–179.

Белецкий С.В. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X–XI вв.) // У источника 1: Сб. ст. в честь члена-корр. РАН С.М. Каштанова / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1997б. С. 93–171.

Белецкий С.В. Геральдическая подвеска № 1 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // Stratum Plus. 2014. № 4. С. 139–145.

Белецкий С.В. Древнерусские геральдические подвески (дополнение к Своду) // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. К 60-летию Е.А. Шинакова / Под ред. А.А. Чубура, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2016. С. 24–30.

Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л.Е. Куббеля / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 71–96.

Беляев В.И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1 / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1939. С. 12–40.

Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.

Березовец Д. Т. О датировке Черняховской культуры // Советская археология. 1963. № 3. С. 97–111.

Березовець Д.Т. Слов’яни і племена салтівскоі культуры // Археологія. 1965. Т. 19. С. 46–67.

Берзин Э.О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966. С. 66.

Вертинские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия: В 4 т. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и ком. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 17–21.

Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжениями и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // Археологический сборник. Вып. 15 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. Л., 1973. С. 65–82.

Бессонов И.А. Религиозный и культурный контекст движения волхвов в 1060–1070-е гг. // Studia historia Europae orientalis (Исследования по истории Восточной Европы). Вып. 7. Минск, 2014. С. 22–25.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960.

Блифельд Д.И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. // Советская археология. 1954. Т. 20. С. 148–162.

Бліфельд Д.І. Давньоруські пам’ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Богомольников В.В. О близости радимичей, вятичей и северян (по письменным и археологическим данным) // Старожитності Південної Русі / Від. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 1993. С. 167–169.

Бондаренко Д.М. Привилегированные категории населения в Бенине накануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации: Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л.Е. Куббеля / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 148–166.

Бондаренко Д.М. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин // Альтернативные пути к ранней государственности / Под ред. Н.Н. Крадина и В.А. Лынша. Владивосток, 1995. С. 139–150.

Бондаренко Д.М. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования // Восток. № 3. М., 1996. С. 30–38.

Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001.

Бондаренко Д.М. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 15–36.

Боровский Я.Е. Восточные источники о трех группах русов // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / Отв. ред. П.П. Толочко. Чернигов, 1985. С. 22–24.

Боровский Я.Е. Восточные источники о трех группах русов. Артания и анты // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1988. С. 41–46.

Брайчевский М.Ю. О первых договорах Руси с греками // Советский ежегодник международного права (1978) / Гл. ред. Д.И. Фельдман. М., 1980. С. 264–284.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб., 1908.

Брегель Ю.Э. Некоторые итоги нашей дискуссии // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966. С. 231–234.

Брим В.А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Ч. I / Под ред. А.И. Заозерского. Пг., 1923. С. 5–10.

Брим В.А. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. М., 1931. С. 201–247.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972.

Бромлей Ю.В., Першиц Л.И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 50–61.

Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 109–156.

Бруно из Кверфурта. Письмо архиепископа Бруно германскому императору Генриху II // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. / Сост. Г.Е. Кочин. Под ред. Б.Д. Грекова. Л., 1936. С. 74–78.

Будилович А.С. К вопросу о происхождении слова «Русь» // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 г. Т. 4. СПб., 1890. С. 25–29.

Булкин В.А., Герд А.С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. Л., 1989. С. 67–76.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1978.

Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера / Под ред. А.Н. Кирпичникова, П.А. Раппопорта. Л., 1974. С. 11–17.

Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981.

Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет»: Автореф. дис… канд. филол. наук. М., 1982а.

Валеев Г.К. О родовом прозвании Владимира Всеволодовича Мономаха // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред.

А.К. Матвеев. Свердловск, 1982б. С. 116–126.

Ванечек В.В. История государства и права Чехословакии / Пер. с чеш. М., 1981.

Васильев Л.С. История Востока. М., 1994.

Васильевский В.Г. Труды: В 4 т. Т. 3. СПб., 1915.

Ващейкин А.Е., Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Формирование Древней Руси с точки зрения политической антропологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 13. № 5. С. 9–29.

Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Под ред. и с предисл. С.А. Плетневой. М., 1978.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1987. С. 67.

Вернадский Г.В. Древняя Русь / Пер. с англ. Б.Л. Губман, Е.П. Беренштейн. Под ред. Б.А. Николаева. Тверь, 1996.

Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1908. С. 364–412.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. с лат. и ком. Г.Э. Санчука. М., 1975.

Викинги: набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М., 1996.

Вилинбахов Б.В. Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3. С. 126–135.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Торговля донских славян (К вопросу о торговых путях Руси с Востоком) // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы / Отв. ред. М.В. Цыбин. Воронеж, 1990.

Винокур І.С., Тимощук Б.О. Дані слов’яни на Дністрі. Ужгород, 1977.

Виткин М.А. Подход к проблеме азиатского способа производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966.

Влит ван дер Э. Ч.Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 387–414.

Воронин Н.Я. Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 54–61.

Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 40–78.

Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах / Пер. Ю. Корнеева; вступ. ст. А. Гуревича; примеч. О. Смирницкой, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича, ил. В. Носкова. М., 1975. С. 259–267.

Высоцький С.О. Герб Київської Русі за часів Ярослава Мудрого //Старожитності Русі-України / Від. ред. П.П. Толочко и др. Київ, 1994. С. 115–119.

Галич Э.Н., Гордон А.В. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских // Славянские хроники / Пер. с лат. Л.М. Поповой. Отв. ред. В. Д. Королюк. СПб., 1996. С. 325–412.

Гардизи. Краса повествований («Зайн ал-ахбар») // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 21. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 56–59.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // Славянские хроники / Пер. С.А. Аннинского, Л.М. Попова. Сост. и ред. А.И. Цепков. СПб., 1996. С. 196–321.

Гильдас. О разорении Британии // *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., ком. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 208–219.

Глебов А.Г. Становление феодальных отношений в англосаксонской Британии в трактовке П.Г. Виноградова // Социально-идеологические проблемы античности и средних веков / Под ред. Л.А. Шаферовой. Красноярск, 1995. С. 44–54.

Гнеденко Б.В., Хинчин А.Я. Элементарное введение в теорию вероятностей. М., 1964.

Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 51–78.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. / Науч, ред., послеслов. и ком. В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Изд. 2 / Науч, ред., послеслов. и ком. В.Я. Петрухина. Иерусалим; М., 2003. С. 126–220.

Голицын Илларион. Выставка произведений. Живопись. Графика. Скульптура. Каталог / Вступ. ст. Г. Поспелова. М., 1988.

Голубева Л.А. О дате поселения веси на Белом озере // Краткие сообщения Института археологии. 1965. № 104. С. 12–17.

Голубева Л.А. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. М., 1991.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Горина Л.В. Византийская и славянская хронография (Существовал ли Болгарский хронограф?) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 121–129.

Горский А.А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2002. С. 17–28.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства Восточной Европы 1992–1993 гг./ Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1995. С. 50–63.

Горский А.А. К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 6–10.

Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43–52.

Горский А.А. Древняя Русь: социальный и политический аспект. М., 2004а.

Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 20046.

Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси: XIV–XV вв. М., 1960.

Грачев С.Ю., Лебедев В.П. Гордеевский клад куфических дирхемов X в. из Брянской области // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. Памяти Н.А. Фроловой / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2015. С. 65–72.

Григорий Турский. История франков / Пер., сост., примеч. В.Д. Савуковой. М., 1987.

Григоров В. Метални накити от Средновековна България (VII–XI вв.). София, 2007.

Григорьев А.В. О ромейской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Под ред. П.П. Толочко. Киев, 1988. С. 65–74.

Григорьев А.В. Сосница и роменско-русское пограничье в X в. // Минуле Сосниці та її околиць / Отв. ред. О.Б. Коваленко. Чернігів, 1990. С. 18–19.

Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье // Словяни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова / Від. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 1993. С. 98–99.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «Деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья / Под ред. В.А. Бессонова. Калуга, 2005а. С. 22–24.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула, 20056.

Гринев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1989. С. 31–44.

Гринин Л.Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 523–556.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных вождеств // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток, 2012. С. 92–124.

Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т. В 12 кн. Т. I. Київ, 1994.

Гуляев В.И. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.

Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.

Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979.

Гуляев В.И. Город и общество в Центральной Мексике накануне Конкисты //Археология Старого и Нового Света / Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 1982. С. 191–211.

Гуляев В.И. Забытые города майя. М., 1984.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993а.

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. Очерк / Предисл. В. Ермолаева. М., 19936.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1996.

Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.

Гумплович Л. Основы социологии. М., 1899.

Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.

Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества) // Средние века. Вып. 31. М., 1968. С. 186–192.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.

Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX–XI веках // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Мат-лы междунар. науч, конф., поев. 90-летию проф. Э.М. Загорульского 6–7 декабря 2018 г. Мн., 2018. С. 77–82.

Гурьянов В.Я., Шинаков Е.А. «Внутренние пограничья» Древней Руси: к постановке проблемы // Проблеми ранньословянсь коі і давньоруськоі археологіі Посеймя Билопиля. Минск, 1994. С. 35–38.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Стародубское ополье в IX–XII вв. // Археолога. 1998. № 2. Кшв. С. 121–130.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Еще раз о восточной границе радимичей // Rossica Antiqua. Исследования и материалы 2005 / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 74–83.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч. 3. Северный Кавказ XIII–XV вв. Владикавказ, 2014.

Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования / Отв. ред. М.Ф. Жуков. М., 1975. С. 107–132.

Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. Л., 1986. С. 99–105.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2003.

Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.

Дворнтенко А.Ю. Князь Свидригайло и западнорусские городские общины // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1988. С. 146–154.

Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993.

Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // Rossica Antiqua. Исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 184–195.

Дегтярев А.Я. О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах / Под ред. Г.Л. Курбатова, В.В. Мавродина. Л., 1982. С. 146–148.

Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: В 2 т. / Под общ. ред. И.Я. Щипанова. Т. 1. М., 1952. С. 305–327.

Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1994.

Довженок В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1968. С. 37–45.

Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воінь. Київ, 1966.

Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала Академии наук СССР. Вып. 4 / Гл. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1958. С. 257–271.

Древнеанглийская поэзия / Сост. О.А. Смирницкая и В.Г. Тихомиров. М., 1982.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности: тексты, перевод, комментарий / Сост. Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон. М., 1987.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта) / Сост. М.П. Кучера, О.В. Сухобоков, С.А. Беляева. Отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1984.

Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1985.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 2. Византийские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Ком. А.В. Назаренко. М., 2011.

Дубов И.В. Города, величеством сияющие. Л., 1985.

Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4) / Под ред. А.В. Гадло и Р.Ф. Итса. СПб., 1993. С. 143–152.

Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям 1050–1100 гг. / Пер. с англ. Е.С. Марниципой. СПб., 2003.

Душечкина Е. Прения Яна Вышатича с волхвами // Quinauagenario: Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 86–99.

Дьяконов И.М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912.

Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры / Пер. с англ. О.Л. Орестова. Отв. ред. и автор предисл. В.Б. Иорданский. М., 1975.

Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975 гг.) / Пер. с англ. А. Колина. М., 2002.

Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.

Енуков В.В. Курское княжение в монгольское время // Деснинские древности. Вып. 1 / Под ред. В.П. Алексеева, Г.П. Полякова, В. Н. Гурьянова. Брянск, 1995. С. 140–143.

Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6 / Под ред. С.Н. Кистерева. М., 2002. С. 3–46.

Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Компаративный анализ политогенеза в раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 48–55.

Жарнов Ю.Э. Гнёздово и Шестовицы (проблемы сравнительного анализа двух археологических памятников) // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / Отв. ред. В.П. Коваленко. Чернигов, 1990. С. 152–155.

Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе // Раннефеодальные государства и народности (южные и

западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 167–190.

Житие Георгия Амастридского // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 2. Византийские источники. М., 2010. С. 129–131.

Заверняев Ф.М. Селище в устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности / Под ред. П.Н. Третьякова. Л., 1974. С. 126–131.

Заверняев Ф.М. Отчет об археологических исследованиях средневекового селища в Бежицком районе г. Брянска в урочище «Чашин Курган» // Архив Института археологии Российской Академии наук. Ф. Р–1. Д. 7939.

Зайцев В.В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции / Под ред. А.Н. Бессуднова. Елец, 1991. С. 111–113.

Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Итоги научно-исследовательской хранительской деятельности за 1991 г. Тезисы научной конференции / Гл. ред. И.М. Миргалеев. СПб., 1992. С. 27–28.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1975. С. 51–117.

Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1989. С. 18–30.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.

Засурцев П.И. Отчет о раскопках Липенского курганного могильника в 1949 г. // Архив Института археологии Российской Академии наук. Ф. Р–1. Д. Р1/480.

Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польгуй В.І. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов’янські гради. Збірник наукових праць. Т. 1. Київ, 2004. С. 51–87

Звездецкий Б.А. Фотографии из раскопок Искоростеня (2002–2005 гг.) // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб., 2006. С. 123–138.

Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института археологии. 1963. № 37. С. 66–75.

Златарстй В.И. Клятва у языческих болгар // Сб. ст., поев. акад. В. И. Ламанскому. Ч. 1 / Под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1907. С. 251–260.

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Каганат руссов и «страна славян»: Восточная Европа в IX столетии (опыт исторической реконструкции) // Русский сборник. Вып. 5. Под ред. Е.А. Шинакова, В.Н. Гурьянова, А.А. Чубура. Брянск, 2009. С. 110–129.

Зоценко В.Н., Моця А.П. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1. М., 1980.

Зубрицкий Ю.А. Инки-кечуа. М., 1975.

Зяблин Л.Я. Археологические памятники кочевников X–XIV вв. Восточной Европы: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1952.

Ибн Руста. Дорогие ценности // Материалы по истории СССР. Вып. 1 / Под ред. А.Д. Горского. М., 1985. С. 293–297.

Ибн Фадлан. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. и ком. под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

Ибн Хаукал. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. М., 2009. С. 86–94.

Изюмова С.А. Раскопки городища у с. Супруты // Археологические открытия АН СССР в 1971 г. М., 1972. С. 75–76.

Иларион. Слово о Законе и Благодати // Хрестоматия по истории русского языка / Сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990. С. 205–213.

Ильинский Г.А. Кто были Xsv^avivoi Константина Багрянородного // Slavia. T. IV. Прага, 1925–1926. С. 314–319.

Иоанн Екзарх. Шестоднев [рукопись] / Пер. и ком. Н. Кочева. София, 1981.

История русской литературы X–XVII вв. / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.

История первобытного общества: В 3 т. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986.

История Средних веков. Ч. 1 / Под ред. З.В. Удальцовой, С.П. Карпова. М., 1990.

Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славянском переводе: В 2 т. Пг., 1920.

Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси (1847) // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст. В.К. Кантора; подг. текста и примеч. В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. М., 1989. С. 26–49.

Казачкова Д.А. Към вопроса за богомилската ерес в древна РуЛя през XI в. // Исторически преглед. Т. 13. № 4 / Гл. ред. И. Тодев. София, 1957.

Калинин В.А., Молчанов А.А. Бобрикский клад куфических монет 1997 г. // 6-я Всерос. нумизматич. конф. Тезисы / Отв. ред. В.М. Потин. СПб., 1998. С. 64–65.

Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1976. С. 90–101.

Калинина Т.М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1994. С. 211–224.

Калинина Т.М. О походе русов на Каспий 909–912 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В. Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 13–18.

Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001. С. 41–51.

Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово / Под ред. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. *125–175.*

Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. В.П. Гайдука. Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой, Л.А. Котельникова. М., 1987.

Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 84–96.

Карышковский НО. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // Византийский временник. Вып. 18. Л., 1960. С. 39–51.

Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего Средневековья // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 92–106.

Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога / Отв. ред. В.В. Седов. Л., 1985. С. 3–26.

Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы / Под ред. И.В. Дубова. Л., 1988. С. 38–79.

Кирпичников А.Н, Лебедев Г.С., Булкин А.В., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии. 1989. № 160. С. 24–38.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 189–297.

Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 74–83.

Классен Х.Дж. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 6–23.

Классен Х.Дж. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток, 2012. С. 190–218.

Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009.

Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990.

Ключевский В.О. Боярская Дума на Руси. М., 1902.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1 / Предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл. и ком. В.А. Александрова, В.Г. Зиминой. М., 1987.

Князький И.О. Киевская Русь и «низовские» болгары в 985 г. // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов XVIII конф, памяти В.Д. Королюка / Под ред. Г.Г. Литаврина, Б.Н. Флори и др. М., 1999. С. 64–67.

КБЧ — Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966. С. 43–47.

Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

Ковалевский С.А. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 85. Вып. 1. Л., 1953. С. 31–48.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Коваленко В.П. Основні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Український історичний журнал. 1983. № 8. С. 120–125.

Коваленко В.П., Шинаков Е.А. Літописний Стародуб (до питання про локалізацію) // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Под ред. П.П. Толочко. Чернігів, 1997. С. 89–101.

Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и ком. Г.Э. Санчука; отв. ред. Л.В. Разумовская и В.С. Соколов. М., 1962.

Койчева Е.О. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 151–164.

Койчева Е., Кочев Б. Болгарское государство с середины VIII в. до конца IX в. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 51–68.

Коковцов И. К. Еврейско-хазарская переписка // Открытие Хазарин / Под ред. А.И. Куркчина. М., 1996. С. 539–622.

Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство. М., 1967.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. К 125-летию со дня рождения Р.Р. Фасмера. Археология евразийских степей. Вып. 18 / Гл. ред. П.Н. Петров. Казань, 2014. С. 6–160.

Кольчатое В.Л. Камерные гробницы Шестовицкого могильника // Тезисы докладов V Всесоюз. конф, по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 1971. С. 18–21.

Кондрашенков А.А., Шинаков Е.А., Шмидт Е.А. и др. История крестьянства Западного региона РСФСР. Воронеж, 1991.

Коновалова И.Г. Русско-хазарские отношения на Каспии // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 23–28.

Коновалова И.Г. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 167–175.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991.

Корзухина Г.Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // Советская археология. 1961. № 3. С. 76–84.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V в. — первой пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // Свод археологических источников. Вып. 41–43. Л., 1978.

Коринный Н.Н. О размещении и численности населения Переяславского княжества в начале XII в. // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева / Ред. Л.Д. Поболь. Минск, 1983. С. 110–113.

Королюк В.Д. О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века / Отв. ред. Я.С. Гросул. Кишинев, 1972а. С. 31–46.

Королюк В.Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей у славян Восточной и Центральной Европы. М., 19726.

Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезный регион в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций / Под ред. Е. Жукова. М., 1975. С. 158–184.

Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-исторического ареала (Южная Аравия:

X в. до н. э. — IV в. н. э.) // Ранние формы социальной стратификации / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 295–320.

Коротаев А.В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы развития Сабейской цивилизации. М., 1997а.

Коротаев А.В. Факторы социальной революции. М., 1997б.

Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1989. С. 147–154.

Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX в. — первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995. С. 33–49.

Котышев Д.М. Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношения города и пригородов Киевской земли // Слов’янські обрії. Київ, 2006а.

Котышев Д.М. Княжеские элиты и городские общины в Южной Руси XI–XII вв. // Еілті і цивілізаційні процеси формування націй. Т. 1 / Гл. ред. О.О. Рафальский. Київ, 2006б. С. 235–240.

Котышев Д.М. От «родового строя» к «родовому сюзерену»: княжеская власть в парадигмах советской исторической науки // Всероссийская научная конференция «Историк в меняющемся пространстве российской культуры XVIII–XX вв.»: Сб. мат-лов. Челябинск, 2006 в.

Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986.

Кочакова Н.Б. Традиционные институты управления и власти. М., 1993.

Кочкуркина С.К. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 314–343.

Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001.

Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. Изд. 2. М., 2004.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 490–511.

Красное Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.

Краткая история Болгарии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987.

Крылов Б.В. Азиатский способ производства как особая форма рабства или феодализма // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966. С. 96–98.

Крымский А.Е. «Эджаиб эт тебоат». Наиболее известные сведения классифицированных сборников. Перевод и комментарий // Центральная научная библиотека АН Украины. Отдел рукописей. Ф. 36.1.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Кудрявцев В.А., Демидович Б.П. Краткий курс высшей математики. М., 2001.

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1975а. С. 144–201.

Куза А.В. Русские раннесредневековые города // Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 19756. С. 62–65.

Куза А.В. Большое городище у села Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1981. С. 6–39.

Куза А.В., Леонтьев А.Е., Пушкина Т.А. Рец. на кн.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978 // Советская археология. 1982. № 2. С. 277–287.

Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. Вып. 6 / Под ред. В.Л. Янина. М., 1983. С. 4–36.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л.В. Столяров. М., 2003. С. 3–172.

Кузнецов В.А., Медынцева А.А. Славяно-русская надпись XI в. из Преградного на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. 1975. № 144. С. 11–17.

Кузьмин А.Е. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кулаков В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов / Волжская Булгария и Русь / Под ред. А.Х. Халикова. Казань, 1986. С. 139–148.

Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 106–117.

Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1989. С. 80–104.

Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.

Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878.

Курбатов Г.Л. Византия и Русь в IX–X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и перспективы / Под ред. И.В. Дубова. Л., 1988. С. 213–231.

Кусков В.В. История древнерусской литературы. Изд. 4. М., 1982.

Кухаренко Ю.В. Пинские курганы // Славяне и Русь / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1968. С. 87–91.

Кучера М.П., Іванченко Л.І. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. 1987. № 59. Київ. С. 67–79.

Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X в. — первой половине XIII в. *Ц* История СССР. 1965. № 2.

Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X–XIII вв. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 62–94.

Кучкин В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. Т. 83. М., 1970. С. 95–112.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М., 1984.

Кучкин В.А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1993. С. 46–48.

Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении руси //Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. С. 238–239.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Из истории знакомства с Петраркой в России // Русская литература. 1991. № 3. С. 68–75.

Лаптева Л.П. Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1993. С. 48–50.

Лапшин В.А. Ранняя дата Владимирских курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. № 166. С. 45–48.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М., 1992.

Лебедев В.П., Орлов А.С., Гоглов С.А., Климов А.М. Крупный Мазеповский клад обрезанных дирхемов середины X в. из Курской области // Русь, Литва, Орда. В памятниках нумизматики и сфрагистики. 2019. № 7. С. 15–69.

Лебедев В.П., Стародубцев Г.Ю. Кошелёк с Северянскими резанами X в. из Курской области. Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014. С. 397–402.

Лебедев В.П., Стародубцев Г.Ю. Клад обрезанных дирхемов с Жерновецкого селища Курской области // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. Вып. 3. СПб., 2016. С. 118–133.

Лебедев Г.С. Путь из варяг в греки // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1975. Вып. 4. № 20. С. 37–43.

Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руссах / Из истории феодальной России. Л., 1978.

Лебедев Г.С. Этапы развития русско-скандинавских отношений в IX–XI вв. // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. II / Отв. ред. Х.А. Пийримяэ. Тарту, 1982. С. 188–190.

Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени / Отв. ред. В.Т. Ревуненков. Л., 1983. С. 44–53.

Лебедев Г.С. Северные славянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985а.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985б.

Лебедев Г.С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под ред. И.В. Дубова. Л., 1988. С. 79–99.

Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история / Под ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева. Л., 1989. С. 105–115.

Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира // Старожитності Русі-України. Збірнік, присвяч. 70-річчю М.Ю. Брайчевського / Под ред. П.П. Толочко. Київ, 1994. С. 146–153.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Лев Диакон. История / Пер. с греч. М.М. Копыленко, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. М., 1994.

Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова. М., 1984.

Ленин В.И. Государство и революция // *Ленин В.И.* Поли. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5. Т. 33. М., 1969.

Леонтьев А.Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.): Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1975.

Леонтьев А.Е. Поселения мери и славян на озере Неро // Краткие сообщения Института археологии. 1984. № 179. С. 26–32.

Леонтьев А.Е. Ростов (предпосылки образования древнерусского города) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии // Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1985. С. 61–62.

Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения Института археологии. 1986. № 183. С. 3–9.

Леонтьев А.Е. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы Северо-Восточной Руси) / Отв. ред. М.В. Седова. М., 1988. С. 16–17.

Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 383–401.

Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 1986. № 188. С. 61–68.

Лесман Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // Краткие сообщения Института археологии. 1981. № 164. С. 52–58.

Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. / Под ред. Л.И. Грацианской и др. М., 1986. С. 49–57.

Литаврин Г.Г., Наумов Е.П. Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне в VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 232–249.

Літопис руський за Іпатським списком / Переклад Л. Махновця. Київ, 1989.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.

Ловмянъский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. VII. Таллин, 1963. С. 221–249.

Ловмянъский Х. Русь и норманны / Пер. М.Е. Бычковой. Послесл. и ком. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. Отв. ред. В.Д. Гапонович. М., 1985.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г., сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санк-Петербургской императорской и королевской Шведской Академии наук // *Ломоносов М.В.* Поли. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 163–286.

Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1982.

Любарский Я.Н. Историограф Михаил Пселл. Примечания // Михаил Пселл. Хронография / Изд. подг. Я.Н. Любарский. М., 1978. С. 198–303.

Люблинская Д.А. Латинская палеография. М., 1968.

Ляпушкин И.И. Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. верхнего течения р. Десны // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. № 74. С. 84–86.

Ляскоронский В.Г. К вопросу о переяславльских торках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1905. С. 70–78.

Мавродин В.В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6.

Мавродин В. В. Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л., 1946.

Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971а.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 19716.

Мавродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси / Под ред. А.Н. Кирпичникова, П.А. Раппопорта. Л., 1974. С. 29–33.

Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л., 1983.

Майко В.В. Кембриджский аноним: 100 лет изучения источника // Хазарский альманах. Т. 11 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. Киев; Харьков, 2012–2013. С. 115–132.

Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Майоров А.В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

Макаров Н.А. Население Русского Севера в X в. — XIII в.: некоторые итоги археологических исследований // Новгородские археологические чтения / Под ред. В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова. Новгород, 1994. С. 156–166.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.

Максимов М.М. Очерк о серебре. М., 1981.

Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 56–62.

Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1996. С. 61–67.

Мананчикова Н.П. К вопросу о взаимоотношении города и его сельской округи в средние века (по материалам Дубровника XIV — начала XV вв.) // Военно-исторический сборник. Вып. 8 / Гл. ред. А.Н. Манжосов. Воронеж, 1980. С. 36–47.

Мананчикова Я.Я. Средневековый Дубровник // Всеобщая история. 1981. № 10. С. 103–112.

Марей А.В. Особенности социально-политической организации печенегов // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 337–344.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1986. С. 225–285.

Марков А.К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.

Маркс К. Вынужденная эмиграция // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 8. М., 1957.

Мартынов Я.М. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. // Ученые записки Вологодского пединститута. Т. IV. Вологда, 1948. С. 3–36.

Мартышкин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Маскаев А.К. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.

Масленникова Я.Н. Соотношение и взаимосвязи письменных и археологических источников при изучении истории заселения и социально-экономического развития Псковской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1982. С. 35–36.

Маслов С.Я., Антипина Е.Е. К вопросу о взаимоотношении подсечно-огневой и паровой систем земледелия (экологический аспект) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т.П. Алексеева. М., 1993.

Матвеев В.В. К проблеме формационных характеристик североафриканского общества в VIII–X вв. Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.

Материалы по истории СССР. Для семинарских и практических занятий. Вып. 2. Русская феодальная деревня XI–XVI вв.: Уч. пособие для вузов по специальности «История» / Сост. Н.С. Борисов, А.Д. Горский. М., 1987.

Мачинский Д.А. Кто был погребен в Черной могиле? (Рукопись). М., 1975.

Мачинский Д.А. Чорна могила — поховання воїводи Претича? // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. Віп. 2 / Від. ред. О.Б. Коваленко. Чер нігів; Нежін, 1988. С. 15–17.

Медведев И.П. Развитие правовой науки // Культура Византии (вторая половина VII в. — XII в.) / Под ред. З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина. М., 1989. С. 216–240.

Медынцева А.А., Попконстантиное К.Я. Надписи из круглой церкви в Преславе. София, 1985.

Мельник Е.Я. Раскопки в стране лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Труды Археологического съезда. Т. 1 / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1901.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977.

Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «Северной конфедерации племен» // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1993. С. 53–55.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе: Постановка проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. Мат-лы и исследования. 1992–1993 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995. С. 16–33.

Мельникова Е.А. Эпиграфика древнерусских платежных слитков (в связи с надписями на гривнах клада из Бюрге, Готланд) // Древнейшие государства Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1996. С. 143–151.

Мельникова Е.А. Торговый мир Руси и Норвегии 1024–1028 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 35–41.

Мельникова Е.А. Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV вв. М., 1998.

Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2002. С. 183–191.

Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 / Под ред. П.В. Кузенкова. М., 2003. С. 48–92.

Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX / Под ред. Б.С. Короткевич, Д.А. Мачинского, Т.Б. Сениченкова. СПб., 2009. С. 89–100.

Мельникова Е.А. Формирование территории Древнерусского государства в конце IX — начале X вв. // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 103–108.

Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // Вопросы истории. 1985. № 10. С. 41–42.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Послесловие и комментарий // *Ловмянъский Х.* Русь и норманны / Пер. с польск. М.Е. Бычковой. М., 1985. С. 230–290.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986а. № 5. С. 64–78.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М. 19866. С. 99–108.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1991а. С. 219–229.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Комментарии к гл. 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 19916. С. 291–332.

Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1909.

Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005.

Метельский А.А. Города Белорусского Посожья: Автореф. дис… канд. ист. наук. Минск, 1992.

Метельский А.А. Становление Посожских городов Смоленской земли // Гістарычна-археалагичны зборнік. 1997. № 12 / Гал. рэд. А.А. Каваленя. С. 181–187.

Милютенко Н.П. Туровское княжество и Древлянская земля в составе Киевской Руси в X–XI вв. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / Отв. ред. В. П. Коваленко. Чернигов, 1990. С. 172–176.

Милютенко Н.П. Древлянская земля в IX–XI вв. (по летописным источникам) // Старожитност! Швденно! Русі / В!д. ред. П.П. Толочко. Чернптв, 1993. С. 161–167.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.

Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. М., 1964. С. 19–28.

Миронов Б.Н., Степанов З.В. Историк и математика. Л., 1975.

Мисюгин В.М. Мифы и этносоциальная история // Africana. Африканский этнографический сборник / Отв. ред. Д.А. Ольдерогге. Л., 1984.

Михаил Пселл. Хронография / Пер., вступ. ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер.

В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 1994.

Молчанов Л.Л. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Черной могилы // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / Отв. ред. В.П. Коваленко. Чернигов, 1988. С. 67–70.

Моргунов Ю.Ю. О формировании степной границы на переяславском Посулье // Труды V международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2 / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1988. С. 285–289.

Моргунов Ю.Ю. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине / Отв. ред. А.Б. Супруненко. Полтава, 1990. С. 95–108.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.

Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998.

Москаленко А.Я. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

Моця О.П. Населения Пороссся давньоруського часу за даними некрошипв // Археолоия. 1979. № 30. С. 27–36.

Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв./ Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1985. С. 131–133.

Моця А.П. Население Среднего Поднепровья в XI–XIII вв. Киев, 1987.

Моця А.П. Кветунь // Тезисы I Брянской межвузовской историкокраеведческой конференции / Отв. ред. А.М. Обломский. Брянск, 1988. С. 95–96.

Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси / Под ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 99–107.

Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993.

Моця О.П. Дружинна культура Чернігівщини (IX–XI ст.) // Словяно-руські старожитності Північного Лівобережжя / Від. ред. О.П. Моця. Чернігів, 1995. С. 56–60.

Моця А.П., Зоценко В.П. Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца I тыс. — первой половины II тыс. // From

Varangians to Greeks. Problems of cultural interaction in the Medieval world / Под ред. А.И. Шкурко, В.Л. Янина. М., 1996. С. 9–12.

Моця А.Я., Халиков А.Х. Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. Киев, 1997.

Мошин В. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakowianum. Т. 4. Praha, 1933. С. 193–195.

Мугуревич Э.С. Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // Історія Русі-України (историко-археологічний збірник) / Под ред. Д.А. Авдусина, В.Л. Янина. Київ, 1998. С. 189–193.

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Мыльников А.С. Отзвуки легенды о Полемоне в русском Хронографе: К вопросу о взаимоотношениях литовской, западнославянской и русской этногенетических легенд // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6–7 / Под ред. А.С. Мыльникова. СПб., 1997. С. 34–40.

Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 / Гл. ред. А.А. Горский. М., 1986. С. 149–157.

Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1994. С. 5–138.

Назаренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995а. С. 154–168.

Назаренко А.В. Идея империи и некоторые черты политического строя раннесредневековых государств Европы // Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 19956. С. 38–41.

Назаренко А.В. Древняя Русь и Запад: русско-немецкие связи IX–XII вв.: Автореф. дис… д-ра ист. наук. М., 1996а.

Назаренко А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой древнерусского государства *Ц* Восточная Европа в древности и средневековье. VIII чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 19966. С. 58–63.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А.В. Комментарий // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010.

Нахапетян (Флерова) В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Мат-лы и исследования. 1991 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1994. С. 139–208.

Недошивина Н.Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М., 1991. С. 164–181.

Ненний. История бриттов *Ц Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 1984. С. 171–193.

Никифоров В.Н. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966. С. 26–32.

Ников П. Хан Омуртаг и кавхан Исбул / Българска историческа библиотека. № 1 / Под ред. В.Н. Златарского. София, 1931. С. 1–55.

Никольский С.Л. Мнимые реальности смешанного права русско-византийских договоров 911 и 944 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XP // Чтения памяти В.Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.). Мат-лы конференции / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2002. С. 168–174.

Никоновская летопись // Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения / Под ред. П.В. Кузенкова. М., 2003.

НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., 1950.

Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Вып. 1. Ред. Е.И. Прокофьев. Брянск, 1995. С. 96–100.

Новожеев Р.В. Атрибуты власти Древней Руси. Брянск, 2006а.

Новожеев Р.В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX — середина XIII вв.): сравнительно-исторический аспект: Автореф. дис… канд. ист. наук. Брянск, 20066.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто. М., 1965. С. 355–419.

Новосельцев А.П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1982. С. 120–127.

Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и его первый правитель // Вестник истории. 1991. № 2–3.

Новосельцев А.П. Внешняя политика Древней Руси во времена князя Олега // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 50–58.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Щапов Я.Н. Назревшие вопросы типологии древнейших государств нашей страны // Проблемы социально-экономических формаций / Отв. ред. Е.М. Жуков. М., 1975. С. 91–105.

Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–IX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 95–110.

Носов Е.Н. Волховский водный путь и поселения конца I тыс. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. 1981. № 164. С. 18–24.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л., 1990.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966.

Орлов Р.С. Художественный металл Чернигова (Семантика оковки из Черной могилы) // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1988. С. 152–165.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1985. С. 41–60.

Очерки истории культуры славян / Под ред. В.К. Волкова, В. Я. Петрухина и др. М., 1996.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / Статьи С.О. Шмидта и С. В. Чиркова. Примеч. С.В. Чиркова. Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1988. С. 69–70.

Падин В.А. Кветунский древнерусский могильник // Советская археология. 1976. № 1. С. 197–210.

Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М., 1993.

Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти / Отв. ред. А. С. Мыльников. СПб., 1995. С. 13–35.

Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. М., 1990.

Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968а.

Пашуто В.Т. Эволюция политического строя Руси (X в. — XIII в.) // L'Europeaux IXe — XIe siecles. Warszawa, 19686. P. 241–247.

Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллин, 1970. С. 51–61.

Пашуто В.Т. Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. 1973. № 5. С. 16.

Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974. С. 103–110.

Перхавко В.Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. 1978. № 2. С. 59–72.

Перхавко В. Б. Летописный Переяславец на Дунае // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995. С. 168–182.

Перхавко В.Б. Несколько комментариев к русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 58–65.

Петр из Дуйсбурга. Хроника земли Прусской / Под ред. В.И. Матузовой, А.Л. Хорошкевич. М., 1996.

Петрагиенко В.О. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 47–50.

Петрагиенко В.О. До проблеми археологічної інтерпретації літописньїх полян // Старожитності Русі-України / Сост. и ред. Н.М. Василева. Київ, 1994. С. 181–187.

Петрухин В.Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья / Под ред. В. А. Карпушина. М., 1982. С. 143–158.

Петрухин В.Я. О функциях раннегородской сети в становлении древнерусского государства // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2. М., 1987.

Петрухин В.Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1989.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995а.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 19956. С. 117–124.

Петрухин В.Я. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 65–70.

Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти А.П. Новосельцева / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2000. С. 229–226.

Петрухин В.Я. Начало Русской земли: между Гостомыслом и Кием // Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства — история и перспективы / Под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2008. С. 171–174.

Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.

Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города *И* История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Изд. 2. СПб., 2000.

Платонова Н.Н. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1997. С. 70–74.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62 / Под ред. Н.Н. Воронина. М.; Л., 1958. С. 153–156.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / Свод археологических источников. Выпуск Е1 –19 / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1973.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 3–93.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1989.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 3. М., 1847.

Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарские отношения в 943 г. // Византийский временник. 1961. № 20. С. 90–105.

Поляков Г.П. Владельческие города и села Древней Руси (середина X–XIII вв.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Брянск, 2002.

Поляков Г.П. Села-замки Древней Руси XI в. — XIII в. Брянск, 2005.

Поляков Г.П., Шинаков Е.А. Летописный Рогов // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Под ред. П.П. Толочко. Київ, 1997. С. 117–123.

Полякова С.Г. Княгиня Ирина (Ингигерд) в исландских сагах и древнерусских летописях // Проблемы славяноведения. Вып. 7 / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2005. С. 11–16.

Полякова С.Г. Княгини Древней Руси X — первой пол. XIII вв.: социальный статус и роль в государственной политике: Автореф. дис… канд. ист. наук. Брянск, 2006.

Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв. Проблемы генезиса и стадиально-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990.

Попов В.А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в параполитейных обществах (на материале доколониальных аканов) // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля / Отв. ред., сост., предисл. В. А. Попов. М., 1993. С. 132–144.

Попов В.А. Параполитейность как вариант становления вторичной государственности в предколониальной Западной Африке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2. К 60-летию со дня рождения Е.А. Шинакова / Под ред. А.А. Чубура, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2016. С. 77–80.

Потестарность. Генезис и эволюция / Под ред. В.А. Попова. СПб., 1997.

Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова. Пер. С.В. Шкунаева. М., 1991.

Приймак В.В. Проміські центри Роменської культури та їх округа у верхів'ї Ворскли, середній течії Псла та Сейму // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи / Под ред. В.В. Приймака. Суми; Ромни, 1990. С. 64–66.

Приймак В.В.

Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994.

Приймак В.В. Роменьска культура в межиріччі Десни і Ворскли. Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава; Суми, 1997а.

Приймак В.В. Давньоруське місто Вир. Білопілля, 1997б.

Прицак О. Запад есть Запад, Восток есть Восток // Литературная газета. 24 марта 1993.

Пріцак О.Й. Два етюди з нумізматики Київської Русі // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ, 1998. С. 217–221.

Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования / Под ред. акад. Е.М. Жукова. М., 1975.

Продолжатель Феофана. Царствование Романа, сына Константина Багрянородного // *Лев Диакон.* История / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1988. С. 99–105.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М., 1981.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Пряхин АД. Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1995.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж, 1997.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись / Под ред. И.Ф. Карского. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийская летописи. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. 9. Никоновская летопись / Под ред. О.М. Рапова. М., 1956.

ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1907.

ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

ПСРЛ. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. М., 1975.

ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись / Изд. подг. М.Д. Приселков, О.П. Лихачева. Л., 1989.

ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / Предисл. Б.М. Клосса. М., 1995.

Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточно-славянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.М. Воробьев и А.Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 148–167.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Пушкина Т.А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. 1972. Сер. 8. № 1. С. 92–94.

Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной могилы // Вестник МГУ. 1984. Сер. 8. История. № 3. С. 86–87.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв. М., 1977.

Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2. С. 142–145.

Раппопорт П.А. К вопросу о Плесненске // Советская археология. 1965. № 4. С. 92–102.

Ресдаль Э. Дания и даны. Язычество, христианство и международные связи // Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 134–139.

Рогов А.Н., Флоря Б.Н. Образование государства и формирование общественно-политической идеологии в славянских странах // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XIII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991.

Ронин В.К. Самосознание карантанской и ободритской знати (опыт сравнительной характеристики) // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. Е.П. Наумов. М., 1988. С. 94–111.

Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 116–136.

Русанова Н.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1977. С. 3–126.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Русская Правда Краткой и Пространной редакций // Материалы по истории СССР. Русская феодальная деревня XI–XVI вв. / Под ред. А.А. Горского. М., 1987.

Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности XIV в. // Польша и Русь / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1974. С. 140–149.

Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. № 1. С. 31–33.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.

Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси» // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Материалы и исследования по археологии СССР. № 169 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М., 1969. С. 237–242.

Рыбаков Б.А. Смерды / История СССР. 1979. № 1–2. С. 41–58.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1986. № 1–2. С. 51–54.

Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2003.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия / Изд. подг. И.П. Шаскольский. М., 1978а.

Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1978б. С. 185–189.

Рыер Я.Р. Грамадскія адносіньї у сярэднявечнай Цэнтральнай Еуропе па археалагічньїх даных // Гистарьічна-археалагічньї зборнік. 1997. № 2. С. 221–230.

Рынка В.М. Формирование территории Киевской земли. Киев, 1988.

Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога / Под ред. А.Н. Кирпичникова. Л., 1985. С. 27–75.

Савело К.Ф. К вопросу о природе и роли уитенагемота в IX в. — X в. // XXIII Герценовские чтения. Кр. содерж. докл. Вып. 2. Л., 1970. С. 112–114.

Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.

Сага о Хальвдане, сыне Эйстена. Сага об Одде Стреле // Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1987. С. 159–164, 176–178.

Самоквасов Д.Я. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV археологического съезда Д.Я. Самоквасовым. Посмертное издание. М., 1916.

Самчевский Я. Торки, берендеи и черные клобуки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Сост. Н.В. Калачев. Кн. 2. М., 1855.

Сахаров А.Н. Русско-византийский договор 907 г.: Вымысел или реальность? // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 264–282.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси (IX — первая половина X вв.). М., 1980.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

Сванидзе А.А. Королевство Бенин. История, экономика, социальные отношения // Некоторые вопросы истории стран Африки / Отв. ред. В.А. Субботин. М., 1968.

Сванидзе А.А. О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // Город и государство в древних обществах / Отв. ред. Г.Л. Курбатов, В.В. Мавродин. Л., 1982. С. 150–160.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические заметки) // Древнейшие государства Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1995. С. 6–15.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. № 166. С. 5–11.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Работы в Изборске в 1984 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985. С. 73–75.

Седов В.В. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1989. С. 12–17.

Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994а.

Седов В.В. Об этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. // Российская археология. 19946. № 3. С. 56–69.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов В.В. Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1998а. С. 106–109.

Седов В.В. Первые страницы истории Пскова // Історія Русі-України (историко-археологічний збірник) / Под ред. Д.А. Авдусина, В.Л. Янина. Київ, 1998б.

Седое В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

Селицкий А.И. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998 г.: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А.С. Мыльников. СПб., 1999. С. 58–81.

Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. № 2. С. 53–59.

Семенов Ю.И. Терминология и теория // Советская этнография. 1983. № 5. С. 81–85.

Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походах Хельгу, «царя Русии» // Хазары. Евреи и славяне. Хазарский проект. Т. 16 / Под ред. В.Я. Петрухина. Иерусалим; М., 2005. С. 326–337.

Сенаторский Н.П. Историко-этнографический очерк Курского края // Вестник Курского губисполкома. № 16–17 / Под ред. Т.В. Бахваловой. Курск, 1923. С. 43–55.

Сизов В.Н. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. Т. 28. СПб., 1902. С. 115.

Сказание о князьях Владимирских // Древняя русская литература / Под ред. Н.И. Прокофьева. М., 1988. С. 214–216.

Скилица. Обозрение истории // *Лев Диакон.* История / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1988. С. 107–133.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

Славянский средневековый город: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1997.

Смирницкая О., Стеблин-Каменский М., Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Под ред. М. Стеблин-Каменского. Пер. Ю. Корнеева. М., 1975. С. 5–26.

Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1968. С. 167–172.

Снорри Стурлусон. Круг земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Соболев В.Ю. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли *Ц* Памятники старины. Т. 2 / Сост. С.В. Белецкий. СПб.; Псков, 1997. С. 268–277.

Соколова М.Н. Поместье в Англии до нормандского завоевания // Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 97–107.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3–4 // *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988.

Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 5–6 // *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1989.

Соловьева Г.Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т.В. Николаева. М., 1978. С. 171–178.

Сперанский М. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курской губернии) // Археологические известия и заметки. № 1 — 12 / Под ред. А.В. Орешниковой. СПб., 1894. С. 263–269.

Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев // Записки Русского Археологического общества / Под ред. С.Ф. Платонова. М., 1899. С. 156–160.

Стам С.М. К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе // Город и государство в древних обществах / Отв. ред. Г.Л. Курбатов, В.В. Мавродин. Л., 1982. С. 95–106.

Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М., 1941.

Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Под ред. М. Стеблин-Каменского. Пер. Ю. Корнеева. М., 1975. С. 181–356.

Стеблин-Каменский М.И. «Круг земной» как литературный памятник // *Снорри Стурлусон.* Круг земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Под ред. С.А. Плетневой. М., 1981.

Стороженко А.В. Очерки Переяславской старины. Киев, 1890.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (ромейская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992.

Сухобоков О.В. «Земля незнаемая»: население бассейна Среднего Пела в X–XIII вв. Киев, 2012.

Сухобоков О.В., Моця А.П. Давньоруські пам’ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. 1987. № 58. С. 83–92.

Сюзюмов М.Я., Иванов С.А. Лев Диакон и его время. Комментарий // Лев Диакон. История / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. С. 137–226.

Тайди Т.Ю. Союз Черных клобуков (тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.). Киев, 2005.

Тарасау С.В. Сацыяльна-гісторычная тапаграфія Полацка X–XVII ст. // Пстарычна-археалагичны зборнік. 1997. № 12. С. 231–240.

Татищев В.И. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.

Татищев В.И. История Российская. Т. 3. М.; Л., 1963.

Татищев В.И. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // *Татищев В.И.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 153–360.

Творогов О.В. Литература Древней Руси. М., 1981.

Тизенгаузен В. Норманнский меч // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. 3. Вып. 2 / Под ред. А.С. Уварова. М., 1871.

Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // Советская археология. 1961. № 3. С. 56–75.

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990.

Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.

Титмар Мерзебургский. Хроника / Пер. И.В. Дьяконова. М., 2005.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940.

Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник / Под ред. В.М. Пичета. М., 1947. С. 9–12.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.

Тихомиров М.Н. Исторические связи Руси со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

Толочко О.П. Київська Русь і кочовики південно руських степів у X–XIII ст. // Старожитності Русі-України / Под ред. П.П. Толочко. Київ, 1994. С. 80–90.

Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Толочко П.П. Русь і Хозарія // Старожитності Південної Русі / Від. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 1993. С. 3–7.

Толочко П.П., Козак Д.Н., Крижицький С.Д. Давня історія України // Древняя история Украины. Київ, 1994.

Толстой К., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Курганные древности и клады домонгольского времени. СПб., 1897.

Топоров В.Н. Γαλίνδαι— Galindite — Голядь // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов / Отв. ред. С. Цимерманис. Рига, 1980. С. 124–135.

Топоров В.Н. Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования. 1982 / Под ред. В.В. Иванова. М., 1983. С. 129–140.

Топоров В.Н. Вокруг «лютого зверя» (голос в дискуссии) // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 249–258.

Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии // Этимология. 1986–1987 / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1989. С. 3–50.

Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная структура раннефеодальных

славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 124–133.

Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 87–105.

Тропин Н.А. На Юго-востоке Руси: Чернигово-Рязанское порубежье в IX–XV веках. Елец, 2019.

Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992.

Турилов А.А. Византийские и славянские пласты в «Сказании инока Христодула» (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1996. С. 92–107.

Тыпкова-Заимова В. Структура болгарского государства (конец IX — начало XI вв.) и проблемы гегемонии на Балканах // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991а. С. 137–150.

Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 19916. С. 37–51.

Тюрин В.А. Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века / Под ред. Л.Б. Алаева. М., 1982. С. 187–226.

Узянов А.А., Кашкин В.А. Путивльское и Курское Посеймье в IX в. — XIII в. (сравнительная характеристика по археологическим данным) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Отв. ред. В.П. Шилов. М., 1987. С. 109–110.

Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Уманец А.К., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов // Архыектурш та археолопчш старожитност! Чернпчвщини. ЧершПв, 1992. С. 30–40.

Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Эволюция Чернигова в X в. в контексте киево-русской государственности // Деснинские древности. Вып. 1 / Ред. Е.И. Прокофьев. Брянск, 1995. С. 63–66.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 43 / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1967. С. 88–132.

Успенский Ф. Первые славянские монархи на Северо-Западе. СПб., 1872.

«Уставная грамота» смоленского князя Ростислава Мстиславича // Материалы по истории СССР. Ч. 2 / Под ред. А.Д. Горского. М., 1987. С. 29–32.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966.

Фехнер М.В., Недоишвина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология. 1987. № 2. С. 70–89.

Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. с фр., вступ. ст. и примеч. Ю.П. Малинина. М., 1986.

Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова / Под ред. В.А. Александрова. М., 1967. С. 218–231.

Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987а. С. 142–151.

Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 1987б.

Флоря Б.Н. Эволюция социально— и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 190–207.

Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42–66.

Фомин А.В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии. 1982а. № 171. С. 17–18.

Фомин А.В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв.: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1982б.

Фомин А.В. «Сновская тысяча» по нумизматическим данным в X в. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / Отв. ред. П.П. Толочко. Чернигов, 1985. С. 37–39.

Фомин А.В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // Советская археология. 1988а. № 4. С. 187–199.

Фомин А.В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Под ред. П.П. Толочко. Киев, 1988б. С. 74–80.

Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1993. С. 78–79.

Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70– 80-х гг. X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1995. С. 63–73.

Фомин В.В. Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2. С. 170–189.

Форстен Г. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCLXL. 1889. Февраль. СПб., 1889.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси / Пер. с англ. Д.М. Буланина и Н.Л. Лужецкой. Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000.

Фрейденберг М.М. Патрициат далматинских городов XII–XIV вв. (по данным Задара и Трогира) // Славянские исследования: материалы 2-й Великолукской межвузовской конференции по истории славянских стран / Отв. ред. А.И. Доронченков. Л., 1966. С. 10–62.

Фрейденберг М.М. Рабы в средневековом городе (Далмация XIII–XV вв.) // Etudes Balkaniques. № 3. Sofia, 1979. С. 91–103.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ / Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1986. С. 8–99.

Фроянов И.Я. Князь Святослав и воевода Свенельд // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения / Под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. СПб., 1994. С. 28–38.

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / Под ред. А.Я. Дегтярева. СПб., 1996.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 198–311.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Хённиг Р. Неведомые земли: В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. Е.К. Красно-кутской и А.Д. Райхштейна. Предисл. и ред. А.Б. Дитмара. М., 1961.

Херрманн И. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1986. С. 8–128.

Херрманн И. Ruzzi Forsderen Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимощук. М., 1988. С. 163–169.

Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI вв. // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / Под ред. В.Т. Пашуто, А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флори. М., 1982. С. 119–121.

Хроника Быховца / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. Предисл., ком. и пер. Н.Н. Улащика. М., 1966.

Цыбин М.В. Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии): Автореф. дис… канд. ист. наук. Киев, 1987.

Чайлд Г. Прогресс и археология / Пер. с англ. М.Б. Граковой-Свиридовой; предисл. А.В. Арциховского. М., 1949.

Чалых Н.Е. Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли / Отв. ред. В.В. Седов. Псков, 1985. С. 52–53.

Чернецов А.В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // Краткие сообщения Института археологии. 1976. № 146. С. 32–36.

Чернецов А.В. О языческой дружинной культуре Черниговщины *Ц* Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Чернигов, 1988. С. 14–152.

Чепалыга А.Л., Мисюров В.Д. Эпоха Экстремальных Затоплений *Ц* В мире науки. 2006. № 5. С. 60–67.

Чубур А.А. Аграрная округа древнерусского Брянска: сельские поселения агломерации Скрябино // Куликово поле: история и археология. К 70-летию со дня рождения М.И. Гоняного. Тула, 2023. С. 399–409.

Чубур А.А., Гурьянов В.Н. К вопросу о северянско-вятичском пограничье и природных фронтирах // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Материалы международной научной конференции, поев. 100-летию со дня рожд. А.Н. Москаленко (1918–1981) и 90-летию исследований памятников донских славян экспедицией ГАИМК, Моховое, Тульская обл., 24–26 октября 2018 г. Тула, 2020. С. 229–237.

Шавли Йошко. Венеты: наши давние предки. М., 2003.

Шаскольский Н.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Шаскольский Н.П. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси: посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 70–72.

Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1986. С. 95–99.

Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 64–65.

Шевченко Ю. Почепские древности Десны — хронология связей // Деснинские древности. Вып. 1 / Отв. ред. В.П. Алексеев. Брянск, 1995. С. 48–51.

Шинаков Е.А. Типология, хронология и ареал пяти— и семилучевых височных колец: Дипломная работа. М., 1977.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII вв.: Дис… канд. ист. наук. М., 1980а.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980б. № 3. С. 110–127.

Шинаков Е.А. Демография и этнография населения междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII вв. // Деп. в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР. № 6673 / Под ред. Ю.М. Юрского. М., 1980 в.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII вв.: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1980.

Шинаков Е.А. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл. республ. конф, молодых ученых. Киев, 1981.

Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. История. 1982. № 2. С. 90–97.

Шинаков Е.А. Брянский участок пути «Большого полюдья» X в. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ / Отв. ред. В.С. Ольховский. М., 1986. С. 176–177.

Шинаков Е.А. О происхождении раннесредневековых городов Брянского Подесенья // Мат-лы V междунар. конгресса по славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. I. Вып. 2 / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987а. С. 134–139.

Шинаков Е.А. Поселение у с. Левенка (к вопросу о пунктах-погостах Древней Руси) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Отв. ред. В.П. Шилов. М., 1987б. С. 285–286.

Шинаков Е.А. Русы IX в. — середины X в. (контент-анализ восточных источников) // Культура и история Средневековой Руси: Конф., поев. 85-летию А.В. Арциховского. М., 1987 в.

Шинаков Е.А. «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // Мат-лы VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1990а. С. 101–103.

Шинаков Е.А. Северные границы «Русской земли» X в. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 1990б. С. 177–184.

Шинаков Е.А. К вопросу о естественных и антропогенных границах Стародубского ополья в конце X–XII вв. // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке / Под ред. А.Г. Дьяченко. Белгород, 1990 в. С. 101–102.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского юго-востока: Мат-лы межвузовской науч. конф. / Отв. ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж, 1991а. С. 82–93.

Шинаков Е.А. Освоение ополий Брянского Подесенья в X–XIII вв. // Брянские ополья: природа и природопользование / Отв. ред. Л.М. Ахромеев, Н.П. Матвеев. М., 1991б. С. 75–83.

Шинаков Е.А. Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил; Брянск, 1993а. С. 7–8.

Шинаков Е.А. Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (к постановке проблемы) // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография / Отв. ред. Ю.В. Журов. Брянск, 1993б. С. 177–184.

Шинаков Е.А. Пути образования раннефеодальных городов по материалам Брянского Подесенья // Феодальный город. Вып. 1 / Отв. ред. А.М. Дубровский. Брянск, 1993 в. С. 4–11.

Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Среднем Подесенье (рубеж X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Тези доповідей міжнародної наукової конференції у м. Славутичі. 5–6 жовтня 1994 р. Київ, 1994. С. 41–46.

Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. СПб.; Брянск, 1995а.

Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Вып. 1 / Ред. Е.И. Прокофьев. Брянск, 1995б. С. 81–85.

Шинаков Е.А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроуя / Адк. рэд. С.І. Бяспанскі. Магілеу, 1995 в. С. 165–166.

Шинаков Е.А. Подесенье как историко-культурный регион // Деснинские древности. Вып. 1 / Ред. Е.И. Прокофьев. Брянск, 1995 г. С. 9–12.

Шинаков Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 гг. (древнерусская эпоха) // Слов’яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995д. С. 158–162.

Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічныї зборнік. 1996. № 8. С. 236–255.

Шинаков Е.А. Возникновение Брянска в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов»// Страницы истории города Брянска / Отв. ред. В. Крашенинников. Брянск, 1997. С. 11–18.

Шинаков Е.А. «Дружинное государство» в Польше и на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1998а. С. 128–132.

Шинаков Е.А. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X–XI вв. // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1998б. С. 307–322.

Шинаков Е.А. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории / Под ред. Ю.В. Журова, С.Ф. Блуменау. Брянск, 1998 в. С. 41–46.

Шинаков Е.А. Новгородцы в процессе становления государственности на юге Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли / Сост. В.Ф. Андреев. Новгород, 1998 г. С. 27–32.

Шинаков Е.А. «Служебная организация» и «Сновская тысяча»: проблемы, результаты, задачи // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.

Шинаков Е.А. Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа): Дис... докт. ист. наук. Брянск, 2000а.

Шинаков Е.А. Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа): Автореф. дис... докт. ист. наук. Брянск, 20006.

Шинаков Е.А. К вопросу о семейно-брачных механизмах институционализации власти у славян // Проблемы славяноведения. Вып. 2 / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2000 в. С. 5–12.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика / Под ред. В.А. Попова. СПб., 2000 г. С. 303–347.

Шинаков Е.А. Формы ранней государственности западных славян IX–XII вв. (вопрос о дружинном государстве) // Право: история, теория, практика. Вып. 4 / Отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск, 2000д. С. 138–151.

Шинаков Е.А. Католическая и православная христианизаторская политика в языческой Прибалтике // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья: Сб. тезисов XIX конф, памяти В.Д. Королюка / Под ред. Г.Г. Литаврина, Б.Н. Флори и др. М., 2000е. С. 144–148.

Шинаков Е.А. О так называемой «византийско-болгарской» модели государственности в славянском мире // Славяне и их соседи. Становление славянского мира в Византии в эпоху раннего средневековья / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 2001.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства (сравнительно-исторический аспект). Брянск, 2002а.

Шинаков Е.А. О времени создания так называемого «Введения к Начальному своду» // Проблемы славяноведения. Вып. 4. Брянск, 20026. С. 15–17.

Шинаков Е.А. Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху // Деснинские древности. Вып. 2. Брянск, 2002 в. С. 16–22.

Шинаков Е.А. О времени и причинах первого введения смертной казни в России // Право: история, теория, практика / Под ред. С.И. Михальченко и др. Брянск, 2003а. С. 247–250.

Шинаков Е.А. Опыт формализованной классификации государств древности и средневековья // Эволюция. № 1 / Гл. ред. А.Г. Ганжа. М., 20036. С. 39–42.

Шинаков Е.А. За летописной строкой (еще одна идентификация HL-GW) // Проблемы славяноведения. Вып. 5 / Под ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2003 в. С. 9–12.

Шинаков Е.А. «Правоохранительные органы» Древнерусского государства // Право: история, теория, практика. Вып. 8 / Под ред. С.И. Михальченко и др. Брянск, 2004а. С. 9–17.

Шинаков Е.А. Датский след в событиях 977–980 гг. на Руси // XV конф, по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. док. / Ред. В.В. Седов и др. М., 20046. С. 247–249.

Шинаков Е.А. Хотылевская агломерация памятников и проблемы ее музеефикации // Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области / Под ред. Е.М. Зубовой, Е.А. Шинакова, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2004 в. С. 88–112.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси: опыт социологической реконструкции по материалам археологии // Юбилейный сб. ст. профессоров БГУ к 75-летию Брянского государственного университета. Брянск, 2005.

Шинаков Е.А. «Болгарский след» в сказании о Вещем Олеге *Ц* Научни трудови за Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 1. Кн. 1. Пловдив, 2006а. С. 117–134.

Шинаков Е.А. Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза. Исследования по русской истории и культуре // Сб. ст. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова / Под ред. Ю.Г. Алексеева. М., 20066. С. 122–146.

Шинаков Е.А. О форме государственности Украинского гетманства XVII в. // Ucrainica Petropolitana. Вып. 1 / Под ред. Т.Г. Яковлевой. СПб., 2006 в. С. 97–107.

Шинаков Е.А. Механизмы институционализации и легитимизации власти (на примере древнерусского государствогенеза) // Вестник Брянского государственного университета. 2007. № 2. С. 39–55.

Шинаков Е.А. Сходства и различия в процессах русского и болгарского начального государствогенеза // Вестник Брянского государственного университета. 2008а. № 2. С. 68–78.

Шинаков Е.А. Идеологические механизмы легитимации власти у восточных славян // Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы формирования единого социально-культурного пространства — история и перспективы / Под ред. С.И. Михальченко, В. Н. Гурьянова. Брянск, 20086. С. 277–284.

Шинаков Е.А. Пути формирования городов в Деснинском регионе Древней Руси // Русский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Е.А. Шинаков, А.А.Чубур. Брянск, 2008 в. С. 86–104.

Шинаков Е.А. Образ Олега Вещего в контексте сопредельных литературно-фольклорных традиций (сравнительно-корреляционный анализ) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. СПб., 2009а. С. 101–107.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Изд. 2. М., 2009б.

Шинаков Е.А. Компаративно-типологический анализ «варварской» государственности на Руси и в Болгарии // «Проблеми и предизвикателства на археологическите и културно-историческите проучвания». Научна конференция с международно участие. К 60-летию Ивана Джамбова. Т. I. Археология и култура. Пловдив, 24–25 октомври 2008. 2009 в. С. 30–43.

Шинаков Е.А. Элитные воинские формирования и власть (древность и средневековье) // Викинги: между Скандинавией и Русью. Terra Historica / Под ред. А.А. Фетисова, А.С. Щавелева. М., 2010. С. 177–198.

Шинаков Е.А. Что считать периодом «раннего государства» в процессе складывания Древней Руси? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза // XXIII Чтения памяти чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2011. С. 324–328.

Шинаков Е.А. Дружинное государство в Польше и на Руси. Элитные воинские формирования и власть (Древность и Средневековье) // Военная история Брянского края (от древности до включения в состав Древнерусского государства): Уч. пособие. Брянск, 2012а. С. 104–108, 113–116.

Шинаков Е.А. Варианты военного типа институционализации власти на разных этапах древнерусского государствогенеза // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV Чтения памяти чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2012б. С. 271–276.

Шинаков Е.А. Древнерусские села и загородные резиденции Брянского ополья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань, 2014а. С. 194–197.

Шинаков Е.А. О сакральной санкции права смертной казни // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2014б. С. 291–296.

Шинаков Е.А. Три первых упоминания русов (росов) конца 30-х — начала 40-х гг. IX в. в международном аспекте // Вестник Брянского государственного университета. 2014 в. № 2. С. 158–165.

Шинаков Е.А. Три «села» в Трубчевском ополье // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2016. № 1. С. 122–129.

Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. К 60-летнему юбилею А.М. Обломского / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2017. С. 193–208.

Шинаков Е.А. О «внешних» источниках пополнения населения частновладельческих сельских поселений Древней Руси: комплексный анализ источников по Деснинскому региону // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2018. С. 3–5.

Шинаков Е.А. Дания и Русь: сравнение некоторых особенностей формирования «ранней государственности» по археологическим данным // Восточная Европа в древности и средневековье / Отв. ред. А.Е. Мельникова. 2020. Т. 32. С. 251–254.

Шинаков Е.А., Гоглов С.А., Чубур А.А. Влияние Волжской Булгарии на денежно-весовую систему Юго-Востока славянского мира в X веке // Stratum plus. 2025. № 6 (в печати).

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вивчення історичної та культурної спадщины Роменщини; проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990. С. 66–68.

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2017. С. 253–255.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Русско-радимичское пограничье середины X — середины XII в.: природно-географический аспект / Гістарычна-археалагичны зборнік. 1994. № 3. С. 248–273.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О роли природно-географического фактора в освоении радимичами территории полесья // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2 / Сост. и отв. ред. А.А. Бауэр. Киров, 1995. С. 95–99.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. «Славяне» и «русы» IX в. — начала X в.: сравнительный контент-анализ «восточных» источников // Русский сборник: Сб. научных трудов, поев. 25-летию истор. факультета БГУ им. акад. И.Г. Петровского. Брянск, 2002. С. 186–208.

Шинаков Е.А., Джамбов И.Х. Болгарские аспекты «посольства хакана росов» в 838–839 гг. // Труды Совместной музейно-археологической экспедиции = Сборник за Съвместната музейно-археологически експедиция: международное издание / Под ред. Е. Шинакова, И. Джамбова. Брянск; Пловдив, 2012.

Шинаков Е.А., Ерохин А.С. Компаративный анализ политогенеза в раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 49–56.

Шинаков Е.А., Ерохин А.С. Реформы Владимира и Альфреда: опыт компаративного анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки. История. Политология». 2012. № 2. С. 87–89.

Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Федосов А.В. Пути к государству. Германцы и славяне. Предгосударственный этап. Saarbrucken, 2013.

Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Ващейкин Ф.Е. Пути к государству. «Раннее государство» — «за» и «против». Saarbrucken, 2014.

Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж, 1993. С. 64–68.

Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В. «Города» Чернигово-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі / Под ред. В.Б. Звагельського. Суми, 1993. С. 20–27.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. О северной и западной границах постсеверянских лучевых височных колец конца X — середины XII вв. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Мат-лы междунар. конф., поев. 110-й годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина / Под ред. О.А. Щегловой, В.М. Горюновой. СПб., 2012. С. 100–103.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Балтский этнический компонент населения владельческих сел середины XI–XIII вв. Среднего Подесенья // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2014. № 1. С. 121–127.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Находки украшений балтского происхождения на древнерусских поселениях Трубчевского ополья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск, 2015. С. 126–134.

Шинаков Е.А., Поляков Г.П. Этнический и социальный состав предгородских центров Среднего Подесенья в период сложения, расцвета и кризиса Древнерусского государства (середина X — середина XII вв.) (по материалам статистико-комбинаторного анализа 1986 г. Кветуньского некрополя) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 156–164.

Шинаков Е.А., Пономарева В.П. Общественная власть и социальные нормы на ранних этапах политогенеза // Право: история, теория, практика. Вып. 9 / Под ред. С.И. Михальченко и др. Брянск, 2005. С. 288–303.

Шинаков Е.А., Сарычева Т.Д. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья / Под ред. О.Л. Прошкина и др. Калуга, 1993. С. 25–27.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. Волынцевские древности Брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII–IX веков на юге Восточной Европы // Старожитності Лівобережжя Дніпра / Відп. Ред. Корост І.І. Київ-Котельва, 2018. С. 183–199.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. О юго-восточной границе Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования в середине — второй половине X в. // Рогачевские чтения: музей, археология, история. Вып. 1 / Ред. Д.С. Толстых. Воронеж, 2021. С. 269–275.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. О характере границ Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования с Русью в середине — второй половине X в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2 (112).

Шинаков Е.А., Чубур А.А., Пискунов В.О. Привески с тератологическим орнаментом X–XI веков и их дериваты на Юго-Востоке Руси //Археологическое наследие. 2021. № 1(4). С. 345–374.

Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е. Стародуб и его округа в конце X–XII вв. // Проблемы социальной истории Европы / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 1995. С. 21–32.

Широкова Н.С. Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) // Город и государство в древних обществах / Отв. ред. Г.Л. Курбатов, В.В. Мавродин. Л., 1982. С. 44–55.

Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1991. С. 5–30.

Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названия // Новгородские археологические чтения / Пер. А.В. Назаренко. Под ред. В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова. Новгород, 1994. С. 145–150.

Шрамм Г. Роль города Коростеня в ранней истории Руси. Этимологические подходы к историческим проблемам // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 255–262.

Штруве К.В. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды V Международного конгресса славянской археологии / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 139–148.

Щавелев А.С. Еще раз о Люте Свенельдиче (Летописные известия в свете скандинавской повествовательной традиции) // Этнокультурный контекст. Материалы межвузовской научной конференции. Славянск-на-Кубани, 10–13 сентября 1998 г. Курск; Славянск-на-Кубани, 1998. С. 119–122.

Щавелев А.С. Родовой сюзеренитет династии Рюриковичей в системе политического устройства Древней Руси // Проблемы славяноведения. Вып. 2. Брянск, 2000. С. 13–25.

Щавелев А.С. Сага о йомсвикингах // Русский сборник / Отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, 2002. С. 258–264.

Щавелев А.С. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008.

Щавелев А.С., Фетисов А.А. (авт. — сост.). Викинги между Скандинавией и Русью. М., 2009.

Щавелев С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посемье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: Сб. тезисов V междунар. конф. / Отв. ред. Л.И. Земцов. М.; Брянск, 1996. С. 26–29.

Щавелев С.П. Славяне и хазары: даннические отношения как индикатор потестарно-политического взаимодействия // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и мат-лов. Брянск, 2002а.

Щавелев С.П. Зооморфные острия с роменских памятников Курского Посеймья //Деснинские древности. Вып. 2 / Под ред. В.П. Алексеева, В.В. Крашенинникова. Брянск, 2002б.

Щавелев С.П. Вятичи и «семцы» в контексте военно-политической деятельности Владимира Мономаха // Деснинские древности. Вып. 2 / Под ред. В.П. Алексеева, В.В. Крашенинникова. Брянск, 2002 в. С. 190–198.

Щавелев С.П. Общее и особенное при освоении Русью Курского Посеймья // Русский сборник / Отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, 2002 г. С. 14–35.

Щавелев С.П. Славянская дань Хазарии: новые материалы и интерпретации // Вопросы истории. 2003а. № 10. С. 139–143.

Щавелев С.П. Летописное сказание о Кие и его родичах как «устная история» политогенеза у восточных славян // Проблемы славяноведения. Вып. 5. Брянск, 2003б.

Щавелев С.П. Славянская дань Хазарии: новые соображения // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья: Мат-лы науч. конф. Воронеж, 2008. С. 67–70.

Щавелев С.П. Курск на Ловати и Курск на Тускари: историкоархеологический комментарий к топологическому дубликату //Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли / Под ред. В.Л. Васильева. Новгород, 2001. С. 83–90.

Щавелев Ф.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Щавелева Н.П. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1978. С. 154–165.

Щавелева Н.П. Предисловие. Комментарий // «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях в XI–XIII вв. / Пер. с лат. В.Л. Панина. Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. Под ред. В.Л. Янина. М., 1987. С. 5–50.

Щапова Ю.Л. Естественно-научные методы в археологии. М., 1988.

Щеглова О.А. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы // Stratum. СПб.; Кишинев, 1997. С. 246–257.

Щукин М.Б. Забытые бастарны // Stratum plus. 1999. № 5. С. 75–90.

Экономические рукописи 1857–1861 гг. (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1. М., 1980. С. 470–547.

Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

Яждживский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне / Под ред. Т.В. Николаевой. М., 1978. С. 213–217.

Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943/944 г. // Византийский временник. Т. XXIV. Л., 1926. С. 63–92.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 142–180.

Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. № 1. М., 1970. С. 44–54.

Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина и В.Л. Янина. М., 1982а. С. 138–155.

Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. В.Л. Янин. Л., 19826. С. 90–95.

Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1983. С. 98–107.

Янин В.Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России / Гл. ред. И.Я. Фроянов. М., 1987. С. 119–134.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2. М., 1971. С. 32–61.

A handbook of method in cultural anthropology / Ed. by H. Russell Bernard, Clarence C. Gravlee. N.-Y., 1962.

A post-communist millennium: the struggles for sociocultural anthropology in Central and Eastern Europe. Prague studies in sociocultural anthropology / Ed. by P. Skalnik. Prague, 2002.

Al-Mas'udi. Ali b. al-Husain. Ryhovistezlata a dolydrahokamu / Prel. Ivan Hrbek. Praha, 1983.

Barfield T. The Hsiungnu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. Vol. 41. N 1. 1981. P. 45–61.

Buczek K. Polska południowa w IX i X wieku: uwagi na marginesie rozprawy J. Dąbrowskiego: «Studia nad początkami Państwa Polskiego»

(«Rocznik Krakowski» XXXIV. 1958. Z. 1) // Małopolskie Studia Historyczne. T. 2. N 1. Kraków, 1959. S. 23–48.

Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State. The Transition to Statehood in the New World // Ed. by G.D. Jones and R.R. Kautz. Cambrige, 1981. P. 37–79.

Carneiro R.L. The Całusa and Powhatan, Native Chiefdoms of Nonth America // Reviews in Anthropology. Vol. 21. 1992. P. 27–38.

Carneiro R.L. The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation // Social Evolution and History. Vol. 11. N 2 / Ed. by D.N. Bondarenko. M., 2012. P. 5–30.

Claessen H.J.M., Skalnik R. (eds). The Early State. The Hague; R; N-Y., 1978.

Claessen Skalnik R (eds). The Study of the State. The Hague; R; N-Y., 1981.

Claessen H.J.M. Political Anthropology // Current issues in anthropology. Rotterdam, 1981.

Claessen H.J.M. Was the state inevitable? // The Early State, its Alternatives and Analogies / Ed. by L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.N. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotaev. Saratov, 2004. P. 72–88.

Claessen H.J.M. Development in Evolutionism // Social Evolution and History. Vol. 5. N 1 / Ed. by D.N. Bondarenko. M., 2006. P. 3–41.

Claessen H.J.M. On Early State — Structure, Development and Fall // Social Evolution and History. Vol. 9. N 1 / Ed. by D.N. Bondarenko. M., 2010. P. 3–51.

Duczko W. Ruś wikingów. Historia obecności Skandynawów we wcze-snośred — niowiecznej Europie Wschodniej. Warszawa, 2007.

Dwornik F. The Making of Central and Eastern Europa. L., 1949.

Earle T. Chiefdoms in archaeological and ethnological perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308.

Easton D. Political anthropology // Biennal Review of Anthropology / Ed. by B.J. Siege. 1959. P. 210–262.

Filipowiak W. Wolin, Vineta: wykopaliska zatopionego miasta [Aus-grabungen in einer versunkenen Stadt], Rostok, 1986.

Fedosov A. V. On the problematic issues of political anthropology // European Science and Technology. Materials of the IX International Research and Practice Conference. Vol. I. Munich, 2014. P. 326–334.

Franklin S., Shepard J. Longman history of Russia. The Emergence of Rus 750–1200. L; N-Y., 1996.

Freid M. The Evolution of the Political Society. N-Y., 1967.

Gaczyński J.Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski. Okres chorwacki (od początków V w. do przełomu VIII–IX w. // Rocznik Przemyski. T. XII. Przemyśl, 1968. S. 51–117.

Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos *I I* Ruthenica. V. Київ, 2006. С. 7–11.

Golden P.B. The Question of the Rus Oaganate // Archivům Eurasiae medii aevi. T. 2. 1982. P. 87–97.

Golden P.B. The Peoples of the South Russian Steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia. Ed. by D. Sinor. Cambridge, 1990. P. 256–285.

Gregoire H. Ľhistoire et la Legende ď Oleg prince de Kiev // La Nouvelle Clio. Vol. 4. Bruxelles, 1952. N 5–8. P. 281–287.

Grinin L.E., Korotayev A.V. Emergence of Chiefdoms and States: A Spectmm of Opinions // Social Evolution and History. Vol. 11. N 2 / Ed. by L.E. Grinin. M., 2012. P. 191–204.

Grinin L E., Korotayev A. V. The Epoch of the Initial Politogenesis // Social Evolution and History. Vol. 8. N 1 / Ed. by L.E. Grinin. M., 2009. P. 70–74.

Guidi A. Carneiro and the Archaeology of War: A Comment from a Prehistorian // Social Evolution and History. Vol. 11. N 2 / Ed. by L. E. Grinin. M., 2012. P. 56–57.

Haas I. The Evolution of the Prehistoric State. N-Y., 1982.

Herrmann I. Die Ostsee — ein volkerverbindendes Meer im friihen Mittelalter. Altertum, 1975.

Herrmann I. Siedlung, Wirtschaft u. gesellschaftliche Verhaltnisse der slawischen Stamme zwischen Oder // Neisse und Elbe. Berlin, 1968.

Herrmann J. Wikinger und Slawen. Berlin, 1983.

Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig, u.a., 1976. S. 7–288.

Hierarchy and Power in the History of Civilization: Ancient and Medieval Cultures / Ed. by L.E. Grinin, D.D. Beliaev, A.V. Korotayev. M., 2008.

Horák B., Trávniček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (tzv. Bavorsky geograf). Praha, 1956.

Hudson Ch. The Juan Pardo Expedition. Washington, 1990.

Fankuhn H. Typen und Funktionen vor— und freihwikingerzeitlicher Handelsplatze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bd. II. Helsinki, 1951.

Kmietowicz F. Die Titel der Slawenherrscher in der sog. «Anonymen Mitteilung», einer orientalischen Ouelle (Ende des neunten Jahrhunderts) // Folia Orientalia. Vol. 19. Kraków, 1978. S. 13–34.

Korotayev A.V. Trade and Warfare in Cross-Cultural Perspective // Social Evolution and History. Vol. 7. N 2 / Ed. by D.N. Bondarenko. M., 2008. P. 40–45.

Kradin N.N. Nomadic Empires in Evolutionary Perspective // The Early State, its Alternatives and Analogues / Ed. by L.E. Grinin,

R. L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotayev. Volgograd, 2004. P. 501–534.

Laslo G. Etudes Archeologiques sur Thistoire de la Societe des Avars *I I* Archacologia Hungarica. Vol. 4. Budapest, 1955.

Leciejewicz L. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.

Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie al-Mas'udi'ego: Resume // Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. T. 49. Kraków, 1948. N 1. S. 24–34.

Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 2. R. 2. Wrocław; Kraków, 1977.

Lind L.H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. N 3. L., 1984. P. 362–370.

Łowmiański H. Lędzianie // Slavia Antiqua. T. 4. Poznań, 1953a. S. 97–116. *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953.

Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. 4. Warszawa, 1970.

Łowmiański H. Początki Polski. T. 6. Warszawa, 1985. S. 11–78.

Ludat H. Piasten und Ottonen // Ľ Europe aux IX–XI siecles: aux origines des etats nationaux. Warszawa, 1968. P. 43–55.

Liibke Ch. Ottonen, Rjurikiden, Piasten: Erganzende Bemerkungen zum Verwandtenkreis Kunos von Ohningen // Jahrbiicher fur Geschichte Osteuropas. Bd. 37. Mimchen; Wiesbaden, 1989.

Makarov N.A. Portages of the Russian North Historical Geography and Archaeology // Fennoscandia Archaeologica. Helsinki, 1994. P. 13–27.

Markopoulos A. La vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // Jahrbuch des Osterreichichen Byzantinistik. 1979. Bd. 28. S. 75–82.

Marquart J. Osteuropaische und ostasiatische Streifziige. Lpz., 1903.

Maziarz A. Byliny czyli słowiańskie sagi // Czasopismo archeologiczne Menhir. N 5. Kraków, 2005. S. 58.

Melnikova E.A. The Eastern World of the Vikings: Eight Essays about Scandinavia and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Goteborg, 1996.

Mruzek H.I. Thiiringische und Sachsische Burgen. Leipzig, 1965.

Miihle E. Die stadtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus. Auflage und friihe Entwicklung altrussischer Stadte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991.

Pratt D. The political thought of King Alfred the Great. Cambridge, 2007. P. 93–94.

Polani K. Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.

Political anthropology / Marc J. Swartz, V.W. Turner, A. Tuden. Chicago, 1966.

Rowntree H.C. The Powhatan indiaus of Virginia. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.

Servise E.R. Classical and Modem Theories of the Origins of the Government // Origins of the State. The Anthropology of Political Involution / Ed. by R. Cohen, E.R. Service. Philadelphia, 1978. P. 21–34.

Shevchenco I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // Slavic Review. Vol. 24. M., 1965. P. 709–713.

Sevcenko I. Historiography of the iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham. 1977. P. 113–131.

Shinakov E.A. The Mechanisms of the Old Russian State Genesis // Social Evolution & History. Studies in the Evolution of Human Societies. Vol. 6. N 2. 2007. M., 2007. P. 121–150.

Shinakov E.A. Some aspects of the formalized classification of States of Antiquity and the Middle Ages // Ancient Rus and medieval Europe: The emergence of States / Ed. by E.A. Melnikova. M., 2012. P. 324–328.

Shinakov E.A., Ganzha A. Was the War Caused by the Circumscription the Only Way to the State? // Social Evolution and History. Vol. 11. N 2 / Ed. by D.N. Bondarenko. M., 2012. P. 48–50.

Shinakov E.A., Fedosov A. Three Parts of Europe: Common Features of State-Genesis in England, Rus' and Bulgaria (A Record of Synthesis of Written Sources and Historiography Data) // Пловдивски исторически форум. 2022a. Vol. 6. No. 1. P. 25–38.

Shinakov E.A., Fedosov A.V. The Geopolitical Context of the Rus' Raid on Seville // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 20226. Vol. 67. N 1. P. 5–22.

Shinakov E.A., Polyakova S.G. Comparative Analysis of the Process of initial State Genesis in Rus and Bulgaria // Social Evolution and History. Studies in the Evolution of Human Societies. Vol. 10. N 2. M., 2011. P. 121–137.

Shinakov and others. Crisis, Changes and Reforms: Problem of Correlation on the Example of Old-Russian State Genesis // Matherials of international Medieval Congress. Leeds, 2015.

Skalnik P. A post-communist millennium: the struggles for sociocultural anthropology in Central and Eastern Europe // Prague studies in sociocultural anthropology / Ed. by P. Skalnik. Prague, 2002. P. 115–128.

Stankiewicz U. Wyniki badań archeologicznych wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w Brańsku gm. Brańsk woj. białostockie // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 2 / Под ред. В.В. Седова. М., 1997. S. 361–370.

Stoki G. Russische Geschichte. Stuttgart, 1965.

Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988.

Trestik D. Kosmovakronica. Praga, 1966. P. 16–19.

Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambrige, 1946.

Vilinbachov V.B. Die Ostseeslaven in Nordwesten der Rus // Letopis: Jahresschrift des Institute fur Sorbische Volksforschung. N 20, H. 2. Reihe Bautzen, 1973. S. 212–227.

Vinaver V. Ropstvo u starom Dubrovniku (1250–1650) // Istorijski pregled. Beograd, 1954. P. 37–43.

Wasilewski T. Dulębowie — Lędzianie — Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i

Wisłą w X wieku // Przegląd Historyczny. T. 67/2. Warszawa, 1976. S. 181–194.

Westberg F. Ibrahims-ibn-Jackubs Reiseberichtuber die Slawenlande // Записки Императорской Академии наук. VIII серия. Т. 3. № 4. М., 1898.

Westberg F. Beitrage zur Klarang orientalischer Quellen uber Osteuropa / Записки Императорской Академии наук. V серия. Т. 11. СПб., 1899. S. 211–245.

Wilson D.M. East and West: a Comparison of Viking Settlement // Varangian Problems. Scando-Slavica. Suppiementum I. Copenhagen, 1970.

Wilson D.M., Klindt-Jensen O. Viking Art. N.-Y., 1966.

Wilson D. Sverige — England — In: Vendeltid. Stockholm, 1981.

Winkler E.A. Political anthropology // Biennal review of anthropology. Stanford, 1970. P. 301–386.

Yerokhin A., Shinakov E. The Process of Politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus: A Comparative Aspect // Social Evolution and histopy. Studies in the Evolution of Human societies. N 2. M., 2013. S. 102–119.

Zuckerman C. Deux etapes de la formation de l'ancien etat russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Eds. M. Kazański, A. Nercessian, C. Zuckerman (Realites byzantines 7). P., 2000. P. 95–120.

---

notes

Примечания

1

Майоров А.В. Рецензия на монографию Е.А. Шинакова «Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект». Брянск, 2002 // Rossica Antique. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 392–395.

2

Щавелев С.П. Предисловие к книге: *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 5.

3

Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл. — корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012; Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012; Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2016.

4

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012; *Горский А.А.* От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности. СПб., 2013 (раздел: Возникновение русской государственности и «призвание варягов»); *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; 2012.

5

Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010; *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012; *Боровков Д.А.* Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2016; *Волков В.А.* Войны и дружины Древней Руси. М., 2016; *Волков В.А.* Ратные силы Древней Руси. М., 2017.

6

«Если Российское государство, а соответственно и этнос (россияне), начали свое развитие 1150 лет тому назад в северных районах Восточной Европы… то тогда можно предполагать, что на юге была реализована схема „поляне — русы-украинцы“. В таком случае ни о каком первоначальном исходном этническом единении на этапе формирования государственных структур не может быть и речи…» (*Моця А.П.* Начало российской государственности — конец древнерусской народности // Начало русской государственности в IX в. и ее возрождение в первой четверти XVII в. Мат-лы междунар. науч. конф. 25–27 ноября 2012 г. / Под ред. С.И. Михальченко, Е.А. Шинакова, А.А. Чубура. Брянск, 2012. С. 47.

7

Толочко П.П. Еще раз о начале Древнерусского государства // Міста Давньоі Русі. Збірка наукових праць пам’яти А.В. Кузы / Наук. ред. П.П. Толочко. Київ, 2014. С. 11–20.

8

Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Федосов А.В. Пути к государству. Германцы и славяне: предгосударственный этап. Saarbrucken, 2013; *Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Ващейкин А.Е.* Пути к государству. «Раннее государство» — за и против. Saarbrucken, 2014. См. также.: *Шинаков Е.А., Ващейкин А.Е., Ерохин А.С.* Формирование Древней Руси с точки зрения политической антропологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 5 (13).

9

Федосов А.В., Шинаков Е.А. Происхождение и формирование Древней Руси в IX–XII вв. в работах англо-американских авторов // Вестник Брянского государственного университета. № 1 (31). 2017. С. 128–135.

10

Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто (12–14 апреля 1993 г.) / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1993. С. 53–55.

11

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вивчення історичноі та культурноі спадщины Роменщини; проблеми і перспективи / Від. ред. В.Б. Звагельський… Суми; Ромни, 1990. С. 66–68; *Шинаков Е.А., Зайцев В.В.* Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху//Археология и история Юго-Востока Древней Руси / Ред. А.З. Винников. Воронеж, 1993. С. 64–67.

12

Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. К 60-летнему юбилею А.М. Обломского / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2017. С. 193–208; *Шинаков Е.А., Григорьев А.В.* Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. 2017. Т. 29. С. 253–255; *Шинаков Е.А., Чу бур А. А., Пискунов В.О.* Привески с тератологическим орнаментом X–XI веков и их дериваты на Юго-Востоке Руси // Археологическое наследие. 2021. № 1 (4). С. 345–374; *Шинаков Е.А., Чубур А.А.* О юго-восточной границе Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования в середине — второй половине X в. // Рогачевские чтения: музей, археология, история / Мат-лы междунар. науч. — практич. конф., приуроченной к 30-летию музея-заповедника «Костенки» (26–27 августа 2021 г.) / Под ред. Д.С. Толстых. Вып. 1. Воронеж, 2021. С. 269–275; *Шинаков Е.А., Чубур А.А.* О характере границ Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования с Русью в середине — второй половине X в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2 (112). DOI 10.18254/S207987840019579–5.

13

Шинаков Е.А., Ерохин А.С. «Северная конфедерация»: к вопросу об истоках русской государственности (историографические заметки) // Rossica Antiqua 2015. № 2 (12). С. 3–46.

14

Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство: Пособие для учителей. М., 1956. С. 85–86; *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 54–70.

15

О соотношении терминов «социальная» и «культурная» антропология в их историческом развитии в последнее время см.: Skalnik, 2002; Camei-ro, 2003, а также из более ранних изданий: A handbook of method… 1962.

16

О понимании термина (хотя сам он введен в 1959 г., см.: Easton, 1959) «история политической антропологии» нет единой точки зрения, ср.: Politikal anthropology, 1966; Winkler, 1970; Service, Cohen, 1978; Claessen, 1981; Кочакова, 1986; Куббель, 1988; Годинер, 1991; Крадин, 2001; 2004.

17

Пожалуй, первый обоснованно затронул аспект регионально-политического деления Восточной Европы А.П. Новосельцев (Новосельцев, 1991). Мы также касались этого вопроса, а затем и разработали собственную схему регионально-типологического аспекта генезиса древнерусской государственности (Шинаков, 19936. С. 179; 1998 г; 1998в; 2000а, г; 2002а. С. 106–137). До конца X в. линии

развития в этих 5–6 регионах были типологически различны, но все привели к одному раннему государству.

18

Существуют, впрочем, и иные мнения о значимости кризиса и реформ Ольги, а также степени политико-территориального регресса государственности (Горский, 2004).

19

Константин упоминает, что в полюдье едут «все росы» (Константин Багрянородный, 1991. С. 50–51), что уже свидетельствует о сравнительно небольшой их численности. Для более раннего времени Гардизи называет число 100–200 русов, совершающих ежегодный зимний объезд земель славян (Новосельцев, 1965. С. 400).

20

Термин является общепринятым в политической (социокультурной) антропологии и адекватного перевода на русский язык не имеет. Он наиболее соответствует таким понятиям, как взаимообмен услугами и взаимовыгода.

21

В данном случае присутствует дубликат термина, но не понятия: «идеальная модель» не имеет никакого соотношения с «региональной моделью» (Среднеевропейской, Североевропейской и т. д.). Первая также отличается от «идеальных типов политической власти» М. Вебера, в которых используются усредненные показатели переменных.

22

Определенные ограничения в пользу олигархии, аристократии, тирании возникали, но они были и в полисах.

23

При таком соотношении понятий ясной становится причина терминологических разногласий по поводу формы государственности Руанды и Бурунди: это и не кастовое (по В.В. Крылову) государство, но и не «чисто феодальное» (по Ю.М. Кобищанову, см.: Кобищанов, 1966. С. 96), а предшественник и того и другого, наиболее близко характеризуемое как «корпоративно(этнически) — эксплуататорское» (Крылов, 1966. С. 98).

24

Обычным правом ислама допускалась аренда земли, хотя и ограниченная, что позволило некоторым историкам даже считать шариат инструментом внешнего феодализма на Востоке.

25

Последние приближались либо к «восточному», государственно-эксплуататорскому, либо к феодальному (через военно-ленную систему) способу производства, а власть — к неограниченной (впрочем, часто до поры до времени) деспотии и к феодально-клановому варианту (например, Афганистан).

26

Впрочем, в Пруссии покоренные достаточно быстро перешли на немецкий язык, а часть их нобилей была инкорпорирована в состав собственно ордена.

27

Шинаков Е.А. Северные границы «Русской земли» X в. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Чернигов, 1990. С. 146–149; *Он же.* Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил, Брянск, 1993. С. 7; *Он же.* Нетрадиционные источники по периоду образования Древнерусского государства // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 177–184; *Он же.* Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Среднем Подесенье (рубеж X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Тези доповідей міжнародної наукової конференції у м. Славутичі. 5–6 жовтня 1994 р. Київ, 1994. С. 41–46; *Он же.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347; *Он же.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 151–193; *Он же.* Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху // Деснинские древности. Вып. 2. Брянск, 2002. С. 16–22.

28

Именно это отличие наемных военно-корпоративных организаций во главе с князем от слоя, обладавшего землей и властью, вероятно, понимало новгородское правительство, когда запрещало князьям и их боярам иметь владения на территории республики на частном праве.

29

А также рабской гвардии (мамлюки), конников-аристократов (типа иранцев, парфян, монголов, Македонии, йоруба), поместной конницы, наемников-кондотьеров и т. д., то есть видов войск, также обладавших разной степенью корпоративного сознания.

30

Флоря, 1991. С. 197. А через типологическую близость Швеции и даже Византии к Хорватии (Там же. С. 203) последняя имплицитно сближается с Поморьем.

31

Список и примеры действия «начальных», или «традиционных», механизмов институционализации и легитимизации власти даны в гл. 1 докторской диссертации автора (Шинаков, 2000а), а его типология форм государств (отчасти и сложных вождеств) приводится также и в автореферате диссертации (Шинаков, 20006. С. 12), в более подробном варианте, с пояснениями и примерами к статье (Шинаков, 20036; 2007; Shinakov, 2007). В отличие от более ранних вариантов типологии государств, наша типология в большей степени учитывает стадиальный аспект и имеет более универсальный характер.

32

О соотношении традиционной мононормы и раннегосударственного предправа см.: Шинаков, Пономарева, 2005.

33

Однако Древняя Русь никогда ею не была не только «в целом», но и «в значительной степени», хотя именно такая форма государственности долгое время считалась наиболее распространенной на синхростадиальном Древнерусскому государству этапе ранней государственности (Гринин, 2006. С. 340).

34

Эта система отчасти также контаминирует с передачей субстанции власти – «наам», получив которую от верхнего правителя и «передав» сыну жена правителя возвращается к своему роду, основывая там ветвь правящего клана (Куббель, 1988). Несколько напоминает, но без сакрального оттенка, ту же систему сообщение «Саги о Харальде Прекрасноволосом»: «Дети Харальда конунга воспитывались там, где жила родня их матери» (Снорри Стурлусон, 1980).

35

Косвенно в данном сообщении присутствует и «дагомейский» вариант – раздача наложниц для укрепления связей с родственниками и соратниками.

36

Характерен в этом плане эпизод «восстания» 1071 г., связанный с убийством волхвами именно женщин (ПСРЛ. Т. 1. Л. 59).

37

Где, по более поздней из двух глав генеалогических легенд, правитель был приглашен из города-государства йоруба Ифе. По более (стадиально) ранней, «доимперской» легенде, первый правитель спустился с небес. Эта ступень «потестарно-легитимизационной» мифологии на самой Руси в каких-либо формах отчетливо не прослеживается.

38

Формы государственности приводятся по: Шинаков, 20036. С. 39–42.

39

Существует точка зрения, что карантанцы (словенцы) происходят непосредственно от предков славян – венетов, сформировавших их как народ, и жили в Юго-Восточной Европе до прихода сюда в VI–VII вв. (см., например: Шавли Йошко, 2003 – представителя и наследника весьма многочисленной «словенской школы» в этом вопросе).

40

В частности, см. исследование в этом аспекте творчества Козьмы Пражского и его последователей в статье Л.П. Лаптевой (Лаптева, 1993. С. 48–50), выделившей несколько уровней и направлений искажений действительности – от недостатка информации до сознательной, политически санкционированной фальсификации.

41

Отметим как предшественника идеи «многолинейности эволюции» общества, в том числе и государства (наиболее последовательные ее проводники – Д. Стюард и Э. Сервис), русского историка первой половины XVIII в. В.Н. Татищева (Татищев, 1962. С. 360).

42

В наиболее полном виде ее материалы представлены в сб.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М., 1966.

43

Подробно эти положения развиты в статье Ю.И. Семенова «Терминология и теория» (Семенов, 1983), а также в опубликованных в вышеуказанном сборнике докладах Ю.М. Кобищанова и Б.В. Крылова. Восходит же идея о всеобщности раннего феодализма, как бы его ни называть, к точке зрения правоведа С.Е. Десницкого (1740–1789) о феодальном характере всех «первоначинающих государств» (Десницкий, 1952. С. 285).

44

Обычная линия сопоставлений: города-государства майя – Шумер – номы Египта и (реже) городские царства ахейской и гомеровской Греции; индейские «империи» Центральной и Южной Америки – ранние централизованно-федеративные державы Месопотамии (государства Саргона, Шульги, Нарамсина) – Ангкор в Кампучии. Наиболее

последовательно эти идеи проводятся американистами В.И. Гуляевым и Ю.Е. Березкиным (Гуляев, 1968. С. 139–141, 147, 149, 154). Последний автор, впрочем, проводит аналогии не столько с синхростадиальными инкам цивилизациями Старого Света (иньским, или раннечжоуским, Китаем, Египтом начала III тыс. до н. э.), сколько с тоталитарными, в том числе социалистическими, государствами или «имперским государством» (в его понимании) вообще (Березкин, 1991. С. 180–218).

45

Это: 1) налоги; 2) независимая от народа публичная власть, располагающая аппаратом внутреннего подавления; 3) смена родоплеменного деления народа территориальным.

46

Однако и К. Маркс допускал для «Империи Рюриковичей» государственную форму эксплуатации («феодализм без феодов или феоды, состоящие из даней») (Маркс, 1989). Что же касается В.И. Ленина, то и его оправдывали от обвинений в упрощенчестве, вульгаризации и «политизации» (Виткин, 1966. С. 103).

47

См. например, следующие цитаты: «Возникновение государственных институтов раньше классов... демонстрирует универсальный, единственный повсеместно реально реализовавшийся путь появления государства» (Бондаренко, 1993. С. 165–166). «Государство – средство осуществления экономической власти меньшинства над большинством», «в переходный (между первобытностью и классовым обществом) период собственность (в том числе на недвижимость, землю) замещает личность как мерило социальной значимости» (Белков, 1993. С. 75, 91–92).

48

В работах этого автора и А.Ю. Дворниченко, вышедших после публикации статьи А.А. Горского, употребляется более осторожный термин: «переходный период» (Фроянов, Дворниченко, 1988. С. 19).

49

Попытку перенести некоторые особенности развития Северной Руси и Балтики в целом (например, наличие виков) на Южную Русь делает украинский археолог А.П. Моця (Моця, 1985. С. 13; 1987а. С. 166). До своего «логического завершения» торгово-городовая теория доведена у Р. Пайпса, сравнивавшего, напомним, Древнерусское государство с Ост-Индской компанией (Пайпс, 1993. С. 40). Не относясь к отечественной историографии, эта теория вносит мало нового по сравнению с распространенной в XIX в. (особенно у К.Д. Кавелина, отчасти у славянофилов и народников) идеей о дихотомии и разном происхождении общественных и государственных структур Киевской Руси, а также с зародившимся у В.О. Ключевского, развитым Г.В. Вернадским и распространенным зарубежными историками 70–80-х гг. XX в. представлением о «монетарном» характере экономики (Вернадский, 1996. С. 15) и первоначально внешнеторговой ориентации правящего слоя Древнерусского государства.

50

Важнейшим фактором образования единого Древнерусского государства он считает международную торговлю и необходимость ее организации.

51

Уместно вспомнить известное высказывание М.П. Погодина о том, что «начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его на веки веков…».

52

Об этом см. также у М.Б. Свердлова (Свердлов, 1983. С. 29).

53

Еще В.И. Ленин в работе «Государство и революция» фактически признал только один путь («афинский»), который позднее в советской историографии зачастую смешивали с «римским», полностью отбрасывали при этом «германский», называя созданные таким путем государства (ацтеков, например) «союзами племен» либо (для Европы) «варварскими королевствами».

54

Этот активный антинорманист в обоснование своей теории о р. Рось как источнике происхождения названия Руси ссылается на прямое свидетельство Густынской летописи и данные лингвистики.

55

Этот исследователь вполне *сознательно* очень вольно относился к источникам (Гумилев, 1993а. С. 86–102) (впрочем, в его высказываниях есть и рациональное зерно: Там же. С. 97–98); он считал, что «летописец отразил древнюю историю Руси неадекватно и факты учел выборочно» (Там же. С. 247).

56

Этот исследователь считает, что взаимодействие проходило в IX–X вв. по «трансъевропейскому торговому пути из Испании через Рейнскую область и Эрфурт на Краков, или от Рейнской области через Прагу на Краков и Киев» (Херрманн, 1988. С. 164).

57

Здесь А.В. Назаренко (Назаренко, 1998) вполне солидарен с Й. Херрманном, обосновав это положение в специальной работе, с русско-германскими отношениями уже не связанной (Херрманн, 1988. С. 163–169).

58

«Мы считаем, что племенные центры – это и есть города в социальном смысле слова… всеобщая функция города состоит в том, что он является жизненно важным, опосредующим социальные связи центром, без которого тот или иной общественный союз существовать не может» (Фроянов, Дворниченко, 1988. С. 34).

59

Формально соглашаясь с вышеуказанными медиевистами и перенося реалии описанного ими «варварского общества» переходного периода на русскую почву, И.Я. Фроянов считает, что здесь эти реалии имели место лишь в XI – начале XIII в. (Фроянов, Дворниченко, 1996. С. 163), что и подразумевает «чистую» первобытность до этого времени. Учитывая сходство сущностных характеристик «варварского общества» у медиевистов и «дофеодального» у историков Руси (С.В. Бахрушин, С.В. Юшков, Б.А. Рыбаков, отчасти В.В. Мавродин и В.Т. Пашуто), И.Я. Фроянов, несмотря на критику их концепций, фактически солидарен с ними в этом аспекте, хотя и относит хронологически данный этап к более позднему периоду, чем они.

60

Отметим здесь лежащий буквально на поверхности факт – Великое переселение народов, в котором активнейшее участие приняли и находившиеся на стадии первобытности славяне. Что же касается славян восточных, то они вообще жили на чужой этнически (финно-угорской и балтской), а не только в племенном отношении территории. Кроме того, из схемы И.Я. Фроянова полностью выпадают кочевники, в единстве которых главную роль играло осознание не территориальной, а демосоциальной общности. Напомним хотя бы уже цитированную нами точку зрения Ю.И. Семенова (Семенов, 1982) о различии племени

и государства именно как организмов демосоциальных и гео-социальных. Специфика первых – способность легко менять территорию обитания, оставаясь единым организмом.

61

Впрочем, это в какой-то степени объяснимо для исследователя, чьи работы, пожалуй, подвергались наибольшей критике не столько по их сути, сколько по методологии и политическим причинам в советской историографии 70-х – середины 80-х гг.

62

В плане стадиальной политической (а не социальной) классификации исследователь не отказывается от своей ранее созданной трехэтапной схемы (Свердлов, 1983. С. 304; 1998. С. 104). Применяя современную политико-антропологическую (этнологическую) терминологию, соответствующую сути описываемых им структур и явлений, кратко ее можно обрисовать следующим образом: «сложное вождество» (объединение племен) – до конца IX в.; «варварское государство» переходного периода: конец IX – первая половина X в.; формирование в середине и второй половине X в. «раннего государства» (М.Б. Свердлов до сих пор упорно определяет его «феодальную природу») (Свердлов, 1995. С. 13).

63

Даже наличие сакральных механизмов, при существовании еще минимум шести первоначальных их типов, не обязательно свидетельствует о теократии, понимаемой как верховная власть в руках священнослужителей. Они могли использоваться для институционализации, обоснования и укрепления власти родовой знати, отдельных «избранных богами» родов и лиц, богатых людей и т. п. или приводить к харизме, что теократии неравнозначно.

64

Нельзя, впрочем, не отметить с методической и логической точек зрения другую причину – уменьшение количества племен – участников походов Игоря и Святослава (по сравнению с названными и у Олега, и в первом походе Игоря). Возможно, это не «объективное свидетельство консолидации древнерусского государства, неуклонно поглощавшего племенные княжения» (Котляр, 1995. С. 39), а последствия кризиса 941–945 гг. и временного отпадения «племенных княжений». Кстати, последнее предположение представляется более логичным с учетом большого разрыва между самими событиями и их фиксацией летописцами, для которых могла быть понятной сама зависимость (или независимость) того или иного «языка» от Руси, но не нюансы степени интеграции с нею.

65

Кстати, Е.А. Мельникова более тонко понимает их сложную взаимозависимость: вначале власть вождей создается в том числе и для перераспределения, но затем именно доступ к последнему становится главным способом укрепления их власти и постепенного ее перерастания во власть государственную (политическую) (Мельникова, 1995. С. 20–22). Частная же собственность не на *продукт* общественного производства, а на его *средства* – явление гораздо более позднее и связанное с формированием классовых отношений.

66

В этом В.В. Пузанов прав. Но он не прав, когда универсализирует и в диахронном, и в типологическо-синхростадиальном аспектах обязательную четырехчленную структуру «дофеодального» общества. Всегда одно-два звена этой структуры имели перевес над остальными, по ним и определялась конкретная форма государственности и этап государствогенеза.

67

Конечно, если исходить из интерпретации конкретного материала и следовать теории полилинейности развития (даже в марксизме признавалось три пути политогенеза, а не один, как у В.В. Пузанова).

68

Это абсолютно верно и в настоящее время является одним из важнейших направлений историографии (см.: Щавелев, 2007; Шинаков, 20086; Петрухин, 2008). Однако ошибка в том, что обосновывающие права той или иной династии, рода, социального слоя на власть создаются, отбираются и «кодифицируются» весьма поздно (уже на этапе ранней государственности) профессионалами от идеологии, в нашем случае – христианской. На ранних же этапах государствогенеза *сознательно* вырабатываемой идеологии нет, а есть использование «сакральных» механизмов (ритуал, харизма, мистическое «посредничество» и т. д.) постепенно институциализирующей и монополизирующей свою власть правящей верхушкой. Для этапа же «сложных вождеств», когда для некоторых путей государствогенеза действительно превалируют «военные» механизмы, в качестве перехода между чисто «сакральными» и «идеологическими» механизмами можно констатировать появление «героического», конкретно-«дружинного» эпоса. В нем прославляются сила, удача, богатство, щедрость, а связь с богами и сакральные качества героя отходят на второй план, если вообще не исчезают. В итоге нельзя так усредненно говорить о «мифологизации» и «идеологизации», считая появление мифов, записанных в летописях, синхронно отраженным в них реалиям (если они вообще есть).

69

Если не считать в качестве такового «допущение контаминации двух сходных названий – скандинавского, служившего одним из обозначений варяжских дружин, и южного, которое служило одним из названий территории или/и населения Среднего Поднепровья», предложенное В.А. Бримом (Горский, 2004. С. 46; Брим, 1923).

70

Кроме работ курских историков и археологов, с которыми автор знакомился в основном по причине совпадения «северянской» тематики локальных исследований, в силу чисто «технического» фактора (место работы), он пользуется случаем, чтобы упомянуть работы ученых

Брянской школы. Здесь рассматривались социальные основы государствогенеза (Поляков, 2002; 2005), атрибуты власти (Новожеев, 2006а, б), гендерный аспект (Полякова, 2005; 2006). На стыке последнего и максимально широкого компаративистского подхода (как части методологии политической антропологии) находится также статья автора о семейно-брачных механизмах государствогенеза (Шинаков, 2000в). Имеются и отдельные работы по правовым аспектам политогенеза (Пономарева, Шинаков, 2005).

71

Есть отрывочные сведения о славянах более ранних авторов, но не всегда ясно, о *каких* славянах идет речь, да и политической информации они не содержат (Калинина, 1994. С. 212–213).

72

Существуют и иные точки зрения о предшественнике писателей «1-й традиции» – «Анонимной записке», но тоже IX в. (Калинина, 1994. С. 221).

73

Подробную историографию вопроса см.: Новосельцев, 1965. С. 356–359. После выхода в свет этой книги появился еще ряд изданий, посвященных анализу восточных источников, например: Рыбаков, 1982. С. 172–235; Калинина, 1976; 1994; Новосельцев, 1982а. Из иностранных авторов следует отметить: Lewicki, 1977. Основная часть работы над источниками была проведена нами в 1986–1987 гг., и ее результаты частично опубликованы: Шинаков, 1987в; 1990а. Никаких существенных моментов, могущих служить основой для изменения основных выводов, с тех пор не появилось. Наиболее существенной публикацией (впрочем, преследующей совершенно иные цели) явилась статья Т.М. Калининой 1994 г. Небольшие работы, посвященные использованию части корпуса восточных источников для доказательства тех или иных исторических построений (с разной степенью новизны и доказательности), осуществлены Я.Е. Боровским и Ф.А. Андрощуком (Киев), А.А. Александровым (Псков), Т.М. Калининой и И.Г. Коноваловой (Москва),

А.С. Матвеевым (Санкт-Петербург) и опубликованы, соответственно, в 1988, 1991, 1997, 1998 и 1999 гг. Актуальность такого использования наиболее хронологически приближенных к описываемым реалиям и беспристрастных восточных источников доказывают переиздание и перевод книг, в которых либо отождествляются русы и славяне и излишне «завышается» уровень их государственности (Б.А. Рыбаков, Л.Н. Гумилев и др.), либо постулируется отсутствие у восточных славян до прихода русов даже элементов государственной организации (Р. Пайпс), а то и вообще их, славян, *физическое* отсутствие в Поднепровье, где пересекались границы руси-скандинавов, тюрок, балтов, финно-угров (М.Э. Аджи).

74

По А.П. Новосельцеву (Новосельцев, 1965), в эту группу входят Ибн Хордадбех (846–885), Ибн Русте (903–923), Гардизи (50-е гг. XI в.), анонимный автор «Собрания истории» (XI в.) и ал-Марвази (XI в. – первая четверть XII в.).

75

В данном вопросе мы опираемся на «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», а также на явные несовпадения описаний достоверно западных славян (Ибрагим Ибн Якуби и, возможно, ал-Масуди) и «славян» вообще (у авторов 1-й группы). Есть и другие мнения, они будут приведены нами ниже.

76

Здесь может быть выдвинуто возражение, что в данном случае имеются в виду славяне Дунайской Болгарии или Великой Моравии, но и те и другие до середины IX в. не имели, в отличие от восточных славян, зафиксированных контактов с русами, к тому же мораване были христианами, а не язычниками.

77

О Белой Хорватии и краковском князе говорит еще Маркварт (Marquart, 1903. S. 66), позднее о князе вислян и Белой Хорватии – Т. Левицкий (Lewicki, 1948. P. 26), о Великой Моравии и ее князе Святополке он же (из последних работ: Lewicki, 1977. P. 125), хотя ряд авторов и ранее (Westberg, 1898; 1899; Вестберг, 1908), и значительно позже (Kmietowicz, 1978. P. 181, 184) подчеркивали общеславянский характер титулатуры главы славян в восточных источниках.

78

Каких именно – карпатских (А.П. Новосельцев), «краковских» (Маркварт), западных (Хвольсон, Левицкий), балканских – не ясно из контекста. Термин «жупан» (если так понимать «суб.н. дж.») более характерен для южных славян, но нет гарантии, что он не зародился еще на карпатской прародине хорватов и *оттуда* попал на Адриатику.

79

Заметим, что указанное расстояние – лишний аргумент в пользу «заволжских» печенегов, ибо от северных границ «причерноморских» до *любых* восточнославянских южных рубежей *такого* расстояния не было никогда, а от южных и западных славян (через Подунавье) причерноморских печенегов отделяли венгры, в этой группе источников (кроме более поздних ал-Марвази и Гардизи) не упомянутые. Последнее, кстати, является дополнительным аргументом в пользу ранней датировки сведений, по крайней мере, Гардизи, так как только из Ателькузы, до переселения в Трансильванию и Паннонию, венгры могли нападать одновременно и на гузов, и на славян, и на русов. Константин Багрянородный для первой половины X в. указывает точное расстояние (один день пути) «от Росии» до печенежской «фемы» Харавои. С «подплатежными Росии местностями» (но, в строгом смысле, в нее не входящими), населенными «ультинами, дервлениянами, лензанинами», граничит уже другая «фема» – Иавдиертим (Константин Багрянородный, 1991. С. 157). Последние выдержки, по-видимому, еще более подкрепляют версию о том, что восточные источники однозначно имеют в виду печенегов до их переселения в Причерноморье на место венгров.

80

Косвенным доводом в пользу этого могут являться описания жилищ славян, в которых, вероятно, синтезируются данные и о землянках, и (но более смутно) о банях.

81

См. обряды в «чистый понедельник» Тодоровой недели, когда пекли хлебы-обереги – «змиурки»; на 1 марта (прыжки через костер оберегали от укуса змей), на 9 марта (День 40 мучеников с табуированием называния змей); на 25 марта (Благовещение) с обрядами изгнания змей и наделением головы убитой в этот день змеи целебными функциями; на Пасху («Великдень»), когда качание на качелях должно было предотвратить похищение девушек «змеем»; на 1 марта (День святого Еремия, называемый в некоторых частях Центральной Болгарии также «зъмски ден» – змеиный день), когда гремели у очага и отгоняли этим змей. И это только весенние праздники! Кстати, на День святого Власия – покровителя скотоводства (11 февраля) – никаких обрядов, связанных со змеями, не зафиксировано. В то же время В.Я. Петрухин считает змею атрибутом «хтонического» бога Волоса (языческого предшественника Власия), которому поклонялись новгородские словене (в отличие от киево-русского Перуна) (Петрухин, 2013. С. 267). Гибель Вещего Олега от змеи расценивается в этом контексте как месть Волоса за «измену» – перенос столицы Руси из Новгорода в Киев.

82

Из всей группы сравниваемых образов у Х-л-гв оказался максимально близкий к положительному значению коэффициент сопряженности (0,4) с такой реальной фигурой, как Олег Святославич II («Гориславич»). Возможно, их объединяют такие мотивы и сюжеты, как поход, поражение и месть, а также имплицитная контаминация образов с хазарами и Византией одновременно.

83

Первый вариант градации признаков и их значений чаще применяется в археологии (в том числе и нами), поскольку там предмет или иной артефакт либо есть, либо его нет (исключение составляет неясность вторичного источника – чаще всего отчета о раскопках или публикации). Второй более применим к письменным источникам с их объективной или субъективной тенденциозностью и избирательностью.

84

Игорь похода 941 г., по ПВЛ и Льву Диакону, не может быть «предводителем» аналогичного по контексту и также неудачного мероприятия (920 г., по НПЛ), о чем говорит фраза НПЛ «и посла Игорь» (НПЛ. Л. 30 об.) Зато, по тексту НПЛ, Игорь участвовал в следующей, совместной с Олегом и успешной, акции 922 г. против Византии (Там же).

85

О причинах выбора дат исследователями см.: Шинаков, 2003 в. С. 10–11.

86

На него, в частности, ссылается Снорри в указании числа (80) взятых Харальдом в «Стране сарацин» городов. Вряд ли случайным является точно такое же количество взятых Святославом болгарских городов на Дунае.

87

См. Грачев, Лебедев, 2015. С. 69; Лебедев, Стародубцев, 2014, 2016; Лебедев и др., 2019.

88

Относящегося к типу поселений вольных дружин со своим вождем и уставом, имеющим «двойную подчиненность» – князю вендов (скорее всего, ободритов) «Бурислейфу» и конунгу Дании Свейну Вилобородому (Щавелев, 1962. С. 17–18; Снорри Стурлусон, 1980. С. 119, 154).

89

О Т Р П (открытые торгово-ремесленные поселения) – тип поселений, впервые так обозначенный в работе Г.С. Лебедева и его учеников (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978. С. 139), позднее С.В. Белецким назван ВТРП (внеплеменные торгово-ремесленные поселения) (Белецкий, 1997а. С. 176).

90

См.: Джексон, 1994; Дубов, 1989; Лебедев, 19856; Кирпичников, 1985; Носов, 1990. С. 188–189.

91

См., например: Масленникова, 1982.

92

См.: Шинаков, 1980а; Моргунов, 1996; 1988; 1990; Довженок, 1968; Коринный, 1983; 1988.

93

Не всеми исследователями считается подлинным опольем Сосницкое, практически не входило в границы Древнерусского государства и Касимовское ополье.

94

Характеристику размещения населения подробнее см.: Шинаков, 1991а, б; 1996.

95

См.: Приймак, 1990; Краснов, 1987; Чернецов, 1976.

96

См.: Шинаков, Миненко, Сафронов, 1993; Гурьянов, Шинаков, 1994.

97

Имеются в виду «Белая», или Карпатская, Хорватия, а также Волынь и отчасти – земля древлян.

98

Как правило, в односоставных государствах (монархиях или там, где есть один господствующий этнозавоеватель, то есть тип корпоративно-эксплуататорского государства) правитель сакрализуется и обосновывается его «небесное происхождение» (впрочем, как, например, в Бенине и Хазарии, только для подданных, но не для правящей элиты).

99

Естественно, с известной долей модернизации. Имеется в виду противопоставление совета старейшин как представителя геронтократии и вождя как олицетворения военных кругов.

100

В фольклорно-этнографических материалах эта специфика прослеживается и в настоящее время. Так, праздник Радуница, хотя и встречается во многих районах соседних Брянской и Гомельской областей, все же является обязательным атрибутом календарно-праздничных обрядов лишь в тех из них, где ранее проживали радимичи.

101

Значение города как центра потестарной организации было так велико, что заменило старое племенное название «кривичи» на новое, производное от топонима («полочане», то есть жители Полоцка и его округа, см.: Хабургаев, 1979. С. 117).

102

«Одно место, называемое Ромове… в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали как папу, ибо как господин папа правит Вселенской церковью христиан, так и по его воле и повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины, и прочие народы земли Ливонской» (Петр из Дуйсбурга, 1997. С. 51).

103

Даты даются условные: как известно, сопоставление с иностранными источниками (сочинениями патриарха Фотия и «Житием св. Ансгария» Римберта) и с датой восшествия на престол Михаила III (852 г. вместо 843 г.) позволяет удревнить эти события на 6–9 лет.

104

Впрочем, позднее Л.А. Голубева указывала на существование в конце VIII – середине X в. на Белом озере ремесленно-торгового

поселения веси Крутик, предшественника летописного Белоозера (Голубева, 1991. С. 149).

105

Или на Белом озере (Шрамм, 1994. С. 145–150), или в юго-восточном Приладожье (по Н.И. Платоновой, по Г.С. Лебедеву и Г.В. Глазыриной – либо «Городище» на Сясе, либо Олонец) помещается известная из саг (скорее всего, для X в.) скандинавская колония Ал аборт (Глазырина, Джаксон, 1987. С. 162–165).

106

А.Е. Леонтьев, вслед за Б.А. Рыбаковым, связывает эту территорию «с предполагаемыми областями славянских „малых племен“» (Леонтьев, 1985. С. 27; 1984. С. 29). Однако она сопоставима и с типичными для Руси размерами городовой волости, образующей 20-километровую зону вокруг города, чтобы жители его округи могли за один день съездить в город и вернуться (Дегтярев, 1982; Чубур, 2023). Очень четко это прослеживается в тех волостях, которые имеют выраженные природно-хозяйственные границы. Так, Стародубская волость, совпадающая с одноименным опольем (Шинаков, 1990в), имеет размеры 30 х 16 км, причем ее «столица» так же, как и Сарское, находится не в центре волости, а на одной из окраин (Шишков, Ющенко, 1995; Гурьянов, Шинаков, 1998). Сопоставимы эти размеры и с сельской округой тех земледельческих, с сильным влиянием международной торговли, городов-государств, которые имеют ярко выраженные антропогеннноприродные (оазисные) границы: Мари (40 х 15 км), Дамаск (25 х 16 км).

107

В основе этой диахронной классификации лежат не столько археологические, сколько историко-нумизматические данные, однако она во многом совпадает с одной из последних, сделанной по комплексу археологических признаков, периодизаций ромейской культуры В.В. Приймака: конец VIII – начало IX в.; середина IX – середина X в.; середина X – начало XI в. (Приймак, 1997а. С. 9–10).

108

Из сравнительно новых интерпретаций зарубинецкой культуры следует отметить отнесение ее к германцам-росомонам (Уманец, Шевченко, 1992), либо бастарнам (Лебедев, 1989. С. 114; Щукин, 1999), либо роксоланам-сарматам (Русанова, 1976. С. 112), либо особым, промежуточным между славянами и западными балтами, народам (Седов, 1979. С. 76), сложившимся на поморской базе.

109

Не исключена, впрочем, и герульская принадлежность германских артефактов (в том числе пальчатых фибул) западномазурской группы. В начале VI в. «герулы были побеждены в бою с лангобардами» и часть из них «обосновалась на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего последовательно прошли через славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов» (Прокопий из Кесарии, 1950. С. 209).

110

П.П. Толочко минимизирует политическое влияние Хазарии, ограничивая его лишь внешними атрибутами власти (титул) и отчасти формой правления («дуумвират»), и относит его к весьма гипотетичной восточнославянской державе «Русская земля» начала IX в. (Толочко, 1993. С. 6). Однако эти выкладки проходят совсем в иной плоскости и исходят из иных посылок, чем у нас. Под вопрос можно поставить, только мог ли глава предполагаемого северяно-вятичского, отчасти и радимичского протогосударства (если у него вообще был единый правитель) носить титул «каган», но то, что оно явно не было «русским», это очевидно.

111

Существует предположение, что во время кризиса Каганата и вторжения печенегов, на рубеже IX–X вв., значительные массы алано-болгар отступили в вятичские леса (Винников, 1984; Плетнева, 1989; Петрухин, 19956).

112

Используются данные о зонах материальной культуры (декор наличников, рушников, костюм – А.Н. Проскоченко, А.М. Дубровский) и диалектном членении Брянской области и сопредельных зон Украины (Батожок, 1986).

113

Микрорегион (ополье, предополье, предполесье, лесной массив в лесостепи и т. д.) по своим размерам (обычно несколько сот квадратных километров) в археологическом плане совпадает с группой концентрации памятников (Шинаков, 1980а, в), в потестарном – с племенем и городовой волостью. Гнезда поселений внутри его (или отдельные комплексы, например, для «Восточных территорий»: Шинаков, 1991а) могут соответствовать «миру» или погосту. Набор же микрорегионов-волостей может быть самым различным и меняться, как в мозаике.

114

Есть и иная точка зрения по данному вопросу: об отсутствии контаминации этнополитических и ландшафтно-географических границ (на примере Белоруссии см.: Булкин, Герд, 1989).

115

Возможен, но вряд ли вероятен и иной вариант: расселение радимичей в Посожье из восточной части их территорий через Гомий, под давлением хазар, а затем русов.

116

Б.А. Тимощук имеет о них другое мнение, связывая их с культовыми функциями (Тимощук, 1995. С. 36–37), хотя он же приводит сведения немецких источников о разном использовании длинных домов – «контин»: как места хранения собранных податей, казны общины и князя, места пиров и совещаний. Поэтому в оценке Зимно мы ближе к точке зрения его исследователя В.В. Аулиха (Аулхх, 1972), чем некоторых интерпретаторов этого памятника как общинного городища-убежища.

117

Возможно, однако, что древлянские послы имели в виду просто предшественников Мала на древлянском княжеском столе.

118

Применение коэффициента сопряженности позволяет подойти к анализу материала летописей более непредвзято, хотя одновременно и более формализованно.

119

На основе по преимуществу данных ПВЛ о кривичах.

120

В основном по материалам археологии для белых хорватов: его обобщающие экскурсы более «вторичны» и менее убедительны.

121

Из последних работ, где приводится историография этого вопроса с разных позиций, см.: Назаренко, 2010. С. 19–20; Петрухин, 2011. С. 101–102; 2013. С. 126–128.

122

Здесь явно имеется в виду один из вариантов этимологии слова «рос», восходящий к имени князя Рош северных народов Гог и Магог, составлявших воинство сатаны, угрожающее «священному граду» (из Книги пророка Иезекииля).

123

Но не обязательно независимы вообще. Вятичи платили дань хазарам (ПСРЛ. Т. 2. Л. 8 об.), белые хорваты, имея собственного «архонта» (князя) (Константин Багрянородный, 1991. С. 131), могли входить в состав древнечешского государства, а волыняне («лендезяне» Константина Багрянородного, см. ком. 15 к гл. 37 – Там же. С. 390; Wasi-lewski, 1976. S. 181–187) – в состав одного из польских племенных объединений (Lowmianski, 1953. S. 112–114). Впрочем, отождествление волынян и лендезян достаточно спорно (Константин Багрянородный, 1991. С. 390; а также: Horak, 1956. P. 3); кроме того, ПВЛ не упоминает волынян как данников руси, славиния же «лендзаниан» – безусловный «пактиот» «Росии» (Константин Багрянородный, 1991. С. 46) или ее «подплатежная местность» (Там же. С. 187). В то же время неясно, почему общеславянский корень («необработанное поле») (Там же. С. 316) может относиться только к польским полянам (полякам) (Там же. С. 316) или даже «происходящим от ляхов» восточнославянским радимичам (Ильинский, 1926. С. 314–319), а не к днепровским полянам? Ведь именно их земли находятся между древлянами, уличами и печенегами, как следует из гл. 37 сочинения Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1991. С. 157, 390). Тем более что отдельно полян этот автор не упоминает вообще.

124

К моменту вторичного занятия Киева «русь» состояла уже не только из варягов, но и из словен и «прочих». В 907 г. во время похода Олега на Царьград русь отделяется и от варягов, и от словен. Такое же четкое деление существует и более чем через 100 лет – в «Правде Ярослава». Таким образом, в состав руси, осевшей в земле полян, вошли только те варяги и словене, которые пришли с Олегом в 882 г. или попали туда еще раньше с Аскольдом и Диром. Поляне же после фразы ПВЛ: «поляне, яже ныне зовомая русь» (ПСРЛ. Т. 2;Т. 1.Л. 9), данной под 898 г., упоминаются последний раз во время похода Игоря 944 г. (ПСРЛ. Т. 2. Л. 18; Т. 1. Л. 10 об.). Возможно, упоминает полян отдельно от русов под именем лендзанианов Константин Багрянородный.

125

Подробнее об этом см.: Константин Багрянородный, 1991. С. 308–310.

126

Особенно здесь важно свидетельство Гардизи об участии в сборе дани «100–200 из них» (Новосельцев, 1965. С. 400).

127

Слово «пактиот» может означать и данника, и союзника (Константин Багрянородный, 1991. С. 316).

128

О существовании договорных отношений между восточными славянами и скандинавами упоминают несколько исследователей (Свердлов, 1988; Янин, Алешковский, 1971. С. 32–33; Тимощук, 1990а. С. 26, 79).

129

Характерно, что после смерти Олега древляне «обратившася» на Игоря, и тому пришлось покорять их заново (ПСРЛ. Т. 2. Л. 1 об.).

130

Крымский А.Е. «Эджаиб эт тебоат». Наиболее известные сведения классифицированных сборников. Перевод и комментарий // Центральная научная библиотека АН Украины. Отдел рукописей. Ф. 36, 1.

131

Указание на «восток» от реки не может считаться обязательным, и не потому, что само сообщение – легендарно, а в связи с неточностью определений стран света в географических сочинениях того времени. В частности, даже у Константина VII в гл. 13 под востоком следует понимать реальный юг (Константин Багрянородный, 1991. С. 53).

132

1[35] Ар-Рус (ал-Маджус ар-Рус 844 г., ар-Русийа Ибн Русте и т. д.) могло превратиться в арабо-хазарской трактовке в «Арсу», то есть объединяющее начало и для «Славы», и для «Куйябы». Сами скандинавы, столкнувшись на рубеже VIII–IX вв. заново со своей мифической прародиной – «страной Асов», ризенготов, часть которых еще уцелела в горах Крыма (Эски-Кермен?), могли для хазар и мусульман отождествить себя с «арсами», «асиями» (подданными кагана) через сложное психологическое посредство арабского звучания своего собственного наименования. После этого появляется вторичное отождествление русов и Арису, русов и ассиев у хазар. Иосиф, перечисляя подданных и соседей хазар, не называет русов в целом, но упоминает их «вид» по восточным источникам 2-й традиции – Арису (Коковцов, 1996. С. 594). Аноним «Документа Шехтера» в списке врагов Хазарии при Вениамине не упоминает русов, хотя по ПВЛ они таковыми являлись. Впрочем, имеется «царь Асии», который не мог быть правителем алан (асов, ясов), так как они упоминаются отдельно, как

друзья и спасители, а не враги Хазарии. Вряд ли это могли быть гузы, так как в конце IX в. они были еще отделены от хазар печенегами; возможно, «Асия» этого времени тождественна «Русии» времен Иосифа в том же письме. В этой связи, не столь уж нелепо связать народ соседа и победителя аланов по «Книге Иосиппон» (Там же. С. 620–621) как с Археймом и Асгардом, размещенными мифологическим сознанием на территории Каганата, так и с вдруг всплывшим «книжным» названием страны хазар – «Ар-к-нус» (Там же. С. 615), то есть «Арса» (Арису, Асии), – просто более древнее название русов на Востоке, восходящее этимологически к «ар-рус» и ассоциируемое с мифической древней прародиной русов.

133

В данном случае наблюдается некоторое противоречие с выдвинутой нами концепцией, что Артания – мифическая страна асов или промежуточная «родина» готов. Более, казалось бы, ей соответствует понимание «острова русов» как «абстрактной территории», места деятельности человека вообще, Мидгарда, окруженного (в данном случае для Восточной Европы) враждебным иноплеменным миром (Андрощук, 1991а. С. 6). Однако Арсания (Артания) восточных источников, судя по хазарским данным, все же реальность IX–X вв., название которой восходит к действительно легендарным (хотя полностью ли?) Асгарду и Архейму.

134

То, что сама терминология возникла, скорее всего, под византийским (а через него – античным) влиянием, не меняет сути явления.

135

Такие археологически фиксируемые «пары», как Шестовицы – Чернигов, Левенка – Стародуб, Кветунь – Трубчевск, возникают не ранее середины X в., имеют иное социально-этнополитическое содержание и относятся к следующему этапу государствообразования (периоду «государственного освоения» племенных территорий).

136

Предварительно, исходя только из вышеперечисленных источников, понимаемых буквально, данный термин наиболее точно отражает специфику организма, который в этих источниках фигурирует под названиями «русы», «русь», «росы». На это обратили внимание еще в 70-х гг. XIX в. некоторые исследователи (Куник, Розен, 1878. С. 112; Ламбин, 1874. С. 234, 238).

137

Хотя, судя по НПЛ, они были также еще до призвания руси (НПЛ. Л. 29 об.).

138

Это вполне естественно, если основным принципом выделения «русов», «руси», «росов» среди иных общностей является социальный, а не этнический. Так, Ибн Фадлан упоминает о социальной (по знатности, «родовитости») и имущественной стратификации внутри русов, что, впрочем, естественно при явно господствующей у них, в отличие от «славян», частной собственности.

139

Другие механизмы: присвоение одаля (юридический тип) и раздел общегосударственных податей со знатью и должностными лицами (плутократический тип) (Снорри Стурлусон, 1980. С. 44).

140

«А наши князи добры суть, иже распасли Деревьскую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 22).

141

Достаточно обоснованные анализом «византийской стороны» договоров сомнения в том, что имело место установление выгодных для Руси условий торговли с Византией, а не регулярной дани с последней, высказал специалист по этой стране Г.Л. Курбатов: «Только от государства, в форме дани-контрибуции или откупа (Сахаров, 1978. С. 114), а не по каналам „частной торговли“ русы (и болгары) могли... в значительных размерах получать наиболее ценные товары, драгоценные изделия и ткани» (Курбатов, 1988. С. 226).

142

Либо просто наемники, участвовавшие в походах помимо государственных структур.

143

Именно это, вероятно, имел в виду Карамзин, когда говорил о том, что государство Олега держалось на постоянных внешних успехах (Карамзин, 1989. С. 108); в противном случае «русская» надстройка над «славянскими» протогосударствами в ту эпоху становилась для последних просто ненужной.

144

В марксистской терминологии; «стратовую» – в политике-антропологической.

145

«Он (конунг Хальфдан) вводил законы, соблюдал их сам и заставлял других соблюдать их, так что никто не мог пойти против законов» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 41).

146

«Он сам установил размеры виры в соответствии с происхождением и достоинством каждого» (Там же).

147

«Харальд конунг настолько увеличил дани и подати (с богатых и бедных бондов), что у ярлов было теперь больше богатства, чем раньше у конунгов. Когда все это стало известно в Трандхейме, многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми» (Там же. С. 44).

148

А.Я. Гуревич считает, что авторы «королевских саг» переносили черты исландского общества конца XII – начала XIII в. на Норвегию IX–XII вв. (Гуревич, 1977. С. 213).

149

В терминах потестарно-политической этнографии можно подобного рода способ получения средств самообеспечения отнести скорее к экзо–, чем эндоэксплуатации, что особенно характерно не для «вождеств», не для ранней государственности, а именно для переходного периода между ними. Описанный Ибн Русте и его 1-й традицией «объезд» «главой глав» славян своего народа более соответствует либо реципрокности, либо эндоэксплуатации (Материалы… 1985. С. 294).

150

Подробные расценки на этот вид товара на Севере Европы, в Византии и на Востоке приводятся: Лебедев, 19856. С. 144–145; Херрманн, 1986. С. 80. Впрочем, цифры в этих работах несколько

расходятся, но то, что работорговля давала сотни процентов прибыли, сомнения не вызывает.

151

О них подробнее см.: Мельникова, 1979.

152

Осторожность в этом вопросе диктуется, прежде всего, восточными данными о «Валинане» (ал-Масуди) и Хордабе (1-я традиция).

153

Впрочем, НПЛ (а значит, и «Начальный свод») подразумевает под «русью», пришедшей в Киев, только «мужей Варягов и Словен» (вариант: Варягов и мужей Словен) (НПЛ. Л. 30). «Прочие» же лишь «оттоле прозвашася Русью» (Там же).

154

Эта цифра обоснована не только ПВЛ, но и византийскими источниками, откуда, вероятно, и попала на Русь (Лев Диакон, 1988. С. 87). Есть данные и о 1000 кораблей.

155

Их нет в статье 921–922 гг. НПЛ, то есть в «Начальном своде», как, впрочем, и таких «северных» племен, как чудь и меря (ПСРЛ. Т. 5. Л. 14).

156

В этой связи автор вынужден констатировать некоторое изменение своих взглядов 1990–1993 гг., высказанных в наиболее полном виде в книге 1995 г., на состав русского войска при князе Олеге, основывавшихся, прежде всего, на буквальном понимании статьи 907 г. ПВЛ.

157

Если не считать высказывания Ибн Хордадбеха о том, что «русские купцы – вид славян» (Новосельцев, 1965. С. 887).

158

В отличие, скажем, от Болгарии, где славянский и протоболгарский уровни власти были объединены общей для них внешнеполитической функцией – борьбой с Византией, а с IX в. славянскую знать допустили в высший эшелон власти, потеснив протоболгарских военных аристократов.

159

Горналь, Супруты, Кветунь, возможно, Липовое, Зеленый Гай, Гочево.

160

Из трех возможных прототипов ярла Скули подходит лишь сын ярла Оркнейских островов Торфинна Раскалывателя Черепов, который мог покинуть отцовские владения после их временного захвата сыновьями Эйрика Кровавая Секира во время соправления последнего с Хаконом Добрым (то есть в конце 40-х – начале 50-х гг. X в.) (Снорри Стурлусон, 1980. С. 70). Два других Скули подходят меньше. Один был скальдом при ярле Эйрике, участником и очевидцем сражения при Свелде в 1000 г. со стороны победителей (Там же. С. 162, 647). Биография второго – сподвижника и воспитателя Олава Тихого, и его владения в центре Норвегии слишком хорошо известны (Там же. С. 461–562), чтобы

оставить место для правления Алаборгом в «Восточных странах». Это было возможно лишь в конце 30-х – начале 40-х гг. XI в., когда покровитель Скули – Харальд Суровый – пребывал на Руси и в Византии, но имя «конунга Ярицлейва» в «Саге о Хальфдане...» не упоминается, да и вряд ли была возможна война между правителями двух русских городов в период расцвета правления Ярослава. Кроме того, «Сага об Олаве Святом» называет имена ярлов Альдейгьюборга того времени – это отнюдь не Хергенер Эйстейн и Ульвкелль (Древнерусские города... 1987. С. 162–163).

161

Это фактически первое упоминание о дифференциации внутри дружины-«руси». Если «мужей» логично сопоставлять с будущими «боярами» (ретроспективно этот термин употребляется и в договорах с греками), то «отроки» появляются впервые. Терминологически они, возможно, происходят от греческого слова, означавшего юных слуг-воинов, составлявших личную гвардию военачальников (Анна Комнина, 1996. С. 217, 537); гносеологически они восходят к возрастно-ролевой дифференциации первобытно-родового общества. Что же касается реального содержания данного понятия применительно к Руси середины X в., то ближайшую аналогию, вероятно, можно найти в синхростадиальной Скандинавии эпохи зарождения королевских дружин. Это «гости» – «слуги короля, которые получали вдвое меньше, чем дружинники, то есть его телохранители. Гости... использовались в основном как посланцы для выполнения разных опасных и неприятных поручений» (Стеблин-Каменский, 1980. С. 649). О численности и соотношении частей русской великокняжеской дружины нет никаких данных. Для сравнения: конунг Норвегии Олав Святой имел 60 дружинников и 30 «гостей»; Олав Тихий (наследник Харальда Сурового) – 120 дружинников и 60 «гостей», но последнее количество считалось слишком большим в сравнении с «законом» и традициями предшественников (Снорри Стурлусон, 1980. С. 196, 465).

162

Подробнее о «волчьей символике» князя и дружины см.: Петрухин, 1995а. С. 148–150. Отметим только не упомянутую здесь этимологию слова «варяг», по В.Н. Татищеву, истине напрямую не соответствующую, но подметившую некоторую общую тенденцию в

этнонимии воинственных скандинавов и тюрок. «Что же до шведов касается, то они сами утверждают, еже варги и варгионы называны, что на древнем готическом языке значит волк» (у Петрухина приводится другое – исландское vargr – «волк, изгой», сопоставимое со славянским «враг» (Петрухин, 1995а. С. 148–149) или, образно, разбойник), «понеже они разбоями на море славны были… равно сему в татарах башкурт… то же самое значит главные волки. У турок народ близ Вавилона також для многого воровства названы курты, или волки» (Татищев, 1979. С. 205). О тюрко-монгольской этимологии данного названия, о его связи, скорее всего, не с этническими, а социальными характеристиками говорит Л.Н. Гумилев: «Хан по его свойствам есть волк» (Гумилев, 1993а. С. 21–24). Тюрки делятся на просто «кочевников» и «волков» (дружинников, отборных воинов) (Бичурин, 1960. С. 237, 290). От кого – варягов или хазар, чей правящий род Ашина также восходит к волку, перешло данное сравнение на русского князя-кагана, не суть важно. Значимо само по себе восприятие его и «руси» в целом со стороны «славиний», даже их правящей верхушки.

163

Имеется в виду система, в которой отсутствуют обрезанные в кружок дирхемы и, по большей части, подражания.

164

Абсолютно аналогично складывались отношения Поморской торгово-городовой «аристократической» конфедерации с князем и его дружиной, для «кормления» которых был выделен округ в Камно и Узнаме, на завоеванной земле лютичей (Ронин, Флоря, 1991. С. 130–131). Впрочем, точный юридический статус этих земель также не известен: мог ли князь сохранить их в своей собственности, если уходил со службы «конфедерации»? Другое дело, что по Луге находилась значительная часть земель води, «роды» которой явно не входили в число основателей гипотетичной (Носов, 1990. С. 189) «Северной» и «славяно-финской конфедерации».

165

Так, в 1333 г. Наримант-Глеб получил Ладогу, Орешек, Корелу с землей, половину Копорья в «отчину и дедину» (Соловьев, 1988. С. 229). С учетом того, что Орешек был построен незадолго до этих событий, а указанные пункты имели статус «пригородов», речь здесь вряд ли может идти о какой-то освященной традицией княжеской собственности или «домене». Это – «кормление». Ясно это проявилось в 1383 г., когда вече и даровало, и отнимало города у Патрикия Наримантовича, да еще при обязательном условии: договорной грамоте. Во всех случаях фигурирует Ладога, в одном – Орехов, Корела и опять половина Копорья обменены вечем, по жалобам жителей последних, на другие, но тоже пограничные территории: Русу и «наровский берег» (Там же. С. 228). Впрочем, переносить юридическую практику эпохи расцвета республиканского строя в Новгороде (XIV в.) на реалии X в. вряд ли правомочно. Важно в этих текстах другое: наряду с пограничными, в том числе новыми, «пригородами» и землями, упоминается Лузское село, то есть безусловно частновладельческое поселение на р. Луга, откуда Ольга еще могла получать «оброки».

166

Аналогично «черный бор» в Орду («цесарев выход») выплачивался за всю Новгородскую республику лишь с некоторых окраинных, в основном ее составных частей (Новоторжская волость, Вычегда, Печора). Они исключались из системы сбора государственных податей в пользу Новгорода, в частности «„поралья посадника и тысячкого“, составляющих основу финансов боярской республики» (Янин, 1983. С. 107). По мнению ученого, выбор именно Торжка диктовался отчасти «правом завоевания» – только он подвергся татарскому нашествию (Там же. С. 106). Увеличение числа податных Орде через Москву территорий юридически увязано Иваном Калитой в 1333 г. с ростом размеров владений Новгорода на Севере (Там же). С граждан самого Новгорода, где бы они ни жили, «черный бор» не брался (Там же. С. 107). С «колониальных» окраин право сбора ненужной самому Новгороду дани

167

«Древлянский пример» лишний раз доказывает неидентичность «Росии» как территориального воплощения главного территориального

ядра «двухуровневого», отчасти переходного от него к «дружинному», сложносоставного государства середины и третьей четверти X в., и «Русской земли», «Руси» в узком смысле слова. Последняя, по данным северных летописей конца XII – начала XIII в., ассоциировалась с Южной Русью в целом (Киев, Чернигов, Переславль), а более компетентные (но и имеющие в виду чуть более поздние явления) южные источники отождествляют ее только с Киевской землей (Флоря, 1993. С. 44–46). Киевская земля по традиции воспринималась коллективным совладением рода Рюриковичей, не имеющим постоянной династии. Киевское же княжество включало в себя всю бывшую землю древлян (Рычка, 1988), что косвенно свидетельствует об изначально (с реформ Ольги) «домениальном» для Киева характере этой земли; исключения же могли быть при Олеге Святославиче (970–977 гг.) и Святославе Владимировиче (1015 г.). Об условности границ «Русской земли» говорит хотя бы их разное понимание северными и южными летописцами. В любом случае в нее в качестве обязательного ядра входила бывшая земля древлян, ни в коем случае к «Росии» не относившаяся. В этой связи представляется преждевременным вывод о существовании в X–XI вв. большого Туровского княжества, включавшего земли не только дреговичей, но и волынян и древлян – наследника их племенного союза (Милютенко, 1990. С. 174–175). Во-первых, город «в Деревех» упоминается – это Вручий, а не Туров; во-вторых, ни дреговичи, ни Волынь в состав «Русской земли» XII в. не включались, а последняя являлась понятием скорее традиционно-идеологическим, чем реально – политическим; в-третьих, если исключить землю древлян, то после обретения Черниговом и Переславлем собственных «столов» для «столичного округа» в середине XI в., по сути, не остается места.

168

По скандинавским аналогам, для этого существовало два типа правовых оснований. Первое – приобретение разными путями (покупка, дарение, постройка и заселение) княжеских усадеб (хусабю, сел, некоторых «гардов» и градов). Второе – «присвоение одаля», по сути – верховных прав на землю, начатое Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии (Снорри Стурлусон, 1980. С. 44), с попятным движением – «возвратом одаля» после его смерти (Там же. С. 67), завершенное Олавом Святым образованием «одаля короля» (Гуревич, 1977). Последнее позволило собирать дань не как следствие завоеваний «чужих» земель и не как добровольный дар, а как ренту-налог, своеобразную эманацию власти-собственности, характерной либо для

ранних, либо для «восточных» государств. О том, какое значение придавали потере одаля бонды, говорит единогласное избрание ими Хакона Доброго в обмен на «обещание вернуть им в собственность их отчизны» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 67).

169

Данный регион вообще дает поразительное количество этнонимических пар и хоронимов, совпадающих с польскими и чешскими. Волынь (волыняне) – Волин (велундзяне), «пактиоты» Руси лендзяне, помещаемые где-то в бассейне Припяти, чье имя «фактически тождественно самоназванию поляков» (Мельникова, Петрухин, 19916. С. 316), лучане – Луцк, чешские и восточнославянские (?) дулебы (дудлебы) и хорваты. Совпадения могут быть случайными, связанными с законами создания славянских этнонимов или расселением из единой прародины, но могут оказаться связанными и с политической ситуацией конца IX в. (гегемония Великой Моравии) либо середины и второй половины X в. (борьба Чехии, Польши, Руси за политическое влияние в этих землях), и с этими миграциями, в том числе «искусственными».

170

Составленное с литературно-назидательными, а не хроникально-историческими целями сказание о мести княгини Ольги вряд ли можно использовать для категоричных политико-правовых реконструкций (столкновение «родоплеменного и государственного права»). Представляется вряд ли очевидным из текста сказания признание Ольгой правомочности действий древлян против нарушившего «пакт» ее мужа (Петрухин, 1995а. С. 150). Как показали дальнейшие события, «ласковый» вначале прием древлянских посольств был лишь тактическим ходом проигравшей и временно слабейшей стороны, помышляющей о реванше. Вполне возможно, что она ожидала подхода северных дружин Асмуда и Святослава, чтобы начать решительные действия. Обвинять Ольгу в излишнем языческом мистицизме, приверженности к исключительно правовым механизмам урегулирования конфликтов вряд ли позволяют источники. В связи с этим, не рассматривая специально вопрос о «местах» и «знамениях» Ольги «по всей земле», мы склонны усматривать их происхождение

скорее в экономическо-правовой, чем в ритуально-мистической сфере (Фроянов, 1996. С. 431–434).

171

Причина этого – традиционное для кочевников поголовное уничтожение знати враждебных родов (а иногда и «благородных родов» целиком) в борьбе за власть. Отношение к князьям-вождям «славиний» было иным: их чаще переселяли или изгоняли из страны. Достаточно мягкие меры протоболгарских ханов по отношению к населению даже мятежных «славиний» диктовались долговременным курсом на интеграцию двух этносов и уровней власти, а не на искусственную изоляцию «верхнего», пусть и сопровождаемого сохранением его привилегий. В Болгарии этот процесс начался с введения общего государственного права, затем последовала замена племенного деления территориальным, и в финале было введение общей религии – христианства. В результате и последовали решительные меры Бориса I, опиравшегося на славянское большинство, против протоболгарской аристократической оппозиции христианизации в 865 г.

172

Так, еще в 763 г. свыше 200 000 славян из Македонии было переселено в Малую Азию (Дашков, 1996. С. 135), взамен сюда направляли переселенцев из разных фем (История Болгарии, 1987. С. 50–51). После покорения Болгарии «наиболее видные из них (вельмож), прежде всего представители свергнутой династии, были переселены в Малую Азию, в армянские фемы, где получили поместья, военные и гражданские посты. Туда же были переброшены наиболее боеспособные части уцелевшего болгарского войска» (Там же. С. 99). На их место переселялись не только крестьяне из других фем и пленные кочевники, но и военная знать, получавшая в новой провинции империи земли на правах условного военного держания (прении), впервые введенного при Комнинах именно на вновь завоеванных землях (по примеру более ранних германских королей, отводивших рыцарям лены в покоренных землях, составивших королевский домен) (Там же. С. 102–103, 117). Характерно отсутствие сведений о насильственном крещении и преследованиях за языческие обряды (в отличие от Карла Великого в Саксонии, Олава Святого в Норвегии или

меченосцев, тевтонских рыцарей и некоторых польских князей в Прибалтике и Пруссии). Жестоким наказаниям подвергались лишь греки-предатели (христиане-ренегаты) (Дашков, 1996. С. 135) или еретики-павликиане, заключившие союз с мусульманами (Там же. С. 156, 158). «Простых» же павликиан Иоанн Цимисхий просто переселил во Фракию, «во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их» (Анна Комнина, 1996. С. 395). Использовали (правда, не столь удачно) византийский опыт и болгары. Потомки 10 000 пленных жителей Адрианополя, переселенные в 813 г. на левый берег Дуная с целью его охраны, организовали в 838 г. вооруженное восстание против болгар и были доставлены в Византию на кораблях ее военного флота.

173

Если принять версию Снорри, что Харальд крестился во время перемирия с Оттоном II (Снорри Стурлусон, 1980. С. 114), последнее вполне вероятно.

174

Эта дата, впрочем, оспаривается, и называются 860-е гг. (Стеблин-Каменский, 1980. С. 645; Ресдаль, 1986. С. 135).

175

Снорри Стурлусон в доказательство этого приводит драпу фактического современника и Олава, и Владимира – Халльфреда Трудного Скальда (867–1007), принявшего христианство и ставшего дружинником Олава, тогда уже конунга Норвегии и христианина (Снорри Стурлусон, 1980. С. 149, 644).

176

Правда, нужно учитывать возможность переноса Снорри Стурлусоном на эти события исландских реалий XIII в.

177

«Она унаследовала его державу… С тех пор как он (муж) умер, я (Гюда) правлю державой» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 117).

178

Имеется в виду «Росия» (по крайней мере, ее киевская часть), часть «внешней Росии» с Новгородом и «завоеванная» заново благодаря мятежу земля древлян.

179

Не менее вероятно (или невероятно) предположение о его нахождении до начала 60-х гг. в Левобережной Росии, на городище Коровель под Черниговом, например, вместе с воеводой Претичем. Возможным военно-политическим соседом здесь мог быть Каганат, восстановивший после похода Песаха свою власть над северянами и вятичами, либо гипотетичное протогосударственное объединение этих племен (Шинаков, Григорьев, 1990).

180

В качестве единственного внешнего источника дохода возможна лишь плата Романа II за присланный военный отряд, но только если эта помощь носила организованно «государственный» характер, и именно со стороны «правительства Ольги», а не иного «русского князя».

181

В этой связи уместно напомнить одну из интерпретаций этнонима «Лузния» – «Лудагана» (по еврейско-хазарскому Анониму и ал-Масуди) – ладожане (Коковцов, 1996. С. 615, 622). В этом случае гораздо более объясним маршрут походов русов – по Волге, с севера. Есть, впрочем, и иные объяснения «странности» маршрута – обход Святославом владений черниговских суверенов (Новик, Шевченко, 1995. С. 97). Однако как раз о пути похода 965 г., то есть безусловно Святослава, нет точных свидетельств. Можно предложить даже не в качестве гипотезы, а своеобразной «игры ума» и третий вариант интерпретации: поход черниговских русов в 969 г. на Хазарию состоялся кружным путем, минуя захваченный в 965 г. Святославом Саркел – Белую Вежу на Донском пути и ставшие в 968 г. враждебными печенежские степи.

182

Исключение составляют Посемье и Среднее Подесенье – стык «Росии», земель радимичей, северян, вятичей и кривичей. Однако этот ареал обрезанных в кружок дирхемов, составлявших основу особой денежно-весовой системы, на Киев и Чернигов («Росию» вообще) не распространялся (Янин, 1956. С. 142, 180; Куза, 1981; Фомин, 1985; 19886. С. 76–77; Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, 1986а; 19906; Шинаков, Зайцев, 1993).

183

Косвенно о таком восприятии завоевателями росами болгар говорит и фраза Иоанна Цимисхия, будто бы сказанная им для успокоения последних после взятия Преслава: «(Я) прибыл не для того, чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить» (Скилица, 1988. С. 125–126).

184

Об этом единодушно свидетельствуют и Лев Диакон, и Скилица, утверждая, что Борис был именно «захвачен» (а не освобожден) ромеями с женой и детьми, и был он «украшен знаками царской власти» (Лев Диакон, 1988. С. 72; Скилица, 1988. С. 125).

185

Кстати, именно с такими странами (Венгрией и Чехией) отмечают прямые контакты Святослава во время пребывания последнего на Балканах. Это не только участие венгерской конницы в его войнах с «греками», но и получение чешского серебра и венгерских коней (ПСРЛ. Т. 1. Л. 20 об.).

186

Последний, впрочем, обосновавшись в Англии, тратил «данегельд» на свой двор и дружину, в которую входили не только скандинавы, но и часть англосаксонских тэнов в самой Англии.

187

Однако мы вряд ли можем согласиться со второй частью статьи этого автора 1995 г. – историко-интерпретационной: в том, то, что столица Болгарии – Преслав – стала известна русским летописцам лишь в XV в. (Перхавко, 1995. С. 174), что Анна Комнина путала два эти города (Там же. С. 175), а также с сомнением в достоверности фразы Святослава на основе отсутствия данных о торговле Чехии и Венгрии с Нижним Дунаем в X в. (Там же. С. 176). Но два главных наблюдения В.Б. Перхавко представляются абсолютно фундированными и соответствующими логике событий: «Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают в том, что древнерусский летописец, пользуясь главным образом устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как в нем, так и в Преславе Великом» (Там же. С. 172). «Летописец ясно назвал серединой всех владений Святослава (как восточнославянских, так и дунайских) именно Переяславец из-за его нахождения на перекрестке торговых путей между Русью и Византией» (Там же. С. 177).

188

Впрочем, последнее предприятие могло быть направлено на реанимацию прямых торговых связей Среднего Поднепровья с Востоком через восточнопонтийскую зону – как один из вариантов получения внешних доходов.

189

Игравший, кстати, существенную роль фактор при «выборе родины» в эпоху Великого переселения народов и на втором этапе движения викингов. Аргумент «от красоты» сыграл также немаловажную роль и для русских при «выборе веры», во всяком случае, по мнению автора «Сказаний» о Владимире и «Крещении Руси» (XI в.).

190

В этом аспекте характерно обращение к Богоматери, культ которой в это время был более распространен в Болгарии, чем в Византии (Очерки истории культуры славян. 1996. С. 328). Храм Богородицы Влахернской, где совершал молитвы Иоанн Цимисхий перед походом (Лев Диакон, 1988. С. 68), был, кроме того, связан с чудесным избавлением Константинополя от язычников-росов (по другой версии – сарацин) в конце IX – начале X в.

191

Хазары как этнос (и иногда как самостоятельная политическая сила) оставались в этом регионе, по крайней мере, до 1083 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л. 68 об.).

192

Население его, вероятно, имело интернациональный характер, так как, в отличие от Преслава (который, скорее всего, имеется в виду в начале статьи ПВЛ 971 г.), где «затворились Болгаре» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 21), сообщение печенегам о маршруте отхода Святослава с Дуная (то есть не из Преслава) «послаша Переяславци» (Там же. Л. 23).

Показательно, что, по сводке В.В. Седова, регион от Днестровского лимана до южной границы Добруджи оказывается не охваченным ни одной из культур, связываемых с известными на Балканах в это время этносами (болгарами, волохами, греками, венграми), оставаясь «белым пятном» (хотя памятники, совместно обозначенные как протоболгарские и славянские, здесь отмечены) (Седов, 1995. С. 266–267, рис. 75–76).

193

Показателен сам термин – «люди», а не «мужи» или «бояре». В последнем случае можно было бы предположить, что князя просила оставшаяся по какой-то причине без предводителя киево-русская дружина, «расквартированная», скажем, на Рюриковом городище, селах и погостах по Луге и Мете.

194

Если считать самообеспечение главной функцией державы Святослава, а его войско, «Дунайскую армию», самодостаточным и главным ее элементом, то по-иному представляется «вектор неверности» «сомнений… некоторых историков… в правдоподобности намерений князя Святослава перенести столицу древнерусского государства в летописный Переяславец на Дунае» (Перхавко, 1995. С. 176). Исходя из представлений М.П. Погодина, критерий правильности здесь не в том, что подразумевал летописец, указывая, что этот город – «средина земли моей», – все ли государство («Русь») или только Болгарию и даже… Добруджу, а в том, что, следуя логике М. Погодина, Святослав намеревался перенести не столицу, а все государство на Дунай.

195

В этом плане мы понимаем именно как разного рода «выплаты» (не обязательно дань), а не результат только торговли, чешское серебро и венгерских коней. Гипотез может быть много, но в борьбе с тогдашним царем Болгарии (в случае с Византией – на основании договора, отчасти это же верно и для Венгрии) Святослав объективно действовал в

интересах противника Германии – Болеслава Чешского и даже… Дании Харальда Синезубого. В данном случае «не работает» аргумент об отсутствии зафиксированных источниками торговых связей Нижнего Подунавья с Чехией и Венгрией (Перхавко, 1995. С. 176).

196

Приношу благодарность В.Я. Петрухину, который, не ставя в отдельных работах (Петрухин, 1997. С. 87) под сомнение локализацию части «Начального свода» в тексте НПЛ, подал идею о возможности отделения от него преамбулы, относимой целиком к XIII в.

197

Взяв дань с чуди, Мстислав «и да новгородцам две части дани, а третью часть дворянам» (НПЛ. С. 251).

198

Для правителей Болгарии после Бориса II и Святослава используется титул «монархос» (у Скилицы) и «самодержец» («автократор») в надписи Ивана Владислава (Тыпкова-Заимова, 1991. С. 143–144).

199

Об использовании этого титула в Вертинских анналах уже говорилось в гл. 3.

200

Иногда в качестве таких опорных пунктов использовались возникшие в эпоху «двухуровневой» государственности станы в зоне «полюдья» (Левенка, например, см.: Шинаков, 1986) и погосты – вне ее,

иногда племенные «грады» сжигались и на новом месте строились княжеские города (пара Искоростень – Вручий, например), иногда происходила социально-политическая трансформация «града» (Кветунь: Моця, 1988; Шинаков, 1987а). Порою происходил долгий процесс сосуществования «пар городов» с разными функциями (Гнёздово – Смоленск, Сарское – Ростов, Псков – Изборск, вероятно, Шестовицы (урочище «Коровель») – Чернигов, Левенка – Стародуб, позднее (с XII в.) Кветунь – Трубчевск, возможно, группа памятников в Брянске, см.: Шинаков, 1997). Литература последнего вопроса обширна и частично рассмотрена нами выше в историографической главе. В основном это противостояние точек зрения В.Я. Петрухина, Т.А. Пушкиной,

А. Е. Леонтьева, Е.А. Мельниковой и Л.В. Алексеева, И.В. Дубова,

В. А. Булкина.

201

Есть, впрочем, иная точка зрения на сидячие захоронения Шестовицкого некрополя (по крайней мере, в «камерах»), связывающая их с чисто скандинавским обрядом (Кольчатов, 1971; Лесман, 1981. С. 55).

202

Именно эта часть исследования нашла достаточно полное отражение в публикациях автора, в том числе в монографии (Шинаков, 1995а). В связи с этим изложение в данной работе полной археологической аргументации, включая обоснование дат и типологию артефактов, послуживших основой для исторических выводов, лишь усложнило бы понимание ее текста и нарушило логику изложения.

203

С точки зрения топонимики для Курского Посемья (Щавелев, 1996. С. 28–29). Обращает на себя внимание и высокая концентрация таких специфических артефактов скандинавского дружинного быта

X в., как зооморфные костяные острия, именно в данном регионе (3 экз.) и прилегающем к нему Верхнем и Среднем Пселе (Гочево и Горналь). См. об этом: Щавелев, 20026.

204

Впрочем, после присоединения к Руси именно Средний Псел (регион Сумы – селище Горналь (Белгородка-Николаевка) – Броварки), наряду со Средним Подесеньем (с центром в Кветуни), становится одним из главных этнокультурных центров Северы, откуда (до середины

XI в.) культурные импульсы распространялись на Верхний Псел, Сулу, Ворсклу, Сейм и Северский Донец (Шинаков, 1995а. С. 92. Рис. 3).

205

Есть салтовские материалы второй половины X в. на Среднем Пселе и в бассейне Ворсклы (Шинаков, 1991а. С. 90). При этом такая «дружинная деталь» костюма, как наборные пояса салтовского типа, сочетается с полным отсутствием предметов вооружения (Там же; Сухобоков, 1975. Рис. 85).

206

Аналогичная судьба ждала и роменские городища на Ворскле – Ницахи и Журавное, смененные на рубеже X–XI вв., уже при Владимире, расположенными рядом древнерусскими пограничными крепостями (Сухобоков, 1975; 1992; 2012; Шинаков, 1980а; Моця, 1993).

207

Возможно, возобновляется (после эпохи «Вантита»), но уже на новой государственной основе.

208

Было бы весьма соблазнительно видеть в полоцком князе, «пришедшем из-за моря», Рогнвальда, повелевшего «высечь руны» на камне в Упланде в память о своем пребывании в «Греции» в качестве «вождя дружины» (Херрманн, 1986. С. 49). Однако вряд ли «варяжская гвардия» в Византии была создана всего за несколько лет (которые потребовались бы Рогнвальду для возвращения из «Греции» в Швецию и затем для захвата власти в Полоцке) до 980 г. Не исключено, впрочем, что это мог быть предводитель одной из варяжских дружин, воевавших в Греции с князем Святославом.

209

Об этом свидетельствуют дружинные и скандинавские древности в Тимерёво и особенно в Михайловском, иногда интерпретируемом как «дружинный лагерь» и погост (Дубов, 1989. С. 126), причем наиболее богатые захоронения с мечами датируются именно второй половиной X в. (Станкевич, 1941. С. 77; Дубов, 1987. С. 126; Недошивина, 1991. С. 172–174). Об этом же говорят скандинавско-дружинные артефакты X в. на Сарском городище и пусть небольшой, но «дружинный лагерь» на другом берегу Сары (Леонтьев, Сидоров, Исланова, 1986. С. 7–8; Леонтьев, 1988. С. 14–15), хотя и датируемый более ранним временем.

210

Археология же свидетельствует (по клеймам на клинках франкских мечей) о связях Поволжья с Приладожьем и Новгородом, с одной стороны, и Волжской Болгарией – с другой (Дубов, 1989. С. 126), но не с Киевом.

211

Кстати, эта ситуация на Руси могла подтолкнуть Хаукаля, получившего новые сведения о ней в Мавераннахре или Нижнем Поволжье ок. 976 г. (Бартольд, 1963. С. 56), подтвердить более раннюю и отражающую иные реалии традицию описания «трех групп русов» у ал-Истахри (ок. 951 г.).

212

Именно во владениях Ярополка расположено большинство предполагаемых «дружинных лагерей» при городах, погостах и пограничных крепостях (Шестовицы, Сновск, Левенка, Леплява, возможно, Кветунь, не говоря уже о Киеве и Чернигове). Хотя значительное количество погребений в них датируется более ранним временем, все же большая их часть, особенно «камерные», падают на правление Ярополка и чуть более позднее время. Не исключено, что и часть захоронений в Гнёздово может принадлежать его дружинникам, предназначенным для борьбы с Владимиром Новгородским.

213

Как, впрочем, и ее конфликты с Чехией в середине 70-х гг. с точки зрения логики и последующих событий – борьбы за Краковскую землю. Именно занятость Болеслава II Жестокого войной с основным противником – Оттоном II в Чехии летом 977 г., разгром его естественного союзника Олега (возможного гаранта целостности восточных границ державы Болеслава) и выход на них союзного Германии (и потенциально – Польше) Ярополка было наиболее благоприятным моментом для Польши для начала борьбы за Краков. Эта, как показали последующие события, вполне реальная угроза целостности своей «империи» могла заставить Болеслава пойти на мир с Оттоном II и, возможно, включить в договор германское обязательство разовой военной помощи против Польши. Если поход 979 г. был реальностью, то именно он, в комплексе с захватом Владимиром Червенских градов в 981 г. и набегом йомсвикингов на г. Волин в 80-х гг., мог сорвать присоединение Кракова к Польше в те годы (Петрухин, 1995 а. С. 251). В юридической практике того времени подобные прецеденты имели место: участие немецкого отряда по Будишинскому миру 1018 г. в походе Болеслава Храброго на Русь. Кроме того, фактически не было случаев совместных выступлений Польши и Чехии против Германии. Скорее, было наоборот – если одна из этих славянских стран воевала с последней, то вторая либо сохраняла нейтралитет, либо пользовалась этим случаем для укрепления своих позиций в их борьбе друг с другом. Примеров последнего множество, а вот обратных в источниках фактически нет. Зато в них нашли полное отражение этнопсихологические симпатии польской верхушки (клира, по крайней мере) к Германии и немцам в целом и открыто неприязненное отношение к чехам (Галл Аноним, 1996. С. 396–397;

Щавелева, 1987. С. 48), что делает еще более маловероятными для Польши совместные с последними действия против первых.

214

Благо что Болеслав II, как и его отец, вряд ли был при этом отягощен соображениями религиозно-этического плана. Наоборот, породнение с языческим правящим домом расценивалось как один из способов христианского миссионерства и распространения вместе с тем влияния Чехии и Пшемысловцев. «Правоверная христианка… Дубровка» согласилась выйти замуж за Мешко I, стоило тому «объявить, что намерен отказаться от обычаев язычества и принять священное учение христианской веры» (Галл Аноним, 1996. С. 334). Что же касается русской стороны, то она имела «за спиной скандинавский опыт неоднократной смены вер в зависимости от места и обстоятельств» (Гуревич, 1966. С. 90). Для правителей «переходных периодов», «дружинных» и даже «ранних» государств смена вер вообще имела скорее политике-конъюнктурное, а не принципиально идеологическое значение.

215

См., например: Тарасау, 1997. С. 233.

216

Возможно «попутное» завоевание Самбии датскими викингами под руководством сына Харальда Хакона, если только это известие Саксона Грамматика заслуживает доверия (Х. Ловмяньский, например, так не считает: Ловмяньский, 1985. С. 119), а титул Харальда, включавший «Самбию» (Danische Rechte, 1938. P. 195), не был выражением более поздних претензий. Вряд ли случайно и созвучие «викинги» – «витинги» (в Пруссии) – «витязи». Каждый из факторов сам по себе может быть подвергнут сомнению, но все они вместе плюс увеличение скандинавских древностей в дружинных могильниках Самбии (Кулаков, 1994) показательны. Вряд ли является случайностью и поход Владимира (вероятного союзника Харальда Синезубого) в 983 г. на ятвягов – в тыл Пруссии.

217

Наиболее интересный набор монет (19) – от сасанидских драхм до англосаксонского денария и византийского милиарисия Константина и Ирины, разрезанные дирхемы с преобладанием саманидских (последняя дата – 953 г. – эмир Нух бен Наср: Толстой, Кондаков, 1897. С. 62). В Митьковке, наряду с дирхемами конца X в., встречены 12 сребреников Владимира и Святополка.

218

О наличии таких опознавательно-геральдических знаков у англосаксонских королей, от которых их могли перенять и датчане, говорится в «Саге об Олаве Святом» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 178).

219

Достаточно вспомнить разного цвета щиты и эмблемы у разных «полков» зулусских воинов, особенно «гвардии» Чака (Дэвидсон, 1975), включение в состав «орденов» Орла и Ягуара, пожалование «дворянских» привилегий лучшим воинам ацтеков (Гуляев, 1972. С. 138; 1982. С. 202), шкуры леопардов у воинов дворцовой гвардии в Бенине (Бондаренко, 1993. С. 155), золотые хвосты разных животных – от антилопы до слона – у военачальников разных рангов в Асантемане (Попов, 1990). Впрочем, последнее ближе не к корпоративной сплоченности, а к внутренней ранговой дифференциации, хотя престижно-психологический момент присутствует и здесь.

220

Что касается их планировки, то общим является кольцевая форма части укреплений площадки. Подобного типа населенные пункты, средние между крепостями пограничья, «дружинными лагерями» и погостами, возникавшими в конце IX в., объединяет достаточно оригинальный план: кольцевое городище отрезает длинный, узкий мыс, вдающийся в пойму (или петлю реки) и образующий «предградье»

(Шестовицы – Коровель, Гочево – «Царский Дворец», Левенка 1, 2, Леплява (?)). Датировки возникновения и гибели поселения в урочище «Коровель», как уже говорилось, остаются дискуссионными даже среди его исследователей. Кстати, широкие валы «королевских лагерей», близкие типологически схожим поселениям Древней Руси, в корне отличались от деревянных стен вика Хедебю.

221

В этой связи примечательны и аналогичные по форме, но противоположные по смыслу сведения литовских источников о дани литовцев Руси «вениками и лыком» (Хроники Быховца, 1975. Л. 17). Поэтому становится вероятным, что цели присоединения земель были не только экономические (как позднее, во время русско-христианской «колонизации» Прибалтики), но и политико-престижные. Возможны также попытки сомкнуть границы Руси с другими «цивилизованными» странами, разделив между собой пограничные «дикие» народы (поход на ятвягов в 983 г.).

222

В 997 г., судя по фразе «он приплыл во владения Вальдамара конунга», «осаждал» и «взял», «разрушил и сжег весь город» Альдейгью-борг (Снорри Стурлусон, 1980. С. 152), последний принадлежал великому князю. Отдельный княжеский стол Рюриковичей там не возник, так как в перечне городов, где были посажены сыновья Владимира, Ладога не упоминается. О принадлежности ее к «домену» косвенно свидетельствует «Сага об Олаве Святом»: полученная Регнвальдом в лен от княгини Ингигерд округа Ладоги названа «ярлством», а не княжеством (Джаксон, 1994. С. 75).

223

На создание этой версии могло повлиять «Житие Стефана Сурожского», в котором действует также новгородский по происхождению князь, фигурирует взятие греческого города в Крыму,

недуг, ниспосланный князю за святотатство, чудесное исцеление и обращение к Богу (Материалы... 1985. С. 264).

224

Из не столь давних работ по этому поводу см.: Гол б, Прицак, 1997. С. 42–43 и комментарий там же В.Я. Петрухина (С. 203, например).

225

Впрочем, в Европе того времени чаще практиковалось предоставление военной силы в качестве приданого невесты мужу, а не наоборот, как выкупа жениха (вена) за невесту (Анну, см. в данном случае: Любарский, 1978. С. 266). На рубеже X–XI вв. в ближайшем окружении Руси было несколько таких случаев. Принцесса Гизела не только «крестила» своего жениха Иштвана в 996 г., но и привела к нему в качестве приданого баварских рыцарей (Жемличка, Марсина, 1991. С. 181–182). Ингигерд, невесту Ярослава, сопровождал в «Гарды» отряд варягов ярла Регнвальда (Джаксон, 1994. С. 74–78); Казимир «восстановил» Польшу с помощью немецких рыцарей своей матери (помощь хотя и не со стороны жены, но вдовы отца) и дружинников из «приданого» Марии-Добронеги («Великая хроника»... 1987. С. 70; Галл Аноним, 1996. С. 347; ПСРЛ. Т. 1. Л. 52–52 об.).

226

Эта идея применительно к Курскому Посемью наиболее обоснованно была высказана Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1979. С. 47). Об этом см. также: Шинаков, 1980а. С. 131–133.

227

«Придоша по оной стороне от Суды» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 42). Кстати, и в 1185 г. уже половцам все же удалось взять «города по Суде», но с тыла, тайком («отайы»), от Переяславля (Там же. Л. 136).

228

«Пачинакия… к Херсону очень близка, а к Боспору еще ближе» (Константин Багрянородный, 1991. С. 157).

229

«Полюдье» становится просто одной из разновидностей дани, собираемой, вероятно, с бывших станов на пути его сбора, где кормился княжеский «поезд», либо с тех населенных пунктов, которые должны были снабжать его продуктами питания. В Польше времен Болеслава Храброго «путешествия по стране» (аналог «полюдья») еще сохраняли свое значение для содержания дружины и осуществления ее административно-судебных функций (Галл Аноним, 1996. С. 341).

230

Варианты социальной идентификации «мужей», с учетом более поздних летописных известий, приведены А.А. Горским (Горский, 1989. С. 48–49).

231

Вряд ли, судя, правда, по более поздним данным, их отряды были многочисленны. Так, в 1071 г. в Белоозере с целью сбора дани был один боярин (Ян Вышатич) с 12 отроками и «советником по идеологии» (священником). Срок пребывания отряда ограничивался периодом сбора дани, решением возникших правовых конфликтов (мятеж «волхвов») и судом над смердами своего князя. Но даже такой небольшой отряд дружинников, во-первых, был достаточен для подавления восстания, в котором участвовало 300 человек, а во-вторых, был настолько обременителен в плане прокорма для горожан (ср. нормы питания по «Покону Вирному»), что угроза Яна остаться «на лето» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 59–59 об.) заставила их быстро выловить бежавших в леса после военного разгрома восстания двух волхвов – его зачинщиков. В этом эпизоде примечательны также два момента. Это

спорность права суда дружинников над смердами даже своего князя (Там же. Л. 59 об., 60) и наличие на Волге, вблизи Ярославля, «погоста» (какого-то из трех археологически известных комплексов), в котором в тот момент находились «лучшие жены» (Там же. Л. 59). Отсутствие мужей-дружинников может быть объяснено их участием в каком-либо ином княжеском мероприятии. И еще: конкретная личностная (частновладельческая) принадлежность смердов (точнее, пункта их проживания) не зависела от того, чьей (какого именно князя) волостью с правом сбора дани являлась на тот момент территория их локализации.

232

Имеется в виду переселение последнего древлянского князя Мала из его бывшего княжества в г. Любеч к северу от Киева. «Милостни-ца Ольжина» Малуша, дочь «Малко Любечанина», стала наложницей Святослава Игоревича и родила ему будущего реформатора Руси Владимира.

233

Об этом для Подесенья, радимичей, вятичей и северян см.: Шинаков, 1995а. С. 73, 77–79, 82–83; 1997. С. 11, 15.

234

ПСРЛ. Т. 2. Л. 45 об., 46.

235

Имеется в виду ядро державы Игоря в Среднем Поднепровье, названное Константином Багрянородным «Росией». В XI–XII вв. эта территория называлась «Русской землей» и являлась первоначально основной частью «домена» Рюриковичей.

236

Имеется в виду крестьянское восстание 1035–1039 гг., уничтожившее значительную часть дружины, знати и духовенства, распад Польши, бегство малолетнего князя Казимира к родственникам в Саксонию, его уход в монастырь Клюни под Парижем, вторжение чехов и взятие ими столицы Гнезно, захват ими Силезии, отпадение Мазовии и т. д. (Великая хроника… 1987. С. 69–70).

237

Ярослав совершил туда два похода, помогая своему новому родственнику Казимиру I Восстановителю вернуть эту область в состав Польши (по ПВЛ, в 1147 г.). «Ярославъ иде на Мазовшаны и победи я и князя их уби Мечислава и покори я Казимеру» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 57 об., 58). Польские источники (впрочем, по вполне понятным причинам) приписывают победу над «Мечиславом» Мазовецким самому Казимиру, а убийство этого князя – или его обозленным поражением бывшим союзникам – пруссам (Великая хроника… 1987. С. 70), или самому Казимиру (Галл Аноним, 1996. С. 347–348).

238

О том, что, отдав территорию Мазовии Польше, Ярослав переселил на Русь часть мазовшан (возможно, военнопленных и тех, кто по политическим соображениям не хотел возвращаться под власть Казимира) и их соседей ятвягов (поход на которых был в 1038 г.), свидетельствуют данные археологии и топонимики. При раскопках в Брянске обнаружена керамика так называемого «мазовецкого типа» и оружие западнославянского происхождения (Шинаков, 1997. С. 14; Заверняев, 1978). В этой связи вряд ли случайным может оказаться совпадение названий деснинского «Брянеска» и польского Бранска, возникшего в конце X – начале XI в. (см.: Stankiewicz, 1997; Славянский средневековый город, 1997. С. 369) на пограничье Мазовии и земли ятвягов, будущей «Черной Руси». В свою очередь, и в центре Польши образовалась в начале XI в. «колония» переселенцев из Руси, в основном воинов, в том числе «русифицированных варягов» (Яжджевский, 1978. С. 213–217).

239

Это либо 1061 г., если здесь использован ультрамартовский или сентябрьский стиль, либо 1062 г. в случае применения мартовского стиля.

240

Отметим только некоторые работы, целиком или в значительной степени посвященные данной проблематике: Голубовский, 1884; Стороженко, 1800; Ляскоронский, 1905. С. 70–78; Спицын, 1899. С. 156–160; Плетнева, 1958. С. 153–156; 1976; 1990; Федоров-Давыдов, 1966; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981; Моця, 1979. С. 27–36; Тайди, 2005.

241

Плетнева, 1982. С. 65, 64. В этой связи дополняет последнюю часть высказывания ученой и несколько противоречит ее первой части (о второй стадии кочевания) фраза из более поздней книги С.А. Плетневой: «С самых первых лет появления орд торков и печенегов в пределах русского пограничья кочевники вынуждены были резко изменить свою экономику, фактически перейдя от кочевания к оседлому пастушеству» (Плетнева, 1990. С. 82).

242

Центром миссионерской деятельности среди «черных клобуков» стала Юрьевская епархия, созданная, как предполагают, еще при Ярославе Мудром для поселенных на р. Роси польских пленных (Орлов, Моця, Покас, 1985. С. 50). О ненасильственном характере русско-православной христианизации иных народов см., например: Шинаков, 2000е. С. 144–148.

243

Имеются в виду статьи 50–53, 56–62, 110–111 Пространной редакции Русской Правды.

244

Имеются в виду земли крайнего Юго-Востока Руси за основной оборонительной линией по р. Сула и в округе Курска (Шинаков, 1980а; 1991а).

245

Типы женских «племенных» украшений конца X – середины XII в., генетически восходящие к более ранним аналогичным деталям женского костюма ромейской культуры (см.: Шинаков, 1980б. С. ПО–127; Щапова, 1988. С. 62–63).

246

«А... Радимичи и Вятичи и Северо один обычай имяху... Си же обычаи творяху и Кривичи, и прочий поганий, не ведуще закона Божия» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 6 об.). Здесь подчеркивается не только этнокультурное единство или схожесть этих четырех племен (или их объединений), но и то, что их специфика определяется именно языческим наследием.

247

Щавелев, 2001. С. 83–90; 2002. С. 19. Автор называет этот процесс «челночным маневром» части населения по оси «кривичи – северяне», причиной которого были усиление «внешней опасности или активизация политогенеза» на одном из ее концов.

248

Из последних работ об этом см.: Щавелев, 2000. С. 13–25.

249

Генрих Латвийский, 1996. С. 251. Речь идет о событиях 1212 г., когда Владимир Полоцкий одобрил подчинение ливов Рижской церкви в обмен на сохранение права сбора с них дани за Полоцком.

250

Голяжье находится на Десне всего в 15 км от древнерусского Брянеска, Голешовка – на р. Судость в окрестностях Радоша. И тот и другой регионы являются пограничными между собственно черниговскими и новгород-северскими территориями. Форма названий говорит об их возникновении именно как сел, то есть частновладельческих крупных сельских (чаще «подгородных») поселений.

251

Имеются в виду не только описанные выше войны Владимира Святого и Ярослава Мудрого с Польшей и Мазовией, но и захваты мирного населения в ходе оказания «помощи» отдельных русских князей тому или иному польскому правителю в середине XII – начале XIII в. «В ту же зиму (1142 г. – *Е. Ш.*) посла Всеволодь сына своего Святослава и Изяслава Давыдовича с Володимеромъ с Галицким в помочь Володиславу на братью его на меншюю на Болеславиче... и воевавше воротишася боле вземше мирных Ляховъ нежели ратны» (ПСРЛ. Т. 1. Л. 108–108 об.). «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях» существенно дополняет Лаврентьевскую летопись указанием на размах действий русских союзников Владислава II: Сандомир, Мазовия, окрестности осажденной Познани в Великой Польше. Аналогично поступил в 1211 г. и Лешек Краковский, «помогая» русским князьям против общины Галича, возглавленной боярином Володиславом: «взя плен великъ и воротися в Ляхы» (Там же. Т. 2. Л. 249).